

ИСТОРИЯ ИЗРАИЛЯ

От истоков
сионистского движения
до интифады начала XXI века

АНИТА ШАПИРА

Победитель National Jewish Book Award

Анита Шапира

История Израиля. От истоков сионистского движения до интифады начала XXI века

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69510613

*История Израиля. От истоков сионистского движения до интифады начала XXI века: КоЛибри, Азбука-Аттикус; Москва; 2023
ISBN 978-5-389-23852-7*

Аннотация

Эта книга, написанная одним из наиболее значимых израильских исследователей национальной истории и культуры, представляет собой многогранную историю Израиля – от истоков сионистского движения в конце XIX века до начала 2000-х гг.

«Израиль – это история успеха глобального масштаба; это жизнеспособное, динамичное общество с развивающейся экономикой и наукой, получившее международное признание, находящееся в авангарде исследований, это радикальная демократия с крайней свободой слова и смелыми и агрессивными средствами массовой информации, которые без колебаний раскрывают все слабости правительства... Израильская культура богата, многогранна, инновационна и постоянно обновляется, в ней происходят столкновения между высокой и популярной культурой, европейской и американской культурами и культурой

мизрахи, светской и религиозной еврейской культурой и так далее – все это отражает мозаику культурной жизни. Великая сионистская авантюра была и остается одной из самых удивительных попыток, когда-либо предпринимавшихся при построении нации: происходящей демократическим путем, без принуждения граждан, во время непрекращающейся экзистенциальной войны и без утраты моральных принципов, которыми она руководствовалась». (Анита Шапира)

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

I		10
1		10
	Еврейское Просвещение	16
	Неудача и предательство	30
	Новый еврейский национализм	35
	Герцль и зарождение сионизма	41
	План Уганды и территориализм	55
2		60
	Палестина в XIX веке	60
	Эмигранты и иммигранты: обзор	64
	Сельскохозяйственные поселения 1882– 1904 годов	74
	Вторая алия и зарождение характера пионеров	94
	Евреи и их соседи	117
	Формирование национальной культуры	120
II		138
3		138
	Декларация Бальфура	145
	1918–1929 годы	156
	1929–1939 годы	163
	1939–1948 годы	183
	Наследие мандатного периода в палестине	197

4		208
	Эмек и развитие сельских поселений	218
5		241
6		268
	Коллективное против индивидуального	278
	Развитие особой культуры ишува	289
III		310
7		310
	Арабское вторжение	326
8		357
	Консолидация государственной власти	375
	Становление израильской демократии	391
	Сосуществование индивидуализма и коллективизма	405
9		417
10		446
	Мизрахи и старожилы Израиля	459
	Сельскохозяйственные поселения и развитие городов	467
	Факторы социализации: школа, армия, политика	488
11		497
	Символы государственности	503
	Молодежная культура и «государство Бен- Гуриона»	511
	Израильское общество, смысл прошлого и	523

память о холокосте	
12	543
Международная изоляция и поиски союзников	559
Синайская кампания и ее последствия	566
Вода, развитие страны и политика	578
IV	589
13	589
14	615
15	653
16	681
V	711
17	711
Первый срок Бегина и Кэмп-Дэвидские соглашения	718
Начало второго срока: ливанская война и преобразование израильского общества	756
18	784
Интифада	828
19	847
Мирный процесс	859
Израиль в 1990-е годы	907
Предварительные итоги	945
Благодарности	960
Библиография	963
Фотографии	1039

Анита Шапира История Израиля. От истоков сионистского движения до интифады начала XXI века

*Для моих внуков Надава, Ноама, Итая, Таля и
Майи, чтобы они могли узнать Родину*

Anita Shapira
ISRAEL
A History

Впервые опубликовано издательством Weidenfeld &
Nicolson, Лондон

© Anita Shapira, 2012

© Reuven Soffer, maps, 2012

© Печенин И. В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2023

КоЛибри®

Книга, написанная выдающимся израильским историком, проясняет взгляд арабов на Арабо-израильскую войну 1947–1949 гг. и многие другие события, которые представляют собой важные части истории Израиля – от истоков сионистского движения в 1890-х гг. до интифады 2001 г. Здесь отражено как все многообразие и культурное богатство нации, так и ее борьба за выживание.

Jewish Week

Автор мастерски проливает свет на сложные темы и побуждает читателей размышлять над ними...

Jewish Review of Books

Ясное изложение основных вех истории Израиля.

Jerusalem Post

Во многих отношениях важное, исчерпывающее и глубоко продуманное исследование израильской истории.

Financial Times

Эта увлекательная книга, безусловно, представляет собой ценный вклад в изучение предмета. Блестящий рассказчик, автор дает представление о сложностях,

характерных для Израиля и его истории.

BBC History Magazine

I 1881–1918

Сионизм: идеология и практика

1 Возникновение сионистского движения

«В Базеле я основал еврейское государство, – написал Теодор Герцль в своем дневнике после Первого сионистского конгресса в 1897 году. – Если бы я сказал это сегодня прилюдно, меня бы встретил всеобщий смех. Возможно, через пять лет, и уж точно через пятьдесят, наверняка все это поймут»¹. В действительности между Первым конгрессом и Декларацией независимости Государства Израиль 14 мая 1948 года прошел 51 год. То, что начиналось как мимолетное устремление, самые ярые сторонники которого никогда не верили, что цель основания еврейского государства в Палестине будет достигнута при их жизни, стало настоящим национальным движением, которое сформировало общество,

¹ *Herzl T. The Diaries of Theodor Herzl / M. Lowenthal (trans.). New York: Grosset & Dunlap, 1962, p. 224.*

нацию и построило государство.

Сионистское движение зародилось на фоне бурных споров, которые не прекращаются и по сей день, хотя предмет разногласий меняется. Что такое сионизм вообще? Движение возрождения, направленное на трансформацию евреев, еврейского общества, еврейской культуры? Колониальное движение, направленное на создание еврейского территориального образования, которое предоставило бы евреям то, что есть у других народов: родину, где они могли бы найти убежище? Духовное или политическое движение? Может ли сионизм решить вопрос о еврейской идентичности в эпоху растущей секуляризации и аккультурации, когда религия больше не может уберечь евреев от растворения среди других народов? Может ли он облегчить еврейскую экзистенциальную тревогу, нараставшую с последней четверти XIX века, когда возник расовый антисемитизм, впервые в истории отказавший евреям в возможности обращения в иную веру в качестве побега от еврейской судьбы? Эти вопросы, которые с самого начала были связаны с внутренними сионистскими спорами и были заданы сторонниками движения, имели судьбоносные последствия для характера и развития сионизма, его сильных и слабых сторон.

В то же время вокруг сионистского движения разгорелась еще одна полемика, разжигаемая его противниками. Они показали все слабости сионизма, все его идеологические и практические недостатки. В 1881 году доктор Иегу-

да Лейб Пинскер² опубликовал брошюру под названием Auto-emancipation («Автоэмансипация»). Она написана после волны погромов, обрушившихся на евреев в черте оседлости царской России (погромы стали известны как Суффот ба-Негев³, «Буря на юге России»). Пинскер глубоко проанализировал антисемитизм и в заключение призвал к созданию еврейской Родины: места, где евреи будут жить не как гости, а как хозяева, больше не будучи меньшинством среди других народов. Обладание территорией, на которой евреи стали бы хозяевами своей судьбы, радикально изменило бы сложные отношения, существовавшие на протяжении поколений между евреями и народами, среди которых они жили.

Эта скромная брошюра, опубликованная на немецком, а затем переведенная на иврит и другие языки, вызвала широкий общественный резонанс. Противники идеи Пинскера высказали ряд возражений. Реализуема ли идея? Если да, сколько времени потребуется для создания этого независимого или автономного еврейского образования? Адольф Ландау, редактор еврейского русскоязычного журнала «Восход», предположил, что это займет несколько столетий. Но тем временем история уйдет вперед, и было бы гораздо разумнее направить усилия на создание либерального и про-

² Известный также как Лев Семенович Пинскер. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

³ Здесь и далее термины на иврите и идише будут подаваться кириллицей, кроме некоторых случаев.

священного общества в Европе, которое будет принимать евреев как часть общества с равными правами, вместо того чтобы тратить усилия на какой-то отдаленный уголок на Ближнем Востоке или где-либо еще, где никто не может гарантировать евреям долгосрочную безопасность и даровать им мир и спокойствие, к чему они стремятся. В отличие от идеи изоляции евреев от европейского сообщества Ландау провозглашал идеалы просвещения и модернизма, рисовал оптимистическую картину все улучшающегося мира. Он утверждал, что спасение евреев будет частью этого всеобщего прогрессивного движения и случайные пертурбации прогресса не должны заслонять собой происходящий великий решительный поворот⁴.

Хотя эти споры касались разных вопросов, основной из них не изменился с первых дней существования сионистской идеи: произойдет ли спасение евреев в результате всеобщей перестройки – либо через триумф либерализма и демократии, либо через победу коммунистической революции, которая спасет мир, – или для этого потребуется собственная еврейская инициатива помимо великой глобальной инициативы? Другие участники споров сомневались в самой возможности осуществить сионистский проект, поскольку османский режим выступал против иммиграции евреев и их посе-

⁴ Ketavim letoldot Hibbat Tzion (Записки по истории «Ховевей Цион»). Vol. 3. / Ed. A. Druyanov. Odessa, Tel Aviv: Committee for the Settlement of the Land of Israel, 1932, p. 451–457.

ления в Палестине. Палестина не была необитаемой страной. Здесь проживало около полумиллиона арабов. Что сионистам делать с ними? Вытеснить их или позволить остаться? Будут ли они объявлены чужаками на своей родине? И если сионисты не делали различий между ними и новыми иммигрантами, кто мог гарантировать, что со временем евреи не станут меньшинством в своей собственной стране и снова окажутся в той же ситуации, от которой пытались бежать?

В то время как либеральных евреев заботили проблемы целесообразности, еврейских революционеров волновала моральная сторона вопроса: предположим, полагали они, что, вопреки вероятности, евреям удастся застолбить эту бедную, экономически отсталую страну без природных ресурсов, неспособную принять миллионы иммигрантов. Будет ли морально оправдано превращение арабов из хозяев земли в меньшинство?⁵

Антисионистский дискурс касался не только вопроса, что возможно и что желательно; он также включал религиозный аспект. Пинскер, а затем Герцль не рассматривали Палестину в качестве единственно возможного местоположения предполагаемого еврейского государства, но упоминали об этом. Однако как только идея оформилась, в сознании еврейских масс она оказалась связана только с одной страной: Землей Израиля, о которой они молились и о которой мечта-

⁵ См., напр.: *Epstein Y. She'ela ne'elama* (Скрытый вопрос) // *Hashiloah*, 17, 1907; *Hillel Z. Hazman*. Vol. 3, July-September 1905.

ли, даже если не пытались вернуться и поселиться там. Идея возвращения на Родину была присуща сионистской идеологии. Ее критики утверждали, что связь с Землей Израиля основана на религиозном мифе и что светский еврей не должен принимать концепции святости земли, «обновления дней наших как древле»⁶ и другие подобные идеи, проистекающие из иудейской веры. Однако для ультраортодоксальных евреев идея возвращения евреев на свою родину противоречила судьбе, уготованной им. Для них такой поступок противоречил трем клятвам, которые еврейский народ дал Всевышнему: не осаждать стену, не спешить с концом и не восставать против народов мира, в то время как Всевышний заклинал народы мира не уничтожать еврейский народ⁷. Они рассматривали неестественную, самостоятельную попытку возрождения как восстание против божественных велений, как если бы евреи взяли свою судьбу в свои руки, не ожидая пришествия Мессии. Исходя из этого, ультраортодоксальные евреи категорически выступили против этой опасной ереси.

Таким образом, оппозиция сионизму объединяла множество различных групп: ультраортодоксов и ассимиляторов, революционеров и капиталистов, мечтателей и прагматиков. Среди тех, кто выступал против этой идеи, были те, кто считал, что наилучшего решения «еврейского вопроса» можно

⁶ Плач Иеремии / Эйха 5:21–5:22. Здесь и далее названия глав Ветхого Завета (Танаха) даются как на русском, так и на иврите.

⁷ Вавилонский Талмуд. Трактат Кетубот, 111.

добиться только во всемирном масштабе. Другие противники уже имели статус равноправных граждан в странах проживания и не хотели его утратить. Были и те, кто считал сионизм либо слишком революционным, либо чрезмерно консервативным.

Еврейское Просвещение

Несмотря на то что евреи обычно выражали в своих молитвах надежду вернуться в Иерусалим по три раза на день, они не были склонны брать на себя какие-либо инициативы, чтобы изменить условия своего существования, длившиеся веками. Подавляющее большинство евреев проживали в Европе и смирились с реальностью периодических вспышек насилия, унижений и дискриминации. Что же тогда изменилось в XIX веке, что привело к появлению сионистской идеи?

Во второй половине XVIII века модернизация начала проникать на еврейскую улицу, поскольку абсолютистские государства подорвали старый европейский социальный порядок корпоративного общества, в котором каждая корпорация была автономной и могла поддерживать свою традиционную жизнь и культуру. На протяжении сотен лет евреи составляли корпорацию в европейском сообществе и пользовались автономией в рамках кагала (общины), своего рода самоуправлением, при котором любой, кто не соблюдал

общепринятые религиозные законы и правила социального поведения, мог подвергнуться остракизму. Таким образом, евреи сохранили четко определенную еврейскую идентичность в соответствии с галахическим законом и традиционными социальными нравами. Однако абсолютистские государства ввели систему прямого правления, аннулировав посредников между ними и их подданными. Власть кагала была упразднена, и структура, которая сохраняла традиционную еврейскую идентичность – добровольно или по принуждению, – рухнула. Перед евреями открылись новые возможности.

Эти процессы начались в Западной Европе и медленно проникали на восток, где в начале XIX века произошла демографическая революция: еврейское население увеличивалось в несколько раз быстрее, чем население в целом. В 1800 году в Российской империи проживало от 1 до 1,2 миллиона евреев, а к концу века их было около 5 миллионов. Этот огромный естественный прирост создал из первоначально незначительной проблемы весьма острую: евреи не говорили на местном языке и не отправляли своих детей в школы своей страны. Они жили в основном в Польше, Западной Украине и Литве, зарабатывали на жизнь ремеслами, мелкой торговлей и сталкивались с надвигающейся бедностью. Многие искали средства к существованию в больших городах, но в связи с усиливающимися процессами модернизации и индустриализации, в которых они не способны были участво-

вать, они и там оказывались обречены на продолжающуюся бедность и безысходность. Таким образом, они стали маргинальным элементом населения.

Император Австрии Иосиф II издал серию *Toleranzedikten* (Эдиктов о веротерпимости) в 1781 году (для евреев Богемии)⁸ и в 1782 году (для евреев Австрии), благодаря которым для евреев империи Габсбургов открылись невиданные ранее возможности образования и экономического развития. Соответственно, зародились первые ростки еврейского просветительского движения. Среди прочего император стремился привнести прогресс и в то, что называлось «продуктивизация» еврейских масс, модернизируя их и превращая в полезных граждан, которые были частью местной экономики и культуры. Изучение местного языка и светское образование были краеугольными камнями этого движения.

В 1860-х годах политика царя Александра II привнесла эти тенденции и в Российскую империю, а секуляризация создала целую прослойку евреев, которые в той или иной степени отошли от еврейских традиций: некоторые поддерживали традиции в семье, но вели себя как неевреи за ее пределами. («Будь евреем в шатре своем и человеком, выходя из него»⁹, – писал Иегуда Лейб Гордон¹⁰, поэт эпохи Просвеще-

⁸ Эдикт о веротерпимости 1781 г. касался некаатолических христианских конфессий. Но в этом году также были изданы другие законы, уравнивающие права евреев с остальными жителями Австрийской империи.

⁹ Из стихотворения *Nakitza ami* («Пробудись, мой народ!») // *Kitvei Yehuda Leib Gordon* (Собрание сочинений Иегуды Лейба Гордона). Poetry volume. Tel Aviv:

ния¹¹.) Другие, за исключением минимального соблюдения еврейских праздников, не считали себя евреями, а многие обратились в христианство.

До начала XIX века евреи считали себя народом, хотя и в диаспоре, без территории и суверенитета. В еврейском сознании изречение «все евреи ответственны друг за друга» означало гораздо больше, чем просто религиозную принадлежность. Еврейская община подразумевала двойственную идентичность религиозной и этнической принадлежности, тем более что на протяжении веков обращение в иудаизм было запрещено в христианских и исламских странах. Солидарность, существовавшая среди еврейских общин во времена гонений, – скажем, выкуп заключенных или борьба с кровавыми наветами (в Дамаске в 1840 г.) или попытки изгнания евреев (например, совершенные императрицей Марией Терезией в Праге в декабре 1744 г.), против которых выступали вместе евреи из разных стран¹², – укрепила в этих сообществах чувство близости и общей судьбы. До тех пор пока не была подорвана традиционная идентичность, никогда не

Dvir: 1959, P. 17.

¹⁰ Он же Лев Осипович Гордон.

¹¹ Имеется в виду еврейского Просвещения.

¹² *Avineri S. Statecraft without a State: A Jewish Contribution to Political History? // Kontexte der Schrift I* (2005), p. 403–419; *Minha le Menahem: kovetz ma'amarim likhvod harav Menahem Nacohen* (Юбилейная книга в честь раввина Менахема ха-Коэна) / Ed. H. Amit, A. HaCohen, H. Beer. Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 2007. p. 269–283.

возникал вопрос о разделении религиозного и национально-го. Но как только подул ветер секуляризации, религиозная связь ослабла, и возникли вопросы относительно характера еврейской идентичности: кто такие евреи? У них есть только общая религия или существует отдельная еврейская национальность?

Французская революция предоставила евреям равные права при условии, что они откажутся от своей коллективной идентичности. Как заявил Клермон-Тоннер в Национальном собрании Франции: «Евреям как личностям – все. Евреям как нации – ничего». Это была цена, которую евреи должны были заплатить за равноправие. Наполеоновские войны сломали барьеры европейского консерватизма и привели к распространению националистического сознания и появлению националистических устремлений по всему континенту. Многонациональные империи, такие как Габсбургская и Российская, оказались под натиском национальных движений. В Польше, Чехословакии, России, Германии и Италии они начинались как движения культурного обновления, рожденные желанием вернуться к культурным корням нации, возвращать национальный язык, литературу, музыку и искусство. Каждая национальная культура включала в себя связь с той или иной разновидностью христианства: русский и сербский национализм был связан с православием, тогда как польский национализм был замешан на католицизме.

Появление национализма бросило евреям двойной вызов:

во-первых, должны ли они стать националистами тех стран, в которых они жили, или они должны оставаться верными великим империям? Во-вторых, в то время как народы Европы обретали национальную идентичность, евреи были обязаны отказаться от своей коллективной идентичности в качестве необходимого условия для получения равных прав. Границы еврейской общины, которые до этого были четко разграничены, стали размытыми: отдельные евреи стали теперь полновластными хозяевами своей личности и судьбы, и в значительной степени они могли распоряжаться собой по своему усмотрению. Евреи в западных странах с энтузиазмом принимали равные права, которые считали ключом к аккультурации в нееврейском обществе. Многие не собирались отказываться от своей еврейской идентичности, но просто определяли ее по-другому. Таким образом, возник парадокс: в эпоху усиливающейся секуляризации самоопределение евреев оказалось связанным с религией: немцы иудейской веры, французы иудейской веры и т. д.

Это самоопределение впервые провело различие между еврейской религией и национальностью. Евреи верили, что эмансипация, открывшая перед ними прогрессивное будущее, которое включает образование, новые занятия, географическую, социальную и экономическую мобильность, приведет к избавлению от изгнания, как описал Иехезкель Кауфман, проанализировавший еврейские политические тече-

ния¹³. Стремление к ассимиляции представляло собой движение под знаком мессианства, рассматривало интеграцию в странах, где жили евреи, как правильный путь, движение возрождения и было господствующей тенденцией в первой половине XIX века.

В течение столетия эмансипация была завершена как в Западной, так и в Центральной Европе, но остановилась на границе Российской империи. В результате раздела Польши в конце XVIII века эта империя теперь располагалась большим еврейским населением, и на протяжении XIX века ее правители пытались обратить евреев в свою веру с помощью указов и давления, а также реформировать их, то есть сделать их более полезными для государства. Попытки сделать евреев более продуктивными включали как общее образование, так и обучение русскому языку, а при Александре II им была предоставлена возможность посещать среднюю школу¹⁴. Император также был более благосклонен к евреям, жившим вне черты оседлости¹⁵. Но после убийства Александра II в 1881 году маятник снова качнулся в сторону политики запретов и ограничений, и еврейская эмансипация была достигнута в России только в 1917 году, с Февральской

¹³ Kaufman Y. Golah venekhar (Изгнание и отчуждение). Tel Aviv: Dvir, 1962.

¹⁴ Евреям и раньше было разрешено обучаться в гимназиях и других учебных заведениях, однако при Александре II в разы увеличилось количество учеников среди еврейских детей.

¹⁵ Черта оседлости включала в себя территории современных Литвы, Белоруссии, большей части Украины, Крыма, Молдовы, а также Польши.

революцией.

Поэтому неудивительно, что некоторые восточноевропейские евреи с подозрением и враждебностью отнеслись к своим братьям, поднявшим знамя Просвещения, увидев в них правительственных эмиссаров, стремящихся обратить в свою веру. Но как только возникло еврейское светское образование, его уже было не остановить. Потребовалось время, чтобы проникнуть в еврейские массы Восточной Европы, поскольку большинство из них придерживалось традиций, но еврейская жизнь постепенно открывалась для внешних влияний, и в царской России сформировалась еврейская экономическая элита, принявшая современный образ жизни.

Как отмечалось ранее, первоначальным проявлением национализма в Европе было культурное возрождение, возвращение к национальным культурным истокам на местных языках, воссоздание классических произведений на этих языках и создание нового романтического культурного корпуса, который дал бы выражение устремлениям народа. Европейский национализм видел неразрывную связь между культурным наследием народа и его правом на политическое самовыражение, поскольку культурное наследие было доказательством того, что народ достоин принятия в семью наций. Романтизм привел к впечатляющему росту культуры, особенно в национальной литературе. После Наполеоновских войн русская элита восприняла язык своего народа

как язык культуры, и появилась русская литература. Работы Гёте и Шиллера в Германии, Мицкевича в Польше и многих других представляли сообщества, связанные языком и литературой, которые выражали и даже поощряли национальные устремления. По самой своей природе национализм был светским движением, превозносившим человеческую свободу и стремление к самоопределению. В то же время во всех этих национальных произведениях использовались религиозные символы.

Эти духовные и политические течения пронизывали и еврейские общины. Были евреи, обращавшиеся к общей культуре страны, где они жили, и принимавшие ее. Но другие привнесли романтические принципы на еврейскую почву. Таким образом, стремление изучать классические источники национальной культуры на своем собственном языке проявилось в создании светской еврейской культуры. Авраам Мапу, литовский еврей, опубликовал свой исторический роман *Ahavat Zion* («Любовь к Сиону») в 1853 году. Книга, действие которой происходит в Иерусалиме во времена Первого Храма, представляет Иерусалим как земной, а не небесный город. Хотя Мапу был далек от витавших в воздухе националистических идей, его использование священного языка¹⁶ для этой светской книги было выражением влияния ев-

¹⁶ Здесь автор имеет в виду, что текст был написан на иврите, который вплоть до начала XX в. считался языком религиозных текстов и молитв, в отличие от разговорного идиша.

ропейского романтизма на евреев, которые теперь были открыты влиянию светской культуры.

Еврейское Просвещение, проявившееся в литературе, поэзии, философии, грамматике и автобиографии, заложило культурные основы для процветания еврейских националистических идей. Библия¹⁷, красота которой на протяжении поколений была скрыта под покровом традиционных комментариев, теперь ожила благодаря изучению грамматики, так что каждый образованный читатель мог понять ее текст. Эта доступность привела к тому, что Библия стала известна образованной еврейской общественности, где она приобрела статус, аналогичный тому высокому статусу, который занимала в среде протестантов. Это было уже не просто Священное Писание, а книга, описывающая прошлые чудеса и подвиги еврейского народа. Кроме того, то была книга, воспевающая универсальные высокие принципы мира и братства для всего человечества.

Таким образом, в то время как в Западной и Центральной Европе преобладающая тенденция модернизации заключалась в отказе от еврейской коллективной идентичности, Восточная Европа двигалась в другом направлении. Там миллионы евреев жили в местечках и городках, где составляли треть или более населения. Поскольку многие евреи оказались в географической и культурной близости, секуляриза-

¹⁷ Здесь и далее автором имеется в виду еврейская Библия, или Танах, которая частично совпадает с Ветхим Заветом.

ция в Восточной Европе привела не к стремлению стать частью общества в целом, а к расцвету еврейской культуры (по крайней мере, на начальном этапе). Царский режим и российские массы не одобряли идею интеграции евреев. Поэтому, даже когда при Александре II евреи смогли учиться в средних школах и высших учебных заведениях, только относительно небольшой части еврейских масс удалось покинуть черту оседлости, интегрироваться в развивающуюся российскую капиталистическую экономику и стать частью зарождающейся буржуазии. Притеснения, с одной стороны, и светское сознание – с другой породили чувства обездоленности и несправедливости, лежащие в основе недавно пробудившихся националистических идей.

Модернизация еврейской жизни изменила традиционное мировоззрение и восприятие пространства, расширила спектр возможностей. Если что-либо происходило в одной еврейской общине, то благодаря появлению современных газет на всех еврейских языках информация об этом тут же доходила и до других общин. Так, например, Суффот ба-Негев, волна погромов, прокатившаяся по югу России в 1881 году, стала значимым событием, обсуждаемым во всем еврейском мире. Проблема еврейских беженцев, спасавшихся от погромов, стала центральным вопросом еврейской повестки дня по всей Европе. Невозможно понять влияние потрясения от Кишиневского погрома 1903 года без сообщений о нем в еврейских газетах по всему миру, даже несмотря на царскую

цензуру. Дебаты по еврейскому вопросу, то есть о будущем еврейского народа, были ведущей темой в ивритоязычных и русско-еврейских журналах.

Появление железных дорог и пароходов сделало поездки на дальние расстояния безопаснее, комфортнее, они стали относительно дешевы. Место рождения внезапно перестало определять личность: можно было решиться мигрировать из маленького городка или деревни в город среднего размера или даже в большой город, такой как Варшава (где проживала самая большая еврейская община в Европе), или попытаться проникнуть через границу в Галицию, находившуюся под властью императора Франца Иосифа (с точки зрения евреев, правителя благосклонного). Более смелые и находчивые переходили через границу в Германию, где открывался широкий спектр возможностей: остаться в Германской империи, иммигрировать в Англию или отплыть в США, Аргентину или Южную Африку. Третьи отправлялись поездом или речным транспортом по Днепру в Одессу, а оттуда отплывали в Палестину; либо достигали Триеста, порта империи Габсбургов, откуда направлялись в Палестину. В конце XIX века миграция из провинции в центр страны, из одной страны в другую и даже на другой континент была отличным вариантом.

Многочисленные возможности, открывающиеся теперь перед евреями, включая выбор образа жизни, языка, поведения, культуры и идентичности, ослабили связь с местом

их рождения, местной культурой, общепринятыми обычаями и религией. Многие евреи теперь приняли национальную идентичность страны, в которой жили, и, видя свою связь с ней как священный союз, охотно участвовали в национально-освободительных войнах. Следовательно, различные еврейские общины распадались из-за разного образа жизни, принятых поведенческих норм и культуры. Различия возникали между западноевропейскими и центральноевропейскими евреями и их восточноевропейскими братьями, а также между русско-, немецко- и англоговорящими евреями. Идиш по-прежнему был языком, объединяющим все ашкеназские¹⁸ общины, но многие представители второго поколения интегрированных в европейские общества евреев считали его низким, зазорным языком, которым культурные люди пользоваться не должны.

В этот же период появились всемирные еврейские организации, которые считали защиту евреев и их стремление к модернизации благородным делом. Например, Всемирный еврейский альянс (*Alliance Israélite Universelle*)¹⁹ стремился распространять французскую культуру среди евреев Ближнего Востока и Северной Африки, одновременно работая над защитой евреев и помогая им двигаться в сторону мо-

¹⁸ Ашкенази – еврейский субэтнос, сформировавшийся в XIV в. на территории современной Германии и впоследствии расселившийся в Центральной и Восточной Европе, разговорным языком которых был идиш.

¹⁹ Основан в Париже в 1860 г. – *Прим. автора.*

дернизации и продуктивизации. В 1870 году Альянс основал сельскохозяйственную школу Mikve Yisrael, чтобы обучать еврейских детей в Палестине работе на земле. Немецкая организация Hilfsverein der Deutschen Juden (Ассоциация помощи немецким евреям)²⁰ преследовала аналогичную цель – создать систему образования на немецком языке в Палестине. Jewish Colonization Association (Еврейское колонизационное общество, ЕКО)²¹ стремилось привлечь евреев к сельскохозяйственному труду в Аргентине и других странах, в то время как American Jewish Joint Distribution Committee (Американский еврейский объединенный распределительный комитет, «Джойнт»)²² стремился помочь евреям в неблагополучных районах и стимулировать продуктивность.

Наряду с центробежными тенденциями модернизации и эмансипации существовала объединяющая тенденция: ев-

²⁰ Ассоциация помощи немецким евреям, основанная в Берлине в 1901 г. Ее основной целью было содействие еврейскому образованию в Восточной Европе. Позже она также действовала в Палестине и Сирии. – *Прим. автора.*

²¹ Еврейское колонизационное общество, основанное в Лондоне в 1891 г. ба-роном Морицем Хиршем. Его основная цель заключалась в том, чтобы «содействовать и способствовать эмиграции евреев из любых частей Европы или Азии, и в основном из стран, в которых они могут быть в настоящее время подвергнуты каким-либо особым притеснениям или политическим и другим угнетениям, в любые другие части мира». – *Прим. автора.*

²² Американский еврейский объединенный распределительный комитет был основан в 1914 г. после начала Первой мировой войны для оказания помощи нуждающимся евреям, где бы они ни находились. – *Прим. автора.*

рейская пресса создала международное сообщество, питаемое одной и той же информацией, вдохновляемое одними и теми же событиями и отождествляемое с общими еврейскими массами, даже если они жили в обществах, чуждых друг другу по языку и культуре.

Неудача и предательство

В последней четверти XIX века проявление положительных тенденций, питавших веру в способность образования приносить прогресс и процветание человеческому обществу и искоренять предрассудки, дискриминацию и несправедливость, остановилось. В 1881 году Александр II был убит революционерами, стремившимися свергнуть самодержавный режим. Среди заговорщиков были евреи, как мужчины, так и женщины. Это событие ознаменовало собой новый этап: не только евреи-мужчины действовали заодно с нееврейскими революционерами, но и молодые еврейские девушки, недавно освободившиеся от традиционной культуры, сотрудничали с мужчинами и неевреями. Таков был результат образовательных реформ Александра II, благодаря которым еврейские и нееврейские студенты нашли общий язык, питая большие надежды на всемирную реформу и построение нового общества, где религия больше не будет критерием для интеграции.

Убийство царя стало шоком для всей Российской импе-

рии, а по Украине прокатилась волна погромов. Церковь и правительство не предприняли никаких попыток обуздать толпу, и евреи подозревали их в соучастии с погромщиками. Хотя ущерб был нанесен главным образом имуществу, потрясение было огромным: массовых антиеврейских беспорядков в Восточной Европе не было уже больше столетия. Предполагалось, что укрепление абсолютистского государства обеспечивает общественный порядок и безопасность. Теперь внезапно выяснилось, что, хотя в большей части Европы и в Америке евреи были равноправными гражданами, простонародье в Российской империи все еще способно к бесчинству, в то время как правительство либо бездействует, либо само вовлечено в беспорядки.

Погромы не только подорвали чувство безопасности евреев, но и поколебали их веру в прогресс, поскольку русские революционеры не бросились на защиту евреев. Революционеры считали безразличие российских масс к революционной пропаганде и собственному угнетению главным камнем преткновения на пути к революции. Они рассматривали антиеврейские вспышки насилия как выражение гнева толпы, знаменующее изменение в сознании, которое направит массы к революции и приведет к падению режима. Больше всего пострадали от этой реакции просвещенные, образованные элементы еврейского населения; ранее они верили в солидарность с русскими революционерами, а теперь понимали, что стоят вовсе не на твердой земле, а на зыбучих песках.

Это предательство повторялось несколько раз в период до Первой мировой войны, во время кишиневского погрома 1903 года и погромов в октябре 1905 года, разразившихся после провала первой русской революции. Каждая волна погромов была сильнее предыдущей по своей жестокости, количеству жертв и размеру ущерба. И в каждом случае повторялось одно и то же: слабость или безразличие местных властей и их неспособность направить просвещенное общественное мнение против погромов. Более того, после Суффот ба-Негев произошел так называемый «холодный погром», то, что режим обозначил как Майские правила²³ 1882 года: ограничение проживания в черте оседлости, уменьшение доступа евреев к высшему образованию и возможности заниматься производительным трудом и сельским хозяйством. Режим оправдывал эти ограничения, заявляя, что погромы стали ответом на еврейскую эксплуатацию масс.

Возможность осуществления равноправия для российского еврейства теперь еще больше отодвинулась на неопределенный срок, что имело двоякий эффект. Прежде всего, потеря неприкосновенности жизни повлияла не только на общины, пережившие погромы, но и на отношения между евреями и властями в целом. Отчаявшись и разочаровавшись в возможности улучшить свою жизнь, еврейские мас-

²³ Официальное название – положение «О порядке приведения в действие правил о евреях», другое распространенное в русскоязычной литературе – «Временные правила о евреях».

сы пытались покинуть Россию. В годы, предшествовавшие Первой мировой войне, миллионы евреев, больше не готовых смириться со своей судьбой, мигрировали из Восточной Европы, стремясь обрести будущее. Подавляющее большинство эмигрировало в Соединенные Штаты, страну безграничных возможностей. Некоторые перебрались из Восточной Европы в Западную, в Германию или Англию, другие – в Южную Америку и Южную Африку. И десятки тысяч отправились в Палестину.

Вторым последствием стала радикализация еврейских масс, обусловленная тремя факторами: во-первых, чувством обездоленности и дискриминации властями; во-вторых, новым самосознанием, вызванным все расширявшимся знакомством с большим миром; в-третьих, усиливающейся тенденцией секуляризации еврейской жизни в соответствии с духом времени. Русские революционеры последней трети XIX века были образованными молодыми людьми-идеалистами, решившими пожертвовать своей жизнью в борьбе за освобождение масс и создание справедливого общества. Эти молодые мужчины и женщины, которые «пошли в народ», стремясь пробудить сотни тысяч угнетенных крестьян к осознанию их жалкого положения и несправедливости, столкнулись не только с безразличием, но и с враждебностью со стороны тех, кого они надеялись спасти, – кто вместо этого выдавал их властям. В итоге их судьбой стали долгие годы заключения, высылка в Сибирь, безумие и смерть.

Это мученичество стало героическим мифом для целых поколений революционеров, евреев и неевреев. Пример русской молодежи был принят близко к сердцу еврейской молодежью, страдавшей от дискриминации и лишений и стремившейся к возвышенному идеалу – преобразовать мир по образу Царства Небесного. Некоторые присоединились к русским революционным движениям и не проявляли никакого интереса к судьбе евреев. В их число входили Лев Троцкий (Бронштейн) и Юлий Мартов (Цедербаум), оставившие свой след в истории России.

Другие пытались организовать еврейское рабочее движение. В 1897 году они основали Бунд, еврейско-марксистскую партию, которая защищала еврейских рабочих от эксплуатации фабрикантами, большинство из которых сами были евреями. Низшие классы охотно пошли за Бундом, построенным на откровенно популистской основе.

Другая часть еврейской молодежи, также затронутая мифологией русских революционных мучеников, отчаялась добиться справедливости для евреев в любой стране, в которой они жили, и предпочла реформировать еврейское общество в стране, которая стала бы их собственной. Это были студенты, основавшие в Соединенных Штатах движение Am Olam («Вечный народ»), и группа Билу (аббревиатура от Beit Ya'akov Lekhu Venelkha, «Дом Иакова! Придите, и пойдем!»²⁴), поставившая себе цель создать колонию в Палестине.

²⁴ Исаии / Иешаягу 2:5.

не. За ними последовали различные другие сионистские социалистические группы.

Новый еврейский национализм

По мере того как безопасность евреев в Восточной Европе все более подрывалась, современный антисемитизм появился и в Западной Европе. Ненависть к евреям не была новостью, но на этот раз она проходила под флагом расизма и детерминизма: ее объектом была не еврейская религия, а еврейская раса. Религию можно сменить, а расу нет. В эпоху растущей секуляризации религиозная ненависть могла бы показаться пережитком прошлого, но расовая ненависть была современной и актуальной, так как говорила на языке научного дарвинизма.

Прежняя ненависть к евреям была нацелена на чужого, другого еврея, тогда как антисемитизм был нацелен на еврея, который выглядел так же, как и остальные, говорил на местном языке, чей внешний вид и поведение соответствовали среднему классу, он даже создавал национальную культуру либо принимал участие в ее создании наряду с остальными. Антисемиты обвиняли евреев в том, что они вызывают все беды капиталистического общества, подстрекают к революции и подрывают существующий порядок. Они представляли евреев паразитами, неспособными создать собственное общество или культуру, сидевшими на шее у других на-

родов и копировавшими либо извращавшими их культуру. Поскольку евреи не могли по-настоящему интегрироваться в культуру, их культурные творения представлялись искусственными, не подлинными, неоригинальными.

Традиционные евреи воспринимали давнюю традиционную ненависть к евреям как часть принятого мирового порядка, который не изменится до пришествия Мессии, закона, который необходимо принять и терпеть. От нового антисемитизма страдали евреи, считавшие себя частью людей, среди которых они жили, с равными правами и обязанностями – потому что больше не существовало еврейской «общины». Теперь они оказались все вместе под печально известным прозвищем «еврей». Как пишет Иехезкель Кауфман, возрождение, которого евреи жаждали и ожидали от своей интеграции в общество, теперь развеялось как мираж в пустыне. Конституционное равенство не привело к социальной интеграции и, конечно же, не привело к признанию немцами или французами того, что евреи были органической частью их наций. В своих мемуарах Гершом Шолем описывает различную реакцию евреев на появление антисемитизма. Некоторые предпочитали игнорировать это. Так, отец Шолема ощущал себя во всех смыслах и целях немцем, даже когда был вынужден покидать клубы, к которым принадлежал, из-за растущей оппозиции членам-евреям. Один из братьев Шолема оставался немецким патриотом до самой смерти, утверждая, что Гитлер не определяет, немец он или нет. Дру-

гой брат был коммунистом и погиб в концентрационном лагере Бухенвальд, а Герхард, которому предстояло стать Гершомом, обратился к сионизму²⁵.

Как и другие националистические движения, еврейский национализм сформировался из новой самоидентификации, порожденной воздействием современности, и новой социальной осознанности, приобретенной благодаря светскому образованию. Господствующий национализм нанес современным светским евреям глубокую рану тем, что отверг их. Эрнест Геллнер связывает формирование националистических движений с ростом числа образованных, мобильных людей, товаров, убеждений и пропаганды, которые сопровождают индустриализацию, и с разочарованием, порожденным несбывшимися ожиданиями интеграции в общество. Формирование интеллигенции в отвергнутой этнической группе было первым шагом в развитии движения, которое затем могло распространять свой месседж с помощью усовершенствованных средств связи. Подобный процесс можно наблюдать и среди евреев: то, что в предыдущие века рассматривалось как неосознанная идентификация с «еврейством», без национального осмысления или стремления облечь чувства евреев в политическую программу, теперь стало национальным сознанием.

В отличие от доминирующих тенденций в еврейском об-

²⁵ *Gershom S. From Berlin to Jerusalem*. New York: Schocken Books, 1980, p. 42–43.

естве XIX века, националистическое движение требовало прежде всего признания существования еврейской нации с общим прошлым, настоящим и даже будущим. Оно рассматривало этот народ как обладающий внутренней ценностью, как важную часть мировой культуры. В своей книге *Rome and Jerusalem* («Рим и Иерусалим») Мозес Гесс, немецко-еврейский социалист и современник Маркса, сравнил семью наций с оркестром, неспособным играть гармонично, пока отсутствует один инструмент – еврейская нация²⁶. Как и Герцль, он считал существование еврейской национальности предопределенной, неизбежной судьбой. Оба требовали признания еврейской самобытности не только для личностей, но и для сообщества. Для евреев Центральной и Западной Европы знаменитый призыв Герцля «Мы народ – один народ!» стал откровением, несущим послы освобождения. Для восточноевропейских евреев в их политической ситуации, напротив, это было самоочевидным заявлением.

Одной из характерных черт европейских национальных движений (сионизм по сравнению с другими возник позже) была отсылка к легитимности, а легитимность обычно опиралась на генеалогию, свидетельствующую о древности нации, ее исторических правах на территорию и суверенитет, красоту национальной культуры и вклад в мировую культуру. Генеалогия еврейского народа опиралась на Библию, что представляло собой нечто парадоксальное, поскольку до

²⁶ *Moses H. Rome and Jerusalem*. New York: Philosophical Library, 1958.

XIX века Библия считалась вторичной по сравнению с еврейским устным законом²⁷. Дети изучали Пятикнижие в хедере, но просто как введение в изучение более важных писаний, Талмуда и поским (религиозных судей). Именно протестанты открыли Библию и превозносили ее важность в воспитании молодого поколения. Даже идея возвращения евреев на свою древнюю родину как первого шага к спасению мира, похоже, возникла среди определенной группы евангельских английских протестантов, достигшей расцвета в Англии в 1840-х годах; они привнесли это понятие в еврейские круги.

Может показаться, что идея возвращения на Землю Израиля была частью духовных убеждений еврейского народа с незапамятных времен. В конце концов, евреи каждый день молились о возвращении в Сион. Каждый Песах они произносили: «В следующем году в Иерусалиме», и каждый пост Девятого ава они оплакивали разрушение Храма. В XVII веке еврейский мир был взбудоражен появлением ложного Мессии, Шабтая Цви, который пообещал положить конец изгнанию и вернуть еврейский народ в Землю Израиля. Тоска по Сиону, безусловно, была неотъемлемой частью глубоких переживаний еврейского народа.

Но между этим стремлением и сионизмом была существенная разница. На протяжении веков евреи были сосре-

²⁷ Такие тексты, как Мишна, Талмуд, мидраши и другие, называемые устной Торой в противовес письменной Торе – Танаху.

доточены на чудесном спасении, которое должно было произойти как часть апокалиптических событий, изменивших нынешний мировой порядок. До этого времени, окутанного туманом будущего, они должны были жить своей жизнью в диаспоре, а не форсировать события. Идеи, которые начали распространяться как среди светских, так и среди религиозных евреев в XIX веке, были диаметрально противоположны. Вместо того чтобы пассивно ожидать пришествия Мессии, еврейский народ должен был взять судьбу в свои руки и изменить ситуацию своими силами. Эта концепция встретила резкое сопротивление со стороны консервативных религиозных кругов, которые считали ее противодействием божественной воле. Левые же возражали, что просвещенные евреи должны отказаться от этой концепции, основанной на религии.

Группы Hovevei Zion («Любящие Сион»²⁸), появившиеся в Российской империи после Суффот ба-Негев и потери веры в то, что прогресс спасет евреев, были небольшими по размеру, неопытными как в организационном плане, так и в создании поселений, но они внесли существенное нововведение: перестали говорить о Земле Израиля как о мифической земле и стали называть ее реальной страной, в которую можно переселиться. 15 лет спустя Герцль добавил политическую составляющую к движению, начавшемуся до него.

²⁸ В русскоязычной литературе также распространено название «палестинофилы».

Это стремление добиться существенного изменения мировосприятия евреев, а также отношения к ним всего мира – вот что оставило революционный след в сионистском движении. Это было революционным шагом – призывать евреев к реальным, активным действиям в настоящем – то, что Гершом Шолем назвал возвращением евреев в историю. И так же, как и другие национальные движения, это новое движение использовало древние мифы и символы, большей частью заимствованные из традиций и религии.

Герцль и зарождение сионизма

В еврейской истории особое место отведено Теодору Герцлю, отцу сионистского движения. Как бы ни пытались объяснить определенные исторические явления, в них все же сохраняется необъяснимый, таинственный, мистический элемент. Появление Герцля в еврейском мире и его активная деятельность менее чем за десять лет составили одно из таких явлений: мимолетная вспышка молнии, осветившая реальность и встряхнувшая ее, заложившая основу для будущих изменений. Герцль был венгерским евреем из эмансипированной и приобщенной к немецкой культуре семьи; его познания в иудаизме были скудными, а в отношении еврейского народа – поверхностными. Журналист, специализирующийся на жанре легкого фельетона, который ценили в основном евреи, искушенные и ироничные читатели

уважаемой венской газеты Neue Freie Presse на рубеже веков, Герцль также пробовал свои силы в драматургии, но с небольшим успехом. Ничто в его личной истории не намекало на душевную стойкость, безграничную энергию, политическую проницательность и бесконечную самоотдачу, которые он проявил в последнее поразительное десятилетие своей жизни. Почти в мгновение ока этот посредственный буржуазный интеллигент превратился в человека, движимого призванием.

Краткая брошюра Der Judenstaat («Еврейское государство»), которую Герцль опубликовал в 1896 году, стоит в одном ряду с трактатом аббата Сийеса What Is the Third Estate? («Что такое третье сословие?»), спровоцировавшим Французскую революцию, и с Common Sense («Здравым смыслом») Томаса Пейна, создавшим подспорье для американской революции. Auto-Emancipation («Автоэмансипация») Иегуды Лейба Пинскера 1882 года предшествовала брошюре Герцля, и хотя анализ антисемитизма Пинскером был определенно более глубоким, величие Герцля заключалось в том, что он показал это явление в его современном контексте и извлек из него конкретные выводы. Герцль понимал многогранный характер современного антисемитизма, соединявшего в себе противоположные элементы. Евреев ненавидели как капиталистов и как революционеров, как богатых и как бедных; как образованных и как невежественных; как людей, унаследовавших местную культуру, но все же остававшихся

самобытными.

Прежде всего, Герцль признал, что антисемитизм происходит из нового явления в политической жизни Европы: массовой политики. По словам Герцля, по мере того, как власть масс возрастала с ростом национализма и демократизации, одновременно возрастал и риск для евреев. Живя в Вене и Париже, он был свидетелем растущей власти масс. В Австрии Карл Люгер, антисемитский политик-подстрекатель, чье избрание бургомистром Вены не было одобрено императором Францем Иосифом, тем не менее был переизбран немецкой общественностью. Немцы чувствовали угрозу со стороны растущего национализма поляков и чехов и возмущались очевидным успехом евреев в культурной и экономической жизни имперского города. Поэтому они разделяли политические взгляды Люгера. В Париже Герцль наблюдал массовое возмущение, последовавшее за судом над Дрейфусом. Однако не этот суд пробудил его внимание к еврейскому вопросу (антисемитизму), как это принято считать. Его националистическое сознание уже было пробуждено растущей властью масс и тем, что это значило в свете их отношения к евреям – даже в стране, где евреи были эмансипированы в течение почти столетия. Негодование масс по отношению к евреям укрепило его веру в то, что евреи не могут ассимилироваться не потому, что они этого не хотят, а потому, что им этого не позволяют. В долгосрочном плане прогресс мог бы изменить эту ситуацию, но вот из-за че-

го план Герцля был как нельзя более актуален: сколько на самом деле оставалось времени для решения еврейского вопроса?

Интуитивно Герцль осознавал скрывающуюся экзистенциальную опасность: независимо от того, провалилась ли эмансипация или достигла успеха, она была предоставлена на основе абстрактных принципов конституционного равенства. Она не завоевала сердца и умы людей, которые отказывались принимать евреев как часть своих сограждан. Вывод Герцля был прост: нет смысла бороться с антисемитизмом, доказывать его ошибочность, поскольку он основан на глубоко укоренившемся мировоззрении, которое рациональное мышление не в состоянии преодолеть. Единственный вариант – обойти его. Евреи были нацией, нуждавшейся в собственном государстве. Однозначный диагноз Герцля о природе болезни и ее лечении был освобождением: он положил конец полуправде, притворству, будто все в порядке и эмансипация решила проблему. Оскорбленная гордость образованного, ассимилированного еврея, оказавшегося отвергнутым культурой и нацией, к которым, по его ощущению, он принадлежал, привела Герцля к откровенному и гордому лозунгу: мы – народ – единый народ!

К этому выводу Герцль добавил еще одно суждение: еврейский вопрос – глобальная проблема, которую можно решить только с помощью великих держав. Действительно, обсуждение евреев в терминах «вопроса» было уничижитель-

ным. Рассмотрение «проблемы рабства» или «женского вопроса» подразумевало, что эти группы были ниже по статусу и нуждались в эмансипации. Напротив, определив проблему евреев как международную, Герцль убрал ее из сферы социальной и этнической политики в различных странах и включил в международную повестку дня. Он диалектически рассматривал как явный, так и скрытый европейский антисемитизм как фактор, который подтолкнет страны Европы к созданию еврейского государства. Стремясь избавиться от мятежной еврейской интеллигенции, успешного еврейского среднего класса, избытка еврейской образованной прослойки на Западе и обездоленных евреев Востока, европейские державы предложат свою помощь в организации современного Исхода.

Герцль чрезвычайно глубоко понимал антисемитизм. В своем дневнике он сравнил еврейский народ с катящимся камнем, падение которого в бездну невозможно остановить. «Они нас изгонят, убьют?» – задавался он вопросом в речи, которую собирался произнести перед Ротшильдами²⁹. Несмотря на все эти зверства, он полагался на европейский гуманизм и прогресс, считая, что сами европейцы захотят избавиться от евреев, но гуманно, помогая им создать собственное государство. Он и представить себе не мог, что Исход когда-нибудь сменится крематориями Освенцима.

Будучи современным человеком, Герцль любил европей-

²⁹ Herzl T. The Diaries, I, 13.6.1895. New York: Newman, 1960, p. 100.

скую культуру и восхищался ею: оперой, театром и музыкой. Он видел потенциал новых технологий, сокращающих расстояния и делающих достижимым то, что 50 лет назад считалось немыслимым. Теперь стало возможным перевезти миллионы людей с одного континента на другой за короткое время и без большого напряжения и лишений осуществить крупномасштабные колонизационные проекты. Описание Герцлем того, как современный мир сделал такие начинания возможными, увлекло многих евреев. Как впоследствии оказалось, еврейское государство строилось не по сценарию Герцля и сопровождалось огромными трудностями. Сионисты должны быть благодарны ему за то, что он не ожидал этих трудностей, иначе, возможно, он с самого начала разочаровался бы в этом предприятии.

Герцль описал процесс переселения миллионов евреев из Европы в Палестину – евреев, которые, как он утверждал, не могли или не хотели ассимилироваться. Он пояснял, что такой процесс должен быть поддержан обязательным международным договором, который предоставит евреям права в их новой стране в соответствии с моделью уставного общества. Уставные общества ранее создавались в Британской империи либо с целью белой колонизации, либо для получения торговых и других привилегий. Должна была быть собрана делегация евреев для переговоров с великими державами, чтобы получить хартию. Если бы Герцль остановился после публикации брошюры «Еврейское государство», ко-

торая сразу же получила признание и была переведена на иврит, идиш, русский и другие языки, он никогда бы не занял свое неоспоримое место в еврейском пантеоне. Величие Герцля заключалось не только в том, что он определил цель, но и в том, что разработал средства для ее достижения, созвав Первый сионистский конгресс в Базеле в 1897 году.

До этого он пытался привлечь активные международные еврейские благотворительные ассоциации. Эти организации стремились повысить продуктивность, обучать нуждающихся еврейских детей ремеслу и расселять евреев в Аргентине. Они были созданы и находились под строгим контролем богатых, уважаемых евреев с благородными целями, но без националистических притязаний. На первых этапах разработки своей концепции Герцль надеялся заручиться поддержкой крупных еврейских филантропов, таких как барон Морис де Хирш, финансировавший еврейскую колонизацию в Аргентине, или барон Эдмон де Ротшильд. Но его встречи с этими людьми не увенчались успехом. Когда они согласились принять его, то увидели в нем не пророка национализма, а всего лишь известного журналиста, а его программу посчитали плодом возбужденного воображения, не имеющего под собой реальной основы. Обаяние Герцля, сослужившее ему хорошую службу среди государственных и политических деятелей, на этот раз на встречах с филантропами подвело его. Именно после этой неудачи с миллионерами он решил написать «Еврейское государство» – предсказуемый

шаг для человека, для которого журналистика была его хлебом с маслом.

Ажиотаж, вызванный этой скромной брошюрой, привел Герцля к выводу, что он должен основать упомянутую в ней «Ассоциацию евреев», которая будет представлять евреев на переговорах по хартии³⁰. Новаторство его замысла созыва конгресса заключалось в том, что впервые в еврейской истории международные делегации, представляющие партнеров сионистского проекта, собирались на широкой общественной основе. Хотя и следовало ожидать, что потенциальные участники, способные позволить себе поездку, будут из образованного еврейского среднего класса, идея заключалась в том, чтобы конгресс представлял весь еврейский народ и общался с властями с точки зрения идей сионизма. Делегаты со всего мира посетили съезд 1897 года, и за три дня его проведения сформировалась модель сионистского движения. Были созданы постоянные учреждения. Съезд собирался раз в год или два как своего рода парламент. Президент и исполнительный комитет составляли исполнительный орган, действовавший в период между съездами. Были сформированы местные ассоциации, члены которых платили взносы – используя сионистские шекели – и отправляли делегатов на конгресс в соответствии с количеством оплативших членов.

³⁰ Одной из промежуточных целей Теодора Герцля было получение хартии – публичной гарантии на расселение евреев на территории Палестины, которую должна была дать одна из великих держав.

В те несколько дней Герцль заложил организационные и политические основы того, что позже будет названо «зарождающимся еврейским государством». Таким образом, Герцль в очень конкретном смысле заявил: «В Базеле я основал еврейское государство».

Этот магический акт создания *ex nihilo*³¹ представительного органа еврейского народа, уполномоченного вести переговоры в качестве своего законного представителя с главами государств, которые помогут получить хартию, был революционным шагом, провозгласившим миру создание нового национального движения. Как человек, ответственный за работу с прессой, Герцль незамедлительно пригласил представителей международной прессы осветить это событие. Он позаботился о том, чтобы зал был достойным, с делегатами во фраках и белых перчатках. В изображениях была заметна смесь современности и древних символов. Например, на карточке делегата с одной стороны была изображена Стена Плача (развалины стены Храма), а с другой – фигура фермера-еврея, работающего на своем поле. Сионистский флаг, размещенный на талите, еврейском молитвенном покрывале со звездой Давида в центре, был идеей Герцля. Стихотворение Нафтали Герца Имбера *Natikva* («Надежда») было принято в качестве гимна движения, несмотря на то, что язык конгресса был немецким и большинство делегатов свободно владели им.

³¹ С нуля, из ничего (*лат.*).

Рихард Лихтхейм, лидер немецких сионистов, определил сионизм как «подарок Европы еврейскому народу»³², и его фраза подчеркнула националистический, новаторский характер движения, которое стало посредником между еврейским народом и современностью. Эта фраза также отразила сионистские методы политической организации и дипломатических действий, зародившиеся в Европе. Герцль привнес в сионистское движение политическое лавирование, которому научился в Бурбонском дворце³³ во время пребывания в Париже, а также преобладающие концепции и практики большого мира: конгрессы, уставы, переговоры на высшем уровне, широкомасштабные акции и т. д. Эти сферы деятельности были неизвестны еврейскому народу. Вот почему большая часть руководства молодого сионистского движения принадлежала к евреям Запада – сторонникам эмансипации.

Напротив, массы, которые сионизм стремился спасти, жили в Восточной Европе и мало знали о западной культуре. Многие остались приверженцами религиозного образа жизни и соблюдали Галаху (еврейский закон) и традиции. Ускоренная модернизация Российской империи во второй половине XIX и начале XX века затронула широкие слои населе-

³² *Lichtheim R. Toldot hatzionut begermania* (История сионизма в Германии). Jerusalem: The Zionist Library, 1951, p. 13.

³³ Место заседания Национального собрания Франции – нижней палаты парламента страны.

ния: железные дороги оставили еврейских торговцев без работы, традиционные занятия, такие как извоз, стали ненужными, а многочисленные ремесла оказались невостребованными в результате индустриализации. Потеря этих источников средств к существованию в сочетании с резким увеличением населения евреев царской России между 1800 и 1900 годами привела к повальной бедности. Предпочтительным решением экономических трудностей в связи с отсутствием надежды на самореализацию и физической безопасности была эмиграция за границу. На рубеже веков иммиграция в Соединенные Штаты казалась решением для миллионов бедствующих евреев, но даже несмотря на то, что многие уехали в Новый Свет, накануне Первой мировой войны количество евреев в Российской империи с 1882 года только увеличилось.

Таким образом, призыв Герцля, который нашел мало сочувствия в Западной Европе, получил широкую поддержку населения на Востоке. Соединение эмансипированного западного руководства, которое вернулось к своей еврейской идентичности, с широкой базой сторонников, говорящих на идише, пропитанных еврейской культурой – некоторые привержены традициям, а другие в той или иной степени «просвещенные», – было достаточным для того, чтобы доказать правдивость афоризма еврейских мудрецов «Заклученный не освобождает себя сам из заточения» или примера Моисея, который продемонстрировал, что только свободный че-

людей может принести свободу своим поработанным братьям. Герцль обращался к еврейскому народу, но не знал его, в то время как еврейский народ видел в нем почти библейскую фигуру, еврейского царя.

Движение Hovevei Zion, базирующееся в Одессе, начало создавать колонии в Палестине после Суффот ба-Негев. С 1889 года, когда Ахад ха-Ам (Ашер Гинцберг) опубликовал свое эссе *This Is Not the Way* («Это не путь»), он считался наиболее важной интеллектуальной и моральной фигурой движения. Его сила заключалась в убедительном анализе и ясном стиле. Он без колебаний опубликовал статью *Truth from Eretz Yisrael* («Истина из Эрец-Исраэль», 1891), в которой были разоблачены все неудачи молодого предприятия по колонизации Палестины. В то время, когда хорошо продуманные взгляды на политические и практические вопросы урегулирования были еще немногочисленны, а просионистская пресса печатала романтические описания жизни в Палестине, изображавшие привлекательную страну, беспристрастность Ахада ха-Ама считалась шагом назад. Однако, хотя он был выдающимся критиком, его способность действовать или руководить была ограниченной. Пока на сцене не появился Герцль, Hovevei Zion не мог получить массовой поддержки; это было просто топтание на месте. Внезапная популярность Герцля, подготовка к конгрессу и сам конгресс (о котором сообщала как еврейская, так и нееврейская пресса) пробудили воображение еврейских масс и впервые

создали сообщество сторонников сионистской идеи.

Ахад ха-Ам не был в восторге. Массовая иммиграция в Палестину и создание там еврейского государства противоречили его определению еврейского вопроса и его решению. В то время как для Герцля еврейский вопрос – антисемитизм – был проблемой, с которой движение должно было иметь дело, для Ахад ха-Ама проблема заключалась в «проблеме иудаизма»: ослаблении связи евреев с их культурой из-за эмансипации и секуляризации. Он не видел в Палестине решения для миллионов; он считал, что евреи должны иммигрировать в Соединенные Штаты. Он утверждал, что сионистское движение может и должно создать «духовный центр» в Палестине, который будет характеризоваться светской еврейской культурой, возрождением иврита, целостностью и нравственностью. Там осуществится мечта Избранного народа. Будучи источником гордости и ярким примером для еврейского народа, центр проявит то, что Ахад ха-Ам определил как «дух иудаизма», и будет действовать как противодействие тенденции среди евреев (особенно на Западе) к отказу от своей национальной идентичности ради ассимиляции. Этот центр будет развиваться постепенно, тщательно отбирая тех, кто достоин войти в него, избегая ярлыков, политического авантюризма и завышенных ожиданий.

Ахад ха-Ам представлял духовный сионизм. Его взгляды были диаметрально противоположны взглядам Герцля. Герцль чувствовал крайнюю необходимость немедленного

воплощения своих планов, потому что понимал, что для поддержания массового энтузиазма и поддержки сионизма нужны ощутимые достижения, и интуитивно знал, что у движения было лишь ограниченное время. Для него еврейская проблема не была набором абстрактных понятий, как для Ахад ха-Ама. Он требовал быстрого решения, потому что от этого зависела жизнь реальных людей. Герцль задумал Исход прежде всего как массовую иммиграцию бедных простых людей, которые будут строить страну. Он предвидел не избирательную иммиграцию образованных, респектабельных избранных, а движение миллионов – всех, кто стремится к эмиграции. Короткое время, которое он выделил на реализацию этой программы, и ее огромные масштабы казались неправдоподобными Ахад ха-Аму, который критиковал как содержание программы (поскольку считал, что она дает ответ на неверный вопрос), так и грандиозный план Герцля получить хартию и овладеть Палестиной с помощью дипломатии одним росчерком пера. «Спасение Израиля придет через пророков, а не дипломатов», – упрекнул Ахад ха-Ам Герцля в заключении своей статьи *The First Zionist Congress* («Первый сионистский конгресс»), которой он отреагировал на конгресс и где попытался снизить ожидания от нового политического сионизма как от нового игрока на политической арене³⁴.

³⁴ *Ahad H. Hakongress hatzioni harishon* (Первый сионистский конгресс) // *Writings*. Berlin, 1930, p. 55.

План Уганды и территориализм

В годы после конгресса у Ахад ха-Ама было много возможностей сказать: «Я предупреждал вас», и он не упустил ни одной из них. Попытки Герцля вести переговоры с османским режимом, немецким кайзером и российским министром внутренних дел закончились неудачей. Турки не были заинтересованы в допуске еще одного немусульманского элемента на Ближний Восток, который мог послужить дополнительным основанием для европейского вмешательства в дела Османской империи. Русские сионисты намеревались бойкотировать власти после кишиневского погрома 1903 года, ошеломившего еврейский мир после более чем 20 лет тишины и покоя. Тем не менее Герцль пошел на встречу с российским министром внутренних дел Вячеславом фон Плеве, подозреваемым в ответственности за погром, в надежде, что этот антисемит будет готов оказать давление на турецкое правительство, чтобы оно согласилось эвакуировать евреев из России в Палестину. Визит ни к чему не привел, но на вокзале Вильны (Вильнюс) Герцля впервые встретили толпы евреев, которые пришли поприветствовать его и продемонстрировать свою солидарность с «царем евреев» и с идеей еврейского государства. Герцль был тронут симпатией, исходившей от толпы: то был иной еврейский опыт, отличный от сдержанности, знакомой ему в Западной Европе, и от гнев-

ных придирок, звучащих из уст Ахад ха-Ама и его последователей. Жестокость полиции, пытавшейся разогнать толпу, и храбрость людей перед лицом этой жестокости, возможно, заставили его почувствовать себя обязанным спасти их во что бы то ни стало.

За несколько месяцев до этого визита в Вильну министр по делам колоний Британской империи Джозеф Чемберлен предложил Герцлю хартию на часть Восточной Африки, область, которую сионисты называли Угандой, но на самом деле эту территорию сейчас занимает Кения. Принимая во внимание трудности, свидетелем которых стал, Герцль не мог сразу отклонить это предложение. То, что такая мировая держава, как Великобритания, предложила территорию своей империи, было огромным достижением для молодого движения, которому тогда было менее 10 лет и оно не обладало ни властью, ни поддержкой. Это было международное признание сионизма как национального движения, но в сионистском лагере предложение было воспринято иначе. Хотя Герцль обдумывал в «Еврейском государстве», станет ли Аргентина или Палестина местом для будущего поселения евреев, его встреча с представителями восточноевропейского еврейства ясно показала, что только Палестина может привлечь евреев, поэтому все его дипломатические усилия теперь были сосредоточены на ней. Тем не менее он представил британское предложение на рассмотрение Шестого сионистского конгресса и попросил делегатов отправить иссле-

довательскую группу в Уганду для изучения возможности принять массовую еврейскую иммиграцию.

Это был один из судьбоносных моментов в истории сионистского движения, когда идеология и миф столкнулись с практикой и реальностью. Подобные моменты повторялись в 1937 (с первым предложением о разделе Палестины на еврейское и арабское государства) и 1948 годах (при решении объявить независимость Израиля) и, несомненно, произойдут и в будущем. Хотя предложение Герцля было вызвано осознанием неотложности перед лицом бедственного положения русского еврейства, делегаты из Восточной Европы выступили против него. Макс Нордау, известный немецкоязычный писатель и важная фигура среди тех, кого Герцль привлек в ряды сионистов, тщетно пытался подсластить пиллюлю, описывая Восточную Африку как просто «ночлежку» на дороге в Палестину. Российские сионистские делегаты, от имени которых Герцль хотел принять это предложение, сочли его предательством Сиона и пригрозили расколом молодой сионистской организации, отказавшись ратифицировать его. Только когда Герцль торжественно поклялся: «Если я забуду тебя, Иерусалим, – забудь меня, десница моя!»³⁵ – они согласились вернуться в зал конгресса. В конце концов – после того, как Герцль пригрозил уйти в отставку – было решено послать исследовательскую группу в Восточную Африку. Эта группа отправилась на осмотр территории и вер-

³⁵ Псал. 136:5 (Когелет 137:6).

нулась с заключением, что оно непригодно для массового заселения. Таким образом, план по переселению в Уганду был отвергнут.

Этот эпизод более важен из-за своего культурно-символического значения, нежели политического. В конечном итоге чашу весов перетянула сила мифа о Земле Израиля, столь глубоко укоренившаяся в самом существовании евреев, придерживавшихся сионистской идеи. Переполюскавшие их эмоции дали понять, что для приверженцев сионизма Палестина была не просто территорией, которую в случае необходимости можно было бы заменить любой другой. Идея возвращения евреев на свою землю наделила сионистское движение притягательностью, выходящей за рамки экономических и политических интересов и мимолетных выгод.

В период после отказа от Угандийского плана была создана Еврейская территориальная организация (ЈТО или ЕТО) во главе с англо-еврейским писателем Израэлем Зангвилем, которая занималась поиском подходящей территории для расселения евреев. Среди всех еврейских националистических течений территориалисты были ближе всего к политическому сионизму. Они придерживались двух основных сионистских принципов: территории и самоуправления. Как и Герцль, они были озабочены бедствиями евреев и полагались на массовое иммиграционное движение. В период спада, в котором оказалось сионистское движение после смерти Герцля спустя год после Угандийского конгресса, и в ответ

на волну еще более жестоких, чем прежние, погромов в России, последовавших за революцией 1905 года, территориалистское движение обрело массовую поддержку. Но все попытки найти подходящую доступную территорию заканчивались неудачей. Слабость сионизма в то время была связана, помимо всего прочего, с недоступностью Палестины. Но у территориалистов дела обстояли не лучше.

2

Евреи, турки, арабы: первые контакты на земле Израиля

Одновременно с отчаянными попытками Герцля заполнить хартию в Палестине уже появились зачатки не признанного им нового еврейского сообщества.

Палестина в XIX веке

В начале XIX века Палестина была отдаленной отсталой провинцией Османской империи, которая и сама также находилась в упадке. Междоусобные войны и столкновения между бедуинами и феллахами³⁶ происходили каждый день, а дороги, кишевшие грабителями и бандитами, были опасны. Страна была почти необитаемой: население составляло около 250 000 жителей, в том числе около 6500 евреев, сосредоточенных в четырех священных городах: Иерусалиме, Цфате, Тверии и Хевроне.

Кампания Наполеона в Египте и Палестине потерпела неудачу, потому что эпидемия уничтожила его армию во время осады Акко в 1799 году. Однако кампания пробудила интерес европейских держав как к Палестине, так и

³⁶ Арабский термин, обозначающий крестьянина.

к разделу Османской империи, слабость которой была очевидна. В 1831 году египетский правитель Мухаммед Али-паша завоевал Палестину. Он правил ею до 1840 года, попытавшись стабилизировать управление и обезопасить жителей. Этот процесс продолжался даже после того, как под давлением европейских держав Палестина была возвращена Османской империи. Стремясь продемонстрировать просвещенность своего правительства по сравнению с османским режимом, Мухаммед Али разрешил европейским державам отправить своих представителей в Святую землю.

Таким образом, когда в Палестине было восстановлено османское управление, власти больше не могли закрывать страну для немусульман, а система капитуляций³⁷ гарантировала, что подданные иностранных держав могут быть защищены их консульствами. Немусульманам были предоставлены такие же права, как и мусульманам, и им даже разрешалось покупать землю при условии, что они будут пользоваться ею в соответствии с османским законодательством. Франция, Великобритания, Австрия, Россия и Германия открыли консульства в Палестине. В Иерусалиме было основано немецкое протестантское епископство, вскоре за ним последовали и другие. Строительство в городе было приостановлено с конца XVI века, но теперь католическая, протестантская и православная церкви активно занимаются восстановлением и развитием святынь.

³⁷ Здесь — особый правовой режим, который подразумевал изъятие иностранцев из юрисдикции страны пребывания и подчинение власти консула своего государства.

стантская и греческая православные церкви приступили к ускоренному строительству церквей, детских домов, больниц и школ. В связи с повышением безопасности перевозок на суше и на море и снижением транспортных расходов после появления пароходов тысячи христиан отправились в паломничество на Святую землю.

Церкви построили для пилигримов странноприимные дома, наиболее впечатляющими из которых стали больница и церковь Августы Виктории, великолепное здание, возвышающееся над Иерусалимом. В середине века темплеры, немецкая протестантская секта, принялись переселяться в Палестину; в период с 1868 года до Первой мировой войны они основали семь колоний с населением около 2200 человек. Темплеры были пионерами модернизации в Палестине. Их колонии были ярким примером планирования, порядка и организации. Они доказали, что, несмотря на трудности, учиняемые османским правительством, европейская колонизация в Палестине вполне возможна.

К концу 1840-х годов пароходы регулярно отправлялись в Палестину из Марселя, Одессы и Триеста. С открытием Суэцкого канала в 1869 году в Палестине была проложена первая дорога от Яффы до Иерусалима, и между ними началось движение экипажей. До этого весь транспорт состоял исключительно из вьючных животных. Были открыты почта и телеграф, связавшие Палестину с внешним миром.

Османский институт охраны правопорядка (по сравнению

с тем, что существовал в прошлом) и подавление стычек между местными вождями, прекращение набегов бедуинов на деревни и улучшение медицинских и образовательных услуг – все это привело к увеличению площади обрабатываемых земель и численности населения. К концу 1870-х годов население достигло примерно 380 000, а еврейское население увеличилось до 27 000. Самый значительный рост был в Иерусалиме, где количество евреев увеличилось с 2250 в 1800 году (из общего населения 9000) до 17 000 (из 31 500). Даже до начала сионистской иммиграции евреи составляли большинство в городе.

Основной рост населения приходился на евреев-ашкенази. На рубеже веков они почти отсутствовали в Иерусалиме, но к 1880 году их было больше, чем сефардов³⁸. Подавляющее большинство ашкенази были сосредоточены в колелях, благотворительных учреждениях в зависимости от страны происхождения, распределявших финансовую помощь, собранную в этих странах для поддержки «Общества учащихся», состоявшего из студентов иешив³⁹, не зарабатывавших себе на жизнь, но имевших жен и детей. Эта раздача благотворительных средств была известна как халукка. Поскольку очень немногие ашкенази имели доход, они жили в

³⁸ Сефарды – еврейская субэтническая группа, потомки евреев, изгнанных в XV–XVI вв. с территории Пиренейского полуострова. В широком смысле применяется в отношении всех евреев-неашкеназов.

³⁹ Иешива – высшее еврейское религиозное учебное заведение.

крайней нищете. Напротив, сефарды обычно не следовали этой модели и зарабатывали себе на жизнь ремеслами и торговлей. Поскольку они свободно говорили на языке страны и были знакомы с ее образом жизни, то могли ориентироваться в местной и даже международной торговле и финансах.

Одним из новых центров еврейского расселения был город Яффа, или Яффо. На рубеже XVIII века Яффа была небольшим незначительным портовым городом. С ростом туризма и паломничества христиан в Иерусалим город рос и стал важнейшим портом въезда в центр страны. В 1892 году была открыта железная дорога между Яффо и Иерусалимом, что повысило статус Яффо. Вокруг города разрослись первые цитрусовые рощи в Палестине, посаженные арабами. Экспорт апельсинов под торговой маркой Jaffa превратил город в главный экспортный порт страны. К 1880 году его население достигло 10 000 человек, в том числе около 1000 евреев. На севере страны стал развиваться город Хайфа; всего за несколько лет он превзошел Акко в качестве главного порта региона.

Эмигранты и иммигранты: обзор

В своих мемуарах Йосеф Элиягу Челуш, родившийся в Яффо в 1870 году в семье иммигранта из Орана, Алжир, и иммигрантки из Багдада, описывает встречу первых участников того, что позже станет известно как Первая алия (букв.

восхождение [на Святую землю]), и тогдашней сефардской элиты Яффо. Семья Челуш была очень набожной, и мужской распорядок дня включал не только молитвы в назначенное время, но и несколько часов изучения Торы. Для синагоги в их большом доме была выделена просторная комната. Члены комитета Йесод ха-Маала, которые приехали, чтобы купить землю для первого мошава (колония, мн. ч. мошавот), основанного Hovevei Zion (будущий город Ришон-ле-Цион), были тепло встречены в доме Челуш, хотя не обошлось без некоторого замешательства: посетители были в европейской одежде (а некоторые и в очках), и, хотя они говорили на иврите, а сефарды свободно владели им, оставалось мучительное сомнение, действительно ли они евреи. Как и остальные члены семьи, юный Йосеф задавался вопросом: если они были евреями, то почему не соблюдали заповедь носить ритуальные одежды? Несмотря на такие сомнения, отношения между выдающимися сефардскими семьями Яффы – Челушами, Амзалегами и Мойялями – и первыми иммигрантами, которые обратились за помощью в покупке земли в Палестине, укреплялись. Для новоприбывших, которые не говорили на языке страны и не были знакомы с ее обычаями, эта помощь открыла глаза на реалии османской Палестины с ее многочисленными правительственными чиновниками и сопутствующими препятствиями на пути к еврейскому освоению страны, а также выработала тактику преодоления этих препятствий.

Основание первого поселения с конкретной националистической целью – создание еврейского политического плацдарма – произошло в 1882 году, ознаменовав начало нового периода в истории Палестины и еврейского народа. Владимир Дубнов приехал в Палестину с первой волной иммиграции в качестве члена группы Bilu (о ней уже упоминалось вкратце). В письме своему брату историку Семену Дубнову, который выступал за получение равноправия для евреев в странах диаспоры, изложил цель своей группы: «Конечная цель или *pia desideria*⁴⁰ – вовремя взять под свой контроль Палестину, чтобы вернуть евреям политическую независимость, которой они были лишены в течение двух тысяч лет». Поскольку он хорошо знал, что его брат подумает об этом, то добавил: «Не смейся, это не заблуждение». Он объяснил, что эта цель требовала создания прочной еврейской экономической основы в Палестине: «Короче говоря, попытаться и убедиться, что вся земля и все производство находятся в руках евреев». Он считал, что установление еврейского присутствия в Палестине подразумевает обучение обращению с огнестрельным оружием. «В свободной и дикой Турции все возможно, – отметил он и изложил свою точку зрения: – Тогда... и здесь я могу только догадываться... настанет великий день, день, пришествие которого было предсказано Исаией в его страстном видении в песне утешения. Евреи все же встанут с оружием в руках (если понадобится); и гром-

⁴⁰ Благое пожелание (лат.).

ким голосом они провозгласят себя властителями и хозяевами своей древней родины»⁴¹. Сомнительно, чтобы большинство иммигрантов первой волны разделяли эти далекоидущие мечты.

Встретив традиционных еврейских жителей страны, новые иммигранты вскоре определили себя как «новый ишув»⁴² (еврейская община), а своих предшественников – как «старый ишув». Эти ярлыки должны были обозначать разные цели и образ жизни, а также «новые» и «старые» типы людей. Как в палестинской прессе, так и в прессе диаспоры старый ишув изображался фанатично ультраортодоксальным. Сосредоточенный в четырех святых городах, прежде всего в Иерусалиме, он жил на фонды халукки, отвергал любые попытки продуктивизации или открытости для внешнего мира и был явно против сионистской идеи. Новый ишув описывался как просвещенный и образованный, основавший сельскохозяйственные поселения, стремящийся к продуктивизации и обладающий сионистским политическим сознанием. Но, как и любой ярлык, эти определения не учитывали множество вариаций, присущих обеим сторонам.

Несмотря на свой религиозный фанатизм, старый ишув претерпевал медленные изменения и включал в себя элемен-

⁴¹ Владимир Дубнов Семену Дубнову в С.– Петербург, Яффа, 20.10.1882 // Ketavim letoldot Hibbat Tzion (Заметки по истории «Ховевей Цион») / Ed. A. Druyanov, reedited by S. Laskov. Vol. 1, Tel Aviv, 1982, p. 522–523.

⁴² Ишув – (с *ивр.*, заселение, населенное место) – собирательное название для еврейского населения Палестины до создания Государства Израиль.

ты модернизации в сфере занятости и жилья. Первые поселенцы вне стен Старого города Иерусалима происходили из старого ишува, так как были изгнаны туда из-за перенаселенности. Еврейские кварталы были построены на средства колеля к северу и западу от города, что знаменовало готовность к переменам. Именно евреи из Старого города предприняли первую попытку создания сельскохозяйственных поселений в Палестине в 1878 году в Мулаббисе (позднее Петах-Тиква). Хотя эти поселенцы были мотивированы желанием соблюдать заповеди, связанные со Святой землей, их готовность вести фермерскую жизнь была сродни революции.

С другой стороны, не каждый член Первой алии был достоин называться «новым ишувом», если эту фразу связывать с приверженностью сионистской идее. Многие новые иммигранты были очень похожи на своих предшественников из старого ишува; они устремились в Иерусалим в надежде получить деньги халукки. Многие другие были частью большой волны эмиграции, покинувшей Восточную Европу в этот период, особенно в США. Эти эмигранты, которые, по всей видимости, составляли большинство Первой алии (1881–1904) и Второй алии (1904–1914), искали в Палестине то, что эмигранты искали где-либо еще: лучшей жизни, безопасности – свободы от ужаса погромов и дискриминации со стороны российских властей и новых надежд для их детей. Это были горожане, которые хотели продолжать жить в городе, а не селиться в сельской местности. Они попали

в Палестину почти случайно, возможно, потому, что слышали, что лорд Лоренс Олифант⁴³ поселил евреев в Палестине, или что Всемирный еврейский союз⁴⁴ поддерживал еврейских переселенцев, или потому, что перебраться по морю на Ближний Восток было дешевле, чем в Америку, путь в Палестину был короче, и было бы легче вернуться домой.

Первая алия также включала относительно небольшие группы Hovevei Zion, которые организовывались у себя на родине, в России и Румынии, с целью покупки земли в Палестине для еврейских сельскохозяйственных поселений. Эти сообщества, движимые националистическими мотивами, включали две группы интеллигенции. Первая, группа Bilu, состояла из молодых людей, некоторые из них получили высшее образование в России. Отчаявшись объединиться с русским народом, они решили «пойти к еврейскому народу» и основать в Палестине независимое территориальное образование с мечтами о еврейском суверенитете (подобно мечтам Владимира Дубнова, хотя он сам вскоре вернулся в Россию). Эти молодые люди были холостыми, образованными вольнодумцами, вдохновленными идеалом и далекоидущими планами организации массового движения. Но из-за своей неопытности, отсутствия финансирования и жестоких

⁴³ Видный деятель викторианской Британии, авантюрист и путешественник, подавший премьер-министру Б. Дизраэли проект переселения евреев в Палестину.

⁴⁴ Всемирный еврейский союз, основанный в Париже в 1860 г. — *Прим. автора.*

условий жизни в Палестине они вынуждены были оставить первоначальные намерения. Спустившись с высот своего воображения на землю реальности, они отказались от грандиозных планов и сосредоточились на создании колонии, которая стала бы моделью поселения для людей, следующих за ними. Небольшая избранная группа билуйцев руководствовалась народническими идеями, которые они заимствовали из русского революционного движения и стремились применить к сионизму. Они не оставили после себя какого-либо поселения. Большинство рассеялось еще до прибытия в Палестину, но после многочисленных невзгод несколько десятков из них поселились в Гедере, где были вынуждены соблюдать религиозный образ жизни. Все, что осталось от их юношеских мечтаний, – это легенда о Bilu, яркий пример для групп идеалистической молодежи, которая стала их приверженцами в последующие десятилетия, рассматривая билуйцев как первое звено в родословной своего поселения. Вторую группу составляли молодые люди среднего класса, образованные собственники, которые придерживались либеральных взглядов (именно члены данной группы поразили юного Йосефа Челуша своим поведением) и руководствовались националистическими идеями.

- Еврейские поселения
- Центральные населенные пункты

Карта 1. Сионистские поселения периода первой и второй Алии, 1882–1918 гг.

Остальные члены Hovevei Zion были евреями среднего возраста, которые приехали со своими семьями как по личным, так и по национальным мотивам. Они хотели жить свободной жизнью в Палестине «под своей виноградной лозой и под своею смоковницей»⁴⁵. В основном они соблюдали религиозные традиции, не имели ни образования, ни руководства. То были мелкие лавочники или религиозные служащие, абсолютно ничего не знавшие о сельскохозяйственных работах. Некоторые начали думать об иммиграции в Палестину еще до погромов 1881 года, но именно сионистское пробуждение, последовавшее за беспорядками, побудило их претворить идею в жизнь.

В то время иммиграция была одним из вариантов, а не необходимостью, и многие новоприбывшие решили покинуть страну через короткое время, особенно в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, когда их дома в России, Галиции или Румынии все еще стояли и иммиграция в Америку или куда-либо еще была возможна. Для многих Палестина была всего лишь перевалочным пунктом на маршрутах через страны, которые еще не закрыли свои границы, поэтому для въезда в них не требовался паспорт. По общепринятой оценке, в Первую алию прибыло 60 000 мужчин

⁴⁵ Михей / Миха 4:4.

и женщин, из которых не менее половины покинули страну; некоторые даже называют цифру 70 %. В 1904 году, накануне Второй алии, еврейская община в Палестине насчитывала около 55 000 человек (включая естественный прирост), из которых от 10 000 до 15 000 принадлежали новым ишувам, живущим в мошавах и Яффо, а также некоторое количество проживало в Иерусалиме и других городах. В следующее десятилетие в Палестину приехало около 40 000 иммигрантов, и более 60 % из них в конечном итоге уехали, но, по некоторым оценкам, эта цифра еще выше.

Подавляющее большинство иммигрантов Второй алии по характеру не отличались от иммигрантов из Первой. И, как и Первая, Вторая алия включала в себя избранную группу не более 3000 человек: молодых, неженатых мужчин и незамужних женщин, которые приехали в Палестину самостоятельно, движимые националистическим идеализмом. Даже эта группа прошла через безжалостный отсев. По словам Давида Бен-Гуриона, который приехал из Польши в 1906 году, когда ему было 20 лет, а затем стал первым премьер-министром Израиля, 90 % уехали⁴⁶. Но именно члены данной небольшой группы сформировали национальный дух, историографию и руководство. Когда мы говорим о Второй алии, мы имеем в виду именно эту избранную группу.

Реальность эмиграции и ишува диктовала отсутствие пря-

⁴⁶ Sefer ha'aliya hashniya (Книга Второй алии) / Ed. Habas Bracha. Tel Aviv: Am Oved, 1947, p. 17–18.

мой связи между первоначальными мотивами иммигрантов и их действительным поведением: многие из тех, кто прибыл без особых ожиданий и идеологии, становились лояльными патриотами, в то время как довольно много прибывших идеалистов, готовых принести жертвы, разбились о камни суровой реальности и уехали. До Первой мировой войны иммиграция в Палестину не была обязательным сионистским принципом, а уезжавшие из страны никак не осуждались. Отъезды на короткий или постоянный срок были частью жизни в Палестине. И сионистские лидеры, и деятели еврейской культуры приезжали в гости, но не оставались. «Лучшие из наших товарищей и вообще среди сионистов проживают в диаспоре и тоскуют, и этого им достаточно, – пожаловался Ицхак Бен-Цви, добавив: – Они приезжают из-за границы только ради того, чтобы увидеть древность и современность нашей жизни – и вернуться назад»⁴⁷.

Сельскохозяйственные поселения 1882–1904 годов

Хотя новый городской ишув, особенно в Яффо, поглотил большинство иммигрантов, образ сионистского освоения Палестины был сельскохозяйственным. Этому влечению к сельскому хозяйству способствовало несколько факторов:

⁴⁷ Ицхак Бен-Цви Мармуру Кальману, Иерусалим, 20.8.1909, YIVO RG 205/104.

романтика обработки земли, ограниченные навыки иммигрантов и стремление заложить основы еврейского землевладения.

Хотя может показаться, что капитализм, возникший в Западной и даже в Восточной Европе в XIX веке, должен был создать экономический уклон в сторону предпринимательства, торговли и финансов, появление марксизма возродило статус трудящегося. Марксисты утверждали, что только пролетариат своим трудом создает прочные активы; все другие классы живут как пиявки прибавочной стоимости, производимой рабочими. Эта концепция была продолжением мысли физиократов XVIII века, которые придавали ценность только рабочим, занимающимся основной деятельностью, маргинализируя посреднические факторы в экономике. Обе эти философские школы приписывали евреям более низкий статус, поскольку они были непродуктивными и эксплуатировали чужой труд. Современный антисемитизм продолжал создавать образ еврея-паразита, который, начиная с эпохи Просвещения, проник и в публичный дискурс евреев. Все современные еврейские благотворительные общества рассматривали обработку земли как способ спасти евреев от их якобы маргинального места в экономике и дать им производительную роль в обществе, поэтому они продвигали инициативы по проектам сельскохозяйственных поселений по всему миру.

Другим фактором была романтическая концепция города

– колыбели индустриализации и порожденного ею отчуждения – как корня всех зол. Идеалом было, как у персонажа Руссо Эмиля, вернуться в потерянный рай невинности – в сельское общество, к жизни, близкой к природе, и физическому контакту со стихиями. В России народники превозносили простого крестьянина, выражавшего истинную, фундаментальную сущность нации, в отличие от дворянства и новой буржуазии, которая начала появляться в городах. Они считали русского крестьянина и его сельское сообщество предвестником возможности установления в России социалистического режима без предварительного прохождения по виа Долороза⁴⁸ жестокого капитализма, вытягивающего из человека все соки.

Это отношение перекинулось из русской интеллектуальной сферы в еврейскую. В сионистских кругах считалось, что человек, возделывающий землю, имеет глубокую связь со своей землей – мощное противоядие от скитания, еще одной черты, в которой обвинялись евреи. Живя честным трудом, крестьянин развивал такие особенности, как простой образ жизни, любовь к природе и независимость. Конечно, эта идеалистическая картина была далека от реальности. Как однажды иронично заметил Берл Кацнельсон, вряд ли молодые люди, выражавшие нелепое восхищение русским крестьянином, сумеют выдержать запах смолы от его ботинок. Такое

⁴⁸ Скорбный путь. Улица, по которой Иисус Христос шел на распятие. – *Прим. пер.*

же романтическое видение было связано с еврейским сельскохозяйственным рабочим, и фигура еврейского труженика, шагающего по своему полю, была главным символом сионистской пропаганды. Даже такой умеренный, образованный на Западе человек, как Артур Руппин, видел работу в поле как «источник, из которого мы оживляем нашу физическую и духовную жизнь»⁴⁹.

В этот период города Палестины могли принять ограниченное число новых жителей, и большинство иммигрантов, пытавшихся поселиться в них, были вынуждены покинуть страну. Не было какой-либо значимой промышленности, и сомнительно, чтобы вообще в этой стране могла в дальнейшем развиться промышленность. Палестина была сельскохозяйственной страной, поэтому самым простым и очевидным решением для любого, кто хотел туда иммигрировать, было осесть на земле и зарабатывать на жизнь сельским хозяйством. Подавляющее большинство иммигрантов не имели ни средств, ни опыта ведения сельского хозяйства. Те, у кого был небольшой капитал, посчитали, сколько будет стоить участок земли, сельскохозяйственное оборудование, строительство дома, обработка и посев земли и ожидание в течение года, пока дождутся урожая. Затем, когда их пред-

⁴⁹ *Ruppin A.* Lecture at the 19th Congress, 1935 // *Shloshim shnot binyan* (Тридцать лет строительства). Jerusalem: Schocken, 1936, p. 276. Цит. по: *Shilo M.* Peiluta shel hahistadrut hatzionit be'Eretz Yisrael betekufat ha'aliya hashniya (Деятельность сионистской организации в Палестине в период Второй алии) // *Ha'aliya hashniya: mehkirim* (Вторая алия: труды) / Ed. I. Bartal. Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 1997, p. 93.

ставители купили землю, на которой они и их товарищи будут строиться, казалось, для будущей мирной и спокойной жизни оставалось только пересечь Средиземное море. Те, у кого не было капитала, полагали, что благотворительные организации найдут способ поселить их на земле. Более того, они знали, что всякая поселенческая ассоциация, создаваемая для покупки земли, выделит часть земли нескольким семьям, не имеющим имущества. Так что издалека казалось, что зарабатывать на жизнь сельским хозяйством вполне возможно и все это может быть организовано заранее.

Помимо экономической необходимости и романтической идеологии, существовала политическая концепция «практического сионизма»: покупать земли и заселять их – лучший способ завладеть территорией страны и создать еврейское право на обладание Палестиной. Все же не безлюдная, страна была относительно малонаселенной, и точно так же, как когда-то темплеры, евреи пустили корни на этой земле. Любые политические достижения будут проистекать из этого акта колонизации. Такое представление не было уделом отдельных поселенцев – особенно бедных и необразованных, – но царило в умах многих: членов отделения Hovevei Zion в России, известного как Одесский комитет; барона Эдмона де Ротшильда, который начал поддерживать поселенцев еще в 1882 году; Еврейского колониционного общества (ЕКО), основавшего новую цепочку поселений в первом десятилетии XX века, и Палестинского бюро, созданного в 1908 году

и возглавляемого Артуром Руппином, которое координировало сионистскую деятельность в Палестине.

Герцль был против любых попыток еврейского расселения в Палестине до того, как будут получены международные гарантии, и рассматривал их как «проникновение», то есть безответственное поведение, неуместное для движения, миссия которого заключалась в создании безопасного убежища для еврейского народа, гарантированного международным правом. Он также опасался, что покупка земли до получения хартии приведет к спекуляциям и повышению цен. Но национальный инстинкт требовал заложить основы еврейского поселения в Палестине с гарантиями или без них, в надежде, что действия на местах в итоге определяют политический порядок. Это восприятие продолжало отличать сионистский проект и стало основополагающим мифом.

Османские власти были хорошо осведомлены об устремлениях сионистов и их усилиях по расширению еврейского плацдарма в Палестине. В Ливане уже существовало сепаратистское христианское движение, и импорт в Палестину еще одного такого движения привел бы к усилению вмешательства со стороны иностранных держав – добавление еще одного элемента давления к тому, что уже оказывается на империю, было неприемлемо для османов с самого начала. Более того, подавляющее большинство иммигрантов не были османскими подданными, но находились под защитой иностранных консульств. Эти две причины были достаточными

для отказа в ответ на усилия сионистов.

Однако к этим возражениям добавилось сопротивление арабов любому усилению статуса немусульман в империи и предоставлению им равных прав после Берлинского конгресса 1878 года, который ослабил империю в политическом плане. Султан Абдул Хамид II попытался укрепить ослабшие узы империи, апеллируя к религиозным чувствам: он объявил себя халифом правоверных⁵⁰ и даже построил железную дорогу в Хиджазе для паломников в Мекку. Арабы составляли значительную часть населения империи, и их мнение было важным для властей. Местное арабское руководство, как мусульмане, так и христиане, смотрело на волну еврейских иммигрантов в Палестину с подозрением и враждебностью. Прекрасно осознавая, что евреи возлагают свои национальные устремления на Палестину, арабы не были готовы принять вторжение иностранцев в свою страну. Они неодобрительно смотрели на колонии немцев-темплеров и еще более негативно были настроены в отношении еврейских переселенцев.

В результате правительство Османской империи оказалось враждебно настроенным по отношению к еврейской иммиграции и покупке земли. Еще в 1881 году турки запретили евреям въезд в Палестину, и когда первые билуицы прибыли в Стамбул по пути в Палестину, их уведомили, что евреи мо-

⁵⁰ Титул халифа всех мусульман и так принадлежал османским султанам с 1517 г.

гут селиться где угодно в империи, кроме Палестины. Герцль тщетно пытался изменить эту политику, обещая султану финансовые выгоды, но его разговоры о хартии под международной эгидой только усилили подозрения османов. Давление со стороны западных держав, настаивавших на праве своих граждан селиться в Палестине, привело к небольшому смягчению правил: еврейским паломникам разрешалось посещать страну сначала на один месяц, а затем на три. Каждый местный правитель придерживался правила в соответствии со своим пониманием: в Яффо строго соблюдался полный запрет, тогда как в портах Хайфы и Бейрута евреям разрешалось высаживаться. Были наложены жесткие ограничения на покупку земли и строительство, но в эти постановления через день вносились поправки в результате давления со стороны консульств, оставляя место для сомнений в отношении намерений властей. Эта двусмысленность давала местным правителям некоторую гибкость, к тому же взяточничество было обычным делом. Евреи воспользовались лазейками в законах, неспособностью властей проводить в жизнь свою собственную политику и ужасной слабостью – как политической, так и этической – исполнительной власти. Тем не менее жесткая враждебная политика Османской империи была одним из основных факторов, лежащих в основе огромных трудностей, с которыми столкнулись поселенцы.

В первые годы алии было основано семь мошавов в трех основных районах: к юго-востоку от Яффо, на горе Кар-

мель и в Самарии (область к югу от хребта Кармель, а не одноименная территория с арабским населением к востоку), а также в восточной части Верхней Галилеи (см. карту 1). Ришон-ле-Цион, Йесуд-ха-Маала, Гедера, Экрон и Петах-Тиква были основаны иммигрантами из российской черты оседлости, а Рош-Пина и Зихрон-Яаков были созданы членами Hovevei Zion из Румынии. За исключением Экрона, основанного бароном де Ротшильдом, и Гедеры, населенной билуйцами при поддержке Одесского комитета Hovevei Zion, все они были созданы по частной инициативе с частным капиталом.

Иммигранты организовывались в группы, как правило, по городам происхождения, чтобы покупать землю, чаще всего у арабских владельцев, эфенди, арабов и других земельных посредников. Эта земля была заброшенной, хотя ранее ее часть в какой-то степени обрабатывалась фермерами-арендаторами. Почва была песчаной (Ришон-ле-Цион, Нес-Циона, Реховот, Гедера и Петах-Тиква), каменистой (Зихрон-Яаков и Рош-Пина), располагалась вблизи болот (Йесуд-ха-Маала и Гедера), либо отсутствовали источники воды или обильные осадки. Арабы предпочитали холмистые районы, свободные от малярии, с обильными дождями и источниками, где выращивали в основном фруктовые деревья. Земля на прибрежной равнине считалась некачественной, пока еврейские поселенцы не обнаружили, что уровень грунтовых вод здесь не очень глубок. Они начали качать воду с по-

мощью современного оборудования и приспособливать свои посевы к песчаной почве.

Однако все подробные расчеты, сделанные поселенцами до иммиграции, оказались крайне оптимистичными. Вскоре после начала первой волны иммиграции правительство Османской империи запретило евреям въезд в Палестину, в частности с целью покупки земли и создания поселений. Смекалка некоторых евреев-сефардов, бывших османскими подданными, позволила зарегистрировать землю, якобы купленную на их имя, но до завершения процедуры регистрации в Земельном кадастре нельзя было возвести никаких построек. В результате этого весь график, запланированный поселенцами, сорвался. Также необходимо было давать взятки, что увеличивало непредвиденные расходы поселенцев.

В большинстве случаев покупка земли была сопряжена с конфликтами: либо с соседними арабскими деревнями, недовольными границами земли, купленной евреями; либо с продавцами, обманывавшими покупателей; или с фермерами-арендаторами, которых покупатели пытались выселить со своей земли. Если аргументы не касались земельных границ или прав собственности, поднимался вопрос о праве бедуинов пасти скот на жнивье, о праве перехода и использования близлежащего источника или местного колодца. Разрешение этих столкновений требовало существенных выплат. Если стороны доходили до суда, дело затягивалось на го-

ды. Между тем покупатели не могли селиться или строиться на земле; они и их семьи временно жили в ближайшем городе и были вынуждены копить свои сбережения. Наконец, хотя поселенцы и были из слабо развитых регионов Европы, они по-прежнему стремились к определенному стандарту общественных удобств, который требовал наличия синагоги, школы и медицинского учреждения. Эти потребности влекли за собой дополнительные вложения, которые не были учтены заранее.

Предполагалось, что ассоциации Hovevei Zion станут содержать поселенцев в течение первого года, пока не будет собран первый урожай, но им так и не удалось собрать необходимые средства. Поскольку они переводили полученные деньги по крупицам, их никогда не было достаточно для укрепления поселений, а только для удовлетворения повседневных потребностей. К концу первого года своего существования Ришон-ле-Цион, первый мошав, оказался в кризисе, когда выяснилось, что полевые культуры не дадут достаточно урожая, чтобы покрыть расходы и обеспечить проживание семей, как изначально предполагалось. Помимо подобных внешних проблем, этим европейским горожанам было трудно адаптироваться к деревенской жизни на Ближнем Востоке. У них не было опыта тяжелой, утомительной работы, необходимой в сельском хозяйстве. Жаркий климат был им чужд, комары и другие насекомые превращали их жизнь в страдания, а в некоторых мошавах распространялась ма-

лярия, из-за чего поселенцы оказались физически истощенными.

Им на помощь пришел барон Эдмон де Ротшильд. Когда в 1900 году, в конце этого периода, Ротшильд осудил руководство ишува, сказав: «Я создал ишув, я один», он не преувеличивал. Он не был ярым сионистом и считал, что любые действия, предпринимаемые евреями в Палестине, должны быть сдержанными, осторожными и должны избегать далекоидущих политических заявлений, чтобы не вызывать подозрений правительства или враждебности арабов. После смерти Ротшильда в 1934 году палестинская пресса процитировала интервью, в котором он высказался по вопросу о еврейском государстве в Палестине, что евреи должны вести себя в соответствии с правилом, сформулированным французским государственным деятелем Леоном Гамбеттой после уступки Эльзаса и Лотарингии Германии в результате поражения французов при Седане в 1870 году: «Никогда не говори об этом, всегда думай об этом». Это, безусловно, был мудрый совет, но он не принимал во внимание трудности, с которыми столкнулось национальное движение. Он должен был поддерживать энтузиазм своих верных сторонников и последователей, прося их скрыть свои чувства и оставаться верными, даже если их надежды на будущее не подкреплялись в настоящем.

В течение нескольких лет четыре мошава попали под покровительство Ротшильда (Ришон-ле-Цион, Рош-Пина,

Зихрон-Яков и Экрон), и он также поддерживал в той или иной степени почти все остальные. Право собственности на землю принадлежало ему, мошавы также управлялись его представителями, однако его участие держалось в секрете. Последний запрет не соблюдался, и Ротшильд вошел в местный фольклор под прозвищем «известный покровитель».

Барон вложил огромные суммы в обеспечение законного владения землей и получение разрешений на строительство. Его отношения с властями через своих эмиссаров и при помощи французского консула помогли обеспечить дальнейшее существование мошавов и их защиту от нападений или произвола со стороны правительства. Чтобы увеличить владения фермеров в надежде на экономическую консолидацию, Ротшильд приобрел большие участки земли, прилегающие к мошавам. Он также раздал землю жителям мошавов, которые не владели ею, чтобы расширить мошавы и повысить эффективность общинного хозяйства и безопасности. Он потребовал, чтобы рабочие, нанятые мошавом под его эгидой, были евреями, что было еще одним способом увеличить еврейское население. Кроме того, он вложил огромные суммы в развитие водной инфраструктуры мошавов путем относительно глубокого бурения артезианских скважин и установки современных насосов.

Классический образ земледельца – это фигура фермера, вспахивающего и засеивающего свою землю, и действительно, первые мошавы были основаны на полевых культурах.

Полевые культуры не требовали ни больших вложений, ни ирригации, но для обеспечения жизни фермера и его семьи выращиванием зерна требовалось около семидесяти пяти акров на каждого поселенца, а у большинства фермеров были гораздо меньшие владения. Поселенцы мечтали не о жизни в достатке, а о достойной жизни за счет своих трудов, и, несмотря на свои вложения в инфраструктуру и общественные здания, а также поддержку нуждающихся поселенцев, Ротшильд понял, что выращивание зерновых не обеспечит достойного существования. Начиная с 1885 года по совету специалистов по сельскому хозяйству, привезенных из Франции, барон начал преобразовывать контролируемые им мошавы в плантационное хозяйство. Тысячи акров были засажены виноградными лозами. Мошавы, которые он не контролировал, а также те, что были созданы в 1890-х годах (наиболее известные из них – Реховот и Гедера), последовали этому примеру и основывали свое земледелие на монокультуре. Ротшильд построил современные винодельни в Ришон-ле-Ционе и Зихрон-Яакове, на которых осуществлялся отжим всего винограда, выращиваемого мошавами.

Экономика промышленных плантаций была неизвестна в Палестине, и, насколько можно судить, барон следовал примеру французских жителей юга Франции и Алжира в деле внедрения экономики виноградарства. Но переход от полевых культур к плантационному хозяйству в промышленных масштабах оказался непросто. Сорта винограда, предостав-

ленные французскими экспертами, не подходили для местного климата, и фермерам не раз приходилось выкорчевывать лозы и высаживать новые сорта. Виноградники Зихрон-Яакова оказались поражены филлоксерой, и их пришлось уничтожить.

Первоначально мошав управлялся выборными комитетами, и сложилось демократическое управление, несмотря на внутренние разногласия, типичные для группы людей без четкого руководства, оказавшихся в чрезвычайно суровых условиях. Когда барон взял мошавы в свои руки, он распустил все институты самоуправления и заменил их своими собственными менеджерами в так называемом режиме чиновников. Этот акт продемонстрировал значительное высокомерие со стороны современного западного человека по отношению к восточноевропейским евреям, а также недоверие богатого человека к своим ставленникам. Ротшильд хотел заселить землю простыми, необразованными и неприхотливыми фермерами, во многом наподобие фермеров в Европе. Так, например, люди, которых он поселил в созданном им Экроне, были неграмотными и нуждались в одном образованном человеке, который мог бы писать за них письма их семьям в Литве. Барона не впечатлила образованная элита Ришон-ле-Циона или Реховота десятью годами позже, и он не желал поддерживать Гедеру, мошаву образованных билуйцев. По его представлению, еврейское поселение в Палестине должно было основываться на особом челове-

ческом типе: скромный фермер, довольный своей судьбой, смотрящий не дальше горизонта, чьим владением был весь мир. Тем не менее для передовых методов и современного сельского хозяйства, внедренного Ротшильдом, требовался другой тип фермера – осведомленный об изменяющихся потребностях, разбирающийся в технологиях и открытый для инноваций.

Результатом данного противоречия стало введение целой системы чиновников, экспертов и инструкторов, которые руководили всеми мельчайшими деталями жизни в мошавах. Среди этих официальных лиц были те, кто посвятил себя еврейскому поселению в Палестине, а другие не интересовались этим, обращались с жителями с высокомерием, вызвав тем самым беспорядки. Барон безоговорочно поддерживал своих чиновников и уволил некоторых фермеров с независимыми взглядами, погасив искру инициативы снизу. Его «режим чиновников» привел к моральному разложению и появлению класса подбострастных подхалимов, искавших благосклонности официальных лиц. Таким образом, инициатива и изобретательность фермера сменились зависимостью и уничижением. Винодельни Ротшильда отжимали весь виноград мошавов по фиксированным ценам, которые субсидировались, значительно превышая реальную стоимость.

В конце 1890-х годов наблюдалось значительное перепроизводство вина, спрос на которое отсутствовал, и чиновники барона не могли его продать. Но внутри мошавов субси-

дия создавала ложное впечатление изобилия. Роскошь была в одежде, жилище и образовании; дети из мошавов были отправлены учиться во Францию по рекомендации властей. Зихрон-Яаков называли Маленьким Парижем. Французская культура – культура господствующего класса – была образцом для молодого поколения. Поговорка «за счет барона» отражала атмосферу экстравагантности и гедонизма.

В 1887 году Одесский комитет Hovevei Zion, который рассматривал помощь барона как основу поселения, решительно упрекнул группу, восставшую против чиновников в Ришон-ле-Ционе. Йехиэль Михаэль Пайнс, покровитель билуйцев, назвал восставших фермеров «нигилистами». Ахад ха-Ам осудил их. Элиэзер Бен-Иегуда, яростный борец за иврит и противник ультраортодоксов в Иерусалиме, провозгласил: «Не с образованными людьми, привыкшими к свободе, которые не могут вынести ярма господ, не с их мыслями весь день о том, чтобы быть свободными людьми, будет построена Иудея. – И предупредил: – В мошавах они [образованные] – разорение, разорение, разорение»⁵¹.

Однако всего лишь десять лет спустя многие из тех же голосов разошлись с критикой руководства мошавов и его целей. Ахад ха-Ам и его последователи осудили «режим чиновников» за разложение мошавов. Барон де Ротшильд вло-

⁵¹ Ben-Yehuda E. Divrei yemei hashavua (Хроники недели) // Hatzvi, 1887, 14. Цит. по: Kolatt I. Poalei ha'aliyah harishona (Рабочие Первой алии) // Sefer ha-aliyah harishona (Книга Первой алии). Vol. 1 / Ed. M. Eliav. Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 1981, p. 345.

жил огромные средства. По оценке агронома Рана Ахаронсона, за 18 лет своего участия в мошавах он вложил 1,6 миллиона фунтов стерлингов, что почти в 20 раз превышает общий объем инвестиций Hovevei Zion за тот же период. Однако мошавы не добились экономической независимости. Судя по всему, барон понял, что пришло время изменить систему, и в конце 1899 года подписал соглашение с Еврейским колонизационным обществом, по которому мошавы были переданы под контроль ЕКО. ЕКО, основанное бароном Хиршем, способствовало развитию еврейских сельскохозяйственных поселений в Аргентине, а во второй половине 1890-х годов также начал действовать в Палестине. С подписанием соглашения Ротшильд перевел 15 миллионов франков в ЕКО для продолжения инвестирования в организацию поселений.

Подход ЕКО был менее патерналистским и более капиталистическим и рациональным. Оно прекратило субсидирование винограда, снизило прямые выплаты фермерам и значительно сократило количество чиновников и государственных служащих. Фермерам сказали, что они должны справляться самостоятельно и реструктурировать свое сельское хозяйство. Рабочие-евреи, относительно высокая заработная плата которых соответствовала периоду процветания, были уволены и заменены низкооплачиваемыми арабскими рабочими. ЕКО без колебаний побудило безработных покинуть страну и даже предоставило им проезд. То же самое произошло с представителями второго поколения мошавов, у ко-

торых не было сбережений. Старые виноградники были выкорчеваны, ЕКО поощряло переход к смешанному сельскому хозяйству полевых культур и плантаций, и были предприняты первые попытки посадки цитрусовых деревьев. После кризиса, длившегося несколько лет (проявившегося, среди прочего, активной поддержкой колонистами Угандийского плана), старые мошавы начали стабилизироваться и укрепляться. В течение первого десятилетия XX века мошавы, основанные до 1900 года, добились экономической независимости.

Теперь ЕКО вернулось к модели ишува, сформированного из бедных, необразованных простых поселенцев, которые возделывали полевые культуры. Его основное поселение было в новом районе еврейского заселения Нижней Галилеи, где было основано пять мошавов, предназначенных для опытных, зарекомендовавших себя сельскохозяйственных рабочих. Поскольку в Нижней Галилее мало осадков, план заключался в том, чтобы возделывать полевые культуры, не требующие много воды. Чтобы поселенцы могли зарабатывать себе на жизнь своим трудом, им были предоставлены относительно большие участки площадью около 75 акров. Почва была каменистой, и поселенцам пришлось расчищать поля, прежде чем приступить к обработке земли.

ЕКО предоставило каждому поселенцу инвентарь, скот и оборудование, чтобы он сразу мог встать на ноги. Согласно контракту между ЕКО и поселенцами, последние будут

считаться фермерами-арендаторами до тех пор, пока не выплатят инвестиции ЕКО в свою ферму. Пять мошавов были построены в нескольких минутах ходьбы друг от друга – это первый пример блочной планировки еврейских поселений. Удаленность от центра страны, изоляция поселенцев и необходимость довольствоваться малым, а также выращивание сельскохозяйственных культур – все это было своего рода магическим притяжением для молодых людей Второй алии, которые смотрели на Галилею как на сказочную страну и на ее фермеров как на настоящих земледельцев, в отличие от своих измученных собратьев с плантационных мошавов.

Но жизнь поселенцев была чрезвычайно тяжелой из-за редких дождей, хронической нехватки воды и плохих урожаев. Набеги бедуинов из Трансиордании и воинственные арабские соседи, а также стихийные бедствия заставили поселенцев быть готовыми к борьбе за свою жизнь и имущество. У них развилась ярко выраженная индивидуалистическая позиция, чем-то напоминающая Дикий Запад.

В 1904 году в Палестине было 30 еврейских сельскохозяйственных поселений с населением от 5000 до 5500 жителей. На протяжении многих лет именно эти поселения определяли границы еврейского ишува, от Метулы на севере до Беэр-Товии на юге (см. карту 1). Блоки поселений, сформированные в этот начальный период, во многом определили будущее развитие ишува. Позднее усилия были направлены на расширение этих блоков и их соединение – генеральный

план, уже присутствовавший в зачаточной форме в планах распределения ранних поселений.

Вторая алия и зарождение характера пионеров

После кризиса, вызванного Планом Уганды, сионистское движение погрузилось в глубокую депрессию, усугубившуюся после внезапной смерти Герцля в 1904 году. Движение сосредоточилось на повседневных проблемах, поскольку было ясно, что до тех пор, пока не будет изменений в международной ситуации, не будет никакой возможности осуществить мечту покойного лидера о получении хартии для Палестины. Старые мошавы начали выходить из кризиса, связанного с переходом под контроль ЕКО, но посткризисный менталитет сохранился, и многие представители второго поколения покинули мошавы. Именно в этой мрачной атмосфере в Палестину начала прибывать новая волна иммигрантов – группа, которая войдет в историю как Вторая алия.

Как и предыдущие, этот приток от 35 000 до 40 000 иммигрантов можно рассматривать только как незначительную пену на большой волне еврейских эмигрантов, покидавших Восточную Европу в это время, большинство из которых уехали в Америку (в период с 1904 по 1914 год около 1,2 миллиона из них достигли Соединенных Штатов). По словам писателя Йосефа Хаима Бреннера, «семья, которая хо-

тела избавиться от проблемы, отправила ее в Палестину». Он продолжал: «Только революции, подобные революциям 1905–1906 годов, которые всколыхнули и сотрясли нашу кухонную посуду в черте оседлости, одним махом отправили десятки тысяч наших людей через моря, а также вынесли осколки в Эрец-Исраэль»⁵². Большинство этих иммигрантов вернулись домой, хотя определенное количество осталось и поселилось в городах, в основном в Яффо, но меньшинство выбрало другой путь, и это наложило отпечаток на всю Вторую алию.

30 лет между Первой и Второй алией изменили облик черты оседлости, откуда прибыло большинство иммигрантов. Ускоренная индустриализация и модернизация в России вынудили людей переехать из маленьких городков в уездные и крупные города черты оседлости. Одним из результатов этого процесса урбанизации стала большая радикализация молодого поколения. Растущая активность русских революционеров, в особенности социалистов, которые участвовали в атаках против правительственных деятелей, привлекла молодых евреев, которые думали: «Вот русская молодежь восстает против правительственной тирании, и если они могут, то можем и мы». Бунд, еврейско-марксистская партия, которая стремилась продвигать интересы еврейских рабочих, была основана в 1897 году, в год проведения Первого сию-

⁵² *Brenner Yosef Haim. Aliyot viyeridot (Алия и отъезд) // Sefer ha'aliya hashniya (Книга Второй алии) / Ed. Habas Bracha. Tel Aviv: Am Oved, 1947, p. 21.*

нистского конгресса. Бунд пробудил гордость еврейских рабочих, внедрив в них классовое и национальное самосознание и надежду на то, что, когда наступит демократическая революция, всякая религиозная и национальная дискриминация будет устранена.

После кишиневского погрома 1903 года еврейские группы самообороны начали организовываться при поддержке Бунда и сионистов. После волны погромов, потрясшей черту оседлости после первой русской революции 1905 года, набирал силу процесс радикализации еврейской молодежи, что проявилось в избытке идеологий и направлений. Были те, кто верил в демократическую революцию, которая позволит евреям жить в России в качестве меньшинства, имеющего право сохранять свою исключительную культуру, выраженную в языке и литературе на идише («автономисты» и бундовцы). Других, после Угандийского плана и неудачных попыток заполучить Палестину, привлек территориализм, то есть поиск территории для евреев за пределами Палестины.

Были, конечно, и сионисты. Но сионизм Hovevei Zion или Герцля казался буржуазным; он не достиг своих целей и был несовместим с духом тех бурных времен. Начали возникать радикальные сионистские кружки: Tze'irei Zion («Молодежь Сиона») и Poalei Zion («Рабочие Сиона»). Вначале эти кружки были аморфными и менее способными выражать позитивные цели, чем выступать против «режима чиновников» в мошавах (о котором они узнали из знаменитого эссе Ахад

ха-Ама The Yishuv and Its Custodians, «Ишув и его охранители»), далекоидущих планов политического сионизма, не имевших реальной основы, против мелкобуржуазного характера сионистской деятельности. Они хотели другого сионизма, который был бы значимым не только для еврейского коллектива, но и для каждого отдельного человека. Он должен был воплотить психологическую революцию в образе еврея – революцию ценностей, норм и поведения. Tze'irei Zion подчеркивали национальные и культурные факторы и стремились к нравственной и подлинной жизни в Стране Отцов, в то время как Poalei Zion находились под влиянием социалистических идей на русской улице.

Бер Борохов соединил марксизм, который тогда считался господствующей идеологией, и сионизм. Он объяснил, что евреи в своих странах не смогли стать частью пролетариата, классом будущего, потому что им не разрешалось работать в промышленности. Вместо этого они обнищали и превратились в люмпен-пролетариат. Следовательно, евреи были обречены на гибель в неминуемой великой битве между капитализмом и социализмом. Чтобы спастись, им нужна была собственная страна, где они могли бы вести классовую войну должным образом, и этой страной должна стать Палестина. В видении Борохова, это развитие должно было происходить через объективные, стихийные процессы, не зависящие от воли человека. Он утверждал, что социалистические сионисты не должны были иммигрировать в Палестину по эмо-

циональным причинам, но их туда подтолкнули эти «объективные» процессы. Следовательно, нельзя использовать иммиграционную пропаганду и сотрудничество с сионистской буржуазией. Роль Poalei Zion заключалась в содействии развитию капитализма в полуфеодальной Палестине; и только после того, как будет достигнут этот жизненно важный этап в его историческом развитии, там произойдет социалистическая революция. С сегодняшней точки зрения мировоззрение Poalei Zion кажется не более чем неуклюжей попыткой облечь теорию в желаемую реальность; но нужно иметь в виду, что бороховизм предоставил десяткам тысяч молодых евреев синтез, позволивший связать всемирную революцию, олицетворявшую развитие человеческого духа, с их националистическими устремлениями.

В 1906 году Иосиф Виткин, больной туберкулезом учитель иврита, горько разочарованный своим опытом преподавания в мошаве, опубликовал Appeal to the Youth of Israel whose heart is with their people and Zion («Обращение к молодежи Израиля, чье сердце с их народом и Сионом»), в котором призвал идеалистически настроенных молодых людей иммигрировать в Палестину. «Пробудись, о молодежь Израиля, приди на помощь своему народу! Наш народ борется, его земля скоро навсегда ускользнет из его рук. Спешите ей на помощь!» Он попытался подготовить своих читателей к ожидающим их испытаниям: «Готовьтесь бороться с природой, болезнями, голодом, людьми – друзьями и противника-

ми – незнакомцами и братьями, ненавистниками Сиона и сионистов... Будьте готовы к ненависти и жестокости тех, кто будет рассматривать вас как опасного конкурента». В конечном итоге «многие из вас погибнут, возможно, борясь с болезнями и лишениями, голодом и тяжелым трудом, но те, кто останется, и те, кто последует за ними, пополнят ряды, и война, эта война за мир будет продолжаться до победы». В заключение он сказал: «Герои Израиля, спешите и двигайтесь вперед. Обновите дни билуйцев с еще большей энергией, иначе мы непременно и скоротечно погибнем»⁵³.

Большинство этих юношей и девушек приехали в Палестину самостоятельно и долгие годы оставались холостыми. Они прибыли в далекую, неизвестную страну весьма молодыми, без родственников или друзей, без поддержки движения, общества или ассоциации, которая могла бы помочь им. Подавляющее большинство прибыло без денег и средств, с единственной целью – работать на Земле Израиля. Годы Второй алии были также годами подросткового кризиса прибывших. Они были странниками; какое-то время работали в цитрусовых рощах Петах-Тиквы, потом ветер перенес их в Гедеру, а оттуда в Галилею и т. д. С одной стороны, это отсутствие постоянства выражало их желание познакомиться со страной, а с другой – говорило об определенной неудовлетворенности, отсутствии зрелости и готовности к посто-

⁵³ Обращение Иосифа Виткина, март 1906 г.: факсимиле оригинала, находящегося в архиве партии HaAvoda, приложенного к Книге Второй алии.

янному месту, людям и образу жизни. Движимые духом русских революционеров, они стремились к полноценной жизни, и их не останавливали страдания и невзгоды, которые они ввалили на себя. «Мы боялись благополучия», – писала Рахель Блувштейн, которая стала известна как Рахель Поэтесса. «Мы стремились к жертвам», – описал эту эмоцию как «радость жертвоприношения» Залман Шазар (третий президент Израиля)⁵⁴.

Пионеры Второй алии принесли из России модель политической партии как принятой организационной основы. Партия предполагала выборное руководство, платформу, включавшую основные аспекты идеологии группы, и газету, которая участвовала в битвах партии и представляла ее идеологию общественности. Первой такой партией, основанной в Палестине, был Наро'el Hatza'ir («Молодой рабочий») в 1905 году. Она не придерживалась заранее определенной платформы, что было равносильно заявлению, что ее члены не занимаются политической теорией, а лишь укореняются в палестинских реалиях. На своем щите они написали «Завоевание труда», что означало привлечение еврейского рабочего к сельскохозяйственным работам на еврейской земле. С точки зрения культуры они рассматривали развитие еврейского культурного центра в Палестине и превращение иврита в повседневный язык как первоочередную национальную

⁵⁴ Shazar Z. Tzion vatzedek (Сион и справедливость). Vol. 2. Tel Aviv: Tarbut vehinukh, 1971, p. 461.

миссию. Для них романтизм сельскохозяйственного рабочего был связан с идеей, что ручной труд избавит еврея от извечных недугов. Это было бы источником силы духа и создало бы новые качества, которые привели бы к психологической революции.

В 1906 году в Палестине была создана партия Poalei Zion. Ее манифест – платформа Рамла – был сформулирован в духе Борохова двадцатилетним Давидом Бен-Гурионом, прибывшим в страну всего несколькими месяцами ранее. Poalei Zion стремилась завладеть пролетариатом и поэтому привлекала рабочих к ручному труду в мошавах. Партия, похоже, не придавала этой работе духовного значения, которое ей приписывал Наро'el Hatza'ir, а скорее считала ее насущной необходимостью. На самом деле повседневные интересы обоих этих направлений сошлись воедино на сельскохозяйственной работе.

После того как мошавы перешли под контроль ЕКО, в них почти не осталось еврейских рабочих. Молодые люди, которые теперь начали прибывать в мошавы, были породой, совершенно отличавшейся от своих скромных и безрадостных предков. Они привнесли решительное чувство миссии, убежденность в том, что их роль заключается в обеспечении еврейского плацдарма в Палестине, и в национальном характере мошавов. Они были вольнодумцами, мужчинами и женщинами, которые вместе ходили на работу и проводили свободное время, и они считали себя авангардом, указывающим

путь тем, кто придет после них. Они придавали большое значение своему статусу рабочих, а идея контролировать работу других, то есть эксплуатировать их труд, была для них неприемлемой. Точно так же они отвергли прежний идеал рабочих стать землевладельцами. Они хотели оставаться простыми рабочими и считали свой труд выполнением своей национальной миссии. Извлекая урок из судьбы пионеров Первой алии, утративших свои идеалы, когда они попали под покровительство барона, и недолюбливая ультраортодоксов, живших на благотворительность халукки, они отказались от какой бы то ни было поддержки. Их независимость должна быть сохранена только в том случае, если они откажутся связывать себя с какой-либо материальной собственностью и будут ревностно защищать свою свободу от посягательств.

Знакомство этих радикальных, зашоренных идеологией молодых людей с действительностью мошавов было болезненным. «Пионеры Первой алии стали спекулянтами и лавочниками, торгующими надеждами своего народа и продававшими чаяния своей юности за гроши. Они ввели идола изгнания в храм возрождения, и создание родины было запятнано “идолопоклонством”»⁵⁵, – писал Давид Бен-Гурион. Идолопоклонство – один из трех исключительных еврейских грехов, о которых говорится: «Пусть еврей предпочтет

⁵⁵ Ben-Gurion D. Beyehuda uvagalil (В Иудее и Галилее). Цит. по: *Even-Shoshan Z. Toldot tenuat hapoalim be'Eretz Yisrael* (История рабочего движения в Эрец-Исраэль). Tel Aviv: Am Oved, 1963, p. 73–74.

смерть и не совершит этого греха» (два других – это пролитие крови и кровосмешение). Используя эти метафоры, Бен-Гурион отождествлял нечестивого и оскверняющего «идола в храме» с арабскими рабочими на полях мошавов. Таким образом, он перевел проблему арабского труда с практического уровня получения евреями работы в мошавах на мифический уровень нарушения табу.

Столкновение между этими рабочими и фермерами Первой алии было столкновением цивилизаций – между консервативным обществом и радикальным, между соблюдающим традиции обществом и обществом, гордящимся своим секуляризмом, между обществом, приверженным постоянству и стабильности, и обществом, отвергающим буржуазные ценности и материальный успех. Фермеры презирали молодежь как шмендриков (невежественных или никчемных людей, *идиш*), в то время как молодежь характеризовала фермеров как предателей нации, чье стремление к деньгам заставило их отказаться от сионистской идеи создания продуктивного еврейского сообщества в Палестине. В разразившейся войне поколений фермеры подчеркивали свои невзгоды за последние 30 лет и утверждали, что важно поддерживать экономическую стабильность мошавов как часть заселения Палестины, что в любом случае для поддержания жизни не хватит исключительно еврейских рабочих, и, возможно, жизнь в мире со своими арабскими соседями требовала и того, чтобы нанимать их для сельскохозяйственных работ. Однако эти

аспекты остались без внимания. Битва за сионистское общественное мнение, которое внимательно следило за полемикой в прессе в Палестине и за рубежом, была выиграна рабочими Второй алии, которые с тех пор приобрели ауру спасителей нации, в то время как фермеры заклеили себя как классовые эгоисты.

Дискуссия о еврейском труде в мошавах превратилась в дискуссию о сути сионизма. В 1912 году, после своего третьего визита в Палестину, Ахад ха-Ам опубликовал свое эссе All in All («Все во всем»). Тогда как в своих предыдущих эссе «Истина из Эрец-Исраэль» и «Ишув и его хранители» он резко раскритиковал ситуацию в мошавах, теперь он представил их достижения, экономический рост и независимость. Он описал успешного фермера, встреченного им в мошавах, как почти идеальную фигуру, своего рода библейского Вооза, гордого, знающего хозяина, который наблюдает за своими рабочими и зарабатывает на жизнь сельским хозяйством, но не работает сам. Затем Ахад ха-Ам задал решающий вопрос: «Основы жизни любой страны лежат в сельских массах... сельские массы в Палестине не еврейские в настоящее время, и трудно представить, что в будущем они станут еврейскими». Он пришел к выводу, что по самой своей природе еврей не предназначен для возделывания земли: «Еврей слишком умен, слишком культурен и не способен свести всю свою жизнь и желания к небольшому участку земли и быть довольным своей участью, зарабатывая на

этом скромную плату в поте лица»⁵⁶, поэтому надежды Герцля на Палестину как на «безопасное убежище» не имели под собой никаких оснований, поскольку евреи всегда были меньшинством среди значительного арабского большинства. Для Ахад ха-Ама эта ситуация была оправданием идеи «духовного центра», которую он выдвигал с самого начала, но для приверженцев чистого сионизма она звучала похоронным звоном. Неудача завоевания труда в мошавах была не только личным поражением этих молодых людей, но и национальной трагедией сужения сионистских перспектив.

Социальная структура, в которой землевладельцы были европейским меньшинством, а рабочие – коренными жителями, напоминает колониальные общества, в которых европейское меньшинство управляло местным большинством и эксплуатировало его труд. С самого начала еврейское общество в Палестине не соответствовало этой схеме. Новый еврейский ишув создавался не для того, чтобы родина могла послать своих сыновей и дочерей поселиться в стране, которой управляла, и эксплуатировать ресурсы колонии. Скорее Палестина была уникальным случаем, когда в основном европейские поселенцы решили приехать в неразвитую, экономически отсталую страну и инвестировать в нее капитал и труд по националистическим и идеологическим мотивам. Поселенцы не завоевывали землю, они покупали ее.

⁵⁶ *Ahad H. Sakh hakol* (Все во всем) // *Alparashat derakhim* (На распутье), 4. Berlin, 1930, p. 167.

Тем не менее социально-экономическая структура, сложившаяся в мошавах, была аналогична структуре европейских колоний, и люди Второй алии полностью ее отвергли. После Французской революции революционеры, особенно в царской России, приняли лозунг «Земля для тех, кто ее обрабатывает». Люди Второй алии считали, что сохранение статус-кво в мошавах означает продолжение эксплуатации чужого труда, а также чувствовали опасность, что однажды арабские рабочие восстанут против своих еврейских хозяев и завладеют землей. Социалистическая идеология заставила почувствовать потенциальную опасность, присущую социально-экономической структуре мошавов и ее моральные изъяны.

Борьба за завоевание труда в мошавах провалилась. В некоторых случаях фермеры не хотели, чтобы наглые рабочие-евреи бросали вызов работодателям. В других еврейских рабочих просто не хватало, чтобы «завоевать» труд. Хуже всего, что оказалось, даже когда еврейские рабочие имели постоянную работу и им удавалось упорно продолжать тяжелый, утомительный труд, они не могли поддерживать жизнь культурных людей, читать иногда газету или книгу, а также у них совершенно не было возможности создать семью. Эта проблема обострилась по мере того, как прошло десятилетие Второй алии и юноши с девушками повзрослели.

Эта последняя трудность привела к мысли, что, возможно, идеалистичный, относительно образованный рабочий,

нуждающийся в культуре, не годится для завоевания труда. Возможно, это было бы лучше осуществить тем, кого в то время называли «естественными работниками», – людям, для которых физический труд был естественен и которым не нужно было «завоевывать» его в смысле необходимости добиваться победы над собой, чтобы делать такую работу. И оказалось, что такие естественные рабочие были.

Во время Первой алии по собственной инициативе из Йемена в Палестину прибыло несколько тысяч иммигрантов. В конце 1840-х годов британцы захватили Аден, открыв для йеменских евреев возможность получать через еврейскую прессу, доходившую до города, информацию о событиях в других еврейских общинах. В 1880-х годах распространился слух, что богатые евреи собираются купить Палестину и поселить там евреев. Османские правители Йемена строго соблюдали все унижительные антиеврейские указы, характерные для этой мусульманской страны. Сочетание суровых условий в Йемене, любви к Земле Израиля и надежды на улучшение своего положения побудило йеменских евреев предпринять путешествие в Палестину. Как османским подданным им было разрешено въехать в Палестину, а открытие Суэцкого канала сократило поездку.

Достигнув Палестины несколькими волнами, йеменцы поселились в Иерусалиме и Яффо и зарабатывали на жизнь, будучи ремесленниками, ювелирами, строителями и каменотесами – в этих сферах они конкурировали с арабами. У

них была репутация трудолюбивых людей, довольствующихся малым. Итак, когда рабочие Второй алии были в отчаянии из-за провала «завоевания труда», родилась идея привлечения йеменских евреев, которые должны были интегрироваться в мошавах как «естественные рабочие». Шмуэль Явнеэли, выдавая себя за раввинского палестинского эмиссара, направленного в общины диаспоры с целью сбора благотворительных пожертвований, отправился в Йемен, чтобы увлечь евреев этой удаленной страны идеей иммиграции в Палестину, путешествия, которое стало частью мифологии Второй алии. Начиная с 1909 года в Палестину снова прибыла волна йеменских иммигрантов, и около 1200 человек собирались работать в мошавах. Они столкнулись с немалыми трудностями: будучи физически слабыми, не имея опыта в сельскохозяйственных работах, они, конечно, не могли соперничать с арабами. Смертность от болезней была чрезвычайно высока. К 1914 году йеменцы составляли около 5 % еврейского населения Палестины, но «естественными рабочими» они не стали.

В более абстрактном смысле термин «завоевание труда» относился к усилиям рабочих Второй алии по адаптации к физическому труду, и это усилие было их основополагающим опытом. Как рассказывал Йосеф Хаим Бреннер: «Кто может представить себе боль несчастного еврейского интеллектуала, который приезжает сюда в надежде жить другой, здоровой жизнью человека физического труда, с запахом по-

ля – и через несколько дней понимает, что его мечта пуста... что у еврейского народа здесь нет надежды и что – и это главное – он сам не пригоден для какой-либо формы труда...»⁵⁷ Литература и мемуары того периода богаты описаниями трудностей физического труда под палящим солнцем, которые еврейский интеллектуал испытывал, конкурируя с гораздо более опытным арабским рабочим. Считалось, что труд имел моральную ценность и обладал богатыми терапевтическими возможностями как для человека, так и для общества. Соответственно, рабочие считались элитой нации, они жертвовали собой ради национальных интересов и несли на своих плечах реализацию сионистской идеи во всей ее чистоте. Считалось также, что физический труд наделяет человека духовными качествами и мистической связью со страной. Благодаря ему евреи избавлялись от наследия изгнания. Этим рабочие оправдывали свои страдания, когда ежедневно трудились в мошавах.

В отличие от европейских социалистов, которые не отождествляли свое мировоззрение и реальный образ жизни, русские революционеры настаивали на том, чтобы жить в соответствии со своими идеалами. Перенос этой идеи в Палестину означал, что было недостаточно верить в преимущество работы в поле перед любой другой формой труда; нужно жить в соответствии с этой верой. Недостаточно было ве-

⁵⁷ *Brenner Y. H. Bein mayim lemayim (Между водой и водой) // Ketavim (Собрание сочинений). Vol. 2. Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 1978, p. 118.*

ритель, что нужно жить, не эксплуатируя других; нужно реализовать эту веру на практике. Однако только незначительная элита была способна это сделать. Подавляющее большинство рабочих вскоре разочаровались в сельскохозяйственных работах, перебрались в города и занялись другими видами труда. Таким образом, немногие из писателей и лидеров, проповедовавших это учение, реализовали его в своей жизни. Даже в этом случае они опробовали себя в качестве сельскохозяйственных рабочих, что позволяло им присоединиться к национальной элите. Бен-Гурион, например, проработал на ферме в Седжере⁵⁸ всего около года, но считал этот короткий период важным этапом формирования опыта. Дух пионеров, вдохновивший поколения молодых евреев, которые видели в нем сочетание жертв социальных и национальных революционеров, был основан на принципе «реализации» идеала в повседневной жизни.

К 1909 году началась вторая волна Второй алии, и вместе с ней новые творческие идеи положили конец застою, возникшему в результате провала «завоевания труда» в мошавах. Педагоги Иосиф Виткин и Берл Кацнельсон, ставшие важными лидерами рабочего течения в сионизме, были одними из первых, кто предложил идеи альтернативных форм поселения. Арабский рабочий, опытный батрак, был готов работать за низкую заработную плату, потому что в его деревне уже были земля и семья, а работа на еврейской ферме была

⁵⁸ Мошав в Нижней Галилее, также известен как Илания.

формой подработки. Поскольку еврейский рабочий не мог конкурировать с ним, еврейский рабочий должен был основать свою собственную ферму. Однако опыт показал, что, когда рабочие становились фермерами, они не могли выполнять всю работу самостоятельно и нанимали арабских рабочих. И в любом случае рабочим Второй алии не хватало капитала, чтобы обосноваться в собственных земельных владениях, но они отказывались от финансовой помощи, поскольку это вело к порабощению и упадку.

Как преодолеть эти два препятствия? Здесь практическое решение предшествовало идеологическому. Палестинское бюро, действовавшее в Палестине с 1908 года, возглавлял Артур Руппин, прусский еврей, открытый для социальных экспериментов. Начиная с 1909 года Бюро основало фермы на земле Еврейского национального фонда⁵⁹ (ЕНФ-ККЛ), которые управлялись агрономами и нанимали в основном, но не всегда еврейских рабочих – впервые сионистская организация предприняла практическую работу в Палестине. На всех этих фермах отношения между администрацией и рабочими были натянутыми. Одной из них была ферма Кинерет, где бастовали рабочие. Трудности говорили о том, что нужна новая форма организации. По другую сторону от Кинерета на реке Иордан находился еще один участок земли ЕНФ-ККЛ под названием Ум-Джуни, который Бюро сдало в аренду группе, состоявшей из шести мужчин и одной жен-

⁵⁹ Керен Каемет ле-Исраэль.

щины, для работы в течение одного года под их собственную ответственность. Первый год закончился с прибылью. Так началась Дгания, «мать кибуцев»⁶⁰.

Этот эксперимент, предпринятый почти случайно, лег в основу новой модели расселения: национальные земли сдаются в аренду рабочим. Это считалось не благотворительностью, а национальным предприятием. У рабочих не было надсмотрщика, что уменьшало затраты на рабочую силу и устраняло трения. Позже Берл Кацнельсон добавил к этой структуре еще два элемента. Во-первых, была взаимная ответственность: группа несла общую ответственность за труд, давая возможность новичкам, а также слабым и больным работникам интегрироваться в группу. Это также был способ вовлечь женщин в сельскохозяйственный труд. Во-вторых, группа была частью федерации, или движения, в котором коллектив контролировал как отдельных членов, так и каждую группу. ЕНФ-ККЛ был привержен еврейскому труду на своей земле, и каждый из этих элементов служил препятствием против соблазна нанять арабских рабочих. Была сделана ставка на самостоятельный труд, чтобы не нанимать дешевую рабочую силу других, в то время как взаимная ответственность обеспечивала власть группы над человеком, у которого могло возникнуть такое искушение. Власть федера-

⁶⁰ Кибуц (от *ивр.* квуца – группа) – тип еврейской сельскохозяйственной коммуны в Палестине, а затем в Израиле, которая характеризуется общностью имущества и равенством в труде. – *Прим. ред.*

ции над группой дополнительно гарантировала, что работать будут только еврейские рабочие.

Это было началом концепции конструктивного социализма. Накануне Третьей алии в 1920 году Бреннер охарактеризовал мировоззрение оставшихся в стране членов Второй алии: сейчас это небольшой лагерь, который придерживается единого мнения, что спасение еврейского народа и Земли Израиля придет не через пророков или людей из большой политики, не через владельцев цитрусовых рощ и не через набожный пролетариат, а через группы новых рабочих, которые придут с громадными силами и устремятся к цели – поселениям, будь то киббуцы или трудовые ошавы (кооперативные фермы) в надлежащей коллективно-национальной манере»⁶¹. Таким образом, он сформулировал программу развития на предстоящие годы.

Трудовые коммуны бросили вызов квазиколониальному режиму поселений мошавов, представив альтернативу, которая, по утверждению рабочих, не только лучше соответствовала национальным интересам, но и была более этична. Цель заключалась в том, чтобы избавиться от социально-экономической окраски еврейско-арабских взаимоотношений и ограничить конфликт национально-политической сферой.

Концепция независимых рабочих, поселившихся на национальной земле, была попыткой приспособить систему по-

⁶¹ *Brenner Y. H. Aliyot viyeridot (Алия и отъезд) // Sefer ha'aliya hashniya (Книга Второй алии) / Ed. Habas Bracha. Tel Aviv: Am Oved, 194, p. 21.*

селения к потенциальному поселенцу. «Естественный рабочий» был наименьшим из меньшинств среди евреев. Подавляющее большинство обнищавших иммигрантов, достигших берегов Палестины, не собиралось селиться в деревне и заниматься физическим трудом. Они хотели обосноваться в городе и продолжать работать ремесленниками и заниматься торговлей – традиционными для евреев занятиями. Именно идеалисты выбрали сельское хозяйство, но они отказались мириться с конкуренцией с арабами, с унижением от работы под надзором и снисходительностью фермеров. Самостоятельное поселение рабочих вскоре стало известно как «трудовое поселение». Эта концепция, отвергнув мошавы, где евреи, как говорили, на самом деле не «работают», максимально использовала сильные стороны идеалистов, сводя к минимуму их слабости. Эти относительно хорошо образованные поселенцы хотели вложить в работу все свои силы и навыки и были открыты для технологических инноваций, желая учиться на сельскохозяйственном опыте как в Палестине, так и в других странах мира. Будучи инициативными, они стремились к постоянной модернизации. Их независимый, любознательный характер делал их бесполезными в качестве подчиненных, но они превосходно работали независимо, управляя собственными фермами. Таким образом, были объединены индивидуальные интересы основной части рабочих, у которых не было средств, и интересы сионизма.

Переход к рабочим поселениям означал отказ от «заво-

евания труда» в мошавах. Для двух рабочих партий этот концептуальный сдвиг дался нелегко. Для лидеров Наро'el Natza'ir отказ от мошава был подобен бегству с поля битвы в борьбе за «завоевание труда», в то время как для Poalei Zion идея, что рабочие будут управлять фермой, противоречила идеологии создания пролетариата Бера Борохова. Но такова была жизнь иммигрантской страны, где идеологии, не прошедшие проверку местной реальностью, видоизменялись, а элиты, придерживавшиеся старых взглядов, отодвигались на второй план, в то время как возникали новые элиты, демонстрировавшие новую реальность. Накануне Первой мировой войны идея независимого поселения рабочих на национальной почве, поддержанная сионистской организацией, была принята широкими слоями рабочих Второй алии, оставшимися в Палестине. Отныне рабочий мог претендовать на звание пионера – человека, который ежедневно воплощал в жизнь национальный идеал, принося себя в жертву на алтаре сионизма. В этот период рабочие составляли небольшое меньшинство ишува, лишенного как экономической, так и политической силы, но в зародыше они обладали притязаниями на гегемонию. Самосознание этих людей, таланты их лидеров и писателей в формулировании общественной повестки дня и внедрении ее в умы широких слоев за пределами своей собственной среды превратили это утверждение из притязаний немногих в национальный этос, который мало кто осмеливался оспаривать.

Это решение о создании трудовых поселений, которые составили бы территориальное пространство, защищенное от проникновения арабской рабочей силы, должно было определить характер еврейского ишува в Палестине как образования, существующего не среди арабского населения, а рядом с ним. Решение не было самоочевидным; евреи поселились в арабских городах, которые стали смешанными, еврейско-арабскими. Так было в четырех священных городах, а также в Яффо и Хайфе. Когда бывший член Bilu Яков Черток и его семья эмигрировали в Палестину в 1906 году, он решил арендовать большую ферму в деревне Эйн-Киния на холмах Эфраим, в месте, удаленном от любого еврейского поселения. Они прожили там два года, а затем переехали в новый район Ахузат-Байт, построенный недалеко от Яффо (который впоследствии станет Тель-Авивом). Этот поступок не был сочтен необычным. Были евреи, которые пытались купить землю в арабских районах, и до беспорядков 1929 года евреи жили в Газе и Хевроне (но не в Самарии, арабском сердце Палестины). Точно так же еврейский мошав был центром притяжения для местных арабов, которые вновь заселили арабские деревни, заброшенные в XIX веке. Таким образом, вариант создания общей экономики и смешанного еврейско-арабского общества в Палестине не считался невозможным. Понятно, что тогда никто не думал об идее создания отдельной экономики, которая повлекла бы за собой (как мы видим по прошествии многих лет) общество, отдель-

ное от арабского, в качестве фундамента для независимого национального образования. Она проистекала из идеи защищенного, протекционистского пространства еврейского труда.

Евреи и их соседи

Палестина при османском владычестве не представляла собой единую политическую единицу. Галилея и Самария были двумя санджаками (округами) под названиями Акко и Наблус и входили в состав Бейрутского вилайета (провинции). Иерусалимский санджак, включавший центральную часть Палестины, холмы Хеврона, южную прибрежную равнину и Северный Негев, был важен из-за внимания международного сообщества к святым местам, поэтому находился под прямым управлением Стамбула. Несмотря на такое разделение, в Палестине возникли первые ростки арабско-национального движения, возглавляемые образованными арабами-христианами. Арабы-мусульмане были в основном лояльны Османской империи и едва ли обладали независимым политическим сознанием. После Младотурецкой революции 1908 года, вселившей надежды на просвещенный режим, который позволил бы выражать националистические настроения в империи, в Палестине стали заметны некоторые проявления арабского национализма, такие как издание газеты Al Karmil в Хайфе, проповедовавшей антиеврейские

настроения, но в этот период все еще трудно усмотреть какое-либо особое национальное сознание палестинских арабов. Однако арабы знали о попытках евреев поселиться в Палестине и были обеспокоены этим, воспринимая поселенцев как иностранное вторжение. В 1891 году арабские сановники из Иерусалима направили султану прошение, умоляя его остановить волну еврейских иммигрантов, прибывающих в Палестину. В ответ Высокая Порта (османское правительство) обнародовала запрет на въезд евреев в страну.

Споры о том, что впоследствии стало называться «арабской проблемой», были в основном внутриеврейскими, а не являлись реакцией на проявления арабского национализма, и вращались вокруг поведения евреев по отношению к арабам. В своем эссе *Truth from Eretz Yisrael* («Истина из Эрец-Исраэль») Ахад ха-Ам осудил еврейских землевладельцев за плохое обращение с арабскими рабочими (1891). Ицхак Эпштейн в своей статье *A Hidden Question* («Скрытый вопрос») выступил против лишения собственности арабских феллахов-арендаторов на территории основанных еврейских поселений, даже когда им выплачивалась щедрая компенсация (1907). Рабби Биньямин (Иегошуа Редлер-Фельдман) предложил поощрять и развивать арабское население наряду с евреями, что должно было стать одним из способов сближения двух народов (1911)⁶². Вслед за своим вождем и настав-

⁶² *Rabbi B. Bereshit* (В начале) // *Beinatayyim* (Тем временем). Jerusalem, 1903, p. 95–104.

ником Бороховом Бен-Гурион и Бен-Цви (ставший впоследствии вторым президентом Израиля) считали, что арабские феллахи были потомками древних евреев, которые сначала обратились в христианство, а затем в ислам; теперь, с еврейским заселением, они должны будут ассимилироваться среди евреев. Эти идеи вызвали оживленную дискуссию в сионистской прессе, но сомнительно, чтобы эта дискуссия имела какое-либо практическое значение: еврейский ишув был еще слишком молодым и разрозненным, чтобы представлять реальную угрозу для арабов, но ему было нечего предложить им. Учитывая нехватку ресурсов у сионистского движения, такие идеи, как у Рабби Биньямина, были совершенно неосуществимыми.

Однако в жизни в ишuve присутствовала некоторая экзистенциальная тревога, и евреи внимательно следили за тем, что происходило среди арабов. Столкновения между евреями и арабами в этот период были в основном соседскими спорами по таким вопросам, как земля, вода и выпас скота. В повседневной жизни евреи должны были принимать меры для защиты своей жизни и имущества, а в мошавах работали арабские охранники, которые зачастую действовали заодно с ворами. Тем не менее принцип самообороны был неотъемлемой частью идеологии Второй алии. Первые члены Poalei Zion, иммигрировавшие в Палестину, принадлежали к группе самообороны в Гомеле и принесли эту традицию с собой в рамках программы изменения образа еврея, провозглашая

реши́мость защи́щать еврейские жизни и собственную честь. В 1907 году в Седжере члены Poalei Zion сформировали тайное общество Бар-Гиора.

В 1908 году организация Hashomer («Стража») сменила Bar-Giora, взяв в качестве своего лозунга строку из стихотворения Яакова Кахана: «В крови и в огне Иудея пала, в крови и в огне она возродится». Hashomer была неоднозначна; колонисты (еврейские фермеры) считали, что ее члены склонны провоцировать арабов, напрасно усложняя отношения с ними. У членов рабочих партий также были сомнения по поводу организации. Принятие арабских символов и экипировки – абайя, куфия, патронташи, оружие, лошадь – казалось отходом от еврейской культуры. Выбор профессии охранника рассматривался как отказ от тяжелого сельскохозяйственного труда в угоду романтизированному насилию. Вместо фигуры земледельца Hashomer создала образ борца, который, казалось, противоречил философии рабочих. Важность Hashomer в тот период состояла не столько в ее реальных действиях, сколько в том факте, что она попыталась создать еврейские силы самообороны в Палестине. Точно так же, как билуйцы стояли у истоков всех первопоселенцев, Hashomer была родоначальником еврейских сил обороны.

Формирование национальной культуры

За 30 лет между Первой алией и Первой мировой войной

в Палестине появились зачатки не только современного еврейского населения, но и национальной культуры. Эта культура характеризовалась светской еврейской идентичностью, переходом на иврит в качестве разговорного языка и требованием независимости от культур диаспоры.

Двумя великими культурными наставниками того периода были Ахад ха-Ам и Миха Йосеф Бердичевский. Общество Bnei Moshe («Сыновья Моисея»), основанное Ахад ха-Амом, имело влияние среди либеральной интеллигенции в мошавах, тогда как Бердичевский оказал влияние в основном на Вторую алию. Контраст между ними создал два полюса современной еврейской идентичности, различия которых заключаются в восприятии еврейского прошлого, его символов и значения, а также в том, что составляет желаемый образ «нового еврея». Версия Ахад ха-Ама о еврейском прошлом была нравоучительной историей о людях, которые по самой своей природе презирали физическое превосходство и превозносили духовную и нравственную силу. По его мнению, еврейский опыт пропитан этим качеством, которое сформировало его историю. Бердичевский, напротив, рассматривал это якобы моральное качество как следствие национальной слабости евреев, восходящей к разрушению Храма. Для него эта черта была результатом потери жизнеспособности и естественности людей, живущих на своей земле, обладающих природной агрессивностью, спонтанностью, близостью к природе и стремлением к власти.

Если Ахад ха-Ам подчеркивал принцип «не воинством и не силою, но Духом Моим, говорит Господь Саваоф»⁶³ (который он изменил на «дух», исключив остальную часть стиха), Бердичевский считал, что этот акцент подавляет естественный инстинкт нации не уклоняться от применения силы. Ахад ха-Ам чтил раввина Йоханана Бен-Заккая, который, согласно легенде, бежал из осажденного Иерусалима накануне разрушения и умолял римлян пощадить Явне, где он основал центр иудаизма, отделенный от Иерусалима (и который продолжал существовать после потери национального суверенитета). Бердичевский, в свою очередь, превозносил фанатиков, которые предпочли умереть на валах Иерусалима и не сдаваться. Явне и Бейтар (центр восстания Бар-Кохбы) стали символами двух соперничающих вариантов современной еврейской идентичности. Первый рассматривал духовность как сущность иудаизма, в то время как второй подчеркивал экзистенциальное бытие евреев. Ахад ха-Ам провозглашал такую еврейскую идентичность, которая не была обязана соблюдать ритуальные заповеди, но отождествляла себя с историческим иудаизмом. Его концепция была основана на предположении, что существует одна монолитная, целостная и подлинная еврейская природа. Бердичевский бросил вызов подобному восприятию во имя других еврейских качеств, которые поколениями подавлялись этой гегемонистской концепцией. Он взывал к образам силы и ге-

⁶³ Захария / Зехарья 4:6. – *Прим. пер.*

роизма времен Первого и Второго Храмов, от Иисуса Навина, Самсона и Саула до Хасмонеев и воинов Масады, которые до тех пор традиционные еврейские исторические повествования упускали из виду.

Моралистическая концепция Ахад ха-Ама подходила интеллигенции Hovevei Zion, первого поколения поселенцев, но была несовместима с бунтарским духом второго поколения алии, которое бросало вызов слабости евреев. Диалектическая концепция Бердичевского, которая превозносила спонтанную жизнеспособность и призывала к открытию для культуры большого мира, привлекла их больше, чем предложенный Ахад ха-Амом образ «вод Силоама, текущих тихо»⁶⁴, так как он пропагандировал отстранение евреев от иностранцев из-за страха ассимиляции. Ахад ха-Ама высоко ценили как честного критика, но Бердичевский и виталистическая школа мысли имели большее влияние; поэма Кахана Nabiryonim («Стоящие вне закона»), из которой был взят девиз Hashomer, превозносит фанатиков, изгнанных и осужденных еврейской традицией. Эти две версии светской еврейской идентичности внесли свой вклад в культуру ишува, а порой и переплетались друг с другом.

Одним из самых важных изменений, произошедших в Палестине, была секуляризация. Этот процесс практически не затронул ультраортодоксальные общины Иерусалима, придерживавшиеся собственного образа жизни, но это было яс-

⁶⁴ Исаия / Йешайя 8:6. – *Прим. пер.*

но видно в мошавах Первой алии. Первое поколение строго соблюдало заповеди, и жизнь вращалась вокруг синагоги; первым общественным зданием, которое было построено, оказалась миква, ритуальная баня. Но второе и третье поколения быстро стали секуляризованными, что привело к культурному столкновению уже в 1890-х годах. Мошавы не были закрыты для влияния окружающего мира, и что-то в атмосфере Палестины и сельском образе жизни побуждало молодых людей отвернуться от религии. Хотя образование в мошавах было традиционным, оно включало светские, национальные элементы, и учителя, которые в большинстве своем не соблюдали заповеди, также оказывали влияние.

Споры между религиозными и светскими евреями в основном касались публичного поведения, такого как театральные представления или танцы, в которых участвовали как мужчины, так и женщины. В этих конфликтах победило молодое поколение. Они также переняли у своих арабских соседей формы досуга, в том числе скачки, праздники в арабском стиле (фантазии) и бедуинскую одежду (аналогичную одежде, принятой в Nashomer). Возникла «местная» культура, с общением на иврите, с агрессивным поведением, с упором на физическое развитие и самоопределением, диаметрально противоположным культуре евреев диаспоры. Те жители мошавов, которые родились уже в Палестине, явно демонстрировали светскую идентичность. Более того, будучи коренными жителями, они чувствовали себя

вправе быть лидерами и пользовались этим, чтобы провести различие между своей идентичностью и идентичностью иммигрантов из Второй алии.

Секуляризация оказалась еще более выражена среди членов Второй алии. Они происходили из традиционных семей, но удаленность от дома, общество их сверстников, опыт совместной жизни молодых мужчин и женщин и отсутствие надзора со стороны взрослых – все это привело к быстрому отказу от религиозных обрядов. Ш. Й. Агнон иронично описал этот процесс: «Рабинович не имеет ничего общего со своим Создателем и ничего против своего Создателя. С того дня, как Рабинович покинул свой родной город, сомнительно, чтобы он помнил Его. Человеку приходится иметь дело со многими проблемами, и у него нет времени вспомнить все»⁶⁵. Тем не менее большинство вольнодумцев сохраняли свою связь с еврейскими праздниками и обрядами перехода – бракосочетанием, обрезанием, бар мицвой и т. д. Остаточное стремление к традиционным рамкам жизни, утраченное с переездом в Палестину, хорошо описано А. Д. Гордоном: «Любой, кто не видел воодушевления молодых людей в Святые дни, не поймет этого и не поверит. Видно что-то очень странное: наши будни намного красивее, чем у наших собратьев в диаспоре, а суббота и праздники намного красивее в диаспоре. Мы пытались создавать новые праздники, но со-

⁶⁵ Agnon S. Y. Temol shilshom (Позавчера и сегодня). Jerusalem and Tel Aviv: Schocken, 1947, p. 450.

здать национальные праздники, в соответствии с логикой и изобретением – разве это не похоже на “изготовление” стихов на заказ?»⁶⁶

Слова Гордона раскрывают сложность создания новой традиции без магии ритуалов многих и многих поколений, стоящих за ней. Исследователи обычно описывают формирование национальной культуры как спланированное строительство чего-то заранее спроектированного. Фактически было множество дополнительных чертежей. Надо говорить не о рассчитанных действиях, а о копировании шаблонов, с которыми сионисты были знакомы по национальным движениям в Европе, и адаптации их к особым потребностям и характеру евреев. Создание национальной культуры фактически началось в диаспоре во время еврейского Просвещения, с литературы, которая открыла еврейскому читателю мир эмоций и воображения. Обширная деятельность по переводу с русского, немецкого, английского и других языков позволила создать корпус мировой литературы на иврите, который в последней четверти XIX века утолил жажду более широкой культуры среди первого поколения Просвещения, жившего в черте оседлости. Туда вошли не только лучшие произведения мировой литературы, но и исторические романы, пьесы, популярные песенники, детская литература и т. д. Периодические издания на иврите также преуспевали,

⁶⁶ *Gordon A. D. Heshboneinu im atzmenu* (Подведение собственных итогов) // *Ha'aretz veba'avoda* (Земля и труд). Central Committee of *Ha'aretz*, 1912.

предлагая популярные материалы для чтения как для молодежи, так и для стариков. Это был исходный материал, на котором юные читатели формировали свое мировоззрение. Между страницами Гемары⁶⁷ ешиботники прятали книги и периодические издания, пробуждающие в них тоску по царству национальной гордости, героизма и добровольного самопожертвования. Эти книги, стихи и песни сформировали сионистский нарратив, и общий опыт создал воображаемое сообщество, которое использовало одни и те же тексты, одни и те же образы, пело одни и те же песни и было подвижно одними и теми же ритуалами.

Превращение иврита из языка молитв и священных текстов в язык еврейской культуры, а не только в язык улицы и дома, стало одним из величайших достижений сионистского движения. Общий язык считался краеугольным камнем национализма, доказательством существования нации. Необычный характер этого достижения наиболее очевиден при сравнении с попытками других народов, например ирландцев, которые имели лишь ограниченный успех в возрождении древнего языка. Успех сионистского движения был особенно поразительным, поскольку он происходил в процессе миграции, расселения и формирования национальной идентичности.

Необходимость общения между еврейскими общинами Востока и Запада сделала иврит естественным выбором; как

⁶⁷ Часть Талмуда.

мы видели, первые иммигранты Первой Алии говорили на иврите с семьей Челуш в Яффо. Это был один из самых убедительных аргументов в пользу иврита и против идиша как национального языка, хотя миллионы евреев говорили на идише. В период Второй алии, когда происходили эти дебаты, все еще было неясно, одолеет ли иврит не только идиш, но и иностранные языки, проникшие на еврейскую культурную арену.

Учителя иврита в Палестине приняли сефардское произношение, потому что считали его наиболее близким к древнееврейскому, но этот выбор, вероятно, также выражал скрытую тенденцию различать традиционный ашкеназский иврит и новый палестинский иврит. Выходцам из Восточной Европы было нелегко овладеть сефардским произношением. До своей иммиграции Й. Х. Бреннер, впоследствии один из самых выдающихся писателей на иврите, очень его боялся. Берл Кацнельсон молчал в течение десяти дней после прибытия в Палестину, пока не освоился с языком. Палестинский иврит легче усваивался мужчинами, которые были знакомы с религиозными текстами с юности, тогда как женщинам приходилось выучивать его с нуля. В тот же период иврит стал языком литературы и культуры.

Героями триумфа иврита были учителя. Свободных преподавательских должностей было немного, поэтому лучшие умы Палестины искали эту работу в мошавах или городах. Что касается развития национальных образовательных

и культурных практик в Палестине, учителя были ведущей элитной группой. Интеллигенция изо всех сил пыталась заработать себе на жизнь, даже когда ее члены формулировали разговорный иврит и язык преподавания, возрождали терминологию, необходимую в их работе, писали учебники и учили стихи и песни, которые распространяли среди своих учеников. Учителя также сформировали сионистский календарь и связанные с ним церемонии: Ту би-Шват, праздник посадки деревьев; двадцатое таммуза, день Герцля; и праздник Хануки, который превратился из празднования чуда с маслом в празднование героизма Маккавеев. Подчеркивалось скорее сельскохозяйственное значение трех праздников паломничества (Песах, Шавуот и Суккот), нежели их религиозное значение. Именно учителя организовывали экскурсии к историческим местам, таким как могилы Маккавеев и Бейтар, уделяя первоочередное внимание местам, связанным с героизмом и славой прошлого. Так они прививали знания и любовь к своей стране. Для них религиозные памятники, такие как могилы патриархов в Хевроне или могила пра-матери Рахили, были нежелательными. Основание в 1903 году Ассоциации учителей, первого подобного национального органа, отразило глубокое самосознание учителей и их веру в то, что они взяли на себя ответственность за предприятие с большим историческим значением.

В этом молодом обществе Библия была основополагающим текстом. Ицхак Табенкин, лидер рабочего течения, пи-

сал: «Библия была своего рода свидетельством о рождении, которое помогло разрушить барьер между человеком и страной и взрастило “чувство родины”... Это проявлялось в тесном, прочном контакте с Книгой и в то же время в чем-то столь необычном для рабочих – Библии находили почти в каждой рабочей комнате»⁶⁸. Библия символизировала связь с национальным прошлым. Это был путеводитель по фауне и флоре страны, а также к местам древних поселений, которые на протяжении поколений были покрыты пылью, а теперь вновь обнаружены – поражающие воображение места, такие как гора Гильбоа, броды реки Иордан и долина Аялон. Это сохранило историческую память – то, что Ахад ха-Ам называл «книжной памятью»⁶⁹, – а также конкретизировало Землю Израиля, образуя прямую связь между прошлым и настоящим. Это было источником национальной гордости, доказательством еврейского творчества на земле Родины.

Но Библия также была текстом, полным универсального стремления к справедливости между народами, социальному равенству и миру во всем мире. В ней можно найти доказательства доктрин Ахад ха-Ама и Бердичевского. В конце первого десятилетия XX века разгорелись споры о том, как преподавать Библию в еврейской гимназии в Яффо (которая вскоре стала гимназией Герцлия в новом городе

⁶⁸ *Tabenkin Y. Hamekorot (Источники) // Sefer ha'aliya hashniya (Книга Второй алии) / Ed. Habas Bracha. Tel Aviv: Am Oved, 1947, p. 27.*

⁶⁹ Это выражение восходит к: Исход 17:14. – *Прим. автора.*

Тель-Авив), отражавшие различное отношение к значению Библии в националистическом контексте. Учитель Бен-Цион Моссинсон преподавал Библию в духе библейской критики Юлиуса Велльгаузена, рассматривавшего Библию как литературу, написанную людьми, которую можно критиковать и исправлять. Залман Эпштейн, умеренный религиозный сионист, и даже Ахад ха-Ам рассматривали эту концепцию как оскорбление наиболее фундаментальных исторических ценностей страны. Молодое поколение, однако, охотно поддерживало светское отношение к Библии, пыталось понять ее в современном буквальном духе через филологию и археологию, без слоев традиции, окружавшей ее на протяжении поколений.

Посредством Библии Моссинсон стремился привить своим ученикам любовь к Земле Израиля и неприятие жизни диаспоры. Таким образом, он создал психологический разрыв между «здесь» и «там», при этом присвоив Библии понятие «здесь». Этому противоречивому подходу противостояли многочисленные учителя, но он был близок по духу «родным» инстинктам, которые развивали сами студенты.

К 1910 году в Палестине было несколько ведущих газет. Hatzvi («Газель») и Nahashkafa («Перспектива»; она регулярно меняла свое название, чтобы избежать турецкой цензуры) Элиэзера Бен-Иегуды, они выражали франкофильские взгляды семьи Бен-Иегуды. Другими были Naherut («Свобода»), иерусалимская сефардская газета; Napo'el Hatza'ir, ор-

ган этой партии; и На'ahdut («Единство»), газета Poalei Zion, после недолгой попытки опубликовать журнал на идише партия приняла принцип, согласно которому иврит был доминирующим языком в Палестине.

Существовали десятки образовательных учреждений, связанных с национальной школьной системой, от детских садов до средних школ, семинаров для учителей, школы искусств Бецалель, консерватории и т. д. Несмотря на то что большинство студентов обучались в традиционных хедерах или образовательных программах благотворительных организаций, таких как французский Всемирный еврейский союз и немецкое общество Ezra, культурный климат страны был сформирован национальной системой образования. Буржуазная интеллигенция в Яффо (после 1909 г. – Тель-Авив) или Иерусалиме нашла общий язык с трудящимися Второй алии; вместе они провели кампанию по внедрению ивритской культуры в еврейский мир Палестины, и их союз сформировал эту культуру.

В то время доля писателей и других деятелей культуры была довольно высока среди евреев в стране. Кто-то из этой интеллигенции прожил здесь недолго, кто-то – много лет. Среди них были С. Бен-Цион, Й. Х. Бреннер, А. Д. Гордон, Давид Шимонович, Ш. Й. Агнон, Аарон Харевени, А. З. Рабинович и Моше Смилянский. Они стремились распространить интеллектуальную ивритскую культуру – в основном в форме литературы, – но столкнулись с двумя трудностями.

ми: во-первых, большинство ишувов в недостаточной степени знали иврит, чтобы получать удовольствие от чтения этой литературы, а во-вторых, предпочитали популярную культуру – и на идише. Каждый раз, когда в Яффо ставили пьесу на идише, она собирала огромную аудиторию обычных людей, которые жаждали развлечений на своем родном языке, развлечений, которых, к сожалению, не хватало на академических лекциях на иврите, читавшихся в клубах политических партий или в гимназии Герцлии, центре ревностного распространения иврита. Людей также привлекали цирк, шествия, гимнастические представления или кино, появившиеся в это время. Для интеллигенции это были унижительные проявления дешевой культуры, недостойные проекта национального возрождения, но они были более востребованы, чем высокие произведения на иврите, изобилующие националистическими посланиями. Конкуренция между идишем и ивритом привела к столкновениям между фанатиками иврита и носителями идиша. В своих домах иммигранты по-прежнему говорили на своем родном языке; простые люди говорили на идише, более образованные – на русском или немецком, а выпускники Союза – на французском. То были молодые люди, получившие образование в Палестине, для которых иврит служил разговорным языком.

Несмотря на конфликты, сформировалось ивритоговорящее сообщество, которое в течение нескольких лет продемонстрировало свою силу против внешнего культурного дав-

ления. Первое событие, доказавшее существование культуры на иврите, вошло в историю как «дело Бреннера». Бреннер, заслуживший высокую репутацию в писательском сообществе и среди работников Второй алии, опубликовал в Наро'el Hatza'ir статью под названием Al Hizayon Hashmad («О феномене обращения»), где утверждал, что обращение в христианство не стоит большого обсуждения, поскольку те, кто обратился, в любом случае потеряны для еврейского народа, у которого есть гораздо более важные проблемы. Он приправил свои замечания провокационной критикой высокого статуса Библии в национальной и раввинистической учебной программе, даже добавив, что он не полностью отвергает Иисуса из Назарета как историческую личность. Статья вызвала большой резонанс в диаспоре, и Ахад ха-Ам призвал Одесский комитет прекратить финансирование Наро'el Hatza'ir. Когда комитет проинформировал газету о своем решении возобновить финансирование только после смены редакционной коллегии, в Палестине начался всеобщий протест среди писателей и интеллигентской общественности. Было немыслимо, чтобы толстосумы Одессы контролировали общественное мнение в Палестине. Буржуазия и социалисты, образованные люди из мошавов и городская интеллигенция объединили свои силы в этом протесте, который засвидетельствовал существование в Палестине отдельной образованной общины. Она настаивала на своей независимости и отвергала идею, что богатые люди, проживающие

в Одессе, могут навязывать свое мнение.

Второе событие, продемонстрировавшее силу этой интеллигенции, стало известно как «языковая война». В 1913 году совет управляющих общества Ezra в Германии решил, что преподавание в некоторых классах Техниона, который будет построен в Хайфе, и в высшей школе (ставшей впоследствии Высшей школой Реали) будет вестись на немецком. Против Ezra был организован общественный протест с требованием, чтобы языком обучения стал иврит. Протесты начались снизу среди студентов и учителей, организовавших забастовку. Ассоциация учителей и сионистская организация поддержали это действие в какой-то степени неуверенно, поскольку безуспешно пытались найти компромисс. Спор быстро превратился в общенациональную проблему. Бастующие учителя и ученики бойкотировали Ezra и открывали альтернативные школы, которые сионистская организация была вынуждена финансировать. До этого она избегала участия в образовании, что стало предметом раздора между ее религиозными и светскими членами. Участие рабочих партий, всех газет, учителей и студентов поставило общество Ezra в трудное положение.

В то время как борьба между идишем и ивритом была борьбой двух национальных языков, протест против Ezra был направлен против немецкого языкового колониализма. Борьба против иностранного языка объединила весь новый ишув, поскольку велась прежде всего против внешнего авто-

ритета, диктующего культурную политику в Палестине. Достигнув компромисса с сионистами в отношении Техниона в 1914 году, Ezra до некоторой степени оправилось, но потеряло свою инициативу в области образования, и когда Британия оккупировала Палестину, все учреждения Ezra в стране были закрыты.

Накануне Первой мировой войны ишув насчитывал около 85 000 человек, что составляло примерно 12 % от общей численности населения страны 700 000 человек. Произошло увеличение с 5 % от общей численности населения 450 000 в 1880 году. Более половины евреев жили в Иерусалиме, и от 10 000 до 15 000 жили в Яффо (включая Тель-Авив, построенный как прилегающий пригород), общая численность населения которого увеличилась примерно до 45 000 человек. Накануне войны население сельскохозяйственных поселений составляло от 12 000 до 12 500 человек. После 30 лет сионистского освоения в Палестине было основано 45 сельскохозяйственных поселений. Но помимо реального существования мошавов, поместий, ферм и рабочих мошавов, которые оставили свой след в ландшафте страны, эти поселения представляли собой подтверждение того, что евреи могут быть поселенцами и строителями страны. Несмотря на все трудности и недостатки, ишув был динамичным и продуктивным. У него сформировалась впечатляющая система образования и интеллектуальная активность, выходящая далеко за рамки потребностей местного населения, вы-

ражающая видение интеллектуалов о том, что в этом месте зарождается новое еврейское государственное образование. Внутреннюю борьбу в ишuve продемонстрировало динамичное, разнополярное общественное мнение.

Духовные искания сопровождались социальными инновациями. Концепция трудового поселения и эксперименты с частными и кооперативными поселениями превратили Палестину Второй алии в своего рода один большой социально-экономический эксперимент. Все было сделано в небольшом, зачаточном масштабе: фермы для обучения женщин-работниц животноводству и огородничеству, кибуц Мерхавия, группы овощеводов, питомники растений, рабочие группы по найму по контракту, коммуна Седжера и квуча в Ум-Джуни, позже ставшая Дганией. Это была атмосфера сельскохозяйственных и человеческих экспериментов, познания природы и познания человеческой натуры. Людям из этих ключевых групп, которым удалось пережить период войны, было уготовано стоять у истоков ишuve в эпоху британского мандата.

II

1918–1948

Государство в эпоху становления

3

Палестина под британским правлением

11 декабря 1917 года, как раз накануне Хануки, генерал сэр Эдмунд Алленби вступил в Иерусалим, тем самым открыв новый период в истории Палестины, сионизма и еврейского народа. Как и подобает скромному паломнику, Алленби спешился со своей лошади у старой городской стены и вошел в город пешком – в город, не видевший христианского завоевателя со времен Готфрида Бульонского в 1099 году. Таким образом, четыре столетия османского правления подошли к концу.

Военные годы оставили за собой разоренную страну, еврейская община которой едва сводила концы с концами. Из 85 000 евреев, живших там в 1914 году, под властью нового завоевателя осталось только 56 000. Арабское население также сильно поредело: около 100 000 человек бежали, по-

гибли или умерли от болезней и голода.

Когда началась война, османы воспользовались возможностью денонсировать систему капитуляций. В одночасье иностранные подданные страны оказались во власти произвола османской бюрократии. Люди потеряли веру в турецкую валюту, стали запасаться продуктами. Власти объявили мораторий на снятие денег в банках, осаждаемых толпами людей. Ситуация еще больше ухудшилась в октябре 1914 года, когда Турция вступила в войну на стороне Германии. Десятки тысяч русских евреев, проживавших в Палестине, стали вражескими подданными и были вынуждены либо покинуть страну, либо принять османское гражданство, которое влекло за собой призыв в армию либо выплату высокой компенсации. Многие предпочли уехать.

У правительства появилась возможность решительно подавить сионистское движение. Джемаль-паша, командующий армией Османской империи в Сирии и Палестине, запретил любые формы еврейской автономии. Использование банкнот Англо-Палестинской компании взамен исчезнувших с рынка было запрещено. Все уличные указатели на иврите в Тель-Авиве были сняты. Мошавы и Тель-Авив постоянно находились под угрозой обыска на предмет наличия оружия, а еврейская охрана была запрещена. Защита ишува была предоставлена союзнику Турции Германии и Соединенным Штатам, которые до 1917 года оставались нейтральными. Если бы не немцы и американцы, Джемаль-паше уда-

лось бы разрушить ишув.

Война в Средиземном море отрезала ишув от Европы и сильно ударила по нему с экономической точки зрения. Производители цитрусовых не могли экспортировать свои фрукты, а виноделы — вино. Еврейские благотворительные организации, поддерживавшие старый ишув, не могли переводить средства нуждающимся. Ишуву грозил голод, и его спасли только усилия американского посла в Стамбуле Генри Моргантау, который обратился к властям. В результате американским военным кораблям было разрешено доставлять в ишув деньги и предметы первой необходимости. Помощь, оказанная ишуву американскими евреями в годы войны, составила миллион долларов и спасла его от уничтожения. Не менее важным, чем экономическая помощь, было послание, переданное как туркам, так и арабам судами этой нейтральной державы: у евреев есть могущественные союзники, и с ними нельзя обращаться плохо.

В коллективной памяти ишува запечатлены три драматических события: жестокая депортация иностранных подданных 17 января 1914 года; изгнание из Тель-Авива и Яффо в апреле 1917 года и «дело Нили» в сентябре—октябре 1917 года. Депортация иностранных подданных из Палестины была осуществлена без предварительного предупреждения. Всем иностранным подданным было внезапно объявлено, что они должны немедленно подняться на борт итальянского корабля, стоящего на якоре в порту Яффо, кото-

рый собирался отплыть в Александрию. Далее разверзся ад. Полиция жестоко обращалась с депортированными; родители были разлучены со своими детьми, а грузы и багаж загружались без присмотра со стороны владельцев. Некоторые ужасающие сцены заставили немецкого консула подать горькую жалобу своему коллеге в Стамбуле. Джемаль-паше был объявлен выговор, а ответственного за депортацию сняли с должности. Массовые депортации приостановили, заменили выборочными. С явным намерением изгнать все остатки руководства ишува турки приказали партийным лидерам, главам местных комитетов, учителям, общественным деятелям и всем лидерам сионистских институтов покинуть страну. Накануне британского завоевания Палестины элита из национальных лидеров, сформировавшаяся во времена Второй алии, отсутствовала в стране.

Вторым событием стало изгнание из Яффо. После неудачной попытки Алленби захватить Газу в марте 1917 года жители южной части страны получили приказ турецких властей покинуть свои дома и отправиться в изгнание. Жители Газы были вынуждены переехать на север в тяжелых условиях без помощи властей. В канун Пасхи из-за опасения турок перед продвижением Алленби на север также и жителям Яффо было приказано уехать. В то время в городе проживало около 10 000 евреев, в том числе около 2000 жителей красивого нового северного района – Тель-Авива. Повозки из мошавов и Галилеи были единственным средством

передвижения, доступным для изгнанников, и они выезжали из Тель-Авива, нагруженные постельным бельем и кухонной утварью, на которых сидели семьи, сумевшие собраться перед отъездом. Их было меньшинство. Большинство передвигалось пешком. Тель-Авив стал городом-призраком, и лишь нескольким молодым людям разрешили остаться и охранять дома от грабителей.

Беженцы сначала прибыли в Петах-Тикву, затем рассредоточились по всем мошавам Самарии и Галилеи. Тем временем среди турецких войск распространилась эпидемия тифа, затем перекинувшаяся на гражданское население. Беженцы, которым часто приходилось искать убежище в лачугах или лесах, прилегающих к мошавам, были особенно подвержены болезням, и из-за отсутствия должных санитарных условий и лекарств каждый десятый погиб от тифа.

Третьим событием стало «дело Нили». Самой заметной группой среди молодежи мошавов были «гидеониты», организованные в мошавах Самарии Александром Ааронсоном из Зихрон-Яакова. Его брат Аарон был агрономом, получившим мировую известность после открытия дикого эммера, «матери всей пшеницы». Он руководил сельскохозяйственной экспериментальной станцией в Атлите и произвел впечатление на Джемаль-пашу, который поручил ему уничтожить посевы во время нашествия саранчи в 1915 году. Таким образом, Аарон Ааронсон был знаком с Джемаль-пашой и его тираническими методами. Потрясенный геноцидом ар-

мян после их изгнания из Малой Азии, он видел в англичанах спасителей ишува. Чтобы помочь им завоевать Палестину – и в надежде заручиться их помощью для сионизма, – он организовал шпионскую сеть Nili (аббревиатура на иврите «Сильный Израиля не солжет»⁷⁰), членами которой были его семья, гideonиты и другие молодые люди из мошавов. Ааронсон отправился в Египет, где вступил в контакт с британскими властями, а затем начал информировать их о моральном духе, передвижениях турецких войск, укреплениях и планах. Осенью 1917 года сеть была раскрыта турками. Двое из ее лидеров были схвачены и казнены, а сестра Ааронсона Сара подверглась таким жестоким пыткам, что покончила с собой. В качестве коллективного наказания в мошавах был введен комендантский час, ни в чем не повинные люди были арестованы и подверглись порке, а некоторых даже отправили в Дамаск и содержали там под стражей.

Деятельность сети вызвала споры внутри ишува, руководство которого требовало полной лояльности туркам, настаивая на том, что никто не дает им оснований для уничтожения ишува. Судьба армян зажгла предупредительный свет. Более того, идея отдельной небольшой группы, решающей предпринять независимые действия, которые могут поставить под угрозу все население, была проклятием для руководства, которое рассматривало эту группу как меньшинство, выкручивающее руки большинству. Другое возраже-

⁷⁰ Книга Самуила / Шмуэль 15:29.

ние демонстрировало взгляды того времени: шпионаж не считался занятием для джентльменов, а всего лишь обманом и жульничеством.

Тем не менее именно члены Nili поведали историю изгнания из Яффо и Тель-Авива внешнему миру, а в 1917 году с помощью британцев они привезли золотые монеты в Палестину, когда все другие способы ввоза денег в страну были заблокированы. Хотя руководство их резко критиковало, оно было не прочь принять эти средства, жизненно важные для продолжения функционирования ишува и предотвращения реальной голодной смерти. Важность Nili заключалась в организации сети для взаимодействия в ишuve и в вопросе признания власти большинства.

Евреи приветствовали британских завоевателей как освободителей или, по терминологии того времени, «избавителей». Девочек, рожденных в этом году, называли Геула (Избавление), а мальчиков – Игаль (от того же ивритского корня), что ознаменовало начало новой жизни, эпохи больших ожиданий. Энтузиазм по отношению к британцам был вызван прежде всего осознанием того, что, пока турки находятся у власти, для сионизма нет надежды. Британия была европейской страной с современным бюрократическим аппаратом, после тиранического коррумпированного правления османов ожидалось изменения. По всей Палестине распространились новости о Декларации Бальфура, и надежды на создание еврейского национального очага в Палестине до-

Декларация Бальфура

Макс Нордау, наиболее значимый из соратников Герцля в сионистском проекте, заметил накануне вступления Турции в войну осенью 1914 года, что сионистское движение не имело реальных достижений и не брало на себя никаких обязательств и что его единственной надеждой было падение Османской империи. В годы войны сионистская организация имела штаб-квартиру в нейтральном Копенгагене и старательно избегала принимать чью-либо сторону в конфликте. Причина такой политики заключалась в том, что сионистское движение было всемирной организацией, и любое отождествление с одной стороной могло нанести вред сионистам с другой. В отношении своей личной лояльности евреи были неоднозначны. Они считали Францию и Великобританию странами с наиболее либеральным отношением к ним, и вполне естественно, что евреи хотели встать на сторону этих стран. Но царская Россия была союзником Франции и Британии. Таким образом, поддержка евреями держав Антанты была лишь частичной. Впрочем, победа Центральных держав во главе с Германией, в блок с которой вступила и Османская Турция, означала продолжение турецкого правления в Палестине, без шансов на успех сионизма.

Однако с начала войны некоторые сионисты действовали

по собственной инициативе, вопреки принципам своей организации, чтобы связать сионистское движение с Великобританией. Среди них наиболее заметными были Владимир (Зеев) Жаботинский, российский сионистский журналист, писатель и политик, и Хаим Вейцман, химик и исследователь из Манчестерского университета и лидер демократической фракции, противостоявшей Герцлю. Жаботинский попытался организовать движение среди русских евреев, ранее иммигрировавших в Англию, чтобы они записывались в британскую армию. Он надеялся, что эти специальные подразделения, известные как «Еврейский легион», пробудят в британцах интерес к сионизму и, возможно, поощрят определенную приверженность к нему. Вейцман работал над созданием просионистского лобби в британском правительстве.

Интерес британцев к Палестине возник после того, как стало ясно, что дни Османской империи сочтены. После неудачной попытки Турции атаковать британские базы вдоль Суэцкого канала в 1915 году британцы поняли, что Синайский полуостров, который они считали естественным барьером, мешающим армиям достичь канала, на самом деле можно легко пересечь. Теперь Палестина стала стратегическим пунктом не только как подступ к Суэцу, но и как часть сухопутного пути в Индию через Египет, Трансиорданию, Ирак и Персидский залив. Индия действительно была жемчужиной в короне Британской империи, над которой все еще не заходило солнце. Позже, в 1930-х годах, на Ближнем Восто-

ке были открыты нефтяные месторождения, что увеличило его важность, но когда после Первой мировой войны решалась судьба региона, главные соображения сосредоточились вокруг имперских маршрутов.

Начиная с весны 1915 года палестинский вопрос обсуждался в британском кабинете министров, а также между Великобританией и Францией. В секретном соглашении, подписанном в мае 1916 года между Марком Сайксом и Франсуа Жоржем-Пико, переговоры по которому велись с осени 1915 года, они договорились о разделе Османской империи. Ирак, сухопутный маршрут на юге Палестины и Трансиордания попали под сферу влияния Великобритании, а французы получили Сирию и Ливан. Западная Палестина, к югу от Галилейского моря и к северу от Газы, должна была находиться под международным управлением.

В то же время верховный комиссар в Египте Артур Генри Макмагон, действуя от имени правительства, пообещал шарифу Мекки Хусейну ибн Али, что, когда армии шарифа захватят Сирию, в обмен на восстание арабов против османов Великобритания поддержит арабскую независимость на всей территории от Персидского залива до Средиземного моря и до хребта Тавр, за исключением Западной Сирии и Ливана. В документе не упоминается конкретно Палестина, но Макмагон утверждал, что шарифу было ясно сказано, что этот регион не входит в арабскую зону. Неизвестно, была ли двусмысленность письма Макмагона намеренной или нет. В лю-

бом случае на основании этого арабы полагали, что Палестина была обещана различным сторонам несколько раз. Сложно разрешить противоречия между письмом Макмагона и соглашением Сайкса – Пико. По словам исследователя Ис-айи Фридмана, цель письма Макмагона заключалась в том, чтобы дать арабам не полную независимость, а скорее освобождение от османского ига под европейским протекторатом. В любом случае для великих держав было ясно, что Палестину ждет судьба, отличная от судьбы других регионов, так как она будет управляться на международном уровне.

История декларации Бальфура сочетает в себе идеализм и империализм, международные интриги и ошибочные оценки силы и слабости. В течение первых двух лет войны Вейцман вел просионистскую кампанию в британских коридорах власти, но не добивался больших успехов вплоть до декабря 1916 года, когда Дэвид Ллойд Джордж стал премьер-министром. Ллойд Джордж, протестант, выросший на Библии, остро чувствовал связь между евреями и Святой землей. На него сильно повлияла романтическая идея о возвращении евреев на свою древнюю родину, преобладавшая в Британии XIX века и вдохновляемая сионистской идеей. Он также считал, что у сионистов и Британии есть общие интересы; благодаря союзу с ними Великобритания может снять с себя обязательства перед французами о том, что Палестина должна стать международной; он хотел держать ее под британским контролем.

Министром иностранных дел Ллойд Джорджа был Артур Бальфур, учтивый и одаренный человек, который восхищался еврейским гением и одновременно боялся его. Совместные усилия Ллойд Джорджа и Бальфура в британском кабинете министров в критический момент 1917 года привели к созданию декларации, носящей имя Бальфура. Хотя в конце концов британский интерес в контроле над сухопутным маршрутом в Индию и недопущение закрепления Франции в Палестине были решающими, обоснование декларации периодически менялось в ходе переговоров перед ее публикацией. Однако каждое последующее обоснование исходило из переоценки власти евреев в мире; в данном случае антисемитский образ всемогущего еврея сыграл на руку сионистам. В Соединенных Штатах, нейтральных до весны 1917 года, большинство американских евреев, как и немецкое и ирландское меньшинства, поддерживало Центральные державы. Американские евреи почти не имели никакого влияния на политику США, и действительно, еще до того, как была опубликована декларация Бальфура, Америка вступила в войну на стороне держав Антанты.

В России произошла революция⁷¹ и начался стремительный рост сионистского движения. Британцы считали сионистов решающим элементом среди евреев, составлявших, по

⁷¹ Февральская революция произошла 23 февраля по юлианскому, принятому в Российской империи, или 8 марта по григорианскому календарю, принятому тогда в большинстве европейских стран.

их мнению, основную массу русских революционеров. Британцы надеялись, что поддержка евреев заставит революционеров выступить за выход России из войны. Британцы также опасались просионистской декларации Германии, которая опередила бы декларацию Бальфура, тем самым побудив евреев поддержать Центральные державы. Но руки немцам связали их турецкие союзники. Однако длительные обсуждения декларации, скрупулезное рассмотрение каждого ее слова говорят о том, что она не была задумана как элемент пропагандистской войны, обреченный исчезнуть без следа в случае необходимости, а как политическая декларация исключительной важности.

В заявлении, переданном 2 ноября 1917 года министром иностранных дел Великобритании барону Лайонелу Уолтеру Ротшильду, говорится:

Правительство Его Величества относится благосклонно к восстановлению национального пристанища для еврейского народа в Палестине и приложит все усилия к содействию достижения этой цели. Вполне понятно, что не должно быть предпринято ничего, что может повредить гражданским и религиозным интересам нееврейских общин в Палестине или правам и политическому статусу евреев в какой-либо другой стране.

Декларация заверила евреев в возможности создать «национальное пристанище» в Палестине. Британцы должны

были способствовать этому предприятию, но осуществить его должны были сами евреи. Хотя декларация не обещала создание еврейского государства, в частных беседах британские государственные деятели объясняли, что конечным намерением было создать государство, где евреи должны были составить большинство населения страны. Не было упоминания о границах этого национального дома, но со временем слова «в Палестине» будут истолкованы как подразумевающие, что не вся Палестина была обещана евреям как тот самый дом. Две оговорки, касающиеся нееврейских общин в Палестине и евреев, не заинтересованных в сионизме, были добавлены на заключительных этапах формулирования декларации и относятся не к национальным правам, а только к гражданским и религиозным. Поразительно, что арабы упоминаются только как «нееврейские общины», но прямо не называются.

Как и соглашение Сайкса – Пико, декларация Бальфура относится к эпохе, когда горстка государственных деятелей в прокуренных комнатах решала судьбы народов и государств и способы разделения приходящих в упадок империй без участия средств массовой информации или масс. С точки зрения сионизма это была уникальная возможность. В эти последние дни глобального империализма немногие государственные деятели не только осмелились действовать в соответствии с политическим здравым смыслом, но и руководствовались духовным видением. Бальфуру, Ллойд Джор-

джу, Марку Сайксу и другим идея возвращения евреев в свою страну казалась благородным делом, достойным поддержки, даже несмотря на то, что она противоречила декларациям держав о праве наций на самоопределение, что было одной из целей войны. Противодействие арабских жителей Палестины казалось им второстепенным по сравнению с компенсацией евреям за тысячи лет преследований и унижения. В своем резком стиле Бальфур определил ситуацию следующими словами:

Четыре великие державы преданы идее сионизма. А сионизм, будь он верным или неправильным, хорошим или плохим, уходит своими корнями в вековые традиции, в нынешние нужды и надежды на будущее, гораздо более глубокие, чем желания и предрассудки 700 000 арабов, которые сейчас населяют эту древнюю землю. На мой взгляд, это правильно⁷².

Хотя мотивация этих британских государственных деятелей поддержать еврейский национальный очаг была искренней, в то же время сионизм предоставил удобный предлог для установления контроля над Палестиной. Британцы смогли представить свое желание править Палестиной как выте-

⁷² *Elam Y. Historia politit, 1918–1922* (Политическая история, 1918–1922) // *Toldot hayishuv hayehudi be'Eretz Yisrael miaz ha'aliya hashniya* (История еврейской общины в Палестине со времен Первой алии). The British Mandate Period. Part One / Ed. M. Lissak. Jerusalem: Israel National Academy of Science, 2001, p. 171; Documents of British Foreign Policy. 4 / Ed. E. L. Woodward. London, 1952, p. 345.

кающее из потребностей еврейского национального движения, а не их собственных империалистических амбиций. В то же самое время британцы поддерживали арабское национальное движение через Т. Э. Лоуренса⁷³, который разжигал «Восстание в пустыне» – больше вдохновляющий миф, чем кампания, имевшая какое-либо военное значение. Марк Сайкс считал, что между еврейским и арабским национализмом нет противоречия, и стремился к сотрудничеству между ними. Пока Фейсал, сын шарифа Хусейна и будущий король великого арабского королевства, возглавлял арабское национальное движение, его враждебность к сионистскому движению не была явной. Но с изгнания в 1920 году Фейсала из Сирии французами, которые не были готовы отказаться от своей части соглашения Сайкса – Пико, растущие националистические настроения арабских жителей Палестины сосредоточились на их оппозиции сионизму.

Британское завоевание Палестины в 1918 году не проходило под знаменем декларации Бальфура. Декларация официально не публиковалась в Палестине, хотя ее содержание было известно как евреям, так и арабам. С еврейской точки зрения это была та самая хартия, к которой так страстно стремился Герцль, в то время как арабы видели в ней подрыв своего многовекового превосходства в Палестине. Их беспокойство по поводу появления еще одного претендента на владение страной было искренним, хотя некоторые и сдела-

⁷³ Известного как Лоуренс Аравийский.

ли на этом политический капитал. Палестинский треугольник британцев, арабов и евреев сформировался, когда Алленби спешил к Иерусалиму в декабре 1917 года. В течение следующих 30 лет эти трехсторонние отношения лежали в основе палестинской проблемы.

История тридцатилетнего британского правления в Палестине – это рассказ о медленном отходе Великобритании от своих просионистских обязательств, попытках сионистского руководства оказать давление на британцев с целью выполнения этих обязательств и арабском давлении в противоположном направлении. Каждая сторона обвиняла Великобританию в предательстве, невыполнении своих обещаний и несправедливости. В конце концов британцы покинули Палестину, захлопнув за собой дверь и оставив страну, втянутую в гражданскую войну – или войну между национальными общинами, – которая быстро переросла в войну между странами. Они также оставили после себя еврейскую общину, способную противостоять ужасам той войны и создать Государство Израиль.

Историк Элизабет Монро охарактеризовала декларацию Бальфура как «одну из величайших ошибок в нашей [британской] имперской истории», которая нанесла Великобритании серьезный ущерб. Это утверждение предполагает, что все, что происходило на Ближнем Востоке, было следствием декларации Бальфура, и придает истории моралистический элемент: британцы не сдержали своих обещаний, дан-

ных арабам, и поэтому были обречены утратить свое положение на Ближнем Востоке. Сионисты также привнесли мораль в эту историю: британцы отказались от своих обязательств перед евреями, чтобы успокоить арабов, но арабы не остались лояльны к ним, и в итоге они потеряли поддержку евреев, лишившись тем самым своего господства на Ближнем Востоке. Оба этих тезиса игнорируют рост национализма и распад великих империй, который произошел независимо от появления сионизма и от того, остались ли британцы верными евреям. Трудно предположить, что Британия смогла бы сохранить свои позиции на Ближнем Востоке, даже если бы не существовало сионистского движения.

Британское правление в Палестине можно условно разбить на десятилетия: 1918–1929, 1929–1939 и 1939–1948 годы. Это деление охватывает некоторые важные события, влияющие на взаимоотношения в рамках палестинского треугольника, и подчеркивает то, как политические факторы сформировали реальность в Палестине. Первое десятилетие, наступившее после периода нестабильности и беспорядков, характеризовалось относительным спокойствием, формированием правления мандата и слабостью как арабского национального, так и сионистского движений. Эта стабильность закончилась беспорядками 1929 года, бурным всплеском насилия арабов, который привел к ряду решений британских властей, направленных на сдерживание развития еврейского национального очага. Сионистам удалось добиться отмены

этих ограничений в 1931 году, и период экономического роста и роста населения продолжался до 1936 года. В этом году вспыхнуло арабское восстание, народное восстание против евреев и британцев, продолжавшееся с перерывами до 1939 года, когда было жестоко подавлено британцами. В мае 1939 года министр колоний объявил о новой политике, направленной на то, чтобы заморозить развитие еврейского национального очага. Эта дата знаменует конец союза между сионистским движением и Великобританией. Третье десятилетие началось со Второй мировой войны и закончилось прекращением британского мандата в Палестине в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций от 29 ноября 1947 года.

1918–1929 годы

Любое изменение статуса Палестины было связано с непростыми отношениями внутри палестинского треугольника. Решение прекратить военное положение – которое было продлено из-за отказа Турции от Севрского договора – и ввести гражданское управление еще до того, как британский мандат на Палестину был официально ратифицирован, было принято из-за беспорядков на Песах 1920 года (4 апреля), вспыхнувших главным образом в Иерусалиме. Арабы нападали на евреев, ранили, убивали и наносили ущерб их собственности. Военные власти, которые не были ревност-

ными сторонниками декларации Бальфура и были склонны принять сторону арабов, стремились сохранить статус-кво, как и следовало ожидать от временной военной администрации. Это означало подавление чаяний евреев, которые хотели внести изменения после декларации Бальфура в отношении иммиграции, покупки земли и превращения иврита в официальный язык. Таким образом, существовало явное противоречие между декларацией Бальфура и политикой, фактически проводимой в Палестине.

Конвенция держав-победительниц в Сан-Ремо приняла решение 18 апреля 1920 года, вскоре после беспорядков, предоставить Великобритании мандат на Палестину и возложить на нее ответственность за выполнение декларации Бальфура. Таким образом, декларация Бальфура перестала быть односторонней британской декларацией и стала международно-правовой основой политики держав Антанты. Из-за проарабских наклонностей военной администрации в Сан-Ремо было решено передать власть от военных гражданскому правительству. Первым верховным комиссаром Палестины был назначен Герберт Сэмюэл, увлеченный британский сионист и бывший министр, человек с большим талантом и управленческим опытом, а также человек действия. Это было четкое просионистское заявление британского правительства, все еще возглавляемого Ллойд Джорджем.

Следующий акт палестинской драмы произошел примерно через год: Герберт Сэмюэл прибыл в Палестину, где евреи

встретили его с большой теплотой, арабы же не скрывали своих подозрений. Страна выглядела мирной, и казалось, что восстановление и строительство не заставят себя долго ждать, но в мае 1921 года произошла новая волна насилия, которая началась в Яффо и распространилась на мошавы. Власти с трудом подавили беспорядки, которые продолжались несколько дней и привели к гибели десятков евреев. Британский ответ на этот раз положил начало тому, что стало повторяющейся закономерностью. Верховный комиссар выступил перед арабами с примирительной речью, в которой объявил о временном прекращении иммиграции в Палестину. Чтобы еще больше их успокоить, он назначил Мухаммада Амина аль-Хусейни муфтием Иерусалима. Аль-Хусейни, потомок известной иерусалимской семьи и радикальный националист, был осужден за участие в пасхальных беспорядках 1920 года.

Тем временем готовился проект документа Лиги Наций о британском мандате для Палестины. Мандатная система была следствием международных антиимпериалистических настроений после Первой мировой войны и большевистской революции. Вместо того чтобы аннексировать страны, Франция и Великобритания взяли на себя ответственность за управление некоторыми странами в течение ограниченного периода времени при подготовке их к независимости. Франция получила мандат на Сирию, а Великобритания – на Ирак и Палестину, включая Трансиорданию. Проект документа о

британском мандате в Палестине был просионистским: он включал декларацию Бальфура и признавал историческую связь между еврейским народом и Палестиной. В статье 2 говорилось о «помещении страны в такие политические, административные и экономические условия, которые обеспечат создание еврейского национального очага». В статье 4 говорилось о «соответствующем еврейском агентстве», которое «примет участие в развитии страны... консультируясь с правительством Его Британского Величества». В статье 6 говорилось о «компактном поселении евреев на земле, включая государственные земли». Арабы не упоминались в документе, который был направлен в основном на развитие еврейского национального очага.

Теперь, пытаясь умиротворить арабов после беспорядков, в июне 1922 года Министерство по делам колоний под руководством Уинстона Черчилля опубликовало Белую книгу, в которой провозгласило новую британскую политику под видом интерпретации документа о мандате. Оно заверило арабов, «что он [мандат] не содержит и не подразумевает ничего, что могло бы вызвать тревогу у арабского населения Палестины». Сионистская организация имела статус только в вопросах, касающихся жизни евреев, но в Белой книге действительно говорилось, что евреи находятся в Палестине «по праву, а не по терпению». Впрочем, намерение состояло не в том, чтобы Палестина стала национальным очагом, а в том, что национальный очаг будет основан в Палестине. В Белой

книге также говорилось, что «иммиграция не может быть настолько большой, чтобы превышать любые экономические возможности страны в означенный период времени для приема вновь прибывших. Важно обеспечить, чтобы иммигранты не были обузой для народа Палестины в целом». Далее в документе поднималась идея законодательного совета, который выражал бы желания жителей, и хотя этот орган не избирался демократическим путем, простое упоминание об этом было выражением права арабского большинства на политическое представительство. От политики в пользу еврейского национального очага маятник теперь качнулся в сторону предоставления прав и представительства арабскому населению.

Люди, стоящие за Белой книгой, Сэмюэл и Черчилль, были верными сторонниками сионизма. Новая политика была разработана, чтобы развеять опасения арабов и обеспечить сотрудничество или, по крайней мере, спокойствие, которое было необходимо для иммиграции, экономического развития и расширения сионистских поселений. Но не все сионисты приняли такой подход, так что с тех пор возникли две противоположные точки зрения на британскую политику. Первые считали Белую книгу 1922 года ужасной капитуляцией перед арабской агрессией, которая вознаграждала агрессора, и демонстрацией слабости, спровоцировавшей дальнейшую агрессию. Эта группа полагала, что если бы Сэмюэл предпринял политику железного кулака и дал

понять, что Великобритания полна решимости проводить национальную внутреннюю политику, арабы склонились бы перед неизбежным.

Другая группа утверждала, что невозможно подавить пробуждающееся национальное движение силой и что нельзя ожидать, что Великобритания, измученная войной, примет политику, требующую значительных расходов на безопасность, а также жесткое подавление народного сопротивления. Британское общественное мнение, которое противостояло империалистическим обязательствам, отвернулось бы от сионизма и еврейского национального очага. Чтобы выиграть время, необходимое для накопления критической массы евреев в Палестине до того, как Великобритания решит, что мандат истек, евреям нужно было успокоить бушующие волны.

В 1921 году стало ясно, что благоприятная международная ситуация, которая привела к великим достижениям декларации Бальфура и документа о мандате, ушла в прошлое, и теперь все изменилось в пользу арабов. Арабский исполнительный комитет направил в Лондон делегацию, получившую поддержку со стороны британской прессы и политиков, и общественное мнение начало демонстрировать понимание позиции арабов, которые изображались как жертвы декларации Бальфура. Таким образом, примирительная и справедливая политика Сэмюэла по отношению к арабам, которую большинство жителей ишува воспринимали как не что иное,

как предательство, была фактически единственно возможной в данной ситуации. За пять лет своего пребывания на посту верховного комиссара Сэмюэл стабилизировал ситуацию, ввел в действие механизмы мандатной администрации и добился экономического роста и относительного мира. Тот факт, что евреям нужно было спокойствие, чтобы строить страну, в то время как арабы извлекали выгоду из беспорядков – динамичный Вейцман понял это раньше, чем любой другой сионистский государственный деятель, – с тех пор стоял на повестке дня сионистской политики. Оппозиция сионистского Исполкома (организации, отвечающей за проведение сионистской политики в целом) продолжала поддерживать требование, чтобы Великобритания применила политику железного кулака, требование, которое британцы не были склонны принимать.

Десятилетие после беспорядков 1921 года было временем относительного мира. За эти годы в палестинском арабском национальном движении произошли расколы и разногласия, и оно потеряло возможность получить влияние, когда отвергло предложения Сэмюэла о создании законодательного совета. Ни один из предложенных им проектов не удовлетворил их, поскольку участие в таком органе, учрежденном в соответствии с мандатом, означало бы признание как прав евреев в Палестине, так и легитимности еврейского национального очага. Полный отказ арабов сотрудничать с подмандатным правительством в отношении госу-

дарственной политики был понятен (они действительно сотрудничали в таких областях, как здравоохранение, администрирование и образование), но, отклонив законодательный совет, они отказались от важной общественной платформы, передав тем самым преимущество евреям. Что касается сионистов, их риторика – особенно их внутренняя риторика – оставалась воинственной, действуя как предохранительный клапан для выпуска пара, но в повседневной жизни и на политическом уровне евреи содействовали умиротворяющей политике Сэмюэла и его преемника, генерала Герберта Пламера.

1929–1939 годы

Второе десятилетие британского правления стартовало с двухлетнего шторма. Все началось со спора по поводу притязаний евреев на Западную стену (Стену Плача). Исследователи полагают, что муфтий пытался повысить свой статус в мусульманском мире, разжигая слухи, что евреи намереваются захватить Храмовую гору; согласно мусульманской традиции, Стена Плача – это место, откуда пророк Мухаммед вознесся на небо на своем легендарном коне. Еще в XIX веке евреи предпринимали попытки купить землю вокруг Стены, что арабы интерпретировали как желание захватить святое место. Святые места для нескольких религий всегда представляют собой пороховые бочки, и одна спичка может при-

вести к взрыву. В данном случае спичек было сразу две. Первой было провокационное поведение по отношению к британским полицейским, которые убрали перегородку, разделявшую мужчин и женщин во время молитв на Йом Кипур⁷⁴ в сентябре 1928 года. Это действие снова вызвало у арабов опасения, что евреи намеревались взять это место под свой контроль, опасения, которые усилились из-за подстрекательской риторики проповедников и прессы. Арабы кидали мусор в переулке у Стены Плача и направляли через него ослов, беспокоя этим евреев. Мусульманские намазы звучали очень громко. Второй спичкой служила еврейская реакция, горячие головы из еврейской молодежи проводили националистические демонстрации у Стены, провозглашая права евреев на нее.

23 августа 1929 года арабская агрессия вспыхнула в Иерусалиме, Хевроне, Цфате и по всей стране. Беспорядки продолжались неделю. Особой жестокостью отличалось насилие против двух беспомощных несионистских ультраортодоксальных общин в Хевроне и Цфате. За время пребывания Пламера на посту верховного комиссара сил безопасности

⁷⁴ Один из важнейших дней в календарном цикле еврейских праздников, отмечается на 10-й день месяца тишрей. Йом Кипур также называют Судным днем. По преданию, в Йом Кипур решается дальнейшая судьба каждого еврея, исходя из его поступков в течение предшествующего года. С обрядовой стороны, Йом Кипур – это пост, наиболее тяжелый в иудаизме. Помимо ограничений в пище и воде, также запрещено работать, носить кожаную обувь, пользоваться косметикой, посещать увеселительные мероприятия и т. д., пост сопровождается многочисленными ритуалами (личными и коллективными).

в Палестине были сокращены до 300 британских полицейских, которые оказались не в состоянии взять под контроль массовые беспорядки. Подкрепление из Египта и Мальты прибыло только после того, как волнения распространились по всей стране. Всего было убито 133 еврея, разрушены поселения, разграблено имущество.

Евреи, чьи предупреждения о готовящихся беспорядках были проигнорированы властями, обвинили британское правительство в потере контроля и безразличии к безопасности жителей. В ответ администрация заявила, что, хотя бунтовали арабы, ответственность исходит из политики в отношении создания еврейского национального очага, которая, как опасались арабы, приведет их к потере собственной страны. Сэр Джон Ченселлор, сменивший Пламера на посту верховного комиссара, не питал симпатий к сионистскому делу. Типичный колониальный чиновник, он считал своей задачей заботу о местном населении. Ему казалось несправедливым и неуместным исключительное обстоятельство, заключающееся в том, что мандат был разработан с целью изменить статус-кво в Палестине в пользу нового элемента – евреев. Он был полон решимости аннулировать преференциальный статус, предоставленный евреям как народу с помощью мандата, и сосредоточить политику Великобритании на защите интересов арабов и местных евреев.

Ченселлор не учитывал интересы еврейского народа в целом – предмет политики мандата, – но поскольку документ

имел международную силу, подтвержденную Лигой Наций, его условия не могли быть изменены. Поэтому он сосредоточился на деталях реализации, особенно на вопросах поселения и иммиграции. Поскольку дальнейшая покупка земли евреями привела бы к лишению арабов их владений, он решил, что продажу земли следует предотвратить, а иммиграцию евреев ограничить, строго соблюдая условия, касающиеся экономических возможностей.

Комиссия Шоу, назначенная британским правительством для изучения причин беспорядков, приняла линию верховного комиссара, снимавшую вину с администрации. Она потребовала расследования иммиграционных и земельных вопросов и создания как можно скорее законодательного совета. Чтобы исправить дисбаланс между арабами и евреями в документе о мандате, британское правительство заявило, что декларация Бальфура и документ о мандате содержат двойное обязательство: перед еврейским народом и арабскими жителями Палестины. Сэр Джон Хоуп-Симпсон был отправлен в Палестину для изучения земельных споров, вопросов иммиграции и политики развития, и его выводы соответствовали новой линии. Он посоветовал ограничить покупку земли евреями и обеспечить соблюдение принципа экономических возможностей — однако не на основе возможностей еврейской экономики, созданной с помощью еврейского капитала, а на основе возможностей всей страны. Это означало, что безработица среди арабов могла стать основа-

нием для прекращения иммиграции евреев.

В октябре 1930 года министр по делам колоний лорд Пассфилд опубликовал White Paper (Белую книгу), основанную на принципе «двойного обязательства», который отрицал различие между «еврейским народом» и «нееврейскими общинами» в Палестине. Он принял определение экономических возможностей Хоуп-Симпсона и его рекомендации по ограничению покупки земли евреями. Арабы утверждали, что одной из причин беспорядков было создание Еврейского агентства. Созданное для того, чтобы позволить евреям-несионистам участвовать в строительстве страны, Агентство усилило опасения арабов лишиться своей земли. Таким образом, Пассфилд подчеркнул, что у Агентства нет политического статуса; в соответствии с документом о мандате его роль ограничивалась участием в развитии страны. В то же время он объявил о формировании представительного законодательного совета, который, конечно же, будет выражать мнение арабского большинства.

Белая книга Пассфилда вызвала бурю в международной политике. Вейцман в знак протеста ушел с поста президента Сионистской организации. Ведущие британские государственные деятели и юристы заявили, что Белая книга противоречит документу о мандате, и потребовали его отмены. Демонстрации против нее прошли во всем еврейском мире. Опасаясь резкой критики со стороны Постоянной комиссии по мандатам Лиги Наций, которая наблюдала за выполне-

нием мандата, британское правительство начало переговоры с сионистским руководством и впоследствии опубликовало письмо премьер-министра Рэмси Макдональда. В письме Макдональда, которому был придан тот же статус, что и Белой книге, говорилось, что обязательство по мандату не ограничивается только еврейским населением Палестины, а включает весь еврейский народ, и обязательство поощрять иммиграцию еврейского населения в Палестину все еще существует, при условии, что этого можно добиться без ущерба правам и положению нееврейских жителей. Евреям казалось, что это письмо вернуло прежние обещания, данные ранее им британцами, и дало возможность дальнейшей иммиграции и поселения – важнейшее достижение в этом десятилетии. Однако для арабов письмо Макдональда, обнародованное после Белой книги, было «черным письмом».

Таким образом, второе десятилетие началось с демонстрации того, насколько хрупкими были обязательства Великобритании по отношению к еврейскому народу, что сделало фактор времени решающим в реализации сионистского проекта. В целом 20-е были годами международной стабильности, когда положение Великобритании как ведущей империалистической державы по-прежнему оставалось незыблемым. Но в 1929 году произошел крах Нью-Йоркской фондовой биржи, вызвав глубокий глобальный экономический кризис, который привел к политическим потрясениям по всей Европе. В Восточной и Центральной Европе к власти

пришли профашистские режимы, в то время как Германия стала свидетелем стремительного взлета нацистской партии, а в 1933 году Адольф Гитлер был назначен на пост канцлера. Если в 1920-х годах сионистская затея, казалось, заключалась в постепенном развитии общества и культуры в духе Ахад ха-Ама, то в 1930-х его миссией стало спасение преследуемых евреев Польши, Румынии и Германии. После экономического кризиса все страны стали применять более строгие иммиграционные законы, и Палестина стала основным убежищем для еврейских мигрантов. Эволюционное развитие больше не отвечало потребностям еврейского народа.

В 1931 году Джон Ченселлор, недалекий, к тому же испорченный антисемитизмом, был заменен на посту верховного комиссара сэром Артуром Вошопом, человеком без предубеждений, сочувствующим евреям и весьма справедливым по отношению к арабам. Начиная с 1932 года иммиграция в Палестину росла, и через несколько лет ишув, который в 1929 году насчитывал около 170 000 человек, увеличился до 400 000 человек. Массовая иммиграция изменила облик страны. В этот период евреи прошли точку невозврата: в Палестине сформировалась критическая еврейская масса, достаточно сильная, чтобы помешать арабам создать исключительно арабское государство, – по крайней мере, так полагали сионисты.

Арабы полностью осознавали эту перемену, происходившую у них на глазах. Страна, имевшая арабский характер,

внезапно обрела новый, европейский облик. Как и евреи, арабы переживали экономический рост, но это было скудной компенсацией за ощущение, что они постепенно теряют контроль над страной, которая всего несколько лет назад, по сути, принадлежала им. Впервые на арабской улице появились радикальные политические силы. Они выходили за пределы традиционных клановых устоев, в рамках которых власть была поделена между сторонниками клана аль-Хусейни, фанатично выступавших против еврейского национального очага, при этом поднимая знамя ислама, и относительно умеренными Нашашиби, которые были готовы сотрудничать – в определенной степени – с мандатными властями.

Партия Istiklal, возникшая в начале 1930-х годов, была политической силой, построенной не на старых привилегированных семьях, а на современной платформе, которая требовала независимости Палестины, поскольку привлекала в свои ряды образованную городскую арабскую молодежь. Арабы пришли к выводу, что в основе их проблемы лежали не евреи, с которыми, как они думали, они могли бы справиться сами, а британцы. В 1933 году жестокие арабские демонстрации с требованием самоуправления были направлены против властей, а не против евреев. Вошоп без колебаний подавил их силой, но в то же время выступил с инициативой создания законодательного совета в Палестине.

За этой идеей законодательного совета скрывалось признание права арабского большинства на широкое представи-

тельство в мандатной администрации. Когда идея совета была впервые выдвинута Гербертом Сэмюэлом в Белой книге 1922 года, евреи были слишком слабы, чтобы противостоять ей. Но теперь они были вынуждены заняться вопросом, какую правительственную структуру они предложат для Палестины. До этого большинство сионистов в Палестине считали, что британский мандат создал условия для формирования еврейского большинства за счет иммиграции и поселений и что, когда это большинство будет достигнуто, еврейское государство будет создано. Этот образ мышления игнорировал растущий арабский национализм и появление арабов в качестве еще одного претендента на власть в стране.

Общепринятая точка зрения теперь оспаривалась на обоих концах сионистского политического спектра: с одной стороны, ревизионистское движение во главе с Владимиром Жаботинским, а с другой – Brit Shalom (Союз мира). Жаботинский был убежден, что столкновение между еврейским и арабским национализмом неизбежно и что сионизм не может быть реализован без активной британской политики, устанавливающей «колонизаторский режим» в Палестине, который предоставит евреям государственные земли, обеспечит массовую иммиграцию и крупномасштабное расселение, остановив любое арабское сопротивление силой. Brit Shalom, со своей стороны, ратовал за достижение соглашения с арабским национальным движением любой ценой. Его девизом был бинационализм, который нейтрализовал про-

блему большинства против меньшинства, согласившись с тем, что в Палестине есть два народа, имеющие право на равную долю в стране, каждый из которых будет вести автономную культурную жизнь (идея, известная евреям как «культурный сионизм»). Согласно этому плану, британцы должны оставаться в Палестине в течение длительного периода в качестве посредника между двумя народами. Brit Shalom с 1920-х годов принял лозунг «не большинство, а многие», но не удовлетворил этим арабов, и теперь готов был рассмотреть вопрос об ограничении еврейской иммиграции как способа хоть как-то достичь соглашения с арабами. Эта позиция основывалась как на моральных принципах, так и на убеждении, что время не на стороне сионистов, что делало немедленное соглашение с арабами предпочтительнее любых промедлений.

Идея Жаботинского о «колонизаторском режиме» была плохим вариантом, поскольку британцы уже продемонстрировали, что они не готовы делать за евреев всю черную работу, а идеи Brit Shalom были неприемлемы как для евреев, так и для арабов. Однако после беспорядков преобладающая эволюционная концепция была поставлена под сомнение. В гонке между зарождающимся арабским национализмом и реализацией сионистского плана было ясно, что сионизм проигрывает. Арабский национализм развивался гораздо быстрее, чем еврейская иммиграция в Палестину. Эти факторы заставили евреев задуматься над возможными для

них вариантами управления, не дожидаясь, пока эти варианты появятся сами собой.

В начале 1930-х годов велись многочисленные дискуссии, какие правительственные рамки ввести в Палестине. Сионисты начали эти дискуссии друг с другом в ответ на то, что правительство мандата включило законодательный совет в повестку дня. Были попытки диалога с арабами, но они оказались безуспешными, поскольку арабы отказывались признавать какие-либо права евреев на страну. Они были готовы позволить евреям, прибывшим в Палестину до декларации Бальфура, остаться, но не признавать их как сообщество, исторически связанное со страной.

С другой стороны, сионисты впервые были готовы признать национальные права арабов. Несмотря на то что евреи все еще составляли меньшинство, это решение было нелегким. С самого начала современного возвращения в Сион новые иммигранты чувствовали себя хозяевами Эрец-Исраэль⁷⁵. Осознание того, что развитие ишува идет слишком медленно, психологически позволило им отказаться от исключительного права собственности на Палестину. Но они не могли согласиться с тем, что арабы обладали такими же исключительными правами, и уж тем более правом препятствовать евреям селиться и развивать страну.

Эволюционная стратегия основывалась на том, чтобы отложить любое решение о судьбе Палестины до тех пор, пока

⁷⁵ Земля Израиля (*ивр.*).

национальный очаг не будет укреплен, и в то же время надеяться, что британцы будут продолжать добросовестно выполнять свои обязательства в соответствии с мандатом. Летом 1932 года Хаим Арлозоров, глава политического отдела Еврейского агентства, проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что такой фаталистический подход для сионистского движения неуместен. Возможно, это было бы подходящим вариантом, если бы время, отведенное сионистскому движению, не было ограничено. Но Арлозоров подсчитал, что мандатная система закончится через несколько лет. Он предвидел, что в ближайшем будущем разразится мировая война, сопровождаемая либо арабско-британским союзом, либо арабским восстанием, и вся система мандатов будет аннулирована.

Другими доступными вариантами было разделение суверенитета над Палестиной между евреями и арабами, то есть разные версии двухнациональной идеи⁷⁶, либо раздел территории. Арлозоров не одобрял ни одну из этих альтернатив, даже раздел или кантонизацию⁷⁷, которые начали рассматриваться как в сионистских, так и в британских кругах. Хотя он отметил, что раздел реализует два основных элемента сионизма – территорию и самоуправление, – все же не поддерживал его, потому что страна была слишком маленькой

⁷⁶ Создание единого еврейско-арабского государства в Палестине.

⁷⁷ Разделение территории на кантоны – мелкие административно-территориальные единицы.

и потому что евреи не составили бы большинство даже на отведенных для них территориях.

Арлозоров написал Вейцману, выражая свое разочарование по поводу ограниченных возможностей, доступных сионистскому движению при британской администрации, но к тому времени вопрос о законодательном совете был уже менее актуален, поскольку давление со стороны британцев в отношении совета ослабло. Год спустя, в 1933 году, началась массовая иммиграция, и темпы роста национального очага резко увеличились. Под давлением еврейских невзгод реалии Палестины изменились, и на несколько роковых лет различные идеи по разрешению вопроса о том, что два народа претендуют на владение одной и той же маленькой страной, были сняты с повестки дня.

Для Ближнего Востока в целом и Палестины в частности 1935 год был очень насыщенным. В этом году 62 000 евреев иммигрировали в страну, что стало наибольшим числом за год в период действия мандата. Италия вторглась и завоевала Абиссинию, внеся элемент напряженности на Ближний Восток, что вызвало финансовую панику и конец экономического процветания в Палестине.

В том же году мусульманская террористическая группа напала на евреев на севере Палестины. В битве с британцами ее лидер Изз ад-Дин аль-Кассам был убит, став символом палестинского сопротивления. Наконец, в том же году Артур Вошоп сформулировал свое предложение о законо-

дательном совете, оно обсуждалось в британском парламенте и было отклонено. В очередной раз арабы Палестины были разочарованы тем, что им не дали никакого права на самоуправление. В течение 30-х годов прошлого века в других странах региона происходили процессы деколонизации. В Ираке мандат был заменен самоуправлением, а в Египте условия британского протектората были изменены в пользу Египта. Французский мандат в Сирии после продолжительной забастовки также был изменен на более либеральную систему правления. Из всех мандатных территорий группы А⁷⁸ только в Палестине оставался режим, при котором большинство населения не было представлено в органах власти.

В апреле 1936 года вспыхнуло арабское восстание. Как и предшествующие, оно началось с волны еврейских погромов, но через несколько дней Верховный арабский комитет взял на себя командование и выдвинул политические требования: прекращение иммиграции и продажи земли, а также представительное управление, которое передало бы власть в руки арабского большинства. Комитет поддержал эти требования всеобщей забастовкой по всей стране, которая продемонстрировала, что палестинское национальное движение созрело и способно мобилизовать массы. Забастовка длилась около шести месяцев и нанесла серьезный ущерб араб-

⁷⁸ Мандат группы А включал в себя бывшие ближневосточные владения Османской империи (Ирак, Трансиордания, Сирия, Ливан и Палестина), которые формально функционировали как государства и для которых мандат предполагался в качестве переходного этапа к созданию независимых государств.

ской экономике. Арабские рабочие не выходили на работу, продажа продуктов на еврейский рынок прекратилась, а экспорт арабских цитрусовых упал. Однако, если арабы думали, что экономический бойкот вынудит ишув подчиниться, стало ясно, что они ошибались, поскольку ишув показал, что при необходимости он может стать самодостаточным. Для экспорта цитрусовых и приема иммигрантов, которые продолжали прибывать, порт Яффо был заменен пристанью в Тель-Авиве.

Арабские банды сеяли ужас по всей стране, но верховный комиссар избегал применения военной силы для их подавления. Тем временем были предприняты попытки убедить арабов прекратить забастовку, чтобы Королевская комиссия смогла прибыть в Палестину и изучить причины беспорядков. Вместо этого арабы потребовали прекращения иммиграции и предоставления гарантий независимости, но британцы этим требованиям отказали. В октябре 1936 года арабские государства предоставили Верховному арабскому комитету выход из затруднительного положения, в которое он загнал себя забастовкой и сопутствующим терроризмом. Они призвали палестинцев прекратить забастовку, выразив при этом свою веру в добрые намерения Великобритании, и заверили палестинских арабов в своей неизменной поддержке. Это вмешательство превратило локальную проблему в региональную.

Королевская комиссия, более известная как комиссия Пи-

ля по имени ее председателя, была высокопоставленным органом с широкими полномочиями для изучения всего вопроса о Палестине и предложения долгосрочного решения. Комиссия прибыла в Палестину в ноябре 1936 года и заслушала показания правительственных чиновников, а также еврейских и арабских представителей. Ее отчет был самым подробным, всеобъемлющим и продуманным документом, когда-либо написанным о Палестине за время британского мандата, и вывод был радикальным: мандат недееспособен, поскольку обязательства, данные евреям и арабам, противоречивы. Надежда, которой руководствовалась администрация мандата, выраженная Вошопом в своей политике, заключалась в том, что со временем будет создано общее гражданское население из евреев и арабов, которые будут жить вместе в одной стране. Вошоп рассчитывал, что евреи будут составлять 40 % населения, но из-за их экономических и культурных преимуществ это установило бы баланс между ними и арабами. Комиссия Пилия обнаружила, что эта идея не имеет под собой реальных оснований, поскольку две национальные группы в стране не только не имели ничего общего, но и были вовлечены в ожесточенный конфликт по поводу права владения Палестиной. Комиссия пришла к выводу, что способ удовлетворить желания сторон – по крайней мере, частично – это разделить страну и создать два независимых государства, еврейское и арабское. Был предложен план раздела, согласно которому евреи получали при-

брежную равнину от Кастины до Рош-ха-Никра в Галилее, а также Изреельскую и Иорданскую долины. Иерусалим, Вифлеем и их окрестности, а также коридор в Яффо останутся под юрисдикцией мандата, в то время как арабское государство будет владеть оставшейся территорией. Комиссия также предложила обмен населением между двумя государствами по образцу тех, которые осуществлялись между Турцией и Грецией в 1920-х годах (см. карту 2). Наконец, комиссия предположила, что арабское государство может стать частью федерации с Трансиорданием.

Предложение о разделе привело к ожесточенным спорам среди евреев. Сторонники видели в нем зерно будущего независимого еврейского государства, в то время как для противников оно означало отказ от представления об исторической Земле Израиля, тем более что Трансиордания уже была передана королю Абдалле. Миф о древней Земле Израиля, включающей Хеврон, Иерусалим и Бейт-Эль, теперь противостоял разделенному государству. Другая группа оппонентов основывала свои возражения не на мифах или истории, а на рациональном доводе, что разделенное еврейское государство не сможет выжить, а также принять еврейские массы и стать для них убежищем.

Карта 2. План раздела, предложенный комиссией Пилиа в 1937 г.

Но в то же время это предложение давало первые проблески возможного еврейского суверенитета. На Двдцатом сионистском конгрессе в Базеле в 1937 году случился момент истины, напомнивший дебаты 1904 года по Уганде, когда политический реализм столкнулся с традициями поколений и силой мифа. В конце концов после разногласий, которые угрожали расколоть сионистское движение, подавляющее большинство объединилось вокруг резолюции, позволяющей Исполкому ВСО вступить в переговоры на основе плана раздела. Однако он должен был передать любое сформулированное предложение на ратификацию.

Арабы, напротив, быстро объединились на основе полной оппозиции плану раздела и требования независимости Палестины, и их поддерживали арабские государства. Осенью 1937 года возобновился арабский терроризм в Палестине. Власти ввели военное положение, и армия приняла жесткие меры против повстанцев, но с трудом подавила восстание, которое продолжалось до лета 1939 года. Перед лицом арабской оппозиции британское правительство постепенно начало дистанцироваться от своего собственного плана раздела.

Британская политика теперь руководствовалась необходимостью обеспечить мир и спокойствие на Ближнем Востоке. Умиротворение арабов было частью подготовки Бри-

тании к приближающемуся конфликту в Европе. С осени 1937 года в коридорах власти Великобритании дули враждебные сионистам ветры. Британский антиссионистский демарш в форме отказа от обязательств, содержащихся в документе о мандате и в декларации Бальфура, был несомненно неизбежен. В период напряженности вокруг Мюнхенского пакта, который на год отсрочил угрозу мировой войны, сионисты полагали, что вот-вот станут следующими жертвами британской политики умиротворения.

В конце 1938 – начале 1939 года британцы все еще якобы прилагали усилия для достижения решения, приемлемого как для евреев, так и для арабов. Однако шансов на успех не было, как наглядно продемонстрировал круглый стол в Сент-Джеймском дворце. Когда арабы отказались сесть за один стол с евреями, британцы уступили и устроили отдельные столы. Британцы пригласили делегатов из арабских государств принять участие в конференции, намекнув, что они готовы пойти на уступки арабам. Повестка дня включала три требования арабов: независимость, прекращение иммиграции и прекращение продажи земли евреям. После некоторого обсуждения британское правительство решило согласиться с позицией арабов по большинству пунктов повестки дня и выпустило документ, известный как Белая книга 1939 года, в котором говорилось, что иммиграция будет ограничена до 75 000 человек в течение пяти лет и что любая дальнейшая иммиграция будет зависеть от согласия арабов. Па-

лестина станет независимым государством, то есть государством с арабским большинством, после десятилетнего переходного периода. Продажа земли в большинстве регионов страны была ограничена.

Из этих трех ограничений наиболее строго соблюдалось лишь одно – ограничение на иммиграцию. В самый трагический момент еврейской истории ворота Палестины были закрыты для иммигрантов. Предложения Еврейского агентства по доставке еврейских детей из Германии в Палестину или Великобританию были цинично отвергнуты мандатными властями. Беженцам, прибывшим в Палестину после начала войны, не разрешили остаться, они были отправлены на Маврикий в Индийском океане. Если и было что-то, что заставляло евреев Палестины ненавидеть Британию и чувствовать себя столь враждебно по отношению к мандатному правительству, так это подобное отношение к еврейским беженцам во время Второй мировой войны. Евреи Палестины возложили ответственность за закрытие страны для беженцев из зоны боевых действий на правительство. Когда пришло известие о Холокосте, евреи стали считать британцев пассивными соучастниками убийств.

1939–1948 годы

Начало войны в сентябре 1939 года изменило приоритеты ишува. Борьба против Белой книги, которая стояла в повест-

ке дня в прошлом году, сменилась страхом войны. Бен-Гурион выдвинул лозунг: «Мы будем вести войну против Гитлера, как если бы не было Белой книги, и мы будем бороться с Белой книгой, как если бы войны не было»⁷⁹. Он выражал сионистскую дилемму. С одной стороны, величайшим врагом еврейского народа был Гитлер, и с ним нужно было бороться, чтобы спасти всю сокровищницу человеческих ценностей от варварства и насилия. С другой стороны, Британия, которая вела борьбу против Гитлера, теперь стала врагом. Как мог ишув сражаться на стороне Великобритании против общего врага, не отказываясь от борьбы с Белой книгой?

В конце концов борьба против Белой книги была отложена до лучших времен, и ишув подключился к военным действиям, предоставив в распоряжение Великобритании свои производственные мощности, человеческие ресурсы и военный потенциал; 27 000 молодых евреев записались в британскую армию. Арабы, в свою очередь, склонились в другую сторону. В 1941 году восстание под предводительством Рашида Али аль-Гайлани в Ираке поставило под угрозу британское владычество в регионе. Муфтий Иерусалима бежал в Берлин и активно участвовал в разработке нацистской пропаганды на Ближнем Востоке, демонстрируя как идеологическое, так и политическое единение с нацизмом.

Пока положение Великобритании на Ближнем Востоке было катастрофическим, еврейско-британское сотрудниче-

⁷⁹ November 12, 1939, Mapai Central Committee.

ство процветало. Например, Пальмах создавался как вооруженное формирование, предназначенное для помощи британцам в сборе разведданных и диверсионных операциях. С лета 1941 по 1942 год, когда казалось, что Африканский корпус Роммеля вот-вот прорвет британские позиции в Египте, в британском офицерском корпусе в Палестине царила паника и шли разговоры о выводе войск в Ирак, в результате чего ишув оказался бы перед опасностью уничтожения. Его солидарность с победой британцев при Эль-Аламейне в октябре 1941 года была безоговорочной, поскольку у сионистов не было других союзников. Однако ничто не мешало британцам усердно поддерживать запрет на иммиграцию, не прекращались ожесточенные поиски оружия Hagana.

Сионистское руководство во главе с Вейцманом еще не отказалось от союза с Великобританией. Вейцман предположил, что антисионистская политика Белой книги 1939 года проистекает из потребности Великобритании заручиться поддержкой арабов и поддерживать мир на Ближнем Востоке. Он считал, что, когда война закончится, переоценка британской политики будет уместна. Премьер-министр Уинстон Черчилль считался другом сионистов. Ближе к концу войны он создал правительственный комитет, чтобы переформулировать политику по палестинскому вопросу, и список его членов стал для сионистов хорошим предзнаменованием. Между тем, в то время как Вейцман надеялся, что ледяное море британской политики после войны растает, Бен-

Гурион, председатель Исполнительного комитета Еврейского агентства, переключил свое внимание на другую великую державу – Америку. Поддержка американского еврейства, президентство Франклина Рузвельта, который казался дружелюбно настроенным по отношению к евреям, и мощь Америки по сравнению с уменьшающейся из-за войны мощью Британии – эти три фактора изменили политическую ориентацию Бен-Гуриона. Другой причиной было его глубоко укоренившееся подозрение в отношении британцев, которое контрастировало с верой Вейцмана в них.

На Билтморской конференции в мае 1942 года в Нью-Йорке сионисты заявили, что цель их борьбы заключается в создании Еврейского сообщества в Палестине – «сообщество» как синоним независимого государства. Чтобы не будоражить своих еврейских противников из-за того, что еще предстояло сделать, сионисты избегали упоминания о разделе, а также о проблеме палестинских арабов. Билтморская программа символизировала решимость сионистов создать еврейское государство в Палестине, даже если это означало кровавый конфликт с арабами. В то время, когда судьбы народов и стран решались силой оружия, евреи постепенно привыкали к мысли, что их борьба за независимость также повлечет за собой кровопролитие.

Окончание войны не привело к изменению британской политики, на которую надеялось сионистское руководство. Комитет кабинета министров, созданный Черчиллем, реко-

мендовал раздел, а его реализация была отложена до окончания войны. Но в 1945 году Лейбористская партия во главе с Клементом Эттли и Эрнестом Бевином одержала убедительную победу на всеобщих выборах в Великобритании, а Консервативная партия Черчилля проиграла. Хотя манифест Лейбористской партии 1944 года содержал просионистское заявление, в которое входила идея трансфера (обмена населением), впервые выдвинутая комиссией Пиля, теперь, когда лейбористы пришли к власти, у них возникли новые проблемы. Эрнест Бевин был назначен министром иностранных дел сильного лейбористского правительства, принявшего ряд важных решений, таких как предоставление Индии независимости. Но страна была разорена мировой войной, и правительству пришлось осуществлять переход к мирной экономике и заботиться о возвращающихся солдатах в период нормирования продуктов питания и топлива. На горизонте уже маячила холодная война, ставя перед правительством дополнительные проблемы. В этой ситуации миролюбие арабских государств было важнее, чем когда-либо прежде; действительно, огромные запасы нефти в пустынях Ближнего Востока сделали их выгодными союзниками. А поскольку палестинский вопрос был центральным в отношениях с арабским миром, лейбористское правительство не собиралось менять курс политики Белой книги.

С другой стороны, евреи испытали величайшую травму в своей истории – Холокост. Весь мир, в том числе даже ев-

рейский народ еще не полностью переварили случившееся. Евреи узнавали о злодеяниях только постепенно, и когда о них стало известно, с ними было трудно справиться. Вместе с горем и травмой пришел гнев: просвещенный мир и пальцем не пошевелил, чтобы спасти евреев от истребления. Хотя все факты еще не были известны, евреи интуитивно чувствовали, как выразился поэт Натан Альтерман:

И казнили детей у могил... В этот час
Спали люди спокойно на свете⁸⁰⁸¹.

Радикализация многих американских евреев – обычно умеренных и осторожных в выражении крайних позиций – проявилась в решительной борьбе за то, чтобы открыть ворота Палестины для еврейских беженцев.

Окончание войны не положило конец лишениям восточноевропейских евреев. Антисемитизм, насаждаемый нацистами и их восточноевропейскими коллаборационистами, не исчез. Евреев, пытавшихся вернуться в свои города и дома, встретили враждебно и жестоко. Летом 1946 года в польском Кельце произошел погром, в ходе которого были зверски убиты около 40 евреев, вернувшихся в свой родной город после освобождения от немцев. Происходила обширная

⁸⁰ Перевод Д. Маркиша.

⁸¹ *Alterman N. Mikol ha'amim (Из всех народов) // The Seventh Column. Vol. 1. Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 1977, p. 9.*

«миграция народов», когда миллионы подневольных рабочих, военнопленных и беженцев начали возвращаться домой. Беженцы, которые не смогли вернуться в свои страны, остались на немецкой земле. В основном это были нацистские коллаборационисты, охранники концлагерей и т. д., которым некуда было возвращаться. Десятки тысяч евреев, переживших печально известные марши смерти, которые проходили в конце войны, или уцелевших в концентрационных лагерях, также остались на немецкой земле.

Все беженцы содержались в одних и тех же лагерях в одинаковых условиях. Напрасно евреи требовали разделения с людьми, которые еще вчера были их гонителями и даже сейчас продолжали оскорблять их. Британские оккупационные власти утверждали, что отделение евреев от неевреев было продолжением расистской политики Гитлера. Только после вмешательства священнослужителей армии США американские евреи подняли протест, и президент Гарри Трумэн направил своего посланника, Эрла Гранта Харрисона, для изучения ситуации в лагерях, контролируемых американской оккупационной армией в Германии. В докладе Харрисона язвительно критиковалось поведение оккупационной армии по отношению к евреям. В нем также описана надежда большинства перемещенных лиц на иммиграцию в Палестину, и президент потребовал, чтобы его британский союзник разрешил сделать это 100 000 евреям.

Бевин оказался в затруднительном положении. Он не был

готов изменить политике Белой книги, но все же не мог вынести напряженных отношений с Соединенными Штатами, единственной страной, способной восстановить Европу. Соответственно, он предложил англо-американской комиссии изучить ситуацию и пообещал, что, если комиссия примет единогласное решение, он выполнит его. Оперативная рекомендация комиссии состояла в том, чтобы предоставить 100 000 иммиграционных сертификатов евреям, находящимся в лагерях для перемещенных лиц в Германии. Однако Бевин не желал выполнять свое обещание, и тем временем поток беженцев из Восточной Европы в лагеря беженцев в американской зоне не уменьшался, поскольку экономические и социальные потрясения затрагивали выживших евреев.

Hamossad Le'aliya Bet, крыло Haganah, которое занималось нелегальной иммиграцией, организовало корабли для нелегальных иммигрантов, пытавшихся тайно добраться до берегов Палестины. По мере того как все больше и больше кораблей предпринимали попытки, британские усилия остановить их также возрастали. В августе 1946 года британцы стали останавливать эти суда в море и отправлять их пассажиров-беженцев в лагеря для содержания под стражей на Кипре, который находился под британским управлением. Об этих путешествиях, а также о насильственных депортациях нелегальных иммигрантов с берегов Палестины сообщалось в международной прессе, и проблема еврейских беженцев была включена в мировую повестку дня. Еврейское обще-

ственное мнение в Палестине было в смятении, и чувство беспомощного гнева, вызванное Холокостом, теперь было направлено против британцев.

Политические стихи Натана Альтермана подчеркивали беззащитность еврейского беженца. «“Мама, нам теперь можно плакать?” – спросила маленькая девочка, выйдя из укрытия».

Сама эта беззащитность воплощается в протесте против закрытия Палестины для беженцев:

Ты границу пройди – и с тобой
Флот и армия вступят в бой...
Маленькая девочка пройдет через Европу:
Узел джойнтовский – скорбный гнет —
Как тростнику тебя согнет.
Хлеб скитаний – тяжелее свинца, —
Он от «Унра»⁸² – родного отца...
Но она доберется до берега:
Всем опасностям наперерез,
Ты пробьешься сквозь черный лес,
Твой побег из земли оков
Мы запомним во веки веков.
С утлой лодки ночью порой
Ты увидишь свой берег родной —
И навек рассеется мрак.

⁸² Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций (англ. United Nations Relief and Rehabilitation Administration UNRRA, ЮНРРА). – *Прим. пер.*

Ты пробьешься. Да будет так!
Дух скитальческий свой укрепи.
Распадутся звенья цепи!
Наши парни во мраке ночей
Ждут сигнала с лодки твоей.
Ни причала, ни мола тут...
На руках тебя перенесут!
В этом парне – вся твоя жизнь.
Ты прижмись к нему крепче, прижмись!
Злобной воле врагов вопреки
Бьют здесь радости родники.
Здесь падет произвол вековой.
Этот берег пустынный – твой!
Розовеет рассветная кровь.
Рождена ты для жизни вновь!
Тверже камня в лишениях став,
В трудной жизни и смерть испытай,
На тебя будут парни глядеть —
На дитя, победившее смерть.
На земле обновленной мечты
Засмеешься впервые ты!⁸³⁸⁴

Весь ищув, как умеренные, так и радикалы, сплотились вокруг проблемы беженцев, и история нелегальной иммиграции стала одним из основополагающих мифов об Израи-

⁸³ Перевод Д. Маркиша.

⁸⁴ *Alterman N.* Ima, kvar mutar livkot? (Мама, теперь нам можно плакать?). Tel Aviv: Am Oved, 1952, p. 22–24.

ле как стране-убежище.

В Палестине евреи вели партизанскую войну и организовывали террористические акты против британцев, так и не решивших вопрос о выдаче 100 000 иммиграционных сертификатов, который удовлетворил бы президента США и не повредил отношениям с арабским миром. Британское правительство, вероятно, считало, что, если бы судьба еврейских беженцев действительно была так близка сердцу Трумэна, он мог бы внести поправки в иммиграционное законодательство США и разрешить им поселиться там. Но Трумэн знал, что такой шаг был бы очень непопулярен в его собственной стране, и британцы избегали беспокоить его прямой просьбой.

Исполнительный комитет ВСО также находился в неудобном положении. Если бы Бевин выдал 100 000 сертификатов, палестинский вопрос был бы снят с международной повестки дня без обретения евреями своего государства. Но поскольку Бевин твердо стоял на своем, борьба за 100 000 иммигрантов превратилась в борьбу за еврейское государство, поскольку было ясно, что только тогда, когда у них оно будет, евреи найдут убежище. Ричард Кроссман, член британского парламента и участник англо-американской комиссии по расследованию, позже заметил, что Бевин был достоин статуи в его честь в Израиле, поскольку именно благодаря его упорству евреи получили свое государство.

В конце концов Бевин отчаялся найти решение пале-

стинской проблемы, и британский кабинет министров решил вернуть свой мандат Организации Объединенных Наций (которая сменила Лигу Наций). Об этом было объявлено в феврале 1947 года, и ООН создала специальную комиссию по Палестине (ЮНСКОП) для пересмотра палестинского вопроса. Комитет посетил Палестину летом 1947 года и стал свидетелем ряда драматических событий, включая прибытие судна для нелегальных иммигрантов Exodus⁸⁵, пассажиры которого были депортированы обратно в Германию британцами, проявившими полную бесчувственность, и террористические нападения еврейских подпольных групп. ЮНСКОП рекомендовала разделить Палестину на еврейское и арабское государства (см. карту 3), но арабы категорически отвергли эту рекомендацию и потребовали создания государства большинства в Палестине.

Рекомендации ЮНСКОП были представлены Генеральной Ассамблее ООН в Лейк-Саксесе, Нью-Йорк, где для ратификации требовалось большинство в две трети голосов. Арабы надеялись, что Восточный блок во главе с СССР сорвет резолюцию, но они не учли стремления СССР ослабить позиции Британии на Ближнем Востоке. Совершенно удивительно – и лишь на короткое время – Советы изменили свою враждебную политику по отношению к сионизму и поддержали создание Государства Израиль. Историческое голосование Генеральной Ассамблеи ООН 29 ноября 1947 года по-

⁸⁵ Исход (лат.).

становило прекратить действие британского мандата на Палестину и создать два государства, еврейское и арабское.

• Еврейские поселения

● Центральные населенные пункты

Еврейское государство

Арабское государство

Международная зона

Средиземное море

Сур (Тир)

ЛИВИЯ

Нагария

Акко

Хайфа

Ифат

Галилейское море

Назарет

Тверия

Афула

Вайт-Шеан

Дженин

Хадера

Нетанья

Тулькарм

Наблус

Тель-Авив

Яффа (Яффо)

Рамла

Иерихон

Иерусалим

Вифлессим

Мадждал

Газа

Хеброн

Мертвое море

СИРИЯ

ПАЛЕСТИНА

Карта 3. План разделения ЮНСКОП 1947 г.

Резолюция ООН была принята в пятницу вечером. Все евреи в Палестине были прикованы к своим радиоприемникам, и когда был объявлен результат, улицы были запружены народом. Ципора Боровски (ныне Порат), американская студентка, приехавшая в Палестину двумя месяцами ранее, описала это событие в письме своим родителям: «Я шла в полубессознательном состоянии сквозь толпы счастливых лиц, сквозь оглушительное пение “Давид, царь Израиля, жив и существует”, мимо британских танков и джипов, заваленных множеством размахивающих флагами, ликующих детей... Я протиснулась мимо плачущих, целующихся, шумных толп и ликующих криков “Мазаль тов”⁸⁶... чтобы попытаться разделить с ними эту незабываемую ночь»⁸⁷. Чувствовался духовный подъем, всех и каждого переполняла радость. Но в арабской общине царили шок и скорбь. На следующий день на дороге из Иерусалима в Тель-Авив пали первые жертвы.

Наследие мандатного периода в палестине

Во времена османского правления Палестина была частью

⁸⁶ Традиционное выражение, которое используется при поздравлении.

⁸⁷ *Porath Z. Letters from Jerusalem, 1947–1948. Scranton: Temple Israel, 1998, p.*

единого государства, простиравшегося от Северной Африки до Ирана. В Османской империи она была разделена на несколько административных районов и была известна как Южная Сирия, без собственного политического обозначения. Термины Палестина и Эрец-Исраэль приобрели геополитическое значение только в период мандата, когда правительство определило северные, южные и восточные границы страны. При определении северной границы учитывались потребности Палестины в развитии, часть водных источников Иордана оставалась внутри страны. Более поздние дискуссии о Палестине касались границы мандата 1920-х годов, которой был присвоен статус международной границы.

Хотя Герберт Сэмюэл предпринял далекоидущие планы развития и правительственные инициативы, вскоре стало ясно, что правительство в Лондоне не готово инвестировать в развитие Палестины. Британскому налогоплательщику не следовало нести расходы по содержанию страны; Палестина должна была приносить достаточный доход, чтобы покрыть расходы британского правительства там и даже вернуть часть долга Османской империи. Диктуемая Лондоном политика, согласно которой правительство мандата должно было сбалансировать свой бюджет, была типичной для британской колониальной администрации во всем мире.

Первостепенный интерес Великобритании к Палестине был стратегическим, и британцы были готовы вкладывать в Палестину только те инвестиции, которые были связаны с

их интересом, как это имело место во время обеих мировых войн. Правительство мандата инвестировало огромные суммы из своего операционного бюджета в развитие транспортной инфраструктуры. В дополнение к строительству шоссе и железных дорог в начале 1930-х годов оно приступило к строительству глубоководного порта в Хайфе с намерением провести нефтепровод из Ирака, который обеспечил бы снабжение топливом британского средиземноморского флота. С этой целью в Хайфе были построены принадлежащие Великобритании нефтеперерабатывающие заводы. Правительство поощряло строительство электростанций на реках Иордан и Яркон. Хотя все эти инвестиции помогли модернизировать Палестину и подтолкнуть развитие сельского хозяйства и промышленности, они также имели жизненно важное значение для деятельности современной армии.

Изучение операционного бюджета правительства мандата показывает, что на управление и безопасность приходилось более 50 % средств, в то время как на социальное обеспечение (здравоохранение и образование) тратилось всего 12 %. Эти пропорции были обусловлены не проблемами безопасности в Палестине, а традицией колониального управления; соответствующие ассигнования были во многом одинаковыми в бюджетах Индии, Кипра и Трансиордании в то время. В отличие от них бюджет самой Великобритании в тот период выделял львиную долю средств на социальное обеспечение. В этом заключалась разница между колонией и метрополией.

Однако по сравнению с предыдущей администрацией в Палестине правительству мандата следует отдать должное за некоторые значительные и всеобъемлющие достижения. Развитие медицинских услуг, профилактической медицины и снабжения пресной водой, борьба с малярией, осушение болот и другие улучшения инфраструктуры повысили как ожидаемую продолжительность жизни, так и ее качество для всех жителей.

Правительство мандата действовало в соответствии с принципами британского колониального правления. Большинство высших должностных лиц правительства мандата имели предшествующий опыт работы в колониях британской короны, который они так или иначе применили в Палестине. Колониальная социальная политика была направлена на дальнейший экономический прогресс и внутреннюю модернизацию, но без ущерба для местной культурной структуры и социальных традиций. Например, арабское население Палестины было занято в основном в сельском хозяйстве, и британские инициативы по развитию, улучшению и модернизации арабского сельского хозяйства помогли повысить уровень жизни в деревнях и увеличить численность населения, главным образом в результате снижения детской смертности. В то же время после впечатляющих первоначальных инвестиций в строительство школ в деревнях бюджетные ограничения остановили развитие образования в арабском секторе. До конца мандатного периода арабская система об-

разования обеспечивала только четырехлетнее школьное образование большинству мальчиков и лишь небольшому проценту девочек. В 1930-е годы из-за увеличения численности населения, продажи земли евреям и наличия государственных рабочих мест набрала обороты урбанизация. Но в целом арабская деревня сохранила свою структуру и традиции. Хотя правительству мандата было поручено заботиться о жителях, оно не считало себя ответственным за оказание им помощи в развитии.

Еврейский ишув получал выгоду от правительства мандата как прямо, так и косвенно. Он пользовался безопасностью жизни и имущества, которую правительство обеспечивало не только в центре страны, но и в более отдаленных местах, таких как долина реки Иордан, в прошлом страдавших от вторжений бедуинов. Теперь евреи могли спокойно селиться по всей стране. Современная транспортная сеть, созданная британцами, доставляла продукцию с еврейских ферм в города. Улучшение санитарных условий и правительственная инициатива по лесоразведению также принесли пользу ишуву. Обязательные государственные ассигнования на социальное обеспечение, образование и здравоохранение были небольшими и предназначались в основном для преобладающей арабской общины. Но ишув дополнил ассигнования на социальное обеспечение, создав свои собственные службы, в которые правительство не вмешивалось. Евреи также имели свои собственные образовательные услуги, гораздо более

высокого качества, чем те, которые финансировались правительством мандата. К концу мандатного периода правления от 90 до 97 % детей ишува имели девятилетнее школьное образование. В начале этого периода у евреев и арабов была общая служба здравоохранения, но с годами по мере роста напряженности и в этой области службы были разделены. Евреи имели высококачественные медицинские услуги, особенно в связи с эмиграцией из Германии – еще один пример самообеспечения, проявившийся в период действия мандата.

Комиссия Пиля определила Палестину как двусоставную страну с двумя экономиками, двумя культурами и двумя нациями, живущими бок о бок, но отдельно. С этой точки зрения разделение страны на два государства было результатом неизбежного развития этих двух народов, в чем британское правительство играло второстепенную роль. Большинство исследователей сегодня разделяют такую точку зрения. Однако существует и другая концепция, которая рассматривает эту двойственность – и, оглядываясь назад, само разделение – как результат преднамеренной политики мандата, изначально предвзятой в пользу евреев. Согласно этой концепции, в Палестине были зачатки экономики и общества, общих для евреев и арабов, которые при поддержке правительства могли бы развиваться в направлении сотрудничества и создания единого общества, а не по отдельности. Отмечается экономическая политика властей и политика в

сфере развития (например, различие между экономическим потенциалом еврейской экономики и экономикой всей страны), отдельные услуги в области образования и здравоохранения, отдельные этнические муниципальные образования и т. д. Эта политика позволила евреям взрастить семена своей автономии и фактически способствовала закладке основ отдельного общества и идентичности.

Действительно ли существовала какая-либо вероятность того, что могло образоваться общее палестинское арабо-еврейское общество? Каждая волна насилия приводила к дальнейшему отдалению и сегрегации этих национальных общин, каждой на своей собственной территории. Города и дома со смешанным проживанием, сотрудничество в бизнесе и даже совместные развлекательные мероприятия, которые в какой-то степени существовали в османский период, становились все более редкими. Попытки, предпринятые в 1920-х годах для создания совместных рабочих организаций, прекратились в 1930-х годах. Хотя во время Второй мировой войны экономическое развитие как евреев, так и арабов ускорилося, арабская община была и в основном оставалась сельской и традиционной, в то время как подавляющее большинство еврейского сообщества было городским и современным. Таким образом, пропасть между ними только росла.

Ожидалось, что должностные лица правительства мандата позволят иностранцам обосноваться в Палестине и раз-

вивать ее, одновременно работая над изменением существующих обстоятельств в интересах этих иностранцев. Подобная ситуация казалась им странной и не соответствующей колониальным традициям. Все было бы иначе, будь поселенцы британскими подданными, поскольку поселенцы в таких странах, как Австралия, Канада или Южная Африка, были частью их колониального наследия. Но в Палестине британцы должны были помогать амбициозным иностранцам, большинство из которых не говорили по-английски, не отличались скромностью и часто жаловались и выдвигали требования. Основываясь на своих правах в соответствии с мандатом, евреи ожидали от властей преференций, которых не получали. В лучшем случае правительство «благосклонно относилось», как говорилось в декларации Бальфура, к созданию национального очага, но предполагало, что евреи сами создадут свой очаг.

Различие между ожиданиями евреев и реальностью было источником постоянных противоречий. В первое десятилетие действия мандата иммиграция в Палестину соответствовала экономическим возможностям еврейской экономики – критерию, который евреи принимали де-факто. Но начиная со второго десятилетия иммиграция стала яблоком раздора и предметом разочарования сионистов. Статья 6 мандата, санкционировавшая компактное еврейское расселение, так и не была выполнена. За исключением некоторых незначительных участков земли в пустынных районах (например, от-

веденных для «Предприятий Мертвого моря»⁸⁸), евреям не были предоставлены государственные земли для заселения, как было указано в статье 6. До конца срока действия мандата вся земля, принадлежащая евреям, покупалась за полную цену.

Евреи требовали протекционистских тарифов в интересах молодой промышленности страны, но это означало увеличение расходов на импорт для арабов, выступавших против такой меры. Однако поддержание высоких цен на зерно в Палестине было на руку арабским сельским жителям, но отрицательно сказывалось на еврейских горожанах. Евреи жаловались, что власти нанимают их не согласно с их долей населения и, разумеется, не соответственно их вкладу в государственный бюджет. Правительство признавало это, но отказалось платить евреям больше, чем арабам, готовым работать за минимальную заработную плату. Это лишь несколько примеров постоянных столкновений между еврейскими и арабскими интересами, когда правительство пыталось найти золотую середину.

Вольно или невольно политика экономического либерализма и невмешательства во внутреннюю жизнь мандатных властей позволила еврейской общине создать весьма сложную систему автономного самоуправления, сохранить и раз-

⁸⁸ В период мандата предприятие называлось Палестинская поташная компания. Название «Предприятия Мертвого моря» появилось вскоре после Войны за независимость и последующей национализации.

вить свою уникальную культурную самобытность. Когда комиссия Пиля пришла к выводу, что в Палестине существуют две отдельные национальные идентичности, она прежде всего имела в виду наличие двух отдельных систем образования, каждая из которых учила студентов быть лояльными к своей нации и ее мировоззрению. Экономика, которая развивалась при мандате, подчеркивала несоответствие между еврейской и арабской экономиками: одна была динамичной, инновационной и тяготела к промышленности, в то время как другая была сельской, консервативной, готовой принять инновации, но не инициировать их. Обе экономики росли впечатляюще, но существовала большая разница в образе и уровне жизни.

В то время как власти мандата пытались создать «палестинскую» лояльность и чувство гражданственности как среди евреев, так и среди арабов, они признавали фактическое сосуществование двух экономик и двух обществ. Разделение двух экономик (несмотря на точки соприкосновения, сотрудничество и даже общие интересы, например среди производителей цитрусовых) отражало стремление обеих сторон сохранить свою идентичность, традиции и культуру. По мере того как напряженность между евреями и арабами нарастала, система их совместной жизни – даже в той скромной степени, в какой она существовала, – распадалась. Тогда британская корова даже не пыталась кормить, а два теленка, еврейский и арабский, с яростью отказывались кормиться.

Тридцатилетний переходный период мандата позволил евреям создать собственное общество и экономику в Палестине. Без британских штыков еврейская община не смогла бы достичь необходимых размеров и силы до тех пор, пока не прошла бы точку невозврата. Развитие арабского национализма было результатом развития национального очага, и сомнительно, чтобы агрессивная политика Великобритании, нацеленная против арабского национального движения, — как того требовали еврейские активисты — могла изменить направление этого развития. Кроме того, такие действия противоречили традиционной британской колониальной политике. Что касается британцев, то Палестина была интересной, но особенно проблемной колонией, и когда затраты на ее содержание превысили выгоды, они оставили ее, не раздумывая над этим решением. Для еврейского национального движения то был поворотный момент, отступить было некуда. На протяжении всего этого периода между евреями и арабами не было точек соприкосновения. Арабы не видели причин отказываться от своей исключительной собственности на Палестину, в то время как евреям пока не от чего было отказываться.

Иммиграция и расселение в течение мандатного периода

«Нам пришлось оставить все и уйти, взвалить на плечи только рюкзак и уйти в одеждах изгнанников» — таковы вступительные слова стихотворения Ури Цви Гринберга «Необходимость». Он объясняет иммиграцию в Палестину не притягательностью этой страны, а силой изгнания диаспоры. «Нам пришлось уехать. Земля стонала у нас под ногами, мертвые содрогались». Далее он описывает свою беззаветную любовь к стране, которую покинул:

Нам также пришлось возненавидеть то, что мы любили.
Мы любили лес, ручей, колодец и мельницу,
Мы любили шелестящие листья, рыбу, бадью и халу, и
втайне
Мы также любили звук их колоколов
И даже молодых белокурых головорезов.

И завершает свое стихотворение пророчеством об угрожающем разрушении:

Нам пришлось с болью уходить из деревень и,
Оглядываясь, со жгучими слезами смотреть на дома,

Зная, что однажды они будут заклеены позором⁸⁹.

Это стихотворение, написанное в 1924 году, раскрывает тайную боль иммигрантов и мощное притяжение мира, который они покинули. Чтобы понять иммиграцию и ишув в период между двумя мировыми войнами, мы должны иметь в виду противоположное притяжение двух магнитов: с одной стороны, глубокую культурную связь со своей физической родиной и, с другой – признание насущной необходимости покинуть дом, семью, культуру. Невозможно постичь то, что было создано в Палестине, не понимая психологической борьбы каждого иммигранта, разрывающегося между этими двумя полюсами.

В конце декабря 1919 года корабль *Ruslan* бросил якорь у Яффо, привезя из Одессы 650 иммигрантов. Позже *Ruslan* получил статус израильского *Mayflower*⁹⁰, среди его пассажиров были ведущие интеллектуалы из числа лучших представителей русско-еврейской интеллигенции, а также группа нищих молодых энтузиастов. Эта высадка ознаменовала собой начало волны иммиграции, вошедшей в историю сионизма как Третья алия (1919–1923) – первая из трех волн

⁸⁹ *Greenberg U. Z. Hahekhrah (Необходимость) // Be'emtza ha'olam uve'emtza hazmanim (В середине мира, в середине времени). Hakibbutz Hameuhad, 1979, p. 30–31.*

⁹⁰ Судно, на котором в 1620 г. в Новый Свет прибыла группа колонистов, основавших Плимутскую колонию, с которой началась история современной Америки.

репатриантов в период действия мандата. Были Четвертая (1924–1929) и Пятая алия (1932–1936).

Различия, проводимые между ними, отражали осознание циклической природы иммиграции и характеризовавших ее экономических взлетов и падений. У каждой алии также был свой собственный отчетливый образ, основанный не на статистических фактах, а на впечатлениях и публичных выступлениях. Таким образом, Третья алия была названа алией первопроходцев, а Четвертая – алией среднего класса, хотя статистически большинство иммигрантов обеих не были первопроходцами – и фактически Четвертая алия включала большее число пионеров, чем Третья. Пятая алия вошла в сионистское сознание как немецкая алия, хотя большинство ее иммигрантов – как и в предыдущие годы – прибыли из Восточной Европы.

Начало 1920-х годов было эпохой больших надежд: декларация Бальфура вызвала почти мессианский энтузиазм среди русского еврейства. Впервые в своей истории сионизм стал массовым движением, поскольку тысячи молодых людей присоединились к движению «Гехалуц» («Пионер, первопроходец»), основанному Иосифом Трумпельдором в Крыму для обучения молодежи перед их иммиграцией в Палестину. Большевицкая революция и последовавшая за ней жестокая Гражданская война сопровождались ужасными погромами по всей Украине⁹¹, при этом число погиб-

⁹¹ Еврейские погромы во время Гражданской войны затрагивали не только тер-

ших евреев составило от 100 000 до 200 000 человек.

Революция вызвала огромный энтузиазм среди молодых евреев, которые видели в красных защитников евреев от белых, разжигавших антиеврейские беспорядки. Революционный дух вдохновил пионерский идеализм, но погромы усилили осознание того, что это не их революция и что они должны реализовывать свои идеи в создании общества равноправия и справедливости на земле в Палестине. В идейной сфере мировая революция соперничала с сионизмом за сердца и умы еврейской молодежи. В течение первой половины XX века эти два движения были противоположными центрами притяжения.

Война и революция привели к далекоидущим изменениям в русском еврействе. Старого местечка больше не стало, а нижний средний класс, к которому принадлежали евреи, в Советской России был уничтожен. Религиозная практика была запрещена, а сионисты преследовались. В отличие от людей Второй алии, которые пришли из традиционного, стабильного, прочно стоявшего на ногах еврейского мира, иммигранты Третьей алии выросли на его руинах. Большинство из них ничего не знали о традиционном местечке и не получили еврейского образования; их мировоззрение сочетало еврейский национализм со стремлением изменить мир. Для этой алии характерно преобладание холостых молодых людей – из 37 000 иммигрантов 14 000 не состояли в браке. У

риторию Украины, однако именно там происходила большая часть из них.

них не было какого-либо значительного имущества, они были готовы к тяжелому физическому труду и стремились построить новое общество в Палестине.

Начало 1920-х годов также было временем великой веры в «кратчайший путь». Как Советы преодолели фазу капитализма, которая, согласно марксистской теории, должна была предшествовать революции, и перешли непосредственно к социалистическому обществу, так же могла поступить и Палестина. Поскольку в Палестине не было современной развитой экономики, промышленность все еще находилась в зачаточном состоянии, то эгалитарное, справедливое общество можно было построить с нуля, не подвергаясь испытаниям и невзгодам капитализма. Это убеждение, распространенное как среди старожилов Второй алии, так и среди молодежи Третьей, основывалось на том факте, что отсталая Палестина не была привлекательной перспективой для богатых. В начале 1920-х годов казалось, что страна будет построена за счет национального капитала – денег, собранных сионистскими учреждениями, такими как Keren Kayemet (Еврейский национальный фонд) и Keren Hayesod (дословно Учредительный фонд, созданный для строительства страны), которые были в распоряжении сионистской организации – на народной земле, лагерями пионеров, которые создадут страну в соответствии со своими идеалами. Сионистское движение имело в своем распоряжении легионы молодых, обедневших людей, которые стремились построить страну, свою жизнь

и будущее на этой новой земле. Других кандидатов для создания «национального очага» не было, поэтому Сионистская организация была готова предложить свой капитал трудовым колониям. Это стало основой союза между Великой сионистской организацией, возглавляемой Хаимом Вейцманом, и палестинским рабочим движением.

Однако вскоре выяснилось, что сумма капитала, которую им удалось привлечь, намного меньше, чем ожидалось. В течение 1920-х годов в распоряжении сионистского движения было всего 600 000 фунтов стерлингов в год – сумма, совершенно недостаточная для поддержки массового поселения. Вместо массового размещения на национальной земле иммигранты Третьей алии были вынуждены зарабатывать себе на жизнь общественными работами, начатыми Гербертом Сэмюэлом, то есть строительством дорог. Дорожные работы стали легендарными, но мифология не могла скрыть, что Сионистской организации не хватало финансовых возможностей для обустройства пионеров. В 1923 году, когда дорожные работы подошли к концу, Третья алия переживала кризис.

1924 год принес Четвертую алию, первую волну массовой иммиграции в истории сионизма. В 1925 году страна приняла 285 новых иммигрантов на тысячу уже осевших евреев – рекорд, который оставался непревзойденным даже в годы массовой иммиграции, последовавшей за созданием Государства Израиль. За два года в Палестину прибыло около 60

000 репатриантов. Эта алия отразила фундаментальные изменения в еврейской миграции в мире. В Соединенных Штатах поправки к иммиграционному законодательству фактически закрыли ворота для еврейских иммигрантов. СССР, со своей стороны, ввел еще большие ограничения на иммиграцию, а затем полностью закрыл границы в конце 1920-х годов.

Эти два изменения определили источники как еврейской миграции, так и человеческого капитала в Палестине. Страна стала важнейшим пунктом иммиграции евреев – в 1930-е годы главной точкой назначения. Польша, где проживало более трех миллионов евреев, была основным источником еврейских мигрантов. Законы, введенные премьер-министром Польши Владиславом Грабским для стабилизации польской валюты, нанесли ущерб торговому классу в городах, большинство которого составляли евреи, и именно нестабильность еврейского среднего класса привела к четвертой волне иммиграции. На этот раз репатрианты включали большое количество семей, и их средний возраст был немного выше, чем в прежней волне. Эти иммигранты из среднего класса сформировали в общественном сознании характерный образ Четвертой алии.

Герберт Сэмюэл решил, что мандатная администрация станет осуществлять надзор за миграцией в соответствии с критериями экономического потенциала. Сионистское руководство приняло принцип, согласно которому иммиграцию

необходимо контролировать и ограничивать, чтобы еврейская экономика не рухнула, что приведет к глубокому кризису, который может поколебать веру в способность евреев построить страну. На самом деле вовсе не британские ограничения, а бюджетные возможности сионистской исполнительной власти ограничивали иммиграцию в 1920-е годы. Правительство мандата определило четыре категории иммигрантов. В первую вошли люди со средствами, которые были освобождены от всех ограничений. Чтобы считаться состоятельным человеком, кандидат должен был доказать обладание 500 (позже 1000) палестинскими фунтами, депонировав средства в банке. Вторая категория состояла из студентов или религиозных деятелей, которые должны были доказать, что они обеспечены средствами к существованию. Им было разрешено иммигрировать без каких-либо дальнейших ограничений. К третьей категории относились ближайшие родственники жителей Палестины и возвращающиеся жители. Они должны были доказать, что их родственники в состоянии обеспечить их. Эти три категории контролировались исключительно правительством мандата.

Четвертая категория – рабочие – была предметом споров между сионистским Исполнительным комитетом и правительством. Рабочими были обедневшие молодые люди, которым приходилось зарабатывать на жизнь в Палестине своим трудом и которым сионистская организация гарантировала работу в еврейской экономике. Однако у сионистского Ис-

полкома и правительства мандата была разная оценка экономического потенциала. Каждые шесть месяцев исполнительная власть представляла оценку «списка» (иммиграционной квоты), и правительство обычно утверждало количество иммиграционных сертификатов, значительно меньшее, чем запрашиваемое. До 1936 года иммиграция в Палестину регулировалась именно таким образом.

В первые два года Четвертой алии около 40 % иммигрантов и их семей попали в категорию «людей со средствами». Это были в основном люди из нижнего среднего класса, которые использовали большую часть своих активов для финансирования своей иммиграции, но они считали себя буржуа и стремились к городскому образу жизни, аналогичному тому, который вели в Польше. Большинство членов этой алии отправились в Тель-Авив, где наблюдался беспрецедентный строительный бум, а также в Хайфу и Иерусалим. Если во время Третьей алии казалось, что страна будет построена на государственные средства социалистическими пионерами, то теперь появилось новое средство для реализации сионизма в виде среднего класса и использования частного капитала. В то время как сионистская идеология рассматривала сельскохозяйственное поселение как основу своего проекта, большая часть алии теперь переезжала из деревни в город. Еврейская Палестина становилась безусловно городской.

Стремление идеалистической алии построить эгалитар-

ное общество с нуля, обратившись к сельскому хозяйству, тем самым сменив образ еврея с торговца и посредника на физического работника, потерпело крах из-за ограниченного национального капитала и неожиданного присутствия частного капитала. Еврей среднего класса стал новым кандидатом на строительство страны. Четвертая алия оказалась объектом яростной критики в рабочей прессе, и Вейцман упрекнул ее участников в том, что они перенесли улицы Дзика и Налевки (варшавские улицы, заселенные мелкими торговцами) в Тель-Авив⁹².

Источником этих упреков стало двойное разочарование из-за неспособности собрать достаточный национальный капитал и прибытия алии, характеристики которой не соответствовали идеалистическим ожиданиям левых. Четвертая алия вызвала длительные дебаты между социалистами и владельцами частного капитала – теми, кто требовал выборочной иммиграции молодежи в соответствии с новаторской моделью, против тех, кто требовал иммиграции, открытой для всех, отражающей структуру еврейского общества в диаспоре. Поскольку сионистская организация не контролировала алию людей со средствами, в конце концов спор шел о том, будет ли сионистская организация поддерживать городское или сельское поселение. Сионистский бюджет вы-

⁹² Weizmann's response in the political debate at the Fourteenth Zionist Congress in Vienna, 23.8.1925 // The Letters and Papers of Chaim Weizmann. Series B, 1 / Ed. B. Litvinoff B. Jerusalem: Israel Universities Press, 1983, p. 454.

делял более 30 % своих ресурсов на сельскохозяйственные поселения по сравнению с менее 10 % на городские поселения. Это предпочтение возникло из стремления создать в Палестине новый еврейский народ, народ, близкий к земле. Но это также проистекало из желания контролировать относительно большие участки земли, которые образовали бы непрерывный массив еврейских поселений – основу суверенитета над территорией. Переселение иммигрантов в город обходилось гораздо дешевле, чем в сельскую местность. Городское поселение также сделало возможным расселение многих людей, которые не были приспособлены к физическому труду и не имели склонности менять свой образ жизни. Но с сионистской точки зрения деревня была не только романтическим образом новой реальности; она также была жизненно важным фактором в обеспечении права собственности на страну.

Эмек и развитие сельских поселений

Главным поселенческим предприятием 1920-х годов была Изреельская долина, которая вошла в мифологию палестинских поселений как Эмек (Долина). Эта полоса земли, тянущаяся от прибрежной равнины до долины реки Иордан и создающая непрерывный массив с поселениями Нижней Галилеи начала XX века, была куплена сионистским земельным агентом Иехошуа Ханкином без предварительного

одобрения сионистской организации. Этот акт вызвал бурные дебаты в сионистской исполнительной власти, потому что отнял большой кусок от скудного сионистского бюджета. Эмек стал местом проведения социальных и поселенческих экспериментов этого десятилетия. Именно там идеалы молодых людей, стремящихся переделать мир, столкнулись с сионистскими потребностями. На этой основе сформировался синтез социалистических и сионистских идей.

В 1920 году членами русского движения Hechalutz был основан Gedud Ha'avoda (Рабочий батальон)⁹³. Превращение Gedud Ha'avoda в коммуну произошло во время дорожных работ, в лагере близ Мигдаля. Чтобы обеспечить домашние нужды рабочих после изнурительного рабочего дня, появились общая кухня, прачечная и столовая. Работа выполнялась по контракту группами рабочих, в которых сильные прикрывали слабых, а оплата распределялась поровну. Gedud Ha'avoda был без предварительного отбора открыт для любого поселенца, желающего присоединиться.

В то время, когда казалось, что в России реализуется утопия, эти молодые люди верили, что им тоже предоставляется шанс создать «Всеобщую коммуну еврейских рабочих в Палестине» без частной собственности, с одним карманом для всех. То был социализм нищеты: наблюдалась острая нехватка самого необходимого, а условия жизни были весьма суро-

⁹³ Официально известный как Батальон труда и обороны Йосефа Трумпельдора. — *Прим. пер.*

вы, но духовный подъем, который пионеры черпали из ощущения, что строят новое общество, перевешивал тоску по дому и невзгоды, с которыми они сталкивались. Чувство единения, экстаз от ночных танцев компенсировали страдания и трудности. Ури Цви Гринберг увековечил дух тех дней строками:

Помни, Боже,
Тех молодых юношей и девушек,
Что здесь без отца и матери,
Они – как армия на ратном поле.
Как меч пронзает плоть филистимлян,
Их мотыга разрезала землю,
Как колесница Мессии,
Они прошли паровым катком...⁹⁴

Когда в 1922 году началось заселение Эмека, Gedud Na'avoda был привлечен к работе и основал два кибуца: Эйн-Харод и Тель-Йосеф. Кибуц был творческой идеей Шломо Лави (Левковича) из Второй алии. Левкович разработал проект «большой квуцы», напоминающий представления французского утопического социалиста Шарля Фурье. Кибуцы, возникшие во время Второй алии, Дгания и Кинерет, были основаны на личностной, почти семейной модели. Как

⁹⁴ *Greenberg U. Z. Hazon ehad haligionot* (Видение одного из легионов) // *Be'emtza ha'olam uve'emtza hazmanim* (В середине мира, в середине времени). *Hakibbutz Nameuhad*, 1979, p. 85.

только Дгания расширилась до нескольких десятков членов, она разделилась на Дганию-Алеф и Дганию-Бет⁹⁵. Хотя кибуц должен был быть большой семьей, на практике чрезмерная близость оказалась обременительной и создала много трений, проявляющихся в уходе людей и разрушении отношений. Лави верил, что большая квуца позволит избежать вторжения в частную жизнь и позволит разным типам людей вписаться в нее. Он представлял кибуц из тысячи мужчин и женщин – такое количество тогда считалось умопомрачительным. Лави стремился объединить сельское хозяйство и промышленность под крышей квуцы, чтобы любой мог найти подходящую работу. Он также считал, что большие размеры позволят рационально использовать средства производства и сделают квуцу прибыльной. Крупные масштабы должны были только способствовать развитию культурной жизни. Gedud Ha'avoda взял на себя эксперимент по созданию большой квуцы.

Кибуц Бейт-Альфа был основан к востоку от Эйн-Харода и Тель-Йосефа при участии еще одной организации Третьей алии, Hashomer Hatza'ir. В то время как Gedud Ha'avoda состоял в основном из энергичных, но необразованных людей из России, молодежь Hashomer Hatza'ir была из Галиции и Польши. Они происходили из верхнего среднего класса, имели высшее образование и были приверженцами анархистских доктрин и психоанализа Фрейда. В свои первые го-

⁹⁵ Алеф и бет – первые две буквы еврейского алфавита.

ды в Палестине они много времени посвятили самоанализу и поиску смысла жизни. Поселение на земле Бейт-Альфа, а затем в кибуцах Мерхавия и Мишмар-ха-Эмек было частью их взросления после подросткового возраста и адаптации к жизни в Палестине. Они считали, что предварительная идеологическая обработка – необходимое условие для членства в кибуце, и придерживались политики выборочного приема. В Эмеке было основано еще несколько кибуцев; как и кибуцы Nashomer Hatza'ir, они были своего рода компромиссом между узкими рамками «маленькой квуцы», такой как Дгания, и «большой квуцы», такой как Эйн-Харод или Тель-Йосеф.

В Западном Эмеке земля была выделена для другой формы поселения, инициированной группой ветеранов Второй алии, покинувших Дганию. Они выступали против образа жизни кибуца, который, по их мнению, подрывал как естественную семью, так и интимные отношения между фермерами и их землей, отношения, основанные на семейном землевладении. Они были основателями первого мошава, Нахалала, целью которого было создание группы мелких землевладельцев, укорененных на наделах, которые будут обрабатываться семьей. Нахалаль был основан на принципе взаимопомощи между членами и на совместной реализации продукции. Его дома были построены по кругу, близко друг к другу, с полями за каждым домом. Этот принцип создавал физическую близость между семьями и сохранял дух сооб-

щества, члены которого несли ответственность друг перед другом.

Все формы сельскохозяйственного поселения в Эмек основывались на уроке, усвоенном Второй алией: как уберечь фермеров от соблазна использовать наемный труд, открывавший возможности для арабской рабочей силы. Сионистский характер поселений определялся общинной властью и землевладением, а также полным запретом наемного труда. В 1920-е годы мошав считался идеологическим пределом рабочего поселения, за которым, как утверждал Бен-Гурион, лежал капитализм.

Gedud Ha'avoda и Hashomer Hatza'ir были сионистскими молодежными организациями, стремившимися к новаторским начинаниям и социалистическим идеалам. Инновационные формы расселения в Эмек позволили им почувствовать, что они участвуют в строительстве нового мира. В начале 1920-х годов они верили, что их идеализм придаст сионистской затее социалистический характер, но кризис Третьей и прибытие Четвертой алии заставили их осознать, что сионистское предприятие не может избежать капиталистической стадии социально-экономического развития. Для многих это стало переломным моментом. Что должно иметь приоритет? Было ли осознание сионизма наиболее важным, даже если это означало принятие некоторых форм капитализма, или было предпочтительнее иммигрировать в место, где строилось действительно эгалитарное общество?

Некоторые члены Gedud Ha'avoda во главе с Менделем Элькингом решили вернуться в Советский Союз, надеясь создать там идеальное общество, но подавляющее большинство предпочло цели сионизма. Они отложили создание социалистического общества до тех пор, пока в Палестине не будет достигнуто еврейское большинство.

Тем временем идеализм этих молодых людей был использован для выполнения самой трудной из сионистских миссий. Коллективистская организация, внутренняя дисциплина и мобильность – все это позволяло селиться в отдаленных, опасных уголках страны, где климат был суровым. Киббуцы возглавили сионистское предприятие по всей Палестине. Ориентация сионизма на реальные действия, а не просто на разговоры отвечала чаяниям идеалистической молодежи, которая хотела посвятить свою жизнь обществу и нации. Коммуны дали сионистскому движению превосходный инструмент мобилизации, который самоопределился в социалистических терминах и предоставил себя в распоряжение сионистского предприятия для всех «завоевательных» заданий. Чем более киббуц будет централизован и дисциплинирован, тем выше будет готовность участвовать в достижении национальных целей.

Это сочетание социалистического и националистического стремления вдохнуло небывалую энергию в членов киббуцев, квуцот и мошавов, превратив их в пионеров сионистского предприятия, находящихся всегда в распоряжении Haganah,

Нистадрут или сионистского Исполнительного комитета. Дух первопроходца связан с образом кибуцника, земледельца, который изо дня в день служит нации своей работой на земле страны, будучи готов жить в бедности и лишениях и рисковать своей жизнью и жизнью своей семьи, поселяясь в опасных районах. Распространение кибуцев вдоль всей северной границы, в долине Бейт-Шеан и в пустыне Негев сделало еврейские поселения протяженными на всей территории Палестины и в конечном итоге предопределило границы государства.

Из-за финансовых трудностей сельскохозяйственные поселения развивались медленно. До конца периода мандата на продажу выставлялось больше арабской земли, чем могли купить евреи. За расселением в Эмеке последовало заселение долины Хефер, а затем в районе Хайфского залива. Большой поселенческий бум произошел после доклада комиссии Пиля 1937 года, в котором основное внимание было уделено связи между будущими границами еврейского государства и географическим распространением поселений. Долина Бейт-Шеан, государственная земля, ранее переданная бедуинам в этом районе Гербертом Сэмюэлом, теперь была выкуплена у них Еврейским национальным фондом и быстро заселена. Западная Галилея и северная граница также были заселены, с сочетанием частных (Нахария) и коллективных поселений (Ханита, Шавей-Цион, Иехиам). Во время борьбы с англичанами и после Второй мировой

войны в Негеве было основано 11 новых населенных пунктов, чему способствовала труба, проложенная водопроводной компанией Mekorot Water Company. Эти опасные районы, удаленные от блоков еврейских поселений, были заняты кибуцами (см. карту 3).

В 1920-е годы степень вклада трудовых поселений в сионистское предприятие еще не была ясна. На Четырнадцатом сионистском конгрессе в Вене Хешель Фарбштейн из партии Mizrachi, считавший себя представителем среднего класса, назвал членов кибуца «кест киндер», то есть нахлебниками, живущими за счет скудных средств сионистской организации – средств, собираемых с тысяч евреев, стучащихся в ворота Палестины. В конце 1920-х годов экспертная комиссия, изучившая ситуацию с поселениями, вынесла роковой вердикт, утверждая, что кибуц был социальной структурой, неподходящей для человеческой природы, и в особенности для евреев. Его вердикт в отношении мошава был более мягким, поскольку структура мошава больше соответствовала традиционному мышлению. Споры о том, целесообразны ли трудовые коммуны в экономическом отношении, продолжались в течение многих лет и фактически никогда не заканчивались. Инвестиции на душу населения в кибуцах были намного больше, чем в городах, но сомнительно, чтобы они были больше, чем инвестиции в мошавы, которые в 1920-е годы были процветающими и экономически успешными. Они были предложены в качестве доказательства успеха частной

фермы, хотя об огромных инвестициях барона де Ротшильда и ЕКО до того, как этот успех был достигнут, не упоминалось.

Тель-Авив теперь контрастировал с Эмеком как модель для абсорбции населения и строительства страны. Из небольшого пригорода с населением около 2000 человек к 1925 году он превратился в оживленный городок с населением 34 000 человек; к 1931 году оно увеличилось до 46 000. Этот быстрый рост города в песчаных дюнах поколебал ожидания, что сионизм не только выведет еврейский народ из диаспоры в Палестину, но и существенно изменит внешний образ еврея. С его земельными спекулянтами и шумной торговлей на улицах Тель-Авив казался Варшавой или Львовом, перенесенными в Палестину. Это отражало склонность евреев выбирать городскую жизнь, их отказ от физического труда и их стремление к простым географическим – в отличие от революционных – изменениям, которые позволили бы им жить среди других евреев. Одной из особенностей Тель-Авива было то, что он был почти полностью еврейским городом. И все же его мелкобуржуазный городской облик вызывал опасения у всех, кто хотел увидеть появление нового еврея. В своей критической статье о Четвертой алии Хаим Арлозоров утверждал, что будущее страны будет определяться не городским населением, каким бы густонаселенным оно ни было, а сельскохозяйственным. Он писал, что заселение на земле с глубоко укоренившимися в ней земледельцами резко

контрастировало с незапланированной алией, которая, возможно, представляла собой решение для отдельного еврея, но не способствовала формированию еврейской нации в Палестине⁹⁶.

Несмотря на пропаганду и тяжелый экономический кризис, обрушившийся на Тель-Авив в конце Четвертой алии, когда треть городских рабочих осталась без работы, в 1931 году лишь 19 % евреев в Палестине жили в сельскохозяйственных поселениях, и впоследствии эта цифра только сокращалась. Три главных города – Тель-Авив, Хайфа и Иерусалим – составляли главный треугольник еврейского ареала расселения. Эта конфигурация также отражала тот факт, что большая часть капитала, используемого для строительства страны, была частной. Только в 1925 году в Тель-Авив было вложено 2 миллиона фунтов стерлингов – сумма, о которой сельскохозяйственные коммуны могли только мечтать. В период с 1918 по 1937 год в страну было привлечено 75 миллионов палестинских фунтов частного капитала, в то время как из национального капитала было инвестировано только 20 миллионов. Учитывая эти реалии, существовало своего рода «разделение труда» между частным капиталом, который направлялся в города и прибрежные цитрусовые плантации, и национальным капиталом, инвестировавшимся ту-

⁹⁶ Arlosoroff C. Leha'arakhat ha'aliya harevi'it (Четвертая алия: оценка), 1925 // Kitvei Chaim Arlosoroff (Произведения Хаима Арлозорова). Vol. 3. Tel Aviv: Stiebel, 1934, p. 107–118.

да, где частный капитал отсутствовал. Модель Тель-Авива подходила для частного капитала, в то время как национальный капитал шел в Эмек.

В конце 1920-х годов сионистское предприятие в Палестине переживало наибольший экономический кризис, поставивший под сомнение способность сионистского движения добиться успеха в качестве поселенческого движения. В эпицентре кризиса оказался Тель-Авив, что было вызвано прекращением притока капитала из Польши, обесцененного в результате экономических событий в этой стране. Многочисленные иммигранты обанкротились и не смогли выплатить свои долги. В 1928 году Палестину покинуло вдвое больше людей, чем иммигрировало туда. Экономический подъем начался в 1929 году и набрал обороты в 1931 году, после публикации письма Макдональда.

Со времен Второй алии еврейские поселенцы находились в поисках сельскохозяйственной культуры, на которой можно было бы построить свою экономику. Их эксперименты с полевыми культурами оказались неудачными. Тогда они возложили свои надежды на виноградарство, которое также потерпело крах. Миндальные деревья были посажены, а затем выкорчеваны. Эксперименты с выращиванием табака в 1920-х годах тоже провалились. Цитрусовые были тем, что стало «золотым продуктом» сельского хозяйства страны. Первыми, кто их посадил, были арабы Яффы, которые создали бренд «Яффские апельсины». Евреи начали сажать

цитрусовые рощи во время Второй алии, главным образом в Петах-Тикве и Реховоте, и посадка продолжалась в течение всего периода мандата. Как еврейская, так и арабская экономика ускорили развитие цитрусовой промышленности; только в 1931 году площади еврейских плантаций сравнялись с арабскими. Цитрусовые рощи были сосредоточены в основном в Самарии и Шаронской долине, где для этого подходила почва и на доступной глубине залегали подземные воды. Цитрусовая промышленность, которая в 1930-е годы была ведущим экспортным и сельскохозяйственным сектором Палестины, стала результатом частного предпринимательства и частной собственности.

Производство цитрусовых сопрягалось со значительными рисками. Оно зависело от спроса на внешнем рынке и было обусловлено экономическими изменениями в Европе. Существовала постоянная конкуренция с испанскими апельсинами. Неконтролируемая посадка новых цитрусовых рощ привела к опасениям избыточного производства, и они к концу десятилетия подтвердились. После 1937 года отрасль находилась в кризисе из-за снижения спроса, а когда во время Второй мировой войны прекратились морские перевозки, производителям потребовалась государственная помощь для поддержания плантаций. Но до тех пор, пока экономическая ситуация была достаточно хорошей и экспорт продолжался, цитрусовые считались успешным опытом частного фермерства в Палестине.

В отличие от Тель-Авива, который, казалось, воплощал образ жизни диаспоры, цитрусовая промышленность символизировала работу на земле, близость к природе, самобытный опыт Палестины. Как мы видели, Тель-Авив пострадал от массовой безработицы во время кризиса Четвертой алии, но кризис не затронул процветающие плантации мошавов. Проблема заключалась в том, что в мошаве, выращивающем цитрусовые, особенно в крупнейшем из них, Петах-Тикве, работали арабы. До тех пор, пока в среде рабочего течения была уверенность, что трудовая колонизация покроет страну социалистическими общинами, оно отказывалось от борьбы за еврейский труд в старых мошавах. Но с изменением перспектив после Четвертой алии и, в частности, с учетом городской безработицы, которая требовала направления тысяч рабочих в мошавы, в конце 1920-х годов борьба за еврейский труд возобновилась.

Для рабочего направления сионизма эта борьба, обострившая отношения между фермерами и рабочими, но не помешавшая нанимать арабов для сбора фруктов в мошавах, была представлена как доказательство того, что частный капитал не будет способствовать строительству страны и реализации идей сионизма. Его единственной целью была прибыль, и владельцы не были готовы пойти на необходимые финансовые жертвы, чтобы этот капитал можно было использовать для строительства страны. Идея, что арабский труд на полях евреев представляет собой победу клас-

сового эгоизма над национальными интересами, была широко распространена среди еврейского населения, даже среди тех, кто не разделял социалистические взгляды левых. Так, например, Национальный союз фермеров, состоящий из фермеров новых мошавов в Шаронской долине, чьи плантации начали приносить плоды только в 1930-х годах, принципиально не нанимал арабов, поскольку фермеры руководствовались националистическими доводами рабочих. Впрочем, фермеры в старых мошавах со смешанной рабочей силой (примерно треть еврейских рабочих) утверждали, что ежедневная стоимость еврейского рабочего в два раза превышает стоимость арабского рабочего, и в секторе, построенном на экспорте на незащищенном мировом рынке, еврейские фермеры не могут позволить себе такое неравенство. Эти дебаты помогли поднять престиж рабочих, которые, как считалось, жертвовали собой ради строительства страны, в отличие от плохого имиджа фермеров, даже несмотря на то, что они обрабатывали землю и заселяли страну.

Специализация экономики мошавов на цитрусовых была другой формой концепции барона де Ротшильда османского периода: современное монокультурное сельское хозяйство, направленное на экспорт. В 1936 году цитрусовые составляли более 80 % экспорта из Палестины. Тем не менее недостатки этой экономики были, в сущности, аналогичны недостаткам виноградарства: зависимость от внешних рынков, необходимость нанимать большое количество рабочих в се-

зон сбора урожая и резкое снижение потребностей в рабочей силе в межсезонье. Спрос на большое количество неквалифицированных рабочих в течение коротких периодов времени не мог быть основой еврейского сельскохозяйственного рабочего класса в мошаве. Число еврейских рабочих, проживающих в мошаве, с годами увеличилось, но большинство из них нашли работу в строительстве, сфере услуг и промышленности, связанной с сельским хозяйством. Урбанизация мошавов снизила значение ферм в них и позволила сконцентрировать там население еврейских рабочих, хотя арабские рабочие продолжали работать на цитрусовых плантациях.

Трудовой ишув принял смешанную модель ведения сельского хозяйства: полевые культуры (в основном зерновые), садоводство, выращивание овощей, птицеводство и молочное хозяйство. Продукция позволила бы поселению быть самодостаточным и не зависеть от рынка, в то время как любой излишек пошел бы в города, особенно излишки молочной продукции. Эта модель была предназначена для предотвращения широкомасштабного найма работников в напряженные сезоны, и при необходимости во время сбора урожая в кибуце или мошаве проводилась внутренняя мобилизация рабочих рук. Более того, поставки свежих продуктов в города сделали еврейский город менее зависимым от арабской экономики. Этот подход привел к развитию современной сложной агрокультуры, которая стала жизненно важной для обеспечения продовольствием после создания госу-

дарства. Однако в течение мандатного периода его прибыльность была сомнительной.

Большинство рабочих уехали в город в поисках средств к существованию. Во время кризиса 1926–1928 годов некоторые нашли работу в мошавах, но как только города начали восстанавливаться и снова началось строительство, рабочие быстро покинули сельское хозяйство и занялись строительством. В стране иммигрантов это одна из основных движущих сил экономики. Увеличение численности населения и повышение уровня жизни требуют масштабного строительства. Экономический всплеск периода Четвертой алии (1924–1929) произошел из-за строительных проектов, в то время как выход из кризиса был отмечен возобновлением иммиграции в 1931 и 1932 годах, что привело к возобновлению строительства. Начиная с 1932 года среди руководства рабочих организаций стали раздаваться голоса, сетующие на то, что люди уходят из сельского хозяйства на строительные работы, где дневная заработная плата выше более чем в два раза. Нехватка еврейских рабочих в мошавах продолжалась до конца периода процветания в 1936 году, но затем экономика цитрусовых вступила в серьезный кризис, из которого сумела выйти только в конце Второй мировой войны.

Процветание с 1932 по 1936 год ознаменовало смену ролей между Палестиной и диаспорой. В 1920-е годы сионистское предприятие в Палестине зависело от мирового еврейства в таких аспектах, как человеческие ресурсы, капитал

и политическое влияние. В 1931 году давление, оказываемое евреями всего мира, было одним из факторов, побудивших британское правительство приостановить действие положений Белой книги Пассфилда, предоставив национальному очагу временную передышку. Хотя взносы в фонд Keren Hayesod не оправдали ожиданий, они были основой для функционирования трудовых коммун. Глубокий экономический кризис в Палестине в конце 1920-х годов произошел в то время, когда нестабильная политическая ситуация в послевоенной Европе стабилизировалась и начался экономический рост. После краха Нью-Йоркской фондовой биржи в 1929 году стабильность и рост в одночасье сменились глобальным экономическим кризисом. Европа вступила в период экономической депрессии, безработицы, социальных волнений и политических потрясений. В Германии началась борьба между левыми и правыми, закончившаяся приходом к власти нацистов в январе 1933 года. Впрочем, в Палестине экономическая неопределенность 1929–1931 годов сменилась относительным спокойствием, политической стабильностью и экономическим ростом. Прибытие нового верховного комиссара Артура Вошоппа ознаменовало период, в котором Палестина, вместо того чтобы зависеть от диаспоры, внезапно стала страной убежища для масс евреев, ищущих пристанища от надвигающейся бури в Европе.

В течение четырех лет население ишува более чем удвоилось (по оценкам за июнь 1927 года, оно составляло 150 000

евреев; перепись в ноябре 1931 года зафиксировала 174 610 человек; оценка за декабрь 1936 года составила 384 000 человек; оценка за декабрь 1939 года показала 474 000). Большинство иммигрантов прибыли из Польши, крупнейшей демографической базы еврейского народа, но более 50 000 человек прибыли из Германии и имели иной социальный статус, в отличие от выходцев из Восточной Европы. В течение нескольких поколений они жили в развитом западном обществе как равноправное меньшинство. Многие имели университетское образование. 15 % из них были врачами, инженерами, адвокатами или другими специалистами. Они подняли уровень Еврейского университета, а также банковского дела и финансов. Архитектура Баухауса⁹⁷ оставила свой след в Тель-Авиве. Стандарты гигиены и эстетики в потребительском секторе улучшились сверх всякой меры. Модели потребления были модернизированы: появились современные магазины, деликатесы и кафе, кулинария которых намного превосходила местное разнообразие.

Более трети немецких иммигрантов были классифицированы как «обеспеченные люди». Некоторые прибыли со скромным капиталом 1000 палестинских фунтов стерлингов (требование для получения иммиграционного сертификата

⁹⁷ Немецкая высшая школа архитектуры и дизайна, существовавшая в 1919–1933 годах, где зародились основы современной архитектуры и дизайна. Некоторые ее преподаватели и студенты после прихода нацистов к власти эмигрировали в Палестину, где оставили значительное архитектурное наследие – так называемый Белый город в Тель-Авиве.

в этой категории), в то время как другие прибыли с гораздо большими суммами, которые и вложили в сельскохозяйственные поселения или промышленность. По общепринятым оценкам, в эти годы в страну был завезен капитал на сумму 50 миллионов палестинских фунтов стерлингов, 80 % которого было частным. Половина из них была вложена в промышленность и торговлю. Этот приток капитала сделал возможным экономическое процветание тех лет, а также послужил причиной для увеличения числа иммигрантов «по списку», поскольку новое экономическое производство создало спрос на рабочих.

Одним из способов передачи активов немецких иммигрантов было соглашение Хаавара, или соглашение о трансфере, подписанное в 1933 году между правительством Германии и неофициальными сионистскими органами, но с ведома Исполнительного комитета ВСО. Деньги, депонированные евреями в Германии, использовались для покупки немецких товаров, которые должны были быть ввезены в Палестину, а в Палестине деньги были возвращены их владельцам в местной валюте. Немцы выиграли от этого вдвойне – продвинув свой экспорт, а также тем, что соглашение предусматривало способ избавиться от евреев, – в то время как немецкие евреи, стремящиеся избежать нацистской ловушки, могли бы спасти часть своих активов. Сионистский Исполком рассматривал соглашение о трансфере как важный канал для привлечения капитала, необходимого для строи-

тельства страны. Однако оно подверглось резкой критике в еврейском мире. Дискриминационная и унижительная политика нацистов по отношению к евреям Германии спровоцировала международное еврейское движение бойкотировать немецкие товары. Соглашение о трансфере нанесло ущерб движению бойкота и якобы узаконило высылку евреев из Германии. Когда выяснилось, что бойкот не достиг своих целей и что нацисты ужесточают свою антиеврейскую политику, сопротивление соглашению ослабло. И на самом деле евреи Германии видели в этом путь к бегству в то роковое время. Соглашение о трансфере принесло в страну около 8 миллионов палестинских фунтов стерлингов, что составляло около 1 % активов немецких евреев в 1933 году. Для евреев, чью иммиграцию это облегчило, то была большая сумма.

1936 год привел к серьезному экономическому кризису в Палестине, продолжавшемуся до 1941 года. Он был вызван арабским восстанием, сокращением притока капитала в страну и ограничением иммиграции правительством, наложившим на нее политический запрет с 1937 года. В 1940 году безработица в еврейской общине составляла 12 %, но этот небольшой спад быстро сменился резким ростом в годы войны, составлявшим в среднем 10 % в год. Движимый большим спросом британской армии на сельскохозяйственную и промышленную продукцию, этот рост принес пользу как еврейской, так и арабской экономике. Ближний Восток стал важным центром снабжения армий союзников по ан-

тигитлеровской коалиции. Прекращение импорта во время войны способствовало развитию местной промышленности. Славные дни сельского хозяйства как основного сектора занятости подошли к концу. Промышленность расширилась, и в ней была занята примерно треть еврейской рабочей силы. Промышленному развитию способствовало оборудование, ввезенное в страну в рамках соглашения о трансфере; немецкие иммигранты, обладавшие научными знаниями и техническими навыками, были одними из ведущих создателей промышленности. Ишув присоединился к военным усилиям союзников, завербовав около 27 000 своих молодых мужчин и женщин, а также поставляя запасные части, оптическое оборудование и медикаменты для британской военной машины.

Переход к послевоенной мирной экономике ознаменовался продолжающимся ростом, обусловленным оживлением рынка цитрусовых и увеличением экспорта, а также выдачей разрешений на частное строительство, запрещенное в годы войны, что вызвало большой спрос на новое жилье. Рост в этих секторах компенсировал снижение спроса со стороны британской армии.

Процессы иммиграции и расселения в течение 30 лет британского мандата заложили основу для создания устойчивого еврейского общества в Палестине. Рост еврейского населения с 56 000 до 650 000 человек, создание продуктивной сельскохозяйственной и промышленной экономики и

распространение еврейских поселений по всей стране стали фундаментом будущего еврейского государства.

Ишув как прообраз государства

Еврейское население в Палестине в период мандата было организовано и функционировало без юридических полномочий. Следовательно, сохранение еврейской автономии требовало системы соглашений, компромиссов, доброй воли и готовности уступить. В эпоху построения нации способность мобилизовать массы была жизненно важной для продвижения национальной повестки дня. Формирование авторитета руководства и обеспечение того, чтобы общественность подчинялась ему без принуждения, были основой формирования зарождающегося государства.

Статья 4 Палестинского мандата гласила: «Соответствующее еврейское агентство будет признано в качестве государственного органа с целью консультирования и сотрудничества с администрацией Палестины по таким экономическим, социальным и другим вопросам, которые могут повлиять на создание еврейского национального очага и на интересы еврейского населения в Палестине...» Эту роль де-факто выполнял Исполнительный комитет ВСО. Еврейское агентство (также известное как Сохнут) было создано в 1929 году, половину его членов составляли представители Исполнительного комитета. Другая половина состояла из еврейских магнатов, не считавшихся сионистами, но готовых помочь

в строительстве национального очага. Вейцман надеялся таким образом привлечь еврейский капитал для обустройства страны, но агентство не оправдало этих надежд. Сразу после основания агентства произошел крах Нью-Йоркской фондовой биржи, и богатые оказались заняты другими делами. С тех пор, хотя фасад двойной исполнительной власти Еврейского агентства и сионистской исполнительной власти сохранился, на самом деле они были одним органом, и председатель Исполкома ВСО также возглавлял Исполнительный комитет Еврейского агентства.

В начале 1920-х годов сионистская организация функционировала как элитарный клуб без общественного контроля. Таким образом, Вейцман смог стать ее президентом без поддержки политической партии. По той же причине группа, пользующаяся авторитетом, но не имеющая публичной поддержки, во главе с судьей Верховного суда США Луисом Брандейсом, лидером американских сионистов, вызвала бурю негодования на сионистском съезде 1920 года, потребовав изменить руководящие принципы организации и сделать их строго капиталистическими (попытка провалилась). Эта олигархическая структура за десять лет исчезла. Делегаты Базельского конгресса 1931 года принадлежали к политическим блокам с явными левыми, правыми и центристскими чертами. Этот сдвиг явился результатом появления в сионистском движении народных партий, представляющих массы. Наиболее заметными были левый блок во главе с Марай

(аббревиатура от Рабочей партии Эрец-Исраэль) и правый блок во главе с ревизионистами.

В начале этого периода сионистская организация, увенчанная триумфом со времен декларации Бальфура, находилась на пике своего могущества. Когда комиссия Исполнительного комитета ВСО прибыла в Палестину в 1918 году, представители ишува запросили членство в комиссии, но ее председатель Вейцман ответил отказом. Он утверждал, что Исполнительный комитет представляет еврейский народ, а не маленький и слабый ишув. Эти отношения изменились, когда Мараі стала лидером сионистской организации в 1930-х годах и центр тяжести сионистской активности переместился из Лондона в Иерусалим. Это изменение было символически отмечено заменой немецкого на иврит в качестве разговорного языка.

Автономия ишува была построена вокруг Knesset Yisrael (еврейского собрания), органа, объединявшего всех евреев Палестины, за исключением тех, кто не хотел вступать в него. Его члены избирали Собрание представителей, которое, в свою очередь, избирало Национальный комитет из своего числа. Knesset Yisrael был разделен на религиозных и светских, правых и левых, умеренных и активистов и так и не стал престижным и влиятельным центральным учреждением. Примером этих разногласий и их деструктивного воздействия на власть Knesset Yisrael были споры по поводу права женщин голосовать и быть избранными. Женщины голо-

совали на выборах в сионистский конгресс и были избраны делегатами еще до того, как западные законодательные органы предоставили им это право. В новом ишuve повсеместно признавалось, что женщины имеют равный статус с мужчинами, но этот принцип был неприемлем для ультраортодоксов и их партии Agudat Yisrael; они не хотели входить в состав органа, в избирательном процессе которого участвовали женщины.

Этот вопрос был немаловажным, поскольку, если бы ультраортодоксы покинули Knesset Yisrael, этот орган не смог бы претендовать на всеобщее представительство евреев Палестины. Более того, до прибытия Третьей и Четвертой алии в начале 1920-х годов старый ишув имел значительный демографический перевес. Если бы ультраортодоксы ушли, то религиозно-сионистская партия Mizrachi, в учреждениях которой женщины голосовали и избирались, могла бы оказаться единственным религиозным представителем в Knesset Yisrael. В этой ситуации она была бы вынуждена занять крайнюю позицию в религиозных вопросах – возможно, даже выйти из Кнессета, – чтобы не выглядеть менее религиозной, чем ультраортодоксы. Если религиозные партии уйдут, то светские правые и центристы окажутся в невыгодном положении по сравнению с левыми и тоже могут подумать о том, чтобы выйти из Кнессета. Таким образом, уход одной партии мог вызвать цепную реакцию. Динамика добровольной организации, поддерживаемая консенсусом, требует компро-

мисса между ее членами для сохранения общей структуры. Поэтому в первые годы действия мандата выборы в Собрание представителей постоянно откладывались в надежде достичь компромисса, который обеспечил бы участие ультраортодоксов без ущерба для принципа равенства женщин, считавшегося краеугольным камнем нового ишува.

В апреле 1920 года несоблюдающие евреи во главе с левыми сионистами победили на первых выборах подавляющим большинством голосов – даже несмотря на то, что ультраортодоксальным мужчинам было разрешено голосовать на отдельных избирательных участках, где каждый голос засчитывался как два (второй голос отдавался их женам, которые проголосовали не голосуя). Результат ошеломил ультраортодоксов, которые сразу же заявили о своем уходе. Все попытки договориться с ними потерпели неудачу, и они остались за пределами Knesset Yisrael. Выборы во второе Собрание представителей в 1925 году были проведены в соответствии с избирательной конституцией, которая предоставила женщинам полное равноправие, что положило конец длительным и обременительным переговорам, не принесшим престижа Knesset Yisrael и его учреждениям. В 1928 году британцы приняли Закон об общинах, признав власть главного раввина во всех вопросах, касающихся еврейской религиозной жизни и личного статуса. Этот закон также включал положение о Knesset Yisrael. Agudat Yisrael потребовал от властей права на создание отдельной общины, которая не признава-

ла общие институты ишува, – и оно ему было предоставлено. Слабость этих институтов, представляющих еврейскую автономию, повлияла на их статус как внутри ишува, так и за его пределами в отношениях ишува с британцами. Произошел переход власти и престижа от общих институтов к тем, которые представляли определенные группы: Histadrut (Всеобщая федерация рабочих Израиля), политические партии и Исполнительный комитет сионистской организации. Это были структуры, способные собрать сторонников, мобилизовать массы и сформулировать общественную повестку дня. Другими важными органами были муниципалитеты и местные советы, которым правительство разрешало взимать налоги, а Knesset Yisrael таких полномочий предоставлено не было.

В начале периода мандата в ишuve было три основных блока: левый, нерелигиозный правоцентристский и религиозный. После отказа несионистских ультраортодоксов от участия в жизни ишува только партия Mizrachi осталась в сионистском лагере как активное, но слабое религиозно-сионистское образование. Существовали отдельные этнические⁹⁸ организации, представлявшие сефардов и йеменских евреев, также входившие в религиозный лагерь. Однако националистическая идеология не одобряла такие организа-

⁹⁸ В израильской историографии ашкеназы, сефарды, йеменские евреи и др. считаются отдельными этносами, тогда как в российской обычно принято считать их субэтносами. В настоящем издании сохранена авторская терминология.

ции, которые рассматривались как представляющие интересы отдельных общин, а не общее дело сионизма. На протяжении многих лет клеймо этнических организаций препятствовало созданию этнических партий. Правоцентристский блок был разделен на две опоры власти: муниципальные власти во главе с муниципалитетом Тель-Авива и Союз фермеров, представляющий фермеров из старых мошавов. У светских правых была либеральная философия и сионистский подход, но они не имели последовательного мировоззрения, организационной структуры или решительного руководства. Союз фермеров страдал от конфликта интересов между фермерами из процветающих плантаций мошавов и фермерами из более бедных мошавов Галилеи. В то же время полемика вокруг борьбы за еврейский труд отдаляла фермеров от либерального центра и интеллигенции, которая была склонна соглашаться с позицией рабочих. Следовательно, было мало шансов, что появится какое-либо политическое образование, чтобы представлять центристов, имеющих значительное демографическое и экономическое значение.

Начиная с 1919 года развивался медленный процесс, приведший к консолидации рабочих и завершившийся основанием партии Мара'и в 1930 году. Первым этапом этого процесса было объединение в 1919 году большинства членов партии Poalei Zion периода Второй алии с теми, кто был известен как «беспартийные» рабочие, в основном представлявшие профсоюзы сельскохозяйственных рабочих, осно-

ванные в тот же период. Инициаторами и лидерами Ahdut Ha'avoda (сионистско-социалистического профсоюза) были Давид Бен-Гурион, лидер Poalei Zion, который во время войны был в изгнании в Соединенных Штатах, и Берл Кацнельсон, лидер беспартийных. Союз был провозглашен под знаменем всеобщего единства рабочего лагеря, но так и не был создан, потому что партия Наро'el Hatza'ir отказалась самораспуститься и присоединиться к новому политическому образованию.

Основным мотивом этого объединения было желание встретить новую волну иммиграции сплоченной системой, способной принять новоприбывших. В стране иммигрантов каждая новая волна иммигрантов представляла собой вызов. Предшествующая волна уже сформировала модели и нормы поведения и стремилась создать условия, чтобы новая волна влилась, а не разрушила все. Эта динамика проявилась уже накануне Третьей алии, и Ahdut Ha'avoda должна была познакомить иммигрантов Третьей алии с социальной и поселенческой доктриной Второй алии и убедиться, что новоприбывшие ее приняли. По мере того как эти иммигранты принимали идеологию Второй алии, от них также ожидалось, что они окажут политическую поддержку новой партии, тем самым увеличив ее влияние в ишуве. По этой же причине Наро'el Hatza'ir отказалась расформироваться: распространился слух, что ячейки Tze'irei Zion (сионистская популистская молодежная организация), уже созданные в Ев-

ропе, скоро в большом количестве приедут в Палестину и присоединятся к ней, тем самым увеличив мощь Наро'el Natza'ir.

Однако люди Третьей алии, принятые двумя партиями, конкурирующими за их поддержку, предпочли создать свои собственные общественные организации, такие как Gedud Ha'avoda и Hashomer Natza'ir. Таким образом, неудивительно, что организации Третьей алии составили движущую силу в формировании совместной организации, которая будет в дальнейшем представлять все рабочие партии и способствовать абсорбции иммигрантов и созданию трудовых поселений. В декабре 1920 года была основана Всеобщая федерация еврейских рабочих Земли Израиля (известная как Histadrut), у которой было два основных подразделения: строительный отдел, предназначенный для обустройства страны посредством поселений, кооперативов и подрядов, и профсоюзный отдел, представляющий работников перед работодателями.

Строительный отдел, такой единственный среди рабочих организаций во всем мире, отражал его предполагаемую центральную роль в реализации сионизма. Профсоюзный отдел был похож на остальные в других странах, но имел дополнительные функции, проистекающие из особой ситуации в Палестине. В стране, где не было механизмов для абсорбции новых иммигрантов, не было родственников, которые помогли бы им в начальный период, Histadrut сыграв

ла ведущую роль в оказании помощи в обустройстве ново-прибывшим. Членство в Histadrut предоставило новым иммигрантам доступ к бирже занятости Histadrut, которая делила рабочие места между старожилами и новичками. Ее члены получали медицинскую помощь из больничной кассы Histadrut. Рабочие кухни в крупных городах обеспечивали одиноких молодых людей, оставшихся без дома и семьи, недорогой готовой пищей. В культурных центрах Histadrut работники могли почитать газету или книгу и пообщаться с другими молодыми людьми – спасение от одиночества, особенно для тех, кто иммигрировал самостоятельно и не был частью организованной группы. Поселение считалось привилегией, и в Histadrut следили за тем, чтобы ни одна группа первопроходцев не переступила черту. Это давало надежду на будущее. В городах были построены не только жилые дома для рабочих, но даже школы и учреждения культуры. Отношения между Histadrut и ее членами основывались на подчинении ее членов системе и политической поддержке, которую они оказывали ей взамен, принятии ее ценностей.

В отличие от правых и центристов, лишенных какого-либо ясного политического самосознания, левые консолидировались вокруг идеологии, использующей социалистические образы. Философ и библиист Иехезкель Кауфман утверждал, что еврейско-палестинские левые отличаются от европейских. Несмотря на то что сыпал социалистическими лозунгами, он действовал как первопроходец в строительстве стра-

ны, то есть выполнял национальную миссию. Рабочие создали еврейский рабочий класс, жизненно важную основу для построения прочного еврейского общества. Для этого они принимали новых иммигрантов, хотя последние соперничали со старожилами; они боролись за еврейский труд, чтобы обеспечить минимальные условия, необходимые еврейскому рабочему для интеграции в страну, и создавали поселения в местах, куда частный капитал отказывался вкладывать средства. Таким образом, организация рабочих была жизненно важна для поглощения иммигрантов и расширения еврейского влияния в стране. Рабочее движение, писал Кауфман, «в своей войне за достойные условия труда, в своей войне за еврейский труд, а также – в своих забастовках выполняет национальную миссию благодаря своей организации, своему стремлению к общинным формам поселения, несмотря на всю дикость, царящую здесь»⁹⁹.

Однако использование рабочим движением социалистических символов привело к усилению напряженности в отношениях между левыми и правыми в Палестине, что Кауфман назвал «психологической классовой войной». Histadrut использовала эти символы и столкновения между левыми и правыми для консолидации своих приверженцев и способствовала формированию широкой идеологической и социальной солидарности. В период, когда у ишува не было за-

⁹⁹ *Kaufmann Y. Milkhemet hama'amadot beYisrael* (Классовая борьба в Израиле) // *Bechavlei hazman* (В окопах времени). Tel Aviv: Dvir, 1936, p. 162

конного механизма для вербовки членов, энтузиазм, политическая лояльность и отождествление с движением стали наиболее важными инструментами мобилизации. В Histadrut знали, как превратить экономическую и социальную зависимость своих членов в первоклассный инструмент вербовки для решения как сионистских, так и других политических задач. Городские рабочие обеспечивали массы, принимавшие участие в политических митингах и других мероприятиях, требовавших нерегулярного участия, в то время как члены киббуцев предлагали неистощимый запас активистов, готовых записаться для выполнения долгосрочных заданий. Из киббуцев вышли эмиссары движения Hechalutz в диаспоре, активисты Haganah, добровольцы для проведения нелегальных иммиграционных акций и т. д.

В 1925 году на политической арене появилась новая партия – ревизионисты во главе с Владимиром (Зеевом) Жаботинским. Жаботинский ушел из Исполнительного комитета ВСО в 1923 году после политических разногласий с Вейцманом. Жаботинский считал, что общественное давление может вынудить Великобританию установить «режим колонизации» в Палестине, то есть режим, который будет активно помогать в строительстве национального очага, создавая соответствующие экономические и политические условия. Вейцман, возглавлявший Исполком ВСО, считал, что самое большое, чего могут добиться сионисты, – это предотвратить политику, которая остановит развитие национального очага.

В то время взгляды активистов Жаботинского совпадали с представлениями Ahdut Ha'avoda. Но население сельскохозяйственных рабочих поселков зависело от средств сионистской исполнительной власти, поэтому, несмотря на воинственную риторику рабочих, их политика была умеренной, и они выступали против Жаботинского по каждому конкретному вопросу, который поднимался. Со своей стороны Жаботинский понимал зависимость рабочих от Исполнительного комитета. В письме Оскару Грузенбергу, известному еврейскому адвокату, предложившему ему основать свое движение на поддержке рабочих, Жаботинский описал молодых людей, обращающихся в рабочую группу, как «умную молодежь, стремящуюся к самосовершенствованию через простоту», являющуюся лучшим [колонизирующим] материалом в мире». Тем не менее, добавил он, поскольку они были экономически зависимы от людей, владеющих кошельками, они не стали бы сотрудничать с кем-то вроде него, который стремился подорвать существующие порядки в сионистском движении. «Как строители они достойны уважения и отличия, но как политический фактор являются нашей “черной сотней” [имеется в виду ультрареакционное движение в России]»¹⁰⁰.

Поэтому Жаботинский ориентировал свою партию на еврейский средний класс в Польше, представляющий нацио-

¹⁰⁰ Ze'ev Jabotinsky to Oscar Grusenberg, 12.11.1925 // Letters, Tel Aviv: Amichai (n. d.), p. 72–73.

налистическую еврейскую молодежь. В отличие от социалистической риторики и символов левых Жаботинский принял символы, которые превозносили нацию и требовали подчинения классовых интересов национальным. В дебатах, которые продолжались во время Четвертой алии, следует ли строить страну за счет частного или национального капитала, Жаботинский встал на сторону первого. В отличие от рабочих, утверждавших, что только они первопроходцы страны – именно так их воспринимала большая часть сионистской общественности, – Жаботинский представлял мелкую буржуазию как еще одного борца за звание воплощений сионистской идеи. Он потребовал, чтобы рабочие воздерживались от забастовок и согласились с обязательным арбитражем и нейтральной биржей труда (не принадлежащей ни работодателям, ни наемным работникам), а также чтобы работодатели избегали локдаунов и использовали только еврейскую рабочую силу. Он утверждал, что заработная плата должна определяться экономическими возможностями. В отсутствие обязательного социального законодательства эти требования равносильны уступкам по отношению к рабочим.

Жаботинский был блестящим оратором с пламенной риторикой и тонким политическим чутьем. Он умел формулировать броские лозунги. «Железная стена» была батальоном, который он стремился создать под британской эгидой, чтобы не дать арабским националистам помешать евреям по-

строить страну. Его лозунг «Одно знамя», или «монизм», в отличие от шаатнеза, «несочетаемой смеси», пропагандировал полностью националистическое мировоззрение вместо рабочего сочетания национализма и социализма. «Да, мешай им!» поддерживало срыв забастовок Histadrut. Все эти фразы были предназначены для консолидации его блока, молодежное движение которого, Betar (акроним от Brit Yosef Trumpeldor, Союз имени Иосифа Трумпельдора), было основано в Восточной Европе и находилось под влиянием польского правого национализма.

Жаботинский не делал упор на социальной и экономической идеологии своего движения, но принял ее из-за политической необходимости определить свою партию по отношению к рабочим, а также потому, что этого требовал общепринятый дискурс той эпохи. Его интересовала прежде всего политическая доктрина. Жаботинский ратовал за создание еврейского государства и считал, что это вполне достижимо, нужно только склонить на свою сторону европейское общественное мнение и, в частности, заручиться поддержкой Британии. На сионистском конгрессе 1931 года, вскоре после публикации письма Макдональда, он потребовал, чтобы конгресс объявил создание еврейского государства конечной целью сионизма. Тогда подобное заявление считалось провокационным и ненужным. Когда конгресс отклонил его, он демонстративно порвал свою карточку делегата и вышел из зала. С этого времени он вознамерился исключить ревизи-

онистов из сионистской организации; окончательно они вышли из нее в 1935 году.

Ревизионисты были одной из двух сил, представлявших массы на этом конгрессе. Другой силой была Mapai, образованная в 1930 году в результате слияния Ahdut Ha'avoda и Naro'el Hatza'ir. Рабочие имели большую электоральную силу на съезде, но разница между рабочими партиями и ревизионистами не была значительной, поскольку остальные центристские и правые партии поддерживали ревизионистов, сделав их ведущей партией правого блока. Отныне ревизионисты и «рабочие сионисты» боролись за гегемонию над сионистской организацией. Это соперничество разворачивалось главным образом в Польше, где оба движения боролись за влияние среди еврейских масс. В результате экономических трудностей и роста антисемитизма тысячи польских евреев присоединились к сионистскому движению. В то же время борьба между двумя движениями в Палестине пошатнула сионистский консенсус и обнажила слабость общества добровольцев перед лицом решительных идеологических групп.

Источником силы сионистской организации было ее право представлять движение перед мандатными властями – например, помогая отбирать иммигрантов в категории «рабочие» каждые шесть месяцев в соответствии со списками. Мандатное правительство устанавливало правила, но именно «Палестинское бюро» в каждой европейской стране составляло списки иммигрантов. Эти бюро были укомплекто-

ваны представителями организаций и партий исходя из их пропорционального представительства в Сионистском конгрессе. До начала 1930-х гг. отбор иммигрантов был не столь жестким, поскольку кандидатов было немного, но когда гонения на евреев усилились и иммиграционное давление повысилось, в процессе отбора все чаще стали звучать заявления о политической дискриминации.

Право отбирать иммигрантов давало Исполнительному комитету Еврейского агентства огромную власть, но у этой власти были пределы, потому что Агентство можно было обойти. Если Агентство поступало своевольно, работодатели ишува могли напрямую обращаться к мандатному правительству с просьбой предоставить иммиграционные сертификаты. В 1933 году Жаботинский попытался поступить так, заключив соглашение с фермерской организацией работодателей Hanoteah («Сеятель»). Hanoteah должна была обратиться в мандатное правительство за иммиграционными сертификатами и выдать их членам Betar. (Приказ Betar № 60 предписывал своим членам не обращаться в отделения Палестинского бюро за сертификатами, а ждать сертификатов из Hanoteah.) В том же году представитель Союза фермеров подал в мандатное правительство запрос на сертификаты для рабочих, которых выбрал профсоюз: не пылких молодых социалистов, а семейных, скромных фермеров с Карпат. Таким образом, фермеры и ревизионисты стремились подорвать прерогативу Агентства при отборе переселенцев

из категории рабочих, утверждая, что все люди, прибывающие в Палестину, одного социалистического покроя. Поскольку половина иммигрантов из этой категории были выпускниками учебных ферм Nechalutz и идентифицировали себя с левыми, социалистам действительно был отдан приоритет. Эти попытки обойти сионистскую организацию не увенчались успехом, поскольку лишь незначительно увеличили количество иммигрантов, однако серьезно обострили межпартийную вражду.

Ревизионисты продолжали бороться с авторитетом Еврейского агентства, бойкотируя сионистские фонды и заставляя сотни тысяч евреев подписать петицию, призывающую британское правительство изменить свою политику в Палестине. Петиция нарушала монополию Еврейского агентства в проведении сионистской политики. Ревизионисты сосредоточились на подрыве власти Histadrut. Признавая ее авторитет как источник власти и среди рабочих, и среди работодателей, они оспаривали ее претензии на то, чтобы быть единственным представителем рабочих и распределять рабочие места. Их действия включали в себя срыв забастовок, организованных Histadrut, отправляя рабочих Betar в качестве штрейкбрехеров. Они утверждали, что забастовки были организованы для того, чтобы усилить «организованный труд», то есть создать монополию Histadrut, а не для разумных целей улучшения условий труда или продвижения еврейской рабочей силы.

В первой половине 1930-х годов напряженность между левыми и правыми, фермерами и рабочими достигла пика и переросла в уличные столкновения. Эти события можно понять только в контексте того, что происходило в Европе в те годы: приход нацистов к власти в Германии, репрессии против левых и подъем фашизма в других европейских странах. Латентная гражданская война в ишуве и взаимные упреки были локальным отражением европейских правых и левых и их кровавой борьбы. Напряженность в ишуве и вспышки уличного насилия угрожали разрушить внутреннюю солидарность. В июне 1933 года глава политического отдела Еврейского агентства Хаим Арлозоров был убит на пляже в Тель-Авиве. Арлозоров был блестящим молодым человеком, на которого ревизионисты устроили покушение из-за его переговоров по соглашению о трансфере с нацистской Германией. В его убийстве подозревались члены Betar. Накал борьбы обострился до новых высот, Betar и его сторонники заявили о «кровавом навете», в то время как левые считали их убийцами.

В 1934 году была предпринята попытка достичь соглашения между Бен-Гурионом, сменившим Арлозорова в Исполнительном комитете Еврейского агентства, и Жаботинским, чтобы не допустить ухудшения ситуации. Удивительно, но два лидера нашли общий язык и духовную близость. Но это соглашение было отклонено референдумом Histadrut. Похоже, что рядовые члены заразились взаимной пропагандой

ненависти даже больше, чем лидеры. Тем не менее этот эпизод ознаменовал собой начало более умеренной борьбы на палестинской улице. Сионистский конгресс 1935 года в Люцерне проводился под лозунгом «Мир в ишув», за которым последовал процесс примирения, сначала между Мараи и религиозно-сионистской партией Mizrachi («исторический союз», продержавшийся до 1977 года), а позже – между Исполкомом ВСО, властью и фермерами. Мараи пришлось уступить часть своей власти в обмен на поддержку фермеров и их сторонников – пример уступки, сделанной ради укрепления консенсуса. Когда разразилось арабское восстание и начался экономический кризис, от которого пострадали фермеры, обе стороны искали точки соприкосновения. В последующие годы политические споры в ишув не утихли, но попытки обойти сионистскую организацию и обратиться непосредственно к мандатному правительству прекратились. Рабочее движение заняло доминирующее положение в сионистской организации благодаря выходу ревизионистов из сионистской организации и основанию Новой сионистской организации (НСО), однако возник прецедент отделения и раскола.

В то время как в 1920-х годах в центре напряженности были дебаты о роли частного и национального капитала в строительстве страны, в первой половине 1930-х годов основной вопрос заключался в том, какие иммигранты лучше всего подходят для строительства страны и кому следует отбирать их. Также затрагивался вопрос о еврейском

труде и трудовых отношениях в ишуве. В то же время велись дебаты о политических методах сионистской организации. Должна ли она попытаться противостоять британцам или просто сделать все возможное, признавая власть мандатной администрации? Все эти вопросы упирались в дилемму, будет ли принята власть большинства или нет. Каждый раз, когда фермеры, ревизионисты или ультраортодоксы оказывались в невыгодном положении по сравнению с большинством, они искали способы обойти эту ситуацию. В отсутствие конституционного правления большинство было вынуждено пойти на компромисс с меньшинством, желая сохранить целостность системы. Так, например, в то время как предписание о мандатных муниципалитетах давало жителям право голоса без имущественного ценза, Мараі согласилась с определенным цензом в мошавах, чтобы сохранить мир. Она также согласилась с учреждением национальных бирж занятости, которые обеспечивали равное распределение работы между всеми работниками, включая тех, кто не был членом Histadrut. Кризисы конца 1930-х годов, подчеркнувшие необходимость национальной дисциплины, работали в пользу Исполкома сионистской организации. Однако каждый раз, когда исполком хотел выступить единым фронтом либо перед властями, либо перед мировым общественным мнением – например, во время дачи показаний перед UNSCOP, – он был вынужден пойти на уступки партии Agudat Yisrael или фермерам, чтобы сохранить единогласие.

Во второй половине 1930-х гг. споры о национальном самоуправлении сосредоточились на вопросах безопасности. 1920-е годы были свидетелями создания Haganah, гражданского ополчения, функции которого были переданы Histadrut после ее основания. До 1936 года Haganah не уделялось должного внимания, что отражалось в скудных ресурсах, выделяемых на него в сионистском бюджете. В 1931 году отдел Haganah, известный как Irgun B (организация Бет¹⁰¹), вышел из его состава, заявив, что Haganah недостаточно активен. Члены Irgun B были в основном правого толка. После начала арабского восстания Haganah достигло соглашения с Irgun B, большинство членов которого вернулись в Haganah. Однако меньшинство из них, члены Betar, основали Etzel (аббревиатура от Irgun Tzva'i Leumi, национальная военная организация, на английском языке была сокращена до Irgun), которая признавала только авторитет Жаботинского. Осенью 1937 года Etzel нарушила политику сдержанности, проводимую Haganah в соответствии с инструкциями Исполкома ВСО. Подразумевалось, что евреи не будут совершать террористические акты в ответ на арабские злодеяния. Таким образом, сионистская исполнительная власть стремилась заручиться поддержкой мандатного правительства в подавлении арабского восстания и даже в создании еврейских сил обороны.

Вопрос о монополии на применение силы стал камнем

¹⁰¹ В значении «Вторая организация», бет – вторая буква ивритского алфавита.

преткновения между ишувом и теми, кто стал известен как «раскольники». В последнее десятилетие мандата это стало одной из самых острых проблем в отношениях большинства и меньшинства. Etzel, а позже и Lehi (аббревиатура от Lohamei Herut Yisrael, Борцы за свободу Израиля, или, как их называли британцы, «банда Штерна»), возглавляемая Авраамом Штерном и основанная в 1940 году экстремистской группой, отколовшейся от Etzel, были подпольными организациями, неподконтрольными гражданским властям. Они считали себя боевым авангардом, несущим на своих плечах освобождение нации, и были подотчетны только себе. После смерти Жаботинского в 1940 году они даже отказались признать авторитет ревизионистского движения. Независимая деятельность этих подпольных организаций подорвала власть Исполнительного комитета и повредила его политической репутации. Исполком попытался изолировать подпольные организации от их правых сторонников, согласившись создать «национальное командование», в котором левые отказались от своего статуса большинства и разделили лидерство наравне с другими группами ишува. Взамен правые группы согласились на национальное командование вместо существующей фрагментированной региональной структуры Haganah. Моше Снэ из партии «Всеобщие сионисты», который только недавно сбежал из Польши в Палестину, был назначен главой национального командования. Но все попытки создать структуру, которая стала бы обязательной для

подпольных организаций (должны были быть представлены правыми в национальном командовании), потерпели неудачу. Попытки Hagana как самостоятельно, так и совместно с мандатными властями усмирить эти организации провалились. До создания государства руководству Еврейского агентства не удавалось получить монополию на применение силы евреями.

Применение силы было серой зоной в делах Исполнительного комитета Еврейского агентства. Его главе было поручено вести дела с мандатным правительством, и он был обязан неукоснительно соблюдать закон. Было немыслимо, чтобы такой орган занимался какой-либо подпольной деятельностью. Следовательно, Hagana официально не была связана с сионистским Исполкомом; первоначально ею руководила Histadrut, а затем – национальное командование. На самом деле с начала 1930-х годов, после того как Mera'i присоединилась к руководству Еврейского агентства, и особенно после того, как Бен-Гурион присоединился к нему в 1933 году, преобладала двусмысленная ситуация: глава Исполнительного комитета Еврейского агентства якобы был ни при чем, но Hagana приняла его авторитет. В Mera'i небольшой круг людей не имел официальных должностей в сионистской исполнительной власти, но им было поручено инструктировать и руководить военизированными формированиями. Самыми значимыми из них были Берл Кацнельсон и Элиаху Голлоб. Во времена военного сотрудничества с властями, на-

пример во время арабского восстания и первых двух лет мировой войны, двусмысленность несколько разрешалась, хотя Haganah никогда не отказывалась от своей независимости и самостоятельной структуры. В периоды конфликтов и беспорядков, например после публикации Белой книги 1939 года и после мировой войны, Haganah уходила глубже в подполье. Тем не менее власти хорошо знали о ее связи с Исполнительным комитетом Еврейского агентства. Неслучайно во время британской военной операции «Черная суббота» (официальное название операция «Агата») в июне 1946 года правительство арестовало всех лидеров Histadrut и членов сионистского Исполкома, до которых ему удалось дотянуться.

Еще одной серой зоной деятельности сионистской исполнительной власти была нелегальная иммиграция, которая началась с организации Hechalutz в Польше. Долгое ожидание, прежде чем евреи смогут эмигрировать, натолкнуло участников на мысль, чтобы доставить в Палестину корабли с нелегальными иммигрантами без ведома властей. Эта идея была подхвачена движением Betar, которое из-за схемы Жаботинского обойти администрацию Еврейского агентства для получения иммиграционных сертификатов вовсе потеряло право на их получение. В течение 1930-х и вплоть до 1941 года Betar организовало несколько судов для нелегальных иммигрантов. В качестве прикрытия для нелегальной иммиграции также использовался туризм на Маккабиа-

ду 1935 года; многие люди, приехавшие в Палестину в качестве туристов, остались там нелегально.

Исполнительный комитет Еврейского агентства двусмысленно относился к этим операциям, ограничивавшим единственные прерогативы, которыми оно располагало, — отбор иммигрантов в категории рабочих, — и делал иммиграцию менее избирательной, тем более что в любом случае более половины иммиграционных виз не попадали под контроль исполнительной власти. Более того, мандатные власти вычли количество нелегальных иммигрантов из иммиграционной квоты, что стало еще большим ударом для исполкома. Однако после 1938 года, когда мандатная администрация начала ограничивать иммиграцию по политическим мотивам, Бен-Гурион перестал выступать против нелегальной иммиграции и начал ее поддерживать. На Двадцать первом сионистском конгрессе в Женеве Берл Кацнельсон выступил с речью в поддержку нелегальной иммиграции, что вызвало одобрение у Бен-Гуриона. С тех пор Исполнительный комитет открыто поддерживал как легальную, так и нелегальную иммиграцию. После мировой войны нелегальная иммиграция стала одним из основных инструментов Исполкома ВСО в борьбе с британскими ограничениями на иммиграцию евреев.

Эта стратегическая двусмысленность в политике сионистской исполнительной власти между скрупулезным соблюдением закона мандата и его игнорированием, когда критически важные национальные интересы висели на волоске, бы-

ла принята большинством ишува, но не всеми. Некоторые группы считали, что такая политика наносит ущерб репутации движения, и одобряли действия, подрывающие его авторитет. Однако Исполнительный комитет Всемирной сионистской организации во главе с Бен-Гурионом сумел достичь общенационального консенсуса. Хотя этот консенсус был оспорен как правыми, так и левыми силами, он содержал эмоциональные, психологические и организационные основы, позволившие мобилизовать большинство институтов, организаций и групп ишува на борьбу за независимость. Была признана власть Еврейского агентства, что стало нормой, так что немногие уклонисты рассматривались как наносящие ущерб национальному единству. Одним из проявлений этой нормы стало осуждение раскольников. В последнее десятилетие действия мандата подавляющее большинство в ишуве отождествляли себя с борьбой за еврейское государство, хотя большая его часть приехала в Палестину всего несколькими годами ранее и не придерживалась ярко выраженной сионистской идеологии. Для большинства это была невольная форма идентификации. Только избранные группы зарекомендовали себя рьяными активистами. И все же это всеобщее единение под знаменем националистических целей стало тем связующим элементом, который позволил иммигрантскому обществу слиться с ядром зарождающегося государства.

Ишув: общество, культура и дух

В 1922 году поэт Давид Шимонович опубликовал стихотворение, ставшее девизом:

Не слушай, сын мой, назидания твоего отца,
 Не прислушивайся к учению твоей матери¹⁰²,
 Ибо «Строка за строкой» – наставление отца
 И учение матери: «Медленно, но верно...»
 А весенняя буря говорит правду:
 Внимай, муж, песне сына!¹⁰³

Это стихотворение, опубликованное в Варшаве, олицетворяет молодежный протест, бывший частью сионистского опыта. Прежний иудаизм казался старомодным и нездоровым, неподходящим для нового мира, зарождавшегося после Первой мировой войны. Старый еврей, еврей из диаспоры, изображался как психологически ущербный, физически слабый, склонный к *luftgesheftn* (букв. «воздушный бизнес», означающий торговлю вразнос, посредничество и участие в других сомнительных делах), чуждый природе и чему-либо

¹⁰² Отсылка к Притчам Соломона / Мишлей 1:8.

¹⁰³ *Shimonovitz D. Mered haben* (Бунт сына), впервые опубликовано в журнале «Ха-Шомер ха-Цаир» в Варшаве, 1922 г. Перепечатано, в частности, в Songbook. Tel Aviv: Yakhdav, 1965, p. 76.

естественному и спонтанному, материалистическому, неспособный действовать во имя чего бы то ни было, кроме своих непосредственных интересов. Новый еврей должен был стать полной противоположностью: нравственной, культурной личностью, руководствоваться идеалами, восстать против унижающей достоинство реальности; свободный, гордый человек, готовый сражаться за свою собственную честь и честь нации. Стремясь к свободе и равенству между народами, любясь красотой природы, открытыми пространствами, новый еврей должен отказаться от удовольствий лицемерного, буржуазного мира, скованного устаревшими условностями, и искать новые жизненные ценности. Преданность коллективу соответствовала основным принципам – сохраняя верность себе, жить в простоте, честности, воплощая свои мечты. Новый еврей стремился к равенству, справедливости и правде в человеческих отношениях и был готов погибнуть за них.

Подобный тип мышления был присущ тем, кто безоговорочно посвятил себя революционным или национальным движениям. Он представляет собой перенос моделей мышления и поведения, характерных для религиозных сект, в светский мир. Такой идеализм обычно нравится молодежи. И действительно, сионистское движение было, по сути, молодежным движением, привлекавшим также и взрослых. Сионистский первопроходец, солдат-доброволец в борьбе за нацию – молодой мужчина или женщина. Он или она посвя-

тили свою жизнь вдохновляющему опыту самопожертвования ради высоких идеалов. Стихотворение Шимоновича отражает культ молодежи, который был неотъемлемой частью этого движения. Эти молодые мужчины и женщины отвергли существующее общество, чтобы создать общество будущего. В такой ситуации движение заменяет и общину, и семью, а группа сверстников становится единственной группой, на которую можно положиться. Настоящее становится проспектом, ведущим в будущее. Отказ от материальной собственности становится обрядом посвящения в новое общество. «Развод» с общиной, семьей и домом символизирует отказ от старых привязанностей ради завета верности новому обществу. Ури Цви Гринберг провозглашал в стихотворении «Армия труда»¹⁰⁴:

О, мама, знай, что, если ты увидишь меня,
Ты больше не узнаешь меня.
Я с теми, кто идет босиком по пустыне.
Бедность здесь ходит в короне из чертополоха и в мантии
И несет большой золотой скипетр
На берегу Средиземного моря!

Новая идентичность брала на вооружение старые еврейские образцы, изменяя их значение. Так, поэт Авраам Шлён-

¹⁰⁴ Greenberg U. Z. Tzvah ha'avoda (Армия труда) // Be'emtza ha'olam uve'emtza hazmanim (В середине мира, в середине времени). Hakibbutz Hameuhad, 1979, p. 32.

ский благословляет дорожные работы:

Одень меня, добрая мать, в великолепную разноцветную
одежду
и на рассвете приведи меня к [моему] труду.
Моя земля окутана светом, как молитвенной шалью.
Дома выступают, как фасады,
и дороги, вымощенные вручную, текут вниз,
как ремни филактерий¹⁰⁵.

А Ури Цви Гринберг провозглашает: «Иерусалим – на-
лобные филактерии¹⁰⁶ и Эмек – наручные!»¹⁰⁷ Новая иден-
тичность создала свои собственные разнообразные тексты и
символы: стихи, песни, лозунги, образ жизни. Новое обще-
ство было основано на искренности человеческих отноше-
ний: люди говорили то, что они имели в виду, и имели в ви-
ду то, что они говорили. При том аскетическом образе жиз-
ни бедность и лишения наделяли людей особой ценностью.
Это было общество, жившее в крайнем напряжении: день за
днем его члены проверяли свою верность на прочность как в

¹⁰⁵ *Shlonsky Avraham. Amal (Труд) // Poems. Merhaviah: Napoalim Publishing, 1965, p. 165.*

¹⁰⁶ Он же тфилин – предмет еврейского религиозного культа, состоит из ре-
мешков и пары коробочек, содержащих внутри отрывки из Торы, которые появ-
ляются на голову и левую руку.

¹⁰⁷ *Greenberg U. Z. Hizdaharut (Освещение) // Be'emntza ha'olam uve'emntza
hazmanim (В середине мира, в середине времени). Hakibbutz Hameuhad, 1979,
p. 52.*

собственных глазах, так и в глазах своих сверстников. Только молодые люди, энтузиазм которых позволил им сменить одну культуру на другую, одно общество на другое, могли жить в таких условиях.

Преобразование старых евреев в новых было основано на идее «отрицания диаспоры». Эта идея возникла у отцов сионизма – Пинскера и Герцля – и их веры в то, что евреи в диаспоре были в меньшинстве, в экзистенциальной опасности, поэтому им нужна была родина. Авраам Мапу, И. Л. Гордон, Давид Фришман и Менделе Мойхер-Сфорим (Шолем Абрамович) – все несионистские писатели и поэты – также опирались на эти основополагающие идеи. Они отвергли еврейский образ жизни в диаспоре, продолжая линию критики, направленную против него всеми движениями, стремившимися модернизировать еврейскую улицу со времен Хаскалы. Они изображали вырождавшееся еврейское общество и призывали к продуктивизации, секуляризации и образованию. Бердичевский и Бреннер, помимо этого, призывали к ментальной и психологической трансформации, «изменению ценностей» в духе виталистической философии, превознося приземленность над духовностью, возделывание почвы в противоположность жизни вдали от природы, мужественность в противоположность трусости.

Чем больше первопроходцы были очарованы утопическим видением другого, более справедливого общества, тем яростней была их критика общества, из которого они вышли.

Чем суровее была действительность Палестины и чем больше жертв она требовала от них, тем важнее для них было преодолеть желание вернуться домой. «Дом» все еще существовал в Восточной Европе, и семьи часто убеждали сыновей или дочерей вернуться в родное гнездо. В популярном стихотворении Авигдора Хамейри Two Letters («Два письма») сердечная разлука получила свое лирическое выражение. Мать пишет:

Моему доброму сыну в Иерусалиме,
Твой отец умер,
Мать больна.
Возвращайся домой, в диаспору.

И сын отвечает:

Прости меня, моя больная мать,
Я никогда не вернусь в диаспору.
...Если ты действительно любишь меня,
приди сюда и обними меня.

Далее следует символ веры сионизма:

Я больше не буду скитальцем!
Я никогда не сдвинусь с места!
Я не сдвинусь с места,
Я не сдвинусь с места,

Необходимость повторять клятву верности снова и снова на самом деле указывает на слабость.

Чтобы поддержать энтузиазм молодежи и ее преданность делу, писатели и поэты описывали европейские «местечки» как человеческое, национальное и культурное дно, источник слабостей, не позволяющий евреям достичь Утопии. Вероятно, самыми резкими критиками диаспоры были Менделе и Бреннер, с горьким сарказмом описавшие все беды еврейской общины, ее зависимость от неевреев, слабость и убожество. Поселенцы, вышедшие из диаспоры, знали ее реалии, поэтому их собственный опыт смягчал литературное влияние. Иначе обстояло дело с теми, кто родился и получил образование в Палестине; для них литературная карикатура отражала реальность, разительно отличавшуюся от свободной жизни в Палестине в худшую сторону. На самом деле Менделе и Бреннер неоднозначно относились к диаспоре, поскольку она отражала их собственный жизненный опыт и их народ. Несмотря на резкую критику евреев диаспоры, в конце концов они отождествили себя с ними и любили их. Однако рожденные в Палестине восприняли критику без той любви, которая смягчила ее.

Первопроходец был моделью, используемой для идеологической обработки молодежных движений, возникших в

¹⁰⁸ *Hameiri A. Shnei mikhtavim* (Два письма), популярная песня.

Восточной Европе в период между двумя мировыми войнами. Эта идеальная фигура служила символом, привлекавшим идеалистически настроенных молодых людей для сионистского движения. Источников у образа первопроходца было два. Русский народник, революционер, который оставил дом и семью и вел жизнь, полную самоотдачи и самопожертвования ради революции, вдохновлял на новаторство как образ жизни – не смелым разовым поступком, а пожизненным обязательством. Вторым источником, по всей видимости, был хасидизм, также ценивший энтузиазм, готовность отказаться от материального мира и преданность общине верующих. Другие источники вдохновения включали польское национальное движение, которое повлияло на формирование Betar. Разница между пионером Betar и пионером левых движений заключалась в конечной цели их идеологической обработки. В то время как член Betar был призван выполнять любую миссию, необходимую для реализации сионизма, особенно военную, левые молодежные движения направляли своих членов в сельскохозяйственные поселения, предпочтительно на границе, для жизни в кибуцах. Дух поселенца был мощным, он ставил перед молодым человеком конкретную миссию, важность которой никогда не вызывала сомнений и не ослабевала со временем. Сила этого духа очевидна; даже несоциалистические движения, такие как Наро'el Hamizrachi, также ратовали за то, чтобы их члены селились в кибуцах. Труд на границах стал ведущим сио-

нистским начинанием того времени; даже Betar внесло свою лепту и попыталось создать в мошавах трудовые бригады.

Култ молодежи был неотъемлемой частью представления о новом еврее. Взрослые люди, как в Палестине, так и в диаспоре, считались «поколением пустыни», которые не доживут до возвращения в Землю обетованную, то есть до реализации сионизма. Молодые люди, выросшие в свободе, принесут искупление. В своем стихотворении Creed («Я верую») Шаул Черниховский восхваляет будущее поколение в Палестине:

И тогда свободный, мощный
Зацветет и мой народ,
Он расторгнет цепи рабства,
Полной жизнью заживет, —
Заживет не в грезах только,
Не в одних лишь небесах...
Песню новую о жизни
На земле, о лучших днях^{109/110}.

Предполагалось, что это поколение обладает здоровыми инстинктами, страстью, чувственностью и жизненным чувством. Прямая связь между страной и молодежью, получив-

¹⁰⁹ Перевод Л. Яффе.

¹¹⁰ *Tschernichovsky S. Ani ma'amin (Я верую) // Kol kitvei ShaulTschernichovsky (Собрание сочинений Саула Черниховского). Vol. 1. Tel Aviv: Am Oved, 1990: Poems and Ballads, p. 27–28.*

шей в ней образование, приведет к возрождению еврейского народа как мужественного, связанного с природой и отвергающего чрезмерную заикленность на религиозности, свойственную диаспоре. В этом культе молодежи особое место отводилось тем, кто родился и вырос в Палестине. В то время как их отцы пытались привыкнуть к физическому труду, выбиваясь из сил, сыновья без труда работали в поле. В то время как старшее поколение говорило о своей любви к стране, но почти не знало ее, их дети бродили вдоль и поперек и отождествляли себя с ее климатом и пейзажами. Они не мечтали о другом доме и других пейзажах и не страдали от того, что поэтесса Леа Гольдберг назвала «душевной болью двух родных земель»¹¹¹.

Старшее поколение много говорило о необходимости самообороны и ношения оружия, но на самом деле мало кто брался за это. Напротив, Ицхак Табенкин, лидер движения *Hakibbutz Hameuhad*, описал молодого пионера как человека, несущего в одной руке мотыгу, а на плече винтовку, что объединяло земледельца с борцом-защитником. «Ваши парни однажды принесли вам мир с плугом. Сегодня они несут мир с винтовкой!» – так выразился Натан Альтерман в песне конца 1930-х годов, которую пели члены *Haganah*. Сабра, пустынный кактус¹¹², с которым столкнулись иммигран-

¹¹¹ *Goldberg L. Oren* (Сосна) // Barak baboker (Утренняя гроза). Merhavia: Sifriat Napoalim, 195, p. 39.

¹¹² Опунция индейская.

ты, дала название этому поколению: его плоды имеют колючую кожуру, но мякоть сладкая и сочная. Говорилось, что сабры – откровенные и прямые, честные и храбрые, свободные от лицемерных манер буржуазного общества, с силой, которая заключается не в словах, а в делах. Так поселенцы идеализировали здешних сыновей, которые казались их родителям воплощением всех мечтаний о свободных делях природы, растущих в Палестине. Молодая американская студентка, столкнувшаяся с этой породой сабров, определила их следующим образом: «Жесткие и неотесанные, бесхитростные, раскованные, часто застенчивые, незамысловатые, прямые, нежные, безжалостные, неустрашимые, самоуверенные, с даром к импровизации»¹¹³.

Коллективное против индивидуального

К Советской России ищув относился со смесью восхищения, тревоги, соперничества и отождествления себя с ней. Большевицкая революция вызвала огромный энтузиазм. Интеллектуалы всего мира увидели в этом открытие новой торжественной главы в истории человечества. «Нигде нет политического движения, на которое миллионы людей смотрели бы с таким мессианским стремлением, как на русскую революцию... – писал Берл Кацнельсон. – Люди не до конца

¹¹³ *Porath Z. Letters from Jerusalem, 1947–1948. Scranton: Temple Israel, 1998, p. 51.*

понимали природу [нового] строя; они не судили его по достоинствам или недостаткам. Они так страстно желали, чтобы старый строй рухнул, что все стремились увидеть [в нем только] добро и отказывались допускать зло. Это было началом [чего-то нового]»¹¹⁴.

Опыт революции, которая сровняла с землей старый мир, увлек молодых людей. Первопроходцы Палестины желали пойти по кратчайшему пути, о котором говорилось ранее: построению в Палестине эгалитарного общества и экономики с нуля, как это делали люди в России. На пионеров коммунистическая идеология повлияла в меньшей степени, чем то, что их воображение захватил социальный эксперимент, проводившийся в огромной стране, похожий по своему характеру на тот, что проводился в Палестине, хотя и в другом масштабе. Издали строительный бум, индустриализация и электрификация, организационная дерзость, искоренение неграмотности, успехи в эмансипации женщин, борьба за права детей казались соответствующими стремлениям первопроходцев. Коммунистический режим, взявшийся отменить все формы дискриминации и выдвинувший евреев на руководящие должности, задел очень чувствительные струны в сердцах евреев во всем мире. Когда пионеры Палестины пели:

Наши лица [направлены] к восходящему солнцу,

¹¹⁴ Arakhim genuzim (Скрытые значения) / Ed. B. Katznelson, E. Broide. Tel Aviv: Ayanot, 1957, p. 111.

Наш путь снова поворачивает на Восток.
Мы с нетерпением ждем великого часа, —
они имели в виду и сионистские,
и социалистические идеалы¹¹⁵.

Пионеры Палестины считали себя частью революционного движения и ожидали, что Советский Союз протянет руку помощи. Проблема заключалась в том, что в 1920 году Коминтерн (Коммунистический интернационал) объявил сионизм реакционным, считая его союзником британского империализма против арабских масс, которые были оплотом прогресса на Ближнем Востоке. С тех пор история левых в Палестине (а позже и левых в Израиле) отмечена многочисленными попытками обелить сионизм перед Советами и доказать им его справедливость. Отношения между пионерами и «революционным миром» не были разорваны из-за неприятия Советов. Многие евреи, приехавшие из России и знавшие ее язык, любили русскую культуру. Но даже те, кто не знал языка, искали контакта с обществом будущего. Фильмы, журналы и книги на русском языке и в переводе питали миф о стране чудес, где строилось общество без эксплуататоров и эксплуатируемых. Плакаты Hashomer Hatzza'ir в Палестине копировали стиль «Огонька», иллюстрированного советского еженедельника. Социалистический реализм стал общепринятым стилем многих писателей поколения,

¹¹⁵ *Shenhar Y. Shir haherut* (Песнь свободы).

достигшего совершеннолетия к 1948 году. Члены молодежного движения с энтузиазмом пели патриотические русские песни в переводе на иврит. Берл Кацнельсон предупреждал, что казачья конница, о которой они пели, совершала еврейские погромы, но, несмотря на это, энтузиазм не угасал.

Два издательства, основанные движениями киббуцев – Sifriat Napoalim, созданное Hashomer Hatza'ir, и Hakibbutz Nameuhad, созданное одноименной организацией, – переводили на иврит популярную литературу и русские сочинения по марксизму-ленинизму (литература, которую молодое поколение почти не читало). В 1942 году Sifriat Napoalim опубликовало «Русскую поэзию», антологию лучших современных русских стихов, переведенных на иврит некоторыми из ведущих поэтов Палестины. Никто не заметил, что очень мало стихов советского периода было признано достойными включения. Такие произведения, как «Педагогическая поэма» Антона Семеновича Макаренко (в переводе поэта Авраама Шлэнского, пионера модернизма в еврейской поэзии), описывающая опыт воспитания и образования беспризорных детей, и «Белеет парус одинокий» Валентина Петровича Катаева о революции 1905 года, стали бестселлерами в Палестине¹¹⁶. Книги о Великой Отечественной войне вызывали восхищение героизмом русского народа в его борьбе с

¹¹⁶ *Makarenko A. S.* Напоема hapedagogit (Педагогическая поэма) / A. Shlonsky (trans.). Merhaviah: Sifriat Napoalim, 1939; *Kataev V. P.* Mifras boded malbin ba'ofek (A White Sail Gleams) / L. Goldberg (trans.). Merhaviah: Sifriat Napoalim, 1942.

нацистами. В рюкзаке каждого солдата Palmach был экземпляр книги Александра Бека «Панфиловцы»¹¹⁷, где описывался героизм части Красной армии при защите Москвы¹¹⁸. Не было никакого сходства между ценностями, прививаемыми этой книгой, и ценностями Palmach (например, в повести дезертир был казнен на глазах у своей части – никто в Palmach не мог даже подумать о таком), но это не помешало психологическому отождествлению с ними. Образ партизана, бойца, не нуждающегося в звании или униформе, командира, обращающегося со своими людьми на равных, был чрезвычайно убедительным в формировании норм Palmach. Он соответствовал открытости и искренности в отношениях, в отличие от застегнутого на все пуговицы формализма регулярной армии, которая считалась выражением милитаризма.

Сионистский призыв к «поколению пустыни» отложить удовольствие ради будущих поколений может показаться сходным с советским менталитетом, который без колебаний пожертвовал двумя поколениями ради революции. Существенная разница, однако, заключалась в том, что общество в Палестине было основано на свободе выбора; любой, кто не хотел принимать директивы коллектива, был освобожден

¹¹⁷ Повесть «Волоколамское шоссе» изначально называлась «Панфиловцы на первом рубеже».

¹¹⁸ *Bek A. Anshei Panfilov (Панфиловцы) / S. Even-Shoshan (trans.). Ein Harod: Hakibbutz Hameuhad, 1946.*

от них. В России такие люди оказывались в ссылке, в богом забытых местах. А в Палестине они переезжали жить в Тель-Авив.

В 1920-е годы Советский Союз представил проект, казавшийся альтернативой сионизму. Власти инициировали план сельскохозяйственной колонизации в Крыму для сотен тысяч евреев, обнищавших из-за разгрома среднего класса в России. Второй этап включал в себя план создания еврейской автономной области в Биробиджане на Дальнем Востоке¹¹⁹. Обе эти возможности пробудили воображение еврейских активистов во всем мире, поскольку они не только предлагали реальное решение для сотен тысяч евреев, но и говорили о советском признании еврейской нации. Британский писатель Израэл Зангвилл, один из первых сторонников Герцля, который стал территориалистом после разногласий по Уганде, но вернулся к сионизму после декларации Бальфура, восторгался широким размахом советских планов. Он утверждал, что Палестина такая же маленькая, как Уэльс, и не сможет удовлетворить потребности миллионов евреев. Joint вложил миллионы долларов в еврейские поселения в СССР, а Сионистская организация могла только с завистью смотреть на это. Энтузиазм, вызванный новым статусом евреев в СССР, привлек пионеров как из чис-

¹¹⁹ Существовало несколько проектов еврейской национально-территориальной единицы в СССР, в том числе в Беларуси и Крыму. Окончательно решение о локализации таковой на Дальнем Востоке было принято в 1928 г.

ла Gedud Ha'avoda, так и среди американских евреев-коммунистов. Счастливицам в конце концов удалось выбраться живыми, но большинство из них погибло в Холокосте, во время сталинских чисток или из-за лишений в отдаленных местах ссылки. Поскольку местные жители выступали против расселения евреев, а сами евреи предпочитали перестраивать свою жизнь в больших городах России, эти проекты не принесли долговременных результатов. Но в 1920-е годы они, казалось, представляли идеологическую и практическую альтернативу сионизму.

Общество ишува принято описывать как общество, в котором преобладал дух коллективизма, требующий от людей отказа от своей индивидуальности ради достижения великих национальных целей. И действительно, в отличие от общепринятых норм сегодняшнего индивидуалистического западного общества сила коллектива была значительнее, чем сила индивидуума. Однако, как и любое обобщение, это слишком упрощенное утверждение. Хотя целью национального движения было спасти всех евреев, оно должно было представить видение личного искупления, чтобы побудить людей к действию. Таким образом, на протяжении всего периода существовало противоречие между индивидуальным стремлением к искуплению и требованием, чтобы каждый человек принимал указания коллектива.

Участники Второй алии были крайне индивидуалистичны. Они иммигрировали в Палестину поодиночке, без под-

держки со стороны какой-либо организации, и сами по себе обосновались в стране. Сформулированные ими методы работы и идеология были самобытными и проистекали главным образом из их жизненного опыта в Палестине. В произведениях молодых людей, которые заново открыли для себя свою еврейскую идентичность, таких как поэтесса Рахель Блювштейн или писатель Цви Шац (соратник Трумпельдора), можно заметить сильный личностный акцент – в его или ее желаниях, страданиях и поисках души. Литература, переведенная на иврит участниками Второй алии, – это литература индивидуальности – например, поэзия Михаила Лермонтова, рассказы Герхарта Гауптмана, романы Федора Достоевского. Большое разнообразие культурных тенденций периода Второй алии говорит об открытости миру.

В 1920-е годы под влиянием большевистской революции коллективизм становился все более популярным. Среди участников Третьей алии, особенно в Gedud Ha'avoda, наблюдались коллективистские тенденции. Новоприбывшие иммигрировали в Палестину в составе групп, которые позже присоединились к централизованным организациям, подчеркивавшим приоритет общества над отдельным человеком. Члены Hashomer Hatza'ir, иммигрировавшие в Палестину, были приверженцами учений Фрейда и Густава Ландауэра, ярых индивидуалистов, которые ставили во главу угла личное возрождение. Но будучи уже в Палестине, они примкнули к марксистскому движению, принявшему «идеоло-

гический коллективизм», – это означало, что после бурных идеологических дебатов обычно принималась позиция исторического руководства движения (Яков Хазан и Меир Яари). Группы иммигрантов из Hechalutz и Betar, а также люди из рабочих молодежных движений Палестины в 1930-х годах культивировали преданность сообществу и подчинение индивидуальных желаний воле движения. Члены подполья и полувоенных формирований ишува признавали авторитет коллектива в виде нерушимого правила:

Мы все были призваны на всю жизнь.
Только смерть уволит нас из рядов.

Так выразился Авраам Штерн в сочиненном им гимне Lehi.

Таким образом, очевидно, что были идеалистические меньшинства, которые приняли то, что в то время было известно как «решение движения». Для движения, взявшего на себя задачу построения нации, существование таких меньшинств было жизненно важным. Вопрос в том, в какой степени эти нормы преобладали среди широкой публики и предполагал ли коллектив властью, чтобы заставить людей подчиниться ему. Общественные интеллектуалы, пропагандисты и педагоги – все они превозносили принявших догматы коллектива, хотя и с оговорками. Например, темы «возвышения человека» и важность личности были центральными

для молодежных движений Палестины. Литература, даже созданная поколением 1948 года, относилась к коллективизму неоднозначно. Главные герои рассказов о кибуце – Ma'agalot («Круги») Давида Малеца, Efraim hozer la'aspeset («Эфраим возвращается к люцерне») С. Изхара и Haderasha («Проповедь») Хаима Хазаза – все были выдающимися индивидуалистами, восставшими против общепринятых норм¹²⁰. Даже символический роман Моше Шамира Hu halakh basadot («Он ходил по полям»), который, как считается, выражает коллективистский дух, создает противоречие между стремлением Мики, главной героини, к личному счастью, и приверженностью коллективу главного героя, Ури.

Люди в то время осознавали напряженность между индивидуальным и коллективным. Они считали себя не подчиненными неизбежной власти, а скорее обладающими выбором. Интеллигенция, отождествляя себя с рабочим движением, поддерживала свои индивидуалистические идеалы и выражала их в своих произведениях. Удачным примером можно назвать Натана Альтермана, автора The Seventh Column («Седьмой колонки» – название, относящееся как к его еженедельной газетной колонке, так и к сборнику сти-

¹²⁰ Maletz D. Ma'agalot (Круги). Tel Aviv: Am Oved, 1945; Yizhar S. Efraim hozer Waspeset (Эфраим возвращается к люцерне) – впервые опубликовано в: Gilyonot (Листы) / Ed. Y. Lamdan. 1938. Перепечатано в виде книги в 1978 г. (Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad) и в 1991 г. (Tel Aviv: Zmora-Bitan); Hazaz H. Haderasha (Проповедь). Luah Ha'aretz, 1943, p. 82–96. Перепечатано, в частности, в: Avanim rotkhot (Бурлящие камни). Tel Aviv: Am Oved, 1946, p. 227–244.

хов, составленных из этой колонки) – политической поэзии в полном смысле этого слова, которая внесла свой вклад в формирование коллективистского духа, – и Kokhavim bahutz («Звезды снаружи»), сборника лирической индивидуалистической любовной поэзии. Популярность поэзии Альтермана среди молодежи демонстрирует ее полное отождествление с индивидуальным опытом и личным самовыражением.

Хотя общественный и политический дискурс создавал впечатление, что авторитет коллективного духа общепризнан, за этим общественным имиджем лежали индивидуалистические тенденции, которые не следовали «решениям движения». Люди на «горе» (гора Скопус, где располагался Еврейский университет) не соответствовали духу Эмека. Отсев в молодежных движениях даже до того, как их члены попадали в кибуц, был огромным. По прибытии в страну многие члены Hechalutz решили искать работу в Тель-Авиве вместо того, чтобы уезжать в сельскую общину. Не все, кто отправился в кибуцы, оставались жить там. Каждый раз, когда власти ишува призывали к массовым волонтерским акциям – зачислению в британскую армию, выплатам в Kofer Hayishuv (фонд для финансирования нужд безопасности) или в Magbit Hagiyus Vehahatzala (призыв о выделении средств для военных действий ишува в 1942 году), – было очень трудно заставить людей принимать решения сообщества без принуждения. Таким образом, изображение ишува, добровольно принявшего решения общины, кажется преуве-

личным и упрощенным, опуская пестрые оттенки мозаики ишува. Вспомним также, что до 1950-х годов во всем мире маятник между благом личности и благом нации склонялся в сторону национальных интересов. В то время, когда нации боролись за свое существование, как, например, во время Второй мировой войны, личные интересы везде были отодвинуты на второй план.

Развитие особой культуры ишува

Общество ишува обычно изображается превозносящим ручной труд, простых рабочих и презирающим интеллектуалов. Художники, писатели и поэты, входившие в Gedud Ha'avoda, говорили, что у них было ощущение, что они должны были скрывать свои интеллектуальные «слабости», чтобы не подвергаться насмешкам или не потерять свое положение. Но хотя некоторые люди сообщали об этом, сомнительно, чтобы их личный опыт в целом соответствовал действительности. Ишув унаследовал уважение как еврейских, так и русских традиций к писателю и поэту. Хотя ишув восхвалял ручной труд рабочего еще со времен Второй алии, он также высоко ценил интеллектуалов. Йосеф Хаим Бреннер жил в лагере Gedud Ha'avoda в Мигдале, и им глубоко восхищались, хотя большинство его товарищей, которых он учил ивриту, не были способны прочесть его рассказы. Ури Цви Гринберг, иммигрировавший в Палестину в 1924 году,

был встречен с энтузиазмом, и в следующем году был опубликован его сборник стихов *A Great Fear and the Moon* («Великий страх и луна»). Две рабочие партии, *Ahdut Ha'avoda* и *Napo'el Hatza'ir*, соревновались друг с другом в издании литературных журналов. Учитывая финансовые трудности, которые вызвало соперничество, это наглядно демонстрировало важность культурной жизни.

В 1920-е годы центр еврейской культуры переместился из России в Палестину. Ш. Й. Агнон, Ахад ха-Ам и прежде всего Хаим Нахман Бялик обосновались в Палестине и вновь приобрели известность и большое количество поклонников. В 1925 году Берл Кацнельсон начал издавать *Davar*¹²¹, ежедневную газету *Histadrut*, и пригласил интеллигенцию ишува сотрудничать в ней. Другой пример, показывающий, что интеллигенции придавалось большое значение, – это особые отношения между рабочим движением и Еврейским университетом. Многие члены *Brit Shalom* (см. главу 3) были преподавателями университета. По мере усиления борьбы между арабами и евреями его положение как мирного союза становилось все более маргинальным. Контраст между двумя позициями – лекторов *Brit Shalom* и студентов – был особенно острым. Тем не менее диалог между *Brit Shalom* и руководством рабочего движения продолжался на протяжении всего периода существования ишува. Первые считались достойными собеседниками, которых нельзя исключать из си-

¹²¹ Слово (*ивр.*).

онистского движения, даже когда их мнение противоречило позиции руководства Еврейского агентства.

Невозможно переоценить значение деятелей культуры в формировании общества ишува. Бреннер и Гордон стали провозвестниками рабочего движения; молодежные движения использовали их произведения для просвещения своих членов. Бялику, национальному поэту, дозволялось критиковать любое событие, происходившее в еврейском мире и в ишuve. Такие писатели и поэты, как Ури Цви Гринберг, Авраам Шлёнский, Элиэзер Штейнман, Александр Пэнн, а после них Натан Альтерман, Йонатан Ратош, С. Изхар, а также писатели и поэты поколения 1948 года получили особый статус в ишuve, сродни положению интеллигенции в русском или французском обществе. В среде правых ревизионистов Ури Цви Гринберг носил мантию поэта-пророка, предвидящего будущее. В 1940-х годах «Седьмая колонка» Альтермана, выражавшая дух ишува и его устремления, считалась настоящим рупором своего времени. Альтерман, не колеблясь, говорил голосом гуманистической морали, критикуя действия и ошибки левых и правых, а своей яростной и сильной критикой британской политики он снискал себе настоящую славу в ишuve.

Рабочее движение сионистов превозносило того, кого называло «культурным рабочим», – рабочего, бывшего также потребителем культуры, – и прилагало все усилия, чтобы сократить разрыв между интеллектуалами и рабочими физиче-

ского труда. Хотя эта миссия так и не была выполнена, намерение, стоящее за ней, опровергает утверждение об антиинтеллектуальных тенденциях внутри движения. В публичных библиотеках рабочих кружков был широкий круг читателей, читавших книги на иврите, комнаты досуга были заполнены читателями газет и журналов. Концерты филармонического оркестра у источника Харод, популяризация хоров и других музыкальных мероприятий в кибуцах демонстрировали стремление к красоте и культуре, которое сохранялось даже в условиях материальных трудностей. Публичность всех этих культурных мероприятий говорила об их важности в глазах руководства. Герцль полагал, что чрезмерное количество еврейской интеллигенции было одной из причин антисемитизма. Но даже если новый еврей в теории должен был избавиться от чрезмерной духовности, приписываемой еврейскому интеллектуалу (в отличие от рабочих, которые зарабатывали на жизнь физическим трудом), все же богатая духовная жизнь, развивавшаяся в маленьком ишуве и превратившая его в центр еврейской культуры, свидетельствует о том, что в данном вопросе расхожие представления были далеки от реальности.

У образцового первопроходца с мотыгой и винтовкой было еще одно качество: он говорил на иврите. В учебных центрах в диаспоре приоритет при иммиграции отдавался тем, кто знал иврит. Эта политика демонстрировала огромное значение, придававшееся языку и культуре, проистека-

ющей из него, для формирования нации, согласно европейской националистической традиции, в которой язык был основным символом существования нации. Иврит возобладали как в светских, так и в религиозных образовательных учреждениях Мизрахи в Палестине благодаря «войне языков», разразившейся к концу периода Второй алии. Только ультра-ортодоксы использовали идиш в качестве языка обучения. В мандатный период представители ишува ратовали за признание иврита в качестве официального языка наряду с арабским и английским, и в значительной степени им это удалось. Статус иврита был символически отражен в названии страны, которая стала известна как Палестина-Эрец-Исраэль – своего рода компромисс между требованиями евреев признать историческое еврейское наследие страны и яростным сопротивлением арабов этому.

Хотя ишув стал мировым центром ивритской культуры в 1920-х годах, это не обеспечило преобладания иврита как разговорного языка. Каждая волна иммиграции приносила с собой родные языки иммигрантов. Типичным еврейским языком был идиш, любимый родной язык всех поборников иврита. После Черновицкой языковой конференции 1908 года, посвященной идишу, и в целом с 1920-х годов идиш и иврит соревновались друг с другом за сердца и умы евреев. Когда процветала художественная литература на иврите, на идише также появилась беллетристика. Таким образом, по мере того как ивритская литература опускалась от священ-

ной к светской, идиш поднимался со статуса народного языка к языку высокой культуры. Социалистические движения Бунда и фолькистов, которые боролись за еврейскую автономию в Восточной Европе, позиционировали идиш как язык еврейских масс, а иврит как реакционный священный язык образованной еврейской элиты, оторванной от жизни простых людей. После большевистской революции Коммунистическая партия создала Евсекцию¹²² (еврейскую секцию), отвечавшую за еврейскую культуру в России. Отождествляя иврит с сионизмом, она подавляла и то и другое, запрещая их в СССР.

Однако сионистское движение не запрещало идиш. *Nechalutz* вело свою деятельность в Польше в основном на идише, поскольку большинство кандидатов на иммиграцию не знали иврита. Бен-Гурион, заклятый гебраист, который использовал этот язык еще до иммиграции в Палестину, на предвыборных митингах в Польше говорил на идише. Он поступил так же, когда совершил поездку по лагерям перемещенных лиц в Германии после Второй мировой войны. Но до тех пор, пока левые несионисты связывали идиш с политическим неприятием сионизма, делая его соперником ивritу, два еврейских языка, казалось, соперничали друг с другом.

¹²² Название еврейских секций в РКП(б) – ВКП(б), существовавших в 1918–1930 гг., образованное по аналогии с другими национальными отделами партии. Главной задачей Евсекции было распространение коммунистической идеологии «на еврейской улице». Термином «Евсекция» в литературе обычно называют Центральное бюро еврейских секций.

В Палестине с началом массовой иммиграции усилились стремления сделать иврит преобладающим разговорным языком. Легион защитников языка был сформирован в Тель-Авиве; его члены порицали людей, публично общавшихся на идише. Это случалось с Бяликом, любившим говорить на идише, а не на иврите, который, по его словам, не скатывался с языка. В 30-е годы XX века фанатики иврита столкнулись с другой проблемой: большинство иммигрантов из Германии говорили только по-немецки и не проявляли особой склонности к изучению иврита. Фанатики утверждали, что немецкие евреи не должны разговаривать на языке нацистов на улице. Этот излишний фанатизм только усложнял новую жизнь иммигрантам.

Молодое поколение выучило иврит и относительно свободно говорило на нем, что свидетельствует о том, что другие языки имели лишь временное влияние. Тель-Авив, арена проявления ненужного фанатизма, проявлял терпимость к иностранным языкам в одной примечательной области – названиях улиц. Несмотря на то что Тель-Авив известен как «первый еврейский город», он почтил память отцов-основателей сионизма, его писателей и поэтов, а также выдающихся евреев в истории, не обращая внимания на их нееврейские имена. В конце концов дебаты об идише и иврите прекратились с уничтожением миллионов евреев – носителей идиша – в Восточной Европе. В СССР культура идиша была уничтожена в конце 1940-х годов вместе со своими сторонниками,

а в США она просто исчезла с уходом старшего поколения.

Прославление пионеров как идеальных представителей движения рабочего сионизма было частью разносторонних попыток превратить палестинское общество в альтернативу буржуазному обществу. Зародышами этого утопического общества были трудовые поселения, образ жизни в которых полностью соответствовал идеалу. Но большинство рабочих в Палестине жили в городах и лишь частично отождествляли себя с рабочей идеологией. Их привлекали соблазны города и свойственный ему гедонизм, буржуазный образ жизни. Однако их верность рабочим идеалам движению и принятие подобной идеологии в качестве основы для строительства страны были жизненно важны для движения, стремившегося укрепить политическую гегемонию, опираясь на массовую поддержку.

Социализация рабочих и их семей в духе господствующего этоса осуществлялась как прямо, так и косвенно. Их приглашали посещать уроки иврита и вечерние занятия для взрослых и рабочей молодежи, чтобы повысить уровень образования. Ежедневная газета Davar была задумана с целью донести левое сионистское мировоззрение до каждого дома. В 1930-е годы вышел в свет Davar Liyeladim (детский Davar), первоклассный еженедельник, предназначенный для просвещения поколения юных читателей. Время от времени Davar публиковал книги, соответствующие сионистско-социалистическому мировоззрению – газета рас-

пространяла их со скидкой среди подписчиков. В начале 1940-х годов развитие пропаганды через печатную продукцию завершилось созданием издательства Am Oved («Трудящийся народ»). В отличие от издательств Hashomer Hatzah'ir и Hakibbutz Hameuhad, главными целями которых были марксистская идеологическая обработка и воспитание доброжелательного отношения к СССР, Am Oved следовало литературным вкусам своих читателей, делая упор на еврейскую тематику и отождествляя себя с еврейским народом. В 1928 году театр Habima прибыл из России и обосновался в Тель-Авиве. Несмотря на всеобщее восхищение Habima, Histadrut основала театр Ha'ohel, который позиционировался как рабочий театр, часть альтернативного общества. Спортивное общество для рабочих Наро'el подчеркивало различие между собой и спортивным обществом представителей среднего класса, Maccabi. В первые годы своего существования Наро'el не поощряло соревновательные виды спорта, а сосредоточилось прежде всего на зрелищных. С годами различия между двумя организациями стирались, но Наро'el сохранило верность левых болельщиков, которые отождествляли себя с его командой и приходили на футбольные матчи в красных рубашках – очевидным классовым символом.

В дополнение к таким услугам, как больничная касса и биржа труда, Histadrut строила «жилье для рабочих» – уютные, хорошо спланированные кварталы с большими зелеными насаждениями между зданиями. Она также строила шко-

лы для детей рабочих, образование в которых подчеркивало важность ручного труда, привлекая учащихся к работам в огороде и с домашним скотом и прививая ценности трудового движения. Эти жилые комплексы и школы предназначались в основном для семей чиновников и постоянных рабочих – рабочей элиты. Бедные рабочие не могли позволить себе такое жилье и обычно отправляли своих детей в общеобразовательные школы. Но попытка создать рабочее сообщество, в котором рабочие жили бы рядом друг с другом и усваивали одни и те же манеры и нормы поведения, имела решающее значение для формирования их самосознания как носителей иной культуры.

Эта культура имела свои черты и символы. В одежде подчеркивалась пролетарская сдержанность: простая синяя хлопковая рубашка, которую предпочитали участники молодежного движения («Синяя рубашка лучше любых украшений», – пели они); косоворотка, носимая по праздникам, например в канун субботы; женский сарафан и длинные косы; шорты цвета хаки бойца Palmach; шапка-тембель кибуцника; фуражка городского рабочего. В канун субботы обычно устраивали танцы. Кибуцы и молодежные движения предпочитали хороводные танцы (хоры), которые не требовали особого мастерства и позволяли присоединяться к ним одиноким людям. Хоры кружились с невероятной скоростью под звуки хасидских мелодий, подчеркивая связь между религиозным и светским началом. Одобрялись парные танцы на

русские мелодии, поскольку они были «народными танцами», которые якобы воскресили из забвения подлинную масовую культуру в духе возрождения традиций европейских националистических движений. Многочасовое пение создавало чувство принадлежности к сообществу и общим ценностям. Здесь также упор делался на равенство; хор преобладал над самоуверенными солистами. Праздничные церемонии продумывались таким образом, чтобы в представлении участвовало как можно больше детей. Эта практика привела к «инсценировкам» – чтению текстов по очереди, не требующему ни актерского мастерства, ни вокального таланта. Одним из самых популярных отрывков было стихотворение Ицхака Ламдана Masada («Масада»), описывающее беженцев, спасающихся от погромов 1920 года на Украине в Палестину, сопротивляясь соблазну красных чар. «Открой свои ворота, Масада, и я, беженец, войду!» – провозглашает Ламдан, для которого Масада символизировала не разрушение, а возрожденную Палестину. Он взывает: «Никогда больше не падет Масада!»¹²³

Еврейский календарь предоставлял широкие возможности для применения религиозных символов в светском мире и адаптации их к потребностям трудовых поселений. Таким образом, праздники Суккот (Кущей), Песах и Шавуот (Пятидесятница) стали сельскохозяйственными. В каждом уважающем себя кибуце была своя церемония *bikurim* (сбора пер-

¹²³ *Lamdan Y. Masada. Tel Aviv: Dvir, 1952.*

вых плодов), с процессией, демонстрирующей все достижения кибуца в сфере сельскохозяйственной продукции и животноводства, а также новейшую сельскохозяйственную технику. Эти фестивали породили музыкальные и танцевальные традиции. Стены столовой были декорированы в соответствии с художественными талантами участников. Пасхальный седер¹²⁴ был большим праздником, проводившимся в обеденном зале за столами, покрытыми белыми скатертями, с традиционной пасхальной Агадой¹²⁵, замененной местной письменной версией, отражающей дух времени и его проблемы и включающей чтение литературных отрывков и пение.

Однако героическая попытка создать альтернативное общество и изобрести для него подходящие культурные образцы так и не преодолела соблазнительную силу буржуазной современности. Культурные нормы мелкой буржуазии существовали и процветали наряду с нормами социалистического сионизма. В Тель-Авиве, центре буржуазного общества, в 20-е годы прошлого века иммигранты из Польши построили множество «домов мечты». Эти дома должны были сочетать архитектуру Востока и Запада, но на самом деле представляли собой странное и необычное сочетание эклектиче-

¹²⁴ Ритуальная семейная трапеза в праздник Песах.

¹²⁵ Сборник молитв, благословений и других текстов, содержащих в себе описание ритуала проведения праздника Песах и рассказы об исходе евреев из Египта.

ских стилей, которое выражало стремление тель-авивской буржуазии к жизни в комфорте и роскоши. Некоторые районы Тель-Авива могли похвастаться последними архитектурными новинками – они были построены в 1930-х годах в стиле баухаус с просторными квартирами.

С тех пор как во время Второй алии в Тель-Авиве было построено первое кафе, этот город проявил явную тенденцию к гедонизму и жизнерадостности. Еще в 1920-х, а тем более в 1930-х годах в витринах магазинов на главных магистралях была представлена последняя парижская мода. Кафе и рестораны были переполнены. Культурная и политическая элита предпочитала встречаться в буржуазных кафе, а не на рабочих кухнях или в скромных культурных центрах. На набережной Тель-Авива теснились кафе, где играли оркестры, так что посетители могли танцевать бальные танцы, такие как танго и вальс, в лучших европейских традициях. Резкий контраст между аскетическим образом жизни трудового поселения и открытым гедонизмом города вызывал резкую критику в адрес Тель-Авива, само существование которого было постоянным искушением для пионеров, вынужденных отказываться от радостей жизни, чтобы построить нацию. Очень немногие городские рабочие могли устоять перед притяжением буржуазного гламура.

Досуговая культура Тель-Авива привлекала как средний, так и рабочий класс. Широкие массы посещали пляж, соответствующий их пожеланиям и размеру их кармана. Реклам-

ные щиты приглашали публику на культурные мероприятия, от вечеров Oneg Shabbat (букв. субботняя радость, встреча субботы), проводимых Бяликом в качестве выражения высокой еврейской культуры, которую стремилась взрастить интеллигенция, до сатирических театров, таких как Kumkum и Matateh. Самым популярным развлечением было кино, даже несмотря на то, что сторонники высокой культуры выступали против него, считая его легкомысленным способом бегства от реальности. Шествия Адлояда, сопровождающие праздник Пурим (название происходит от раввинистического изречения, что на Пурим следует пировать до такого состояния, что «уже не помнишь себя» – *ad delo yada*¹²⁶), были образцом яркой развлекательной культуры, характерной для Тель-Авива и привлекавшей тысячи людей. Во время фестиваля улицы были заполнены гостями со всей страны, в том числе из трудовых поселений, приезжавшими пощеголять в костюмах и насладиться атмосферой карнавала. Даже арабы из соседнего Яффо любили гулять среди счастливой толпы.

Ярмарка Востока, впервые открывшаяся в 1932 году, дала возможность продемонстрировать промышленные и сельскохозяйственные достижения страны. На открытии присутствовали все ведущие лица страны. Тель-Авив зарекомендовал себя как экономическое и производственное сердце Палестины, не менее важное чем трудовые коммуны. Однако

¹²⁶ Не сможет различить фразы «будь проклят Аман» и «да здравствует Мордехай».

на молодую американскую студентку, приехавшую в Палестину в октябре 1947 года, большее впечатление произвели различия между Тель-Авивом и Иерусалимом, где она жила: «Тель-Авив очень далек от провинциального Иерусалима, он очень сложен и космополитичен, с легким еврейским акцентом». Город напомнил ей Кони-Айленд: «В нем есть что-то карнавальное: огромные вывески, ревущие звуки, смеющиеся лица, шумные дети и яркие цвета»¹²⁷.

В Тель-Авиве проводились массовые мероприятия. Залы в городе были маленькими и душными, открытая площадка в средиземноморском климате более привлекательна для своего рода уличного театра. Политические митинги под открытым небом продолжались часами, зрители стояли и жадно слушали выступающих. Жара, липкие от пота тела и столпотворение не смущали сотни и тысячи сторонников. В дотелевизионную эпоху политический митинг был единственной прямой формой контакта между общественностью и ее лидерами. Посещение этих мероприятий демонстрировало солидарность с организаторами, а также готовность приобщиться на несколько часов к решению политических вопросов. Такой митинг был одновременно политическим заявлением и своего рода развлечением, поскольку политические лидеры были первоклассными ораторами, знавшими, как привлечь внимание публики.

¹²⁷ *Porath Zipporah. Letters from Jerusalem, 1947–1948. Scranton: Temple Israel, 1998, p. 31.*

Первомай стал поводом для массовых демонстраций Histadrut и левых партий. Руководство Histadrut, профсоюзы, рабочие (особенно те, которые принадлежали hevrat ha'ovdim, или обществу рабочих), кибуцы и молодежные движения – все они обеспечивали присутствие своих членов. Размахивали красными флагами и произносили зажигательные речи, после чего публика спокойно расходилась. В день Тель Хай (одиннадцатый день еврейского месяца Адар), посвященный Трумпельдору и его товарищам, павшим при защите поселения Тель-Хай в 1920 году, молодежные движения проходили маршем по улицам города, причем те, кто был в коричневой форме Betar, маршировали отдельно от тех, кто носил синие рубашки. В то время как Первомай символизировал солидарность с рабочим движением во всем мире, день Тель Хай – сионистскую борьбу за Палестину. Betar выделяло миф о Трумпельдоре-воине, который, умирая, прошептал: «Хорошо умереть за свою страну!» Те, кто был в синих рубашках, подчеркивали, что Трумпельдор был пионером, человеком, возделывавшим свою землю. Лозунг «Нельзя отказываться от того, что мы построили», выдвинутый одним из павших при защите поселения Тель-Хай, стал центральным элементом в идеологии рабочего движения.

Торжественное шествие молодежных движений на Хануку показало, как преобразился этот праздник. Традиционный праздник маленького кувшина с маслом превратился в праздник героизма. Доблесть Маккавеев вдохновляла от-

цов-основателей сионизма и их мечту изменить образ жизни евреев. «Маккавеи снова восстанут», – заявлял Герцль¹²⁸. Когда Бялик хотел подчеркнуть убожество евреев во время кишиневского погрома, он сравнил их трусость с героизмом их предков-Маккавеев. А в стихотворении *They Say There Is a Land* («Говорят, что есть земля») Черниховский провозглашает: «Ты – Маккавей!»¹²⁹

Чуда не случилось с нами,
Мы не нашли кувшина с маслом,
Мы продирались через скалы, пока не истекли кровью
И воссиял свет!

Так пела сионистская молодежь, противопоставляя себя тем, кто верил в чудесное возрождение¹³⁰. Популярными оставались традиционный ханукальный волчок и блины, но в целом праздник приобрел общественное значение, призванное продемонстрировать историческую традицию героизма на Святой земле.

В Тель-Авиве прошли и крупные национальные похоро-

¹²⁸ *Herzl Binyamin*. *Medinat hayehudim* (Еврейское государство). Jerusalem edition: Jewish Agency, 1986, p. 75.

¹²⁹ Эта конкретная строка появляется в первом наброске поэмы, датированном 1923 г. *Kol kitvei Shaul Tschernichovsky* (Собрание сочинений Саула Черниховского). Tel Aviv: Am Oved, 1990. Vol. 1: Poems and Ballads, p. 253–255.

¹³⁰ *Aharon Z. Anu nos'im lapidim* (Мы несем факелы) // *Shirei Hanukkah: kovetz shirim miet malkhinim umehabrim shonim* (Ханукальные песни: сборник песен разных композиторов и авторов текстов). Tel Aviv: Renen, 1971.

ны. Эта традиция началась с похорон людей, погибших в беспорядках 1921 года, в том числе всеми почитаемого писателя Йосефа Хаима Бреннера. Она возобновилась в связи с похоронами убитого Хаима Арлозорова, главы политического отдела Еврейского агентства (1933), и продолжилась похоронами Бялика, мэра Тель-Авива Меира Дизенгофа, Берла Кацнельсона и многих других. Устраивались массовые похороны деятелей культуры в знак уважения к усопшим и в честь тех идеалов, которые они отстаивали. Похороны жертв беспорядков дали возможность выразить солидарность с трудящимися или правыми. Аналогичную цель преследовали массовые демонстрации против правительства мандата. Особого внимания заслуживают протестные демонстрации против Белой книги в 1939 году и послевоенные демонстрации с требованием открыть ворота Палестины под лозунгом «Свободная иммиграция! Еврейское государство!».

Система образования работала над тем, чтобы привить молодому поколению приверженность сионистской идее. Каждую пятницу дети приходили в школу с пожертвованнием в Еврейский национальный фонд, которое они помещали в Голубую копилку¹³¹ ЕНФ. Класс, собравший больше всего денег, получал награду, а песни на сопутствующей церемонии подчеркивали важность этих пожертвований для выкупа земли. Одним из уроков начальных классов была «Родина», охватывавшая географию, климат и флору страны. На

¹³¹ Копилка для сбора денег на приобретение земли в Палестине.

первой странице тетради, куда дети записывали песни о Палестине, которые выучили в том году, была изображена карта Палестины. Детские книги подчеркивали связь со страной. Одна из популярных книг называлась *Our Land, You Are Beautiful* («Наша земля, ты прекрасна!»). Учебники пестрели такими словами, как «родина» и «наша земля». Дети пели:

Как солнце светит на горе,
И как в долине поутру блестит роса,
Мы любим тебя, наша Родина,
Радостью, песней, трудом.
От склонов Ливана до Мертвого моря
Мы вспашем твои поля.
Сажайте, обрабатывайте и стройте для себя,
Чтобы она стала прекрасной.

Не подвергалось сомнению, что песня олицетворяет именно землю, а не нацию¹³². Праздник посадки деревьев отмечался пятнадцатого числа еврейского месяца шват¹³³. Согласно представлениям сионистов, арабы уничтожили леса страны, вызвав эрозию почвы. Теперь евреи пришли, чтобы вернуть Палестине былую красоту земли, текущей молоком и медом, поэтому необходимо сажать деревья. На церемонии посадки деревьев, проводившейся детьми детского сада

¹³² *Alterman N. Shir boker* (Утренняя песнь).

¹³³ Имеется в виду современный праздник Ту би-шват.

и начальной школы, всех объединял лозунг «Заставь пустыню цвести!».

Школы и молодежные движения организовывали поездки к историческим местам, таким как могилы Маккавеев в Модине, в Масаду и в Тель-Хай. В каждой поездке говорилось о героической истории этих мест. Песни, которые участники пели во время поездок, тексты, читаемые на местах боевой славы, физические нагрузки во время прогулок, отождествление себя с группой сверстников, чувство единства и принадлежности к единому целому – все это вместе способствовало тому, чтобы в души подростков глубоко запала любовь к стране, ее пейзажам и ее истории. Отождествление себя с конкретной землей, ее жарой, пылью и горными источниками было новым для детей, родившихся и выросших в Палестине. Поколение их родителей не знало этого. Благодаря еврейской истории и сионистской идеологии они стали ощущать себя хозяевами страны. Они не тосковали по другим пейзажам. Для местных детей быть хозяевами земли было само собой разумеющимся. Это была их родина – другой они не знали. Если во время своих экскурсий им встречались арабские деревни, они воспринимали их как часть пейзажа – возможно, это было причиной некоторого напряжения и чувства опасности, из-за чего волнение от поездки усиливалось, но они не считали арабов претендентами на владение страной.

Если бы среди людей ишува после Второй мировой вой-

ны был проведен опрос о сионистских идеалах, можно предположить, что большинство из них высказало бы стандартные формулировки о «ниспровержении пирамид» и создании рабочего класса в Палестине, важности первопроходцев, чудесной молодости страны, злобе британцев и отсталости арабов. Они, вероятно, осудили бы нанимателей арабской рабочей силы и потребовали бы свободной иммиграции в Палестину. Если бы их спросили, готовы ли они посвятить свое время и свою жизнь достижению национальных целей, многие заявили бы о своей готовности и желании. Можно также предположить, что они выразили бы веру в сионистское руководство во главе с Давидом Бен-Гурионом и проявили бы готовность последовать за ним. На первый взгляд этот опрос показал бы преобладание сионистско-социалистической идеологии в ее умеренной форме в духе Мараи. На сознательном уровне общественного дискурса, пропаганды и просвещения это было всеобщее мировоззрение, принятое не только левыми, но и центром, и даже правыми. Совершенно другой вопрос, насколько этим мировоззрением руководствовались в повседневной жизни.

III

1948–1967

Строительство нации

7

Война за независимость, 1947–1949

Ночь 29 ноября 1947 года, после голосования Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о разделе Палестины, была отмечена спонтанным изъятием радости. Толпы танцевали на улицах, благодарственная молитва Hallel возносилась в синагогах, специально открытых посреди ночи, а дети усыпали цветами зловещие британские бронемашины. Одним из тех, кто не принимал участия во всеобщих торжествах, был Давид Бен-Гурион. Будучи реалистом, он осознавал кровавые потери, которые принесет создание еврейского государства. Годом ранее, на Двадцать втором сионистском конгрессе, он посоветовал руководству службы безопасности ишува держать еврейские силы под контролем и избегать конфронтации с британцами, поскольку вскоре будет объявлено государство, что повлечет за собой войну не только с арабами Палестины, но также и с ре-

гулярными войсками арабских государств.

В то время государства – члены Лиги арабских государств, созданной к концу Второй мировой войны для формирования объединенного арабского фронта, были еще далеки от принятия какой-либо резолюции о военном вмешательстве в Палестину. Оценка Бен-Гуриона была основана не на достоверной информации, а скорее на оценке существующей динамики в Палестине и арабских государствах, которая в конечном итоге приведет к вторжению последних в Палестину. В июле 1945 года это же понимание заставило его созвать конференцию богатых и выдающихся евреев в Нью-Йорке и убедить их предоставить Исполкому ВСО средства, необходимые для покупки оборудования для производства оружия из избытков армии США, продававшихся как лом. Он сказал им, что борьба в Палестине больше не будет вестись исключительно против арабских банд, но против арабских армий, и поэтому крайне важно создать еврейскую оружейную промышленность в Палестине.

Еврейский энтузиазм по поводу резолюции ООН происходил из того факта, что народы мира признали право еврейского народа на суверенное государство в Палестине. Но помимо этого, было ощущение, что «здесь произошло великое чудо», как говорится в ханукальной истории. Это ощущение чуда, которое позже было распространено на все события 1948 года – «года чудес», – преобладало, потому что, вопреки ожиданиям англичан и арабов, и Восточный, и Западный

блоки поддержали проект резолюции. Как мы видели, Советский Союз и Коминтерн яростно выступали против сионизма и враждебно относились к еврейскому национализму. В феврале 1947 года, когда британцы решили покинуть Палестину, они предположили, что Организация Объединенных Наций не достигнет обязательной резолюции по Палестине, для которой требовалось большинство в две трети голосов, из-за противодействия Советского Союза. Но вместо этого Советы воспользовались этой возможностью, чтобы подорвать позиции Великобритании на Ближнем Востоке и ускорить ее уход из Палестины, поддержав создание еврейского государства.

В апреле 1947 года постоянный представитель СССР при Организации Объединенных Наций Андрей Громыко выступил с речью в поддержку решения палестинского вопроса, в котором признаются права евреев, а также катастрофа, постигшая их во время Второй мировой войны. Хотя он выразил предпочтение единому двунациональному государству, он описал евреев как нацию, достойную собственного государства, и поднял вопрос о возможности раздела Палестины и создания в ней двух государств, одного еврейского, а другого арабского. Эта речь знаменовала изменение позиции СССР, и 29 ноября СССР и его сателлиты проголосовали за разделение. Это было «великое чудо», поразившее как союзников, так и врагов. Евреи были склонны объяснять изменение советского положения следствием Холокоста; неко-

которые даже говорили, что Сталин явно выразил свое намерение поддержать еврейское государство в качестве компенсации за то, что евреи перенесли во время войны. Исторические исследования отвергли это объяснение. Ни моральные принципы, ни историческая справедливость не побуждали великие державы проголосовать за резолюцию о разделе. Каждый руководствовался своими интересами.

То, что евреям казалось божественным чудом, признаком существования глобальной системы правосудия, было воспринято арабами как вопиющая несправедливость, судебная ошибка и акт принуждения. Их призывали согласиться на раздел страны, которая всего 30 лет назад считалась арабской, и на создание в ней еврейского государства. Для них признание национальных прав евреев в Палестине было невыносимым, и единственным возможным ответом было вооруженное сопротивление.

В основе этих различий в восприятии лежало то, что позже проросло в противоположные еврейские и палестинские нарративы о войне 1948 года. Названия, данные войне, отражают этот резкий контраст. Бен-Гурион назвал ее *Milkhemet Nakommemit*, фразой, которая буквально переводится как «Война за суверенитет», но фактическое значение которой несколько расплывчато, и его трудно передать. Наиболее близка по смыслу фраза на русском языке – «Война за независимость», отражающая самое важное изменение, которое произошло в результате этого, – достижение еврейского су-

веренитета. Бойцы Palmach – предшественника и передовой части новой израильской армии – называли это «Войной за освобождение», как если бы это была еще одна антиколониальная война, ведущая к освобождению от ига иностранного правителя, в данном случае британцев. Однако война велась не против британцев, а против арабов. Это была не освободительная война, а война между двумя народами, стремящимися к контролю над одним и тем же участком земли. Со своей стороны, арабы называли войну нейтральной фразой «Война 1948 года», подразумевая, что это была лишь одна из серии войн, которая велась и будет вестись. Меньше внимания уделялось самой войне, ее причинам и ходу, так как, согласно их точке зрения, наиболее важен был результат – потеря Палестины как государства и изгнание примерно 700 000 палестинцев. Для них это была Nakba (катастрофа).

Игроки драмы «Война за независимость», естественно, не знали того, что мы знаем сегодня. Их озарения и реакции наряду с их действиями и бездействием происходили в лучшем случае в ситуации нехватки разведывательных сведений и в худшем – полного их отсутствия. Решения были приняты на основании необоснованных предположений. Так, например, евреи не верили, что британцы действительно и по-настоящему намеревались эвакуироваться из Палестины. Некоторые вообще не верили в это и нашли доказательства *prima facie*¹³⁴ тайного британского заговора с целью уничтожения

¹³⁴ На первый взгляд.

ишува, в то время как другие колебались между полной и частичной верой. Это ошибочное предположение также поддерживало мнение, что британцы стремились создать ситуацию, в которой побежденные евреи будут умолять их вернуться и возобновить правление в Палестине, не делая никаких уступок евреям или поддерживая национальный очаг. Фактически британская политика в Палестине с 29 ноября 1947 по 15 мая 1948 года, в период так называемого межобщинного конфликта, определялась прежде всего необходимостью обезопасить пути вывода войск из Палестины и постепенный демонтаж военной и гражданской инфраструктуры. После вторжения арабских государств евреи не поверили утверждениям Великобритании, что она фактически ввела эмбарго на поставки оружия на Ближний Восток. Они не знали, что британское правительство отвергло все просьбы обойти эмбарго и что у Арабского легиона, главного военного противника евреев на центральном фронте, закончились боеприпасы и он находится в отчаянном положении.

Другой пример: осведомленность евреев в то время не соответствовала нашему нынешнему пониманию ситуации относительно мощности еврейских и арабских сил. Арабское население к западу от реки Иордан было вдвое больше еврейского населения. Хотя британцы старательно охраняли береговую линию и не позволяли оружию или боевикам достичь берегов страны, их армия не могла блокировать сухопутные границы, а арабы могли без особых усилий пере-

правлять оружие и боевиков по суше из арабских государств. Арабская освободительная армия Лиги арабских государств во главе с Фавзи аль-Кавукджи пересекла границу еще до того, как британское правление в Палестине закончилось. Решимость и самоуверенность (не говоря уже о хвастовстве) арабских СМИ и представителей палестинского национального движения создавали впечатление, что они обладают реальным военным потенциалом, что вызывало беспокойство.

30 ноября 1947 года арабы инициировали столкновения, которые разожгли войну между двумя национальными общинами: массовые беспорядки в новом коммерческом центре Иерусалима с поджогами и разграблением еврейских магазинов. Слабый ответ от Hagana не сулил ничего хорошего в будущем. Дороги, связывавшие еврейские поселения по всей стране, внезапно стали опасными, поскольку проходили через арабские деревни. Единственным исключением стала дорога Тель-Авив – Хайфа. Изолированные поселения попали в осаду. Дорога в Иерусалим была заблокирована иррегулярными палестинскими подразделениями. В первый месяц боев было убито около 250 евреев – примерно половина всех потерь среди евреев за три года арабского восстания (1936–1939). Боеспособность арабов казалась серьезной, а их военные ресурсы безграничными.

Сегодня мы знаем, что с началом военных действий палестинское арабское общество начало распадаться. Правя-

щие элиты не могли назначить ни гражданскую, ни военную власть. Арабские ополчения не превратились в армию. В стране царил хаос, и богачи бросились уезжать в соседние арабские государства. По мере того как после краха гражданской власти в городах воцарилась анархия, люди среднего класса стремились последовать за высшим классом и покинуть Палестину или, по крайней мере, перебраться в холмистые, населенные арабами районы. По мере того как евреи переходили в наступление и боевые действия усиливались, началась паника, и все, кто мог бежать, бросились наутек.

Несомненно, арабские страны с десятками миллионов жителей обладали огромным военным потенциалом. Их пропагандистская машина заявляла о своем намерении загнать евреев в море – другими словами, к тотальной войне. На самом деле, однако, во вторжении в Палестину приняли участие не более нескольких десятков тысяч плохо экипированных, частично обученных солдат. Их командование было отсталым, и каждая армия руководствовалась своими собственными интересами. Координация и центральное командование отсутствовали. До июля 1948 года вторгшиеся армии имели численное превосходство, но после молодая Армия обороны Израиля (ЦАХАЛ или АОИ) сумела организовать и бросить в бой достаточно войск. В то время никто не мог знать, что палестинское общество рухнет, что британцы не будут вмешиваться, что арабские армии обладают лишь ограниченными боевыми возможностями и что суще-

ствуется огромная разница между риторикой и реальностью. Израильская разведка все еще находилась в зачаточном состоянии, полевая разведка была в лучшем случае примитивной, а оценки ситуации основывались больше на слухах, чем на анализе фактов на местах. Следовательно, война запечатлелась в памяти современников как война до самого конца, борьба за само существование нации, успех которой был обусловлен тотальной мобилизацией, бесконечными потерями и риском для жизни, а также очень большим количеством жертв.

Эта самая продолжительная и самая тяжелая из всех войн Израиля длилась с декабря 1947 по март 1949 года. Было убито 6000 израильтян, почти 1 % еврейского населения. 14 еврейских поселений были разрушены и заброшены, еще несколько были оккупированы, а затем разрушены. В «приказе Тель-Хай» высшего командования говорилось, что нельзя покидать поселения и что женщины и дети могут быть эвакуированы только по приказу местного командира. Однако эти инструкции не всегда выполнялись под давлением обстоятельств. Около 60 000 еврейских беженцев покинули свои дома. Около трети еврейского населения Иерусалима покинуло город, несмотря на запрет военного губернатора и приказы Hagannah. Тысячи людей, живших на границе между еврейскими и арабскими районами, предпочли переехать в более безопасные места. Общественные здания в Тель-Авиве, а также подъезды и крыши частных зданий бы-

ли заполнены тысячами беженцев, которые покинули южные районы города на передовой линии, обращенной к арабским деревням и городу Яффо. Некоторые богатые евреи покинули страну во время боевых действий под разными предлогами. Тем не менее еврейское общество и его элита продемонстрировали необходимую решимость противостоять натиску затяжной войны. Ципора Боровски (Порат) писала своим родителям в Нью-Йорк: «Существует всепоглощающее чувство принадлежности, необходимости и потребности. Обязательство, от которого вы не можете отказаться»¹³⁵.

Несмотря на трудности слияния Hagana и подпольных организаций, была признана власть государства над всеми евреями и сформирована единая армия под единым командованием (см. главу 8). Муниципальное правительство работало хорошо и помогало населению в трудные моменты: во время бомбардировки Тель-Авива, обстрела Иерусалима и инцидентов, повлекших за собой массовые жертвы. Несмотря на огромные трудности, система связи, пресса, а также экономическая и финансовая системы продолжали функционировать. В города поступали запасы жизненно важных продуктов питания. Помимо боевых действий, консолидации общества и создания государственных институтов, в течение первого года войны страна приняла более 100 000 новых иммигрантов. Некоторые были призваны в армию, а другие поселились в заброшенных арабских городах.

¹³⁵ *Porath Zipporah. Letters from Jerusalem. Scranton: Temple Israel, 1998, p. 66.*

Первые месяцы войны прошли под тенью неопределенности в отношении британской позиции. После 29 ноября 1947 года британцы позволили евреям и арабам сохранять своего рода автономию в пределах своих территорий, но пока управляли страной, они не позволяли арабам захватывать еврейские поселения, и наоборот. В течение первых месяцев боевых действий евреи занимали оборонительную позицию либо из-за опасений насильственных действий, пока британцы все еще правили, либо из-за того, что они не сформировали соответствующий ответ на новую ситуацию, что было не похоже на их предыдущий опыт столкновений с арабами. Евреи изначально демонстрировали военную слабость и несли большие потери. Например, в январе 1948 года 35 солдат, посланные для усиления Гуш-Эциона¹³⁶, были убиты в битве с арабскими сельскими жителями, направлявшимися туда; одним из погибших был Моше Перлштейн, студент из США. Международное сообщество сомневалось, смогут ли евреи уцелеть. 19 марта 1948 года Госдепартамент США предложил поправку к резолюции ООН от 29 ноября: отмена плана раздела в пользу временной опеки ООН в Палестине, своего рода мандат без ограничений национального очага.

Основное внимание на первом этапе боевых действий уделялось защите гражданского населения и обеспечению безопасности на дорогах. Для защиты проезжей части евреи ор-

¹³⁶ Блок еврейских поселений к югу от Иерусалима, оказавшийся в окружении во время Войны за независимость и впоследствии разрушенный в мае 1948 г.

ганизовали конвои с вооруженным эскортом. Арабы быстро научились атаковать колонны, призывая сотни жителей деревень у дороги на помощь нападавшим. В конце марта 1948 года ситуация достигла критической точки, когда отправка нескольких крупных конвоев закончилась катастрофой. Конвой Неби Даниэля, доставлявший грузы в Гуш-Эцион на дороге Хеврон – Иерусалим, был задержан на обратном пути, что позволило нападавшим собраться. Колонна попала в засаду и понесла большие потери. Еврейские солдаты были спасены только благодаря британскому посредничеству. В обмен на безопасную эвакуацию бойцы были вынуждены передать свое оружие и бронетехнику, которые затем были отданы арабам. Большой конвой из Хульды в Иерусалим не смог пройти и был вынужден вернуться. На севере арабы устроили засаду для автоколонны, направлявшейся в изолированный кибуц Йехиам. В завязавшемся бою погибло около 50 бойцов, а конвой был разграблен.

Учитывая, что конвои не смогли прорваться в Иерусалим, 100 000 евреев города оказались отрезанными и находящимися в осаде. «Как ни крути, картина уже мрачная, – писала Ципора Боровски своим родителям. – В течение недели не было конвоев, выезжающих из города, и, что еще хуже, ни один из них не прибыл в Иерусалим. Запасы еды и воды на исходе, и может последовать наш худший кошмар – изоляция от еврейского государства»¹³⁷. Это был один из самых

¹³⁷ Ibid, p. 148.

тяжелых моментов войны, вызвавший всеобщее уныние.

Очевидно, войну следовало вести по-другому, и в апреле 1948 года была предпринята первая попытка крупномасштабного еврейского наступления. Операция Nachshon, военная операция на дороге в Иерусалим, включающая захват и разрушение деревень по обеим сторонам дороги, ознаменовала новый подход Hagana к ведению войны. Впервые была выставлена целая бригада численностью 1500 человек. До этого были развернуты только относительно небольшие части, размером не более батальона. На этот раз под давлением Бен-Гуриона начальник Генерального штаба собрал большие силы для прорыва к Иерусалиму. В 1948 году многое было впервые. Прорывная операция Nachshon в Иерусалиме была тому прекрасным примером, поскольку положила начало новому этапу в боевых действиях Hagana.

В ночь перед операцией самолет привез из Чехословакии партию оружия, которое сразу было выдано бойцам. Впервые у каждого солдата было личное оружие. Успех операции Nachshon был обусловлен действиями, предпринятыми с обоих концов дороги в Иерусалим, в результате чего были нанесены удары по двум жизненно важным палестинским подразделениям: штаб-квартире Хасана Саламы возле Рамлы и силам под командованием Абд аль-Кадира аль-Хусейни на горе Кастель (стратегический холм, возвышающийся над дорогой Тель-Авив – Иерусалим). Кастель перешел в руки евреев, операция завершилась успешно, аль-Хусейни был

убит, что сломило моральный дух палестинских ополченцев. Они так и не оправились после этих двух ударов. Дорога в Иерусалим снова будет заблокирована, но тем временем по ней прошли большие конвои с припасами, что позволило городу продержаться.

В то же время на подступах к Хайфе разворачивалось еще одно сражение. Освободительная армия аль-Кавукджи попыталась захватить кибуц Мишмар-ха-Эмек с целью прорваться к арабским деревням на горе Кармель и обойти Хайфу. Последовала ожесточенная битва, и в энергичной контратаке силы Haganah победили аль-Кавукджи, вынудив его отступить из районов, укрепленных за еврейским государством.

Теперь стало возможным реализовать план Далет¹³⁸ в рамках подготовки к ожидаемому вторжению арабских государств. Командирам бригад было приказано занять соответствующие районы, которые находились в пределах границ, определенных планом раздела как еврейское государство, а также защищать анклав еврейских поселений за пределами границ раздела – например, Иерусалим, который, согласно карте 1947 года, должен был находиться под международным управлением. Пропалестинские исследователи представляют план Далет как проект заранее спланированного тотального переселения арабов Палестины. Однако, как следует из его текста, командирам было приказано разру-

¹³⁸ Далет – четвертая буква еврейского алфавита.

шать деревни и изгонять жителей в случае отпора, но также существовал приказ позволить им остаться при отсутствии сопротивления, обеспечивая при этом еврейский контроль над деревней. Существует большая разница между приказом о полном изгнании и избирательным приказом, который предполагает, что арабские деревни смогут жить в мире в еврейском государстве. Тверия оказалась первым городом со смешанным населением, захваченным евреями. Арабские жители, жившие в нижнем городе, были эвакуированы с помощью британцев, предлагавших помощь в эвакуации более слабой стороне в каждом таком городе. Позже евреи вошли в заброшенные кварталы, жители которых бежали. На той же неделе пала Хайфа; арабские жители предпочли покинуть город и не оставаться под властью евреев. Попытки еврейских соседей убедить их остаться не увенчались успехом. Голда Меерсон (Меир) докладывала Исполкому Еврейского агентства о своем визите в город 6 мая 1948 года: «Ужасно видеть мертвый город. Рядом с портом я обнаружила детей, женщин, стариков, ожидающих отъезда. Я входила в дома, там были жилища, где на столах стоял недопитый кофе с pitой, и я не могла не думать о том, что подобное было и во многих еврейских домах [то есть в Европе во время Второй мировой войны]»¹³⁹. Британцы, которые теперь управляли только портовым анклавом Хайфы, не возражали про-

¹³⁹ Minutes of the Jewish Agency Executive, Jerusalem, 6.5.1948, Zionist Archive, Jerusalem.

тив взятия города под свой контроль евреями и, возможно, даже помогали им. Согласно плану раздела, Тверия и Хайфа находились в пределах границ еврейского государства. В том же месяце Восточная Галилея и Цфат перешли в руки евреев. В Цфате произошло обратное тому, что случилось в Тверии. Британцы предложили эвакуировать еврейское меньшинство из города, который также находился в пределах границ еврейского государства, но евреи отклонили предложение. После ожесточенных боев Palmach взял город, а арабские жители бежали.

На еврейское руководство большое впечатление произвели кварталы-призраки в городах, где прежде было смешанное население, а также в арабском анклав в Яффо, захваченном евреями 15 мая. Как все население могло просто встать и уйти? Вероятно, это случилось из-за страха войны и страха перед евреями, особенно после резни в Дейр-Ясине в начале апреля, когда еврейские боевики напали на арабскую деревню. Пропаганда, осуществлявшаяся Etzel, главной действующей силой нападения, а также и палестинцев, раздула это событие до масштабов ужаса и злодеяний, выходящих далеко за рамки того, что произошло на самом деле. Согласно преобладающей версии, погибло 240 человек. Однако, согласно современным палестинским исследованиям, число погибших не превысило 100 человек, а распространявшиеся слухи об изнасилованиях опровергаются.

Другие объяснения массового ухода арабов гласят: они

полагали, что эвакуация была лишь временной и что они вернутся в свои дома, когда армии арабских государств одержат победу. Среди евреев распространилось другое объяснение, которое со временем стало частью израильского нарратива: палестинцам их лидерами было приказано покинуть Палестину, чтобы облегчить арабские военные операции против евреев. Это объяснение, основанное на изолированных арабских источниках, безосновательно. Даже на этом этапе войны и палестинское руководство, и лидеры арабских государств пытались убедить население оставаться на местах и не бежать из страны. Но коллапс палестинского общества и его руководства привел к массовому бегству, которое, по общепринятым оценкам, к 15 мая 1948 года достигло примерно 300 000 человек.

Арабское вторжение

По мере того как масштабы поражения палестинских арабов становились очевидны и по мере того, как ужасающие истории о предполагаемой жестокости евреев распространялись по всему арабскому миру, давление, оказываемое общественным мнением на арабские государства, чтобы те пришли на помощь своим палестинским братьям, усиливалось. Несмотря на трудности с организацией единого военного командования, а также взаимную подозрительность друг к другу в Палестине, 30 апреля арабские государства приняли ре-

шение о вторжении.

Самой подготовленной и хорошо оснащенной арабской армией был Арабский легион, который находился под общим командованием короля Трансиордании Абдаллы наряду с британским командным эшелоном. С 1930-х годов Абдалла и евреи неоднократно вели переговоры по разным поводам, исходя из общей враждебности к муфтию Амину аль-Хусейни. Король стремился присоединить к своему королевству те части Западной Палестины, которые предназначались для палестинского государства, – план, который получил одобрение британского правительства и который сионистское руководство было готово принять. Однако общественное мнение королевства вынудило Абдаллу вступить в войну. Хотя предполагалось, что Иерусалим будет находиться под международным управлением, он стал объектом столкновений между евреями и Трансиорданией. Евреи контролировали западную часть города, арабы – восточную часть, и каждая сторона пыталась распространить свою власть на весь город. Абдалла предложил евреям признать автономию в рамках арабского государства по обе стороны реки Иордан, которым он будет править, но они были не в восторге от этой идеи.

Накануне провозглашения независимости Израиля Голда Меир в последний момент нанесла визит королю, объяснившему, что огромное давление, которое он испытывает, вынуждает его отказаться от договоренностей с евреями. Те-

перь, когда он был членом альянса, ему приходится действовать в рамках альянса. Обе стороны понимали, что вступают в войну, в которой они приложат все усилия для достижения как можно большего числа своих целей любыми средствами в их распоряжении (*à la guerre comme à la guerre*¹⁴⁰). Тем не менее Абдалла намекнул, что после боевых действий дружеские отношения между ним и евреями могут быть восстановлены. Египтяне также не хотели вести войну и колебались до последней минуты, но их тоже захлестнула волна национализма, охватившая их страну. К ним присоединились иракцы и сирийцы. Все хотели помешать экспансионистским планам Абдаллы. Помимо регулярных сил Лиги арабских государств, нерегулярные части Освободительной армии действовали в Центральной Галилее, которая находилась под контролем арабов.

12 мая еврейский Народный совет, своего рода временное правительство, состоявшее из представителей Исполнительного комитета ВСО и политических партий ишува, функционировавших как парламент, провел решающее заседание. Моше Шарет, министр иностранных дел зарождающегося государства, сообщив, вернувшись из Нью-Йорка, что американцы предложили прекращение огня и отсрочку провозглашения независимости. Он сказал, что госсекретарь Джордж Маршалл, бывший начальник штаба армии США, предупредил его не доверять заверениям генералов,

¹⁴⁰ На войне как на войне (*фр.*).

опьяненных успехами Haganah в апреле, и не принимать поспешных решений об объявлении государства. На встрече Игаэля Ядина и Исраэля Галили, глав Haganah, попросили дать оценку шансов ишува противостоять нападению арабов. Ядин полагал, что шансы составляют пятьдесят на пятьдесят. По его словам, бойцы были измотаны месяцами непрерывных боев, и это необходимо учитывать. Гуш-Эцион был близок к падению, и над собранием нависла его тень. Обсуждение затянулось, главный вопрос заключался в том, объявлять государственность Израиля или откладывать. В конце концов шесть против четырех проголосовали за то, чтобы объявить, Бен-Гурион приложил для этого все усилия. Члены Совета сделали огромную ставку на будущее ишува.

В пятницу днем 14 мая члены Народного совета собрались в скромном здании Тель-Авивского музея на бульваре Ротшильда, чтобы услышать, как Бен-Гурион зачитывает Декларацию независимости: «Мы [...] заявляем настоящим о создании еврейского государства в Эрец-Исраэль, которое будет называться Государством Израиль». Церемония провозглашения состоялась в Тель-Авиве, поскольку Иерусалим находился в осаде и привезти оттуда членов Совета для подписания декларации было невозможно. Таким образом, молодой город Тель-Авив удостоился чести принимать у себя подписание Декларации независимости Государства Израиль. Бен-Гурион записал в своем дневнике: «В деревне праздник и глубокая радость – и я снова скорблю сре-

ди празднующих, как и 29 ноября». В тот вечер он принял-
ся за новую дневниковую записную книжку, которую открыл
сухим, сдержанным комментарием, скрывавшим, что он пи-
сал, затаив дыхание: «В четыре часа пополудни было осно-
вано государство. Его судьба находится в руках сил безопас-
ности»¹⁴¹.

Хотя высшее командование предполагало, что арабы дей-
ствительно вторгнутся, никакие надежные разведыватель-
ные данные не подтверждали это, и, конечно же, военные
планы арабов, размер их сил и любая реальная информация
о том, чего ожидать, были неизвестны. Эти военные планы
менялись по несколько раз накануне вторжения, и сейчас ис-
торикам трудно восстановить их. Поэтому неудивительно,
что лидеров только что провозглашенного государства охва-
тила беспомощность перед ожидаемым нападением с неиз-
вестного направления и с неизвестными силами. Поступали
сообщения, что Арабский легион, иракские и сирийские мо-
торизованные колонны с бронетехникой и артиллерией дви-
жутся из Трансиордании в Западную Палестину. Египетские
колонны продвигались на север по прибрежному шоссе и по
дороге Уджа – Беэр-Шева к холмам Хеврона. Египетские са-
молеты атаковали Тель-Авив, а артиллерия Арабского леги-
она обстреливала Иерусалим. В начале «месяца борьбы» (с
15 мая по 11 июня) евреи оставались легко вооружены, по-

¹⁴¹ *Ben-Gurion D. Yoman milhamah: Milhemet ha'atzma'ut* (Военный дневник: Война за независимость). Vol. 1. Tel Aviv: Ministry of Defense, 1982, p. 416.

скольку тяжелое вооружение, закупленное в Европе и Соединенных Штатах, еще только направлялось в Палестину. Поэтому не было возможности ответить на артиллерийский обстрел или авианалеты. Единственным вариантом до прибытия артиллерии, танков и самолетов, которые теперь можно было перенаправить в независимое государство, была оборона, пока размах арабского наступления не стал ясен.

Месяц борьбы между арабским вторжением и первым прекращением огня, введенным ООН с обеих сторон, был самым трудным и опасным за всю войну. В течение этого месяца было убито около 1600 евреев, около четверти всех погибших на войне. Сирийцы спустились с Голанских высот в долину реки Иордан, продвигаясь через Земах, и вторглись в центр еврейских поселений в долине реки Иордан, что для евреев было катастрофическим. Сирийцы были остановлены ценой жертв среди местных жителей, а также благодаря нескольким полевым пушкам, обеспечившим в основном моральную поддержку, а также собственной слабости нападающих, поскольку они выдохлись и были вынуждены перейти к обороне после того, как наткнулись на сопротивление. Иракские войска проникли к югу от сирийских, в долину Бейт-Шеан; не сумев захватить кибуц Гешер, они двинулись в Самарию. Вместе с Освободительной армией, которая проникла в Центральную Галилею, они попытались захватить Седжеру, ключ к Нижней Галилее, с целью соединиться в Центральной Галилее и создать угрозу Хайфе. Эта попыт-

ка также закончилась неудачей, и с этого времени иракцы ограничили свои действия Самарией, которая должна была быть передана будущему арабскому государству.

Целью Арабского легиона было взять под свой контроль районы, обозначенные как часть арабского государства, и, насколько это возможно, избежать столкновений с евреями. Но легион не мог игнорировать просьбы о помощи от палестинцев в Иерусалиме, где после потери арабских кварталов в западной части города нависла угроза вторжения от Hagana, и особенно после того, как евреи попытались прорваться в Старый город, где в осаде находился еврейский квартал. Полковник Дэвид Маркус (позывной Микки Стоун), американский еврей, прибывший помочь формирующейся еврейской армии, проанализировал шансы евреев следующим образом. У Арабского легиона было два пути: первый – двинуться в Самарию и попытаться расчленить еврейское государство пополам возле Нетании. Второй – попытаться взять Иерусалим. Если бы арабы остановились на первом выборе, евреи бы столкнулись со смертоносным испытанием. Но если бы они попытались взять Иерусалим, государство было бы спасено, поскольку в уличных боях Легион как регулярная армия лишился бы своих преимуществ.

Действительно, Легион двинулся на Иерусалим. Он обстрелял еврейскую часть города и, взяв Латрун, господствовавший над дорогой в Иерусалим, смог перекрыть ее. Между силами ЦАХАЛа и Легионом завязались ожесточенные бои.

В этих столкновениях с относительно современной арабской армией и ее опытным британским командованием проявились все слабые стороны ЦАХАЛа. Армия обороны Израиля предприняла пять атак на Латрун и его позиции, но не смогла одолеть силы Легиона. В течение первых двух атак, в операциях Бин-Нун Алеф и Бет, стали очевидны неопытность, нехватка оборудования, незнание местности, отсутствие разведданных и поспешная организация. Эти битвы вызвали разногласия между представителями различных военных школ – британской армии, Haganah и Palmach, – которые выразили обоюдное возмущение. Разногласия внутри армии подпитывались спорами по Латруну и Иерусалиму между главой оперативного управления Игаэлем Ядином и министром обороны Давидом Бен-Гурионом. Ядин полагал, что Иерусалим не падет, поэтому не было необходимости отвлекать силы, которые требовались в другом месте, чтобы захватить Латрун. Бен-Гурион, однако, рассматривал Иерусалим как сердце сионистского замысла, а также как ключевой населенный пункт и стратегический центр страны. Он был серьезно обеспокоен судьбой города и настаивал на том, чтобы внять его мольбам о помощи.

Повторяющиеся неудачи при взятии Латруна и большие потери, понесенные там (168 погибших, большинство в первых двух атаках), вызвали взаимные обвинения, которые стали основой мифа о Латруне как о месте, где пролилась кровь выживших в Холокосте иммигрантов, отправленных в бой

необученными. Миф о Латруне появился гораздо позже и стал частью израильской культуры, но реальные события, на которых он был основан, произошли тогда. В ходе сражения было взято несколько арабских деревень к югу от дороги. Оказалось, что через них можно проложить другой путь на Иерусалим. Таким образом, Бирманская дорога (названная так в честь знаменитого маршрута снабжения союзников времен Второй мировой войны в Китай в обход японцев) – импровизированная грунтовая дорога – использовалась для транспортировки оборудования и материалов в город. В результате, когда перемирие вступило в силу, израильтяне контролировали путь в Иерусалим.

Еще один фронт, который представлялся чрезвычайно опасным, находился на юге. Хотя по плану раздела Негев принадлежал Израилю, еврейское население там было весьма немногочисленным. Новые кибуцы, большинство из которых были основаны в 1946 году, располагались на обширной пустынной территории между бедуинскими племенами и арабскими деревнями. Единственные еврейские силы обороны в этом районе были впоследствии усилены двумя батальонами бригады Негева. Египетские силы в составе пехотной бригады (два батальона), вспомогательного батальона со средним вооружением, артиллерийского дивизиона, бронетанкового батальона, а также зенитных, противотанковых, инженерных и вспомогательных частей представлялись израильтянам хорошо оснащенной и вооруженной армией.

Они вторглись в Палестину двумя колоннами. Одна продвинулась на север через Негев, параллельно берегу. На пути колонны стояло несколько кибуцев, и она остановила продвижение, чтобы уничтожить эти очаги сопротивления. Каждый день остановки колонны давали обороняющимся силам время для перегруппировки, перевооружения и мобилизации дополнительного состава. После взятия кибуца Яд-Мордехай колонна продолжала медленно продвигаться вперед, перед ней открылась дорога на север.

Между тем вторая египетская колонна повернула на восток, чтобы объединиться с силами добровольцев и «Братьев-мусульман», которые двинулись через Беэр-Шеву к холмам Хеврона и атаковали Иерусалим с юга. Кибуц Негба, расположенный на дороге с востока на запад между Мадждалем и Бейт-Гуврином, нарушил связь между двумя флангами египетской армии. Кибуц отчаянно сопротивлялся сильному обстрелу, и египтяне не смогли его захватить. Египетская колонна, направляясь вдоль прибрежной дороги, медленно продвигалась и 29 мая достигла Исдуда (Ашдода). Героическими усилиями была развернута бригада Гивати, чтобы блокировать продвижение колонны на Тель-Авив. Колонна была остановлена у моста, который вошел в историю как мост Ad Halom (букв. «досюда»). Колонна была атакована первым самолетом израильских ВВС или остановлена Гивати, а возможно, недостаточно сильна, чтобы достичь центра еврейских поселений на прибрежной равнине, и отнюдь не

намеревалась делать это.

Несмотря на то что попытки Израиля контратаковать (в Дженине, Исдуде и Латруне) не увенчались успехом, ни одно еврейское поселение на территории, закрепленной за еврейским государством, не попало в руки арабов, за двумя исключениями. Еврейский квартал в Иерусалиме, который, как предполагалось, находился под международным управлением, был взят Арабским легионом 29 мая, а мошав Мишмар-ха-Ярден на западном берегу реки Иордан был захвачен сирийцами накануне прекращения огня. 13 еврейских поселений на территории, закрепленной за арабским государством, были захвачены арабами и полностью разрушены. Государству Израиль удалось остановить силы вторжения и даже взять под контроль Западную Галилею, закрепленную за арабским государством. Но месяц непрекращающихся боев истощил израильскую армию. Она должна была научиться вести полноценную войну: мобилизовать армию, развернуть крупные силы, координировать действия в воздухе и на земле, вести полевую разведку, осуществлять транспортное снабжение и т. д. Солдаты были измотаны после долгих месяцев боев и жаловались на задержку поставок снаряжения, на отсутствие головных уборов, фляг для воды и личного оружия. Тем не менее они выдержали это испытание на прочность, зная, что именно они остановили арабские армии. «Просто порадуйтесь за меня, что мне посчастливилось быть здесь в это время, чтобы помочь дать жизнь это-

му долгожданному государству», – написала Ципора Боровски в конце письма своим родителям, описывая физические невзгоды, которые она пережила во время осады Иерусалима¹⁴².

Было согласовано четырехнедельное перемирие и назначен посредник ООН – шведский граф Фольке Бернадот, который должен был предложить решение для палестинского вопроса. Его миссия потерпела полный провал. Арабы не приняли никаких предложений, означавших фактическое признание существования Государства Израиль. Израильцы отвергли любое предложение, которое предполагало меньше территории и суверенитета, чем в резолюции от 29 ноября 1947 года. Обе стороны нарушили режим прекращения огня. Израильцы ввезли в страну военную технику, в основном самолеты и бронемашину, в то время как иракцы направили из арабских государств в Палестину дополнительные нерегулярные силы.

Бои возобновились 9 июля 1948 года и продолжались 10 дней. Главный удар израильских сил был направлен против Арабского легиона на центральном фронте. Присутствие сильных арабских сил, угрожающих центру еврейских поселений на прибрежной равнине, с одной стороны, и Иерусалиму – с другой, казалось крайне опасным. Евреи не знали, что легион из-за нехватки боеприпасов был вынужден перейти к обороне. Они расценили его развертывание в центре

¹⁴² Porath Z. Letters from Jerusalem. Scranton: Temple Israel, 1998, p. 193.

страны как подготовку к атаке. Операция «Дани», основная операция тех 10 дней, была направлена по плану на захват Лидды (Лод), Рамлы, Латруна и Рамаллы, но в итоге удалось захватить только первые два пункта и международный аэропорт. Операция также расширила коридор на Иерусалим к югу, что позволило проложить «Дорогу доблести» и водопровод большого диаметра, обеспечивавший водоснабжение Иерусалима. В то же время была проведена операция «Декель», в ходе которой была захвачена Центральная Галилея и ее главный город Назарет.

Именно во время операции «Дани» произошло изгнание 50 000 жителей Лидды и Рамлы. Полагая, что Арабский легион спешит им на помощь, жители Лидды восстали против оккупационной армии. Легион не прибыл, но восстание продемонстрировало израильтянам большой риск оставлять значительное по численности враждебное население в тылу наступающей армии. Также были стратегические соображения о наличии большого арабского населения в центре страны, недалеко от аэропорта и на дороге Тель-Авив – Иерусалим. Изгнание гражданского населения военными, очевидно, было одобрено политическим руководством. Это было единственным случаем организованного переселения целых городов по еврейской инициативе. Изгнанников из Рамлы доставили автобусами к линиям Арабского легиона. Изгнанники из Лидды шли туда же. Это был не очень длинный переход (около 15 километров), но стояла жара, люди были на-

гружены своим имуществом и потрясены поражением и вынужденным изгнанием.

После арабского вторжения политика Израиля по отношению к палестинцам ужесточилась. Тяжелые бои и значительный уровень потерь вызвали негодование и гнев. Евреи считали арабов Палестины виновными в разжигании войны и допущении захватчиков в страну. Они рассматривались как пятая колонна, сотрудничавшая с захватчиками, поэтому было опасно оставлять их в тылу армии. В большинстве случаев палестинское гражданское население при приближении армии бежало, но армия также проявляла инициативу, изгоняя жителей и разрушая деревни, чтобы те не вернулись. В то же время жители Назарета, размахивавшие белыми флагами, остались в своих домах, и Бен-Гурион запретил их изгнание. Жители Абу-Гоша были возвращены в свою деревню после изгнания по инициативе местного командира. Политика в отношении палестинцев была непоследовательной – каждый командир действовал так, как считал нужным, исходя из местных обстоятельств.

Второе перемирие было объявлено 19 июля 1948 года. Арабские правительства, и особенно командование Арабского легиона, поддержали его. Но поскольку пресса арабских государств изображала боевые действия в Палестине как увенчанные победами, общественность была возмущена прекращением огня, которое они рассматривали как подчинение диктату западных держав, позволившее сионистам пе-

регруппироваться и укрепить свои силы.

Когда было объявлено о втором перемирии, не имевшем конкретных сроков, Освободительная армия Лиги арабских государств находилась в Галилее, иракские экспедиционные силы – в Самарии, а Негев был отрезан египетской армией, контролировавшей с востока на запад дорогу Мадждаль – Бейт-Гуврин, ведущую к Хеврону. Арабский легион располагался в центральном регионе, но с открытием «Дороги доблести» и прокладкой водопровода в Иерусалим сражение с ним потеряло актуальность. Хотя в Иерусалиме все еще продолжались столкновения на линии между районами, контролируемыми арабами и евреями, по сути фронт там стабилизировался.

Египет был самым большим арабским государством и обладал самой большой и сильной армией захватчиков. Посредник ООН Бернадот предложил территориальный обмен: Израиль откажется от Негева, который был закреплен за ним планом раздела, но который он не удерживал, в обмен на Западную Галилею, которую он завоевал (и которая первоначально была передана арабским странам). Но этот вариант израильтяне не приняли. Обеспечение Израилем контроля над обширными пространствами Негева, составлявшего около 50 % территории еврейского государства, стало неотложной задачей ввиду возможного вызова суверенитету Израиля в этом районе в связи с планом Бернадота. Однако нападение на египетскую армию и изгнание ее с территории

Израиля означало бы нарушение перемирия и провоцирование ООН, чего Израиль не желал. Также высказывались опасения, что иракцы могут воспользоваться сосредоточением сил ЦАХАЛа на юге и попытаться расчленить государство на две части с востока на запад в районе Нетании. Члены израильского правительства разошлись во мнениях относительно того, что им делать. Бен-Гурион принял решение в пользу нападения и записал в своем дневнике: «Сегодня правительство приняло самое серьезное решение с того момента, как мы собрались объявить государственность»¹⁴³.

15 октября была начата операция «Йоав» с целью прорвать египетские рубежи и открыть путь к Негеву. В то время как предыдущие операции против Арабского легиона имели территориальные цели, операция «Йоав» была направлена на разгром египетской армии. Это была одна из самых сложных операций за всю войну. Египетская армия проявила боеспособность и решимость, и только после неоднократных боев ЦАХАЛу удалось прорвать линию восток—запад и открыть путь к Негеву. Но операция еще не достигла своей цели по уничтожению египетской армии – а тем временем песок в часах утекал. Совет Безопасности ООН был созван и объявил прекращение огня, поскольку египтяне дислоцировались в Газе и Беэр-Шеве. В последнюю минуту израильтяне решили направить силы на Беэр-Шеву, жизненно важный

¹⁴³ *Ben-Gurion D. Yoman milhamah: Milhemet ha'atzma'ut* (Военный дневник: Война за независимость). Vol. 3. 6.10.1948, p. 736.

транспортный узел с библейским названием. К 21 октября 1948 года ЦАХАЛ взял Беэр-Шеву.

Эта операция стала переломным временем в истории войны, поскольку, несмотря на свои предыдущие неудачи, ЦАХАЛ теперь доказал, что способен одолеть регулярную армию в решающей битве. Хотя египетская армия оставалась в секторе Газа и в «кармане Фалуджи» на восточном конце дороги с востока на запад, которую израильтяне так и не могли взять, египтяне израсходовали большую часть своих сил и больше не представляли угрозы. Более того, арабская коалиция не была сплоченной, и ни одна из ее армий не бросилась на помощь египтянам. Наконец, опасения, что ООН наложит санкции на Израиль, также оказались преувеличенными.

В конце октября на севере началась операция «Хирам». Благодаря ей Израиль стал контролировать Центральную и Северную Галилею, а также территорию вдоль северной границы с Ливаном и Сирией. Боевые действия велись в основном против Освободительной армии, которая распалась на части. Израиль даже оккупировал некоторые ливанские деревни в качестве разменной монеты для переговоров о прекращении огня. Вся территория от Изреельской долины до международной границы теперь находилась в руках Израиля. Однако в ходе операции израильтянам не удалось отбить Мишмар-ха-Ярден, сирийский плацдарм на территории Израиля.

Обе стороны теперь пытались укрепить свои позиции пе-

ред следующей атакой. Египтяне опасались, что Израиль оккупирует сектор Газа, а израильтяне были обеспокоены тем, что египтяне попытаются вырваться из «кармана Фалуджи» и снова захватить Беэр-Шеву (чью потерю египтяне не признали). Египтяне отказались вступить в переговоры о прекращении огня, потребовав, чтобы израильтяне сначала отошли к рубежам перед операцией «Йоав». Израильтяне решили, что у них нет другого выхода, кроме как изгнать египтян из страны. Операция «Хорев», проведенная в конце декабря 1948 года, продемонстрировала, что с принятия резолюции от 29 ноября 1947 года произошли огромные изменения в балансе сил и боеспособности Израиля. Армия обороны Израиля прошла через Негев, преодолела линию египетских опорных пунктов и разгромила южный фланг египетской армии. Силы ЦАХАЛа действовали на Синайском полуострове, заняли Абу-Агейлу и подошли к аэродрому в Эль-Арише. Под британским и американским давлением Израиль отвел войска к международной границе. Попытка Израиля во время ухода занять Рафах¹⁴⁴, отрезав таким образом сектор Газа, не увенчалась успехом, и сектор остался в руках Египта.

После операции «Хорев» Израиль и Египет при помощи американского посредника Ральфа Банча на острове Родос договорились о перемирии. Переговоры были непростыми, но 24 февраля 1949 года было подписано соглашение, по которому Египет стал первым арабским государством, вы-

¹⁴⁴ Город на юге сектора Газа, на границе с Египтом.

шедшим из войны. Бен-Гурион записал в своем дневнике: «После создания государства и наших побед на полях сражений это величайшее событие в этом году судьбоносных событий»¹⁴⁵.

Оставалась еще одна цель: контроль над портовым городом Эйлат на берегу Красного моря. План состоял в том, чтобы использовать минимальные силы, развернув две колонны, и помешать трансйорданской армии, которая заняла аванпосты в пустыне Арава на израильской стороне границы и блокировала передвижение войск. 10 марта 1949 года две колонны достигли Эйлата, и на берегу Красного моря был водружен флаг Израиля. На этом масштабные операции войны завершились.

Подобно тому как арабские государства вторглись поодиночке и не участвовали в совместных боевых действиях, так и война была завершена отдельно с каждым государством. После успеха крупномасштабных операций ЦАХАЛа против египтян другие арабские государства стремились достойно выйти из войны. Проблема заключалась в том, что соглашение о перемирии с израильянами фактически означало признание существования еврейского государства, что было совершенно неприемлемо как для палестинцев, так и для других арабских народов. Перемирие с египтянами было достигнуто под давлением египетской армии, которая была окружена в «кармане Фалуджа» и не имела другого выхода

¹⁴⁵ Ibid. 24.2.1949, p. 970.

из осады. Соглашение о перемирии, которое признало международную границу между Израилем и Египтом, включало израильскую уступку: территория по обе стороны границы вокруг Ницаны (Ауджи) была объявлена демилитаризованной зоной и стала резиденцией Комиссии ООН по перемирию, которая курировала выполнение режима прекращения огня. Сектор Газа с его тысячами беженцев из Яффо и деревень на юге Израиля оставался под властью Египта в качестве постоянного источника нестабильности, а также партизанских и террористических операций против Израиля.

Подписание соглашения о перемирии с Египтом открыло путь для переговоров с Иорданией. Они начались с секретного соглашения по Иерусалиму; иорданцы и израильтяне предпочли разделить город между собой, чем ввести международное правление. Таким образом, этот город, который был центром столкновений между Арабским легионом и Армией обороны Израиля, стал первым пунктом соглашения между двумя странами. Как мы видели, король Абдалла стремился заполучить контроль над районами, которые впоследствии стали известны как Западный берег, и в этом отношении был поддержан Великобританией. Израиль был готов признать контроль Иордании над Западным берегом как единственно разумный вариант, предпочитая его контролю палестинцев (что в любом случае было только на бумаге, поскольку не существовало палестинской власти или правительства, которому можно было бы передать власть).

Имелись также предыдущие договоренности между Исполкомом ВСО и королем, но они были приостановлены из-за войны. Теперь эти соглашения между Израилем и Абдаллой могли быть возобновлены. Среди всех арабских правителей он всегда был настроен наименее враждебно по отношению к израильтянам.

В качестве условия перемирия Израиль потребовал себе холмистый хребет, возвышающийся над Самарией и Вади-Ара, в районе, где «талия» Израиля наиболее узкая. Иорданцы, обеспокоенные реакцией палестинского общественного мнения, колебались. Но подготовка к военной операции по захвату Самарии убедила их, что соглашение предпочтительнее нового раунда боевых действий. Арабские деревни в этом районе перешли в руки Израиля, как и их жители, которые предпочли жить под властью Израиля, а не в качестве беженцев в Иордании. В рамках соглашений с Иорданией иракские экспедиционные силы, дислоцированные в Самарии, отошли в Ирак и были заменены Арабским легионом. Таким образом, Ирак мог заявить, что он не признавал еврейское государство и не подписывал с ним соглашения о перемирии (3 апреля 1949 г.). Соглашение с Ливаном было наименее сложным. Израиль и Ливан признали международную границу в качестве рубежа между странами, и Израиль вышел из ливанских деревень, которые захватил в ходе операции «Хирам». Также в рамках этих соглашений силы сирийской армии у израильской границы отошли на север.

Последним было подписано соглашение с Сирией от 20 июля 1949 года. Сирийцы отказались признать международную границу и потребовали, чтобы граница проходила с севера на юг посередине Галилейского моря. Начальник сирийского штаба Хусни аз-Заим, захвативший власть в результате военного переворота, предложил мирный договор с Израилем, который включал бы поселение 250 000 арабских беженцев в Сирии, если Израиль согласится на сирийский контроль над половиной Галилейского моря, главного источника воды для Израиля. Сирия даже согласилась разделить с Израилем верховья реки Иордан. Однако эти условия были неприемлемы для Израиля, который в конечном итоге принял компромиссное предложение американского посредника, базирующееся на границах 1947 года. Сирия отступила со своего плацдарма Мишмар-ха-Ярден, и были определены демилитаризованные зоны по обе стороны границы вдоль долины Хула, реки Иордан и Галилейского моря. Эти зоны стали объектами непрекращающихся столкновений между Сирией и Израилем, поскольку оба государства претендовали на суверенитет над ними. Все Галилейское море и десятиметровая полоса на его восточном берегу были включены в территорию Израиля. Но сирийцы никогда не оставляли попыток частично экспроприировать его у Израиля. Хусни аз-Заим не дожидаясь переговоров по мирному договору с Израилем; он был убит в результате нового военного переворота менее чем через месяц после подписания соглашения о пе-

ремирии, и его мирная инициатива запомнилась как захватывающий (из-за возможности мира, который он предлагал), но незначительный эпизод. С тех пор эта попытка была на руку тем, кто искал повод упрекнуть Израиль, что возможность мира была упущена. Израиль относился к военному авантюристу с подозрением, не доверял ни ему, ни стабильности его режима и, таким образом, отклонял его предложения.

Грохот пушек прекратился. Некоторые молодые генералы пытались убедить Бен-Гуриона захватить всю страну до реки Иордан, но Бен-Гурион уже был занят жизненно важной миссией по привлечению новых масс репатриантов и их абсорбции в государстве. Содержание большой армии ложилось тяжелым бременем на израильскую экономику, и Бен-Гурион хотел положить конец войне и отправить солдат домой, чтобы сосредоточиться на строительстве нации и государства. Соглашения о перемирии привели к появлению того, что стало известно как «зеленая линия», обозначившая границы между Израилем и соседними государствами. Эти соглашения рассматривались как важный шаг к мирным договорам, которые, как предполагалось, вскоре будут подписаны. В то время никто даже не представлял, что соглашения о перемирии будут единственными двусторонними соглашениями, подписанными между Израилем и арабскими государствами вплоть до мирного договора с Египтом в конце 1970-х годов.

населенные пункты

● Еврейские поселения

○ Арабские поселения

■ Демилитаризованная зона

□ Ничья земля

--- «Зеленая линия» 1949 г.

Карта 4. Границы перемирия 1949 г., «Зеленая линия»

Государство Израиль вышло из Войны за независимость побитым и раненым, с большим числом жертв и разрушенных поселений и городов, но все же в приподнятом настроении. Был основан Израиль. Это стало реальностью. Он успешно расправился со всеми на него нападавшими. Прежде неопытная армия ЦАХАЛа стала самой сильной армией в регионе. Израиль не только сохранил контроль над всеми территориями, закрепленными за ним резолюцией ООН 1947 года, но и фактически расширил свои границы. После арабского вторжения Израиль больше не считал себя связанным границами раздела. До первого перемирия баланс сил не позволял ему расширять свою территорию, но после «десяти дней» сражений он смог расширить свое влияние в центре страны, Галилее и Северном Негеве (см. карты 3 и 4). С точки зрения Бен-Гуриона, достижения Израиля в войне превзошли его самые оптимистические надежды. Мужественный, но осторожный государственный деятель, он знал пределы возможного и не хотел спровоцировать западные державы, которые воспринимал как поддержку Израиля в долгосрочной перспективе. Вот почему он предпочел договориться с Иорданией и Сирией и избежать военного столкновения.

Больше всех потеряли в этой войне палестинцы. К концу войны около 700 000 палестинцев были изгнаны со своей

родины. На первом этапе войны исход палестинцев с территорий, закрепленных за еврейским государством, был следствием краха государственных систем в палестинском обществе и царившей анархии. На втором этапе, после арабского вторжения, были многочисленные случаи, когда ЦАХАЛ изгонял арабское население и разрушал деревни, чтобы предотвратить возвращение арабов. Война была вопросом жизни и смерти, и вера в то, что палестинцы стали причиной этой катастрофы, ожесточила сердца военных и мирных жителей, понесших тяжелые потери и столкнувшихся с проявлениями жестокого обращения со стороны врага. По оценке арабского историка Арифа аль-Арифа, число палестинцев, погибших на войне, составило 15 000, что более или менее соответствует такому же проценту еврейского населения. Хотя акты массового убийства и жестокости были совершены обеими сторонами, в Палестине не было никакого массового истребления, подобного тем, которые наблюдались где-либо еще в XX веке. Если мы сравним эту войну с конфликтом между Индией и Пакистаном после их раздела в те же годы, окажется, что в Палестине не было такого уровня кровопролития. Но это было небольшим утешением для сотен тысяч арабских беженцев, размещенных в секторе Газа, Иордании, Сирии и Ливане.

Бегство палестинцев на первом этапе войны потрясло израильтян. Они были не в состоянии понять этот феномен, когда все население покидает свои дома и оставляет горо-

да-призраки. Но как только поняли, что происходит, то увидели в этом великое чудо, полностью изменившее природу Израиля. План раздела относил к еврейскому государству около 400 000 арабских жителей, что составляло примерно 40 % от общей численности населения. Предполагалось, что около 30 еврейских общин попадут под власть арабов. Во время обсуждения и подготовки к созданию государства предполагалось, что оно будет включать большое арабское население. Теперь, учитывая разрушение всех еврейских поселений на арабской стороне и эвакуацию арабов с еврейской стороны, возникла новая реальность: два этнически однородных государства, преимущественно еврейское и чисто арабское. Было решено, что Государство Израиль не может позволить арабам вернуться в свои дома. Их бегство превратилось в беженство. На заседании временного правительства 16 июня 1948 года Моше Черток (Шарет) поднял этот вопрос: «Если бы кто-нибудь из нас сказал, что однажды мы должны встать и изгнать их всех, это было бы безумием. Но если это произошло во время военных потрясений, войны, объявленной нам арабским народом, и когда сами арабы бежали, – тогда это одно из тех радикальных изменений, после которых история не возвращается к *status quo ante*¹⁴⁶»¹⁴⁷.

¹⁴⁶ *Status quo ante [bellum]* – положение, существовавшее до войны (*лат.*).

¹⁴⁷ Моше Черток на заседании временного правительства, 16.6.1948. Цит. по: Gelber Y. *Kommemiut venakba* (Независимость и Накба), Jerusalem: Dvir, 2004, p. 284.

Это была новая политика, постепенно выработанная в связи с военными трудностями, в ответ на сопротивление арабов еврейскому правлению. Казалось, что демографический баланс медленно, но верно меняется в пользу евреев. Такую возможность нельзя было упустить. Начиная с лета 1948 года армия, согласно приказу, не допускала возвращения арабов – силой оружия либо разрушая деревни до основания.

В то время политика Израиля в отношении беженцев не считалась чем-то из ряда вон выходящим. Прошло всего три года после окончания Второй мировой войны, поводом которой стало присутствие немецких меньшинств в Польше и Чехословакии. Завершение этой войны повлекло за собой массовое перемещение населения. Установление границы между Польшей и Германией вдоль рек Одер и Нейсе привело к изгнанию примерно восьми миллионов немцев на запад. Территории в бывшей Восточной Польше стали частью УС-СР¹⁴⁸. Декреты Бенеша, принятые в Чехословакии, изгнали около трех миллионов немцев в Судетской области. Устранение враждебных элементов, виновных в войне, и создание этнической однородности в Восточной и Центральной Европе считалось адекватным выходом из сложившейся ситуации. Очевидно, она была вызвана тем, что в странах региона проживало большое количество этнических меньшинств.

¹⁴⁸ Между УССР и Польшей в период с 1944 по 1951 г. был произведен обмен населением, который часто имел принудительный характер.

Израильское руководство столкнулось с точно такой же проблемой. Палестинцы стали причиной войны, и теперь они расплачивались за ее последствия. Сокращение арабского меньшинства в Израиле считалось естественным результатом открытой враждебности палестинцев к государству. Более того, точно так же, как Германия приняла немецких беженцев с Востока, а Польша поглотила польских беженцев, не было никаких причин, по которым арабские государства не должны были принять палестинских беженцев.

Однако оказалось, что из всех беженцев, появившихся во второй половине 1940-х годов, палестинцы были единственными, кто не был интегрирован странами, в которых они проживали. Таким образом, они стали постоянной проблемой на Ближнем Востоке. Требование, чтобы они вернулись в свои прежние дома, было нецелесообразным с самого начала, поскольку война стерла реальность, в которую они хотели вернуться. В Резолюции 194 Совета Безопасности ООН от декабря 1948 года, в которой Израиль был призван разрешить возвращение беженцев, возвращение было обусловлено их готовностью жить в мире бок о бок с израильянами. Поскольку эта резолюция призвала признать существование Государства Израиль, арабские государства ее отвергли. Позже палестинцы использовали ее в качестве пропаганды, скрывая при этом контекст принятия резолюции.

Арабы не были готовы признать еврейское государство. Шок поражения и бегства не вызвал стремления к прими-

рению; это еще больше разжигало миф о возвращении, консервируя проблему беженцев и препятствуя интеграции беженцев в страны, в которых они жили. Миф о возвращении был частью ожидания того, что будет «второй раунд» – еще одна война, которая сотрет позор поражения и приведет к разрушению еврейского государства. Война 1948 года была воспринята как случайность, которая будет скоро исправлена, поскольку демографический баланс сил благоприятствовал арабским государствам и позволил бы им в долгосрочной перспективе добиться победы. Это восприятие не только сохранило проблему беженцев, но и стало причиной отказа заключить мир с Израилем. Таким образом, не реальность, а риторика сформировала коллективную память и сознание палестинцев. Подпитываемая образовательной программой и пропагандой, она сковала руки политикам и лишила их возможности примирения с Израилем.

Создание израильской демократии

Из всех государств, созданных после 1945 года, Израиль – одно из немногих, сохранивших демократический режим. Конечно, та демократия не была идеальной (и маловероятно, что такая демократия вообще где-либо существует), но, учитывая состояние войны, при котором был основан Израиль, сокрушительные демографические волны, сотрясавшие страну в первые годы существования, и характер иммигрантов – большинство их прибыли из стран, не имеющих демократических традиций, – есть что-то поразительное в скорости, с которой новое государство установило надлежащее управление и сделало власть демократической.

Из-за арабского противодействия мандатная администрация отказалась сотрудничать по любым вопросам, относящимся к Резолюции ООН от 29 ноября 1947 года. Поэтому никакой упорядоченной передачи власти от мандатных властей заменившему их еврейскому правительству не происходило. Более того, прямо накануне провозглашения государственности не было ясно, действительно ли государство будет создано и станет реальностью. Тем не менее руководство уже начало формировать новые структуры, призванные обеспечить преемственность власти и предотвратить анархию. В апреле 1948 года Исполнительный комитет

ВСО учредил Народный совет и Народную администрацию. Первый, состоящий из 37 членов, был своего рода зарождающимся парламентом, как отмечалось в предыдущей главе; последний, состоящий из 13 членов, послужил прообразом правительства. Члены обоих этих органов были частично из Исполнительного комитета Еврейского агентства, избранного сионистским конгрессом, а частично из Национального комитета, избранного евреями Палестины. Поскольку мандатное правительство запретило создание альтернативных правительственных органов, пока оно еще находилось у власти, этим организациям были даны наименования, подчеркивавшие, что источником их власти был народ, а не государство. После провозглашения государственности они стали Временным государственным советом и Временным правительством.

Хотя разногласия между политическими партиями и различные политические доктрины и взгляды оставались, всех объединяло чувство причастности к беспрецедентному, историческому, торжественному моменту. Это ощущение исключало споры и привело к взаимной терпимости, сотрудничеству и готовности идти на уступки. Таким образом, представители партий, отказавшихся от государственных должностей (Agudat Yisrael, ревизионисты и Коммунистическая партия), все равно участвовали в обоих органах. Ощущалось всеобщее волнение. «Все движутся, есть импульс, все напряжены и готовы, – писал Ури Хайншаймер (Ядин) 5 апре-

ля. – Неудивительно, что человек просыпается в пять утра. Несмотря на тяжелую работу до поздней ночи, кто может уснуть в такое время, кто ничего не сделает, чтобы пребывать в этом времени еще более бодрствующим, еще более интенсивным, еще более близким, более внимательным и посвященным?»¹⁴⁹ Вскоре после этого он был назначен ответственным за законодательство в Министерстве юстиции.

Была составлена Декларация независимости, включавшая в себя сионистский нарратив, объясняющий связь еврейского народа с Землей Израиля, международное признание права евреев на свою страну и гордое провозглашение «нашего естественного и исторического права» на создание еврейского государства на Земле Израиля. Границы страны не упоминались. Бен-Гурион отмел все возражения по этому поводу, подчеркнув, что даже в американской Декларации независимости не упоминаются границы. В декларации определяется характер государства как демократии, которая обеспечит полное равенство социальных и политических прав для всех его граждан, и обращение к соседним государствам и их арабским гражданам с предложением мира. Тем не менее государство должно было быть еврейским государством, открытым для еврейской иммиграции. Декларация была написана в нерелигиозном духе, и, хотя встречаются слова «как было задумано пророками Израиля», она не содержит ре-

¹⁴⁹ Дневник Ури Ядина, 10.5.1948 // Sefer Uri Yadin: ha'ish ufo'alo (В память об Ури Ядине) / Ed. A. Barak, T. Spanitz. Jerusalem: Bursi, 1990, p. 23.

лигиозных коннотаций. Представители Mizrahi выступили против такого подхода, и в духе тех великих дней был найден компромисс, в соответствии с которым документ заканчивался словами: «Уповая на Твердыню Израиля», – туманная фраза, которую можно интерпретировать либо как отсылку к Всевышнему, либо как литературную метафору, относящуюся к еврейскому народу.

Церемония провозглашения государственности в Тель-Авивском музее прошла скромно. Из-за опасений по поводу возможного воздушного налета или другого акта саботажа место и время церемонии держались в секрете, но музей не охранялся так тщательно, как следовало бы, и в ту пятницу днем большая толпа собралась у входа в здание. После того как Бен-Гурион прочитал декларацию, раввин Иегуда Лейб Фишман Маймон произнес благословение дрожащим от волнения голосом: «Благословен Ты, Господь Бог наш, Царь Вселенной, даровавший нам жизнь и поддерживающий ее в нас, и давший нам дожить до этого дня!» Присутствующие были поражены полным признанием независимости, когда Бен-Гурион зачитал «провозглашение» Временного правительства об отмене постановлений Белой книги 1939 года, которые запрещали иммиграцию. Иностранного правления больше не было. Документ о независимости с подписями присутствующих был положен в сейф в подвале Англо-Палестинского банка, чтобы в случае бомбардировки Тель-Авива он сохранился для поколений.

В своих размышлениях о том, каким должен быть режим, Бен-Гурион руководствовался концепцией *mamlakhtiyut* (этатизма). Он хотел, чтобы государство было суверенным образованием, которому подчинялись бы все другие государственные органы. Он стремился ввести под его эгиду все общественные полномочия ишува плюс полномочия, которыми ишув не обладал, такие как суды и правоприменение, монополия на применение силы и формирование законодательной и исполнительной ветвей власти. Он поддерживал все органы, которые укрепляли компетенцию государства и его статус как исключительного источника вдохновения и силы. Насколько мог, Бен-Гурион стремился ослабить все органы, стоявшие между властью государства и его гражданами, в частности, хотел ослабить влияние партий и социальных организаций, таких как движение киббуцев, являвшихся средством вербовки людей в период ишува. Вместо них он поддерживал новую государственную структуру как единый неоспоримый источник власти, обеспечивающий равенство для всех граждан и сохраняющий общее благополучие.

Со времени создания государства его юридическая инфраструктура была готова к работе. Министерство юстиции, одна из первых созданных структур, гарантировало, что вся деятельность правительства будет основываться на законе. В первую неделю существования государства все законы и постановления публиковались в «Официальной газете» (позже известной на иврите как *Rashumot*) в соответствии с принци-

пом верховенства права. Постановление о праве и управлении, принятое всего через несколько дней после создания государства, наделило правительственные учреждения полномочиями править до тех пор, пока не будут проведены полноценные выборы. «И все государственные службы работают: почта, порты, отгрузка цитрусовых, радио, аресты, экспроприации, налоговые платежи, гражданская оборона, надзор над местной властью, наем рабочей силы, контроль топлива и т. д. и т. п., — отмечал Ури Ядин, пораженный тем, как молодое государство функционировало всего через два месяца после своего создания. — Даже первые иски к правительству уже поданы», — добавил он, имея в виду иски в Окружной суд Тель-Авива, который тем временем был уполномочен исполнять обязанности еще не созданного Верховного суда¹⁵⁰. Израильская демократия начала работать.

Форма правления была определена почти случайно; предварительно не обсуждалось, копировать ли старые структуры или создавать новые. Парламентская система, при которой правительство подотчетно парламенту и должно заручиться его доверием, соответствовала как прецеденту, созданному сионистскими конгрессами, так и британской традиции. Из последней Бен-Гурион усвоил и скопировал концепцию коллективной ответственности — решение, принятое правительством, было обязательным для всех его министров. Кнессет, парламент Израиля, продолжил систему пропорционально-

¹⁵⁰ Ibid., 15.7.1948, p. 40.

го представительства, используемую сионистскими конгрессами. В те бурные дни никому и в голову не приходило поставить под сомнение эту избирательную систему, которая, отдавая предпочтение более мелким партиям, поощряла их существование, но позже она стала проклятием израильского парламента. Бен-Гурион потребовал изменения этой системы, но не смог ничего добиться. Тем не менее в течение следующих 15 лет Мараі была центральной партией в израильской политике, получив более трети мест в Кнессете. Она сформировала все правительства и была партией большинства во всех из них. Пока правление Мараі оставалось неизменным, система пропорционального представительства не наносила ущерба функциональной стабильности правительства.

Первый Кнессет, избранный 25 января 1949 года, должен был стать законодательным собранием, которое разработало бы и ратифицировало конституцию. Но вскоре стало ясно, что на данный момент никакая конституция не будет принята; вместо этого Кнессет примет ряд основных законов, которые со временем будут объединены в конституцию. Выбор британской парламентской системы, не имеющей конституции, был обусловлен как политическими, так и принципиальными соображениями. Израильские законодатели пересмотрели модель американской конституции, которая дает Верховному суду право объявлять законы, принятые законодательной властью, неконституционными. Бен-Гуриону

казалось, что эта власть игнорирует желания демократического большинства и ограничивает прерогативу правительства принимать решения. По той же причине партии на обоих полюсах политического спектра – Марап (Объединенная рабочая партия) и Негут («Свобода», основная правая партия) – поддерживали конституцию, поскольку она защищает права личности и меньшинств от тирании большинства. Они опасались, что без конституции правительство во главе с Мараі может принять законы, наносящие ущерб мелким партиям.

Бен-Гурион рассматривал конституцию как важнейший государственный символ, который учит своих граждан признавать верховенство права и принцип равенства перед законом. Но он утверждал, что признание верховенства права проистекает не из существования конституции, а из общего духа гражданственности. Во многих странах есть как великолепные конституции, так и режимы, которые являются деспотическими, тираническими и наносят ущерб свободе людей и их правам. Таким образом, конституция не панацея, гарантирующая демократию и права человека, и ее преимущества не перевешивают недостатки. Бен-Гурион также утверждал, что только 10 % евреев проживали в Израиле (в то время) и было бы неразумно со стороны крошечного меньшинства навязывать конституцию будущим поколениям репатриантов.

С политической точки зрения Бен-Гурион пытался

предотвратить внутреннюю борьбу, которую могло бы вызвать принятие конституции, и в особенности он хотел избежать обострения отношений с религиозными партиями. С принятием конституции встал бы вопрос о том, чтобы сделать Галаху источником права в Израиле, или, по крайней мере, потребовать основывать конституцию на еврейском законе, который судебная система полностью отвергала. Конституция также предусматривает кодификацию таких специальных соглашений, как «договоренность о статус-кво», которая была достигнута в ходе переговоров между Бен-Гурионом и Agudat Yisrael до 29 ноября 1947 года. Еврейское агентство заверило Agudat Yisrael, что в будущем суббота станет общественным днем отдыха, общественные кухни будут кошерными, галахические законы будут учтены в сфере гражданского состояния, а автономия религиозного образования будет сохранена, но будет включать в себя профильные предметы общеобразовательной системы. Было бы сложно закрепить это положение в конституции. Поскольку государство все еще не сформировалось, «культурная война» могла подорвать доверие к нему и разрушить внутреннюю сплоченность.

По прошествии 60 лет это кажется одной из величайших ошибок Бен-Гуриона, в основном потому, что он никогда не предполагал, что влияние религии и власть религиозных партий будут только расти. Он также согласился освободить студентов иешив и девушек, которые объявили себя религи-

озно соблюдающими, от военной службы, предполагая, что ультраортодоксальные евреи доживают свои последние дни и со временем либо полностью исчезнут, либо превратятся в небольшую незначительную секту. Что касается религиозно-сионистских партий, Hamizrachi и Наро'el Hamizrachi, он считал их верными партнерами по коалиции в Исполнительном комитете ВСО с 1935 года. Бен-Гурион сохранял такое терпимое отношение к религиозным партиям не только потому, что они были удобными партнерами по коалиции – их требования ограничивались сферой религии и не затрагивали ни внешнюю политику, ни экономические вопросы, – но и из принципиальных соображений. Для него эти партии представляли историческую традицию еврейского народа; он также считал, что рано или поздно они обречены на исчезновение как своего рода пережиток прошлого.

В первые годы существования государства травма Холокоста глубоко укоренилась в ультраортодоксальном сознании, рождение государства воспринималось как начало возрождения, а в синагогах в День независимости пели хвалебную молитву Hallel. В то время, вероятно, можно было бы договориться о принятии конституции в Израиле. Важность конституции выходит за рамки чисто юридического аспекта. Такой документ – ядро кристаллизации гражданского духа как центрального компонента государственной идентичности. Конституция могла бы внести значительный вклад в устранение разногласий в израильском обществе и стабили-

зировать общепринятые нормы управления. В этом отношении Бен-Гурион не предвидел динамики исторического развития. Однако нужно иметь в виду: оптимистическое предположение, что Бен-Гурион мог принять конституцию, просто домысел. Некоторые ученые полагают, что в те первые дни расхождения во мнениях с религиозным крылом были настолько серьезными, что сделать это не представлялось возможным.

Несмотря на то что конституция так и не была принята, Верховный суд с самого начала обладал как высоким статусом, так и юридическими полномочиями, выходящими за рамки предоставленных законом. В отличие от нижестоящих судов, которые были продолжением институтов, существовавших еще при мандатной администрации, Верховный суд оказался исключительно израильским детищем, не имеющим никакого отношения к институту времен мандата, который ему предшествовал. Первоначально Бен-Гурион считал, что это почетное государственное учреждение должно быть расположено в Хайфе, которая не была удостоена каких-либо государственных почестей, но назначенные судьи настаивали, чтобы оно располагалось в Иерусалиме, хотя в то время политический статус города был неясен. Церемония открытия Верховного суда 15 сентября 1948 года вызвала большой ажиотаж. Председатель суда Моше Змора с волнением признался: «На протяжении почти двух тысяч лет еврейский народ трижды в день молился о том, “чтобы поста-

вить судей твоих, как прежде, и советников твоих, как вначале”¹⁵¹. Сегодня мы с трепетом приближаемся к воплощению этого предсказания»¹⁵².

В первые годы судьи Верховного суда назначались политиками, и хотя можно было ожидать, что предпочтение будет отдано членам правящей партии *Мараи*, на самом деле цель состояла в том, чтобы создать политически сбалансированную коллегия судей, которая также представляла бы религиозно соблюдающих и политический центр, отдавая явный приоритет профессиональным юристам над политическими назначенцами. Со временем Верховный суд обеспечил свою независимость постановлением, согласно которому его собственные члены будут избирать новых судей единогласно. Политическая система в целом старалась поддерживать достоинство и независимость Верховного суда – верное проявление концепции этатизма.

Первоначально суд был склонен к вынесению постановлений в соответствии с буквой закона, возможно, под влиянием немецкой правовой системы, из которой вышли многие ведущие члены израильской системы. Историки разделились

¹⁵¹ Исаия / Йешаягу 1:26.

¹⁵² Речь Моше Змори на открытии Верховного суда // *Napraklit* 5, 1948–1949, p. 187, 189. Цит. по: *Lahav P.* *Ha'oz vehamisra: hashanim haformativiot shel beit hamishpat ha'elyon*, 1948–1955 (Мужество и энергия: Верховный суд Израиля: годы становления, 1948–1955 гг.) // *Atzmaut – 50 hashanim harishonot* (Независимость – первые пятьдесят лет) / Ed. A. Shapira. Jerusalem: Zalman Shazar Center, 1998, p. 152.

во мнениях относительно причин такой предрасположенности. Объяснения варьируются от страха судей столкнуться с коллективистскими настроениями, преобладавшими в израильском обществе, до их желания научить общественность уважать верховенство закона и государственную сферу. Но суд быстро расширил свои полномочия. В 1953 году две коммунистические газеты, ивритская Kol Ha'am («Глас народа») и арабская Al-Ittihad («Союз»), обратились в Верховный суд с ходатайством об отмене приказа министра внутренних дел о закрытии газет, поскольку они публиковали клеветнические статьи против правительства, которые были истолкованы как подстрекательство к общественным возмущениям против призыва в армию. Сама по себе эта проблема была бурей в стакане воды, поскольку статьи были опубликованы в ответ на рассказ о том, будто посол Израиля в ООН выразил согласие на мобилизацию 200 000 израильтян для борьбы против СССР в Корее, что оказалось уткой. Важнее было то, что суд отменил приказ министра внутренних дел, поскольку суд установил, что статьи не содержали достаточных оснований для ограничения свободы прессы. Суд основывал свое решение на свободах, закрепленных в Декларации независимости, тем самым придав декларации статус своего рода конституции, гарантирующей права и свободы личности.

В Декларации независимости упоминается право евреев на репатриацию в Израиль, и «собираение рассеянных» объявляется государственной целью. Это было преимуществен-

ное право, предоставленное именно евреям по сравнению с другими гражданами. Оно возникло из сионистского мировоззрения, согласно которому Израиль должен был стать еврейским государством, домом для каждого еврея, желающего жить в нем. Закон о возвращении, принятый в июле 1950 года, закрепил право, указанное в декларации. Соединение еврейской национальной идентичности и репатриации в Израиль предоставляет евреям безусловное право на израильское гражданство со дня их прибытия в страну, за исключением случаев, когда они угрожают общественному порядку (по причинам преступности, здоровья, безопасности или действий, направленных против еврейского народа). Гражданство включает право голосовать и быть избранным в депутаты. Когда в 1950 году был разработан закон, в нем не объяснялось, как определить, кто является евреем. В период с 1948 по 1951 год, в годы массовой иммиграции, никто не поднимал и не изучал этот вопрос, и чье-либо заявление, что он или она являются евреями, принималось и записывалось в графе «национальность» в удостоверении личности.

В конце 1950-х годов министр внутренних дел Исраэль Бар-Иегуда (из левой партии Ahdut Ha'avoda) обнаружил, что официальные лица его министерства трактуют закон по-своему, иногда добросовестно принимая заявления, а иногда отказывая. Он издал конкретные инструкции: любое лицо, добровольно заявляющее, что он или она евреи, а также дети от смешанных браков должны быть зарегистрированы

как евреи без излишних доказательств. Поправка Бар-Иегуды превратила гибкую процедуру в негибкий закон, и эта взрывоопасная проблема, которой до этого избегали благодаря двусмысленности Закона о возвращении, теперь была вынесена на общественную повестку дня. В июле 1958 года в Кнессете прошли первые дебаты на тему «Кто является евреем?». Правительство ратифицировало принципы Бар-Иегуды, тем самым определив, что человека можно считать евреем с точки зрения принадлежности к еврейскому народу, даже если это не соответствует еврейским религиозным законам. В ответ на это решение министры Mafdal (Национальной религиозной партии) подали в отставку. Для них этот вопрос был первостепенным, поскольку пересматривал границы еврейского сообщества.

Ввиду отсутствия компромисса, который примирил бы требования как нерелигиозной стороны об определении национальной идентичности, так и религиозных кругов, настаивавших на галахическом определении, Бен-Гурион решил проконсультироваться с 50 еврейскими мудрецами в Израиле и диаспоре. Вопрос осложнялся, во-первых, тем, что он адресовал его людям, не только незнакомым с этой проблемой, но и оторванным от реалий жизни в Израиле, а во-вторых, большинство из 50 избранных были религиозно соблюдающими. По сути, Бен-Гурион «препоручил» ответ, который удовлетворил бы Mafdal и положил конец кризису коалиции. И действительно, большинство респондентов заяви-

ли, что «кто является евреем» следует определять в соответствии с галахическим законом. Когда министры от Mafdal вернулись в состав правительства, Министерство внутренних дел было передано религиозному человеку, отменившему принципы, которыми руководствовался его предшественник, и неофициально приказавшему должностным лицам министерства регистрировать в качестве евреев только лиц, рожденных от еврейской матери или обращенных в иудаизм в соответствии с Галахой. Не будучи основанными на законе, эти инструкции повлекли за собой обжалования.

Первая апелляция, основанная на противоречии между положениями закона и постановлениями министра внутренних дел, была подана братом Даниэлем, кармелитским монахом еврейского происхождения, прежнее имя которого было Давид Освальд Руфайзен. Руфайзен считал себя евреем христианской веры и просил записать его в удостоверение личности евреем. Сотрудник Министерства внутренних дел отклонил его просьбу, и в 1962 году Руфайзен подал прошение в Верховный суд, требуя реализации своих прав в соответствии с Законом о возвращении. Его ходатайство требовало от суда решить, совпадает ли определение еврейской национальности, данное в Законе о возвращении, с его религиозным определением, или они разные. Мнением большинства суд вынес решение против брата Даниэля, обосновав это не галахическим определением «кто является евреем», согласно которому он фактически считался евреем («еврей, кото-

рый перешел в другую веру, остается евреем»), но тем, как еврея воспринимает обыватель. Никто бы не подумал, что христианский монах может быть евреем. Однако по крайней мере один судья считал, что должно быть полное разграничение между религиозным и национальным определениями еврейства, и поэтому пришел к выводу, что брат Даниэль был евреем согласно его собственному определению. В конце концов брат Даниэль получил гражданство в соответствии с Законом о гражданстве, который распространяется на всех нееврейских граждан в Израиле, но идеологический вопрос остался нерешенным. Может ли человек быть евреем по национальности, не будучи евреем по религии?

Споры вспыхнули несколько лет спустя, когда Биньямин Шалит, старший офицер ЦАХАЛа, женившийся на шотландке, которая считала себя атеисткой, потребовал, чтобы их дети были зарегистрированы как евреи. Когда регистратор отклонил его просьбу, Шалит подал апелляцию в Верховный суд с ходатайством, основанным на Законе о возвращении. В пространном решении суд признал право детей Шалита быть зарегистрированными как евреи на том основании, что Закон о возвращении не содержал формального определения, «кто является евреем». В нем говорилось, что дети, растущие в Израиле, воспитанные как евреи, идентифицирующие себя с еврейским народом, достойны признания их евреями. Суд добавил, что это никоим образом не подрывает галахическое восприятие, поскольку удо-

ствование личности — официальный государственный документ, который не доказывает и не опровергает еврейское происхождение человека для брака и развода, находящихся в юрисдикции раввинских судов.

Соблюдающий религиозные предписания считал, что суд взял на себя право проводить различие между религиозной и национальной идентичностью, «сиамскими близнецами», которые сопровождали евреев на протяжении всей истории. Впервые против соединения этих двух аспектов выступил Клермон-Тоннер в дебатах об эмансипации евреев во Франции во время Французской революции. Он был готов предоставить евреям равные права при условии, если они откажутся от своей идентичности как нации и будут придерживаться только своей религиозной идентичности. В Израиле встал противоположный вопрос: может ли человек быть евреем по национальности, не будучи иудеем по вере? Эта тема была связана с другой, более сложной: означает ли это, что Государство Израиль должно разрешать гражданские браки? В конце 1960-х годов этот вопрос вызвал бурную полемику между несоблюдающими евреями и сторонниками религиозной традиции. Тем не менее он оставался на периферии общественного дискурса, поскольку подавляющее большинство несоблюдающих евреев принимали связь между религиозной и национальной идентичностью как самоочевидную и не оспаривали религиозный характер ни законов о браке и разводе, ни обрядов жизненного цикла (обрезание, бар ми-

цва, похороны).

В конце концов, под давлением религиозных партий в 1970 году была принята поправка к Закону о возвращении, которая определяла еврея как человека, рожденного от матери-еврейки, или человека, который принял иудаизм и не перешел в другую конфессию. Это определение содержало две уступки нерелигиозной общественности. Во-первых, нет упоминания о «переходе в иудаизм в соответствии с галахическим законом», это означает, что в определение включаются также и те, кто принял иудаизм через реформистские или консервативные синагоги в Соединенных Штатах, не признанные ортодоксальным религиозным сообществом в Израиле. Во-вторых, с тех пор Закон о возвращении будет также включать детей и внуков евреев, чтобы потомство от смешанных браков также имело право на репатриацию. Это правило касалось прежде всего выходцев из СССР. Оно стало центральным вопросом после массовой эмиграции из России в 1990-е годы (о которой будет сказано позже).

Консолидация государственной власти

Необходимость перехода от общества, управляемого на основе общего консенсуса, как в период ишува, когда каждый мог отвергнуть власть большинства и удалиться, к государству, управляемому правительством в соответствии с законом, которое имело право принуждать, не была приня-

та как самоочевидное обстоятельство. Таким образом, государство должно было сначала обеспечить свою монополию на применение силы. Как мы видели, меньшинства ишува, не признававшие правил большинства, представляли собой в этом отношении проблему. С созданием государства подпольная организация Lehi объявила о роспуске и о том, что ее солдаты присоединятся к ЦАХАЛу. Однако Etzel этого не сделала. Еще до того, как государство было создано, оно вело переговоры с лидерами Haganah об интеграции в армию нового государства. Etzel требовала для себя особых прав, таких как сохранение своих подразделений в составе ЦАХА-Ла, а также соглашения о том, что она не будет упразднена в Иерусалиме, вопрос включения которого в состав Государства Израиль все еще не был решен. Однако Etzel согласилась признать власть государства, и ее солдаты вступили в Армию обороны Израиля.

Однако во время первого прекращения огня разразился кризис. Судно Altalena (псевдоним Жаботинского), принадлежащее организации Etzel, с оружием и иммигрантами достигло берегов Израиля. Поскольку правительство взяло на себя обязательство ООН не ввозить оружие во время прекращения огня, корабль был направлен на удаленный пляж в Кфар-Виткин в надежде, что инспекторы ООН не обнаружат его и он сможет там выгрузить оружие и передать его в Армию обороны Израиля. Etzel пыталась договориться, чтобы ее подразделения имели приоритет в получении оружия,

а часть груза будет отправлена в отдельную организацию в Иерусалиме. Правительство отклонило эти условия и отказалось принять Etzel в качестве партнера по переговорам. Первоначально Etzel казалась готовой передать оружие ЦАХАЛу, но вскоре дала понять, что этого не будет. На берегу произошли столкновения между бойцами Etzel и солдатами ЦАХАЛа, жертвы были с обеих сторон. Корабль отправился в плавание и сел на мель у Тель-Авива на глазах у мировых СМИ. Менахем Бегин, командир Etzel, поднялся на борт корабля и в пламенном радиообращении призвал однополчан приехать и помочь разгрузить груз. Бывшие члены Etzel покинули подразделения ЦАХАЛа и поспешили к берегу. Последовали ожесточенные столкновения между бойцами Etzel и солдатами ЦАХАЛа. В Тель-Авиве был введен комендантский час, а командующему Palmach Игалю Алону было приказано остановить то, что правительство и большая часть общественности рассматривали как попытку бросить вызов власти. Пушечный выстрел, выпущенный из лагеря Йона на севере Тель-Авива, попал в судно, оно загорелось. Несколько человек были убиты или ранены, а члены Etzel вынужденно покинули горящее судно и сдались. История корабля Altalena создала миф о Менахеме Бегине – лидере, готовом взять на себя ответственность за благосостояние нации в целом, поскольку, когда корабль загорелся, он призвал своих людей прекратить сражаться и избежать междоусобной войны. Но это также стало основополагающим мифом о госу-

дарственном суверенитете Израиля, поскольку Бен-Гурион доказал свою решимость обеспечить государственный контроль с помощью военной силы, если это необходимо. Люди Etzel теперь вернулись в Армию обороны Израиля в индивидуальном порядке и были приняты в различные подразделения.

17 сентября 1948 года посредник ООН граф Фольке Бернадот был убит бывшими членами Lehi. В ответ правительство приняло решительные меры, арестовав активистов Lehi и Etzel и уничтожив последние остатки независимости Etzel в Иерусалиме. В сентябре 1948 года Бен-Гурион приказал расформировать Palmach. Palmach как передовая часть Армии обороны Израиля доказала свою состоятельность в ожесточенных боях. Это не нарушило дисциплину ЦАХАЛа и не представляло потенциальной угрозы правительству, как то случилось с Etzel. Но штаб-квартира Palmach была политически связана с левыми, особенно с Марам, левой партией, основанной в январе 1948 года. Бен-Гурион желал, чтобы армия была в первую очередь лояльной к государству, а не каким-либо партиям или организациям. Упразднив Palmach, он намеревался показать, что существует только одна армия, ЦАХАЛ, и один законный источник власти — избранное правительство. Были те, кто утверждал, что Бен-Гурион пытался ослабить своих политических противников, но, оглядываясь назад, ясно: нет никаких сомнений в том, что его действия создали прецеденты для государства, кото-

рое гарантировало невмешательство армии в политику.

Общество ишува обладало широким политическим самосознанием. Его партии были мобилизующими и организующими субъектами, которые способствовали посредничеству между человеком и обществом. Все распределялось в соответствии с политической преданностью: иммиграционные свидетельства, национальное поселение, национальное командование Haganah, биржи занятости, даже порядок посадки на суда нелегальной иммиграции. Знамя этатизма, поднятое Бен-Гурионом, предназначалось для противодействия власти политических организаций и утверждения государства как представителя всеобщих интересов, которое стремилось обеспечить благополучие всех граждан. Государство придерживалось политики равенства для своих граждан независимо от их политической принадлежности.

Как мы видели, деполитизация армии была одной из первых мер, предпринятых с этой целью. Пятеро из шести начальников штабов ЦАХАЛа, служившие под руководством министра обороны Бен-Гуриона, были беспартийными, и неслучайно. Старшие офицеры, явно склонявшиеся влево, не нашли себе места в ЦАХАЛе. В 1950-х годах все еще можно было найти старших офицеров ЦАХАЛа, активных в политических партиях, в основном в Mera'ei, но принцип разделения политической деятельности и активной военной службы постепенно проник в общественное сознание и к концу периода стал общепризнанным. Правовая система бы-

ла еще одной ареной деполитизации. Судя по дискуссии на тему «кто является евреем?», большинство судей не имели явной политической принадлежности, в то время как суды проявляли идеологический нейтралитет и без колебаний критиковали государственные учреждения.

С другой стороны, государственная служба строилась на базе отделов, существовавших в Исполнительном комитете Еврейского агентства, Национальном комитете и правительстве мандата. Первые два имели традицию политизации, теперь перенесенной и на госслужбу. Каждый министр быстро укомплектовал министерство своими друзьями. Идея профессиональных государственных служащих, которые могли бы служить противовесом министру с его пристрастными соображениями, была едва ли приемлема. Первое десятилетие госслужащий работал в интересах министра. Наконец, в 1959 году был принят ряд законов о государственной службе, в них устанавливались универсальные меритократические критерии назначения на должности. Отныне каждый министр имел право назначать троих своих людей на «доверительные должности», в то время как остальные должностные лица выбирались профессиональными комитетами на основе навыков, и министру не разрешалось их заменять. Эти назначения были возложены на Комиссию государственной службы.

Принцип меритократии в конечном итоге восторжествовал, так что уровень образования и способностей государ-

ственных служащих оказал большее влияние на их продвижение по службе, чем их политическая принадлежность. Прекрасный пример – развитие Министерства финансов. Его государственные служащие были учениками молодого экономиста, американского иммигранта по имени Дон Патинкин, который привнес современное экономическое мышление на факультет экономики Еврейского университета. «Парни Патинкина» стали ядром профессионального персонала Министерства финансов и Банка Израиля, и они ввели нормы профессионализма и политического нейтралитета в такие финансовые области, как управление государственным бюджетом, ассигнование министерств, сбор налогов и т. д.

В период ишува система образования была разделена на «потoki», контролируемые разными группами интересов. «Общее течение» было сионистским и нерелигиозным; оно не имело политической окраски, но отождествлялось с центром и правыми и управлялось муниципалитетами и местными советами. «Рабочий поток» Histadrut обучал студентов физическому труду, сельскому хозяйству, организовывал поездки в кибуцы и воспитывал преданность коллективу. Это способствовало сближению с социалистическими образами и идеями и отождествлению с миром униженных и угнетенных. На школьных дворах активно действовали новаторские молодежные движения, связанные с политическими партиями. «Сионистско-религиозное течение» принадле-

жало Hamizrachi и содействовало изучению религии и религиозного мировоззрения, но также включало общие предметы с упором на традиционные еврейские и сионистские ценности и образы. Наконец, на «независимом потоке» Agudat Yisrael велись только уроки религии.

Образование – важный инструмент формирования национальной идентичности. Если оставить его в руках политических фракций, это законсервирует политическое наследие ишува. Но ни одна из этих групп не стремилась отказаться от своей власти, особенно рабочий поток, могущество которого возросло из-за его доминирования в лагерях иммигрантов и ma'abarot (транзитных лагерях, о них будет сказано позже). Теперь это был самый большой поток, хотя его масштабы в период ишува не были особо выразительными (большинство рабочих в городах и мошавах отправляли своих детей в общеобразовательные школы). После ожесточенных столкновений между религиозными и рабочими потоками из-за детей-иммигрантов была выработана договоренность. Hamizrachi и рабочий поток согласились отказаться от политического контроля над образованием, которое теперь находилось в ведении Министерства образования и было разделено на «государственное» и «государственно-религиозное» направления. «Независимый поток» Agudat Yisrael по-прежнему контролировал свою собственную систему образования, но, как мы видели, был небольшим, и никто не думал, что у него есть будущее.

Говорят, Бен-Гурион предполагал, что государственное образование будет проводиться в духе рабочего движения, которое в то время активно развивалось. Но все сложилось иначе. Хорошо это или плохо, но образование приняло нейтральный характер. Критики Бен-Гуриона позже утверждали, что устранение потоков фактически привело к разрушению рабочего потока и его особого способа обучения, в то время как другие потоки остались такими, какими были изначально. В результате уменьшилась способность левых распространять свое мировоззрение среди молодого поколения. В то же время передача контроля за образованием от политических фракций государству была большим достижением для концепции этатизма.

Одним из центров политической власти стали биржи труда. С конца 1930-х годов ими руководило Еврейское агентство. Их укомплектование персоналом и распределение работ определялось политически. Когда было создано государство, биржи труда были переданы Министерству труда, но их политизированный характер и влияние политической принадлежности соискателей на поиск работы для них сохранялись до конца 1950-х годов, когда биржи труда стали «службами занятости» со своими штатными госслужащими. Процедуры распределения работ теперь проводились в соответствии с правилами государственной службы и под контролем государственного контролера: еще одна победа этатизма.

Другие движения, помимо рабочих, обнаружили, что их

традиционные роли узурпированы государством. Созданная Герцлем Сионистская организация – «зародыш государства» – внезапно осталась без четкой миссии. Еврейское государство стало реальностью. И что теперь? Вопрос о роли и положении Всемирной сионистской организации в новом государстве был связан с отношениями между Израилем и сильной, богатой американской еврейской общиной. Американское еврейское руководство было готово поддержать создание ишува в Палестине и одобряло отправку ему помощи, но при условии, что его деятельность не будет иметь национальных устремлений, которые могли бы сыграть на руку антисемитским элементам в американском обществе, которые затем могут обвинить американских евреев в двойной лояльности. Так, например, Hadassah (Женская сионистская организация Америки) заведовала обширной системой здравоохранения в ишuve. Начав работать еще в британской Палестине, она создала систему профилактической медицины, центры по уходу за младенцами и больницы в ишuve, а затем и в Израиле. Американский еврейский объединенный распределительный комитет (Joint) также активно действовал в стране. По крайней мере на первый взгляд эти организации функционировали как благотворительные, а не как национальные.

Некоторые группы среди американской еврейской элиты полностью отмежевались от Сионистской организации. Самым радикальным из них был Американский совет по иуда-

изму, который зашел так далеко, что начал яростную антиссионистскую пропаганду; его члены помогали представителям арабских стран готовить выступления в ООН, когда решение о разделе еще не было принято. Другие группы, такие как Американский еврейский комитет (АЕК), заняли более умеренную позицию. Их беспокоило участие в делах, которые могли бы представить евреев как нацию, а не только как конфессию, и отмежевывались от сионизма. Этой позиции придерживалось и реформаторское движение. По мере того как стала известна судьба европейского еврейства, лидеры несионистского американского еврейства все больше склонялись к тому, чтобы примкнуть к сионистской борьбе, а также внести щедрые пожертвования для закупки оружия, создания оружейной промышленности в Израиле и финансирования Войны за независимость. Лидеры АЕК Джозеф М. Проскауэр, а позже Джейкоб Блаустайн и главы Объединенного еврейского призыва Генри Моргантау-младший и Генри Монтгор установили прямую связь с Бен-Гурионом и его коллегами из сионистского Исполкома, минуя руководство Сионистской организации Америки. В то время у Сионистской организации Америки было сильное и влиятельное руководство во главе с Аббой Гиллелем Сильвером и Эммануэлем Нойманом, которое не сходилось во взглядах с Бен-Гурионом по многочисленным вопросам и, соответственно, не демонстрировало готовность мобилизоваться для оказания помощи государству по целому ряду требований. Эта позиция

не устраивала Бен-Гуриона, который считал, что Сионистская организация должна быть безоговорочно отвержена Государству Израиль.

Создание государства поставило два основных вопроса в повестку дня в отношении Сионистской организации. Первым было определение разницы между сионистами и несионистами в нынешней ситуации, когда государство уже существовало. Второй вопрос – пересмотр границ суверенитета государства по отношению к Сионистской организации. Бен-Гурион теперь не видел реальной разницы между сионистами и несионистами; ни одна из групп не иммигрировала в Израиль, в то время как обе хотели, чтобы Израиль процветал, и действовали в его интересах. Более того, возможности несионистов по сбору средств оказались намного существеннее, чем у сионистов. Что касается политического влияния, то у несионистов были гораздо более влиятельные связи. Сионистская организация потерпела резкое падение как престижа, так и влияния, в то время как несионисты во главе с президентом АЕК Блаустайном требовали четкого определения границ власти государства, которая распространялась бы только на его граждан, без каких-либо поползновений по отношению к американскому еврейству. Они также потребовали, чтобы Соединенные Штаты были определены как «диаспора», а не «рассеяние» (термин, подразумевающий, что евреи должны иммигрировать в Израиль) и чтобы лозунг «собираание изгнанников» не применялся к аме-

риканскому еврейству, но только к странам, где евреи находились в бедственном положении.

Фактически в вопросе иммиграции не было разницы между несионистами и сионистами. Оба считали Соединенные Штаты родиной, а не местом изгнания. Но сионисты хотели, чтобы Израиль признал их посредником между новым государством и евреями диаспоры; Сионистская организация будет представлять этих евреев по отношению к Израилю и представлять Израиль для них. Бен-Гурион сразу отверг эту идею; суверенное Государство Израиль могло устанавливать отношения с кем бы то ни было. Он категорически отказался предоставить Сионистской организации исключительные права в качестве посредника. По его словам, есть много евреев, которые не были сионистами, и они также хотят сыграть свою роль в строительстве государства. Здесь сошлись два интереса: государства, определявшего себя как центр и источник чаяний мирового еврейства, и интересы несионистов в том, чтобы помешать Сионистской организации получить статус единственного представителя евреев диаспоры.

Бен-Гурион был непреклонен: только граждане Израиля имели право влиять на его политику, а евреи, не живущие в нем, не имели права вмешиваться. Однако он заявил, что государство не намерено вмешиваться во внутренние дела американских еврейских общин. Это был дух «взаимопонимания», достигнутого между Бен-Гурионом и Блаустайном. На Двадцать третьем сионистском конгрессе в 1951 го-

ду, первом после создания государства, цели сионизма были изложены в Иерусалимской программе: «Задача сионизма заключается в укреплении Государства Израиль, собирании изгнанников в Эрец-Исраэль и заботе о единстве еврейского народа». Это определение было крайне двусмысленным. Упоминание о «собирании изгнанников» не проводило различий между странами, в которых евреи находились в бедственном положении, и евреями Запада, но факт, что оно не было направлено в отношении евреев Запада. Формулировка «еврейский народ» также была чрезвычайно расплывчатой ввиду беспокойства за чувства Блаустайна и других несионистов.

Однако конгресс решил, что Израилю следует принять закон, признающий особый статус Сионистской организации как представителя евреев диаспоры. Такой закон противоречил не только «договоренностям» между Бен-Гурионом и Блаустайном, но и интересам Израиля, как их понимал Бен-Гурион. Следовательно, на пути от решения конгресса до принятия закона Кнессетом статус Сионистской организации был подорван. Параграф, описывающий Сионистскую организацию как «представителя еврейского народа», был удален и заменен описанием ее как «уполномоченного агентства», действующего в Израиле для развития и заселения страны, абсорбции репатриантов и координации деятельности еврейских учреждений, работающих в этих сферах в Израиле. В 1954 году между Сионистской организацией и пра-

вительством был подписан договор, согласно которому Сионистская организация получила официальный статус представителя мирового еврейства во всех вопросах, касающихся ее миссий. Но это соглашение не помешало правительству Израиля вести переговоры с другими еврейскими организациями. Предприятие State of Israel Bonds (Облигации Государства Израиль) с доходом от продаж выше, чем у United Jewish Appeal (чей доход снизился в 1950-е годы), было передано в руки несионистов.

Бен-Гуриону было легче вести переговоры с представителями несионистских организаций. Представители Сионистской организации были членами партии с политическими претензиями, стремившимися вмешаться в дела Израиля как изнутри, так и извне. Несионисты, со своей стороны, не хотели вмешательства Израиля в дела диаспоры и соответственно воздерживались от вмешательства в дела Израиля. Вместо политической власти они просили лишь уважения и чтобы к их советам прислушивались. Бен-Гурион утверждал, что Сионистская организация выполнила свою роль, и выступал за ее роспуск, но даже в своей собственной партии он не нашел поддержки этой позиции. Многие в израильском руководстве чувствовали приверженность организации, которая только недавно возглавила борьбу за создание государства. Они также признали, что Сионистская организация и Еврейское агентство (многие состояли и там, и там) имели опыт в организации иммиграции, а также в

приеме и абсорбции репатриантов. Поэтому они поддерживали дальнейшее существование организации, несмотря на противодействие Бен-Гуриона.

С годами различия между сионистами и несионистами в американском еврействе стали размытыми. Тема двойной лояльности, беспокоившая несионистов после создания государства, теперь сделалась маргинальной. Энтузиазм, охвативший евреев диаспоры в связи с Шестидневной войной, разрушил барьеры между двумя типами идентификации с государством. В 1968 году была сформулирована вторая Иерусалимская программа, провозгласившая следующие цели сионизма: «Единство еврейского народа и центральная роль Израиля в еврейской жизни; собирание еврейского народа на исторической родине, Эрец-Исраэль, через алию из всех стран; укрепление Государства Израиль, основанное на пророческом видении справедливости и мира; сохранение самобытности еврейского народа посредством развития иудейского, еврейского и сионистского образования, а также еврейских духовных и культурных ценностей; защита прав евреев повсюду». Очень мало осталось от «понимания» Бен-Гуриона – Блаустайна начала 1950-х годов. Программа признала центральную роль Израиля в жизни еврейского народа; она провозгласила иммиграцию одной из целей сионизма, не исключая западных евреев; и это придало Сионистской организации важную роль в диаспоре, которой ранее она не играла. В 1971 году было создано расширенное Ев-

рейское агентство, в котором 50 % представителей были от Сионистской организации, 30 % – от Объединенного еврейского призыва и 20 % – от организаций-участников со всего мира. Таким образом, пал последний барьер между благотворительными организациями, большая часть которых была представителями несионистских организаций, и сионистскими представителями.

Становление израильской демократии

В отличие от норм, принятых в других социальных демократических государствах, в Израиле левые выступали против «большого правительства», а правые поддерживали его. Самостоятельно созданные организации левых, как, например, киббуцное движение, организаторские навыки и самоотверженность участников которого лежали в основе способности к мобилизации и предприимчивости, в период мандата только укрепившихся, при передаче их государству не допустили потери выполняемых ими национальных функций. Марам, марксистская партия, созданная в 1948 году в результате союза между партией Hashomer Hatzá'ir (базировалась в киббуце Ha'artzi Hashomer Hatzá'ir) и Ahdut Ha'avoda (созданная в 1944 году бывшими членами Maraí, большинство из которых принадлежали к Hakibbutz Hameuhad), рассматривали этатизм как попытку Бен-Гуриона лишить рабочее движение его идеологической и социально-экономиче-

ской базы и передать государству роль национального строительства. Марам считала себя левой альтернативой Мараі и интерпретировала этатизм Бен-Гуриона как грубую попытку сместить его, пока Мараі захватывала новые позиции во власти.

Чувство отчуждения левых от нового государства усилилось после роспуска Palmach, требований Бен-Гуриона, чтобы киббуцы приняли наемных рабочих из числа новых иммигрантов (что будет рассмотрено позже), а также усмирения «Восстания моряков» – забастовки израильского торгового флота, подавленной военно-мобилизационными приказами. В годы холодной войны левые слепо восторгались СССР, в то время как Бен-Гурион перевел Государство Израиль с позиции нейтралитета, которую оно заняло во время Войны за независимость, на явно прозападную позицию. Левые были настроены враждебно по отношению к этатизму и Бен-Гуриону, потому что считали, что такая политика исторически ущербна. Они выступали против политической линии Бен-Гуриона, которая не соответствовала их идеологии и политике.

Первый период существования Израиля (1948–1967) ознаменовался господством власти Мараі. Партия имела большинство во всех правительствах, возглавляемых Бен-Гурионом. Она также имела большинство в исполнительном комитете Histadrut, членом Мараі был и генеральный секретарь Histadrut. Члены партии занимали большинство

должностей в Histadrut, в том числе в Hevrat Ha'ovdim (сообщество рабочих, дочерняя компания Histadrut), Solel Boneh (крупная строительная компания Histadrut) и даже в рабочих советах, которые строго следили за рабочими местами, не давая особых полномочий рабочим комитетам или профсоюзам. Большинство госслужащих также состояли в Mapai. Mapai и Histadrut напоминали исполнителей, которым поручено проводить в жизнь принципы этатизма. Они действовали как своего рода преторианская гвардия, проводившая государственную политику, сформулированную Бен-Гурионом. Данный процесс превратил Mapai в политическую машину, пресекающую любые попытки демократизировать ее изнутри или извне, изменить способ работы или ввести новые фракции в свое руководство. Этатизм Mapai был патерналистским, так как власть находилась в руках одного политического движения, ведущего государство в том направлении, которое оно считало лучшим для общественного блага. В тот период Израиль был парламентской демократией, но с немыслимым для демократических стран уровнем централизации политической и экономической власти. Демократия народа, для народа, но все же без народа.

Бен-Гурион заявлял о возможности создания коалиции, включавшей весь политический спектр партий Израиля, но «без Herut и Maki» (последняя – Коммунистическая партия Израиля). Herut была партией, основанной Менахемом Бегин-ом после распада Etzel. Не было уверенности, что Бегин ре-

шит переключиться на парламентскую деятельность и принять правила демократической игры, равно как и его поведение и политический стиль в те первые годы не всегда соответствовали этим правилам. В 1952 году, когда Кнессет обсуждал соглашение о репарациях с ФРГ (что будет рассмотрено позже), Бегин позволил демонстрантам из своей партии напасть на Кнессет и забросать камнями его фасад, пока спикер не был вынужден прервать заседание – в истории законодательной власти это случилось первый раз. Бегин применял популистские приемы, так, например, на предвыборных митингах его сопровождали мотоциклисты. Он позиционировал свою правую партию как истинную альтернативу Мараи и ее социалистическим методам. Но суть его концепции была внешнеполитической: претензии на контроль над всей Землей Израиля по обе стороны реки Иордан. Он обвинил правительство Бен-Гуриона в малодушии и подчинении великим державам, однако большинство израильтян считало его взгляды воинственными и нереалистичными.

Хотя со временем Herut стала более умеренной, и недоверие, вызванное ее недемократической тактикой, уменьшилось, все же до тех пор, пока Бен-Гурион был премьер-министром, Herut не входила в коалицию. Партии не удавалось набрать более семнадцати мест в Кнессете. В 1965 году Herut объединилась с Либеральной партией (созданной Общими сионистами) в надежде избавиться от имиджа радикальной, безответственной правой партии и охватить более

широкую аудиторию избирателей. Новая партия получила название Gahal (аббревиатура от Gush Herut-Liberalim, либерального блока Herut). Несколькими месяцами ранее, в 1964 году, премьер-министр Леви Эшколь выполнил последнюю волю Зеева Жаботинского в его завещании, что независимое израильское правительство доставит его останки в Израиль для перезахоронения. Этот символический акт ознаменовал легитимацию партии Herut в политической жизни Израиля.

Maki, коммунистическая партия Израиля, вообще не входила в сионистский блок. Хотя она признавала существование Израиля как государства (поскольку СССР проголосовал за решение о создании двух государств 29 ноября 1947 года и признал Израиль), это была антисионистская партия, которая безоговорочно придерживалась просоветской политики. Maki была двусоставной и по-настоящему предоставляла голос израильским арабам в период после войны 1948 года, когда их притесняли и лишили всякой связи с миром. Она выступала категорически против военного положения, навязанного арабам после войны, и против правительственной экспроприации арабских земель. Со временем партия поляризовалась между еврейскими членами, которые возражали против арабских националистических заявлений, призывавших упразднить Израиль, и арабскими членами партии, которые поддерживали подобные заявления. По одной из версий, на секретном заседании центрального комитета партии член Кнессета Тауфик Туби предложил СССР объ-

явить создание Государства Израиль сталинской ошибкой, которую необходимо исправить. Предложение было отклонено голосованием. В 1964 году партия раскололась. В Маки остались только евреи, а отколовшаяся партия Ракаш (сокращение от Reshima Kommunistit Hadasha, Новый коммунистический список) почти полностью состояла из арабов. Накануне Шестидневной войны Маки поддержала позицию Израиля, а Ракаш выступила за арабов.

Арабское меньшинство в Израиле после Войны за независимость насчитывало 156 000 человек, что составляло около 20 % населения. Большинство арабов жили в Галилее и в «Малом треугольнике»¹⁵³, переданном Израилю Иорданией после заключения соглашения о перемирии, и в Негеве. У них, ошеломленных поражением, бегством и изгнанием, не было признанного лидера. Израиль захватил брошенную арабскую собственность и экспроприировал арабские земли для еврейских поселений. По некоторым оценкам, от 40 до 60 % принадлежащих арабам земель в израильских районах в 1948 году было передано еврейским поселенцам. В Декларации независимости Израиль заверил своих арабских жителей в равных правах, но после войны Бен-Гурион убедился, что арабам нельзя доверять и что по соображениям безопасности им следует назначить военное управление, а это означает, что они были лишены права защищать себя в из-

¹⁵³ Населенные пункты Кафр-Касем, Джальджулия, Кафр-Бара и другие, расположенные в центре Израиля, неподалеку от «зеленой линии».

райской судебной системе.

По иронии судьбы это военное управление основывалось на чрезвычайных законах об обороне времен мандата, которые использовались в свое время против еврейского ишсува. Военная администрация ограничивала свободу передвижения арабского населения. Им требовалось разрешение на выезд из своих городов и деревень, что не позволяло получить работу или высшее образование в центре страны. Военная администрация имела право сносить здания и конфисковывать землю, если считала, что они использовались для совершения враждебных действий. Работа в сфере образования или муниципалитетов зависела от согласия администрации. Помимо Маки и после 1954 года Марам, арабы были исключены из еврейских политических партий. Только в 1960 году они были приняты в качестве равноправных членов в Histadrut, название которой теперь было изменено на Всеобщую федерацию рабочих Израиля. Мараи создала арабские «сателлитные» (избирательные) списки, по которым могли избираться члены, поддерживавшие Мараи в Кнессете. В этом начинании партию поддержала военная администрация, сотрудники которой относились к арабскому меньшинству как к клиентуре, получавшей привилегии в обмен на политическую поддержку. Активисты Мараи благоволили вождям арабских кланов, обеспечивавшим голоса на выборах. Во втором десятилетии существования Израиля законодательство военного управления было смягчено и отме-

нены ограничения на передвижение. Но, даже несмотря на то, что большинство партий (в том числе Herut) выступали за упразднение вредного, устаревшего аппарата военной администрации, пятна на израильской демократии, это было сделано лишь в 1966 году, во время премьерства Леви Эшколя. После этого «сателлитные» списки были постепенно смягчены, а затем полностью ликвидированы в 1981 году, и появились независимые арабские партии.

В истории еврейско-арабских отношений в Израиле 1950-х годов символом стало одно трагическое событие. 29 октября 1956 года, накануне Синайской кампании, напряженность на границе с Иорданией обострилась. Командующий сектором изменил ночной комендантский час, введенный в деревнях с 21:00 до 17:00, без предупреждения рабочих на полях. Командир батальона пограничной полиции приказал своим подчиненным стрелять в любого, кто нарушит комендантский час. Из восьми командиров взвода батальона семеро позаботились, чтобы жителям было разрешено безопасно вернуться в свои дома, но один выполнил приказ беспрекословно, и в тот вечер в Кафр-Касеме были убиты 47 мужчин, женщин и детей.

Военное руководство было шокировано. Его немедленной реакцией стало стремление скрыть это. Бен-Гурион попытался заглушить общественное мнение. Военная цензура запретила всякое упоминание о бойне, но новость быстро распространилась. Члены Кнессета от Маки опросили раненых

в больнице и взяли показания. После этого, защищенные депутатской неприкосновенностью, они раскрыли все подробности с трибуны Кнессета. Оппозиционная газета Ha'olam Hazeh с вопиющим нарушением цензуры напечатала шокирующие факты. Израильская общественность была ошеломлена. 11 офицеров и солдат предстали перед судом, восемь были приговорены к длительным срокам тюремного заключения, хотя в течение двух лет все они получили помилование. Суд, в рассмотрении которого находилось это дело, создал прецедент, ставший с тех пор краеугольным камнем израильского законодательства: приказ, над которым развевается «черный флаг», явно незаконен. Иными словами, оправдание того, что кто-то выполнял приказ, недействительно в тех случаях, когда приказ несомненно незаконен — как в данном случае, когда он связан с убийством невинных мирных жителей. Арабское население не забыло о Кафр-Касеме. Ежегодно отмечается день памяти этой бойни, которую преподносят как звено в цепи несправедливостей и жестоких действий, совершаемых Государством Израиль против арабов.

С другой стороны, дело Кафр-Касема заставило задуматься еврейскую общественность об установлении четких границ, что разрешено, а что запрещено в отношениях между армией и гражданами, а также о необходимости установить этические нормы поведения военнослужащих. Во время Войны за независимость поэт Натан Альтерман написал

в своей еженедельной газетной колонке (названной «Седьмая колонка») о хладнокровном убийстве пожилого араба во время взятия Лидды (Лода). Стихотворение, озаглавленное On This («По этому поводу»), призывало к суду над убийцами:

Бряцающих оружием
И нас вместе с ними,
Их – за дело,
Нас – за кивок согласия,
Шепча о «необходимости» и «мести»,
Отнесли к военным преступникам.

Альтерман добавляет:

Шепча «это действительно было»,
Давайте избавимся от спокойствия,
Которое боится своего отражения в зеркале!

Бен-Гурион одобрил это стихотворение и распространил среди ЦАХАЛа¹⁵⁴.

Однако сомнительно, чтобы такое понимание характера взаимоотношений между армией и гражданами в условиях демократии укоренилось в общественном сознании. В начале 1950-х годов в арабских деревнях велись беспощад-

¹⁵⁴ Alterman N. Al zot (По этому поводу) // Hatur hashvi'i (Седьмая колонка). Book 2. Tel Aviv: Davar, 1954, p. 24.

ные поиски лазутчиков, и солдатский палец всегда лежал на курке. Снова и снова Альтерман тщетно предупреждал о несправедливости военного управления и выступал против подавления «права протеста» коммуниста Тауфика Туби в Кнессете. В данном случае Бен-Гурион, большой поклонник поэта, не согласился с ним. Таким образом, резня в Кафр-Касеме стала великим испытанием, которое в итоге привело к эмоциональной встряске. Она заставила пересмотреть нормы морали и установить обязательные критерии, которые, хотя и не всегда соблюдались, все же имели воспитательный эффект, ограничивающий насилие.

На заре своего существования израильская демократия заимствовала как либеральные парламентские модели с Запада, так и некоторые модели из «управляемой демократии» Восточного блока. Получалось уникальное сочетание свободы слова и собраний, независимой судебной системы, защищающей права личности, свободных выборов и свободной прессы – с одновременным присутствием централизованной политической системы, контролируемой в основном одной партией, протекционистского правительственного аппарата и стандартов поведения, позволявших политикам извлекать выгоду из своего служебного положения. Когда контролер Еврейского агентства обратил внимание Леви Эшколя, тогдашнего директора отдела поселений агентства, на коррупцию среди его чиновников, тот ответил библейской цитатой, ставшей классической: «Не заграждай рта волу, когда

он молотит» (Второзаконие / Дварим 25:4), подразумевая, что использование государственной должности для получения финансовой выгоды неизбежно. В бюрократической системе того времени, когда для импорта, экспорта или получения иностранной валюты требовалось разрешение, а в период жесткой экономии 1950-х годов, когда все предметы роскоши считались нарушением закона, использование «контактов» для получения скидки, льготы, лицензии и т. д. было общепринятой практикой. Была расхожей поговорка: если у тебя есть друзья, тебе не нужна протекция.

О взяточничестве ходили слухи. Как выразился Альтерман:

Говорят совершенно открыто, не шепотом,
С упоминанием чинов и имен,
И называют решительно: кем, когда и сумму,
И в каком учреждении,
И должность, и профессию,
И слышишь не постыдные имена
Вроде Аль-Капоне,
Отнюдь нет – имена людей,
Которые трудились на строительстве дорог
И пели: «Храм будет восстановлен»¹⁵⁵.

Политической жизнью управляли партии, и каждая пар-

¹⁵⁵ *Alterman N. Tnai rishon* (Предпосылка) // *Hatur hashvi'i* (Седьмая колонка). Book 2. Tel Aviv: Davar, 1954, p. 124–126.

тия в коалиции лоббировала интересы своих организаций и сторонников. Левые поддерживали киббуцное движение, мошавы, Nevrat Ha'ovdim. Центр и правые позаботились о владельцах частных компаний, промышленниках, владельцах цитрусовых рощ, управляющих отелями и подрядчиках. Публичные тендеры еще не получили распространения. Таким образом, существовала благодатная почва для коррупции – как отдельных лиц, так и организаций – в обход государственных процедур.

В Израиле была свободная пресса: у каждой партии существовала своя газета, существовало также несколько независимых газет. Правительство подвергалось резкой критике как со стороны правых, так и левых. Однако журналисты опасались затрагивать некоторые сферы, в том числе безопасность. Редакционный комитет, очень уважаемый форум, который премьер-министр время от времени созывал для разъяснений, таким образом предоставляя его членам секретную информацию, был одним из средств обеспечения сотрудничества прессы с правительством. Телевидение еще не проникло в Израиль – Бен-Гурион считал, что оно развращает общественность. Радиопередачи контролировались Управлением радиовещания или армейской радиостанцией, которые находились под надзором правительства. Таким образом, правительство получило преимущество перед любой оппозиционной группой, распространяя свою версию событий. Но оппозиция полностью использовала свободу слова в

прессе и сумела донести свою точку зрения до своих приверженцев. Ведущие газеты, такие как Ha'aretz, Ma'ariv, Yedioth Ahronoth и даже Davar, газета организации Histadrut (на самом деле Mera'ei), были независимыми и в той или иной степени выступали против различных правительственных действий.

Лишь в одной сфере граница между разрешенным и запрещенным была размытой. Разрешено ли правительству шпионить за избранными чиновниками? Такой акт мог иметь различные оправдания: безопасность государства, подзоровение в контакте с иностранными агентами или борьба с подрывной деятельностью. Но мог ли премьер-министр разрешить Shin Bet (Служба безопасности, позже Служба общей безопасности) прослушивать лидеров Марама? Скрытые микрофоны, обнаруженные в конференц-зале руководства Марама, привлекли внимание к тому, что составляло лишь верхушку айсберга, поскольку такая практика была широко распространена. Военная администрация вела наблюдение за арабскими лидерами и прослушивала их. Можно предположить, что другие лидеры оппозиции и, возможно, даже члены правящей партии также прослушивались. Принятый принцип, согласно которому государственные учреждения, такие как Shin Bet, не служат конкретным интересам, соблюдался не всегда. Похоже, некоторые представители силовых структур время от времени находились в состоянии опьянения от ситуации создания государства и ощущения, что они

держат в своих руках бразды правления. Этим можно объяснить использование Shin Bet в политических целях: подавление забастовки моряков военно-мобилизационными приказами; или идея, которая была включена (хотя и не реализована) в Закон о ЦАХАЛе – что каждый солдат будет работать в сельском хозяйстве в течение одного года в качестве обучения. Только такая атмосфера могла породить безрассудную идею использования сети евреев-сионистов в Египте для проведения диверсий, которые дестабилизировали бы британскую эвакуацию из этой страны. Это дело было вписано в израильскую историю под названием «Позорное дело» (1954)¹⁵⁶.

Сосуществование индивидуализма и коллективизма

Первые два десятилетия существования государства были отмечены конфликтом между коллективистскими нормами, поддерживавшими преданность обществу и важность мобилизации людей для работы на благо государства, и индивидуалистическим стремлением людей повысить уровень жизни, обеспечить хорошее образование детям и подняться по социальной лестнице. В риторике преобладали сионистско-социалистические ценности, но в повседневной жизни люди старались улучшить свое личное положение. Этот конфликт

¹⁵⁶ Речь идет об операции «Сусанна».

имел любопытные проявления в трех внепарламентских оппозиционных группах, появившихся в то время.

Первая, Shurat Hamitnadvim («Строй добровольцев»), появилась в 1952 году. Эта группа идеалистов состояла из студентов Еврейского университета, желавших улучшить израильское общество. Большинство из них были либо членами Мараи, либо идеологически близкими к нему. Вероятно, они усвоили концепцию этатизма Бен-Гуриона и стремились претворить ее в жизнь. Они сохранили свою независимость, и сама группа не присоединилась к какой-либо политической партии, но работала, чтобы помочь принять массы репатриантов, с одной стороны, и бороться с коррупцией в правительственном аппарате – с другой. Shurat Hamitnadvim придерживалась коллективистских стандартов. Ее члены считали себя обязанными доказать свое право предъявлять требования другим, занимаясь волонтерской работой. Таким образом, их первым делом была помощь жителям транзитного лагеря недалеко от Иерусалима во время наводнения зимой 1951/52 года и обучение новых иммигрантов ивриту.

Впоследствии из социальной ответственности они начали предупреждать и информировать о случаях повальной коррупции в правительственных кругах. Чистка государственного аппарата должна была способствовать становлению более достойного израильского общества. Склонность группы к коллективистским тенденциям была более чем очевидна

в ее пуританстве и неутомимом проникновении во внутренние механизмы государственного аппарата, иногда в нарушение рамок закона или вторгаясь в частную жизнь. Разочарование по поводу незначительных результатов своих действий вынудило их искать сенсационные заявления, которые побудили бы общественность поддержать искоренение коррупции. Поэтому они сосредоточились на обвинении Амоса Бен-Гуриона, старшего полицейского офицера и сына премьер-министра, подавшего на них в суд за клевету. Вызванный этим делом резонанс вышел далеко за рамки всего, чего они добивались ранее, но также оттолкнул многих людей, прежде их поддерживавших. В итоге Shurat Hamitnadvim распалась, ее члены разбрелись по разным направлениям. В настоящее время их можно найти как в левом, так и в крайне правом лагере.

Вторая внепарламентская оппозиционная группа была представлена в еженедельнике Ha'olam Hazei («Этот мир»), редактором которого был Ури Авнери. Авнери начинал как правый, член Etzel, явно склонявшийся к ханаанизму – движению, стремившемуся создать новую израильскую идентичность, основанную на древних семитских народах (см. главу 11). Но к тому времени, когда приобрел еженедельник – в 1950 году, он пересмотрел свои взгляды и теперь поддерживал диалог между евреями и арабами. Мишенью для выпадов еженедельника служила Мараи. Авнери питал ненависть к Бен-Гуриону, которого видел как злого карлика, дей-

ствующего против поколения коренных израильтян, выросших в ишуве. Ha'olam Hazeh был независимым изданием, существовавшим за счет подписки и рекламы и не имевшим политической принадлежности. Авнери ввел в израильскую прессу то, что позже стало известно как «журналистское расследование», и многие журналисты прошли обучение в его офисе. Его девиз гласил: «Без страха, без предвзятости». Заголовки первых полос кричали о коррупции в аппарате Мараи, как в серии статей о «Хушистане» – городе Хайфа, мэром которого был член Мараи Абба Хуши. На последней странице были фотографии и статьи в стиле Playboy, адаптированные к местным стандартам скромности. Эта смесь необузданной политической агрессии и сенсационного вуайеризма делала Ha'olam Hazeh очень привлекательной. Многие читали этот еженедельник, правда, обычно тайно.

В 1950-х годах с Ha'olam Hazeh сотрудничал Шмуэль Тамир, фанатичный правый адвокат, глубоко ненавидящий Бен-Гуриона. Он освещал два судебных процесса, потрясшие Израиль: процесс Грюнвальда – Кастнера (см. главу 11) и дело Амоса Бен-Гуриона и Shurat Hamitnadvim. Другой мишенью газеты служила «Организация тьмы» – Shin Bet или ШАБАК (Sherut Habitahon Haklali, Служба общей безопасности), которая рассматривалась как серьезная угроза. Авнери ввел в оборот ивритские термины «битсуизм», стремление людей Бен-Гуриона подчеркивать действие в ущерб идеологии, и «битчонизм», подчинение политического и со-

циального мышления потребностям оборонного истеблишмента. Он яростно критиковал контроль Бен-Гуриона над оборонным ведомством, а позже нацелил свои выпады на Моше Даяна, которого считал угрозой израильской демократии. В то же время на протяжении всей своей жизни Авнери питал слабость к солдатам ЦАХАЛа, с которыми участвовал в Войне за независимость. Ему приписывают разоблачение дела Кафр-Касем и ведение беспощадной борьбы с военным положением для арабского населения. В 1965 году Авнери был избран в Кнессет по списку активистов, выступавших за мир с арабскими странами.

Авнери и его газета действовали нестандартно. Его несдержанность, грубый стиль, пренебрежение правилами во всех его проявлениях – все это знаменовало новый период в отношениях между правительством и общественностью. Тем не менее, как и идеализм Shurat Hamitnadvim, идеализм Na'olam Hazeḥ придерживался коллективизма как руководящей идеологии. В ней трудно увидеть либеральные элементы, отстаивающие личную свободу и права, и в этом смысле Авнери также принадлежит к эпохе коллективизма.

Третья оппозиционная группа состояла из профессоров Еврейского университета и интеллектуалов и сформировалась в 1960-х годах, чтобы обличить правление Бен-Гуриона, которое они считали агрессивным и авторитарным. В 1960 году были обнаружены подделки в документах, относящихся к «Позорному делу». Пинхас Лавон, генеральный секре-

тарь Histadrut и один из самых влиятельных людей в стране, был министром обороны во время «Позорного дела» и, как следствие, был вынужден уйти в отставку. Теперь он пытался обелить свое имя, утверждая, что это не он приказал задействовать диверсионную сеть в Египте. Бен-Гурион отклонил его просьбу об официальной реабилитации, заявив, что премьер-министр не принимает решения о виновности или невиновности, особенно на основании версии только одной стороны в этом деле – другой стороной был начальник военной разведки Биньямин Гибли, который утверждал, что Лавон действительно разрешил ему создать сеть.

Теперь «дело Лавона» разрослось как снежный ком. Лавон нарушил все правила политической игры, выступив в Кнессете перед комиссией по иностранным делам и безопасности, политическим собранием, куда входили представители партий, и изложил полный список требований и обвинений в адрес оборонного истеблишмента. Его заявление попало в прессу, опять же вопреки общепринятым правилам. Когда министерский комитет («Комитет семи»), который был создан лишь для процедурных целей, постановил, что Лавон не отдавал приказ, Бен-Гурион решил, что вся процедура нарушает принципы разделения властей и естественную справедливость, и ушел в отставку. Чем больше Бен-Гурион настаивал на расследовании этого дела, тем больше Лавон играл роль мученика. Дело приняло форму своего рода суда над Дрейфусом, особенно после того, как центральный ко-

митет Мараі освободил Лавона от обязанностей генерального секретаря Histadrut.

Более сотни профессоров подписали письмо протеста против Бен-Гуриона, требуя восстановить доброе имя Лавона. Есть несколько возможных объяснений этой беспрецедентной активизации ученых в поддержку Лавона. Это случилось после ряда столкновений между Бен-Гурионом и интеллектуалами, вызванных его выражением безразличия к еврейской литературе, его претензией на то, что он не только политический лидер, но и создатель взглядов народа, что выражалось в его отношении к Библии как средоточию еврейского творчества, при игнорировании всех других достижений еврейской культуры из поколения в поколение и возвышенных лозунгов «Избранный народ» и «Свет народам», которые получили статус национальных целей. Согласно этой теории, интеллектуалы полагали, что претензии Бен-Гуриона на роль не только политического лидера, но и пророка могут привести к «тоталитарной демократии» – термин, придуманный Яковом Тальмоном, крупным историком и известным ученым, лидером интеллектуальной оппозиции.

Другой возможной причиной действий профессоров было прежнее лидерство Лавона в молодежном движении Gordonia. Некоторые из лидеров ученой среды, такие как Натан Ротенштрайх, принадлежали к данному движению и предпочли остаться верными своему бывшему лидеру. Даже Амос Оз, тогда еще молодой писатель и член кибуца Хуль-

да, который был связан с Gordonia, считал Лавона вожаком и наставником. Ури Коэн, историк высшего образования в Израиле, считает, что решение правительства в конце 1950-х годов построить университет в Тель-Авиве, тем самым нарушив монополию Еврейского университета на высшее образование, вызвало протестные настроения среди профессоров, что в итоге нашло свое идейное выражение в деле Лавона. Так или иначе, дело превратило израильских интеллектуалов в мощную оппозиционную группу, которая была способна мобилизовать средства массовой информации и оказать большое влияние на общественное мнение. В этот период среди интеллектуалов можно обнаружить определенную усталость от процесса строительства нации. Тем не менее сам факт, что профессора покинули башню из слоновой кости и начали действовать исходя из своего понимания идейных ценностей, показывает, что ими все еще двигал дух коллективизма. Они считали себя обязанными способствовать формированию имиджа государства.

С 1960 по 1965 год «дело Лавона» оставалось в повестке дня страны. Но простые граждане устали от этого до смерти. Их больше не интересовали подробности истории, различные противоречивые версии которой все еще обсуждались на частных собраниях среди образованного среднего класса, – они просто хотели его прекратить. Однако Бен-Гурион не допустил прекращения дела. Теперь для него главным был правовой вопрос: министры правительства не мог-

ли обелить или предъявить обвинения кому-либо. Сама возможность таких действий министров явилась бы смертельным ударом по принципу разделения властей и принципу примата государства, на котором он основан. Но для публики неустанное продолжение дела Бен-Гурионом выглядело как ненужная борьба за власть. В одном из современных мультфильмов есть сцена, где Бен-Гурион разбивает собственный бюст (то есть разрушает свой публичный имидж) молотком.

Если оглянуться назад, видно, что существовало негласное соглашение о правильности позиции Бен-Гуриона, поскольку в 1968 году был принят Закон о государственных комиссиях по расследованию, гарантирующий независимость таких комиссий от политической системы. Но этот триумф бен-гурионовского этатизма явился пирровой победой. Тем временем Мараі раскололась, и Бен-Гурион и его сторонники основали партию Rafi (сокращение от Reshimat Poalei Yisrael, Список рабочих Израиля) из «молодежи» во главе с Шимоном Пересом и Моше Даяном. Положение Мараі в общественном мнении было подорвано. На следующих выборах в 1965 году сила рабочих сионистов ослабла. Перед выборами был создан Альянс – союз Мараі и Ahdut Ha'avoda. В то время как на выборах в Кнессет пятого созыва Мараі получила 42 места, а Ahdut Ha'avoda – девять, на выборах в Кнессет шестого созыва Альянс выиграл всего 45 мест. Внутреннее единство и баланс между младшими и старши-

ми членами было нарушено, поскольку молодое руководство свергли и к власти пришло старшее поколение. Без притягательной силы Бен-Гуриона Мараі начала терять свое непоколебимое положение в обществе. С тех пор продолжалось ослабление ее власти.

В 1953 году Бен-Гурион оставил пост премьер-министра и переехал жить в кибуц Сде-Бокер, построенный посреди пустыни Негев и не связанный ни с одним из существующих кибуцных движений, чтобы продемонстрировать приверженность новаторскому этатизму даже на пенсии. Большая часть населения чувствовала себя брошенной; отец-основатель покинул штурвал государственного корабля. Сменившего его Моше Шарета люди не считали способным вызвать такое же доверие к руководству страны. Прошло совсем немного времени, когда Бен-Гурион вернулся на пост премьер-министра в 1955 году. Но в 1960-х, когда дебаты по «делу Лавона» все продолжались и продолжались, общественность почувствовала, что пришло время сменить караул. Бен-Гурион взрастил нескольких талантливых молодых людей (Даяна, Аббу Эвена и Шимона Переса), которых назначил в кабинет министров, сформированный им в 1959 году. Этот поступок вызвал обеспокоенность среднего поколения Мараі, что Бен-Гурион пытался их обойти и передать эстафету управления молодым. В среднее поколение входили такие фигуры, как Леви Эшколь, Голда Меир, Пинхас Сапир и Залман Аран, занимавшие ключевые государствен-

ные посты. В этом деле они выступили против Бен-Гуриона. Столкновение отразило снижение статуса Бен-Гуриона в его собственной партии и вызов его лидерству изнутри. Его отставка и замена Леви Эшколем в 1963 году ознаменовали конец эпохи – период становления израильской демократии закончился. Политическая система смены караула сработала хорошо. Премьерство Эшколя оказалось отмечено большей гибкостью в отношении централизации государства, большей терпимостью и открытостью. Отмена военного положения для арабов и перезахоронение останков Жаботинского в Израиле возвестили о готовности расширить масштабы израильской демократии и о национальном консенсусе.

Этатизм был руководящим принципом, стандартом, который не всегда реализовался на практике, но имел важное образовательное значение. В конце концов выросло поколение, усвоившее эти ценности и избавившееся от политизации – последнего остатка практик ишува. В этот начальный период были созданы механизмы контроля для обеспечения равенства граждан перед законом и предотвращения произвола со стороны правительства: Верховный суд, государственный контролер и генеральный прокурор. В тот период Израиль не был либеральной демократией во всех вопросах, касающихся прав личности и меньшинств. Согласно определению одного ученого, этатизм был республиканской концепцией, рассматривавшей государство как свободное содружество, члены которого были полны решимости действовать,

чтобы способствовать его успеху, и чей дискурс подчеркивал обязанности гражданина. Баланс между личностью и обществом был смещен в сторону общества. Индивидуального отчуждения, части либеральной демократии, в тот период в Израиле не существовало; в происходящем наличествовала высокая степень участия общественности. Об этом свидетельствует высокий процент голосовавших на выборах в Кнессет. В 1950-х и 1960-х годах, в разгар холодной войны, даже такие давние демократии, как Великобритания, США и Франция, позволяли себе пренебречь принципами либерализма, если чувствовали, что общественное благосостояние находится под угрозой¹⁵⁷. Если брать в расчет правила, принятые в то время на демократическом Западе, молодая израильская демократия вела себя приемлемо.

¹⁵⁷ Слушания, проводимые Комитетом палаты представителей по антиамериканской деятельности в Соединенных Штатах, стали одним из примеров поведения, отклоняющегося от нормальных демократических стандартов. Во Франции правительство де Голля в первые годы существования действовало в соответствии с законами о чрезвычайном положении в течение шести месяцев. Борьба с советским шпионажем в Великобритании привела к ущемлению прав личности, а борьба с терроризмом в Северной Ирландии велась «без перчаток». — *Прим. автора.*

Государственное строительство: экономика, развитие и большое правительство

Создание государства дало его лидерам шанс претворить в жизнь утопические проекты, которые с самого начала существовали в умах сионистов. Ограничения мандатной администрации на претворение сионистских планов по строительству в жизнь и развитию предприятий подошли к концу. «Все одев цементом и бетоном, мы покроем все ковром садов», – писал Натан Альтерман в начале 1930-х годов в *Morning Song* («Утренняя песня»), которую израильские дети пели как своего рода второй государственный гимн, описывающий сионистский план обустройства страны. Во время головокращения от независимости больше думали о возможностях, а не об ограничениях. Наступившая затем реальность всех отрезвила.

В первые три года существования государства все было подчинено двум основным целям: победа в войне для обеспечения существования Израиля и абсорбция иммигрантов. Война длилась до весны 1949 года. С лета 1948 года было мобилизовано более 100 000 человек, вырванных из экономики страны. При этом во время войны прибыло 100 000 но-

вых иммигрантов, больше, чем за любой предыдущий год, – первый намек на то, что произойдет позже. За первые 42 месяца существования государства каждый месяц прибывало примерно 16 000 человек. Всего в Израиль прибыло 690 000 иммигрантов, и за три года еврейское население увеличилось вдвое. Огромные масштабы этой иммиграции по сравнению с размером принимающего населения – неслыханные для любой страны иммигрантов – создавали невероятное давление на экономику.

В феврале 1948 года, в знак протеста против выполнения Резолюции ООН от 29 ноября 1947 года, Великобритания исключила палестинский фунт из стерлинговой зоны, что означало, что фунт стерлингов больше не поддерживал местную валюту. Еврейское население отреагировало сдержанно; не было набегов на банки, и жители не забирали свои вклады. Англо-Палестинский банк позаботился о том, чтобы в его кассах хранился доступный запас наличности в палестинских фунтах, чтобы предотвратить дефицит валюты, он мог бы нанести ущерб местной экономике. В то же время банк подготовился к печати новой национальной валюты – израильской лиры еще до создания государства. Израильская лира – еще один признак независимости и суверенитета – впервые увидела свет летом 1948 года. Чтобы предотвратить потерю доверия населения к новой лире, был сохранен старый обменный курс 1:1 между палестинским фунтом и фунтом стерлингов. Эта ставка была нереальной со времен

Второй мировой войны, поскольку во время войны уровень инфляции в Палестине был намного выше, чем в Великобритании, что привело к девальвации палестинской валюты.

Поддержание номинальной стоимости израильской лиры требовало финансового контроля, регулируемого нормативными актами. Это были первые шаги в рамках плановой, управляемой или (как в то время описывалась израильская экономическая система) регулируемой экономики. Эта система уходит своими корнями в период ишува, а теперь суверенное государство могло применять ее ко всем своим гражданам.

Между двумя мировыми войнами британское правительство проводило в Палестине политику невмешательства, что означало, что в стране была свободная экономика. Не существовало избирательных протекционистских тарифов на импорт, отдававших предпочтение странам, покупающим палестинскую продукцию, не было прогрессивного налогообложения, а вмешательство в рыночные механизмы было минимальным. Эта политика невмешательства не способствовала развитию еврейской промышленности и предпринимательства.

Вторая мировая война кардинально изменила ситуацию. Следуя примеру британского правительства, которое ввело как нормирование, так и контроль экономической деятельности, мандатное правительство ввело нормирование продуктов питания и контроль цен. Оно установило экономи-

ческий контроль и приоритеты – например, отдавался приоритет инвестициям в промышленное производство, жизненно важное для британской армии на Ближнем Востоке, в то время как инвестиции в строительство жилья запрещались, – что способствовало развитию еврейской промышленности. Эта отрасль начала расти в отсутствие конкуренции с европейским импортом, недоступным из-за войны. Solel Boneh, строительная фирма Histadrut, вышла на рынок военного строительства на всем Ближнем Востоке, строя дороги, аэродромы и армейские лагеря, и стала огромной компанией.

Когда война закончилась, система контроля и нормирования в Палестине была ослаблена, а ее правовая основа после выхода из стерлинговой зоны была аннулирована. Но после шести месяцев стремительной инфляции в 1948 году одновременно с принятием мандатной законодательной системы в Израиле контроль был восстановлен.

В Европе переход от военной к мирной экономике проводился медленно и осторожно, чтобы избежать повторения потрясений, вызванных демобилизацией солдат после Первой мировой войны. Кроме того, до введения в действие плана Маршалла в 1948 году не хватало денег, что затрудняло импорт жизненно важных товаров. В Великобритании у власти была Лейбористская партия; она национализировала ключевые отрасли и без колебаний вмешивалась в национальную экономику. На основные товары была введена карточная система на том основании, что государство должно

заботиться обо всех своих гражданах и обеспечивать равное распределение продуктов питания и источников энергии, доступных в стране. Эта политика была вызвана горьким опытом Великой депрессии, которая, как считалось, возникла из-за неспособности государства вмешаться в регулирование экономики. Теории Джона Мейнарда Кейнса, который поддерживал государственное вмешательство, направляя ресурсы в экономику для обеспечения занятости – тем самым создавая спрос, приводящий в движение маховик производства, – применялись в Соединенных Штатах во время президентства Рузвельта, а затем и в опустошенной послевоенной Европе.

В течение десятилетия после мировой войны в западных странах преобладал принцип, согласно которому государство должно играть центральную роль в управлении национальной экономикой. Таким образом, регулируемая экономика израильского правительства не была исключением. Руководству страны это казалось естественным и очевидным. Будучи выходцами из различных социалистических школ, эти лидеры видели в участии государства в экономике способ добиться справедливого распределения и создать эгалитарное государство, к которому стремились. И централизованный контроль за размещением капитала казался способом, призванным прежде всего обеспечить плановое ускоренное развитие.

Лидеры, как правило, скептически относились к различ-

ным экономическим теориям. С самого начала сионистского освоения Палестины большинство экспертов, исследовавших экономическую реализацию сионистского проекта, говорили, что она никогда не осуществится. Но эти пессимистические предсказания не сбылись. Соответственно, политическое и общественное руководство считало, что законы экономики неприменимы к сионистскому предприятию. Это представление особенно ярко проявилось в скептическом отношении Бен-Гуриона к рекомендациям экономистов. Когда консультативный комитет, назначенный для планирования строительства Беэр-Шевы, пришел к выводу, что это невозможно, он просто распустил комитет и учредил новый. К такому скептицизму добавилось глубокое недоверие к свободному рынку, целью которого было получение финансовой выгоды, а не необходимость построения нации.

В первые годы существования государства наблюдался острый дефицит. Резервы иностранной валюты были очень низкими. Правительство использовало счета в фунтах стерлингов, которые были заморожены в Великобритании во время Войны за независимость и постепенно разблокировались, так что к 1952 году у Израиля был доступ ко всем своим счетам для закупки продуктов питания и топлива за рубежом. Импорт капитала, основанный на пожертвованиях мирового еврейства, был намного ниже насущных потребностей для ведения войны и абсорбции иммигрантов. Правительство печатало деньги, невзирая на инфляцию, чтобы по-

крывать местные расходы. В 1948 году 40 % валового внутреннего продукта было инвестировано в военные расходы. Однако импорт зависел от наличия иностранной валюты – и она просто закончилась. Между 1949 и 1952 годами запасы продовольствия и топлива были близки к нулю. Способность выжить зависела от организаторского таланта экономических лидеров, которым удалось доставить танкеры и зерновозы, взяв краткосрочные кредиты.

По сравнению с безрассудным оптимизмом политического руководства, которое было склонно высмеивать законы экономики, главы израильского Министерства финансов вынуждены были действовать безотлагательно и испытывали давление, выразившееся в известной цитате, приписываемой высокопоставленному сионистскому лидеру: «Я говорю о бюджете, а они поют “Hatikvah”»¹⁵⁸. В 1949 году, чтобы справиться с дефицитом и ростом цен, правительство приняло политику жесткой экономии – была введена карточная система на продукты питания и контроль цен. Год спустя была принята система, используемая в Великобритании, и обувь и одежда также подпали под нормирование. Политика жесткой экономии соответствовала социалистической концепции распределения бремени принятия репатриантов поровну между всем населением. Однако никакого замораживания заработной платы не было, она привязывалась к ин-

¹⁵⁸ Horowitz D. Hayyim bamoked («В центре событий»). Ramat Gan: Masada, 1975, p. 108.

дексу стоимости жизни (система, введенная во время мировой войны в ответ на инфляционное повышение цен), также ежегодно повышающемуся благодаря ежегодным переговорам между Histadrut и работодателями.

Сначала старожилы среди населения с пониманием восприняли меры жесткой экономии, но это продолжалось недолго. После того как весной 1949 года было подписано перемирие, они испытывали как облегчение – война закончилась, так и недовольство правительственным режимом контроля. Переизбыток наличности на руках населения, у которого не было возможности потратить деньги, привел к возникновению черного рынка, что стало выражением разочарования потребителей и означало отказ от жесткой экономии. Давление со стороны потребителей подорвало политику жесткой экономии, и все попытки взять потребление под свой контроль провалились, вызывая все большее недовольство общества экономической политикой правительства – доказывая, что игнорирование законов экономики не всегда хорошая идея. Нереалистичный обменный курс между израильской лирой и долларом США (0,35 лиры за доллар) увеличил стоимость импорта, что еще больше сказалось на сокращающихся валютных резервах. Вдобавок корейская война вызвала глобальный рост цен.

Результатом стала невыносимая ситуация одновременно-го контроля, нормирования и инфляции. В 1952 году руководству Минфина удалось убедить правительство в том, что,

несмотря на противодействие левых, настало время для изменения политики. Правительство согласилось прекратить печатать деньги и ввело десятипроцентный налог на все наличные деньги и депозиты, хранящиеся в банках. Обменный курс лиры был снижен втрое, что повторилось в апреле 1953 года, когда он был установлен на уровне 1,80 лиры за доллар США. Такие темпы снижения сохранялись почти 10 лет. Скрытая инфляция, характерная для Израиля в годы жесткой экономии, была приостановлена, и, хотя уровень валютных резервов все еще оставался ужасающе низким, восстановление экономики уже началось. В 1950 году Израиль получил первый заем от США. В 1952 году появились первые внешние финансовые ресурсы, которые были гарантированы на десятилетие: заем на независимость (израильские облигации), приобретаемый американскими евреями, соглашение об американской помощи и соглашение о репарациях с Западной Германией (о чем будет сказано позже).

С точки зрения руководства Мараі, ситуация, сложившаяся после создания государства, способствовала как быстрому развитию, так и созданию государства всеобщего благосостояния. Понятно, что до образования государства большая часть капитала, вложенного в страну, была частной, и большая часть земли, приобретенной евреями, находилась в частной собственности. Источники воды, электричество и природные ресурсы, неподконтрольные британским властям, принадлежали частным компаниям. Теперь, с бегством

– или изгнанием – арабов, 625 000 акров¹⁵⁹ незанятой земли внезапно стали принадлежать государству, которое одновременно было наследником государственных земель и лицом, ответственным за то, что было объявлено «брошенной собственностью». Брошенная собственность была определена очень широко, так что она также относилась к земле некоторых арабов, которые остались в пределах границ Израиля. Более 90 % земли в стране теперь принадлежало государству. Правительство также контролировало ввоз капитала, большая часть которого стала народной. Все эти факторы дали государству финансовые рычаги и средства производства для претворения в жизнь запланированных проектов. Оно могло выбирать места для реализации проектов и отрасли, в которые собиралось инвестировать в соответствии с выбранными национальными приоритетами. Даже когда правительство не инвестировало напрямую в конкретные предприятия, оно могло использовать гранты, субсидии, импортные лицензии и выделение иностранной валюты прямым инвесторам для вложения в отрасли и места по своему выбору. В те первые годы таких инвесторов было немного; они появились в основном в 1960-е годы.

Сионистская традиция отдавала предпочтение сельскому хозяйству и строительству. За четыре года, с 1948 по 1951-й, было создано 270 сельскохозяйственных поселений, из которых 100 были мошавами, заселенными иммигрантами.

¹⁵⁹ Примерно 250 000 гектаров.

Количество населенных пунктов, основанных в тот период, равнялось количеству поселений, созданных за все 70 лет сионистского поселения в Палестине (см. карту 5). С 1943 по 1951 год количество людей, занятых в сельском хозяйстве, увеличилось вдвое, хотя их доля среди всех занятых не увеличивалась. К концу 1950-х годов было создано 400 сельскохозяйственных поселений. Цель заключалась в обеспечении географического распределения еврейских поселений на обширных землях, покинутых арабским населением, – вдоль границ, в Иерусалимском коридоре и в Северном Негеве. Сельское хозяйство также должно было обеспечивать продовольствием население, которое, как отмечалось ранее, увеличилось вдвое из-за массовой иммиграции. Также под влиянием сионистской идеологии сельское хозяйство рассматривалось как оздоравливающее занятие, поскольку сближало прежде отчужденных евреев с почвой родины, помогало им укорениться и приучало к ручному труду. Наличие средств производства, земли, воды и рабочих – неквалифицированных новых иммигрантов – сделало сельское хозяйство самым быстрым и эффективным решением проблемы трудоустройства и жилья иммигрантов, одновременно удовлетворяя потребности государства в безопасности на границах и обеспечивая продовольствием растущее население. Создание поселений в те годы достигло громадных масштабов. С 1949 по 1952 год сельскохозяйственное производство увеличилось вдвое. В то же время в рамках усилий по рас-

средоточению населения в разных частях страны было создано около 30 городков, которые были объявлены «городами развития».

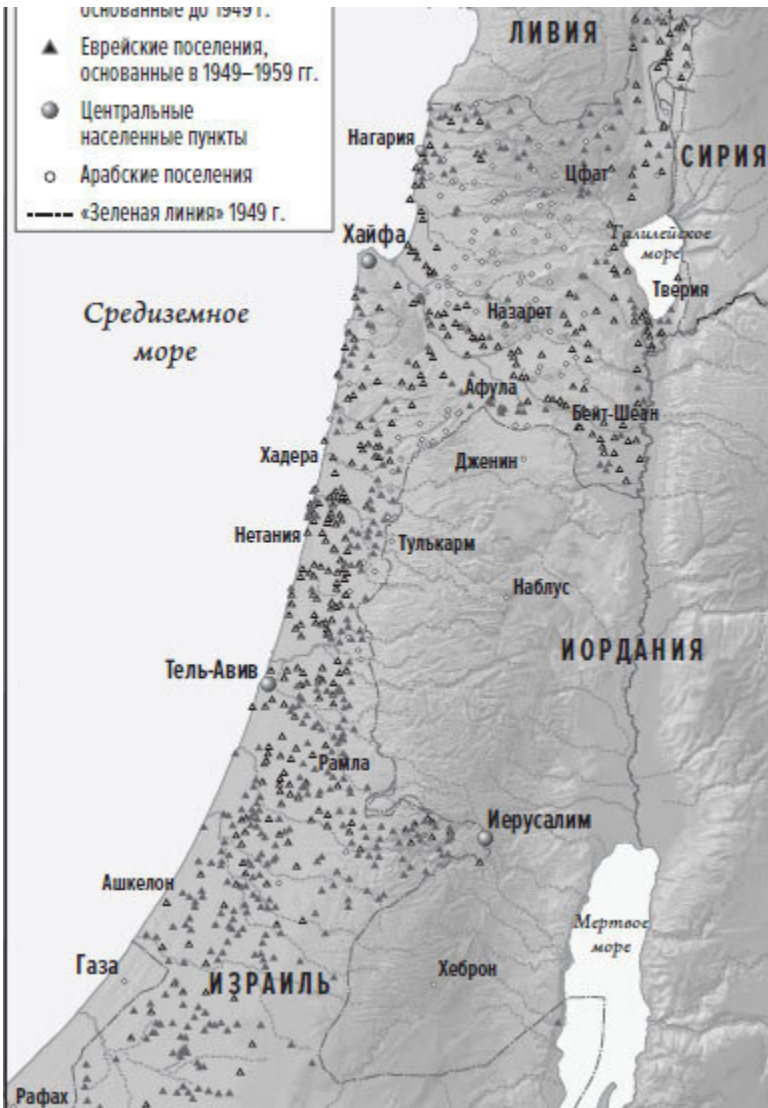
основанные до 1949 г.

▲ Еврейские поселения,
основанные в 1949–1959 гг.

● Центральные
населенные пункты

○ Арабские поселения

----- «Зеленая линия» 1949 г.

Карта 5. Новые поселения в 1948–1959 гг.

Государственный контроль над импортом капитала позволил основывать и управлять отраслями, которые правительство предпочитало развивать. До 1955 года предпочтительным сектором было сельское хозяйство. В 1956 году закончился период нехватки сельскохозяйственной продукции, и наступил период излишков. В то же время стало ясно, что сельское хозяйство тратит впустую воду, важный и дефицитный ресурс. Назначение Пинхаса Сапира министром торговли и промышленности ознаменовало новое направление: инвестирование в развитие местной промышленности. Промышленность создавалась с помощью субсидий, благоприятных курсов валют, протекционистских тарифов и государственных инвестиций. Большинство построенных фабрик были заняты производством текстиля из местного сырья – хлопка, выращенного в Северном Негеве. Укомплектованные неквалифицированными рабочими, эти фабрики обеспечивали работой жителей городов развития, которые были созданы без производственной инфраструктуры.

Согласно социалистической теории, производственная инфраструктура должна находиться в руках правительства, чтобы ее можно было использовать во благо нации. Правительство контролировало источники энергии, транспорт и воду. Правительство приобрело Палестинскую поташную компанию и основало «Предприятия Мертвого моря», при-

обрело Electric Corporation, основало авиакомпанию El Al Israel Airlines и компанию Zim Navigation. Также правительство построило новый порт в Ашдоде и приобрело нефтеперерабатывающие заводы в Хайфе. Ускоренными темпами развивались автомобильная и железнодорожная инфраструктуры. В соответствии с сионистским видением правительство инвестировало национальный капитал в крупные ирригационные проекты: проект Яркон – Негев и Национальный водопровод (см. карты 5 и 6). Последний проект, по которому вода поступала из Галилейского моря в Негев, превратил обширные засушливые районы в полностью орошаемые земли, предоставив фермерам средства производства, которые повысили их уровень жизни. Осушение озера Хула – тысячи квадратных километров, которые были частично озером и частично болотами, – казалось хорошим примером воплощения сионистской мечты. В этом случае, однако, первоначальный энтузиазм по поводу развития территории оказался ошибочным. Почва была непригодна для использования, а осушение озера разрушило уникальную естественную среду обитания животных. Часть района Хула была затоплена в 1990 году. В этом отношении Израиль напоминал другие ускоренно развивавшиеся страны в 1950-х годах, не осознавая экологических издержек (например, Асуанская плотина в Египте и аналогичные проекты в СССР).

Эти огромные государственные инвестиции в инфраструктуру привели к беспрецедентному росту израильской

экономики, который в среднем составлял 10 % в год в течение 15 лет. Правительство не национализировало компании, построившие инфраструктуру, что могло бы помешать потенциальным инвесторам. Оно купило их, а затем многие стали обществами с ограниченной ответственностью под общественным контролем. Правительство предоставило государственные гарантии, а также установило цены на продукцию. В 1951 году оборонный бюджет был резко сокращен, чтобы высвободить ресурсы для абсорбции иммигрантов. Но после 1955 года, учитывая необходимость военных закупок после египетско-чешской оружейной сделки (о которой будет сказано позже), оборонный бюджет был увеличен до 7,5 % государственного бюджета. Большая часть оборонного бюджета ушла на местный рынок, что еще больше увеличило участие государства в нем. Создание оборонной промышленности добавило еще одну сферу государственного участия в экономике. В этот период общественный (государственный) сектор составлял около 20 % израильской экономики.

В то же время развивался сектор Histadrut. Строительное крыло Histadrut в виде Nevrat Ha'ovdim укреплялось и росло в сельском хозяйстве, строительстве и промышленности. Между 1949 и 1954 годами число кибуцев увеличилось вдвое, а их население возросло на 60 %. Производственные мощности кибуцев и объем производства также увеличились вдвое, а в некоторых из них возникла промышлен-

ность. Большинство мошавов новых репатриантов также попали под зонтик Histadrut. Маркетинг и закупки в этом секторе были кооперативными, что давало ему значительную торговую силу. Solel Boneh была предпочтительным государственным подрядчиком по крупным проектам, поскольку у нее наличествовали необходимый опыт и технологии. Она строила общественные здания, электростанции, дороги и поселки. Ни одна другая компания на рынке не могла конкурировать по средствам производства или даже по своим возможностям реализации. Во второй половине 1950-х годов Nevrat Ha'ovdim также начало создавать и приобретать компании в области обороны, тяжелой промышленности и потребительских товаров. В этот период сектор Histadrut, составлявший около 20 % экономики, был таким же большим, как и государственный.

Прежнее представление Бен-Гуриона и его коллег о том, что частный капитал направляется исключительно на получение прибыли, без национальных целей, с годами изменилось. Еврейские инвесторы в израильские облигации и основные представители диаспоры, одаривавшие Израиль, имели капиталистические взгляды и смотрели на государственную экономику и контроль государства с подозрением, даже с отвращением. После 1950 года экономические связи с США стали более тесными, что еще больше смягчило отношение Израиля к частному капиталу. Были приняты налоговые правила для поощрения капиталовложений негосу-

дарственных инвесторов. Во второй половине 1950-х годов в Израиль стал поступать частный капитал как от еврейских инвесторов, так и в виде единичных репараций из Германии. Частные предприниматели получали государственную помощь, если они переходили в отрасли, которые правительство стремилось развивать, на территориях, специально отведенных правительством для развития. Политика заключалась в поощрении строительства фабрик в отдаленных районах или поблизости от ma'abarot (транзитных лагерей) и городов развития, чтобы обеспечить новым репатриантам работу. Правительство вложило значительные средства в эти предприятия, и в некоторых случаях эти вложения были экономически неоправданными. Но для министра торговли и промышленности Пинхаса Сапира занятость и развитие были на первом месте; до некоторых пор его не волновала рентабельность. Учрежденное им Управление по инвестициям было создано для привлечения из-за границы еврейских инвесторов, вкладывавших средства в промышленное развитие. В первой половине 1960-х оно собрало сотни миллионов долларов. Таким образом, была разработана кооперативная модель, включающая как частную, так и государственную экономику. Эти два типа экономики полагались на государственную помощь посредством тарифной политики и налогообложения в отношении конкурирующего импорта, специальных обменных курсов, которые приносили пользу развивающимся отраслям, грантов для областей развития и т. д.

Значительный процент капитала, вливавшегося в страну, был направлен на инвестиции и развитие. Но существенная его часть была направлена на потребление. За эти годы уровень жизни населения изрядно вырос: с 1955 по 1966 год потребление на душу населения увеличилось на 221 %. Экономисты до сих пор размышляют над вопросом поиска правильного баланса между повышением уровня жизни – что со временем принесло пользу подавляющему большинству населения, принявшего участие в растущем празднике потребления, – и выделением ресурсов на развитие. Если бы часть ресурсов не была направлена на рост благосостояния населения, вполне возможно, что огромная волна людей покинула бы страну. Однако это распределение действительно отвлекло иностранный капитал от инвестиций в инфраструктуру и развитие, для которых он был предназначен, с целью повышения уровня жизни.

Чем шире Nevrat Ha'ovdim распространяло свою деятельность, тем более выраженными становились внутренние противоречия между ролью Histadrut, представляющей профсоюзы (наемных рабочих), и его ролью как работодателя. В период массовой иммиграции, когда тысячи безработных оказывали давление на рынок труда, требуя снижения заработной платы, Histadrut утверждала, что иммигранты должны получать такую же заработную плату, как и европейские рабочие. Он категорически отказывался согласиться на сокращение заработной платы даже во время сильной безработи-

цы в начале 1950-х годов. Местные советы рабочих не разрешали предлагать работу работникам из транзитных лагерей за более низкую заработную плату. Эта политика принесла пользу старожилам и состоятельным рабочим и нанесла ущерб более бедным рабочим и новым иммигрантам. В то же время предприятия Histadrut должны были быть прибыльными, а применение принципов Histadrut касательно заработной платы в сочетании с жесткими правилами найма и увольнения не позволило этим предприятиям оставаться таковыми. Histadrut заслуживает похвалы за преданность национальной миссии и за создание заводов в областях развития, куда частный капитал отказывался инвестировать средства, несмотря на обещанную государственную поддержку. Но с этого времени конфликт между наемными рабочими, руководством фабрик и исполнительным комитетом Hevrat Na'ovdim был характерен для Histadrut и в итоге вызвал столкновение интересов внутри его.

Закон о национальном страховании, принятый в 1953 году по инициативе министра труда Голды Меир, в то время считался расточительным, чего страна не могла себе позволить. Но этот закон стал основой системы социальной защиты Израиля, гарантировавшей всему населению пенсии по старости и инвалидности, оплачиваемый отпуск по беременности и родам, страхование от несчастных случаев на производстве, а затем и дополнительные права. Впечатляющий экономический рост в сочетании с сохранени-

ем незначительных различий в заработной плате среди наемных рабочих сделали Израиль конца 1950-х годов одной из самых эгалитарных некоммунистических стран. Израильское государство всеобщего благосостояния считало обучение своих граждан производственным профессиям главной национальной миссией. Так, например, и правительство, и Histadrut решительно выступали против страхования по безработице, которое воспринималось как поощрение непроизводительной, отсталой жизни. Вместо этого существовала политика полной занятости, хотя она означала введение оплаты труда, не имевшего экономической ценности.

Но по мере того, как экономика развивалась и разделение труда в ней все более увеличивалось, группы рабочих начали требовать создания отдельных профсоюзов по отраслям и градации заработной платы. Они отвергли шкалу заработной платы Histadrut, которая привязывала уровень заработной платы в основном к трудовому стажу и количеству членов семьи. В конце 1950-х инженеры, врачи и учителя средних школ требовали гарантий более высокой заработной платы по сравнению с рабочими и служащими. Histadrut с трудом согласилась с их требованиями, которые, по его мнению, нанесли бы вред его политике относительного равенства. Он пытался настоять, чтобы соглашения о заработной плате заморозили существующие различия между различными профессиями, так что, если одна группа получит прибавку, все остальные группы получат прибавку в той же пропорции.

Однако напрасно было ожидать, что «белые воротнички» согласятся с подобным предложением. Учитывая исторически сложившееся социалистическо-сионистское представление о разделении профессий на «производительные» и «непроизводительные», Histadrut была более склонна поддерживать требования по заработной плате в промышленности, сельском хозяйстве и строительстве, чем в сфере обслуживания. Но сектор услуг рос, а контроль Histadrut слабел.

Частью концепции этатизма Бен-Гуриона было признание важности науки как национального ресурса. Учитывая огромное демографическое превосходство арабских государств, он всегда считал, что одним из факторов, гарантирующих существование Израиля, стала его способность использовать интеллектуальный, технологический и научный потенциал населения на благо общества. Это восприятие частично основывалось на глубоко укоренившейся гордости за еврейских гениев, выражающейся в постоянном упоминании о высоком проценте еврейских лауреатов Нобелевской премии и вкладе евреев в мировую культуру. Поощрение науки и ученых согласовывалось с этатизмом в том, что его целью было создание меритократии, основанной на индивидуальных достижениях. Идея заключалась в том, чтобы позиционировать Израиль среди стран современного, светского, прогрессивного Запада. Политика возвращения научной элиты проявилась в значительных инвестициях в высшее образование в первые годы существования государства. Когда был

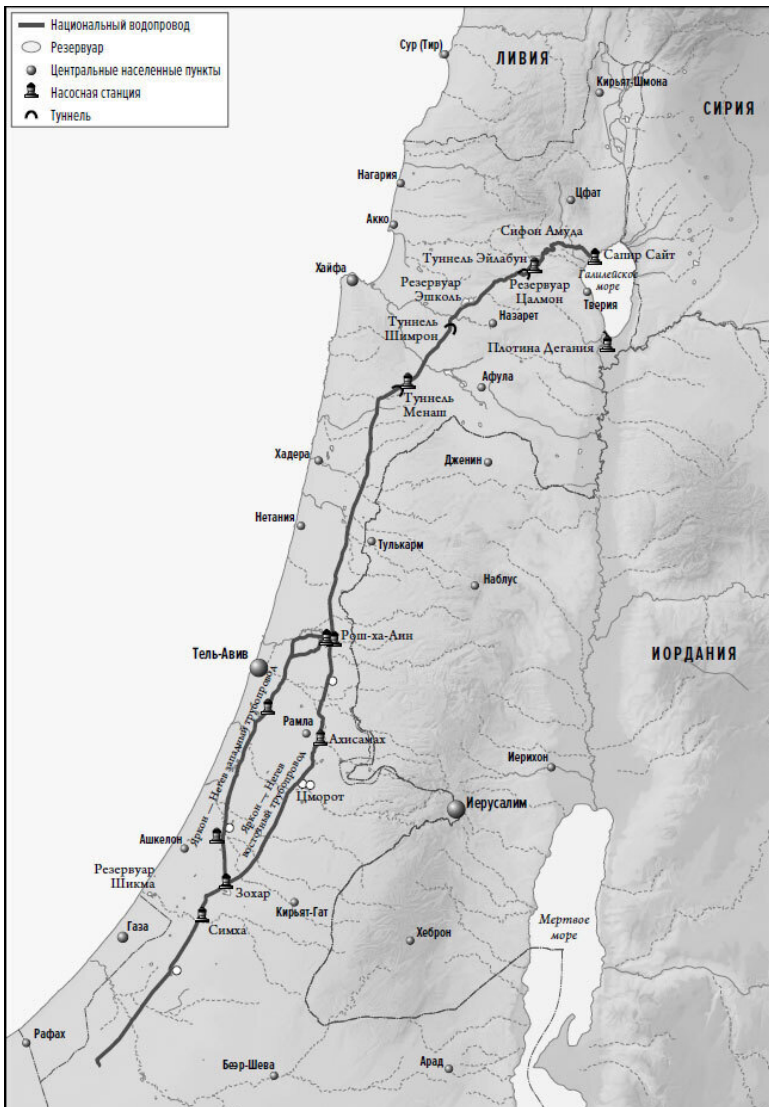
основан Израиль, существовало два высших учебных заведения: Еврейский университет в Иерусалиме и Технион – Технологический институт в Хайфе. Позже возник Институт Вейцмана как научно-исследовательский институт. Признание потребности государства в образованном населении, необходимом для занятия должностей в государственном управлении и создания прослойки инженеров и техников, исследователей и изобретателей, привело к государственным инвестициям в развитие высшего образования и его доступность для среднего класса Израиля. Всего за несколько лет появилось еще несколько университетов: Университет Бар-Илан, Тель-Авивский университет, Хайфский университет и Университет Беэр-Шевы (впоследствии ставший университетом Бен-Гуриона в Негеве).

Одной из сфер применения научных достижений было сельское хозяйство. Эффективное использование орошения, создание новых сортов сельскохозяйственных культур, адаптация привозных сортов к здешним условиям и современные методы выращивания сделали Израиль одной из самых известных и передовых стран мира в области сельскохозяйственного развития. В 1960-х годах Израиль продавал свои методы выращивания развивающимся африканским государствам. Научный потенциал также был направлен в оборонную промышленность. Создание Rafael, Управления по разработке вооружений, было еще одним примером дальновидности Бен-Гуриона, который был готов сотрудничать с

академическими исследователями и инвестировать в научное развитие даже в то время, когда у государства не хватало ресурсов в целом и зарубежной валюты в частности. Многочисленные технологии, разработанные для оборонного ведомства, впоследствии были внедрены в промышленное производство, что увеличило экспортные возможности Израиля.

В начале 60-х годов XX века было завершено несколько крупных национальных проектов, в том числе Национальный водопровод, «Предприятия Мертвого моря», порт Ашдод и ядерный реактор недалеко от Димоны. Также в этот период было мало кандидатов на репатриацию, которые обычно вносили финансовый вклад за счет инвестиций в их абсорбцию. Дефицит платежного баланса Израиля увеличился, и были предприняты попытки уменьшить его за счет девальвации и отмены нескольких обменных курсов (в 1962 году был введен обменный курс три лиры за доллар США) под лозунгом «экономической независимости». Но эти попытки не увенчались успехом. План по сокращению дефицита при продолжении экономического роста привел к обратным результатам. После того как упомянутые крупные проекты были завершены, правительство не приступало к реализации новых. В результате снижение экономической активности вместе с попытками предотвратить рост заработной платы привело к замедлению темпов развития, приостановке роста валового национального продукта и повышению уров-

ня безработицы, на этот раз ударившей в основном по относительно обеспеченному среднему классу и молодым ученым. Страну покинуло так много людей, что распространившаяся в то время шутка о вывеске в аэропорту Лод с надписью: «Кто будет улетать последним, пожалуйста, выключи свет» вошла в национальный фольклор. Запланированный экономический спад превратился в рецессию, которая вышла из-под контроля. Восстановление произошло вскоре после Шестидневной войны.

Карта 6. Национальный водопровод 1964 г.

Возможно ли было поддержание уровня развития в Израиле в условиях войны и массовой иммиграции без регулирования правительством? Этот вопрос остается спорным среди экономистов. Но в условиях начала 1950-х такой вопрос, вероятно, даже не стоял. Пока не прекратилась массовая иммиграция в 1952 году, Израиль находился в состоянии чрезвычайного положения, напоминавшего состояние войны. Даже после этого не было ни одной частной компании, которая была бы способна или хотела бы взять на себя бремя заселения отдаленных районов (поскольку это не имело экономического смысла), обучения тысяч неквалифицированных иммигрантов, абсорбции больных, инвалидов и необразованных людей, строительства транспортной, водной и электрической инфраструктуры, а также предоставления медицинских услуг, образования и жилья населению, которое было не в состоянии за них платить.

Несмотря на все свои недостатки, регулируемая экономика, кажется, была тем, что позволило Государству Израиль расти ускоренными темпами, став ярким примером для развивающихся стран. В 1963 году 97 % населения имели водопроводную воду, а 93 % – электричество. С 1948 года частное потребление увеличилось на 200 %. Число первоклассников выросло с 17 137 человек в 1949 году до 55 301 в 1963 году. Количество больничных коек увеличилось с 4626

единиц в 1948 году до 17 612 в 1964 году. Валовой национальный продукт на душу населения вырос на 232 % в период с 1950 по 1963 год. Сомнительно, чтобы эти достижения были возможны без регулируемой экономики. Безусловно, стандарты добропорядочности отличались от сегодняшних, и нет никаких сомнений в том, что «свои люди» получали предпочтение во всем, что касалось проектов или распределения ресурсов и что протекция была стандартной практикой. Но не встречалось таких коррупционных деяний, как кража национальных ресурсов, которые совершали правители некоторых развивающихся стран и даже некоторых развитых. Главы правительств Израиля вели честный, скромный образ жизни.

И все же нельзя сбрасывать со счетов горечь, враждебность и отчуждение, порожденные противостоянием, присущим такой системе, между гражданином и бюрократом. В государственных учреждениях, службе занятости, больничных кассах, Министерстве внутренних дел и Министерстве торговли и промышленности между всемогущим государством и гражданином, нуждающимся в его услугах и льготах, велись постоянные переговоры. Одна сторона проявляла высокомерие, а другая испытывала унижение и зависимость. Гражданин, которому приходилось стоять, как нищему, в коридорах власти, в итоге связывал все недостатки и слабости системы с правящей партией *Mara'i*, которая обеспечила феноменальный успех израильской экономики, но вызвала

негодование у всех, кто разочаровался в сионистской мечте. Данной партии приписывали все недостатки иммиграции и абсорбции. Таким образом, нетерпимость к системе превратилась в чувство недовольства рабочим движением.

Великая Алия: массовая иммиграция

Феноменом, имевшим самые глубокие долгосрочные последствия для формирования имиджа Израиля, явилась иммиграция, происходившая волнообразно в течение первых двух десятилетий существования государства. Особенно значимой была волна первых трех лет. В течение десятилетий эта алия была известна как «массовая алия», но в последнее время вошел обычай называть ее «великой алией», так как слово «масса» подразумевает несколько уничижительное отношение. Такое изменение названия намекает как на чувство обездоленности и уничижения иммигрантов, так и на попытку примирить и сблизить их, залечить раны прошлого. Эта массовая иммиграция была масштабной акцией, предпринятой новым режимом, опьяненным осознанием того, что теперь он держит в своих руках бразды правления, и верой в то, что он сможет осуществить все свои мечты. В то же время алия стала болезненным примером игнорирования человеческих потребностей, предпочтение отдавалось коллективу, а не благосостоянию отдельного человека, была сильна вера в способность идеологии сформировать нового человека и новую нацию.

Волна иммигрантов, нахлынувшая в Израиль еще в 1948–1949 годах, была названа «ливнем». На Ближнем Востоке

дождь – это благословение, но ливень может принести также и разрушения. Во время героической борьбы с нелегальной иммиграцией главным сионистским лозунгом была «свободная иммиграция». Теперь это предвидение сбывалось: иммигранты достигли еврейского государства. Но внезапно стало ясно, что, несмотря на высокие ожидания и воодушевление по поводу прибытия этой алии, на самом деле никто не был готов к тому, что огромная масса людей хлынет в страну.

Первыми из лагерей для перемещенных лиц в Германии прибыли оставшиеся в живых европейские евреи после девяти лет войны, скитаний, страданий, потерявшие семьи и дома, теперь надеявшиеся, что нашли себе постоянное пристанище. Вдобавок британцы открыли ворота лагерей для задержанных на Кипре, где содержались незаконные иммигранты, перехваченные по пути в Палестину, и все задержанные прибыли в Израиль. Когда эта группа совершала свои первые шаги в стране, болгарское правительство предоставило разрешение на выезд своим еврейским гражданам. Болгария была членом коммунистического блока, уже закрытого от Западной Европы железным занавесом. Евреям СССР было отказано в праве на выезд из страны с 1920-х годов, и каждое разрешение на выезд из страны Восточного блока считалось последней возможностью. Теперь без предварительного предупреждения целая община – ее лидеры, молодежь и пожилые люди – собиралась иммигрировать в Израиль. Само собой, им нельзя было сказать: «Подождите!»

Такая же острая необходимость воспользоваться возможностью, которая, вероятно, никогда не повторится, существовала в Польше и Румынии. Правительства обеих этих стран были совершенно непредсказуемыми; в один день разрешали людям уехать, на следующий день запрещали, послезавтра снова разрешали. Воспоминания о войне и последовавших за ней убийствах и погромах, совершенных местным населением, все еще были свежи в умах иммигрантов и израильтян. Чувство вины и беспомощности лидеров ишува во время Второй мировой войны в отношении еврейской Катастрофы в Европе теперь вылилось в широкий национальный консенсус. Ожидание было исключено. Все восточно-европейские евреи, которые хотели и могли уехать, должны были быть доставлены в Израиль.

Были и другие еврейские общины, столкнувшиеся с опасностью и стремившиеся иммигрировать в свою страну. Повсюду на Ближнем Востоке и в Северной Африке отношения между мусульманами и евреями были натянутыми, особенно после создания еврейского государства и Войны за независимость. В Египте, Ираке и Йемене напряженность в отношениях между евреями и их соседями возросла из-за враждебности как со стороны правительства, так и со стороны населения. Традиция алии на Святую землю приводила евреев Йемена в Палестину тонкой струйкой со времен Первой алии. Теперь они прибывали тысячами. Из небольших отдаленных городков в горах, где чувствовали себя особен-

но уязвимыми, из Саны и других городов они устремились в Аден, британскую колонию на оконечности Аравийского полуострова. Британцы согласились позволить йеменским евреям оставаться в Адене при условии, что Израиль эвакуирует их как можно скорее. Воздушную перевозку йеменских евреев в Израиль называли «ковром-самолетом», и это вызвало энтузиазм по поводу новоприобретенных возможностей молодого государства.

Так же как евреи Йемена высадились в 1949 году, десятки тысяч евреев начали прибывать из Туниса, Турции и Ливии. В Ливии случился антиеврейский погром, и вся община намеревалась эмигрировать. Лагеря иммигрантов, особенно Sha'ar Ha'aliya (иммиграционные ворота) за пределами Хайфы, были переполнены. Жилья для репатриантов не было. Нехватка жилья после окончания мировой войны еще не закончилась, и теперь четверть миллиона вновь прибывших должны были быть обеспечены жильем, едой и работой. Частично жилищная проблема была решена путем расселения около 130 000 иммигрантов в заброшенных арабских деревнях и городах: Яффо, Хайфе, Тверии и Рамле. Жилье было не идеальным, но хотя бы давало людям крышу над головой. Первые массовые иммигранты из Болгарии и лагерей для перемещенных лиц считались привилегированными в том смысле, что поселились в центре страны, недалеко от источников занятости и сносных школ. Но это было только начало большой волны.

В марте 1950 года иракское правительство объявило, что разрешит евреям, желающим эмигрировать, уехать, если они откажутся от своего гражданства. Данный закон должен был оставаться в силе только один год. Это было завершением длительного процесса, начавшегося с обретением Ираком независимости в 1932 году. С начала века – и особенно во время британского мандата – гордая и успешная еврейская община страны модернизировалась и интегрировалась в иракскую экономику и культуру. Но усиление арабского национализма и последствия национального конфликта в Палестине усугубили противоречия между евреями и мусульманами в Ираке. Теперь иракские евреи, которые чувствовали себя привязанными к своей родине, обнаружили, что их экономический и гражданский статус подорван. Если раньше они были равноправными гражданами, то теперь зависели от милости и благосклонности правительства. В то время как до 1940-х годов большинство населения считало себя частью иракского народа, теперь эта идентичность была подорвана перед лицом враждебности со стороны правительства, средств массовой информации и масс. Некоторые образованные молодые евреи вступили в коммунистическую партию и смотрели на смену режима в Ираке как на единственный выход, способный положить конец их разочарованиям. Другие обратились к сионизму. Сионистское движение, поддерживаемое энергичными молодыми людьми, действовало в Ираке с 1943 года.

Закон, разрешающий эмиграцию, был призван вызвать отъезд нескольких тысяч евреев, которых правительство рассматривало как активное ядро подстрекательства среди еврейского населения, а также бедных евреев, которым нечего было терять. По оценкам иракского правительства, должно было эмигрировать около 10 000 человек, в то время как в Израиле цифры колебались от 30 000 до 40 000 человек. Шломо Хилель (израильтянин, родившийся в Ираке, который был там эмиссаром *Hamossad Le'aliya*) оценил, что иммигрирует около 70 000 человек. Никто не предполагал, что приедут 120 000 человек. Но как только началась регистрация, количество стало расти. По мере того как на эмиграцию регистрировалось все больше и больше людей, другие все больше опасались, что может случиться с ними, если они останутся небольшим преследуемым меньшинством. Тем временем, чтобы остановить эмиграцию, власти начали ограничивать количество денег и ценностей, разрешенных для вывоза из страны. Наконец, в марте 1951 года они заморозили еврейские активы в Ираке и запретили эмигрантам вывозить что-либо. Неторопливо начинавшаяся репатриация в Израиль (проходившая одновременно с новой волной иммигрантов из Румынии) в конечном итоге стала паническим бегством, во время которого влиятельная и состоятельная община превратилась в беженцев без гроша в кармане. В 1950–1951 гг. вся иракская еврейская община иммигрировала в Израиль. В отличие от ориенталистского романтиз-

ма операции «Ковер-самолет», на этот раз операция перелета получила библейское кодовое название «Ездра и Неемия» в честь вождей, вернувших евреев из вавилонского плена во время правления Кира.

Правительство Израиля слабо контролировало процесс иммиграции. Непредвиденные политические ситуации, например в Ираке, Польше и Румынии, вызвали иммиграцию сотен тысяч людей, от которых еврейское государство не могло отказаться. В своих мемуарах Шломо Гилель описывает разговор, в котором Леви Эшколь, казначей Еврейского агентства, сказал ему: «Скажи своим дорогим евреям [в Ираке], что мы будем очень рады, если они все приедут. Но им не стоит торопиться. Сейчас у нас нет возможности принять их. У нас даже палаток нет. Если они приедут, им придется жить на улице». Бен-Гурион, однако, категорически опроверг утверждения о том, что у Израиля ограниченная способность для абсорбции: «Мы должны принять всех евреев Ирака и все другие диаспоры, которые готовы или должны иммигрировать, причем как можно скорее – не беря в расчет их собственность и возможности абсорбции»¹⁶⁰. Попытки правительства и Еврейского агентства ввести требования для иммиграции потерпели неудачу. Запреты в отношении больных, инвалидов и людей, неспособных работать, отвергались иммиграционными эмиссарами в различ-

¹⁶⁰ Hillel S. Ruakh kadim: beshlihut mahtartit liartzot arav (Восточный дух: в подпольной миссии в арабских странах). Jerusalem: Idanim, 1985.

ных странах. Власти Восточной Европы также не были готовы принять ограничения на иммиграцию по состоянию здоровья. Доля иммигрантов в массовой алии, нуждавшихся в социальной помощи, была особенно высокой. Ежедневная газета *Naboker* писала: «Эту алию принесло сюда без отбора. Есть много людей со сломанной судьбой: пожилые, немощные, хронически больные, инвалиды и другие несчастные... люди, у которых нет желания работать, которым не хватает понимания и терпения, чтобы приспособиться к здешним условиям»¹⁶¹.

К 1950 году положение в иммигрантских лагерях стало невыносимым. Директор лагеря *Sha'ar Ha'aliya* описал это так:

Иммигранты были заперты, окружены забором из колючей проволоки и охранялись вооруженной полицией. В разные периоды теснота в деревянных и каменных хижинах, оставленных британской армией, достигала нечеловеческого уровня. Трижды в день они выстаивались в длинные очереди за продовольственным пайком. Очереди вокруг медицинских социальных служб растягивались на километры. Не раз иммигрантам приходилось часами ждать своей очереди в банях, туалеты тоже были

¹⁶¹ *Ussishkin S. Naboker*, 16.11.1951. Цит. по: *Lissak M. Ha'aliya hagedola bishnot hahamishim: kishlono shel koor hahitukh* (Массовая иммиграция в пятидесятые годы: провал политики плавильного котла). Jerusalem: Bialik Institute, 1999, p. 62–63.

переполнены. Не всегда было достаточно воды, часто отключалось электричество, и ночью лагерь стоял в полной темноте...¹⁶²

Лагеря должны были предоставлять временное жилье до тех пор, пока иммигранты не пройдут адаптацию и не будут переведены на постоянное место жительства. Но перемещать их было некуда. Строительство жилья для иммигрантов значительно отставало от числа вновь прибывших, а также сдерживалось нехваткой иностранной валюты. На встрече в Исполкоме Еврейского агентства доктор Гиора Йосефтал, возглавлявший отдел, сказал: «Когда 50 мужчин и женщин, старики и дети находятся в одном помещении, гнетущая атмосфера возникает неминуемо. Это унижительные условия, мы не можем удерживать в них людей... За короткое время нормальный человек, поступающий в лагерь, впадает в депрессию, пока у него не остается сил что-либо делать, кроме как тихо плакать...»¹⁶³

Помимо того что лагерь делали иммигрантов несчастными, они ложились тяжелым бременем на скудный бюджет Еврейского агентства. Не предполагалось, что люди уедут, по-

¹⁶² Weissberger Y. Sha'ar Ha'aliya: yoman ha'aliya hahamonit, 1947–1957 (Шаар ха-Алия: Дневник массовой иммиграции, 1947–1957 гг.). Jerusalem: World Zionist Federation, 1986, p. 71.

¹⁶³ Josephtal G. Minutes of the Jewish Agency Executive, 29.3.1949, Central Zionist Archives. Цит. по: Katchansky Miriam. Hama'abarot (Маабарот) // Olim uma'abarot, 1948–1952 (Иммигранты и маабарот, 1948–1952). Idan 8 / Ed. M. Naor. Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 1987, p. 70.

ка они не обрели постоянное место жительства. Они не работали, их кормили на лагерных кухнях. Жизнь в больших общежитиях без уединения и возможности жить семейной жизнью деморализовала людей. Так возникла идея ma'abara, транзитного лагеря. Пока не будет построено постоянное жилье, иммигранты будут переведены во временное жилье, где у каждой семьи будет свое жилище. Отец сможет выходить на работу и зарабатывать деньги, мать сможет готовить для семьи, а дети будут ходить в школу. Маабарот должны были стать промежуточным этапом между лагерями для иммигрантов и постоянным жильем, значительным улучшением условий жизни иммигрантов, первым этапом для продуктивной жизни в Израиле.

Однако вскоре стало очевидно, что условия в маабарот были ненамного лучше, чем в лагерях. Жилищами там были брезентовые палатки, жестяные лачуги или деревянные хижины – из любого материала, который можно было использовать для быстрого и дешевого строительства. Здания были небольшими и временными, поэтому в них не было ни электричества, ни воды. Умывальники и туалеты находились в общем пользовании. «Моя первая встреча в маабаре была с группой молодых людей. Когда я спросил, где находятся душевые, они были удивлены этим странным вопросом и ответили: “Мы не мылись с тех пор, как покинули лагерь Бейт-Лид”. На весь лагерь было два крана на всех. Около тысячи человек. Туалеты не имели крыши и кишели мухами. Бы-

ли построены загородки из гофрированного железа для душевых, но из-за отсутствия воды их тоже превратили в туалеты», — так один журналист описал свое знакомство с маабарой Мигдал-Гад¹⁶⁴. Причем среди критиков маабарот его рассказ был одним из наименее возмутительных.

К концу 1950 года было построено 62 маабарот, где проживало около 100 000 человек. В конце 1951 года, после трех лет массовой иммиграции, количество жителей маабарот достигло 220 000 (более чем из 250 000 человек, живущих во временном жилье). Была постоянная текучка: с самолета или корабля в лагерь, а оттуда в маабару. Некоторые иммигранты предпочитали лагерь, где получали ежедневное питание, а также бесплатные услуги в области здравоохранения и образования, чем маабарот, жители которых должны были зарабатывать себе на жизнь трудом. Занятость в маабарот состояла из мелкой торговли внутри самой маабары или работы, которая представляла собой субсидируемую занятость на лесопосадках, строительстве дорог или строительстве постоянного жилья для жителей маабары. Эта низкооплачиваемая временная работа не гарантировала средств к существованию в будущем, но была направлена на то, чтобы избежать безработицы, которую руководство страны считало главной причиной вырождения и коррупции. Власти считали, что нужно приложить все усилия, чтобы этого не произошло.

¹⁶⁴ Ya'akobi Y. Davar, 10.10.1950.

Помимо шока иммиграции, незнания секретов израильской бюрократии и непонимания языка, жители маабарот подверглись пролетаризации. Их заставляли привыкать к физическому труду, который в странах их происхождения считался унижительным. Некоторые по собственной инициативе (а иногда и с определенными средствами) покидали лагеря, им помогали родственники или друзья, они находили работу и вырывались из официального процесса абсорбции. Пожалуй, самым тяжелым в маабарот был опыт иракских иммигрантов. Пережившие Холокост и заключенные с Кипра прибыли в страну после многих лет проживания в лагерях, йеменские иммигранты прибывали издалека и перед иммиграцией проводили время в лагерях, а иммигранты из Северной Африки находились в транзитных лагерях, прежде чем добраться до Израиля. Однако для иракских иммигрантов всего несколько часов перелета отделяли просторный красивый дом от удручающей убогости лачуги с брезентовыми стенами в маабаре. Неслучайно несколько писателей, вышедших из иракской алии, чья встреча с Израилем запечатлелась в сознании через маабару, описывали ее в своих произведениях.

Во второй половине 1952 года число иммигрантов резко сократилось, в том числе вследствие известий о трудностях абсорбции. В течение следующих трех лет абсорбционная система могла перевести дух, спланировать и ликвидировать маабарот. В течение следующих шести лет большая часть ма-

абарот была снесена, а их жители переехали в постоянные дома. Как и в лагерях иммигрантов, когда маабарот освожились, довольно много людей отказалось уехать, либо потому, что их родственники остались там, это было близко к их месту работы, было знакомо и достаточно комфортно, либо потому, что после стольких лет зависимости их уже страшила свобода. Так же, когда лагеря для перемещенных лиц в Германии были ликвидированы, некоторые люди, не имевшие образования и менее социализированные, оставались ради социальных пособий, в то время как инициативные и энергичные люди быстро воспользовались возможностью перестроить свою жизнь.

Огромные трудности, создаваемые этой алией, вызвали конфликт между людьми, отвечающими за надзор за процессом въезда иммигрантов, и теми, кто отвечал за абсорбцию после прибытия иммигрантов. Вторая группа требовала, чтобы поток иммигрантов определялся способностью абсорбции. Они предупредили, что невыносимые условия в лагерях для иммигрантов и маабарот создают гуманитарную катастрофу. Для них политика неконтролируемой алии, отражавшая готовность приносить в жертву отдельных людей ради «сбора изгнанников», была безответственной. Однако люди, отвечавшие за иммиграцию, видели распад целых общин: люди оказались отрезаны от своих домов и привычной среды, бросили свою работу. Эти активисты не могли просто остановить этот процесс на полпути – в некоторых случаях

они инициировали его сами. По их мнению, любые ограничения на иммиграцию подрывали их «святое дело» – не говоря уже о том, что тысячи иммигрантов оставались в подвешенном состоянии в транзитных лагерях без возможности вернуться домой.

Мизрахи и старожилы Израиля

В 1950 году, впервые с начала современного возвращения в Сион, большинство иммигрантов прибыло из мусульманских стран. В период ишува 90 % иммигрантов были из Европы. В первый и второй годы массовой алии ашкенази все еще составляли большинство. Но с 1950 года большинство иммигрантов были евреями из стран Ближнего Востока и Северной Африки. В 1952 году около 60 % жителей маабарот были выходцами из мусульманских стран – людьми, которым позже дали общее имя Mizrachim (букв. «восточные»). Хотя марокканские иммигранты составляли лишь незначительное меньшинство в волне массовой иммиграции, они обрели особенно плохую репутацию в прессе. Есть основания полагать, что некоторые из марокканских иммигрантов той первой волны прибыли из mellah, гетто крупных городов, где царили суровые условия, бедность и социальная дезинтеграция. В эту группу входили некоторые криминальные элементы, которых называли «марокканские ножи» (из-за их предполагаемой склонности вытаски-

вать нож при малейшей провокации), а также большое количество престарелых и инвалидов. Молодые люди и те, у кого были средства, предпочли остаться на своей родине. В начале 1950-х годов французская власть в Северной Африке все еще сохраняла стабильность, и еврейским общинам региона ничто не угрожало.

Принимая во внимание трудности с абсорбцией и основываясь на оценке того, что в некоторых странах не будет необходимости в спасательной алии, в ноябре 1951 года Исполнительный комитет Еврейского агентства начал политику избирательной иммиграции из этих стран. Спасательные алии и иммигранты, способные финансировать собственную абсорбцию, были освобождены от ограничений. В значительной степени ограничения были основаны на том же принципе способности к абсорбции, который действовал в течение мандатного периода. Вначале государство отдавало приоритет молодым людям с военной подготовкой, которые могли присоединиться к ЦАХАЛ-ГАХАЛ (аббревиатура от *Giyus Hutz La'aretz*, доброволец из-за границы). Но после войны все ограничения на иммиграцию были сняты. Теперь новые правила ограничивали большинство иммигрантов семьями, в которых кормилец был моложе 35 лет. Те, кто не имел средств или профессии, должны были работать в сельском хозяйстве в течение двух лет. Для разрешения на иммиграцию требовалась медицинская справка, свидетельствовавшая о состоянии здоровья кандидата. Эти критерии строго

не соблюдались и со временем были смягчены. Возрастной ценз был увеличен до 40 лет, инвалиду разрешалось иммигрировать, если в семье был активный кормилец и т. д.

Поговорка, что израильтяне любят иммиграцию, но не иммигрантов, особенно верна в отношении массовой иммиграции. Ветераны ишува претерпели множество невзгод и понесли потери за годы борьбы и Войны за независимость. И обычные люди, и элита были измотаны и жаждали передышки. Создание государства и массовая иммиграция открыли путь к быстрому продвижению «коренных» израильтян в правительстве, армии, образовании и т. д. С самого начала волны массовой иммиграции израильская общественность демонстрировала весьма ограниченную готовность добровольно участвовать в абсорбции иммигрантов. Концепция этатизма, которую оспаривали многие представители элиты ишува, теперь освободила противников и их товарищей от ответственности за национальные миссии. Теоретически они хотели вернуться к стандартам волонтерства, но на практике не желали добровольно работать. Вполне возможно, что весь процесс собирания изгнанников в таких огромных масштабах казался им странным и пугающим, превышающим возможности того, с чем они были способны справиться.

Некоторые «коренные» израильтяне кое-где действительно пошли волонтерами. Женские организации действовали в лагере Sha'ar Ha'aliya, помогая новым иммигрантам. Движение мошавов направило сотни добровольцев, чтобы помочь

новым иммигрантам в мошавах (о чем будет рассказано позже). Движение киббуцев приняло в молодежную алию детей. Но это было каплей в море, о чем свидетельствует неудачный призыв к ветеранам ишува зимой 1951 года принять детей иммигрантов в своих домах после того, как маабарот пострадали от сильного наводнения. Откликнулись сотни, а не тысячи домохозяйств. Когда маабарот были построены, власти стремились разместить их рядом с устоявшимися общинами, которые обеспечивали бы иммигрантам как услуги, так и работу. Но чем сильнее и прочнее была городская власть, тем легче ей удавалось держать маабарот на расстоянии. Таким образом, в районе Тель-Авива была только одна маабара, а Рамат-Ган не разрешил строительство маабарот в своей юрисдикции. Таким образом, маабарот строили возле относительно слабых городов, которые можно было заставить подчиниться государственной власти, но эти города испытывали трудности с обеспечением иммигрантов необходимыми услугами и работой.

Старожилы Израиля не обращали внимания на новых иммигрантов. Уриэль Симон так описал отчуждение между двумя мирами:

Человек едет в поезде и видит пейзаж своей страны и в ней маабару. Маабара с ее многочисленными сверкающими жестяными лачугами, скученными вокруг вонючих уборных, кажется раной на теле. Растрепанные дети, одетые в лохмотья, стоят у дороги

и машут ему ручонками. На мгновение их глаза встречаются, и он видит блеск их глаз, но не поднимает руки в ответ. Он предпочитает оставаться чуждым и отстраненным, боится контакта¹⁶⁵.

Лагерь иммигрантов и маабарот были отдельным миром, с которым контактировали лишь немногие израильские старожилы. Они читали в газетах о том, что там происходило. В статьях описывалась чужая, устрашающая страна: мусор и грязь, убогость, апатия, праздность и деградация.

Старожилы смотрели на трудности абсорбции как на часть страданий, необходимых для достижения Земли Израиля. «Когда мы приехали в эту страну» стало модной фразой, которую старожилы использовали для оправдания трудностей, с которыми столкнулись новые иммигранты. Старожилы уже вынесли собственные невзгоды и не хотели возвращаться в режим чрезвычайной ситуации; на самом деле провал мер жесткой экономии отчасти был выражением их бунта против навязываемых им новых указов. Драматические описания лагерей и маабарот в прессе не вызывали сочувствия к иммигрантам, а скорее вызывали чувство отчуждения и страха, как если бы лагеря представляли опасность для заселенной страны. Образ иммигрантов как грязных и страдающих хроническими и другими заболеваниями

¹⁶⁵ *Simon U. Ha'olim hahadashim veanahnu* (Новые иммигранты и мы) // *Ha'aretz*, 27.10.1953. Цит. по: *Rozin O. Novat ha'ahava hakasha: yahid vekoloktiv beYisrael bishnot hahamishim* (Трудный любовный долг: индивидуальное и коллективное в Израиле в 1950-е гг.). Tel Aviv: Tel Aviv University and Am Oved, 2008, p. 245.

только усиливал этот страх. Когда в стране разразилась эпидемия полиомиелита, некоторые говорили, что иммигранты привезли болезнь с собой.

Ветераны ишува встревожились: находится ли сионистское предприятие на грани банкротства? Неужели эти волны иммиграции, о которых они не просили, собирались затопить страну? Даже Бен-Гурион, безоговорочно поддерживавший продолжение иммиграции, писал:

Возникающий еврейский народ, о котором думал Герцль и на чем он строил свою сионистскую политику и деятельность, на самом деле был еврейским народом в Европе... Государство было создано и не нашло людей, которые его ждали [то есть люди, которые ожидали государства, погибли]. Сотни лет перед еврейским народом стоял вопрос или молитва: можно ли создать для народа государство? Никто не осмелился задать страшный вопрос – найдутся ли люди для государства, когда оно возникнет? И этот вопрос, по сути, является вопросом вопросов к основанному в наше время Государству Израиль¹⁶⁶.

Предполагалось, что Израиль будет современным государством, ориентированным на Европу и Запад, но теперь

¹⁶⁶ *Ben-Gurion D. Yihud veyi'ud* (Уникальность и миссия) // Israel Government Yearbook 1951, p. 25. Цит. по: *Lissak M. Dimuyei olim: stereotipim vetiyug betekufat ha'aliya hagedola bishnot hashishim* (Образ иммигрантов: стереотипы и навешивание ярлыков в период массовой иммиграции в 1960-е гг.) // *Halutzim bedim'a: pirkei iyyun alyahadut tzfon afrika* (Пионеры в слезах: антология североафриканского еврейства) / Ed. S. Shitreet. Tel Aviv: Am Oved, 1991, p. 189.

он застрял в трясине иммигрантских лагерей.

Негативные образы иммигрантов – например, «человеческая пыль» – не различали людей, переживших Холокост, и иммигрантов из исламских стран. Сможет ли старожил ишува сформировать эту огромную человеческую массу по своему собственному образу? В многочисленных статьях в прессе выражалась обеспокоенность по поводу того, что может произойти: «Привлечение десятков, если не сотен тысяч людей, непригодных для Израиля, не укрепило государство, а также не принесло пользу ишуву, но и не дало лучшей надежды для будущего, а также не принесло пользы самим людям, которые во многих случаях гораздо более несчастны и озлоблены здесь, чем когда-либо среди своих заграничных соседей», – написал Шмуэль Усышкин в *Haboker*. При чем клеймили иммигрантов не только правые, представленные *Haboker*. «Ишув со множеством больных, деградировавших и необузданных элементов не выдержит ожидающих нас социальных испытаний и проверки на безопасность... Подрыв здоровья, психологического и морального равновесия ишува – ядра будущих поколений – это безрассудство, которое быстро отразится на нас ужасным образом», – утверждала *Davar*¹⁶⁷, газета партии *Mara'i*. Серия статей журналиста *Ha'aretz* Арье Гельблума, который провел месяц в им-

¹⁶⁷ *Ussishkin S. Haboker*, 16.11.1951; *Livneh E., Davar*, 9.11.1951. Цит. по: *Lissak M. Ha'aliya hagedola bishnot hahamishim: kishlono shel koor hahitukh* (Массовая иммиграция в пятидесятые годы: провал политики плавильного котла). Jerusalem: Bialik Institute, 1999, p. 62–63.

мигрантском лагере под видом репатрианта, произвела общественный фурор. Он использовал негативные стереотипы для описания всех иммигрантов, но худшие приберег для жителей Северной Африки, особенно для выходцев из Марокко. Даже репортеры, защищавшие иммигрантов, не старались изо всех сил хвалить их. Но в то время как Гельблум полагал, что этих невежественных, примитивных людей невозможно изменить, другие считали, что посредством образования и терпеливого формирования своей личности эти иммигранты могут быть превращены в достойных граждан.

В одной из своих статей Бен-Гурион пишет: «Разрозненные диаспоры [то есть целые общины, такие как болгарские и иракские евреи, которые были ликвидированы путем иммиграции в Израиль] и которые собираются в Израиле, – все еще не народ, а пестрая толпа, человеческая пыль, лишенная языка, образования, корней, традиций или национальной мечты... Превращение этого человеческого праха в цивилизованную, независимую нацию со своим собственным мировоззрением... это непростая задача, и эти трудности не меньше, чем трудности, связанные с экономической абсорбцией»¹⁶⁸. Эти замечания основаны на двух предположениях.

¹⁶⁸ *Ben-Gurion D. Yihud veyi'ud (Уникальность и миссия) // Israel Government Yearbook 1951, p. 25. Цит. по: Lissak M. Dimuyei olim: stereotipim vetiyug betekufat ha'aliya hagedola bishnot hashishim (Образ иммигрантов: стереотипы и навешивание ярлыков в период массовой иммиграции в 1960-е гг.) // Halutzim bedim'a: pirkei iyyun al yahadut tzfon afrika (Пионеры в слезах: антология североафрикан-*

Первое заключается в том, что можно превратить каждого еврея в образцового гражданина, подобного лучшим из ветеранов. Он повторял это снова и снова. Говорят, он ожидал назначения начальника Генерального штаба йеменского происхождения – это было характерно, поскольку Бен-Гурион стремился к формированию единой нации, объединенной в одной культуре, со стандартами, достойными современного мира. Его второе предположение включает признание того, что на начальных этапах абсорбции иммигрантов государство было озабочено исключительно физическими потребностями иммигрантов: крышей, едой, медицинским обслуживанием и минимальным образованием. Оно не принимало аналогичных усилий в процессах социализации.

Сельскохозяйственные поселения и развитие городов

Иммиграционный наплыв начала 1950-х годов сорвал планы правительства по распределению населения в стране. Сосредоточение большей части еврейского населения в трех больших городах – Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе – и в районе между Хадерой и Гедерой¹⁶⁹, казалось, противоречило национальным интересам с точки зрения безопасности,

ского еврейства) / Ed. S. Shitreet. Tel Aviv: Am Oved, 1991, p. 25.

¹⁶⁹ Городская агломерация Гуш-Дан, расположенная на побережье Средиземного моря.

экономики и культуры. Это также казалось ошибкой с точки зрения качества жизни. Арье Шарон, архитектор и директор отдела планирования в канцелярии премьер-министра, разработал план, призванный исправить эту проблему, направив новых репатриантов в развивающиеся районы: Галилею, Иерусалимский коридор и Негев. Шарон объяснил, что в период ишува евреи сконцентрировались в больших городах, потому что не было возможности для расселения во всех частях страны. Теперь это можно исправить с помощью поселений двух типов. Первый тип, сельскохозяйственное поселение, было традиционным сионистским приоритетом. Поэтому было решено, что 20 % населения должны стать земледельцами. Соответственно, за первые пять лет существования государства было основано 500 новых поселений, и в них обосновалось 13 % новых иммигрантов.

Второй тип – городские поселения. Это было нововведение, чего сионистское движение ранее не предпринимало. Хотя большая часть еврейского населения предпочитала городскую жизнь, идеологически город считался препятствием для создания еврея нового типа – теплицей для размножения мелкой буржуазии, существование которой препятствовало построению нации. План Шарона был основан на преобладавшем в то время в Британии восприятии – уроке, извлеченном из Второй мировой войны, об уязвимости больших скоплений людей во время воздушных налетов, а также на присущих крупным городам недостатках – грязи, трущобах,

отчуждении и т. д. Новая концепция предусматривала строительство малых и средних городов на основе тщательного регионального планирования, учитывающего распределение населения, безопасность, городскую эстетику, экономику и общество. Это была основа планирования для развития городов. В период с 1948 по 1964 год было создано более 30 таких городков.

В эпоху ишува поселение в сельской местности было привилегией тех, у кого был частный капитал, кто мог купить цитрусовую плантацию или виноградник, либо же групп пионеров, которые ждали много лет, пока им разрешат поселиться на земле, тем временем проходя «обучение сельскому хозяйству». В любом случае сельское хозяйство было сознательным выбором людей. Но теперь все изменилось. За исключением незначительного количества выпускников сельскохозяйственных учебных заведений, которые сами поехали в кибуцы, 13 % иммигрантов, отправленных в сельские районы, не самостоятельно избрали подобный род деятельности. Сначала предпринимались попытки отобрать кандидатов для поселения и в соответствии с их навыками и желаниями организовать группы из них, но вскоре процесс стал совершенно случайным, о чем говорит следующее свидетельство:

В лагере для иммигрантов к нам обратились с предложением съездить в деревню. Когда мы спросили, где находится деревня, нам ответили: «В

районе Тель-Авива». Нам понравилось место, и мы согласились поехать. Мы понятия не имели, что такое мошав. Мы были счастливы выбраться из лагеря для иммигрантов. Грузовик первым делом покинул лагерь Бейт-Лид утром, и поездка длилась много часов. После долгой езды по грунтовым дорогам... через широкие пространства без единого кустика или деревца мы рано вечером достигли небольшого палаточного лагеря. Люди отказались выйти из грузовика. Они сказали, что им обещали деревню недалеко от Тель-Авива, а не на краю света. После ссоры старейшина семьи встал и сказал: «Я ухожу. Это моя земля, и здесь я буду похоронен». Как только старик вышел, его семья тоже, и за ними последовали другие. Когда водитель увидел, что все вышли, он завел грузовик и уехал. Так начиналось поселение [мошав] Патиш¹⁷⁰.

Сходные мотивы повторяются в десятках других свидетельств: обман властей; полное незнание, что такое мошав; шок от вида пустыни, в которую были доставлены прибывшие, и в конце концов примирение с ситуацией за неимением выбора.

Волна массовой иммиграции побудила Бен-Гуриона призвать кибуцное движение открыть свои двери и дать иммигрантам работу. Однако это предложение противоречило

¹⁷⁰ Свидетельство Хабиба Шарбафа // *Hacohen D. Hagarin vehareikhayyim: hityashvut ha'olim banegev ba'asor harishon lamedina* (Зерно и мельничный жернов: поселение иммигрантов в Негеве в первое десятилетие существования государства). Tel Aviv: Am Oved, 1998, p. 96.

основному принципу кибуца – «самостоятельный труд», то есть запрет использовать наемный труд. Кибуцы отказывались принять иммигрантов, что привело к столкновению с Бен-Гурионом. В своей речи в Кнессете 16 января 1950 года он заявил, что его «смущает» отношение кибуцного движения к абсорбции иммигрантов и ему «стыдно» за кибуцы. В известном смысле создание иммигрантских мошавов было ответом Бен-Гуриона на отказ кибуцев. Расселение тысяч иммигрантов, не имевших никакого опыта и склонности к сельскому хозяйству, которое в их родных странах считалось второстепенным занятием, было чрезвычайно смелым экспериментом, шансы на успех которого были туманными.

В мандатный период предпосылкой для поселения на земле было наличие сплоченной группы молодежи, подготовленной морально и физически к ожидавшим их невзгодам. Этот тип поселения требовал длительного периода обучения для людей, которые уже были приверженцами сионистской идеологии. Лидеры кибуцного движения теперь утверждали, что без процесса отбора кандидатов нет шансов на успех поселения. Опыт научил их, что даже после интенсивного обучения многие люди покидают кибуцы из-за жизненных невзгод, социальной напряженности или по личным причинам. Представление о том, что можно основать сельскохозяйственное поселение на основе случайной группы людей, обычно из одной семьи или региона, но иногда из нескольких разных мест, не имеющих предварительной подготовки,

психологической предрасположенности или каких-либо знаний о сельском хозяйстве, противоречило всему историческому опыту, накопленному в период ишува. Движение кибуцев не хотело иметь ничего общего с этим процессом и, отвергнув его, предпочло утратить свое доминирующее положение в израильском обществе.

Вместо него на помощь процессу новых поселений пришло движение ветеранов мошавов. В период ишува это движение было относительно слабым и менее престижным, чем движение кибуцев. Теперь настал его звездный час. Мошав, в котором приусадебный участок принадлежал семье, больше соответствовал образу мышления иммигрантов из Восточной Европы, для которых кибуц напоминал ненавистный колхоз, и даже иммигрантов из мусульманских стран, для которых коллективизм любого рода был анафемой. Прежде всего власти поселений думали о том, чтобы евреи возделывали землю и основывали еврейскую деревню; выполнение всех остальных требований мошава было временно приостановлено.

Встреча с дикой природой, куда они были отправлены, ошеломила новых поселенцев мошава. В первые годы за ними наблюдали советники департамента поселений Еврейского агентства, которые помогали им справляться с израильской бюрократией, представляли их в различных государственных органах и выступали посредниками между ними и агентствами, ответственными за распределение ресур-

сов для открытия их хозяйств. На втором этапе инструкторы, принадлежавшие к движению мошавов, откликнулись на призыв Бен-Гуриона переехать в новый мошав и помочь акклиматизироваться новым фермерам, делая упор на социальной и культурной интеграции. Начало было очень трудным. В населенных пунктах Негева прокладка водопровода к мошавам запаздывала. Попытки земледелия были обречены на провал, и поселенцам приходилось издалека доставлять воду для питья и прочих домашних нужд. Электричество тоже еще не было проведено, и не в каждом населенном пункте был генератор. Пока населенные пункты не были подключены к сети, в новых коровниках было невозможно использовать технику или установить охладители молока. Вспашка производилась мулами, пока через некоторое время не прибыли тракторы. Но поселенцы не умели обслуживать сельхозтехнику, и пока одного из них не учили ремонтировать трактор, он простаивал.

Отсутствие опыта у иммигрантов усугублялось некомпетентностью властей поселений, которые не знали, какие культуры подходят для каждого места, что было экономически выгодным, а что устаревшим. В дополнение к овощам, которые земледельцы выращивали на приусадебном участке, а затем торговали ими на рынке, консультанты предложили выращивать сахарную свеклу и хлопок, технические культуры, которые повысили как экономические возможности, так и расширили пахотные земли. Были также некоторые попыт-

ки выращивания винограда и сезонных фруктов, но пока поселенцы не выяснили, что подходит, а что нет, было неясно, есть ли будущее у сельского хозяйства. Тем временем, пока сельское хозяйство не приносило прибыли, поселенцы зарабатывали на жизнь строительством частных домов и местной инфраструктуры.

Поселения находились далеко от основных дорог, и общественный транспорт приезжал в каждый мошав лишь несколько раз в неделю. В большинстве поселений была медсестра, но врач приезжал только время от времени; у врача, как и у поселенцев, не было машины. Еврейское агентство построило общественные учреждения – школы, синагоги и клубы, – а также постоянное жилье, которое поначалу было очень спартанским. Руководство Еврейского агентства придавало большое значение обучению поселенцев новой, чуждой реальности и работало на их благо. Но в результате поселенцы считали себя не владельцами мелких приусадебных участков, а наемными работниками агентства, освобожденными от ответственности за ферму, ее оборудование и домашний скот. Так, например, в некоторых мошавах поселенцы не ухаживали за коровами, которых им выдали для создания молочной фермы, поскольку эти коровы «принадлежали» Еврейскому агентству. Однако они выкармливали и ухаживали за телятами, которые были «своими». Ели цыплят, выделенных для развития птицеводства. Та же участь постигла семенной картофель. Что и говорить, мошенниче-

ство с агентством по поводу количества отработанных трудодней было общепринятой практикой. Власти мало доверяли поселенцам и выделяли землю, предназначенную для них, поэтапно в соответствии с развитием сельскохозяйственных мощностей мошава. Часто происходили столкновения с соседними кибуцами, которые тем временем захватывали землю, а после отказывались вернуть ее мошавам.

Поселенцев от их советников отделял значительный мировоззренческий пробел. Консультанты были воспитаны на принципах коллективных действий – взаимопомощь поселенцев, совместное использование техники и организованный маркетинг через компанию Tnuva (сельскохозяйственный кооператив). Все эти принципы были чужды новым поселенцам. Для них главным были родственные связи. Мошавы, в которые входили люди разного происхождения, так и не стали сплоченными, и в конце концов некоторые поселенцы уехали. Те, кто остался, пытались привлечь новых поселенцев из своих семей. Следовательно, мошав развился на основе расширенной семейной ячейки – *hamoula* (клан). Вместо группы пионеров, объединенных идеологией, связующим звеном нового мошава стали родственные связи. Советники также пытались внедрить культуру демократии – выборный комитет и переход к самоуправлению. Но во многих случаях внутренние противоречия приводили к частым изменениям в комитете, и потребовалось несколько лет для развития культуры самоуправления. В мошавах, кото-

рые действительно стали сплоченными и имели стабильное население, за пять лет сформировалась община и появилось подлинное местное руководство. Эти мошавы стали процветающими еще в 1960-х годах.

Новые мошавы изменили общепринятые обычаи в движении мошавов в частности и в Nevrat Ha'ovdim в целом. Они отказались принять маркетинговые методы Tnuva, которые устанавливали цены на сельскохозяйственную продукцию, когда она поступала в город, и задерживали платежи фермерам. Вместо этого мошавники продавали свою продукцию и основали свои собственные закупочные и сбытовые организации, освобождая себя от «опеки» Tnuva. По мере того как социализировались и осваивали экономическую и социальную систему, они вливались в политическую жизнь страны, а в 1960-х годах среди руководства движения мошавов и даже Мараі можно было встретить представителей новых мошавов. В 1970-е годы новые мошавы процветали, и их история считалась большим успехом.

Новые города были основаны одновременно с новыми мошавами. Вопреки плану распределения населения некоторые из них были построены рядом с маабарот. Так, например, Ор-Иегуда был построен недалеко от Лода на базе маабарот в этом районе. Первыми городами, построенными в целях рассредоточения населения, были Кирьят-Шмона и Шломи в Галилее и Йерухам в Негеве. Поначалу в этих городах поселились люди из маабарот, согласившиеся переехать

в более комфортные дома. Но подавляющее большинство жителей маабарот предпочли остаться в центре страны.

Конец французского правления в Марокко и опасения по поводу водворения там нового националистического режима вызвали новый приток иммигрантов из Северной Африки в 1954 и 1956 годах. На этот раз власти попытались избежать ошибок, возникших в ходе первой волны. Они заранее проинформировали иммигрантов о трудных условиях и даже заставили их подписать соглашение о поселении туда, куда отправят их власти. Эта волна, насчитывавшая около 70 000 иммигрантов в 1954 и 1956 годах, была направлена в отдаленные районы в рамках операции, получившей название «С корабля в деревню». Некоторые иммигранты отправились в Лахиш в южной части страны – хорошо спланированный район, включавший мошавы и городки. Предполагалось, что в дальнейшем они станут полноценными городами. Ожидавшее их жилье было оборудовано домашней утварью и средствами производства. На протяжении всего этого процесса иммигранты оставались пассивными; их голоса не были услышаны. Женщина описывала свое путешествие в Офаким: «Мы стояли у поручня корабля, и у нас потекли слезы из глаз, когда на горизонте мы увидели гору Кармель. Мы доплыли до Хайфы, и нас сразу погрузили в шаткий грузовик. Мы ехали весь остаток дня. Мы прибыли в мрачное место, не зная, что это такое и как оно называется. Мы отказались выйти из грузовика. После нескольких минут суматохи

и споров мой муж Давид был арестован местной полицией. Так нас приветствовали на родине...»¹⁷¹

Это описание хорошо отлаженного бюрократического процесса, не оставлявшего иммигрантам шанса избежать проложенного пути, повторяют и сами организаторы: «В годы, когда мы приняли... евреев из Северной Африки, они были как замазка в наших руках. Мы сняли их с лодки и отправили прямо в поселение. Мы не спрашивали их, чего они хотят, и это сработало. Эксперимент со 100 000 человек, отправленных на поселение, удался»¹⁷².

Когда после волны антисемитизма в 1958 году иммиграция из Польши возобновилась, политика распределения населения была приостановлена. Поскольку у многих иммигрантов были родственники в Израиле, *landsleit* (выходцы из одного города) и друзья, отношение к ним было другим. Более того, в то время как иммигранты из мусульманских стран не могли вернуться на свою родину, чиновники, занимавшиеся вопросами абсорбции, полагали, что евреи Польши или Венгрии (откуда иммигранты прибыли после подавле-

¹⁷¹ Свидетельство Хабиба Шарбафа // *Hacohen D. Hagarin vehareikhaayim: hityashvut ha'olim banegev ba'asor harishon lamedina* (Зерно и мельничный жернов: поселение иммигрантов в Негеве в первое десятилетие существования государства). Tel Aviv: Am Oved, 1998, p. 96.

¹⁷² Свидетельство Ханны Маймон // *Pikar A. Mi vami haholkhim: ikhlusan shel ayarot hapituah* (Кто идет: заселение городов развития) // *Ayarot hapituah* (Города развития). Idan 24 / Ed. Z. Zameret, A. Halamish, E. Meir-Glitzstein. Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2010, p. 201.

ния Советским Союзом восстания 1956 года) имели право выбора: не покидать свою страну, не возвращаться в нее или даже не уезжать в другое место. Следовательно, если власти хотели, чтобы те остались в Израиле и поощряли других иммигрантов из Восточной Европы (всегда была надежда на иммиграцию из СССР), им должны были быть предоставлены соответствующие условия для абсорбции. Таким образом, большинство иммигрантов из Европы осело в центре страны, в то время как отдаленные районы были заселены в основном иммигрантами из Африки и Азии.

Еще со времен мандата на окраинах больших городов были бедные кварталы: Керем-ха-Тейманим возле рынка Кармель в Тель-Авиве, Неве-Цедек и Неве-Шалом на окраине Яффо, а также квартал Хатиква на юге Тель-Авива. В центре города долгие годы стояла Нордия – квартал лачуг, сколоченных из ящиков. После Войны за независимость эти бедные кварталы расширились и даже переместились на новые территории. Во всех городах жители кварталов, пограничных между евреями и арабами, во время войны спасались бегством. Большая часть из них нашла убежище в заброшенных арабских деревнях и кварталах, жители которых также бежали. Таким образом, квартал Саламе недалеко от Тель-Авива был построен на месте заброшенной арабской деревни. В самом центре Тель-Авива был основан бедный район на месте деревни Джамусин, новые жители которой отвергли все предложения о переселении. В Иерусалиме были построены

Мусрара и Катамон. Во всех этих перенаселенных кварталах стояло ужасное аварийное жилье и не хватало надлежащих государственных услуг. Их преимуществом была близость к центру города, что давало жителям надежду на работу и приемлемый уровень образования. Перенаселенность в этих кварталах еще более увеличилась после того, как многие жители маабарот, городов развития или мошавов решили покинуть места, куда они были отправлены, и искать счастья в большом городе. В бедном районе всегда можно было найти жилье бесплатно или очень дешево.

В 1959 году впервые в истории Израиля вспыхнул социальный протест, сопровождавшийся беспорядками. Его движущей силой стали молодые марокканцы из района Вади-Салиб в Хайфе. Беспорядки стали проявлением негодования молодых людей, которые выросли в Израиле и служили в ЦАХАЛе – некоторые даже участвовали в Войне за независимость, – из-за отсутствия возможности трудоустройства и продвижения по службе, а также неспособности признать их в качестве личностей с соответствующими потребностями. Беспорядки показали, что бедные кварталы на окраинах городов, где сосредоточены молодые люди из этнических общин мизрахи, покинувших маабарот и населенные пункты в отдаленных районах, были пороховой бочкой, способной взорваться в любой момент. Марокканские иммигранты составляли только 30 % жителей Вади-Салиба, но среди безработных и лиц, нуждавшихся в социальной по-

мощи, их было большинство. Протест быстро прекратился после того, как власти незначительно повысили заработную плату рабочих и предоставили детские пособия. Но впервые этническая проблема – связь между этнической принадлежностью и бедностью, этнической принадлежностью и маргинальными группами населения – оказалась в центре внимания.

Сообщения прессы о беспорядках в Вади-Салибе никоим образом не остановили большую волну иммигрантов из Марокко, прибывших между 1960 и 1964 годами. Эти сообщения также не побудили Министерство абсорбции остановить эту иммиграцию, хотя оно считало марокканцев весьма неприятными, видя в них угрозу беспорядков. Исследователь Ярон Цур считает, что, хотя иммигранты из Марокко обвиняли «поляков» – уничижительный термин, охватывающий всех ашкеназов, – во всех своих несчастьях, их отношение к еврейскому государству тем не менее оставалось позитивным и патриотичным. То есть мощь еврейского национализма, усиленная нестабильностью и небезопасностью еврейской жизни в Марокко в сочетании с экономическим кризисом там, была больше недовольства израильскими властями и возмущения их отношением к марокканцам. В то же время решение правительства продолжить иммиграцию для более чем 100 000 марокканских евреев показало, что чувство национальной ответственности выше сомнений относительно характера иммигрантов. Государство

Израиль не могло отвернуться от крупнейшей еврейской общины, оставшейся в арабском государстве, чье благополучие висело на волоске и всецело зависело от благосклонности властей. Кроме того, потребность еврейского государства в увеличении собственного еврейского населения была важнее любых социальных или этнических предрассудков.

Большинство иммигрантов 1960-х годов были отправлены в города развития, где они составили основную часть населения. Эти города были спроектированы, чтобы служить посредниками между большими городами и отдаленными сельскохозяйственными районами, а также торговыми и культурными центрами для окружающих киббуцев и мошавов. Проблема заключалась в том, что параллельно с городами развития создавались региональные советы, выполнявшие те же функции. Предполагалось, что города будут городами-садами, но их эстетические стандарты были крайне низкими, так как центры городов не были развиты и не имели никаких коммерческих или культурных услуг. Большинство этих городов оставались небольшими, до 20 000 человек – порог населения, установленный для обеспечения жителей надлежащими муниципальными услугами. Во многих из них не было местного руководства, которое чувствовало какую-либо ответственность перед жителями. Текучесть населения была высока, а попытки привлечь жителей из старожилов ишува не увенчались успехом. Школы стояли пустыми, так как были хуже по качеству, чем школы региональных

советов, куда жители кибуцев – и даже новых мошавов – отправляли своих детей. Основной проблемой в большинстве городов развития была крайне ненадежная инфраструктура занятости. Только в конце 1950-х годов с появлением промышленности, включая трудоемкую текстильную промышленность, некоторые города развития смогли вырваться из цикла хронической безработицы и показать признаки роста.

Между городами, конечно, были различия. Беэр-Шева стала столицей Негева и практически полноценно развитым городом. То же самое можно сказать и об Ашдоде, порт дал ему колоссальный импульс для развития, и Ашкелоне, который сочетал в себе туризм и промышленность. Арад и Кармиэль, два последних города развития, которые следовало построить, были заложены при более тщательном планировании, с учетом уроков, извлеченных из предыдущих ошибок. Но только в конце 1960-х гг. города развития, основанные в начале 1950-х гг., достигли стабильности в населении и занятости, в них были построены некоторые объекты культуры. До этого они были бедными и отсталыми, и этот образ надолго закрепился за ними. Иммигрантам из Восточной Европы, в основном из Румынии, изначально отправленным в эти города, удалось покинуть их ради лучших условий жизни. В результате у оставшихся жителей чувства обиды и лишения только усугубились, и в то же время «первые израильтяне» отмечали все усиливающуюся связь между населением мизрахи (преимущественно марокканским) и бедностью

и невежеством, царящими там.

Каждая волна репатриации взирает снизу вверх на тех, кто пришел до нее, и попирает тех, кто пришел после. В Израиле процессу абсорбции способствовал национальный дух. Израиль хотел и приветствовал иммигрантов. Государство несло за них ответственность. Оно привлекало иммигрантов и по прибытии распределяло и направляло их. Трудно себе представить какую-либо другую страну, которая так много вкладывала в своих иммигрантов. Таким образом, страна обрела и лавровый венок успехов, и терновый венец неудач. Попытки навязать иммигрантам задачу по заселению окраин – миссию, за которую ветеранское население не взялось бы, – имели некоторый успех, но вызывали сильное разочарование и боль.

Общество, принявшее иммигрантов, не намеревалось унижать их или причинять им вред, используя их как «человеческую замазку». Напротив, оно считало, что чем быстрее сможет вывести этих людей из их патриархальных сообществ в дивный мир современности, тем лучше будет как для них, так и для Государства Израиль. Посему Министерство абсорбции не колеблясь искореняло древние обычаи, ломало вековые социальные структуры и разрушало принятые традиционные порядки. Большинство выходцев из исламских стран любили и уважали религиозные традиции. Основной социальной структурой в этих странах была патриархальная семья. Уважение к пожилым людям, синагога и принятые

обычай – от одежды и еды до свадебных церемоний и религиозных ритуалов – были частью жизни многих поколений. Иммиграционный процесс разрушил семью и подорвал авторитет старейшин и глав семей. Религия потеряла доминирующий статус, и весь образ жизни иммигрантов оказался под угрозой.

В культуре иммигрантов были некоторые элементы, которые израильское общество считало просто неприемлемыми, – например, замужество юных девушек, многоженство и неполноценное положение женщин в семье. В этих случаях столкновение между старыми устоями и новыми требованиями было неизбежным. Но что касается всех других аспектов культуры иммигрантов мизрахи, сомнительно, чтобы была необходима ускоренная модернизация. Израильские советники, учителя и военные офицеры пытались навязать иммигрантам нормы и стандарты поведения, противоречившие тому, что те привезли из своих стран. Ценности отложенного вознаграждения и то, что социологи называют «синдромом достижения», – типичные черты современного жителя Запада, – были чужды многим иммигрантам, им было трудно к ним адаптироваться. Первая встреча привела к тенденции среди молодого поколения ассимилироваться с коренными израильтянами – процесс, ставший позже известным как *hitashkenazut* (превращение в ашкенази). Но со временем, по мере того как иммигранты стали чувствовать себя в Израиле как дома и стали более уверенными, они вспомнили

о прошлых оскорблениях, о горечи утраты идентичности и теперь потребовали признания утерянных элементов своей изначальной культуры.

Не только иммигранты из исламских стран утратили свои доиммиграционные культурные корни. Для иммигрантов из Восточной Европы знакомство с культурой ветеранов ишува, отличной от той, в которой они выросли, потребовало изменений в их образе мышления, а также в поведенческих и культурных нормах. Но поскольку большинство из них происходило из еврейского общества, разрушенного войной и Холокостом, изменение идентичности, произошедшее в Израиле, было менее травматичным, чем для тех, чья идентичность была нарушена только тогда, когда они столкнулись с израильской реальностью.

На конференции 1966 года в Еврейском университете в Иерусалиме была сделана одна из первых попыток осмыслить политику «плавильного котла» и ее результаты. В отличие от их первоначальной враждебной реакции на шок массовой иммиграции ветераны ишува теперь имели более уравновешенное мнение о мошавках и поселенцах из городов развития как о «пионерах поневоле», а также некоторое понимание трудностей абсорбции и тягот новых репатриантов. Принявшие участие в данной конференции социологи и антропологи подняли вопрос о возможности отхода от политики «плавильного котла», которая привела к «скороварке», что повлекло за собой быстрые изменения в традицион-

ных культурах. Они больше склонялись к тому, что называли «чолнтом» (имеется в виду традиционное еврейское тушеное блюдо, оно обычно варится на медленном огне в течение ночи). То есть они рекомендовали замедлить процесс модернизации и проводить его с вниманием к традиционной культуре, лидерам общины и всей социальной структуре сообществ иммигрантов.

Это было первое обсуждение возможности возникновения в конечном итоге израильской культуры, плюралистической, не основывающейся исключительно на традициях ишува. Участники конференции не были полностью уверены в том, как будет выглядеть плюралистическая культура, но сама постановка вопроса отражала их несогласие с культурным давлением на иммигрантов и сопровождалась требованием признания права иммигрантов на своего рода автономию. В этой дискуссии также впервые был поднят вопрос о внутреннем противоречии между двумя национальными целями: расселением населения и *mizug galuyot*, интеграцией различных сообществ. Окраинные районы были заселены в основном представителями мизрахи, а центр страны – ашкеназами. Иммигранты предпочитали жить в однородных поселениях, основанных на родственных связях, что смягчало тяготы абсорбции. Только 2 % израильтян-старожилов уехали жить в отдаленные районы. «Сегодня ишуву нечем гордиться. Ценности, которые он прославлял до создания государства, в настоящее время всего лишь деклара-

ция»¹⁷³, – заявил Мордехай Бен-Порат, бывший сотрудник Mossad Le'aliya¹⁷⁴, будучи сам иммигрантом из Ирака. Бен-Порат имел в виду нежелание старожилов откликнуться на призыв государства жить в отдаленных районах, но, похоже, его словами можно описать и отношение ветеранов к проекту массовой иммиграции в целом.

Факторы социализации: школа, армия, политика

После начала 1950-х годов, когда власти утратили контроль над иммиграцией, процесс стал организованным и упорядоченным, но притом необходимость социализации по-прежнему игнорировалась. Вместо этого власти сосредоточились на основных потребностях. Остальное должно было произойти само по себе. Тем не менее был запущен процесс социализации, незавершенный, небезупречный, но эффективность которого с годами росла. Основными факторами социализации были школа, армия и политика. С первоначальным энтузиазмом, сопровождавшим прибытие тысяч

¹⁷³ Свидетельство Иегуды Брагинского // *Pikar* A. Mi vami haholkhim: ikhlusan shel ayarot hapituah (Кто идет: заселение городов развития) // *Ayarot hapituah* (Города развития). Idan 24. / Ed. Z. Zameret, A. Halamish, E. Meir-Glitzstein. Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2010, p. 207.

¹⁷⁴ Организация, в задачи которой входила деятельность по нелегальной иммиграции во время мандата, а с 1948 г. – содействие репатриации из стран, где она была затруднена. – *Прим. перев.*

иммигрантов, «рабочее движение» решительно и самоотверженно работало над созданием системы образования в иммигрантских лагерях. Незамедлительно последовал протест, поскольку учителя без колебаний посоветовали ученикам отрезать пейсы, выбросить шляпы и отвернуться от религиозных традиций. Мальчики и девочки сидели в одном классе и приучались отвергать традиции своих предков. Учителя, выходцы из рабочего движения, считали это важным шагом на пути к модернизации. Но для религиозных партий такое было равносильно принуждению религиозных евреев к отступничеству и затронуло самую близкую их сердцу проблему. Было немыслимо, чтобы соблюдающие евреи в Израиле не получали религиозного образования, а вместо этого были вынуждены учиться в нерелигиозной среде.

Больше всего это коснулось йеменских евреев, которые принадлежали к ревностно соблюдающим традиции. Попытка воспитать их в светском духе или обеспечить религиозное образование под эгидой нерелигиозной организации, такой как Histadrut, была воспринята религиозными партиями как принуждение. Этот вопрос имел более чем духовное значение, поскольку религиозные партии видели в соблюдающих иммигрантах источник политической власти, который позволил бы им расширить свою фракцию. Мараі, со своей стороны, стремилась расширить электоральное влияние через образование в духе рабочего сионизма. Обе стороны заявили о праве давать образование детям Израиля. В итоге был

достигнут компромисс, заключающийся в том, что в лагерях для иммигрантов, в которых проживают йеменские евреи, будет религиозное образование, предоставляемое религиозным движением, в то время как в других лагерях родители могут выбирать поток, в котором будут обучаться их дети, в ответ на различные обещания материальной помощи от двух политических фракций.

В лагерях маабарот повторился тот же конфликт. Эти споры объединили культуркампф¹⁷⁵ с борьбой за голоса и в итоге привели к правительственному кризису, демонтажу образовательных потоков и созданию систем государственного и государственно-религиозного образования, находящихся в ведении Министерства образования. Разобщенность правящей элиты в этом вопросе и межпартийная борьба за голоса иммигрантов стали важным уроком израильской политики. В стране иммигрантов школа, как правило, самое мощное средство социализации, но в Израиле она оказала лишь ограниченное влияние либо из-за разделения нерелигиозного и религиозного образования, либо из-за потери образовательного импульса, заложенного еще в догосударственный период.

Еще одним фактором социализации первого порядка был ЦАХАЛ. Именно в армии молодые иммигранты встречали

¹⁷⁵ Kulturkampf (нем.) – «борьба за культуру». В данном случае имеется в виду борьба государства за контроль над образованием, по аналогии с подобной политикой в Германии времен Бисмарка. – *Прим. перев.*

детей израильтян-ветеранов, и даже если израильтяне проявляли большое высокомерие по отношению к новоприбывшим, их общая военная служба поддерживала братство между двумя группами. Солдаты-иммигранты, возвращающиеся домой со службы, приносили с собой иное поведение, новые идеи и лучшее понимание израильской жизни. В результате возникли столкновения между старшим поколением, которое оставалось верным патриархальным традициям, и молодым поколением, отвергавшим их.

Третьим фактором социализации была политическая система. В 1960-х годах люди из волны массовой иммиграции уже состояли в политических партиях, включая правящую партию, и работали в муниципалитетах. Некоторые даже достигли руководящих должностей. За новыми репатриантами «охотились» все партии, и их право голоса приобретало особую силу как часть процесса социализации. Подобно тому, как старожилы Израиля знали, что в обмен на «правильное» голосование обещают выделить землю, новоприбывшие быстро поняли, что могут сменить роль и потребовать свой кусок политического пирога, поскольку представляли широкие массы. Интеграция в политику продемонстрировала понимание секретов израильского правительства и способность использовать демократическую систему в интересах клиентов системы абсорбции.

Существовала ли дискриминация мизрахи? Были ли у европейских репатриантов лучшие условия для абсорбции,

чем у их собратьев из исламских стран? У репатриантов из Восточной Европы имелось несколько преимуществ. Во-первых, они приехали раньше и получили жилье в покинутых арабских городах и кварталах в центре страны. Во-вторых, эта алия состояла в основном из молодых людей – как следствие отбора, вызванного Холокостом, – среди них почти не было пожилых людей. Семьи были небольшими, и женщины большей частью работали. В некоторых случаях экономическое положение семьи еще более улучшилось за счет репарационных выплат из Германии, которые стали поступать в конце 1950-х годов. Эти иммигранты были менее образованны, чем иммигранты из Восточной Европы, прибывшие до войны, но образованнее, чем иммигранты из исламских стран. У них также было личное преимущество: люди, которые осуществляли их абсорбцию, также прибыли в основном из Восточной Европы. Идиш был лингва-франка европейских евреев, и он значительно облегчил контакт между иммигрантами и представителями израильской бюрократии. Даже если не было намеренной дискриминации, все же было определенное преимущество для тех, чей язык был понятен. Кроме того, как предполагалось ранее, у многих новых иммигрантов были родственники, друзья или ландслейты с контактами в израильском обществе. Здесь протекция была обычным делом, и люди с контактами пользовались преимуществом. Более того, после алии из Польши в 1958 году иммигрантам из Восточной Европы принято было

предоставлять лучшие условия для абсорбции из опасения, что в противном случае они либо вовсе не приедут, либо покинут Израиль, тем самым дискредитируя алию.

Иммигранты из исламских стран приехали большими семьями, часто с пожилыми людьми. В большинстве семей был один кормилец. Чем позже они приезжали, тем больше была вероятность, что их поселят далеко от центра страны. Уровень их образования был очень низким, и у большинства из них не было профессии, подходящей для израильских условий. Те, кто уже достиг достаточно высокого уровня в странах своего происхождения (например, горожане из Ирака), смогли найти себе место в Израиле и всего за несколько лет сумели добиться экономической стабильности, высшего образования и видного места среди израильской интеллигенции. Но подавляющему большинству пришлось преодолевать долгую и мучительную полосу препятствий. В частности, у марокканских иммигрантов были большие трудности. В Израиль иммигрировала не вся марокканская община; ее элита, которая была частью образованной городской буржуазии в Марокко и преуспевала в бизнесе, предпочла иммигрировать во Францию или Канаду. Таким образом, в первых двух волнах иммиграции в Израиль прибыли представители низших слоев марокканской общины. Они не имели образования и профессии, подходящих для современной экономики. Когда представители еврейско-марокканского среднего класса, проникнутые французской культурой, приехали

в Израиль в 1960-х годах, то оказались жертвами стереотипов, распространившихся на всех марокканских иммигрантов. Марокканские евреи усвоили концепцию колониального строя, ставившую европейцев на вершину шкалы. Они приехали в Израиль с чувством негодования по отношению к европейцам, которое проявлялось среди прочего в оскорблениях и дискриминации. Тот факт, что по сравнению с другими иммигрантами они были более отсталыми, усиливал их разочарование и гнев. Они воспринимали требование принять ценности общества, измениться и приспособиться к современности как оскорбление и отказ принять их такими, какие они есть, – отказ, бывший одновременно и социальным, и культурным.

Государство Израиль взяло на себя всю ответственность за абсорбцию. Можно ли было избежать патернализма и бюрократии, из-за которых иммигранты так ненавидели систему? Похоже, недостатки системы были изначально заложены в ее предназначении. Невозможно было бы за такое короткое время переселить множество различных групп населения, столь разнообразных в культурном отношении, в бедную страну без ресурсов и опыта приема людских масс вне руководства сверху, в обстановке, которая походила на полувоенную. Такой процесс не мог быть осуществлен без разрушения существовавших патриархальных, религиозных и культурных традиций, без посягательств на достоинство иммигрантов и без глубокого недопонимания самих основ че-

ловеческих отношений и социальных моделей.

В каждой стране иммигранты воспринимают такой опыт как очевидный, как одно из условий иммиграции. Но не в Израиле. Здесь они видели себя не пришельцами, ищущими новую родину, а членами еврейской нации, возвращающимися к себе домой. Они ожидали теплого, сочувственного приема от своих братьев, но никак не понижения статуса, ущерба традициям и семейной структуре, а также оскорблений и снисходительного отношения к себе. Разрыв между их, быть может, радужными ожиданиями и реальностью, с которой они столкнулись, вызвал сильное озлобление. И их чувство обездоленности, ущемления и унижения не исчезло с годами; оно передавалось из поколения в поколение как часть культуры мизрахи в Израиле. Как оказалось, первое поколение иммигрантов с годами развило чувство гордости и сформировало представление о том, что они пионеры поселений на окраинах страны. Именно их дети, получившие образование в государстве, усвоили чувства оскорбленности и гнева, которые заложили в основу своей идентичности. Достигнув совершеннолетия, эти молодые люди изменили порядок, существовавший в стране.

Израильское общество середины 1960-х отличалось от общества 1948 года. Оно было гораздо более разнообразным, как в этническом, так и в культурном отношении. Правящая ашкеназская социалистическая элита больше не была единой. В результате более тесного, чем в прошлом, кон-

такта с внешним миром внутриобщественная борьба наряду с изменениями культурного климата привела к росту индивидуалистических настроений. Коллективизм перестал быть определяющим фактором. Это общество, в котором влияние прежней социалистической культуры ослабло, теперь стало более толерантным и разнообразным. Благодаря этому сдвигу процесс абсорбции медленно и безболезненно завершился. С этого времени больше внимания уделялось не «абсорбции», а скорее «пропасти» между богатыми и неимущими.

Культура и нормы в развивающемся обществе

Первые 19 лет существования Государства Израиль были отмечены высокой динамикой, быстрыми изменениями и конфликтами, затрагивавшими как ментальность, так и культуру. В панорамном виде этот период кажется периодом расцвета национального духа. Израильцы видели в государстве реализацию сионистской идеи и векового еврейского возрождения. Это проявилось в общественном энтузиазме в отношении ЦАХАЛа, широком консенсусе касательно ответных действий, предпринимаемых вдоль границ (см. следующую главу), воодушевлении, вызванном Синайской кампанией 1956 года, и в текстах популярных песен, исполняемых развлекательными группами ЦАХАЛа. Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживаются трещины в кажущемся монолитным национальным этосе, и можно услышать новые голоса, намекавшие на внутренние изменения.

Одним из способов, которым государство закрепило свое новое право собственности на землю, было стирание всех следов ее прежних владельцев. Арабские деревни и города получили названия на иврите. Намерением было иудаизировать карту Израиля, уничтожив последние остатки араб-

ских населенных пунктов и заменив их новыми. Новые топонимы иногда основывались на предшествующих арабских названиях, но с еврейским произношением. Были предприняты попытки восстановить старые еврейские названия библейских, мишнаитских и талмудических мест, которые были известны по арабским версиям этих наименований. В других случаях были идентифицированы еврейские топонимы времен Первого и Второго Храмов, и в их честь названы новые поселения.

Археология сыграла ведущую роль в иудаизации карты. Цель заключалась в том, чтобы доказать, что евреи владели землей в древние времена, призвав прошлое, а затем представив настоящее как его естественное продолжение. В тех случаях, когда не было обнаружено никакой связи с еврейским прошлым, новые поселения называли в честь сионистских лидеров или известных еврейских и нееврейских деятелей, способствовавших основанию государства. Часто в смешанных городах улицы, названные в честь мусульманских или османских героев, заменялись топонимами с еврейским подтекстом. Таким образом, главной улицей Яффо стал Иерусалимский бульвар. Несмотря на то что арабский язык наряду с ивритом и английским был одним из официальных языков государства, он исчез с карты, за исключением арабских деревень в Самарии и Галилее. Но древние арабские наименования на практике не всегда исчезали. Члены правительственного комитета по наименованиям тщетно пыта-

лись искоренить из памяти такие из них, как Талбия, Малха, Катамон, Вади-Салиб или Кабри. Жители предпочитали использовать старые знакомые названия, а не искусственные, навязанные комитетом.

То была эпоха гебраизации не только названий населенных пунктов, но также и личных имен. Бен-Гурион принадлежал к незначительному меньшинству, кто гебраизировал свое имя еще в эпоху Второй алии. Подавляющее большинство его коллег сохранили свои изначальные имена, выражавшие их связь с семьей, местом рождения и прошлым. Но для Бен-Гуриона иммиграция в Палестину символизировала возрождение. (Он оговорил, что на его надгробии должны быть только даты его рождения и смерти, а также надпись: «Репатриировался в Эрец-Исраэль в 1906 году».) Теперь Бен-Гурион потребовал, чтобы армейские офицеры и государственные чиновники прошли ту же процедуру, что и он, настаивая на том, чтобы генералы ЦАХАЛа произвели гебраизацию для приведения к присяге Генерального штаба. Таким образом, Игаэль Сукеник стал Ядином, Игаль Пайкович стал Алоном, а Шимон Кох – Авиданом. «Я изменил свое имя несколько дней назад и, таким образом, также изменил свой статус», – писал Ури Хайнсхаймер из нового Министерства юстиции, выбравший имя Ядин¹⁷⁶. Многие новые иммигранты, особенно молодые, также участвовали в этом

¹⁷⁶ Дневник Ури Ядина, 14.9.1948 // Sefer Uri Yadin: ha'ish ufo'alo (Книга памяти Ури Ядина) / Ed. A. Barak, T. Spanitz. Jerusalem: Bursi, 1990, p. 50.

символическом отказе от своей старой идентичности, приняв новую, которую они считали более подходящей для данного места и времени. Еврейское имя избавило их от принадлежности к этнической диаспоре и перекинуло мостик в зарождающееся израильское общество. В большинстве случаев решение о переходе к новым именам было коллективным, принималось всей семьей. В то же время было много тех, кто предпочел сохранить свое старое имя с его памятью о прошлом. Для переживших Холокост сохранить свои имена означало сохранить имена и воспоминания погибших семей. Таким образом, гебраизация имен людей удалась лишь частично, в основном в армии и государственном аппарате.

Во время создания государства около 70 % еврейского населения говорило на иврите. С приходом волны массовой иммиграции этот процент упал. Очень немногие репатрианты говорили на иврите. Хотя, например, выходцы из Йемена знали иврит из уроков в хедере, но для них он не был разговорным языком. Женщины, не учившиеся в хедере, не владели ни разговорной речью, ни чтением, ни письмом. Необходимость преподавать иврит тысячам иммигрантов как жизненно важный инструмент для их интеграции в социальную, экономическую и культурную жизнь была очевидна. Но для достижения этой цели потребовались значительные человеческие и другие ресурсы, а также готовность иммигрантов уделять этому время. В лагерях иммигрантов были созданы *ulpanim* (*ulpan* – ед. число, школы для интен-

сивного изучения иврита). Учителями были в основном новые иммигранты, которые работали учителями в своих родных странах. За прошедшие годы через улыпаны прошли десятки тысяч студентов, в основном образованных людей с профессией. ЦАХАЛ также создавал улыпаны, чтобы солдаты могли общаться на иврите. Другие, менее интенсивные курсы иврита часто преподавали добровольцы или женщины-солдаты, которые не имели опыта в качестве учителей и пытались работать с уставшими, удрученными людьми, не всегда справлявшимися с поставленной задачей. Периодические призывы к добровольцам преподавать язык взрослым указывают на то, что таких добровольцев было мало.

На улицах городов звучала смесь языков. Чтобы дать иммигрантам представление о том, что происходит в стране, государственное радио Kol Yisrael («Голос Израиля») ввело передачи на их языках в качестве частичного, временного решения. Тем временем процветали газеты на иностранных языках. Были изданы десятки газет и журналов на разных языках. В городах открывались библиотеки с книгами на всех мыслимых наречиях. Театр и другие развлечения были представлены на идише. Фанатики иврита были встревожены: иностранные языки захватили общественную арену! Эта реакция была возвратом к периоду ишува, когда легион защитников языка протестовал против использования немецкого или идиша на улице. Теперь опасность казалась еще большей: какова будет судьба иврита среди иммигран-

тов, которые скоро станут большинством? Это беспокойство было сильно преувеличено, поскольку на самом деле распространение иврита находилось на пике благодаря детям, которые изучали его на всех уровнях образования и приносили домой, иногда отказываясь говорить со своими родителями на их родном языке. Юморист Эфраим Кишон, новый иммигрант из Венгрии, который выучил иврит в Израиле и через несколько лет стал сочинять на нем свои произведения, однажды написал, что в Израиле дети учат своих матерей их родному языку. Эта емкая фраза отражала реальность страны иммигрантов, где огромные усилия предпринимались людьми для интеграции в господствующую культуру.

Учитывая эту реальность, трудно понять опасения должностных лиц Министерства образования, которые запретили выпуск любых ежедневных газет на идише до 1957 года (они разрешили выпуск еженедельников и газет, выходящих не более трех раз в неделю) и пытались запретить создание постоянного театра на идише в Израиле. Соперничество между идишем и ивритом трагически закончилось Холокостом, когда были убиты евреи, говорившие на идише. В реальности Израиля культура на идише была пережитком общества, которого больше нет. Даже борьба с ним перестала быть актуальной. Однако в начале 1950-х годов открытие местного театра на языке идиш в Тель-Авиве было запрещено (хотя выступления артистов из-за рубежа разрешены). Даже Бен-

Гурион, этот стойкий приверженец иврита, который яростно выступал против использования идиша на общественной арене ишува, не нашел причин препятствовать людям, чьим культурным языком был идиш, наслаждаться выступлениями на этом языке. Но правительство не согласилось с ним и обрело театр Гольдфадена на закрытие. Только после того, как его основатели подали жалобу в Высший суд Справедливости (БАГАЦ) и выиграли иск, театр обрел постоянное здание.

История идиша в Израиле – это история политики плавающего котла в миниатюре, политики, ревностные проводники которой считали, что иммигранты из всех диаспор должны немедленно и без колебаний отказаться от культур и традиций, которые они принесли с собой, и принять местную ментальность и местную культуру. Эта политика была далека от реальности. На самом деле иммигранты создали культурные ниши, которые удовлетворяли их культурные желания и потребности. Эти ниши не предназначались для замены израильской культуры, но сосуществовали вместе с ней, каждая из них была своего рода «Боговой долей», принадлежащей иммигрантам из одной из диаспор.

Символы государственности

В связи с разгаром работы по внедрению этоса пришлось обновить национальные символы, соответствующие суве-

ренному государству. От догосударственного периода остались сине-белый флаг, разработанный Герцлем на основе талита, и *Natikva*, сионистский гимн, приобретший еще более глубокое значение, когда стало известно, что его пели евреи по дороге в крематории в лагерях смерти. К этим символам добавился государственный герб, выбранный из десятков представленных на конкурс эскизов. Дизайн, восходящий к меноре, украденной из Храма римскими завоевателями, был основан на ее изображении на арке Тита в Риме – еще одна связь между настоящим и историческим прошлым. Почтовые марки, банкноты и монеты – все символы суверенитета, которые в старых странах воспринимались как должное, – были изобретены заново «впервые за две тысячи лет».

В течение этих двух десятилетий также были установлены национальные праздники и дни памяти: День независимости, День памяти павших солдат Израиля и День памяти жертв Холокоста. День независимости – пятое число еврейского месяца ияра, день, когда британский верховный комиссар покинул Израиль (14 мая 1948 г.). Несколькими годами позже его канун был объявлен Днем памяти, решение, которое возникло в результате спонтанной инициативы семей погибших, получило поддержку местных властей и со временем было одобрено официально. То, что День памяти и День независимости стоят рядом, вызывало смешанные чувства, и некоторые даже возражали против этого, настаивая, что быстрый переход от траура к празднику умалляет

торжество. Но влияние семей погибших и муниципальных советов возобладало; их поминальные церемонии чествовали близость печали и радости как воплощение жизни в Израиле в духе высказывания «В крови твоей живи» (Иезекииль / Йехэзкэйл 16:6).

Гора Герцля в Иерусалиме была выбрана в качестве национального мемориала. Здесь расположено Национальное военное кладбище с пантеоном лидеров нации, включая самого Герцля, останки которого были перезахоронены здесь в ходе государственной церемонии, и могилы тех израильских премьер-министров и президентов, которые не выбрали другого места захоронения для себя. Дизайн кладбища и типология надгробий повторяют аналогичные памятники в Европе. Надгробные камни одинаковые, чтобы подчеркнуть равенство всех умерших. Ландшафтная архитектура вызывает спокойствие и умиротворение. В канун Дня независимости на горе Герцля проводится церемония зажжения 12 факелов, символизирующих Двенадцать колен Израилевых. Поначалу церемонии носили военный характер, но с годами стали подчеркиваться гражданские элементы. Ежегодный ритуал – повторение одних и тех же действий и текстов – создал национальную традицию *ex nihilo*, поскольку в еврейской традиции не было подобных церемоний. После Шестидневной войны была добавлена церемония у Стены Плача. Между ними есть явная разница. Церемония у Стены Плача религиозная, во время ее читается молитва «Бог, исполнен-

ный сострадания», и поминальная молитва Yizkor произносится в ее традиционной форме, а церемония на горе Герцль по сути своей светская и подчеркивает национальный характер государства. Там молитва Yizkor – переработка, написанная Берлом Кацнельсоном в память о павших при защите поселения Тель-Хай. Она начинается словами «Да помнит народ Израиля», а не «Да помнит Бог». Церемония сопровождается сионистскими песнями.

В синагогах религиозно-сионистского направления День независимости отмечался хвалебной молитвой Hallel и молитвой о благосостоянии государства. В первые дни существования государства были предприняты попытки проводить после пасхального седера праздничный семейный обед, посвященный Дню независимости, «седер», сопровождаемый рассказом о чуде создания государства, но эта задумка не захватила воображение людей. Торжества в канун Дня независимости стремились подражать волнениям 29 ноября 1947 года, когда на улицах спонтанно танцевали толпы людей. Поначалу израильтяне любили праздновать публично; они выходили на улицы и водили хороводы. Со временем спонтанность хороводов постепенно угасала и уступила место сценкам с артистами, призванными пробуждать веселье через вовлечение публики. С годами празднования становились все более частными. Первоначально люди устраивали частные пикники и вечеринки у костра около своих домов; позже День независимости стал семейным праздником

на лоне природы.

Одной из характерных черт Дня независимости в этот период была встреча гражданских и армии. В 1949 году был запланирован военный парад по улицам Тель-Авива. Однако как чрезмерный энтузиазм среди граждан, так и организационная неопытность помешали ожиданиям. Тысячи людей хлынули на место парадного маршрута, и в фольклоре парад запомнился как «парад, который не прошел». Его цель заключалась в демонстрации военной мощи Израиля. В те десятилетия страны Варшавского договора и арабские государства проводили впечатляющие военные парады. Даже такая демократическая страна, как Франция, устраивала военные парады. В Израиле парад был самым популярным шоу в стране. Накануне вечером люди занимали свои места на маршруте, и, несмотря на скопление людей и дискомфорт, тысячи людей всегда приходили, чтобы поддержать участников марша. Энтузиазм граждан по поводу солдатских колонн, бронетехники и пролета авиации был выражением не милитаризма – открытого или скрытого, – а потребности евреев действительно увидеть военную мощь, которая их защищала. Это становилось источником гордости и уверенности; было что-то утешительное и отрадное в данной демонстрации, обращавшейся к широким слоям населения. После демонстрации военной мощи ЦАХАЛа в Шестидневной войне парад стал излишним и был отменен после Дня независимости 1968 года.

Среди символов государства ведущую роль играла Армия обороны Израиля. Призыв был всеобщим, за исключением нескольких тысяч студентов иешив, арабского меньшинства и женщин, которые просили освобождения по религиозным мотивам. И левые, и правые видели в ЦАХАЛе народную армию. Даже оппозиционные круги интеллигенции, такие как Ури Авнери и ему подобные, с юных лет питали слабость к Армии обороны Израиля и не затрагивали ее в своей критике режима. Служба в качестве резервистов делала всех равными, вне зависимости от положения в обществе. Служба в элитных подразделениях, таких как десантники, бригада Nahal (аббревиатура от Noar Halutzi Lohem, Боевая пионерская молодежь), в качестве пилотов ВВС, а позднее в бригаде Golani и в танковых войсках считалась пропуском в израильское общество, и люди из «второго Израиля» – новые иммигранты – рассматривали военную карьеру как возможность продвижения по службе. Армию привлекали для выполнения национальных миссий, таких как помощь в маабарот во время наводнений и обучение ивриту новых иммигрантов. В то время как политические партии подозревались в протекционизме, армия рассматривалась как стоящая выше политического соперничества и как институт, в котором, несмотря на принятую военную иерархию, ценилось равенство.

Национальный авторитет и престиж армии подпитывались ее собственными органами пропаганды: газетами и радиостанциями и особенно ее развлекательными группами,

во главе с труппой бригады Nahal. Их песни и постановки сыграли ведущую роль в формировании культуры того времени и стали частью национального фольклора. Например, их патриотические песни вошли в репертуар молодежных движений. Они поощряли добровольное участие в военных миссиях, самоотверженность и готовность к самопожертвованию, но в то же время высмеивали военную службу и превозносили стремление к миру. Песни для коллективов писали ведущие писатели и композиторы страны. Так, Наоми Шемер стала известна благодаря ее первой песне «A Wandering Singer» («Странствующий певец»), которая мгновенно стала хитом. На протяжении десятилетий певцы и артисты, впервые появившиеся в армейских развлекательных группах, переходили в более широкий мир развлечений и театра. Салах Шабати, герой пьесы Эфраима Кишона, которая впервые была исполнена труппой бригады Nahal и стала классикой, сделал долговременную карьеру, продолжившуюся и в кино. В настоящее время этот персонаж преподносится как высмеивающий новых иммигрантов и обличающий их культуру. Но в исходном контексте Шабати представит проницательным популярным героем, которому удастся помешать жалким попыткам кибуцников – представителей старой культуры – научить его своим ценностям и в конечном счете обвести их вокруг пальца.

Бригада Nahal сочетала интенсивную военную подготовку с жизнью в кибуце. Это была своего рода государствен-

ная версия Palmach, которая также в свое время объединяла эти две задачи. Закон о военной службе предусматривал, что каждый солдат должен отработать не менее девяти месяцев на сельскохозяйственных работах, что было беззастенчивой попыткой привить солдатам «надлежащий» характер. Все партии Кнессета одобрили этот закон. Но оказалось, что закон не может быть реализован, потому что солдаты нужны для выполнения воинских обязанностей. Таким образом, бригада Nahal была основана и укомплектована выпускниками молодежных движений из организованных групп сельскохозяйственной подготовки (gar'inim), которые частично проходили военную службу в кибуце. Nahal, считавшаяся образцовой боевой бригадой, также основывала кибуцы вдоль границ и получила общественное признание.

Статус Nahal – пример двойственного отношения к этосу, что также было очевидным в те годы. После создания государства заслуженные ветераны, особенно движения кибуцев, стремились посвятить себя собственным интересам. Такое предпочтение частного перед национальным было результатом усталости, которую испытали эти известные бойцы, особенно после Войны за независимость, потребовавшей от них больших жертв. Великая национальная миссия была выполнена; государство стало реальностью. Теперь оно взяло на себя ту особую роль, которую движение кибуцев играло в период ишува. Между тем движение кибуцев не могло найти спо-

соб проникнуть в сердца и умы новых иммигрантов и теряло способность привлечь новых членов. Им также было трудно определить свои национальные роли в новой реальности. Nahal была чем-то вроде замены сионистских учебных групп в диаспоре, которые исчезли во время Холокоста. Но ее престиж не мог скрыть уменьшение роли киббуца, члены которого требовали повышения их уровня жизни и восстановления киббуцев, пострадавших во время войны. Молодежные движения были активны в городах, как и в догосударственный период, хотя они не привлекали большого количества людей, и большинство их членов уехали, прежде чем записаться в Nahal. Движения продолжали обучать членов социалистически-сионистской идеологии и поощрять простой образ жизни – синюю рубашку, сарафан, девичью длинную косу, сандалии, отсутствие макияжа, народные танцы и старые русские песни.

Молодежная культура и «государство Бен-Гуриона»

Параллельно с молодежными движениями возникла «салонная» молодежная культура, приверженцами которой были поклонники Элвиса Пресли, Клиффа Ричарда и Пола Анки. Последователи европейской моды открыли для себя американские джинсы, занимались бальными танцами и не были слишком озабочены идеологией. Между культурными сти-

лями этих двух групп молодых людей не было Великой Китайской стены, и они перемещались в любом направлении в соответствии со своими предпочтениями. Западной культуре потребовалось много времени, чтобы достичь Израиля. Поездки за границу были дорогими и ограничивались нехваткой иностранной валюты. Но мода пришла через газеты, журналы и кино, а музыка – через пластинки. В 1950-х годах переведенная литература включала военные романы, изданные в то время в Соединенных Штатах: *From Here to Eternity* («Отсюда в вечность») Джеймса Джонса, *Battle Cry* («Боевой клич») Леона Юриса, *The Naked and the Dead* («Обнаженные и мертвые») Нормана Мейлера и *The Young Lions* («Молодые львы») Ирвина Шоу. Произведения Джека Лондона и Джона Стейнбека стали бестселлерами наряду с популярной американской литературой, в то время переведенной на иврит. Эти книги заменили советские военные романы предыдущего десятилетия.

Кино стало самым популярным развлечением. Вестерны питали миф о широких открытых пространствах и стали частью местной культуры, вплоть до того, что один журналист заявил, что *Palmach* была основана Ицхаком Саде и Гэри Купером¹⁷⁷. После Войны за независимость образованная молодежь поехала во Францию, чтобы изучать французскую культуру, а некоторые даже добрались до Соединенных Штатов;

¹⁷⁷ Американский актер, ставший знаменитым как герой фильмов жанра вестерн 1920–1950-х годов.

они принесли с собой эти иностранные влияния. Хотя левые считали западную культуру упадочной и обреченной на вымирание, тем не менее она была запретным плодом для молодых людей, выросших в 1950-х годах.

Господствовала риторика коллективистского духа, который поддерживался прессой, радио и даже литературой. Название романа Натана Шахама *First Person Plural* («Первое лицо множественного числа») вполне типично. Но в то же время появился индивидуалистический этос. Это не противоречило патриотизму или готовности пожертвовать молодыми людьми, ищущими подвигов, но действительно не вписывалось в старые социальные рамки, которые делали упор на группу сверстников и общество в целом, а не на отдельного человека. Одним из примеров этого индивидуалистического духа являются постоянные попытки молодых людей добраться до Петры, увлекательного набатейского, нееврейского памятника в Иордании. Поход в Петру был современной заменой пальмаховскому приключению по «завоеванию» земли пешком, что также означало пересечение границ и смелость разрушать условности. Писательница Наоми Франкель изумленно писала о Меире Хар-Ционе, лучшем рейнджере, которого Моше Даян назвал лучшим еврейским бойцом со времен Бар-Кохбы: «В чем источник необычайного стремления ломать границы и условности, идти тропами, еще не хоженными человеком, достигать горных вершин, быть первым и единственным в местах, которых нико-

гда не видел человек, и всегда иметь ощущение свободного пространства?»

Превращение Земли Израиля в Государство Израиль наложило практические и духовные границы для молодых людей, которые чувствовали, что упустили задачу ведения Войны за независимость и что им не оставалось никаких смелых миссий. Сегодня разочарование «молодых и неугомонных» направлено на походы в Непал, Южную Америку или Индию. Но в то время границы были закрыты. «Неудивительно, что из-за разочарования границами родилась жажда свободы», тоска по «ощущению свободных просторов»¹⁷⁸, пишет Франкель. Поход в Петру был попыткой прорвать осаду, поднять планку опасности и мужества, что было привлекательно, несмотря на или из-за того, что уже пытавшиеся пересечь границу были убиты иорданскими пограничниками, и было ясно, что для этого похода требовалось больше, чем просто намек на русскую рулетку. То была израильская версия романтики опасности, подходящая только индивидуалистам, готовым разрушить условности и отвергнуть социальный авторитет. Путешественник был новым героем-одиночкой, точно таким же, как тот, кто едет верхом в сторону заката в вестернах.

С точки зрения сегодняшнего дня израильская действительность того периода кажется революционной, поскольку

¹⁷⁸ Meir Har-Zion's diary (Pirkei yoman) (Дневник Меира Хар-Циона). Tel Aviv: Levin-Epstein, 1969. Introduction by N. Frankel, p. 10.

изменила страну и создала нацию. Но для тех, кто вырос в период ишува, и для тех, кто участвовал в Войне за независимость, этот период стал большим разочарованием. То был полдень после утра создания государства, и настоящая сионистская революция сделалась рутинной. Больше не было волнений подполья, личных жертв, тюрем, демонстраций, нелегальной иммиграции и отчаянной борьбы. Пришло время для повседневной работы, к которой некоторые были не готовы ни духовно, ни культурно. Синдром разочарования, который испытывают солдаты, вернувшиеся домой с войны, когда понимают, что жизнь продолжается, что надежды на новый, лучший мир преувеличены, хорошо известен во всем мире. Некоторым солдатам 1948 года государство казалось искажением всего, за что они боролись. Бывшие участники Palmach так и не простили Бен-Гуриону ее расформирования. Позорное увольнение из армии их командира Игаля Алона стало дополнительным оскорблением.

Молодые люди как слева, так и справа демонизировали и отвергали «государство Бен-Гуриона». Левые сионисты, основавшие партию Марам в 1948 году, восхищались СССР (от чего они не освободились по крайней мере до 1956 года), что только подливало масла в огонь их враждебности. Они возлагали на Бен-Гуриона ответственность за принижение роли революционного авангарда путем присвоения государством прежних достижений левых, а также за смену курса израильского государственного корабля в сторону Запада.

Для молодой левой интеллигенции то были непростительные грехи. Masa, левый культурный еженедельник, выразил разочарование и гнев по поводу государства Бен-Гуриона, которое не было тем, о чем мечтали его приверженцы. Со своей стороны, бойцы Etzel и Lehi считали, что Бен-Гурион узурпировал руководящий пост, который они как истинные борцы за родину заслужили. Их враждебность к нему усиливалась воспоминаниями о «Сезоне» («Сезон охоты», операция в 1944 году, когда Haganah выдала британцам бойцов Etzel) и об инциденте Altalena; эти события были для них определяющими. Они изображали Бен-Гуриона злобным, демоническим правителем, который смирился бы с любым подлым действием.

В 1950-х годах два литературных кружка и произведения, которые они создали, стали средоточием молодой оппозиции, объединенной не какой-либо собственной идеологией, а исключительно враждебностью к «государству Бен-Гуриона» (фраза, приписывающая премьер-министру гораздо больше власти, чем он обладал в реальности, но она легла в основу мифа). Эти два движения были основаны писателями поколения Palmach и теми, кто был связан с «ханаанейскими» кругами. Писатели поколения Palmach (Хаим Гури, Аарон Меггед, Моше Шамир, Игаль Моссинзон, Ханох Бартов, Амир Гильбоа и другие) вышли на передний план еще в 1940-х годах. В 1950-е годы большинство из них были связаны с изданием Masa, и их творчество представляло собой

опыт «местных сыновей», молодых людей, выросших в стране в эпоху борьбы и войн. Большинству членов этой группы был чужд опыт израильтян, прибывших из диаспоры. Книга Моше Шамира *With His Own Hands: Elik's Story* («Своими руками: история Элика»), опубликованная в память о его брате Элике, павшем в Войне за независимость, начинается словами «Элик родился на море». Эта фраза стала литературным лозунгом, определяющим типичного сабра, или коренного израильтянина: рожденный на море у берегов Тель-Авива, без прошлого, без связи с еврейским народом. Напрасно Шамир утверждал, что это не было его намерением; он имел в виду только то, что его брат любил проводить время на пляже Тель-Авива. Фраза обрела собственную жизнь, особенно после того, как литературовед Гершон Шакед использовал ее в качестве названия главы о творчестве этого поколения в своей книге по истории новой ивритской литературы.

Это было первое поколение писателей, для которых опыт жизни в Палестине и Израиле был основным. Связь этих молодых писателей с мировой литературой в то время поддерживалась через СССР. На них повлияла советская военная литература в переводе на иврит, а их собственные работы воспроизводили «социалистический реализм», доминирующий в Москве жанр. Он отвечал требованиям читателей, которые искали литературное изображение героической сионистской саги. А количество книг, опубликованных

после Войны за независимость, в целом оправдывало ожидания читателей. Любая критика сионистско-социалистического этоса была слишком робкой, и изображаемые герои соответствовали общепринятому повествованию (He Walked in the Fields («Он шел по полям») Моше Шамира, They'll Arrive Tomorrow («Они придут завтра») Натана Шахама, Gray as a Sack, Sands of the Negev («Серые, как мешок, пески Негева») и A Man's Way («Путь человека») Игаля Моссинзона и In the Fields of Philistia («В филистимских полях») Ури Авнери). Исключение составили два рассказа С. Изхара, опубликованные еще в 1949 году, Hirbet Hiz'ah («Хирбет Хизах») и The Captive («Пленник»), в которых подчеркивалась моральная дилемма в отношении арабов и, в частности, изгнание палестинских арабов. К концу 1950-х был опубликован монументальный роман Изхара Days of Ziklag («Дни Циклага»), в котором описаны попытки отряда еврейских солдат удержать Хирбет-Махаз, пост на вершине холма в пустыне Негев, переходивший из рук в руки семь раз. В этой книге миф о бойцах 1948 года, местных уроженцах, достигает апогея; и притом Изхар разрушает миф. Он оставляет неясным, является ли Хирбет-Махаз библейским Циклагом (Секелагом), где Давид скрывался от Саула, или просто еще одними неизвестными руинами, лишенными библейского величия.

Вторым заметным литературным движением стало ханаанейство. Оно было не только литературным, но социальным

и политическим явлением – смелой попыткой создать местную идентичность *ex nihilo*, отделенную от еврейского народа и еврейской истории в диаспоре, но связанную с древними народами Плодородного Полумесяца. Основателем группы, пренебрежительно прозванной поэтом Авраамом Шлёнским «ханаанеями», был уроженец Польши Йонатан Ратош. Ратош был крайне правым, близким к кругам Etzel и Lehi. Одаренный поэт, он привлекал учеников как слева, так и справа, объединявшихся вокруг магической концепции израильской идентичности как ветви древней семитской идентичности, уходящей корнями глубоко в Ближний Восток. Ратош представлял евреев как древних владык народов региона, а иврит как доминирующий язык, который снова соберет их под свое крыло. Его концепция заключалась в утверждении господства над арабами, считая само собой разумеющимся, что им придется принять еврейское правление либо свободно, либо посредством принуждения.

Ратош выразил тоску по местной идентичности, которая освободила бы молодых людей от комплексов, связанных с еврейской историей. История евреев воспринималась молодыми людьми, рожденными и выросшими в стране в 1940-х годах, как лишенная обаяния и волнующих событий, унижительная, утомительная и не связанная с зарождающимся израильским опытом. Этому настроению соответствует знаменитый рассказ Хаима Хазаза *The Sermon* («Проповедь»), опубликованный в 1943 году, в котором главный герой Юд-

ке предлагает оторваться от еврейской истории. В местной идентичности молодежи Ратош видел ядро новой нации, которое разорвало бы связь с ее праотцем, иудаизмом. У нации была бы нерелигиозная идентичность, связанная с территорией и языком, и она соответствовала бы генеалогии мифологического прошлого. Ханаанейская концепция родилась на фоне археологических находок 1930-х годов в Ираке и Сирии, обнаруживавших захватывающий мир власти, искусства, литературы и иных форм культуры, которые, казалось, были связаны с еврейской древностью. Однако то была связь не с древнееврейским единобожием или Галахой, а с языческой, агрессивной культурой, преисполненной первобытной страстью и красотой.

С первых дней ишува в Палестине возникло противостояние между зарождающейся местной идентичностью и волнами иммиграции, разрушавшими ее. Уже во время Второй алии группы молодых людей в мошавах считали себя хозяевами земли в силу того, что они были «туземцами». Во время Второй мировой войны данная идентичность усилилась прекращением иммиграции и особенно появлением обширной когорты молодых людей, выросших в стране. Это чувство идентичности было основой поддержки, которую Ратош получил от молодой интеллигенции, бросившей вызов сионистскому этосу. Сионизм, зародившийся в диаспоре, был разработан, чтобы разрешить экзистенциальные опасности, с которыми столкнулся еврейский народ в эпоху национа-

лизм. Покончить с изгнанием означало покончить с положением еврейского меньшинства среди воинственных народов большинства. Вместо прозябания, оторванного от земли, нужно было самим создавать средства для существования. Таким образом, евреи перестанут быть зависимыми от других народов. Ратош стремился полностью изменить еврейскую действительность. То был подход Бердичевского и Бреннера, великих «отрицателей рассеяния» на рубеже веков. Это был также подход Бен-Гуриона, который всегда говорил, что «отвергает» рассеяние. В то же время сионистское движение все еще рассматривало себя как звено в цепи поколений еврейского народа.

С другой стороны, ханаанейцы не были привязаны к еврейскому народу вообще. Скорее они считали себя зачатками нового народа, появившегося на Земле Израиля. Подобно тому как Соединенные Штаты выросли как нация иммигрантов, отделенных от обществ, из которых произошли, и основавших новое государство, так и израильтяне станут новой нацией, отделенной от своих родителей. Ханаанейцы были группами интеллектуалов, гораздо более заметными в местной культуре, чем предполагало их небольшое количество. Их окружали немногочисленные сторонники. Писатели и поэты Бенджамин Таммуз, Моше Дор, Арье Сиван, Амос Кейнан и Аарон Амир, лидеры среди «местных уроженцев», отождествляли себя с идеологией Ратоша. Долгое время она привлекала Хаима Гури, хотя он так и не стал ее

приверженцем. Несмотря на это, он утверждал, что в сердце каждого человека, родившегося в стране и получившего образование в светских школах рабочего направления, проросли семена ханаанейства.

В начале 1950-х годов был основан журнал движения – Alef. Это были годы, когда ханаанейская литература процвела как контрапункт «поколению Palmach». Эта сугубо местная литература сосредоточилась на описании пейзажей и жизненного опыта писателей. В ней не было ни идеологии, ни особого мировоззрения, ни сионистов-социалистов, конфликтов, двигавших писателями поколения Palmach, ни социалистического реализма. Вместо этого она демонстрировала готовность принять различные поэтические, даже фантастические литературные стили и направления.

Хотя то был как будто бы звездный час ханаанейцев, на самом деле основы учения Ратоша уже разрушались. Первые ростки местной идентичности были сметены волнами массовой иммиграции, достигшей Израиля в начале 1950-х годов. Вновь прибывшие иммигранты были чужды местному менталитету. Многие, особенно мизрахи, были связаны с традициями и религией, противоречившими пылкому секуляризму ханаанейцев. Связи иммигрантов с еврейским народом были центральным элементом их идентичности, и их иммиграция была физическим выражением данных связей. В стране иммигрантов не было места высокомерному нативизму ханаанейцев и их сторонников, тем более что теперь они

составляли в этой стране ничтожное меньшинство. Неудивительно, что «туземцы» враждебно относились к новым иммигрантам, изменившим физический и человеческий облик страны; они ощутили, что потеряли «свою» страну. С. Изхар, величайший из поколения писателей 1948 года, воздвиг свои произведения памятником самобытности Эрец-Исраэль, изображая молодых людей, сражавшихся в Войне за независимость, и описывая пейзаж старой родины: арабские деревни, скрытые в складках холмов, романтика цитрусовых рощ и водоемов – все, что существовало до того, как прекрасная девственная земля была затоплена массами иммигрантов, а ускоренное развитие Израиля положило конец прекрасному прошлому. Романтизм, сформировавший личность Изхара и многих его современников, был чужд новым иммигрантам.

Израильское общество, смысл прошлого и память о холокосте

Новые национальные государства обычно склонны подчеркивать память о прошлом, чтобы оправдать легитимность настоящего. Таким образом, в первые десятилетия израильской государственности история была в центре культурного дискурса. Библия играла ведущую роль как книга, превозносящая связь между народом и его страной и признающая еврейскую древность. Она считалась не только до-

казательством права евреев на свою страну, но и источником универсальных идей, которые иудаизм подарил миру. Учителя использовали библейские рассказы, чтобы познакомить своих учеников с пейзажами древней родины, с правителями и воинами, а также с пророками, которые боролись за социальную справедливость против бессердечия правителей. Со времен самого раннего сионистского освоения Палестины Библия была культурным и образовательным ресурсом, отраженным в художественной литературе, поэзии, поговорках и библейских стихах, вошедших в разговорный язык и обогативших его. Исторические романы, основанные на библейских рассказах, уже популярные в период ишува, сделали библейское прошлое реальным.

Актуализация библейского прошлого стала еще более важной после создания государства. Обретение суверенитета, война, массовая иммиграция и завоевание больших территорий страны излагались в терминах, взятых из Библии: собирание изгнанников, поколение в пустыне, завоевание земли во времена Иисуса Навина, Давид и Голиаф. Бен-Гурион, до образования государства почти не упоминавший Библию, теперь стал ее широко цитировать. На конференции Еврейского общества изучения Земли Израиля и ее древностей в 1949 году он возвысил Библию до статуса единого канонического текста: «Предпринимательство и образование еврейского народа в будущем будут основаны на этих

двух вещах: Земля и Книга»¹⁷⁹. Завоевания ЦАХАЛа сделали Библию частью современности, утверждал Бен-Гурион, а Иисус Навин стал ее героем, которым восхищаются больше всего. Археология сыграла важную роль в конкретизации Библии; теперь просторы страны открылись для израильских археологов, которые, как заявил Бен-Гурион, могли прояснить непонятные библейские события, однако кардинальное значение археологии заключалось в том, что она превращала прошлое в настоящее и подтверждала историческую преемственность проживания евреев на Земле Израиля.

Библия оставалась мощной силой в израильской культуре, по крайней мере до окончания Шестидневной войны. Библейская викторина, ставшая главным событием празднования Дня независимости, соперничала по популярности с парадом Армии обороны Израиля. Археология стала массовым хобби, ежегодно собиравшим тысячи добровольцев на раскопки и конференции. Археологические находки интерпретировались как подтверждение библейских историй и превращали мифы в исторические источники. Свитки Мертвого моря, обнаруженные накануне Войны за независимость, достигли Израиля и вызвали волну энтузиазма по поводу данного источника I века н. э., идентичного тексту еврейской Библии. В 1965 году в Музее Израиля в Иерусалиме был открыт Храм Книги; свитки были размещены там в ка-

¹⁷⁹ Bulletin of the Jewish Society for the Study of the Land of Israel and Its Antiquities, fifteenth year, 3–4, 1950, p. 121.

честве символа государства. Увлечение археологией не ограничивалось находками, относящимися к периоду Первого Храма. Раскопки в Масаде, подтвердившие рассказы Иосифа Флавия о повстанцах, сражавшихся с римскими легионами, вызвали большой энтузиазм и стали местом паломничества. Обнаружение писем Бар-Кохбы и останков его воинов в Иудейской пустыне в 1960 году стало событием государственного значения.

В традиционном радиообращении премьер-министра к народу в канун Дня независимости в 1961 году Бен-Гурион упомянул два самых значительных события прошлого года: обнаружение останков и писем воинов Бар-Кохбы в Иудейской пустыне и суд над нацистским военным преступником Адольфом Эйхманом, начавшийся в Иерусалиме несколькими днями ранее. Эти два события символизировали две основополагающие мифологии государства: первую – далекое прошлое Израиля на его собственной земле и борьбу евреев за свободу, и вторую – недавнюю катастрофу, Холокост. Первая мифология представляла еврейскую историю как историю территории и нации, которая жила там как суверенный народ, а вторая подчеркивала историческую преемственность еврейской жизни в диаспоре, еврейскую трагедию и миссию Израиля как государства для беженцев и живого памятника погибшим. Существование этих двух мифологий в обращении Бен-Гуриона подразумевало скрытое противоречие между местной идентичностью, основан-

ной на территории, и еврейской идентичностью, основанной на истории народа.

Еще до того, как стать государством, Израиль позиционировал себя как борца за реабилитацию переживших Холокост. Он рассматривал Холокост как государствообразующий миф и государство как олицетворение не только живого, но и уничтоженного еврейского народа. Это утверждение проистекает из идеологии сионизма, считавшего себя законным представителем всей нации. Идея о том, что государство было дано евреям как форма возмещения за великую катастрофу, постигшую их во Второй мировой войне, была безосновательной, но получила признание как внутри страны, так и за рубежом как оправдание государственности. Борьба за создание государства неразрывно сочеталась с борьбой за то, чтобы для выживших в Холокосте открыть ворота страны как единственного места, где они будут нужны и смогут возобновить свою жизнь. Около двух третей переживших Холокост иммигрировали в Израиль. Таким образом, память о Холокосте и его месте в израильском этосе имела кардинальное значение.

В первые дни существования государства отношение израильского общества к памяти о Холокосте было сложным. Большинство евреев-старожилов приехали сюда за 10 лет до Второй мировой войны. 90 % еврейского ишува были выходцами из Европы, и у подавляющего большинства родители, братья и сестры жили в странах, где были совершены звер-

ства. Не будет преувеличением сказать, что большая часть взрослого населения ишува испытала шок после новостей о Холокосте. Тем временем ветераны сосредоточили свои силы на борьбе за создание государства, а после на Войне за независимость. Норма, которой придерживались понесшие утраты в Войне за независимость, – сжать зубы, не показывать чувства, не выражать боль или горе – также была принята в отношении Холокоста. Поскольку это была коллективная катастрофа, о ней редко упоминали. Когда около 250 000 выживших в Холокосте присоединились к населению, они много говорили о зверствах и описывали пережитое. Но со временем и они замолчали. Слушателям было трудно внимать рассказам, и ораторы предпочитали держать их при себе. Это молчание – или сдерживание – имело прагматическое значение. Людям приходилось создавать семьи, строить дома, обретать профессии и растить детей, и воспоминания о прошлом могли бы помешать этим решительным усилиям по восстановлению нормальной жизни. Жизнеспособность выживших, скорость, с которой большинство из них возвращалось к жизни, была поразительной. Воспоминания «оттуда» оставались глубоко погребенными в их сознании до тех пор, пока задачи, которые они выполняли со всей своей душевной стойкостью, не были осуществлены.

Намного позже, когда память о Холокосте стала постоянно присутствовать в жизни Израиля, было заявлено, что в 1950-х годах оставшихся в живых после Холокоста заста-

вили замолчать, и были предприняты попытки предать Холокост забвению. Недавние исследования опровергают эти утверждения и ясно показывают, что выжившие все время работали над тем, чтобы увековечить память о своих близких, друзьях и своих общинах. Выжившие вели активную деятельность в Яд ва-Шем, Центре памяти мучеников и героев Холокоста, основанном в 1953 году, и приложили максимум усилий, чтобы сохранить память о погибших и выживших и подтвердить ее документально. День памяти жертв Холокоста и героизма – часть Закона о Яд ва-Шем, подробные положения которого были приняты в 1959 году. Как и День памяти погибших солдат Израиля, он отмечался сигналом сирены, которая на две минуты прекращала все движение в стране, а также церемониями поминовения, проводимыми в школах и на кладбищах, а также у монументов, воздвигнутых в память о погибших общинах. Стихи Альтермана из The Seventh Column времен Второй мировой войны – When Our Children Cried («Когда плакали наши дети»), On the Boy Avraham («На смерть мальчика Авраама») и другие читались каждый год как часть поминальных ритуалов. Были построены памятники и посажены леса в честь погибших. Издательство по выпуску общинных книг памяти было создано еще в 1950-е годы. Мемориальные учреждения движения кибуцев, также инициированные выжившими, были построены в Лохамей-ха-Гетаот, Гиват-Хавиве и Тель-Ицхаке. В 1950-х годах писатели и поэты, в том числе Амир Гильбоа, Абба

Ковнер и Ури Цви Гринберг, публиковали произведения, в которых оплакивались жертвы. Среди них выделяется стихотворение Гильбоа Isaac («Исаак»):

Поутру солнце брело лесом
вместе со мной и отцом,
правая рука моя в левой его.
Молнией вспыхнул нож между деревьев,
и я так испугался, увидев кровь на листьях.
Отец, отче, приди и спаси Исаака,
чтобы не хватились кого-то на трапезе в полдень.
Это меня убивают, сын,
кровь моя на листе.
Прерывается голос отца.
Бледнеет его лицо.
И я закричать хотел, только бы не поверить,
и открыл глаза.
И очнулся от сна.
И бескровна была правая моя рука¹⁸⁰¹⁸¹.

Это стихотворение переворачивает жертвоприношение Исаака; жертвой становится отец, а не сын, и сын вынужден беспомощно смотреть на него, не в силах спасти. «И бескровна была правая моя рука»: ишув считался правой рукой еврейского народа, но когда случилась Катастрофа, эта рука

¹⁸⁰ Перевод А. Воловика.

¹⁸¹ *Amir G. Isaac (Исаак) // Carmi T. (ed. and trans.). The Penguin Book of Hebrew Verse. New York, 1981, p. 560.*

не смогла прийти на помощь.

О Холокосте и выживших каждый день вспоминало Бюро поиска родственников израильского радио, которое на протяжении десятилетий искало пропавших без вести родных. Иногда вся страна проливала молчаливые слезы, когда слышала о семьях, отчаявшихся когда-либо встретить своих близких.

Холокост также постоянно фигурировал в общественной повестке дня. В 1950 году был принят Закон о наказании нацистов и нацистских пособников, который привел к судебным процессам над несколькими десятками евреев, которые служили в качестве капо¹⁸² в лагерях смерти и были опознаны выжившими в Израиле. Одного из них даже приговорили к смертной казни, но приговор не был приведен в исполнение. В 1952 году Бен-Гурион внес соглашение о репарациях с Западной Германией в повестку дня для утверждения Кнессетом, что вызвало общественный резонанс. С одной стороны, государство трещало по швам под давлением массовой иммиграции и остро нуждалось в ресурсах. С другой стороны, отношения со страной убийц казались продажей национальной чести за материальные блага. Тогда были популярны два лозунга. Сторонники переговоров спрашивали: «Ты убил, и еще вступаешь в наследство?» (3 Царств / Мелахим I 21:19) Их противники бросили им вызов: «Помни, что сде-

¹⁸² Привилегированный заключенный нацистского концлагеря, сотрудничавший с администрацией.

лал с тобою Амалек» (Второзаконие / Дварим 25:17). Возглавляемые Менахемом Бегинем, противники репараций организовали насильственную демонстрацию, которая закончилась штурмом Кнессета – событие, которое запомнилось израильской демократии, когда дебаты в парламенте были впервые принудительно остановлены.

Характерной чертой этого противоречия был политический раскол, который позже также был связан со спорами по поводу увековечения Холокоста. Правые и левые объединили свои силы против центра, возглавляемого Мараи. Марам и коммунистическая партия считали Западную Германию не только страной убийц, но и марионеткой ненавистного Запада. Бен-Гурион оправдывал отношения с Западной Германией, описывая ее как «другую Германию». Но для левых партий это было фашистское государство – хотя они, конечно, не придерживались такого же мнения о Восточной Германии, которая сняла с себя ответственность за Холокост и не была готова предоставить компенсацию еврейскому народу. Правые, возглавляемые Бегинем, использовали споры о репарациях, чтобы вернуть себе позиции, утраченные на недавних выборах.

Тот же политический раскол повторился в следующем споре, известном как процесс над Кастнером. Дело касалось Малкиэля Грюнвальда, эксцентричного еврея из партии Mizrahi, опубликовавшего брошюру, в которой обвинил Израэля (Рудольфа) Кастнера, бывшего члена Венгерского ко-

митета помощи и спасения, в сотрудничестве с нацистами, чтобы облегчить побег своей семьи и друзей. Генеральный прокурор обвинил Грюнвальда в клевете. Блестящий, раскованный адвокат Шмуэль Тамир перевернул процесс с ног на голову, а истца превратил в ответчика. Судебный процесс превратился в серию обвинений против Кастнера и косвенно против Мараі. Ее члены возглавляли Исполнительный комитет Еврейского агентства, которое не смогло помочь евреям. Свидетельские показания на суде выявили попытки спасти евреев, факт ведения переговоров с Эйхманом, безвыходное положение венгерских евреев и отчасти успех самого Кастнера в спасении евреев. Но Тамир, бывший член Etzel, открыто ненавидящий Бен-Гуриона, изложил историю таким образом, чтобы представить одну сторону как национальных героев – то есть Etzel и других подпольных борцов в Палестине плюс борцов гетто в Европе – и другой стороны как подчиненных различных юденратов (еврейских советов), которые заискивали перед нацистами и в итоге сотрудничали с ними в уничтожении своего собственного народа. Сам Тамир представлял героического, храброго, борющегося израильтянина, а Кастнер – жалкого, слабого еврея диаспоры. В атмосфере, созданной Тамиром, даже люди, которых спас Кастнер, не осмелились свидетельствовать в его пользу. В своем приговоре, оправдывающем Грюнвальда, судья Бен-Ямин Халеви утверждал, что «Кастнер продал свою душу дьяволу». Это фаустовское заявление стоило Кастнеру жиз-

ни – он был убит в 1957 году. Государство подало апелляцию в Верховный суд, и приговор Халеви был отменен, но для Кастнера это решение было принято слишком поздно.

Процесс над Кастнером, который широко освещался в СМИ, продемонстрировал политизацию памяти о Холокосте. Кастнер был представлен как член Мараі; Мараі отождествлялась со своими соратниками как дома, так и в диаспоре; и два полюса политического спектра – правый и левый – изображали собой отважных борцов, защищающих честь Израиля. Напрасно поэт Натан Альтерман пытался опровергнуть этот упрощенный аргумент, который выявил полное разобщение и непонимание невыносимого положения еврейских лидеров при нацистском правлении. Общественное мнение выступило против Кастнера. На фоне травли Мараі и Кастнера Тамир и Ури Авнери, бывшие правыми, но теперь находившиеся в лагере сторонников мира, создали альянс, о котором говорилось ранее. Авнери мобилизовал свой журнал *Ha'olam Hazeh* для распространения пропаганды против Кастнера и Мараі. В отличие от евреев из диаспоры, которых символизировал Кастнер, Тамир и Авнери представляли собой образ нового еврея – храброго и преданного обществу. Их посыл выражал идеологию неприятия диаспоры, а также идеологию протоханаанейского движения. Лишь в 1980-х годах Кастнер был реабилитирован в израильском общественном мнении.

Таким образом, очевидно, что Холокост постоянно был

в общественной повестке дня на протяжении 1950-х годов. Однако сомнительно, чтобы эта тема интересовала молодых людей, выросших в Израиле, или новых иммигрантов из стран Средиземноморья. В целом эти группы рассматривали Холокост как реальность, принадлежащую другому месту и времени, не имеющую ничего общего с жизнью молодого государства. Холокост не формировал их сознание, а сводился к обобщенным фразам вроде «шесть миллионов», «уничтожение европейского еврейства» и «нацистская Германия». Это не трогало их душу, они не мыслили категориями тех людей, с которыми могли бы себя отождествить, оставались чуждыми и отстраненными. Такая схематическая картина Холокоста сделала возможными обвинения в том, что евреи «пошли на бойню, как ягнята», или не спешили иммигрировать в Палестину до уничтожения – молодое поколение не колеблясь обвинило их с бессердечием и непониманием, типичным для молодежи. Судьба отдельных евреев, оказавшихся во власти мощных сил, лишивших их контроля над собственной жизнью и жизнью своих близких, не интересовала и не трогала их. Бойцы гетто, считавшиеся воплощением духа Эрец-Исраэль в диаспоре, стали частью израильской мифологии. Но о большинстве истребленных евреев упоминали редко. Популярная пресса, такая как женские еженедельники и газеты политических партий, действительно публиковала личные истории потерь и спасения, человеческой доброты и сострадания, а не только рассказы о ге-

роизме. Но в так называемых серьезных газетах, таких как Ha'aretz, сложно было встретить подобные истории.

Поворотным моментом для включения памяти о Холокосте в этос Государства Израиль стал процесс над Эйхманом. В мае 1960 года Бен-Гурион объявил, что Адольф Эйхман схвачен агентами «Моссада» и доставлен в Израиль для предания суду. Страна была наэлектризована. Бен-Гурион рассматривал суд как возможность рассказать молодым израильтянам о том, что случилось с их народом. Но он не ожидал волнения, охватившего всю страну, с потоками слез, с нахлынувшей волной самоотождествления. Выжившие в своих показаниях раскрыли весь масштаб Холокоста, боль и унижение, проявления человечности и зверств. Такие пуристы, как Ханна Арендт, считали эти свидетельства излишними, поскольку они не имели отношения к Эйхману. Но именно эти личные показания, а не груды документов на столе обвинения повлияли на воображение слушателей. Транзисторное радио стало постоянным спутником молодежи и взрослых, жадно следивших за трансляцией судебного заседания. Впервые Холокост перестал быть «их» и стал «нашим».

Этот поворот в общественном мнении сделал Йонатана Ратоша и Ури Авнери крайне враждебными по отношению к процессу. Они назвали это показательным судом, устроенным Бен-Гурионом, искажавшим природу Холокоста как направленного исключительно против евреев, тогда как его следовало представить как первый шаг германского гранди-

озного плана по истреблению многих народов. Они настаивали, что Холокост имеет универсальное значение; это была не исключительно еврейская катастрофа. Ратош проницательно заметил, что маятник политики идентичности качнулся от местных жителей к евреям Европы, и память о Холокосте закрепила его там. Он понял, что суд над Эйхманом разбивает его надежды на возрождение локальной идентичности, развитие которой было остановлено массовой иммиграцией. Память о Холокосте укрепила связь молодых израильтян с настоящим еврейским народом, а не с воображаемым.

События, последовавшие за судом над Эйхманом, безусловно оправдали озабоченность Ратоша. После суда молодые израильтяне, выросшие в стране, начали медленно, но неуклонно вспоминать о своих корнях. Первым свидетельством этого сдвига стал отчет Хаима Гури о судебном процессе. Он написал его как человек, рассказывающий о своем народе, его боли, катастрофах и унижении; он отождествлял себя с ним, а не противостоял ему, как это сделала Ханна Арендт в своей книге *Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil* («Эйхман в Иерусалиме: отчет о банальности зла»). В 1965 году Гури опубликовал *The Chocolate Deal* («Шоколадную сделку»), в которой описывал переживших Холокост, и с тех пор продолжает заниматься этой темой.

Писатель Биньямин Камерштейн, сменивший фамилию на Таммуз в честь мифического ханаанского бога, теперь на-

чал возвращаться к идентичности своих предков. Он избегал попыток провести различие между «евреями» и «израильтянами», выражая стыд всякий раз, когда сталкивался с подобным разграничением. Его возврат к традиционной еврейской идентичности завершился публикацией в 1971 году книги Ya'akov («Иаков»), название которой – собирательный образ еврея – подразумевает возвращение от язычества к иудейской памяти. В книге он разрывает связь с доктриной Ратоша. Камерштейн преподносит ее с горькой иронией, воссоединяется со своим дедом, традиционным евреем, которого изображает настоящим героем, сохранившим свою еврейскую идентичность в диаспоре. «Разве тебе не стыдно за меня, Иаков?» – спросил дедушка. «Я горжусь тобой, дедушка», – ответил я. «Ты был великаном, вставал утром среди снегов той чужой страны, в лютый мороз, чтобы поставить на стол еду для своей семьи... Ваш героизм сильнее и прекраснее всего, что я мог бы совершить когда-либо на этой земле», – поскольку «здесь нам не нужен великий героизм... это здесь... только за его пределами, в чужих просторах церковных куполов и волчьих лесов, человеку нужен настоящий героизм»¹⁸³. Многие писатели, выросшие в Израиле, изначально лишённые старой еврейской идентичности, пошли по тому же пути.

Появление «поколения государства» – молодых людей, выросших и получивших образование после 1948 года, – ста-

¹⁸³ *Tammuz B. Ya'akov (Яаков). Ramat Gan: Masada, 1971, p. 97.*

ло важной вехой в процессе, благодаря которому воспоминания о Холокосте вошли в общественное сознание. Книга *The Seventh Day* («Седьмой день»), где рассказывается об опыте молодых людей, в основном кибуцников, до и после Шестидневной войны, отражает, насколько сильно Холокост сформировал сознание этого поколения. «Всякий раз, когда я вижу испуганного еврея, картинку или слово, отдаленно напоминающее обо всем этом [Холокосте], я сожалею о каждой минуте, которую я провел в армии, не воспользовавшись всеми преимуществами, чтобы стать более эффективным и опасным», — писал молодой человек своей девушке в 1963 году, прочитав *The House of Dolls* («Дом кукол») Ка-Цетника¹⁸⁴. Он был убит во время Шестидневной войны¹⁸⁵. Страх уничтожения, которого не было во время Войны за независимость, проявляется как стержневое чувство среди солдат войны 1967 года. Иегуда Амихай, поэт, хронологически принадлежащий к поколению *Palmach*, но духовно — к «поколению государства», выразил контраст между двумя поколениями: «Поколение войны за независимость было отделено от диаспоры... и здесь я намекну, что поколение Шестидневной войны живет, гораздо сильнее осознавая Холокост, эмоцио-

¹⁸⁴ Псевдоним писателя Ехиеля Динура. Его псевдоним переводится с идиша как «узник концентрационного лагеря».

¹⁸⁵ *Siakh lohamim, pirkei hakshava vehitbonenut* (Беседы бойцов, раздел о внимании и наблюдении) / Ed. A. Shapira. Tel Aviv: 1968, p. 167–168.

нальную связь со всем еврейским народом...»¹⁸⁶

Понятие «поколение государства» также определило новую литературную идентичность. В 1950-х годах молодые поэты, такие как Натан Зах и Давид Авидан, и критики, такие как Дан Мирон и Габриэль Мокед, ополчились против Натана Альтермана. Их нападки были направлены на то, чтобы подорвать духовный авторитет поэтов-модернистов школы Шлёнского, задававших тон в литературе, и положить конец высокому лирическому стилю, приверженному национальному этосу. Вместо этого они предпочитали поэзию без пафоса или словесного фейерверка, подчеркивающую личные, повседневные переживания. Вместо Александра Блока, которым восхищалось поколение Шлёнского и Альтермана, они взяли за образец Т. С. Элиота.

Эти поэты также возвестили о появлении нового литературного поколения. В конце 1950-х – начале 1960-х годов начали публиковаться произведения молодых писателей, достигших совершеннолетия после обретения государственности. Поколению писателей – уроженцев ишува противостояли новые лица, такие как А. Б. Иегошуа и Амос Оз, которые оставили след в литературе на иврите своими первыми опубликованными произведениями. Они черпали вдохновение не в русской литературе, а преимущественно в англий-

¹⁸⁶ Иегуда Амихай, выступление на конференции писателей, посвященной двадцатилетию Израиля. 16–17.4.1968 // Daf (бюллетень Союза писателей). May 31. 1968.

ских и американских произведениях. Они описывали опыт, основанный на израильской реальности, с тенденцией к описанию «первого Израиля», откуда были родом. Отказавшись от сионистского героизма, они заменили его антигероями, сомнениями и страхами – например, описанием проявления вытесненной памяти израильских арабов в произведении А. Б. Иегошуа *Facing the Forests* («Лицом к лесам»). В то же время приобрел литературную известность Аарон Аппельфельд, переживший Холокост и приехавший в Израиль подростком. Он привнес другой голос из утраченной реальности европейского еврейства, памятника Катастрофе. Шимон Балас, уроженец Ирака, который начал писать по-арабски и перешел на иврит в 1960-х годах, описал жизнь в маабаре и страдания, связанные с абсорбцией в Израиле. Он проложил путь другим писателям, таким как Сами Майкл и Эли Амир, чьи произведения появились десять лет спустя.

Тем временем писатели предыдущего поколения выросли, меняли свои взгляды и стиль письма. Каждый по-своему стал частью новой волны ивритской литературы. В отличие от единого голоса израильской культуры в первые годы существования государства теперь множество голосов описывали личные переживания и не считали, что их роль заключается исключительно в утверждении сионистского этоса.

После Холокоста идеология и мировоззрение «неприятя рассеяния» ушли в прошлое. Какой смысл критиковать и отвергать реальность, которой больше не существует? Жизнь

евреев в западных странах, особенно в Соединенных Штатах, не соответствовала модели изгнания. Несмотря на известность в догосударственной риторике, «отказ от изгнания» никогда не был широко распространен среди населения ишува, большинство из которого приехало в Палестину не потому, что хотело изменить свой образ жизни, а чтобы спастись или жить среди евреев. Это стало еще более актуальным после массовой иммиграции. Иммигранты не отвергали диаспору и приехали в Израиль не потому, что отрицали образ жизни диаспоры. Напротив, они надеялись продолжить подобный образ жизни в Израиле при более высоком уровне благосостояния и в безопасности. Хотя в молодежных движениях все еще господствовало «неприятие изгнания», они составляли ничтожное меньшинство. В школах продолжалось преподавание The Sermon («Проповедь») Хазаза, но без прежнего ханаанейского контекста; когда была обновлена программа по литературе на иврите, это произведение исчезло из учебной программы. В тот же период появился Shdemot, литературный журнал, издаваемый молодыми кибуцниками, которые хотели познакомиться с еврейской литературой и изучать еврейскую философию и историю. В скрытом соперничестве между «археологической» и исторической еврейскими идентичностями суд над Эйхманом обозначил обратную траекторию, поскольку первая начала терять свои позиции, а вторая – расти. В последующие годы эта смена курса станет более явной.

Политика, мир и война

29 апреля 1956 года Рой Ротберг, член кибуца Нахаль Оз на границе с сектором Газа и командующий районом, выехал на своей лошади, чтобы осмотреть поля. Кибуц, основанный бывшими членами бригады Nahal в 1953 году, с тех пор пострадал от нападений со стороны своих палестинских соседей. Сектор был густонаселен арабскими беженцами, в том числе из деревень, земли которых занимал кибуц. В то весеннее утро Ротберг увидел группу арабов, собиравших пшеницу на полях кибуца, и поехал к ним, чтобы прогнать их, как уже не раз делал в прошлом. Но на этот раз сборщики урожая исчезли, и их сменили вооруженные люди, которые застрелили Ротберга, разбили ему череп и увезли его тело в сектор Газа. Когда наблюдатели ООН вернули тело в Израиль, стало очевидно, что над ним надругались.

На похоронах Роя Ротберга в кибуце присутствовал начальник штаба Моше Даян, произнесший панегирик у могилы, который, по крайней мере до Шестидневной войны, сформировал у израильтян чувство идентичности. Выражая понимание причин, по которым палестинские беженцы ненавидят еврейских поселенцев, и даже сочувствуя им, Даян подчеркнул дилемму сионистского заселения. «Мы – поколение, которое обустривает землю, и без стального шле-

ма и пушечного дула мы не сможем посадить дерево и построить дом, – заявил он. – Такова судьба нашего поколения. Это наш жизненный выбор – быть готовым и вооруженным, сильным и решительным, чтобы меч не был выбит из руки и наши жизни не оборвались». В заключение он описал Роя как молодого идеалиста, который стремился к миру, «был ослеплен светом в своем сердце и не видел блеска меча. Тоска по миру оглушила его, и он не слышал голоса убийцы, поджидающего в засаде». Ссылаясь на Самсона, библейского героя, Даян сказал о Ротберге: «Ворота Газы слишком тяжело давили на его плечи и победили его»¹⁸⁷.

История Роя Ротберга в краткой форме выражает проблемы безопасности и политику Израиля в первое десятилетие существования государства. Соглашения о перемирии, подписанные по окончании Войны за независимость с Египтом, Трансиорданией, Сирией и Ливаном, должны были быть временными соглашениями, за которыми должно было последовать подписание мирных договоров. С этой целью в 1949 году ООН созвала Лозаннскую конференцию, но эти переговоры при американском посредничестве выявили большие разногласия между сторонами и совершенно ясно дали понять, что мир в ближайшем будущем недостижим. Арабы, которые всегда считали евреев слабыми и жалкими, были ошеломлены своим сокрушительным поражением, обнажив-

¹⁸⁷ *Dayan M. Avnei derekh (Моя жизнь). Jerusalem and Tel Aviv: Idanim and Dvir, 1976, p. 191.*

шим их слабость и унизившим их в собственных глазах и в глазах всего мира. Но поражение не изменило баланса сил в регионе. Евреи составляли незначительное меньшинство на Ближнем Востоке, в то время как арабы владели обширными территориями, нефтью региона и населением, намного превышающим израильтян. Для них было немыслимо признать суверенитет немусульманского образования над частью Палестины, тем более что это образование создавало физический разрыв между арабскими государствами в Африке и Азии. Они рассматривали поражение как временную неудачу, результат системной слабости арабского общества, которую необходимо исправить путем устранения реакционных режимов в арабских государствах, подготовив их таким образом к тому, чтобы стереть враждебное инородное образование с карты Ближнего Востока.

Риторика арабских правителей и СМИ была сосредоточена на «втором раунде» – еще одной войне, которая искоренит позор 1948 года. Они рассматривали соглашения о перемирии не как предисловие к миру или даже не как простое прекращение состояния войны (как это предусмотрено международным правом), но в качестве временной меры, принятой для блокировки израильской агрессии до тех пор, пока не наступит время расплаты. В то же время они чувствовали себя вправе делать все, что в их силах, чтобы сделать жизнь израильтян невыносимой, не развязывая настоящую войну, которую они все еще не могли выиграть. Ли-

га арабских государств объявила об экономическом бойкоте Израиля, что удерживало многие западные компании от торговли с Израилем, чтобы арабы не наложили на них аналогичные санкции. Совершив вопиющее нарушение международного права, Египет запретил израильским судам использовать Суэцкий канал и тут же закрыл Тиранский пролив для судов, перевозящих «стратегические материалы» в Израиль, включая нефть. Международное сообщество выразило протест, но смирилось с ситуацией. Арабское толкование линий перемирия как временных означало, что арабские беженцы сохранили неоспоримые и непреложные права на свои земли и что Израиль незаконно использовал как землю, которую оккупировал, так и права на воду. Арабы также утверждали, что в соответствии с соглашениями о перемирии палестинцы сохраняют за собой право бороться против лишения их собственности и что арабские государства не перестанут поддерживать палестинцев. Израиль, со своей стороны, рассматривал линии перемирия как законные границы, основанные на документе, одобренном международным сообществом, который ограничивает суверенную территорию Израиля. В пределах этих границ Израиль имел право предпринимать любые приемлемые, по его мнению, действия, что означало – мог основывать поселения и селить евреев на земле, принадлежавшей палестинцам. Израильяне также утверждали, что перемирие обязывало арабские государства не допускать враждебных действий своих вооруженных сил,

как регулярных, так и нерегулярных, против Израиля, который имел право жить в мире в пределах своих границ.

Враждующие страны говорили друг с другом на разных языках. Арабские государства не считали себя обязанными пресекать вторжения своих жителей на территорию Израиля. В соглашениях о перемирии с Египтом и Сирией Израиль согласился на создание демилитаризованных зон в спорных районах, но толкование термина «демилитаризованный» различалось по обе стороны границы. Израиль считал эти зоны своими, с оговоркой, что размещение в них армейских частей запрещено. Между тем арабы выступили против возделывания Израилем земель, ранее принадлежавших арабам, в демилитаризованных зонах. Израильтяне приложили все усилия для установления своего суверенитета непосредственно до границы, хотя это приводило к столкновениям с сирийской и египетской армиями. Именно во время одного из таких пограничных столкновений Рой Ротберг и встретился с убийцами.

Хотя арабские государства не были готовы к мирным переговорам, ситуация перемирия была столь же удобна для Израиля, поскольку любые мирные переговоры, вероятно, потребовали бы от Израиля широких уступок. Обсуждая с помощниками тактику Израиля на Лозаннской конференции, министр иностранных дел Моше Шарет заметил: «Официальный мир с арабскими государствами не жизненная необходимость для нас, — а затем добавил: — Конечно, мы

тоже хотим мира, но нам не следует бежать, нам следует идти»¹⁸⁸. Было несколько принципов, на которых настаивало израильское правительство, поддерживаемое широкой общественностью: во-первых, никакого отступления от «зеленой линии», как назывались границы 1949 года; во-вторых, нет возвращению арабских беженцев и, в-третьих, Западный Иерусалим должен оставаться столицей Израиля. Эти требования отражали географические и демографические преимущества, которые Израиль получил в долгой и сложной войне 1948 года, и было решено удержать их любой ценой. Со своей стороны, арабы не соглашались признать Израиль даже в границах 1947 года (плана раздела ООН), но продолжали настаивать на его полной ликвидации. Израильяне чувствовали, что любая сделанная ими уступка будет лишь прелюдией к требованиям дальнейших уступок. И действительно, в один прекрасный момент Израиль согласился принять определенное количество арабских беженцев, но, как и ожидалось, эти переговоры ни к чему не привели.

К 1950 году оптимизм израильского правительства о шансах на достижение мирного соглашения во время переговоров о перемирии на Родосе и даже на Лозаннской конференции рассеялся. На смену ему пришел пессимизм, рассматривающий враждебность арабов по отношению к Израилю как постоянный фактор, с которым Израиль должен научиться жить – не путем переговоров, а путем демографическо-

¹⁸⁸ Sharett M. Israel State Archives, box 2446, file 6/a.

го укрепления страны, создания прочной экономической инфраструктуры и повышения ее военной мощи. Другими словами, соглашения о перемирии позволили переключить внимание с военных на гражданскую сферу, что было критически важно для создания долгосрочного могущества Израиля. В своей речи на похоронах Роя Ротберга Даян с горечью, но здраво признал, что для того, чтобы выжить, Государство Израиль будет вынуждено не вкладывать меч в ножны по крайней мере в течение жизни одного поколения.

Несмотря на все разговоры о «втором раунде», до 1955 года не было никаких признаков того, что арабские государства планируют войну против Израиля. В 1952 году Движение свободных офицеров организовало переворот в Египте, и новое правительство начало антиколониальную борьбу за избавление страны от британцев. Король Иордании Абдалла пытался достичь мирного соглашения с Израилем, но переговоры неоднократно срывались либо из-за непримиримости Израиля по незначительным вопросам, либо из-за того, что король чувствовал, что ему не хватает сил, чтобы довести до конца столь решительный шаг, ведь половину населения его страны составляли палестинцы. Его убийство в 1951 году из-за его переговоров с Израилем сняло эту тему с повестки дня. В Сирии продолжалась внутренняя борьба, один за другим сменялись режимы. После казни Хусни аз-Заима ни один новый правитель не хотел говорить о мире, но Сирия также не проявляла воинственных настроений. В начале

1950-х годов в ЦАХАЛе наблюдалось снижение боеготовности и бдительности, но это были также годы, когда тотальная арабская угроза была скорее риторической, чем реальной.

Более насущной проблемой стала так называемая «повседневная безопасность». Каждую ночь арабские беженцы проникали в Израиль. Сначала они приходили в свои дома, которые оставили, чтобы забрать забытое имущество и собрать урожай на своих полях. Жители мошавов вдоль границы опасались этих ночных посетителей, которые вскоре начали воровать сельскохозяйственное оборудование, скот или урожай. В те ранние годы границы были слабо заселены, и армейские патрули не предотвращали проникновение, которое вскоре превратилось в настоящее нашествие саранчи. С 1949 по 1951 год происходило около 10 000 проникновений в год, и ЦАХАЛ применил политику железного кулака. В течение этих двух лет приказы были очень агрессивными, санкционируя открывать огонь по любому подозрительному движению в ночное время. Было убито несколько тысяч нарушителей границы. Затем палестинцы стали приходить вооруженными и были готовы открыть ответный огонь. Отсюда оказалось совсем недалеко до насильственных вторжений, целью которых были преимущественно грабеж и кража. Более того, злоумышленники не гнушались убийствами мирных жителей, а банды грабителей терроризировали приграничные поселения Израиля. Зачастую с наступлением темноты жители мошавов собирались в одном центральном зда-

нии, чтобы чувствовать себя в большей безопасности. Кроме того, после тяжелого рабочего дня им приходилось дежурить в карауле. Некоторые мошавы оказались полностью заброшены из-за страха перед нарушителями границы.

В марте 1954 года резня в Маале-Акрабим («Перевал скорпионов») выявила снижение уровня безопасности в приграничных поселениях. Автобус, возвращавшийся по дороге Арава с торжеств по случаю пятой годовщины завоевания Эйлата, попал в засаду, устроенную злоумышленниками в Маале-Акрабим. Нападавшие не только обстреляли автобус, но ворвались в него и почти всех убили. Трое оставшихся в живых рассказали о случившемся. Данное убийство ради убийства поставило под угрозу все перемещения на главной дороге к населенным пунктам Негева. Между 1949 и 1956 годами более трехсот израильтян были убиты злоумышленниками, тысячи были ранены, а имущество стоимостью несколько миллионов было разворовано.

Израильское правительство возложило ответственность за пересечение границы на страны, откуда проникали преступники, и обязало тех прекратить незаконные проникновения. Правительство Иордании, похоже, приложило реальные усилия, чтобы уменьшить количество проникновений со своей территории. Но границы были протяженными, силы Арабского легиона ограниченными, а его способность контролировать границы – лишь частичной, тем более что местное население считало израильтян заклятыми врагами и со-

чувствовало преступникам. После 1956 года, когда британские офицеры были уволены из Арабского легиона, дисциплина в иорданской армии ослабла, и подразделения Арабского легиона даже сотрудничали с нарушителями границ.

Вдоль границы с сектором Газа подразделения египетской армии не только сотрудничали с нарушителями границы, но и инициировали вторжения. Израиль ответил рейдами ЦАХАЛа через границу. Однако идентифицировать нападавших было непросто, поэтому ответ Израиля был направлен против так называемых «деревень террористов», и чаще всего жертвами ответных рейдов были невиновные. Это наказание односельчан террористов настигало миролюбивых граждан, вызывало ненависть и, как многие полагали, укрепляло сочувствие мирных жителей к нападавшим, но не могло остановить проникновения.

Эти рейды прекратились после операции в Кибии в 1953 году. Данная операция, проведенная элитным подразделением 101 под командованием Ариэля Шарона, привела к гибели десятков сельских жителей, женщин и детей, которые прятались в домах, взорванных войсками. Даже если утверждение Шарона, что его люди не знали, что жители деревни находятся в домах, было правдой, оно не могло стереть позорного пятна. Гражданскому населению был нанесен серьезный ущерб. Это вызвало возмущение во всем мире, а также спровоцировало ожесточенные дебаты в Израиле. После операции в Кибии рейды ЦАХАЛа уже направлялись

против военных, избегая нападений на мирных жителей. На границе с Иорданией эти рейды имели смягчающий эффект. Однако на египетской границе арабские власти поощряли проникновение и саботаж с сознательной целью запугать Израиль и не допустить преобразования линий перемирия в постоянные границы. Ответом на рейды Израиля в секторе Газа была усиленная агрессия и постоянная эскалация с обеих сторон, что в конечном итоге привело к Синайской кампании 1956 года.

Ответные рейды вызвали ожесточенные дискуссии среди израильского руководства. Сторонники активных действий в сфере безопасности во главе с Бен-Гурионом, Даяном, Пересом и многими другими рассматривали рейды как жизненно важную тактику не только для прекращения проникновений, но и для пресечения непрерывного подрыва границ 1949 года в сочетании с попытками ослабить суверенитет Израиля в этих границах. Эта группа также утверждала, что рейды ограничили понятие «второго раунда», который может возникнуть, если ЦАХАЛ утратит свой потенциал сдерживания. В первые годы после подписания соглашений о перемирии лучшие из командиров Войны за независимость покинули ЦАХАЛ. В результате армия пережила период дезорганизации и слабости, что проявилось в оперативных трудностях, таких как ожесточенное и неудачное сражение при Тель-Мутиле у Галилейского моря. Уничтожение сирийских сил, занявших позицию в демилитаризован-

ной зоне, повлекло за собой многочисленные израильские жертвы. Когда Даян был назначен начальником штаба в декабре 1953 года, он приложил усилия для улучшения боеготовности и духа ЦАХАЛа и взрастил элитные подразделения, такие как подразделение 101, десантники и воздушно-десантная бригада Nahal, в качестве примера для всей армии. Эти рейды подвергли испытанию оперативную способность ЦАХАЛа, а также продемонстрировали арабским государствам израильский военный потенциал. Более того, Израиль в то время все еще был страной иммигрантов, не объединившихся в нацию. Общественное мнение было взбудоражено бесчинствами нарушителей границ. Таким образом, рейды служили задаче успокоить тылы – чтобы развеять сомнения в способности руководства и армии защитить своих граждан и поднять национальный дух.

На другой стороне находились умеренные во главе с министром иностранных дел Моше Шаретом. Министр иностранных дел и Бен-Гурион были согласны друг с другом по основным вопросам: Израиль не должен отказываться от границ «зеленой линии»; он должен противодействовать возвращению палестинских беженцев; а также статус Западного Иерусалима как столицы оставался неизменным. Их мнения совпадали и по основному вопросу – мир с арабскими государствами в ближайшем будущем маловероятен. Но Шарет не согласился с премьер-министром по поводу карательных рейдов. Он полагал, что даже если в настоящее вре-

мя нет шансов на мир и враждебность арабов продолжается, Израиль должен избегать действий, которые могут разжечь пламя ненависти. Он думал не о том, что конфликту можно положить конец, а о том, что его интенсивность можно снизить с помощью осторожной политики, избегающей провокаций.

Шарет верил в международное сообщество и стремился полагаться либо на ООН, либо на помощь западных держав против арабской агрессии. Как министр иностранных дел он был более чувствителен, чем Бен-Гурион, к международному статусу Израиля. Бен-Гурион насмешливо назвал ООН «Ум-Шмум» (ум – это произношение еврейской аббревиатуры ООН). Шарет, однако, не забыл, что именно резолюция ООН предоставила международную легитимность созданию государства, а также надеялся и дальше полагаться на международные организации. Он видел в ответных рейдах, каждый из которых подвергался международному осуждению, препятствие на пути к укреплению международного авторитета Израиля. Тем не менее он также, будучи премьер-министром в период с 1953 по 1955 год, одобрил несколько ответных рейдов. Он считал их неизбежными, поскольку у него не было другого способа отреагировать на зло, причиненное израильским гражданам.

В феврале 1955 года рейды, начатые ЦАХАЛом против египетской армии в секторе Газа, приняли довольно широкомасштабный характер. Десятки египетских солдат были уби-

ты. Исследователи расходятся в мнениях об исторической важности данной операции. Некоторые утверждают, что это привело к решительному изменению отношения президента Египта Гамалы Абделя Насера к конфликту. Они считают, что до тех пор египетская армия и разведка в секторе Газа, которые поощряли саботаж в Израиле, осуществляли лишь ограниченные местные инициативы. Но Насер воспринял неудачу армии в действиях в секторе Газа как национальное оскорбление, и результатом стала эскалация насилия, исходящего оттуда. С этого времени Насер активизировал отряды федаинов (*арабск.*, «жертвующие») – боевиков-партизан и террористов, обученных египетской армией, которые действовали на территории Израиля, убивая мирных жителей, разрушая поселения и подрывая безопасность вдоль границы и внутри Израиля. По мнению этих ученых, операция в Газе привела к тому, что Насер усилил египетскую армию благодаря соглашению с Чехословакией, подписанному после операции о поставке крупной партии оружия. Они также полагают, что военное руководство Израиля уже приняло решение о превентивной войне против Египта и что его провокационные действия были направлены на то, чтобы склонить Египет к нападению на Израиль.

Другие ученые утверждают, что действия Насера на израильском фронте стали результатом завершения переговоров с британцами об их эвакуации из Египта и Суэцкого канала, что позволило ему позиционировать себя в качестве лидера

панарабского движения. Провокация Израиля была направлена на то, чтобы представить его как покровителя палестинцев. Решение Насера сблизиться с Восточным блоком, проявившееся в его запросе о наступательном оружии из Чехословакии, очевидно, было принято ранее как еще один шаг к тому, чтобы стать панарабским лидером. Вскоре Египет должен был спровоцировать беспорядки в Сирии и Иордании, чтобы дестабилизировать режимы в этих странах и привести к власти сторонников Насера. Исследователи, придерживающиеся этой точки зрения, утверждают, что даже во время операции в Газе в России находилась египетская военная делегация. По их словам, Насер использовал операцию в Газе как предлог для своего уклонения к Восточному блоку – действие, которое стало фундаментальным стратегическим сдвигом, имевшим далекоидущие последствия для Ближнего Востока на протяжении почти 20 лет. Так или иначе, 1955-й стал годом, когда статус-кво, созданный соглашениями о перемирии, пошатнулся.

С основания Израиля до Синайской кампании великие державы не считали существование Израиля постоянным, а границы 1949 года – фиксированными. По мере того как волны иммиграции хлынули в страну и изменили действительность внутри нее, дискуссии в коридорах власти открыли возможность кардинальных изменений на карте Ближнего Востока. К концу 1949 года СССР, который поддерживал создание Израиля и даже помогал ему в Войне за независи-

мость, поставляя оружие из Чехословакии, вернулся к своей традиционной антиссионистской линии. Тому имелось множество причин, но не в последнюю очередь среди них был энтузиазм, проявленный евреями СССР по отношению к новому государству, и чувство национальной идентичности, которое сплотило их, когда Голда Меир прибыла в Москву в качестве посла Израиля. Первоначально Израиль стремился поддерживать политику нейтралитета между Восточным блоком и западными странами в период холодной войны. Стремление Израиля сохранить добрую волю СССР истекает прежде всего из его желания держать ворота Восточного блока открытыми для еврейской иммиграции. Сам СССР воспретил евреям уезжать, поскольку разрешение им иммигрировать в Израиль было равносильно признанию, что люди разочаровались в советском рае. Но время от времени Польша, Чехословакия, Болгария, Венгрия и Румыния разрешали своим евреям иммигрировать в Израиль либо по соображениям внутренней политики (новые вспышки антисемитизма), либо потому, что израильское правительство платило иностранной валютой за каждого иммигранта. В любом случае израильская политика нейтралитета просуществовала недолго; в 1950 году Израиль переместился в западный лагерь, проголосовав за отправку сил ООН в Корею.

Помимо ненависти к советскому режиму, Бен-Гурион нуждался в американской помощи в виде продовольствия, финансов, а также освобождения от налогов для пожертво-

ваний американских евреев Израилю. Но кроме этих практических аспектов, он хотел, чтобы Соединенные Штаты были стратегическим союзником. Он был полон оправданных подозрений в отношении Британии. В то же время израильские лидеры высоко ценили Соединенные Штаты и стремились развивать с ними стратегические отношения либо путем заключения пакта о взаимной обороне, либо путем предоставления американцам возможности использовать экономическую и промышленную инфраструктуру Израиля в случае глобального конфликта. Однако приглашающие жесты израильтян не получили отклика с другой стороны. С самого начала администрация президента Эйзенхауэра участвовала в создании на Ближнем Востоке союзов, которые блокировали бы советское влияние. Американский президент считал, что союз с Израилем разрушит любое сотрудничество с арабами, толкнув их в объятия СССР. Обхаживания Западом Насера не встретили взаимности, но Соединенные Штаты и Великобритания продолжали искать способы склонить арабов к мирной инициативе, за что Израиль заплатил бы сполна, и надеялись таким образом устранить этот дестабилизирующий фактор в их отношениях с арабами.

Международная изоляция и поиски союзников

События 1955 года продемонстрировали международную

изоляцию Израиля и его неизменную неспособность найти стратегического союзника. В том году был заключен Багдадский пакт между Турцией, Ираком, Пакистаном и Великобританией, и Израиль по понятным причинам не был приглашен к участию. На Бандунгской конференции африканских и азиатских государств были приняты некоторые жесткие антиизраильские резолюции. Насер был одной из звезд той конференции, на которую Израиль не был приглашен. Одновременно с подобным холодным международным приемом Великобритания и США предложили новую мирную инициативу, полностью основанную на уступках Израиля. План, получивший название операция «Альфа», возник из британо-американского соглашения, направленного на то, чтобы заставить Израиль передать большую часть Негева Египту и Иордании для создания наземного моста между двумя арабскими государствами. Разделение Негева арабским коридором было постоянной целью британцев после принятия плана раздела 1947 года, согласно которому весь Негев был передан Израилю. Помимо части Негева, Насеру была обещана соответствующая экономическая и военная помощь. План также требовал, чтобы Израиль разрешил вернуться большому количеству арабских беженцев и выплатил компенсацию остальным. Наградой за все эти уступки должно было стать «соглашение о невоинственности». Израильтянам были даны туманные гарантии, что Запад будет защищать существование государства, а арабский бойкот прекратится.

Израиль не участвовал в этой интриге: все было просто представлено как свершившийся факт, и на него оказали давление западные державы. Бен-Гурион отверг этот план, но и Насер тоже. Между тем летом 1955 года бои вдоль границы с сектором Газа обострились, и в сентябре Египет объявил о сделке по поставке чешского оружия. Операция «Альфа» провалилась, но не была забыта полностью. В ноябре 1955 года в традиционной речи в Гилдхолле премьер-министр Великобритании Энтони Иден призвал Израиль согласиться установить границу примерно между границами 1947 и 1949 годов. Израиль воспринял эту речь как попытку Великобритании подорвать само существование государства. Именно это показало, что Израиль по-прежнему считался мимолетным эпизодом на карте Ближнего Востока или, по крайней мере, нестабильным образованием, границы которого не были зафиксированы.

Было ясно, что египетско-чешская сделка по поставкам оружия дестабилизировала баланс сил на Ближнем Востоке. Внезапно ведущее арабское государство стало обладать оружием, которое дало ему качественное преимущество перед Израилем. Израильяне считали эту ситуацию угрозой самому существованию государства. «Второй раунд», который до того казался чисто теоретическим, теперь представлял собой явную угрозу, и Израиль срочно искал источник передового оружия. Нерешительная просьба к СССР была полностью отклонена, и подход к американцам оказался ненамно-

го лучше. После нескольких месяцев проволочек госсекретарь Джон Фостер Даллес сообщил израильтянам, что они будут снабжены оружием только в том случае, если согласятся на уступки (в форме операции «Альфа» или того хуже), которые приведут к миру с арабами. Британский ответ оказался аналогичным. На помощь Израилю пришла Франция. В то время она вела борьбу в своих североафриканских колониях против национально-освободительных сил, поддерживаемых Насером, — он разозлил французов, помогая алжирским повстанцам. Таким образом, помощь Франции Израилю была направлена на то, чтобы навредить общему врагу. Летом 1956 года прибыли французские самолеты и танки, восстановив баланс сил, который теперь, вероятно, склонился в пользу Израиля, поскольку израильтяне смогли развернуть новую технику намного быстрее, чем египтяне овладели советским оружием.

В начале 1955 года постоянная напряженность вдоль израильско-египетской границы, повышение международного статуса Насера и его декларация о намерениях вести вооруженную борьбу против Израиля — все это привело израильское верховное командование к пониманию, что превентивная война с Египтом неизбежна. Такая война приведет к тому, что Израиль получит контроль над сектором Газа, откроется Тиранский пролив, что потенциально может дать Израилю возможность контролировать прибрежную полосу Эйлатского залива, ведущую к проливу. Идея превен-

тивной войны была основана на военной уязвимости Израиля. Поскольку Израиль был маленьким государством, вражеские действия могли разрезать страну пополам по всей ее ширине или перебросить бронированные колонны в пределах нескольких десятков километров от Тель-Авива. Поэтому доктрина ЦАХАЛа заключалась в том, что любая война должна вестись на вражеской территории. Но как этого добиться?

На заседании кабинета министров в марте 1955 года Бен-Гурион (вновь занявший пост министра обороны) предложил Израилю захватить сектор Газа. Его предложение было отклонено большинством в один голос во главе с премьер-министром Моше Шаретом. Некоторые историки утверждают, что эта попытка Бен-Гуриона показывает, что Израиль на самом деле не был привержен статус-кво 1949 года и что за его очевидным согласием с границами «зеленой линии» скрывалась надежда на то, что эти границы могут быть расширены в пользу Израиля. Как в активистских кругах Ahdut Ha'avoda (которая отделилась от Mapai в 1954 году), так и в правых кругах партии Herut все еще сохранялось стремление создать Великий Израиль. Более того, Даян, похоже, был достаточно близок к позиции активистов. Но те, кто приписывает Бен-Гуриону ирредентистские устремления, похоже, неправильно понимают реальность.

Бен-Гурион считал достижения 1949 года оптимальными с учетом политической ситуации в Израиле и защищал их

изо всех сил. Ближе к концу Войны за независимость он отклонил предложения Игалья Алона о завоевании Западного берега, что в то время в военном отношении было достижимо. Он понимал проблему управления сотнями тысяч арабов и делал все возможное, чтобы избежать этой ловушки. Поэтому он не был в восторге от перспективы управления сектором Газа Израилем. Он сохранял статус-кво соглашений о перемирии до того момента и был готов завоевать сектор Газа теперь не из желания вернуть себе территорию, а потому, что повседневные проблемы безопасности создавали постоянные угрозы стабильности границы, не говоря уже о том, что сам по себе сектор Газа приносил одни неприятности. Вдобавок к этому он видел в агрессивности Насера реальную угрозу безопасности Израиля.

В значительной степени общественное мнение Израиля приняло «зеленую линию» как границу государства. Сторонники Великого Израиля составляли незначительное меньшинство; большая часть населения иммигрировала в Израиль после 1948 года, была незнакома с идеей Великого Израиля и, конечно же, не печалилась по нему. Через несколько месяцев после того, как кабинет отклонил предложение Бен-Гуриона, пришло известие о сделке по поставке чешского оружия Египту, и с этого времени Бен-Гурион направил большую часть своих усилий на поиск поставщика оружия. План превентивной войны был снят с повестки дня, к большому раздражению начальника штаба Даяна.

В следующем году Бен-Гурион проводил крайне осторожную политику, игнорируя любые провокации Египта до тех пор, пока не прибудет французское оружие. Он даже удовлетворил просьбу Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда о том, чтобы патрули ЦАХАЛа были отведены на полкилометра от границы, чтобы предотвратить эскалацию конфликта. В своей речи в честь Роя Ротберга Даян опротестовал приказ Бен-Гуриона о выходе: «За бороздой границы штормит море ненависти и жажды мести, ожидая того дня, когда безмятежность скроет наш путь... того дня, когда мы прислушаемся к посланникам злобного лицемерия, которые призывают нас сложить оружие... Хотя мы тысячу раз клялись, что наша кровь не будет течь напрасно, вчера мы снова испытывали искушение, мы слушали, мы верили»¹⁸⁹.

Хашимитская династия Иордании имела традицию сотрудничества с евреями сначала против муфтия в период мандата, а теперь против панарабизма Насера. У Израиля и Иордании были общие интересы. Например, они хотели разделить Иерусалим между собой в нарушение требований ООН о международном статусе города. Однако молодой король Хусейн с трудом справлялся с пропалестинской агитацией на Западном берегу и даже в своей собственной армии. Как упоминалось ранее, когда британские офицеры были выведены из иорданской армии в 1956 году, враждебные действия, открытые против Израиля с иорданской территории,

¹⁸⁹ *Dayan M. Avnei derekh*, p. 191.

участились. Летом 1956 года Израиль инициировал ряд ответных рейдов вдоль израильско-иорданской границы. Последний из них, в Калькилии, вылился в крупномасштабную операцию. Напряженность между Израилем и Иорданией, а также между Израилем и Великобританией, покровителем Иордании, достигла новых высот. Израиль с тревогой следил за развитием событий в Иордании. Ирак тоже находился под контролем Хашимитов под покровительством Великобритании, и опасение, что иракская армия войдет в Иорданию при поддержке Великобритании, было вполне реальным. К концу Войны за независимость иракские войска ушли с Западного берега без соглашения о перемирии между Ираком и Израилем, и Израиль рассматривал возобновление иракского присутствия в Иордании как оправдание войны.

Синайская кампания и ее последствия

Вслед за тем последовали новые события. В июле 1956 года Насер национализировал Суэцкий канал, что напрямую поставило под угрозу жизненно важные интересы Великобритании и Франции. Его поступок создал возможность для ранее немыслимого союза между Францией, Великобританией и Израилем. Этот стратегический союз впервые вывел Израиль из международной изоляции. Франция и Великобритания стремились свергнуть режим Насера, подрывавший их статус в регионе, и вернуть контроль над Суэцким

каналом. Для израильтян альянс обеспечил прикрытие с воздуха в войне против Египта, спокойствие на границе с Иорданией, отсутствие иракской армии в Иордании и поддержку двух крупных держав в ООН. Согласованная роль Израиля заключалась в том, чтобы произвести первый выстрел, предоставив Великобритании и Франции предлог для захвата Суэцкого канала и «защиты» этого международного водного пути. Это была возможность ударить по Насеру при благоприятных условиях. Однако Бен-Гурион колебался до последней минуты, и потребовалась вся сила убеждения начальника штаба Даяна и генерального директора Министерства обороны Шимона Переса, чтобы заставить его согласиться с планом. Опасаясь британского предательства, Бен-Гурион потребовал письменного соглашения между тремя странами. И его опасения действительно оправдались, поскольку премьер-министр Иден позаботился о том, чтобы все британские копии соглашения были уничтожены, дабы он мог отрицать любой сговор. Однако копии в Израиле и Франции сохранились.

Операция «Кадеш», или Синайская кампания, началась 29 октября и стала крупным военным успехом Израиля. В течение недели израильские войска заняли весь Синайский полуостров и подошли к Суэцкому каналу в пределах десяти километров, как было согласовано с англичанами и французами. Однако две великие державы медлили; их военные действия были безрезультатными, и они продвигались в рай-

он канала очень медленно. Но их авиация поразила египетские аэродромы. В то же время СССР и США объединили усилия в ООН, чтобы выступить против операции. И Восток, и Запад утверждали, что они антиимпериалисты; эпоха, когда европейские державы могли избежать наказания за дипломатию канонерок¹⁹⁰, закончилась Второй мировой войной. Совместное давление, оказанное Советским Союзом и американцами, которые были полны решимости не позволить двум слабеющим державам извлечь выгоду из их сговора, в итоге вынудило Израиль, а также французов и британцев уйти. Громкий провал Суэцкой операции (получившей название операция «Мушкетер») положил конец карьере Энтони Идена и привел к падению правительства Ги Молле во Франции. Насер остался у власти, и его престиж резко возрос, общественное мнение Ближнего Востока и стран третьего мира превозносило его как человека, победившего колониальные державы. Он объяснил поражение своей армии, нанесенное Израилем, тем, что приказал своим войскам отойти к каналу для защиты его от англичан и французов.

Когда боевые действия закончились, Бен-Гурион объявил в Кнессете, что соглашение о перемирии с Египтом окончилось и не будет возобновлено. Он дал понять, что потребует территориальных изменений вдоль израильско-египетской границы, особенно на побережье Шарм-эль-Шейха. В

¹⁹⁰ Демонстративное использование военно-морских сил.

атмосфере воодушевления по поводу впечатляющих успехов ЦАХАЛа он даже упомянул «третье царство» Израиля. Однако всего несколько дней спустя, в ответ на угрожающую ноту председателя Совета министров СССР Николая Булганина, был вынужден объяснить, что целью кампании было предотвращение вторжений феодалов из сектора Газа и обеспечение свободы прохода в Эйлатском заливе и что у Израиля не было территориальных претензий к Египту. В основном давление оказали Соединенные Штаты, которые поддержали требование Генерального секретаря ООН Хаммаршельда о полном выводе израильских войск. Израиль вел ожесточенную дипломатическую битву, в основном против ООН и американской администрации. Он потребовал действительных гарантий свободы прохода в Эйлатском заливе, а также недопущения восстановления контроля Египта над сектором Газа, чтобы граница оставалась спокойной. Перед лицом давления со стороны ООН и США, которые утверждали, что агрессор не должен быть вознагражден, Израиль вскоре безоговорочно ушел с Синайского полуострова. Он продолжал удерживать Шарм-эль-Шейх, прибрежную полосу Эйлата и сектор Газа; четыре месяца спустя после длительных переговоров войска отвели и из этих районов.

В результате Синайской кампании ООН создала миротворческие силы, задача которых заключалась в обеспечении достижения двух целей Израиля. Во-первых, Израиль потребовал гарантий того, что эти силы не будут выведены

до достижения мира, но Хаммаршельд отклонил это требование. Он утверждал, что присутствие миротворческих сил на египетской земле требует согласия Египта. Если египтяне захотят, чтобы они ушли, им придется подать запрос в ООН, но их суверенитет над египетской территорией не должен ограничиваться. После чрезвычайно жестких переговоров и угрозы санкций ООН против Израиля, поддерживаемых США, между Израилем и Америкой были выработаны неофициальные договоренности. Соединенные Штаты признали право Израиля на свободу прохода в Эйлатском заливе и согласились с тем, что в случае его нарушения Израиль сможет осуществить свое право на самооборону. Во-вторых, Израиль также потребовал демилитаризации Синайского полуострова и запрета повторного размещения там египетской армии. Эти два требования были неофициально приняты США. Третье требование Израиля о том, чтобы Египет не возвращал себе контроль над сектором Газа, так и не было выполнено; египетский губернатор вошел в Газу сразу после вывода ЦАХАЛа.

На первый взгляд Израиль вышел из Синайской кампании без каких-либо реальных достижений. Мировое общественное мнение резко критиковало операцию на Суэцком полуострове, которая была воспринята как последняя попытка двух слабеющих держав восстановить свое влияние на Ближнем Востоке. Израиль поучаствовал третьей стороной этого неудачного сговора. Израиль не получил требуемых га-

рантий взамен отвода войск; вместо того Соединенные Штаты дали лишь половинчатые неформальные обещания. Египет снова контролировал Газу, и присутствие миротворческих сил ООН в секторе Газа и Шарм-эль-Шейхе зависело от доброй воли Египта. Не был признан демилитаризованным и Синайский полуостров. Но на самом деле Синайская кампания стала поворотным моментом в положении Израиля как на Ближнем Востоке, так и в мире. Мощь и военный потенциал ЦАХАЛа убедили великие державы в том, что Израиль останется и не исчезнет с карты мира. Границы 1949 года, ранее считавшиеся предметом торга, теперь были установлены на глазах всего мира, который также согласился с позицией Израиля, что отступать от них он не собирается. Несмотря на то что Насер заявлял о своей победе, он полностью осознавал, что его армия проявила слабость в Синайской кампании.

В течение следующего десятилетия граница Израиля и Египта оставалась в целом спокойной. Федаины прекратили набеги из Газы, и там не было массового присутствия египетской армии. Хотя египтяне формально не соглашались демилитаризовать Синайский полуостров, на самом деле они не размещали там бронетанковые войска. Насер был занят созданием Объединенной Арабской Республики (ОАР) с Сирией – союза, который в конечном итоге потерпел неудачу, – а также подрывной деятельностью в Иордании и других прозападных государствах в регионе. В 1960 году фактическая

демилитаризация Синай подверглась проверке, когда Насер перебросил значительные танковые и пехотные силы (500 танков и 50 000 солдат) в Восточный Синай. ЦАХАЛ был застигнут врасплох, но после частичной мобилизации резервов ему удалось развернуть силы из нескольких сотен танков и пехотинцев, чтобы противостоять египетским силам (операция «Ротем»). Это противостояние держалось в секрете, что позволило Насеру вывести свои войска без ущерба для престижа. Его решение уйти подтвердило, что Синай фактически демилитаризован. Эйлатский залив оставался открытым для израильских судов, что в течение следующего десятилетия помогло укрепить отношения Израиля с азиатскими и африканскими государствами. Порт Эйлат имел первостепенное значение, так как туда поступала нефть из Ирана, основного источника топлива для Израиля, и, следовательно, был жизненно важным пунктом его экономики и безопасности.

Хотя Синайская кампания не принесла Израилю реальных территориальных выгод или официальных гарантий, десятилетие относительного спокойствия, возникшее в результате новой реальности, созданной кампанией, сделало возможным развитие экономики и абсорбцию иммигрантов. Сложные переговоры, последовавшие за кампанией, вызвали сдвиг в международном общественном мнении и позициях держав, которые принесли свои плоды позже, когда Израиль столкнулся с трудными решениями накануне Шести-

дневной войны и после нее. Хотя Соединенные Штаты не обеспечили Израилю никаких реальных гарантий, они дали одно половинчатое обещание, что Израилю будет выгодно пойти на уступки и уйти. По мере того как Соединенные Штаты все активнее участвовали в этом регионе – ссылаясь на доктрину Эйзенхауэра и осуществляя военное вмешательство в 1958 году против радикальных повстанцев в Ливане, – Израилю отводилась роль союзника, хоть и пассивного. Радикализация арабских государств, о чем свидетельствует создание ОАР (1958–1961), революция в Ираке и приход к власти Абделя Керима Касема, а также непрекращающиеся угрозы Насера режиму в Иордании продемонстрировали статус Израиля как островка стабильности в регионе, чье присутствие в качестве молчаливого сторонника западных государств, таких как Иордания и Ливан, помогло им противостоять попыткам подрыва государственной власти. В 1958 году Израиль согласился на запрос Великобритании о разрешении полетов британских парашютистов в Иорданию через воздушное пространство Израиля; этот договор отразил новый статус Израиля. Израиль был полон решимости защищать хашимитский режим в Иордании; если он будет свергнут, Израилю придется завоевать Западный берег. «Мы три раза в день молимся за безопасность и успех короля Хусейна»¹⁹¹, – заявила министр иностранных дел Голда Меир

¹⁹¹ Доклад министра иностранных дел Великобритании о его переговорах с Голдой Меир, PRO, FO 371/134348, цит. по: *Bar-On M. Status quo lifnei – o aharei?*

своему британскому коллеге Селвину Ллойд.

Подъем панарабского движения во главе с Насером обеспокоил неарабские государства региона. Сразу после революции в Ираке Турция стремилась укрепить свои связи с Израилем, а израильтяне пытались уравновесить арабскую власть в регионе с помощью «Периферийного альянса», в который входили Эфиопия, Иран и Турция. Это не был настоящий союз, но двустороннее сотрудничество между Израилем и этими странами было жизненно важным для безопасности морских путей к Израилю и поставок нефти, в которой он нуждался.

В течение этого мирного десятилетия Франция оставалась одновременно важным союзником и основным поставщиком оружия Израилю. Бен-Гурион прекрасно понимал, что подобное сотрудничество временно и закончится с окончанием войны в Алжире. У Франции были как исторические, так и текущие интересы в арабских государствах, особенно в Сирии и Ливане, и эти связи противоречили ее отношениям с Израилем. В 1962 году генерал Шарль де Голль решил оставить Алжир, после чего отношения Израиля с Францией повисли в воздухе; израильское руководство знало, что это рано или поздно случится. Тем не менее до 1967 года Франция оставалась основным поставщиком оружия Израилю. Изра-

He'arot parshanut limdiniut habitahon shel Yisrael, 1949–1958 (Статус-кво до или после? Комментарии к оборонной политике Израиля, 1949–1958 гг.) // Yuunim bitkumat Yisrael (Исследования израильского и современного еврейского общества: ишув и Государство Израиль). Vol. 5. Sdeh Boker, 1995. P. 108.

иль получал в том числе и американское оружие через Западную Германию, а также ракеты Hawk напрямую из Соединенных Штатов – историческое решение, принятое президентом Кеннеди, снявшее де-факто американское эмбарго на поставки оружия Израилю. Тем не менее зависимость ВВС Израиля от французских самолетов Mirage превратила эти самолеты в национальный символ Израиля. Кроме того, Франция помогла Израилю создать ядерный объект недалеко от Димоны, предприятие, в которое Израиль вложил ресурсы и технологии в надежде уравновесить большую демографическую и территориальную мощь соседей. Попытки администрации Кеннеди остановить строительство израильского ядерного объекта потерпели неудачу, и Израиль сохранял политику двусмысленности в отношении собственного ядерного потенциала, предоставив притом гарантии, что он не станет первым государством, применившим ядерное оружие на Ближнем Востоке.

Между Израилем и Западной Германией сложились уникальные отношения. С одной стороны, память о Холокосте и его роли в формировании израильской идентичности с годами глубже укоренилась. История взаимоотношений между еврейским народом и Германией жила в сознании израильтян. С другой стороны, в те годы лишь немногие страны протянули руку помощи Израилю, и среди тех, кто это сделал, особенно заметной была Западная Германия. Отношения начались с плана репараций, к чему, как уже отмечалось,

в Израиле было крайне неоднозначное отношение. Израильское правительство пыталось избежать прямых переговоров с немцами, обращаясь с требованием о возмещении ущерба за нацистские злодеяния к западным оккупационным правительствам. Но в октябре 1950 года оккупационные силы союзников сообщили Израилю, что состояние войны с Германией закончилось, и представили израильтян непосредственно немецким властям, которые были готовы вести тайные переговоры. В качестве предварительного условия Израиль потребовал от правительства Германии заявления о признании коллективной вины немецкого народа в Холокосте. В проекте, на который в конце концов согласилась Германия, говорилось о виновности *большинства* (выделено автором) немецкого народа в Холокосте и его обязанности выделить еврейскому народу моральную и финансовую компенсацию в соответствии с возможностями Западной Германии.

Была созвана Claims Conference (Комиссия по еврейским материальным искам к Германии), чтобы представлять мировые еврейские организации, согласившиеся позволить Израилю взять на себя инициативу. Нахум Гольдман, президент Всемирного еврейского конгресса, вел основные переговоры с канцлером Западной Германии Конрадом Аденауэром. Последовала шумиха по поводу того, следует ли Израилю вести прямые переговоры с Германией, но в конце концов Кнессет принял решение санкционировать их. В Германии была создана неофициальная израильская миссия, а в

сентябре 1952 года в Люксембурге было подписано первое соглашение о репарациях. Это соглашение, которое реализовывалось в течение 12 лет, легло в основу медленного, но уверенного развития отношений между двумя странами. Помимо моральной составляющей, соглашение спасло Израиль от глубокого экономического и финансового кризиса. Оно поддерживало развитие и строительство инфраструктуры и предоставляло средства на оплату топлива и других жизненно важных ресурсов.

Чтобы не поставить Аденауэра в неловкое положение во время процесса над Эйхманом в 1961 году, Бен-Гурион постарался не упоминать Ганса Глобке, доверенного помощника канцлера Германии, который был причастен к составлению расистских Нюрнбергских законов во времена нацизма. В начале 1960-х годов «Моссад», возглавляемый Иссером Харелем, сообщил, что в Египте находятся немецкие ракетные эксперты. Хотя министр иностранных дел Меир была встревожена, Бен-Гурион преуменьшил опасность их деятельности (и в конце концов оказался прав). Отношения с Германией продолжали развиваться; именно Германия служила перевалочным пунктом для поставки в Израиль американских танков, ранее используемых НАТО. Всякий раз, когда разоблачались связи с Германией – например, когда немцы продавали оружие Израилю или наоборот, – в Израиле вспыхивали новые возмущения и происходил правительственный кризис. Тем не менее благодаря этой модели от-

крытых кризисов и скрытого сотрудничества особые отношения между двумя странами продвинулись вперед.

В 1960 году произошла историческая встреча Давида Бен-Гуриона и канцлера Аденауэра, ставшая символом народов, возрождающихся из тени ужасного прошлого. Эти два великих человека, оба на закате своих лет, встретились в отеле Waldorf Astoria в Нью-Йорке, месте, столь далеком от истории былых времен. Там была достигнута договоренность между Германией и Израилем о секретной поставке оружия. Когда об этом стало известно в 1965 году и привело к кризису в отношениях между Египтом и Германией, правительство Германии решило прекратить поставки оружия Израилю, но в то же время установить дипломатические отношения с израильтянами, в результате чего связи двух стран стали более тесными. Поскольку Германия занимает центральное место в Европе и НАТО, отношения Израиля с ней имели особое значение.

Вода, развитие страны и политика

С самого начала одной из наиболее острых проблем Израиля была вода. Еще до образования государства известный специалист по охране почв профессор Уолтер С. Лоудермилк разработал план транспортировки воды из северных источников в засушливый Негев. Израильский инженер-гидротехник Симха Бласс предложил аналогичный план. До ос-

нования государства такие планы казались утопическими; у них было мало шансов на реализацию. После 1948 года начали разрабатываться крупномасштабные схемы по переброске воды из Галилейского моря и реки Иордан. Река Иордан и ее истоки (реки Банияс, Хацбани (Хасбани) и Дан), а также ее приток Ярмук служили частью водосбора долины реки Иордан и протекали через четыре страны: Ливан, Сирию, Иорданию и Израиль. Распределение прав на воду между четырьмя странами потенциально могло открыть путь для заключения мирного договора и сотрудничества или стать поводом для враждебных действий и войны. Большей частью события развивались неблагоприятным образом. Поскольку планы водоснабжения способствовали модернизации Израиля, что позволило бы ему принять гораздо больше иммигрантов и усилиться, арабские государства попытались воспрепятствовать им.

В начале 1950-х годов Израиль узнал о планах Ливана, Сирии и Иордании по эксплуатации вод Хацбани, истоком которых являются ливанский Хермон, Банияса, который течет из сирийского Хермона, и Ярмука на границе Иордании, Сирии и Израиля. Эти источники находились за пределами Израиля, поэтому ничто не могло препятствовать реализации этих планов. Как оказалось, эти планы так и не были превращены в жизнь. Тем временем Израиль приступил к проекту осушения озера Хула, намереваясь отклонить северный поток реки Иордан, а затем построить Всеизраильский водо-

провод из Галилейского моря в Негев. Попытки начать работы в демилитаризованной зоне, оспариваемой Сирией и Израилем, привели к вооруженным столкновениям с сирийцами, и Совет Безопасности ООН запретил Израилю работать там. Израиль продолжил проект осушения Хулы в другом месте, а тем временем его представители вели длительные переговоры о разделе права на использование воды со своими сирийскими коллегами в комиссии по перемирию, но переговоры закончились неудачей.

В то же время Сирия и Иордания приступили к совместному проекту по эксплуатации вод реки Ярмук, которая впадает в Иордан к югу от Галилейского моря. Они получили в основном американское финансирование, чтобы построить дамбу на общей границе. Израиль пытался по дипломатическим каналам отговорить американцев от финансирования этого проекта, в котором Израиль не имел доли, хотя у него были права на водные ресурсы Ярмука, впадающие в Иордан. Американцев убедили отказаться от поддержки. Очередная попытка Израиля отвести воды Иордана в демилитаризованной зоне, недалеко от моста Дочерей Иакова, вызвала протест Сирии в Совете Безопасности ООН. Под давлением ООН и США, угрожавших введением экономических санкций, Израиль прекратил работы над этим проектом.

До 1953 года усилия Израиля по эксплуатации вод бассейна Иордана были односторонними. Усвоив уроки обеих своих неудач, Израиль теперь попытался действовать через ини-

циативы, получившие международное одобрение, прежде всего со стороны Соединенных Штатов. Американцы надеялись, что программа развития в интересах всех государств региона, которую они частично финансируют, устранил враждебность между арабами и Израилем и приведет к миру. Программа также была разработана для помощи в расселении и реабилитации арабских беженцев в Иордании. Эрик Джонстон был американским посланником, ведущим переговоры по этой программе, в основе которой лежал план раздела вод Иордана и прилегающих рек. Ярмук был обозначен как арабская река, часть вод которой была отведена Израилю. Иордан должен был быть израильским, а часть его вод была отведена Иордании. Ярмук и Банияс предназначались исключительно для орошения земель на иорданском берегу Иорданской долины. Предполагалось, что основным резервуаром региона станет Галилейское море, воды которого будут разделены следующим образом: 60 % Иордании, 30 % Израилю и 5 % Сирии. Планировалось строительство двух гидроэлектростанций: одна в Иордании, а другая в Израиле.

Для Израиля эта программа имела несколько преимуществ. Во-первых, она означала признание арабами прав Израиля на водные ресурсы и косвенное признание существования Израиля как политического образования. Во-вторых, она предусматривала – как надеялись американцы – возможность снижения уровня враждебности арабов, а также частичное решение вопроса беженцев. Наконец, Израиль наде-

ялся, что Соединенные Штаты щедро профинансируют проект. Таким образом, Израиль был готов проглотить обиду и поделиться с Иорданией и даже с Сирией. Однако его арабские соседи смотрели на вещи иначе. Сирия и Ливан не нуждались в иорданских водах. Они могли удовлетворять свои потребности из других источников, без необходимости признания права Израиля на существование. Иорданцы нуждались в воде, поставляемой в рамках программы развития, но не осмеливались в одностороннем порядке приступить к осуществлению плана, включающего признание Израиля. Таким образом, программа Джонстона осталась лишь на чертежной доске. В течение следующих нескольких лет Израиль, наказанный прошлым опытом, следовал схеме, изложенной в программе. Так же поступила Иордания, которая построила канал Восточный Гхор, по которому вода направлялась в долину восточнее реки Иордан, что впервые позволило создать сельскохозяйственные поселения в этой засушливой местности. Эти две страны тайно сотрудничали в области водоснабжения, и это сотрудничество, вместе с умеренным поведением Израиля, принесло свои плоды, когда Израиль решил построить Всеизраильский водопровод в 1956 году, а Иордания не препятствовала этому.

После завершения строительства Всеизраильский водопровод начинался в Галилейском море и протянулся примерно на 130 километров до Рош-ха-Аина, где соединялся с системой Яркон – Негев, которая была проведена ранее до

Мицпе-Рамона на плато Негев (см. карту 6). Водопровод был самым важным предприятием для развития Израиля и открывал возможности для освоения пустыни Негев. По этой причине арабские государства были против его строительства. Бен-Гурион полагал, что они предпримут «третий раунд», чтобы помешать строительству, но этого не произошло.

В начале 1960-х Насер был втянут в гражданскую войну в Йемене. Его поддержал Советский Союз, а другую сторону – поддерживаемая США Саудовская Аравия. Когда 50 000 египетских солдат погрязли в том, что было названо «египетским Вьетнамом», Насер не мог ввязаться в войну с Израилем. Его влияние уменьшилось после отделения Сирии от ОАР в 1961 году. Затем в 1963 году левая партия Ва'ath («Баас») захватила власть в Сирии. Египет отказался признать легитимность нового режима, лидеры которого участвовали в аннулировании сирийско-египетского союза, и не установил с ним дипломатических отношений. С целью создать ситуацию, которая заставит Насера заговорить с ним, баасистский режим объявил, что пойдет войной против Израиля, чтобы помешать ему использовать водопровод. Чтобы сорвать сирийскую авантюру, в начале 1964 года Египет созвал саммит Лиги арабских государств, на котором было решено отвести два притока Иордана (Хацбани и Банияс) и лишить водопровод источников воды. Отвод воды будет произведен на сирийской и ливанской земле, при этом нефте-

добывающие государства предоставят финансирование. Эти межарабские соглашения также предусматривали совместное военное командование во главе с Египтом.

С этого времени Сирия играла ведущую роль в разжигании войны на Ближнем Востоке. Земляные работы по отводу притоков Иордана проводились в пределах досягаемости израильских танков. Израильцы провоцировали столкновения в демилитаризованных зонах, и каждый раз, когда сирийцы открывали там огонь по израильским сельскохозяйственным рабочим, Израиль в ответ уничтожал землеройное оборудование. Сирийцы, в свою очередь, ответили сильным артобстрелом населенных пунктов в долине реки Иордан, и поселенцы вынуждены были привыкнуть к жизни в бомбоубежищах. Позиция сирийцев на Голанских высотах давала им явное преимущество в нападении на поселения, расположенные в долине внизу. Израильской артиллерии не всегда удавалось достать сирийские батареи. В какой-то момент против сирийской артиллерии были развернуты израильские ВВС. Эта ситуация, по своей сути близкая к войне, усугубилась еще больше, поскольку сирийцы хотели создать кризис, который вынудил бы Египет прекратить политический бойкот режима Ва'ах и прийти на помощь Сирии. Советы считали режим Ва'ах в большей степени просоветским, чем Насера, который скрупулезно защищал свою независимость, даже несмотря на то, что Советы предоставили оружие и другую военную помощь для операции в Йемене и даже профи-

нансировали строительство Асуанской плотины, жемчужины в его короне. Столкновения между Сирией и Израилем из-за отвода притоков реки Иордан вошли в историю Израиля как «Война за воду».

В 1959 году с основанием ФАТХа, которая ориентировалась на террористическую деятельность на территории Израиля, еще одно неизвестное вошло в это сложное уравнение. После 1948 года палестинцы практически исчезли с политической карты Ближнего Востока. Иордания взяла под свой контроль Западный берег и, поскольку в этом районе проживают палестинцы, заявила, что представляет и палестинцев. Фактически она «иорданизировала» Западный берег, подчеркивая иорданскую идентичность в ущерб палестинской. Создание ФАТХа было призвано бросить вызов Израилю и вернуть в международную повестку дня требование палестинцев заменить израильское государство палестинским. Нанося удар по Израилю, ФАТХ намеревалась привлечь внимание международного сообщества к палестинской проблеме. Но это также бросило вызов Иордании, под контролем которой проживало большинство палестинцев. После саммита ЛАГ 1964 года под руководством Ахмада Шукейри была основана Организация освобождения Палестины (ООП), представляющая палестинцев, являющаяся зонтичной для палестинских организаций, включая ФАТХ. Насер поддержал Шукейри.

База ФАТХа находилась в Сирии, что, как мы видели,

привело к обострению напряженности в регионе. После 1964 года Сирия призвала ФАТХ нанести удар по Израилю. Первый удар ФАТХа был нанесен по сооружениям Всеизраильского водопровода. Хотя террористы вышли из Сирии, они проникли на территорию Израиля из районов, контролируемых Иорданией. Летом 1966 года радикальное крыло партии Ва'аth захватило власть в Сирии, что усилило напряженность на границе. Израиль знал, откуда террористы начали свои атаки, но не мог действовать против сирийцев, отчасти из-за советской поддержки баасистского режима. Израиль продолжал перестрелки с Сирией в долине реки Иордан и на Голанских высотах. В ноябре 1966 года после инцидента, в ходе которого были убиты три солдата ЦАХАЛа, Израиль в ответ провел крупномасштабную дневную наземную операцию против деревни Самуа к востоку от горы Хеврон. Был разрушен 41 дом, иорданские солдаты и мирные жители были убиты.

Израильское правительство во главе с Леви Эшколем – одним из наиболее умеренных политиков в истории государства – одобрило операцию, несмотря на данные, что, хотя следы террористов вели к горе Хеврон, люди, которые их послали, находились в Дамаске. Он надеялся, что операция побудит короля Хусейна принять меры против активистов ФАТХа. Но результат был противоположным. Палестинское общественное мнение в Иордании сочло режим неспособным защитить палестинских граждан и было воз-

мущено этим. На Западном берегу прошли демонстрации с применением насилия, поставившие под угрозу правление династии Хашимитов. Нападки на Хусейна, которого считали одновременно прозападным и в то же время противником радикальных режимов Египта, Ирака и Сирии, достигли новых высот. Наряду с этим из-за воздушных операций ЦАХАЛ против сирийских позиций возросла напряженность на севере Израиля. В апреле 1967 года между израильскими и сирийскими истребителями произошел воздушный бой, который начался над Голанскими высотами и закончился над Дамаском. Шесть сирийских самолетов были сбиты, а все израильские самолеты благополучно вернулись на базу после победного рейда в небе над Дамаском.

Израильская общественность не знала о межарабской политике и попытках сирийского правительства заставить Насера признать и поддержать «Баас». Десять лет относительного спокойствия без угроз существованию их страны заставили израильтян надеяться, что эпоха конфликта миновала и приближается время мира. В 1965 году президент Туниса Хабиб Бургиба сделал несколько заявлений в поддержку признания права Израиля на существование в границах 1947 года. Его заявления вызвали бурю негодования в Лиге арабских государств, которая их категорически отвергла. Но для израильтян то был первый признак трещины в стене враждебности арабов. Хотя Израиль не был готов отступить к границам 1947 года, сам факт, что крупный арабский

лидер поднял вопрос о примирении, стал воодушевляющей новостью.

Эйби Натан, яркий представитель тель-авивской богемы, летчик, репатриировался в Израиль в 1948 году и пошел добровольцем в военно-воздушные силы. В марте 1966 года, объяснив, что на него повлиял призыв Бургибы к миру, Натан организовал петицию с призывом к израильским и египетским лидерам встретиться лицом к лицу и решить проблемы между двумя государствами, о чем он планировал сообщить египетскому президенту. Петицию подписали 70 000 человек, в том числе значительное количество израильских арабов. Натан вылетел на легком самолете в Каир через Кипр. Когда ошибочно сообщили, что его самолет разбился при посадке, вся страна затаила дыхание. В конце концов миссия Натана провалилась, поскольку Насер отказался его принять, но по возвращении домой он был встречен как герой. Мирная инициатива Эйби Натана была наивна, однако выражала стремление израильских граждан к миру.

IV

1967–1977

Десятилетие войны

13

Шесть дней, изменившие

Ближний Восток

Шестидневная война, которую арабы называли «июньской войной», – еще один в череде полномасштабных вооруженных конфликтов, известных только по датам в арабской историографии, разразилась без всякого предварительного умысла с обеих сторон, никто даже и не предполагал, что это произойдет. Вот он, пример ослабления безопасности в результате потери контроля, неизбежно приводящий к столкновению. Эта война также выявила ограниченность военной разведки, неудачи дипломатии и то обстоятельство, что выбор, сделанный лидерами в решающие моменты, определяет ход истории.

Каждые 19 лет еврейский и григорианский календари совпадают. В 1967 году прошло 19 лет с основания государства, и День независимости, который всегда отмечается пятого ия-

ра, приходился на 15 мая, как и в 1948 году. Ежегодный парад Армии обороны Израиля проводился каждый год в разных городах, и в 1967 году настала очередь Иерусалима принимать гостей. Поскольку соглашения о перемирии запрещали ввод тяжелого вооружения в Иерусалим, ЦАХАЛ не демонстрировал свою бронетехнику, и парад прошел скромно. Во время шествия зрители заметили, что главе администрации Ицхаку Рабину была вручена записка, которую он передал премьер-министру Леви Эшколю. В ней говорилось, что египетские бронетанковые части вошли в Синай.

Эта новость явилась звеном в цепи событий, откованной несколькими днями ранее. Все началось с того, что Советы передали Сирии и Египту разведывательные данные: Израиль сосредоточил 12 бригад на севере Израиля и собирается атаковать Сирию. В то время у Израиля не было планов подобной атаки и не было сосредоточения сил на севере. Но русские отказались слушать опровержения израильтян. Эшколь тщетно пытался уговорить советского посла посетить Северную Галилею и лично убедиться, что там не собирались никакие силы. Источники американской разведки также отрицали присутствие израильских штурмовых сил на сирийской границе. Но русские настаивали, утверждая, что Израиль планировал атаковать Сирию и свергнуть баасистский режим. Даже отсутствие бронетанковых частей на параде ЦАХАЛа было истолковано как свидетельство того, что они скрывались где-то вдоль северной границы.

На вопрос, почему СССР передал эту вводящую в заблуждение информацию, пока нет адекватного ответа. Ясно, что ситуация на северной границе обострилась по сравнению с предыдущим годом из-за попыток Сирии перенаправить источники воды Иордана, следовавших за этим рейдов Израиля и действий ФАТХа, поддерживаемых Сирией. Все эти события вызвали подозрения Сирии и Советского Союза, что от Израиля последует широкомасштабный ответ. Советы считали радикальное баасистское правительство своим самым преданным союзником в регионе, и забота о его судьбе побудила Россию мобилизовать для него помощь Египта. В 1966 году был подписан египетско-сирийский пакт о взаимной обороне, и теперь Насеру пришлось выполнить свою часть соглашения.

Насер оказался в сложной ситуации. Большая часть его армии завязла в Йемене, а статус Насера как бесспорного панарабского лидера снизился после распада ОАР. Прекращение американской помощи привело к экономическим трудностям в тылу. После израильской операции 1966 года в Самуа Насер настроил палестинцев против короля Хусейна. Теперь у короля была возможность ответить взаимностью. Он утверждал, что Насер скрывался за миротворческими силами ООН в Шарм-эль-Шейхе и в секторе Газа, вместо того чтобы прийти на помощь своим арабским собратьям. Это иорданское требование соответствовало требованиям высших эшелонов египетской армии о высылке Чрезвычайных

вооруженных сил ООН (ЧВС ООН) и снятии ограничений, на которые Египет неофициально согласился, когда израильтяне эвакуировались с Синая в 1957 году. Армия заверила Насера, что сможет выдержать конфронтацию с ЦАХАЛом и победить его. Теперь, когда Советы говорили, что Израиль угрожает Сирии, Насер чувствовал, что должен принять меры. Его первым шагом была отправка египетских бронетанковых войск на Синай. Именно об этом и говорилось в сообщении, переданном Рабину на параде Армии обороны Израиля.

Следующие три недели вошли в израильский лексикон как «период ожидания». Сначала израильтяне надеялись, что это нарушение фактической демилитаризации Синая может быть разрешено с помощью тихой дипломатии и сдержанных боевых действий, что позволит Насеру отозвать свои силы, не теряя престижа, как это произошло в начале 60-х годов в ходе операции «Ротем». Но на этот раз вступление египетской армии на Синай сопровождалось огульной пропагандой, распространяемой арабскими СМИ, чтобы усилить эффект военных действий и подчеркнуть их важность. О тихом уходе египтян не могло быть и речи. Следующий шаг явился естественным продолжением первого. Насер потребовал от Генерального секретаря ООН эвакуировать ЧВС ООН из сектора Газа, Синая и Тиранского пролива. Генеральный секретарь У Тан, который не участвовал в переговорах 1957 года – и сомнительно, чтобы он осозна-

вал всю сложность ситуации, — объявил, что ЧВС ООН будут немедленно выведены. Позже дискуссия сосредоточилась на том, имел ли Насер в виду полный вывод ЧВС ООН или просто передислокацию дальше от линии фронта. Но решающим фактом стало то, что эти районы находились под суверенитетом Египта, и присутствие ЧВС ООН там зависело от согласия Египта. После того как это согласие было отозвано, у ЧВС ООН не было никаких юридических оснований, чтобы остаться.

Быстрое согласие У Тана на вывод ЧВС ООН вынудило Насера предпринять дальнейшие действия; было немыслимо, чтобы египетские войска сидели в Тиранском проливе и позволяли беспрепятственно проходить судам под израильским флагом или идущим в Израиль. 23 мая Насер объявил о блокаде проливов — неизбежном итоге эвакуации ЧВС ООН. Все достижения израильской Синайской кампании были аннулированы за восемь дней. Престиж Насера был высок как никогда — все его предыдущие неудачи оказались теперь забыты, и он приобрел статус паладина, борющегося за панарабское дело, которое устранил израильское присутствие на Ближнем Востоке. В арабских странах от Северной Африки до Ирака СМИ превозносили триумф Насера и предсказывали сионистскому образованию неминуемый конец. На улицах арабских столиц прошли бурные митинги в поддержку Насера под лозунгами, призывающими его сбросить евреев в море.

Израиль был не вполне свободен от ответственности за создание напряженности. Примерно за месяц до Дня независимости столкновения с сирийцами на северной границе обострились в результате того, что сирийские самолеты в воздушном бою над Голанскими высотами были сбиты. В последующие недели произошло более десяти инцидентов с участием террористов ФАТХа из Сирии. Накануне Дня независимости премьер-министр Эшколь и глава администрации Рабин сделали заявления, которые прозвучали как угрозы Сирии. Эти заявления по существу не отличались от заявлений, сделанных в прошлых речах в День независимости, но сирийцы истолковали их как обещание широкомасштабных рейдов со стороны Израиля в ответ на поддержку сирийскими войсками партизанских действий ФАТХа против Израиля. Когда начался период ожидания, в действиях правительства Израиля проявились растерянность и слабость, что способствовало усилению напряженности и убедило египтян в том, что они могут пойти на крайние меры, не опасаясь реакции Израиля.

После ухода с Синая и из проливов в 1957 году Израиль определил блокаду как *casus belli*¹⁹². Теперь правительство во главе с Леви Эшколем искало способ открыть Тиранский пролив, не прибегая к силе. В то же время он искал союзников среди западных держав на случай, если Израиль подвергнется нападению Египта или будет вынужден вступить в

¹⁹² Повод к войне (лат.).

войну. Главным возможным союзником представлялись Соединенные Штаты. В 1957 году американцы не взяли на себя обязательство держать Тиранский пролив открытым в качестве международного водного пути, но признали право Израиля на самооборону, если Египет закроет пролив. Теперь были предприняты масштабные дипломатические усилия, чтобы предотвратить начало войны, которая могла бы привести к конфронтации между двумя сверхдержавами. Восточный блок, возглавляемый Советским Союзом, считал победу Насера своей собственной и требовал, чтобы Израиль признал потерю своих достижений 1957 года. Однако западные страны не проявили решимости. Президент Франции Шарль де Голль, воспользовавшись этой возможностью, чтобы вернуть Франции статус великой державы, потребовал переговоров между четырьмя державами. В то же время он предупредил, что Израиль не должен вступать в войну, и объявил эмбарго на поставки оружия на Ближний Восток – шаг, в основном затронувший Израиль, который был оснащен французским оружием и нуждался в запасных частях. Президент США Линдон Б. Джонсон был другом Израиля и в 1957 году, еще будучи сенатором США, выступал против давления администрации Эйзенхауэра на Израиль. Но теперь он погряз в войне во Вьетнаме, столкнувшись с ожесточенным противодействием этой ужасной войне дома, и последнее, в чем он был заинтересован, – это еще один фронт.

Обеспокоенность противостоянием сверхдержав усили-

лась. В течение первых недель ожидания Израиль не получил той поддержки, на которую он рассчитывал, со стороны Соединенных Штатов, американцы сосредоточились на том, чтобы удержать израильтян от нападения и предотвратить эскалацию боевых действий на Ближнем Востоке. Израильтяне стремились заполучить две гарантии: что не будет повторения американского давления 1957 года и что в случае начала войны Соединенные Штаты предотвратят советское военное вмешательство. Американская администрация предложила план «Регата», согласно которому международная флотилия прорвет блокаду и обеспечит свободу прохода через пролив. Но быстро выяснилось, что ни одна страна не готова послать военно-морские корабли для участия в такой операции. Вместо этого было предложено, чтобы Международный суд в Гааге провел тщательное, продолжительное слушание, а затем вынес решение, является ли пролив международным водным путем или египетскими территориальными водами, как утверждали египтяне. Это решение обеспечило бы Египту победу без единого выстрела. Сдерживающий потенциал Израиля был теперь мертв, поскольку две «красные линии» его политики – демилитаризация Синая и сохранение Тиранского пролива открытым – были перечеркнуты без участия Израиля. Тем временем ЦАХАЛ мобилизовал свои резервы. Две армии столкнулись друг с другом вдоль египетской границы. Для израильтян такая ситуация была неприемлемой; весь ритм нормальной жизни

был дестабилизирован, экономическая активность была заморожена, а напряжение достигло предела.

Теперь Израиль переживал трудные времена. Безумие, охватившее арабские государства, угрозы уничтожения, которые с утра до ночи звучали из арабских СМИ, особенно по радио и телевидению (у Израиля еще не было собственной телевизионной сети, но транслировались арабские передачи), создали атмосферу как накануне Холокоста: снова собирались уничтожить евреев. Председатель ООП Ахмед Шукейри заявил: «В случае большого пожара никакие евреи не выживут»¹⁹³. Снова громко и ясно прозвучали разговоры о Второй мировой войне, поскольку израильтяне восприняли очевидно нейтральную позицию западных стран как отказ от своего слабого союзника, оставление его во власти агрессора. Снова и снова комментаторы сравнивали Израиль с Чехословакией, которую западные державы сдали нацистам после подписания Мюнхенского соглашения. Французский еженедельник *L'Express* опубликовал заголовок «Mourir pour Akaba?» («Умереть за Акабу?»), вызывая ассоциации с заголовком «Умереть за Данциг?», который появился накануне Второй мировой войны. Ответ заключался в том, что нель-

¹⁹³ Mourir pour Akaba // *L'Express*, June 5–11, 1967. P. 15. Цит. по: Kedar B. Milkhamot kenekudot mifne bahistoria (Войны как поворотные моменты в истории) // *Shisha yamim – shloshim shana: mabat hadash al milkhemet sheshet hayamim* (Шесть дней – тридцать лет: новые взгляды на Шестидневную войну) / Ed. A. Susser. Tel Aviv, Am Oved, and the Yitzhak Rabin Center for Israel Studies, 1999, p. 25.

зя рисковать развязыванием мировой войны ради Израиля. 3 июня 1967 года британский журнал *Economist* заявил:

Простой факт заключается в том, что у нас нет честного призыва к борьбе с арабами, потому что они на один шаг, тем не менее очень важный, обошли Израиль. Запад желает сохранить Израиль как жизнеспособное государство и будет бороться, если тому станет угрожать опасность. Но потеря тех достижений, которые завоевал Израиль во время кампании на Синае (чему способствовали англо-французские действия в Суэце), не то же самое, что разгром Израиля... Израильяне больше не спорят с позиции очевидной силы... Президенту Насеру приходится выбирать роль между местным арабским Бисмарком и государственным деятелем, претендующим на мировой статус. У израильтян выбор гораздо меньший и более мрачный – схватить мяч мира, если он когда и будет брошен им¹⁹⁴.

Глубокая, почти осязаемая тревога охватила народ Израиля. Сотни тысяч израильтян либо пережили Холокост, либо потеряли в нем своих близких. Суд над Эйхманом за несколько лет до этого усугубил осознание всеми израильтя-

¹⁹⁴ Can Nasser Make Peace? // *Economist*, June 3, 1967. P. 994–995. Цит. по: *Kedar Benjamin*. Milkhamot kenekudot mifne bahistoria (Войны как поворотные моменты в истории) // *Shisha yamim – shloshim shana: mabat hadash al milkhemet sheshet hayamim* (Шесть дней – тридцать лет: новые взгляды на Шестидневную войну) / Ed. A. Susser. Tel Aviv, Am Oved, and the Yitzhak Rabin Center for Israel Studies, 1999, p. 25–26.

нами Холокоста, а вместе с ним и страха уничтожения. По слухам, в приближающемся конфликте должны были погибнуть десятки тысяч человек, а ужас воздушных налетов на населенные пункты усилил чувство беспомощности и страха. Слабая реакция западных держав и воинственные, высокомерные, торжествующие голоса арабских государств создавали ощущение изоляции и осады. Единственным союзником, который безоговорочно поддерживал Израиль, был еврейский народ. В течение первых двух недель ожидания американские евреи не осознавали, что это настоящий кризис. Затем арабские угрозы самому существованию Израиля стали мало-помалу проникать в их сознание. «Будет ли еще один Освенцим, второй Дахау, еще одна Трешлинка?» – задавался вопросом философ Абрам Иешуа Хешель¹⁹⁵. Мобилизация в поддержку Израиля была необычайной. Такого теплого и недвусмысленного выражения самоотождествления и поддержки народа Израиля со стороны американского и европейского еврейства не было с 1948 года. Поддержка принимала форму пожертвований, призывов об оказании помощи, митингов и попыток политического давления, особенно в Вашингтоне. Еврейская солидарность была трогательной и особенно заметной, учитывая холодное отношение к Израи-

¹⁹⁵ *Urofsky M. L. We Are One: American Jewry and Israel. Garden City: 1978, p. 350. Цит. по: Kaufman M. Hashpa'at milhemet sheshet hayamim al hitpathuta shel hamagbit hayehudit hameuhedet (Влияние Шестидневной войны на развитие Объединенного еврейского призыва) // Yahadut Zemanenu (Современный иудаизм). Vol. 9. Jerusalem, 1995, p. 210.*

лю со стороны остального мира.

Настроения в армии резко контрастировали с настроем общественности. Командование ЦАХАЛа не сомневалось, что сможет победить египетскую армию, особенно если атаковать первыми. Тем не менее, согласно оценкам, несмотря на то что сражение завершится победой Израиля, потери составили бы тысячи человек. Генеральный штаб ЦАХАЛа потребовал санкций начать войну, но правительство не смогло принять решение. Голосование, состоявшееся 27 мая, закончилось равенством голосов между сторонниками немедленных действий и теми, кто хотел, чтобы дипломатия шла своим чередом. Премьер-министр Леви Эшколь, выступавший за немедленные действия, не захотел принять такое роковое решение, отдав свой решающий голос, и был намерен выждать. Об этом он сообщил по радио 28 мая.

Это заявление, вошедшее в израильские предания как «заикающаяся речь», поскольку Эшколь не мог разобрать текст перед собой и запутался в своих словах, усилило и без того значительную напряженность в каждом израильском доме в тот вечер. Речь Эшколя продемонстрировала слабость, как и его заявление о продолжении ожидания. Общественное мнение Израиля, особенно в том виде, как его выражали средства массовой информации, утратило веру в лидерские способности премьер-министра именно в тот момент кризиса. С начала ожидания некоторые общественные деятели, в том числе лидер оппозиционной партии Менахем

Бегин, предложили вернуть Бен-Гуриона из его добровольной ссылки в Сде-Бокер. Но Бен-Гурион полагал, что Израиль не должен вступать в войну без какой-либо державы в качестве союзника, как это было в 1956 году. Он подверг критике начальника штаба Ицхака Рабина, который обратился к нему за советом, утверждая, что его воинственные заявления и мобилизация резервных частей на первом этапе ожидания (даже несмотря на то, что мобилизация была ограниченной) загонят Израиль в ловушку при неблагоприятных условиях. Он призвал укрепляться и выжидать.

Разрываясь между колеблющимся правительством и готовящимся к битве Генеральным штабом и задетый упреками Бен-Гуриона, начальник Генштаба пережил нервный срыв, и ему было приказано отдохнуть в течение 24 часов. Он вернулся к своим обязанностям 23 мая. После 28 мая под давлением общественности в политическую систему было направлено требование смены руководства, и члены кабинета призывали передать портфель оборонного ведомства (который Эшколь занимал помимо должности премьер-министра) кому-нибудь другому, у кого был опыт работы в сфере безопасности. Основным претендентом был Моше Даян, триумфатор Синайской кампании. В то же время Национальная религиозная партия (НРП) настаивала на расширении правительства за счет включения в него партии Gahal (Gush Herut-Liberalim, блок «Херут-Либералы», основанный в 1965 году) и Rafi (Reshimat Poalei Yisrael, Список рабочих Израи-

ля), которая отделилась от Мараі в результате «дела Лавона». Это было сделано 1 июня, вследствие чего сформировали «правительство национального единства». Менахем Бегин был назначен министром без портфеля, а Даян стал министром обороны.

30 мая король Хусейн вскочил на подножку панарабского национализма. Он осознал, что Сирия и Египет постоянно подрывали его режим, изображая короля пешкой западного империализма. Но, учитывая общественный энтузиазм (особенно среди палестинцев) в собственной стране и ожидание неминуемого конфликта, Хусейн чувствовал, что у него нет выбора. Если бы он не присоединился к борьбе, то потерял бы легитимность в глазах своего народа, независимо от того, выиграет ли Египет или проиграет. Он прилетел в Египет и подписал с Насером пакт о взаимной обороне. Хусейн даже поставил собственную армию под египетское командование и впустил подразделения иракской армии на свою территорию. Многие историки рассматривают этот пакт как соломинку, сломавшую спину верблюда, поскольку документ напрямую касался обороноспособности Израиля, угроза на протяженной уязвимой восточной границе Израиля была недопустимой. Вступление иракцев в Иорданию стало еще одним поводом для беспокойства; связь между иорданской и египетской армиями усиливала ощущение осады.

Период ожидания должен был дать президенту Джонсо-

ну возможность изучить все условия открытия Тиранского пролива мирными средствами. Шли дни, и становилось ясно, что эта надежда тщетна и что американская идея создания флотилии для прорыва блокады является несбыточной мечтой. Между тем для израильтян проблема проливов стала вторичной по сравнению с противостоянием двум полностью мобилизованным армиям на южной границе без какой-либо возможности избежать столкновения в будущем. Американцы не предоставили Израилю санкции на нападение, но дали понять, что не будут выступать против действий Израйля. Меир Амит, глава «Моссасада», вылетел в Соединенные Штаты 31 мая, чтобы выяснить позицию Америки, и вернулся в Израиль с «желтым светом». Соединенные Штаты, по его словам, не будут «сидеть шиву» (то есть горевать – имеется в виду семидневный период еврейского траура), если Израиль нападет на Египет. Страх повторения американского давления на Израиль, как в 1956 году, ослаб, хотя и не рассеялся полностью.

2 июня новое израильское правительство приняло решение начать войну. 5 июня, после трех недель выжидания, ЦАХАЛ начал наступление.

Шестидневная война была наиболее краткосрочной и самой исключительной из всех войн Израйля с точки зрения размаха победы, относительно низких потерь и завоеванной территории. Израиль под давлением был втянут в эту войну без заранее запланированных целей, развитие ситуации

было определено министрами, общественным мнением, командующими на местах и военными успехами. Израиль начал войну, чтобы победить египетскую армию и открыть Тиранский пролив для израильских судов. Он закончил войну, достигнув полного контроля над сектором Газа и Синайским полуостровом вплоть до Суэцкого канала. В течение трех часов израильские ВВС уничтожили ВВС Египта. Затем Израиль переключился на уничтожение военно-воздушных сил Сирии и Иордании. Именно эта воздушная победа решила исход войны. В течение двух дней египетской армии на Синае был нанесен решающий удар, и она отступила, а ЦАХАЛ повис у нее на хвосте. Даян хотел остановиться в десяти километрах от канала, чтобы не допустить его закрытия, поскольку это осложнение нанесло бы ущерб отношениям Израиля с крупными державами. Но кампания развивалась таким образом, что ЦАХАЛ вышел к берегу канала.

В то же время разразилась война с Иорданией. В первый день иорданцы обстреляли Иерусалим и населенные пункты вдоль израильской границы. Израиль хотел избежать войны на нескольких фронтах и не имел агрессивных намерений в отношении Иордании, поэтому Эшколь послал сообщение королю Хусейну, в котором говорилось, что если он не будет участвовать в боевых действиях и прекратит обстрел, Израиль полностью поддержит соглашение о перемирии. Но вместо этого обстрел Иерусалима усилился, снаряды попали в авиабазу Рамат-Давид, и иорданцы попытались захватить

резиденцию верховного комиссара (где размещалась группа наблюдателей ООН), которая господствовала над Южным Иерусалимом. В результате правительство было вынуждено принять решения, которые привели к оккупации Западного берега. Первым приказом было обеспечить доступ к горе Скопус, израильскому анклаву на иорданской территории, который, как опасались, не сможет противостоять атаке арабского легиона. Затем приказ был распространен на Восточный Иерусалим, а не только на Старый город, и, наконец, на весь Западный берег.

Когда боевые действия на Синае и Западном берегу закончились, кабинет обсудил, брать ли Голанские высоты или нет. На протяжении всей войны Сирия не предпринимала реальных попыток напасть на Израиль и помочь Египту или Иордании, за исключением продолжающихся обстрелов поселений в долине реки Иордан. Кабинет колебался, опасаясь советского вмешательства, если Израиль нападет на Сирию, особенно ввиду успешных действий Израиля против Египта. Однако Сирия еще больше запутала ситуацию, что привело к войне, и продолжала обстреливать долину реки Иордан на протяжении всей войны. Жители долины реки Иордан создали инициативную группу, настаивавшую на взятии высот. Большинство в кабинете министров выступило за захват высот, но Даян был против. ООН настаивала на прекращении огня, которое арабы снова и снова отвергали, требуя сначала безоговорочного вывода израильских войск к рубежам

4 июня, и казалось, что времени для войны против Сирии больше не осталось. Но рано утром 9 июня, на пятый день войны, Даян в обход премьер-министра и начальника штаба отдал прямой приказ командующему Северным штабом Давиду Элазару взять Голанские высоты. Захват высот, контролирующих долину реки Иордан и Восточную Галилею, занял менее двух дней.

Шесть дней боевых действий изменили лицо Ближнего Востока. Израиль из аутсайдера, находящегося под угрозой уничтожения, превратился в региональную державу, позицию которой необходимо было учитывать. Большинство жителей Голанских высот ушли с сирийской армией, но на Западном берегу и в секторе Газа осталось около миллиона палестинцев.

В течение первых 19 лет истории страны Израиль признавал границы перемирия как постоянные. Некоторые действительно мечтали о Великом Израиле в пределах первоначальных границ эпохи мандата. Партия Herut Бегины продолжала претендовать на всю западную часть Эрец-Исраэль. В партии Hakibbutz Hameuhad, возглавляемой Ицхаком Табенкином, тоска по Великому Израилю не угасла. Но даже эти партии с пониманием приняли реальность разделенной страны и не превратили свои стремления в политический план действий. Шли годы, преданность идее Великого Израиля ослабла. Поколение, выросшее в молодом государстве, не знало и не стремилось создать Великий Израиль. Боль-

шую часть населения составляли иммигранты, прибывшие после 1948 года и не знавшие ничего другого, кроме границ перемирия (1949). Когда был основан Gahal, его платформа не включала в себя пункт партии Herut о Великом Израиле, который нанес ущерб легитимности Herut среди широкой публики, потому что это выглядело как разжигание войны.

Накануне Дня независимости, 12 мая 1967 года, популярная вечерняя газета Ma'ariv опубликовала интервью Геулы Коэн, бывшего бойца Lehi, с Давидом Бен-Гурионом, который ушел в отставку и жил в Сде-Бокере. Коэн спросила: «Господин Бен-Гурион, что вы скажете своему внуку, если сегодня он спросит вас: “Дедушка, каковы границы моей родины?”» Бен-Гурион ответил: «Ну, я отвечу ему, что границы твоей родины – это границы Государства Израиль, как они есть сейчас. Вот и все. – И добавил: – Абсолютных границ не существует. Если бы арабы приняли резолюцию ООН [1947 года], наши границы были бы сокращены... “Исторические границы” – это концепция для времен пришествия Мессии». Коэн настаивала: «Вы поддержали израильского ребенка в намерении написать песню о тоске по великому Иерусалиму?» – «Если он захочет написать ее, пусть пишет, – сухо ответил Бен-Гурион. – Я бы не стал писать ни одной»¹⁹⁶.

Односторонний уход с Синая в 1957 году укрепил при-

¹⁹⁶ *Cohen G. Be'arba einayyim im David Ben-Gurion* (Тет-а-тет с Бен-Гурионом) // Ma'ariv, 12.5.1967.

знание израильянами «зеленой линии», границ перемирия. Это не означает, что поколение 1948 года – выходцы из Nakibbutz Nameuhad или Etzel и Lehi – не лелеяли потаенных мечтаний о Великом Израиле. Но сомнительно, что эти мечты двигали теми, кто формировал политику, и ими определенно не руководствовалось поколение эпохи создания государства. Тем не менее скрытый тлеющий уголек остался и вспыхнул огромным пламенем во время Шестидневной войны, а также после нее. Решения о расширении боевых действий против Иордании и особенно о завоевании Иерусалима, к чему призывали министры Бегин и Аллон, были приняты не только по стратегическим причинам. Нападение на Иерусалим было вызвано эмоциями, выходящими за рамки политических соображений. Когда парашютисты приблизились к Стене Плача, охватившие их сильные чувства заставили их заплакать. Это были нерелигиозные военнослужащие, и трубивший в шофар¹⁹⁷ главный раввин ЦАХАЛа Шломо Горен не разговаривал с ними. Но что-то в этой встрече с еврейской историей, со Стеной Плача потрясло их до основания души.

Довольно интересно, что Национальная религиозная партия, возглавляемая Моше Хаимом Шапирой, была весьма обеспокоена началом войны и выступала против любых агрессивных действий Израиля. Шапира выступил против захвата Иерусалима на том основании, что как только Изра-

¹⁹⁷ Ритуальный духовой инструмент из рога животного.

иль войдет в город, то не сможет уйти. Он имел в виду, что общественное мнение заставит войска остаться, и это будет гибелью Израиля на международной арене. И действительно, энтузиазм, охвативший весь еврейский народ в Израиле и диаспоре после завоевания Иерусалима, высветил скрытые чаяния и доселе неожиданный уровень самосознания и самоидентификации.

В результате этой бури эмоций после того, как кабинет министров обсудил итоги войны 19 июня, было заявлено, что Израиль готов уйти с Синая и Голанских высот в обмен на мирные соглашения со своими соседями, но в этом предложении не фигурировали Иерусалим и Западный берег. Вместо этого было заявлено, что территории Западного берега будут предметом переговоров с Иорданией. В заявлении подчеркивалась разница между Синайской кампанией и Шестидневной войной. На этот раз Израиль рассматривал территориальные приобретения как рычаг для достижения мира со своими соседями, была предложена формула «мир в обмен на территорию». Впервые после войны 1948 года израильтяне почувствовали, что им есть от чего отказаться в обмен на мир. Однако удаление из формулы районов к западу от реки Иордан оставило возможность мирных переговоров с наиболее удобным партнером Израиля, королем Иордании Хусейном, под вопросом.

Учитывая тяжелую травму, которую израильское общество пережило накануне войны, эйфория, последовавшая за

блестящей победой, была естественной. Огромное облегчение сочеталось с гордостью за достижения и надеждой на то, что эта война станет последней. Даян объявил, что ждет телефонного звонка от арабских правителей. Его телефон молчал. То, что израильтяне рассматривали как победу слабых и осажденных над воинственными противниками, было для арабов ужасным унижением, наносящим ущерб национальной чести и призывающим к мести и «еще одному раунду», чтобы стереть позор. Хартумская конференция, состоявшаяся в сентябре 1967 года, на которой присутствовали восемь арабских государств, провозгласила три «нет»: нет признанию Израиля, нет переговорам с Израилем и нет миру с Израилем. То, что было захвачено силой, будет возвращено силой, заявил Насер, который на мгновение потерял самообладание и подал в отставку, а затем вернулся к своим обязанностям, чему способствовали массовые народные демонстрации поддержки. Хотя Израиль доказал, что способен победить арабов, он не мог навязать им мир. Шестидневная война не изменила базовый баланс сил между маленьким государством и его многочисленными могущественными соседями. СССР возместил запасы оружия и техники, утраченные Египтом и Сирией. Спустя всего несколько месяцев их арсеналы были восполнены. Однако резолюции Хартумской конференции также впервые намекнули на возможность дипломатических шагов по возвращению территории, оккупированной в ходе войны. Эти двойственные сигналы – вой-

ны, к которой призывало арабское общественное мнение, и переговоров, приглушенных и нерешительных, к чему призывал Запад, – привели к противоречивым интерпретациям позиций арабов.

Победа Израиля также интерпретировалась как победа Запада над СССР и его сателлитами. Советское оружие не смогло противостоять западным системам вооружений. Ложные сообщения Советов о сосредоточении израильских войск на севере, а затем их безоговорочная поддержка Насера и подкрепление веры египтян в то, что они смогут выиграть войну, побудили Насера предпринять провокационные действия. Но в то же время советский контингент оставался ограниченным, поскольку Советский Союз не хотел участвовать в реальных боевых действиях. США и СССР договорились избегать прямого военного вмешательства и поддерживали между собой шаткое равновесие. Таким образом, Советы ограничились разрывом дипломатических отношений с Израилем. Страны Восточного блока, за исключением Румынии, последовали их примеру, как и некоторые африканские государства.

После многих месяцев переговоров всем сторонам удалось сформулировать проект резолюции, приемлемый для Совета Безопасности ООН, который 22 ноября 1967 года был принят как Резолюция 242 Совета Безопасности ООН. Арабы не приняли резолюцию, обязывающую их либо признать, либо договориться с Израилем. Они потребова-

ли немедленного и безоговорочного ухода Израиля со всех территорий, оккупированных во время войны. Израиль отказался принять это условие и потребовал признания, мира и ухода к «безопасным и установленным границам». Великие державы маневрировали между этими различными требованиями. В резолюции подчеркивается, что территории не должны быть аннексированы в результате войны, но также должны быть приняты меры для создания «справедливого и прочного мира» между всеми странами региона. Израиль должен уйти «с территорий, оккупированных в ходе недавнего конфликта», в то время как арабы должны отказаться от состояния войны и признать и уважать суверенитет и целостность стран региона (то есть Израиля) и их права «жить в мире в пределах безопасных и признанных границ». Кроме того, необходимо было гарантировать свободу судоходства и решить проблему беженцев. Специальный посланник ООН должен был отправиться в регион для принятия этих договоренностей.

В английской версии, которая считается официальной версией резолюции, упоминается уход «с территорий» (см. предыдущий параграф), то есть не обязательно со всех территорий. Тем не менее во французской версии добавлен определенный артикль, позволяющий утверждать, что отступление включало все территории, как это интерпретировали арабы. Египет и Иордания сразу же приняли резолюцию. Через несколько недель Израиль выразил свое согласие,

а Сирия приняла резолюцию только после того, как к власти пришел Хафез Асад. Палестинцы категорически отвергли резолюцию, поскольку упоминались там лишь косвенно, в связи с проблемой беженцев.

Непредвиденным результатом войны стало возрождение палестинской проблемы. После войны за независимость арабские государства и Израиль присвоили территории, закрепленные за палестинским государством в Резолюции ООН от ноября 1947 года. Палестинцы не имели национального представительства. Их попытки вновь выйти на международную арену в качестве самостоятельной организации начались с основания ФАТХа и ООП. На этом этапе палестинцы требовали территорию всей Западной Палестины и не соглашались с существованием Государства Израиль. После Шестидневной войны под управлением Израиля оказалось более миллиона палестинцев. Впервые с начала 1950-х годов израильтяне столкнулись лицом к лицу с палестинцами, которые до этого жили за границей, вдали от внимания израильской общественности. Эта встреча теперь вызвала споры о невзгодах беженцев и даже об обязанности Израиля внести свой вклад в решение проблемы. В то же время ООП теперь имела широкий простор для действий против Израиля на оккупированных территориях и могла начать освободительную войну, как это сделали другие страны под иностранным правлением. Пробуждение палестинского национализма стало прямым результатом неспособности араб-

ских государств уничтожить Израиль военным путем. ООП теперь приняла идею затяжной вооруженной борьбы в форме партизанской войны, как это сделал Фронт национального освобождения (ФНО) в Алжире.

Эпоха эйфории, 1967–1973

После Шестидневной войны облик Израиля изменился. Глубокая, всепроникающая тревога трехнедельного ожидания сменилась эйфорией: «Мы были как бы видящие во сне» (Псалтирь / Теилим 125–126:1). Внезапно Израиль стал всемирно известен. Теперь он уже не был сонной страной в отдаленном уголке Ближнего Востока, оказавшись в центре событий мирового значения. Журналисты и съемочные группы съезжались в Израиль со всего мира. За ними последовали тысячи добровольцев, как евреев, так и неевреев, восторгавшихся военным отпором, данным маленькой страной всем агрессорам. Добровольцы работали в кибуцах, помогая на сезонных работах, заменяя молодежь, проходившую службу в армии или мобилизованную в резерв. Они привнесли в Израиль запахи и веяния большого мира. Частичная изоляция, которую Израиль испытывал в течение первых 19 лет – как из-за того, что иностранцы не интересовались им, так и из-за того, что нехватка иностранной валюты ограничивала поездки его граждан за границу, – по настоящему закончилась.

Теперь Израиль стал региональной державой, управляющей миллионом палестинцев, и территорией, в четыре раза большей, чем до войны. Эта ситуация создала ряд проблем,

которые оставались в общественной повестке дня в течение следующего десятилетия и позднее. Во-первых, вопрос безопасности. Победа не принесла желанного мира, лишь ухудшив отношения Израиля с соседями. Относительное спокойствие предвоенного десятилетия не вернулось. Всего лишь через несколько месяцев после окончания войны в Израиле начались террористические атаки со стороны палестинцев. Также они предпринимались против израильтян за рубежом. Их апогеем стало убийство израильских спортсменов на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году. В марте 1969 года началась «война на истощение» вдоль Суэцкого канала; она продолжалась до августа 1970 года.

Управление новыми территориями стало ведущей темой израильских политических дискуссий. Что делать с оккупированными территориями? Это разменная монета, побудившая арабов заключить мир с Израилем, или это жизненно важное стратегическое дополнение безопасности государства? Еврейское заселение данных территорий соответствовало сионистскому порыву и мифу, согласно которому границы определял еврейский плуг. Следует ли расширить границы «зеленой линии» за счет еврейских поселений на оккупированных территориях, или евреи должны селиться только в малонаселенных арабских районах, исходя из соображений безопасности? И, наконец, возникла культурно-нравственная дискуссия об управлении другим народом: было ли это оправданно и при каких условиях? Вскоре эти дискуссии

обрели мессианский подтекст, религиозный и светский.

Еврейские общины во всем мире, особенно в Америке, разделили восторг и радость освобождения, последовавшие за победой. Ощущение общей судьбы Израиля и всего еврейского народа никогда не было сильнее. В период ожидания даже Ханна Арендт, не отличавшаяся сочувствием к Израилю и израильтянам, выразила беспокойство по поводу их судьбы. Евреи в диаспоре гордились победами ЦАХАЛа и выражали свои чувства в демонстрациях единения с государством и визитах в Израиль, а также в росте пожертвований. Из западных стран прибыли десятки тысяч репатриантов.

Хотя после войны СССР разорвал отношения с Израилем, это не помешало советским евреям продемонстрировать поддержку своих собратьев в Израиле. Среди этих «евреев молчания» прокатилась волна воодушевления. После Шестидневной войны евреи в СССР начали открыто добиваться права иммигрировать в Израиль. До этого вся деятельность от имени советских евреев велась в подполье из-за страха навредить сионистским активистам в России. Но теперь активисты дали сигнал перейти к открытой общественной деятельности. В ноябре 1969 года премьер-министр Голда Меир зачитала с трибуны Кнессета письмо 18 еврейских семей в Грузии, открыто заявивших о своем праве на иммиграцию. В 1971 году в Брюсселе был проведен международный конгресс, чтобы мобилизовать мировое общественное мнение на борьбу под знаменем библейской молитвы, кото-

рую Мартин Лютер Кинг-младший превратил в политический лозунг: «Отпусти народ мой».

Карта 7. Границы, установившиеся после Шестидневной войны, и поселения на оккупированных территориях, 1967–1977 гг.

Борьба русских евреев за право репатриироваться в Израиль была поистине героической. Активисты в СССР основывали группы по изучению иврита и еврейской истории, традиций и религии, чтобы укрепить еврейское национальное самосознание. Они проводили собрания в лесах за пределами российских городов, с пением на иврите, дискуссиями об Израиле и чтением различных текстов. Тайную помощь оказывал Израиль, создавший в 1953 году подпольную сеть Nativ, нацеленную на укрепление еврейского национального самосознания в России. Теперь тысячи евреев подавали заявления о выезде из СССР и иммиграции в Израиль, большинство из них были отклонены властями, а «отказники» – так называли тех, чьи заявления отклонялись, – были уволены с работы. Ни безработица, ни преследования со стороны милиции не удержали их от проведения агитации, грозившей распространиться среди все более широкого круга противников режима.

В Соединенных Штатах, как среди евреев, так и неевреев, поднялось большое общественное движение в поддержку советских евреев, достигшее своего апогея с поправкой Джексона – Вэника 1974 года, принятой обеими палатами Конгресса. Поправка, внесенная сенатором Генри Джексоном,

отрицает экономические выгоды в торговых отношениях со странами, ограничивающими свободу эмиграции и другие права человека. Хотя сомнительно, что поправка на самом деле способствовала увеличению иммиграции – после принятия она уменьшилась, – дискуссии вокруг нее за годы до принятия, очевидно, повлияли на советское руководство в том, чтобы разрешить евреям уезжать. Возможно, они хотели избавиться от активистов алии, позволив им уехать, а затем повторно закрыв границы. Так или иначе, в первой половине 1970-х годов около четверти миллиона евреев получили разрешение на выезд из СССР. Большинство – около 160 000 человек – осели в Израиле, а остальные направились в другие страны.

Эта новая волна алии сопровождалась щедрыми пожертвованиями западных евреев на ее абсорбцию. Правительство также потратило большие суммы на то, чтобы перебросить армию на новые территории и противостоять новым угрозам, возникшим после войны. Нефтяные скважины на Синае теперь обеспечивали около половины потребностей Израиля в топливе. Все эти факторы обеспечили ускоренный экономический рост, сменивший стагнацию и рецессию начала 1960-х годов, которые привели к безработице и снижению экономической активности.

Граница «зеленой линии» между Израилем и Западным берегом теперь была открыта для двустороннего движения, и оба народа проявляли пристальное внимание друг к дру-

гу. Израильтяне наводнили рынки Западного берега, где покупали продукты и товары по гораздо более низким ценам, чем в «малом Израиле». Израильские туристы двинулись по дорогам Западного берега. Поколение 1948 года снова посетило места былых сражений, где вспоминало и проливало слезы по товарищам, не дожившим до этого дня. Люди, приехавшие в Израиль после Войны за независимость, теперь смогли впервые увидеть просторы Великого Израиля и исторические места, запечатленные в коллективной памяти: Храмовую гору, Западную стену, пещеру Махпела (пещеру Патриархов) и могилу Рахили. Помимо Масады, места паломничества периода ишува, они смогли посетить Иродион и Гамлу, форты, также известные как оплот евреев в войне против римлян. Останки Авшалома Файнберга из шпионской сети Nili, погибшего при загадочных обстоятельствах по пути в Египет во время Первой мировой войны, теперь были обнаружены на границе в районе Рафаха, где из финикового семени, которое он якобы оставил там, выросла пальма. Слава этого дерева соперничала со славой дуба в разрушенном Гуш-Эционе – поселении, возрожденном руками сыновей и дочерей тех, кого эвакуировали оттуда в 1948 году. Области, ранее недоступные для израильских археологов, теперь открылись для исследований, обогативших знания о древности евреев на их земле.

Министр обороны Моше Даян стал теперь знаменит как символ дерзости и неповиновения Израиля. Его лицо с чер-

ной повязкой на глазу украшало выпуски новостей и обложки журналов. Всемирно известный, он также стал самым уважаемым государственным деятелем Израиля. Даян стремился сохранить «мягкую» оккупацию Западного берега и как можно меньше вмешивался в жизнь арабов. Армия обороны Израиля отвечала за безопасность, но все остальное оставалось под юрисдикцией иорданского законодательства. Местное самоуправление находилось в руках мэров, назначенных королем Хусейном (до муниципальных выборов 1976 г.). За короткое время на Западном берегу были обеспечены мир и общественная безопасность. Все еще шокированные поражением, палестинцы не оказывали сопротивления в первые месяцы после начала израильской оккупации.

Они были удивлены просвещенным отношением оккупантов, которых арабская пропаганда изображала как зверей в человеческом обличье. Жители Хеврона ожидали мести евреев за бойню 1929 года и, когда этого не случилось, вздохнули с облегчением, выразив готовность сотрудничать с захватчиками и возвращаться к нормальной жизни.

Война оборвала связь между Западным берегом и остальным арабским миром. Естественным рынком для местных продуктов была Иордания. Палестинские торговцы принялись вывозить сельскохозяйственную продукцию с Западного берега реки Иордан на Восточный берег, причем грузовики пересекали реку по мелководью в конце лета, так как мосты были разрушены. То, что начиналось как местная иници-

циатива, поддержанная офицерами ЦАХАЛа, стало основой административной политики Израиля. Даян понимал важность связи между двумя берегами реки, а также осознавал экономическую заинтересованность палестинских фермеров, продававших свою продукцию в Иордании, а оттуда в страны Персидского залива. После ремонта по иорданским мостам в обоих направлениях двинулась тяжелая транспортная техника. Мосты стали дорогой жизни для Западного берега. В то же время десятки тысяч арабских рабочих из сектора Газа и Западного берега искали работу в Израиле. Крупные строительные предприятия после войны остро нуждались в рабочих. Армейские базы, построенные на оккупированных территориях, укрепления вдоль Суэцкого канала, новые поселения на территориях обеспечивали работой арабских рабочих и способствовали процветанию Западного берега.

Моше Даян считал, что так называемая «просвещенная оккупация» в долгосрочной перспективе обеспечит контроль Израиля над территориями, населенными арабами, без необходимости применения значительной силы. Эта концепция выросла из его веры в то, что экономические интересы могут смягчить межнациональные конфликты, а также из его восприятия палестинцев как населения, которое никогда не было полностью независимым и, вероятно, приняло бы еврейских оккупантов, если бы они действовали мудро и уважали палестинцев и их обычаи. Даян выступал против

аннексии территорий, которые израильтяне называли либо «оккупированными», либо «освобожденными», в зависимости от их точки зрения. Израиль действительно аннексировал Восточный Иерусалим и его окрестности в соответствии с законом, принятым Кнессетом. Позже, в 1981 году, Голанские высоты также подпали под юрисдикцию израильского законодательства. Три арабские деревни в анклав Латрун были разрушены, а их жители изгнаны, а дорога в Иерусалим была заново проложена по их землям, исходя из предположения, что любое будущее политическое урегулирование будет включать в себя эти незначительные территориальные приобретения. Но в остальном Израиль избегал любых изменений ситуации на Западном берегу.

Израиль избегал аннексии как в надежде хотя бы на какое-то соглашение с Иорданией, так и из-за нежелания предоставить гражданство миллиону арабов, что изменило бы демографический состав страны и поставило под угрозу характер государства как еврейского образования. Эти опасения были очевидны с первого дня оккупации. Бен-Гурион открыто говорил о возвращении всех оккупированных территорий, кроме Иерусалима, в обмен на мир. Профессор Йешаяху Лейбович пошел еще дальше, потребовав полного, одностороннего ухода Израиля, даже без мирного соглашения, из-за морального разложения, которое принесла с собой оккупация. Появление тысяч арабских рабочих по всему Израилю вызвало сопротивление групп, которые в период ишува

придерживались идеологии «еврейского труда». Тем не менее вера в то, что в еврейском государстве евреи должны составлять все социальные слои, была подорвана, и сформировалась реальность, напоминающая социально-экономическое расслоение в колониальных обществах, в которых большинство сельскохозяйственных и строительных рабочих составляли арабы.

Всеобщая эйфория, последовавшая за победой, в основном проявлялась двумя способами: либо громким, высокомерным и покровительственным, либо – сдержанным. Это отразилось в победных альбомах, изданных после войны, в которых прославляли Армию обороны Израиля и ее командиров, превращая их в знаменитостей и любимцев СМИ. В ряде книг, изданных после войны, рассказывалось о героических действиях различных частей и солдат. Среди них наиболее примечательной была *The Tanks of Tammuz* («Танки Таммуза») Шабтая Тевета. В ней прославлялись войска «Стальной дивизии» – танковой дивизии под командованием генерал-майора Исраэля Таля, в особенности бригады под командованием полковника Шмуэля Гонена. Книга превозносила героизм солдат и офицеров бригады, многим из которых предстояло оставить свой след в будущих войнах, и стала чрезвычайно популярной. Она завоевала сердца израильской общественности, жаждущей образцовых фигур недавней войны, героев «поколения государства», которые сменили героев предыдущих поколений.

Победные альбомы вовсю эксплуатировали популярность ЦАХАЛа и ее командиров, в безудержном триумфе не скупясь на выражения о превосходстве ЦАХАЛа, смелости его командования и ничтожества арабов. Командиры перестали быть относительно анонимными, что до сих пор было характерно для оборонного ведомства, их имена сделались нарицательными. Тенденция называть этих деятелей прозвищами отражала фамильярное отношение общественности к военному руководству: Арик (Ариэль Шарон), Талик (Исраэль Таль), Городиш (Шмуэль Гонен), Дадó (Дэвид Элазар), Мота (Мордехай Гур) и т. д.

Летом 1967 года на церемонии, состоявшейся в амфитеатре кампуса на горе Скопус Еврейского университета в Иерусалиме, который в течение 19 лет был заброшен, начальнику штаба Ицхаку Рабину было присвоено звание почетного доктора. Он выступил с речью, в которой изложил совершенно иной подход к победе: избегать триумфальных демонстраций, подчеркивая высокую цену войны для победителей и страдания побежденных и приписывая триумф всей армии, превознося при этом духовные и моральные ценности. Этот духовный настрой стал также очевиден в символической книге того времени Siah Lohamim («Сиа Лохамим», солдатское сленговое выражение, английское название книги – «Седьмой день»), которая позиционировалась как выражение скрытых чувств в израильском обществе. Солдаты вернулись домой с войны в глубоком молчании и горе, и ки-

буцное движение решило провести серию интервью со своими сыновьями, отягощенными горьким опытом. Движение понесло много жертв; примерно четверть всех погибших составили члены кибуцев, что в пять раз превышало их долю в населении. Целью интервью было побудить солдат избавиться от болезненных воспоминаний. Инициатива исходила от редакции Shdemot, литературного журнала движения кибуцев, который с начала 1960-х годов стремился наполнить кибуцы еврейскими традициями и еврейской литературой. Среди интервьюеров и респондентов были Амос Оз, Муки Цур, Абба Ковнер и редактор книги Авраам Шапира. «Седьмой день» появился в октябре 1967 года как внутреннее издание движения кибуцев. Однако разговоры об этом распространились, и возрос спрос на копии книги. Вскоре она была опубликована для широкой публики и стала частью израильского канона.

«Седьмой день» стал выражением «второстепенного» голоса в израильском обществе, ценностей поколения, которое не участвовало в Войне за независимость, но выросло после нее в «малом Израиле», страшая уничтожения и опасаясь войны. Молодежь, сражавшаяся в Войне за независимость, не боялась поражения в войне и того, какие последствия оно может повлечь за собой. Но стало очевидно, что сознание Холокоста проникло и в психику подрастающего поколения. Их понимание того, что еврейский народ пережил в Европе во время Второй мировой войны, привело к двум выводам:

что арабские угрозы сбросить евреев в море были реальны и что их долгом было защитить нацию, предотвратить повторение массового истребления и унижения человеческого достоинства еврейского народа. «Все мы согласны с тем, что и наш боевой дух, и наша сила в этой войне проистекают из определенного осознания, что арабы настроены на войну на уничтожение»¹⁹⁸, – говорил Ярив Бен-Аарон. За несколько лет до войны Офер Фенигер писал своей девушке:

Я нахожусь на вечере памяти жертв Холокоста, глядя в глаза оставшимся в живых, сидящим рядом со мной, все их существо выражает беспомощность и безнадежность... И из этого ужаса и беспомощности я чувствую, что во мне возникает огромная воля быть сильным, сильным до боли, сильным и острым как нож, сдержанным, внушающим ужас, опасным. Это то, кем я хочу быть! Я хочу знать, что эти пустые глаза никогда больше не будут смотреть из-за колючей проволоки! Только если я буду сильным, это их больше не коснется! Только если мы все сильны; сильные, гордые евреи! Только так мы больше никогда не позволим вести себя на бойню¹⁹⁹.

Фенигер погиб в десантном бою за Иерусалим.

Ощущение, что они борются за свой дом, свою семью и весь народ, было источником силы и готовности к самопо-

¹⁹⁸ The Seventh Day: Soldiers Talk about the Six-Day War. Tel Aviv, London, 1970, p. 122.

¹⁹⁹ Ibid, p. 172.

жертвованию. В то же время память о Холокосте сделала их чувствительными к трагедии другой стороны. Столкновения с бегущими вражескими войсками вызывали не опьянение победой, а жалость к несчастным людям, отправленным на убой и, скорее всего, имевшим семьи, ожидавшие их возвращения. Вид арабских беженцев, женщин и детей, нагруженных вещами и ищущими спасения, вызывал у них ассоциации с еврейскими беженцами, тщетно ищущими убежища во время мировой войны. Парадоксально, но те же ценности и ассоциации, которые наделяли этих солдат духовной стойкостью в битвах, также делали их чувствительными к боли врага. Они не испытывали ненависти к арабам; они могли испытывать ненависть к немцам, но не к врагу, с которым сражались.

Встреча с Великим Израилем вызвала у этих солдат противоречивые ощущения. Библейские места, особенно Иерусалим, Храмовая гора и Стена Плача, пробудили у них, воспитанных на Библии как центральном культурном коде, глубокие чувства, само существование этих мест потрясало. Их воодушевляло соприкосновение со страницами еврейской истории, связь с мифическим и историческим прошлым. Некоторые члены *Hakibbutz Hameuhad* (которая до 1948 года поддерживала идею Великого Израиля) выразили надежду, что незавершенная миссия 1948 года теперь будет доведена до конца. Но таких было меньшинство. По большей части волнение от встречи с местами еврейского прошлого не

включало в себя желание владеть этими территориями. На самом деле некоторые чувствовали, что старый Израиль потерялся на новых просторах. «Мы утратили нашу маленькую страну», которая «хороша и прекрасна... у меня практически нет эмоциональной связи с теми обширными областями, которые мы занимаем сегодня»²⁰⁰, – сказал один из собеседников.

Чувство, что новые территории – чужие, обострилось, когда солдаты столкнулись с арабским населением. В конце Дня независимости 1967 года, выпавшего на 15 мая, певица Шули Натан впервые исполнила «Jerusalem of Gold» («Золотой Иерусалим») Наоми Шемер. В тот вечер песня была исполнена по поручению мэра Иерусалима Тедди Коллека для праздника песни Израиля. В период ожидания, а тем более в течение шести дней войны песня стала национальным гимном, который пели солдаты у Стены Плача и повсюду, когда было объявлено о завоевании Иерусалима. В ней Шемер писала об Иерусалиме с сухими колодцами и пустым рынком, ссылаясь на молитвы и народные предания, описывающие Землю Израиля в целом и Иерусалим как очаровательную невесту, в запустении ожидающую своего жениха – еврейский народ, – который придет и выкупит ее. Данное мифическое описание не оставляло места для реальности, что было очевидно любому, кто смотрел в бинокль с Запада на Восточный Иерусалим в течение 19 лет, предшествовавших

²⁰⁰ Ibid, p. 159.

Шестидневной войне. Амос Оз, уроженец Иерусалима, описал свою новую встречу с городом:

Это нельзя выразить словами. Я снова говорю, что любил Иерусалим полностью, но что это значит? Это похоже на любовную интригу, противоречивую, извилистую; она моя и все же чужая для меня, побежденная, но враждебная, преданная, но недоступная²⁰¹...

Но город населен. Люди живут на его улицах, и они чужие, я не понимаю их языка, они там – в своих домах, – а я чужой, пришедший извне... И их глаза сжигают меня, желают мне смерти. Проклятый чужак...

Всею душой я желал почувствовать себя в Иерусалиме человеком, вернувшим себе наследие предков, отобравшим его у врагов. Библия ожила для меня: Пророки, Цари, Храмовая гора, Гробница Авессалома, Елеонская гора... Я хотел быть частью всего этого, я хотел принадлежать ему.

Как если бы он был не для людей. Я видел вражду и бунтарство, подхалимство, изумление, страх, оскорбление и обман. Я прошел по улицам Восточного Иерусалима, как человек, ворвавшийся в некое запретное место. Мою душу охватило уныние.

Город моего рождения. Город моей мечты. Город моих предков и чаяний моего народа. И я был приговорен к тому, чтобы идти по его улицам с автоматом, как один из персонажей из моих детских

²⁰¹ На иврите названия городов всегда женского рода.

кошмаров. Быть чужим в очень странном городе²⁰².

Один разговор, состоявшийся в иешиве Merkaz Harav, возглавляемой раввином Цви Иегудой Куком, духовным учителем и наставником национально-религиозной молодежи, не был включен в «Седьмой день». Редактор Авраам Шапира позже объяснил, что посчитал отдельные высказывания настолько шокирующими, что решил опубликовать стенограмму отдельно в Shdemot. Некоторые участники этого разговора выразили уверенность в том, что дни прихода Машиаха (Мессии) близки – событие, которое позже будет определено как «рассвет возрождения». Они признались, что накануне войны никто из них не ожидал столь ошеломляющих результатов и не надеялся на завоевание Иерусалима и других частей Земли Израиля. Но теперь они увидели в случившемся десницу Божию и постепенное раскрытие божественного плана. «Я чувствую грядущие перемены, в воздухе витает напряжение. Я чувствую, что произойдет что-то ведущее к чему-то великому»²⁰³, – сказал Дов Бигун. В отличие от сочувствия респондентов «Седьмого дня» к колоннам отступающих египетских солдат, эта группа думала, по словам одного из них, что когда кто-либо пытался убить еврейский народ, то для нее «мицва – убить его и разогнать все колонны в Синайской пустыне, а бегущих – убить, прежде чем

²⁰² Ibid, p. 218–219.

²⁰³ Conversation at the Rabbi Kook yeshiva. Shdemot 29, Tel Aviv, 1968, p. 16.

они достигнут [Суэцкого] канала»²⁰⁴. Говорившего спросили о заповеди иудаизма любить ближнего, он ответил, что те, кто убегает сегодня, вернуться, чтобы сражаться завтра, и поэтому их следует убить. В столкновениях между народами не было места состраданию. Эти солдаты проявляли ненависть к арабам и полное безразличие к их тяжелому положению и отвергали веру в существование точек соприкосновения между евреями и неевреями. Они стали ядром группы, которая семь лет спустя основала движение Gush Emunim (Блок верующих).

Раввин Йоэль Бин-Нун, основатель иешивы Har Etzion в Алон-Швуте, впоследствии объяснил идеологическое различие, выявленное таким образом между взглядами респондентов «Седьмого дня» и религиозных сионистов, как одну из сторон концепции «человек против земли». Одни отдавали приоритет человеческим ценностям, а другие – ценности земли. И те и другие принадлежали к идеалистическому меньшинству в Израиле, руководящей элите, представлявшей поколение государства. Здесь впервые был обнаружен раскол внутри этой группы, который в будущем разорвет социальную и политическую ткань Израиля.

Ученики иешивы Merkaz Harav были не единственными, кого поразила «вспышка света» (выражение, используемое Хананом Поратом, лидером Gush Emunim). После войны, в сентябре 1967 года, в манифесте, опубликованном Движением

²⁰⁴ Ibid, p. 19.

ем за Великий Израиль, провозглашалось, что «нам» не разрешалось отказываться от какой-либо части Великой Земли Израиля: «Мы связаны верностью целостности нашей страны... и ни одно правительство в Израиле не имеет права отказаться от этой целостности»²⁰⁵. Манифест был подписан некоторыми ведущими интеллектуалами страны, включая Ури Цви Гринберга, Ш. Й. Агнона, Натана Альтермана, Хаима Гури и многих других. Среди них не было ни одного представителя поколения становления государства. Большинство подписавших были из рабочего течения – не только из Nakibbutz Nameuhad и его сторонников, но и из основного состава Mara'i, а также новый приверженец Великого Израиля и бывший член Hashomer Hatza'ir писатель Моше Шамир. Инициативу возглавил Натан Альтерман, ведущий поэт ишува и государства, который в своих политических стихах выразил исторический путь Израиля. В 1950-х годах, как мы видели, он боролся против «военного положения для арабов» и отличался моральным подходом к политике. Он был сторонником Бен-Гуриона, которому остался верным во время раскола Mara'i. Теперь Альтерман пошел другим путем, наперекор позиции руководителя и наставника, который не видел возможности еврейского государства в Земле Израиля, кроме как на одной части этой разделенной территории.

Похоже, что молодые люди, достигшие совершеннолетия

²⁰⁵ Greater Israel manifesto, 22.9.1967, published in all the Israeli newspapers.

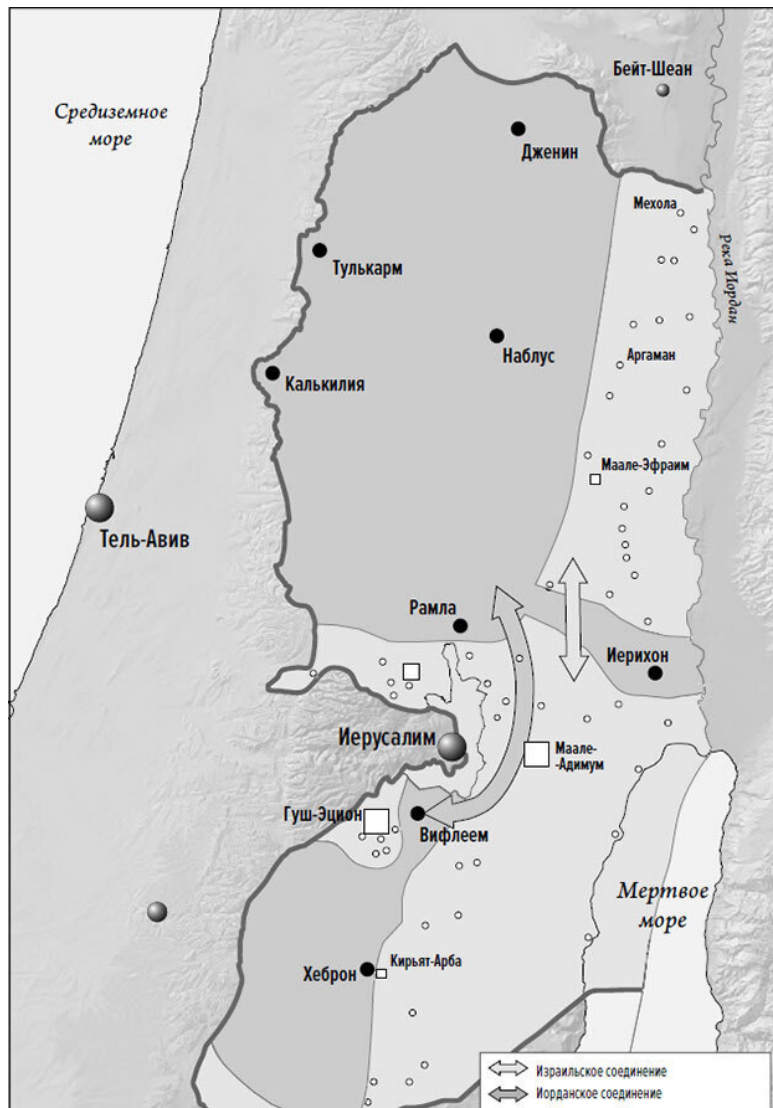
после основания государства, были менее затронуты ликованием, вызванным войной, чем старшее поколение, которое после 19 лет существования государства все еще сохраняло концепцию Великого Израиля. Но это не относилось к религиозно-сионистской молодежи, теперь увлекшейся мессианством. Отвергая представление о том, что сионизм был политическим движением с ясными и рациональными целями, они представляли его как первый этап на пути к осуществлению божественного плана возрождения еврейского народа. Политическим выражением их увлечения было усиление так называемой «Молодежи Mafdal (Национальной религиозной партии)» во главе с Зевулуном Хаммером, поддерживавшим идею Великого Израиля и выступавшим против территориального компромисса. То был поворот на 180 градусов; до этого Mafdal считалась явно пацифистской партией. Ее возглавил Моше Хаим Шапира, выступавший против войны в июне 1967 года – во время боевых действий он даже рекомендовал не захватывать Восточный Иерусалим.

До сих пор стремление к новым территориям проявлялось в освоении районов, слабо заселенных арабами, в соответствии с тем, что стало впоследствии известно как план Аллона. Игаль Аллон из Nakibbutz Hameuhad, выдающийся полевой командир войны 1948 года, пытался в конце войны убедить Бен-Гуриона оккупировать весь Западный берег. Теперь он передумал и разработал план, направленный на достижение баланса между демографическими ограничени-

ями, предписывающими избегать численного перевеса над арабами, и тем, что он понимал под потребностями безопасности страны. Обороняемые границы – термин, ставший популярным в современном ему политическом дискурсе, намекал на необходимость пересмотра границ «зеленой линии», которые послужат «безопасными и признанными границами» согласно формулировке Резолюции 242 Совета Безопасности ООН. Чтобы обеспечить «защищаемые границы», Израиль должен был контролировать Голанские высоты, долину реки Иордан, подходы к Рафаху и южную гору Хеврон (см. карту 8). Эти районы, в то время малонаселенные арабами, должны были быть открыты для еврейских поселений при условии, что они останутся под контролем Израиля после подписания мирного соглашения.

Хотя правительство Израиля официально не приняло план Аллона, он стал основой для еврейских поселений на территориях до 1977 года. На Голанских высотах, в долине реки Иордан и в районе подходов к Рафаху были созданы аванпосты Нахалья, и со временем они сделались гражданскими населенными пунктами. Город Ямит был построен в районе подхода к Рафаху (см. карту 8). К ним следует добавить Гуш-Эцион, вновь заселенный из-за сентиментального значения, придаваемого его судьбе, а также Иерусалим и его окрестности, которые, как мы видели, были присоединены к Израилю. В Иерусалиме были построены новые кварталы, такие как Гило в южной части города и Рамот на севере.

Заселение на оккупированных территориях осуществлялось в основном нерелигиозными группами кибуцев и мошавов, возобновился рост поселений с первых дней существования государства, прекратившийся в начале 1960-х годов.

Карта 8. План Аллона, июль 1967 г.

В 1968 году правительство впервые столкнулось с ситуацией, когда поселенцы пренебрегли его властью и поселились в центре населенного арабами района. Группа религиозных евреев во главе с раввином Моше Левингером отмечала праздник Песах в Хевроне и отказалась уехать. Политические деятели разного толка, такие как Gahal, Mafdal и даже «Авода», немедленно встали на их защиту. Группа осталась в городе. Это было первое предвестие того, что произойдет семь лет спустя.

Постоянным мотивом в «Седьмом дне» была надежда на то, что Шестидневная война станет последней для Израиля. Однако говорившие о тех событиях признали, что на это мало шансов, поскольку каждые десять лет или даже чаще вспыхивает новый пожар; арабы не смирились бы с унижением и потерей своей территории. Евреи смогли выиграть войну, но не смогли добиться мира. Этот пессимизм не соответствовал послевоенной эйфории и большим надеждам, но оправдался последующими событиями.

Обе стороны конфликта заняли более радикальные позиции. Правительство Израиля, которое 19 июня 1967 года выразило готовность уйти с Синайского полуострова и Голанских высот в обмен на мир, теперь отказалось от этого решения, когда Моше Даян ожидал от арабских лидеров телефонного звонка. Хартумская конференция в сентябре 1967 го-

да, на которой присутствовали восемь арабских государств, обнародовала три своих требования: ни мира, ни признания Израиля, ни переговоров с ним. Несмотря на это, впервые заговорили о том, что территории, утраченные арабами, могут быть восстановлены дипломатическим путем, но средства массовой информации сосредоточились на резких заявлениях, блокирующих путь к переговорам.

После нескольких месяцев затишья на границах Египта и Иордании вспыхнули столкновения. Египтяне пытались вынудить израильтян уйти с Суэцкого канала, обстреляв силы ЦАХАЛа, которые понесли тяжелые потери. Помимо строительства укреплений вдоль канала (линия Бар-Лева, названная в честь начальника штаба Израиля Хаима Бар-Лева), подразделения ЦАХАЛа совершили рейд на египетские позиции на западном берегу Суэцкого залива с целью сдерживания египтян и подавления артиллерии, в которой последние имели явное преимущество. Когда стало очевидно, что это не предотвратит сильных обстрелов, были развернуты военно-воздушные силы, сначала в ограниченном масштабе, а затем с рейдами глубоко внутрь Египта. Они нанесли удар по военным объектам и инфраструктуре. Города вдоль канала обратились в груды руин, и сотни тысяч египетских беженцев устремились в Каир. В ответ египтяне призывали Советский Союз к более активному вмешательству. Русские поставили им большое количество оружия, ракеты класса «земля – воздух» и новейшие самолеты. Чтобы обу-

читать египтян обращаться с этим оружием, прибыли русские специалисты и военнослужащие. Обеспокоенный конфликтом с Советским Союзом, Израиль с апреля 1970 года прекратил бомбардировки в глубине Египта. Накануне соглашения о прекращении огня, вступившего в силу 8 августа 1970 года, произошло сражение между военно-воздушными силами, в котором русские пилотировали египетские самолеты. Пятеро из них были сбиты.

Существуют разногласия по поводу того, когда началась «война на истощение» (термин Насера). Одни датируют ее начало осенью 1968 года, когда произошло первое столкновение на границе, другие – мартом 1969 года, после которого бои продолжались почти 18 месяцев. В любом случае граница с Египтом была опасной и беспокойной до конца «войны на истощение». Эта война проверила способность ЦАХАЛа выдерживать длительный бой с тяжелыми потерями (более 700 израильтян были убиты). ЦАХАЛ выдержал затяжной и трудный конфликт, который казался бессмысленным и безысходным после славной победы в Шестидневной войне.

Между тем граница с Иорданией также была беспокойной. С осени 1967 года палестинские террористические группы начали организовываться при поддержке ООП, которая надеялась поднять население Западного берега на партизанскую войну против оккупации. Однако в целом население было пассивным и оставалось равнодушно к призывам. Тогда ООП взяла на себя задачу организации сопротивления.

«Открытые мосты» через реку Иордан были открыты в обоих направлениях, и оружие, техника и личный состав переправлялись через них на Западный берег. Были совершены террористические акты против мирных жителей внутри «зеленой линии» и в Иерусалиме. Пытаясь сдержать ООП, ЦАХАЛ начал операцию «Караме» в марте 1968 года. Караме была небольшой деревней на юге Иордании, в которой располагалась штаб-квартира ООП и Ясира Арафата, сменившего Ахмада Шукейри на посту главы организации. То была крупномасштабная операция, направленная на уничтожение инфраструктуры ООП в этом районе. Но операция не увенчалась успехом. Вмешалась иорданская армия, и десятки ее солдат были убиты вместе с более чем сотней террористов. Остальные террористы рассредоточились по местности. Армия обороны Израиля потеряла около 30 человек, а также несколько танков и один самолет – высокая цена, которую пришлось заплатить за то, что в лучшем случае было посредственным достижением. Террористические организации добились больших успехов; их люди не спасались бегством, но удерживали позиции и хорошо сражались, даже нанеся потери непобедимому ЦАХАЛу. В палестинской пропаганде Караме легла в основу мифологии палестинского сопротивления.

Вскоре ООП и другие террористические организации вернулись к действиям из Иордании, используя эту страну с палестинским большинством в качестве базы для нападений

на Израиль. Палестинцы обстреливали поселения в долине Бейт-Шеан, которые долгое время были вынуждены оставаться без света в домах по ночам. ЦАХАЛ открыл ответный огонь и развернул военно-воздушные силы. Полоса сельскохозяйственных поселений к востоку от реки Иордан была полностью разрушена. ООП усилилась в Иордании, фактически приспособив Хашимитское королевство для собственных нужд. Действия против Израиля, террористические акты на международных авиалиниях и возмездие Израиля – все это угрожало правлению короля и безопасности его королевства. В сентябре 1970 года («Черный сентябрь») король Хусейн развернул свои силы против террористических организаций и после кровавой бойни изгнал их из своего королевства. Граница с Иорданией затихла, и террористы перенесли большую часть своей деятельности на юг Ливана.

Непрекращающаяся война и ежедневные цифры потерь, публикуемые в прессе, оказали очень удручающее воздействие на общественное мнение. В Израиле функционировало правительство национального единства во главе с Голдой Меир, сменившей покойного Леви Эшколя. Чтобы избежать внутренней борьбы между «голубыми» и «ястребами» (термины, взятые из лексикона американской войны во Вьетнаме), «Авода» решила (в духе того времени) не принимать решения. Пока не будут проведены настоящие переговоры с арабским государством, правительство Израиля не должно выдвигать свои территориальные претензии. Как заяви-

ла Голда Меир: «Будет “что”, когда появится “кто”». Американские планы навязывания урегулирования, как, например, предложенный госсекретарем Уильямом Роджерсом, в котором говорилось об уходе Израиля к границам от 4 июня 1967 года, и мирные соглашения с арабскими государствами были отвергнуты как израильянами, так и арабами. Правительство Израиля декларировало политику, открытую к поискам возможного мирного урегулирования. Но на самом деле ситуация заключалась в том, что арабы не были готовы признать существование Израиля, поэтому разговаривать было не с кем, и ничто не предвещало мира.

В большом мире это были беспокойные годы, повлиявшие на происходившее в Израиле. Студенческие демонстрации в Европе и США, массовые митинги против войны во Вьетнаме, социальные волнения в Америке, вызов, брошенный американским буржуазным ценностям «детьми цветов», развитие молодежной субкультуры, противопоставленной культуре взрослых и любой властной структуре в обществе – особенно культу патриотизма, – все эти очень мощные веяния были восприняты несколько пуританской, наивной культурой идеалистически настроенной израильской молодежи. Эти тенденции и идеи были привнесены в Израиль волонтерами, наводнившими кибуцы, а также сообщениями средств массовой информации о событиях в Европе и Соединенных Штатах.

Новые тенденции обрели благодатную почву. После Ше-

стидневной войны относительно стабильное израильское общество потеряло опору. Под влиянием беспрестанного беспокойства и эйфории победы, между глубоким облегчением после победы и осознанием того, что до мира еще далеко, облик страны изменился, причем очень быстро. Экономический рост, последовавший за войной, увеличил социальный разрыв. Привычка обходиться малым и эгалитаризм, существовавшие (по крайней мере, теоретически) в «малом Израиле», исчезли. Израильское общество, казалось, было пропитано материализмом, алчностью и гедонизмом. Уровень жизни повысился. Особенно выделялись нувориши, накопившие богатство на строительстве укреплений и армейских лагерей. Иммигранты из СССР, которые теперь воспользовались улучшенными условиями абсорбции, в отличие от иммигрантов из Северной Африки начала 1960-х годов вызвали враждебность со стороны жителей бедных кварталов и переселенцев из маабарот, которые увидели в этом этническую дискриминацию.

В 1971 году в Иерусалиме появилась группа общественных активистов, которые вместе с социальными работниками взаимодействовали с уличными бандами в бедных кварталах. Называя себя «Черными пантерами» (еще один термин, заимствованный из Соединенных Штатов), они организовывали бурные демонстрации под лозунгами, требующими прекращения дискриминации со стороны ашкеназов против мизрахи, преимущественно из Северной Африки.

Израиль не сталкивался с этнически окрашенным социальным протестом со времен беспорядков в Вади-Салибе в 1959 году. Встреча между представителями «Черных пантер» и премьер-министром Голдой Меир только увеличила разрыв между двумя сторонами. «Пантеры» покинули собрание с чувством, что премьер-министр видела в них не ядро политического движения (как они позиционировали себя), а маргинальную молодежь, нуждающуюся в реабилитации. После демонстрации «пантер» в иерусалимском парке Сакер во время празднования мимуны (североафриканского еврейского традиционного праздника), сопровождавшейся проявлениями насилия, Голда Меир сказала: «Они неприятные», — замечание, которое они не забыли и не простили никогда.

Тем не менее правительство не осталось равнодушным к обнаружившимся социально-экономическим проблемам. Бюджет того года включал увеличение финансирования образования и социального обеспечения. Комиссия премьер-министра, созданная для изучения положения обездоленных детей и молодежи, выявила серьезные экономические трудности среди иммигрантов из Азии и Африки, требовавшие немедленного внимания. Комиссия представила свои выводы в июне 1973 года. Вспыхнувшая война Судного дня в октябре сместила внимание с социальных проблем на вопросы безопасности и политические вопросы. Однако движение «Черных пантер» можно рассматривать как нача-

ло этнического протеста в Израиле, и с тех пор этот вопрос остается в повестке дня.

Появление маргинальной группы «новых левых», Matzpen, возвестило о новом феномене: справедливость государственности вызывает сомнения у израильтян. Это были больше не старые коммунистические или социалистические левые. Для новых левых СССР потерял свой блеск после вторжения в Чехословакию в 1968 году. Героями новых левых были Че Гевара, Фидель Кастро, Хо Ши Мин и партизаны третьего мира, сражавшиеся против порабощения западными капиталистами. На израильской сцене именно палестинцы захватили воображение новых левых, которые видели в них угнетенных людей, ведущих народную войну против западного империализма и Израиля, после 1967 года ставшего сильным, сытым и воинственным. Забыта была поддержка левыми Израиля как государства еврейских беженцев, забыта борьба с антисемитизмом. Отныне они считали, что Израиль находится по другую сторону баррикад в борьбе за свободу обездоленных. Matzpen выбрала новые левые позиции и применила их к местным условиям. Это уже не критика какой-либо государственной политики, а критика, ставящая под сомнение саму легитимность существования Израиля, поскольку его создание было связано с несправедливостью по отношению к палестинцам.

Маргинальные группы, такие как Matzpen и даже «Черные пантеры», были чрезвычайно малочисленными и не могли

вызвать народное доверие. Подавляющее большинство израильтян как слева, так и справа, независимо от того, согласны они со всеми действиями своего правительства или нет, разделяли его уверенность в том, что оно любыми средствами достигнет мира и что нескончаемая война, которую израильской молодежи приходилось вести на границах, была «войной без выбора». Но в начале 1970 года внутренняя напряженность в сочетании с падением морального духа среди молодых людей из-за бесконечной войны и многочисленных случаев гибели разразилась чередой событий. В апреле того же года выяснилось, что Нахум Гольдман, президент Всемирного еврейского конгресса, прощупывает почву и добивается встречи с президентом Египта Гамалем Абделем Насером. Неизвестно, было ли что-нибудь в этих контактах и действительно ли Гольдман был приглашен в Каир. Ясно то, что правительство Израиля во главе с Голдой Меир мало что знали о дипломатической попытке Гольдмана и его выставлении себя напоказ как некоронованного министра иностранных дел еврейского народа. Гольдман воспользовался своей свободой и отправился туда, куда официально Израилю было запрещено отправлять посланников. Он также не всегда консультировался с израильским правительством и не всегда действовал в соответствии с его пожеланиями. Как писал ученый Меир Чазан, инициатива Гольдмана находилась в сумеречной зоне дипломатии.

Не важно, могла ли встреча в Каире состояться или нет.

Важно, что из-за того, что общественность посчитала отказом правительства дать Гольдману свое благословение на возможное заключение мира, что никак нельзя было упускать, разразилась настоящая буря. В газетах разгорелась острая полемика между сторонниками и противниками Гольдмана. Группа из 56 учеников средней школы Иерусалима направила премьер-министру письмо с предупреждением: «Мы и многие другие поэтому задаемся вопросом, как мы можем сражаться в постоянной, бесконечной войне, в то время как политика нашего правительства такова, что шансы заключить мир упущены»²⁰⁶. В отличие от американских противников войны во Вьетнаме, которые отправлялись в Канаду, чтобы избежать призыва, большинство подписавших это письмо через несколько месяцев были зачислены в боевые подразделения и служили на фронте у Суэцкого канала.

Письмо, известное как «Письмо двенадцатиклассников», вызвало как бурную поддержку, так и отпор среди израильской молодежи. После него в израильском обществе началась политическая дискуссия о мире, чего ранее избегали. В то же время в театре Камери в Тель-Авиве была поставлена сатирическая пьеса Хануха Левина *Queen of the Bathtub* («Королева ванной»). Помимо использования нецензурной лексики и крайне грубых образов (под влиянием новой все-

²⁰⁶ *Chazan M. Yozmat Nachum Goldmann lehipagesh im Nasser bishnat 1970* (Инициатива Нахума Гольдмана о встрече с Насером в 1970 г.) // *Studies in Zionism and the State of Israel*. Vol. 14 (2004), p. 277.

дозволенности), вызывавших отвращение у публики, пьеса была резкой антивоенной сатирой, подобной которой никогда раньше не видели в Израиле. В одном из эпизодов Ханок Левин обвинил отцов в том, что они приносили своих сыновей в жертву войне. Сомнительно, чтобы другие демократические страны разрешили постановку такого спектакля в то время, когда гремели пушки. Яростные протесты зрителей и широкой общественности против пьесы наряду с поддержкой пьесы и ее идей, а также за свободу выражения мнений освещались в прессе более месяца.

Символически с этим событием связано представление *Song for Peace* («Песня во имя мира»), поставленное армейской развлекательной труппой. Созданная Яковом Ротблитом как гимн и вдохновленная фильмом *Hair* («Волосы»), эта песня говорила от имени павших в «войне на истощение» и призывала к мирной активности (в духе «Give Peace a Chance»)²⁰⁷:

Пусть солнце встанет
И даст утренний свет.
Чистейшая молитва
Не вернет нас.

В заключение говорилось:

Не говори, что этот день настанет,

²⁰⁷ «Дайте миру шанс» (англ.), песня Джона Леннона 1969 г. – Прим. перев.

Сделай так, чтобы он наступил!

Ибо это не сон.

И на всех городских площадях

Приветствуйте мир!

Это вызвало гнев командира Центрального военного округа ЦАХАЛа Рехавама Зеэви, который запретил постановку. С тех пор песня стала гимном израильского движения за мир.

Теперь обнажилась изнанка израильского общества: психологическая трудность выдержать затяжную войну, чувствительность к человеческим жертвам и тоска по миру. Подавляющее большинство израильтян считали, что они участвуют в «войне без выбора» и должны стиснуть зубы и служить в Армии обороны Израиля в меру своих возможностей. Хотя в средствах массовой информации подчеркивалось появление новых левых пацифистов, на самом деле утверждение правительства, что не с кем поговорить и в то же время не о чем говорить, получило почти всеобщее одобрение. Однако продолжительный трехлетний период обязательной военной службы, частые вызовы из запаса и особенно списки павших солдат подорвали моральный дух. Радость победы сменилась глубоким разочарованием. Общественный консенсус в Израиле, поддерживаемый партией «Авода», теперь был поставлен под сомнение как в социальном, так и в политическом отношении. Единый национальный дух всего лишь дал трещины, но они предвещали раскол.

Война Судного дня, 1973

6 октября 1973 года, в Йом Кипур, по всему Израилю прозвучала сирена воздушного налета, ознаменовав начало новой эры, хотя в то время этого никто не мог себе представить. Война Судного дня – или Октябрьская война, как ее называли египтяне, – стала переломным моментом в истории Израиля и Ближнего Востока. Она изменила восприятие израильтянами своей страны, а также политическое и социальное пространство Израиля и его отношения с соседями, возможно, даже больше, чем Шестидневная война.

Никто в Израиле или на Западе не ожидал, что осенью 1973 года разразится война. В сентябре 1970 года, примерно через месяц после окончания «войны на истощение», Насер внезапно скончался, и его место занял Анвар Садат, один из наименее выдающихся офицеров, возглавлявших переворот 1952 года в Египте. В дипломатических и разведывательных отчетах он описывался как «серый» человек, лишенный энергии и лидерства. Там утверждалось, что он не способен проводить новую политическую линию или, как вариант, развязать войну. В течение трех лет между осенью 1970 и осенью 1973 года израильско-египетская граница оставалась спокойной. В первый месяц после «войны на истощение» и соглашения о прекращении огня, которое должно было за-

морозить существующую ситуацию, египтяне развернули ракеты класса «земля – воздух» (ЗРК) вдоль Суэцкого канала, что было вопиющим нарушением соглашения о прекращении огня. Протесты Израиля оказались безрезультатными, поскольку египтяне проигнорировали требования Америки о выводе ракет, а Израиль не считал это достаточной причиной для нарушения режима прекращения огня.

Израиль неверно оценил глубину горечи и унижения египтян после оккупации Синайского полуострова и разгрома их армии. Их готовность спровоцировать столкновения с израильтянами, а затем и «война на истощение» вскоре после окончания войны 1967 года должны были предоставить Израилю достаточные доказательства того, что Египет, крупнейшее и сильнейшее из арабских государств, не способен принять с течением времени статус-кво. Размещение ЗРК вдоль канала стало еще одним намеком на воинственные намерения Египта. Но в Израиле царило самодовольство из-за масштабов победы в 1967 году, приведшее к тщеславию и высокомерию высшего командование ЦАХАЛа. Военное руководство считало египетскую армию неполноценной, неспособной к самопожертвованию и стойкости. Возникла «концепция» разведки. Согласно ей, до тех пор, пока египетская армия не будет снабжена тактическими баллистическими ракетами Scud, способными поразить тыл Израиля, и современной военной техникой, которая даст ей преимущество над Армией обороны Израиля, египтяне не нападут. Эта

оценка была основана на противоречивых отчетах разведки. Был ли источник достоверным, или информация была передана двойным агентом, чтобы ввести израильтян в заблуждение? Руководители разведки далее утверждали, что египтяне не осмелятся атаковать, потому что знают, что ЦАХАЛ нанесет им поражение. Но даже если бы египтяне атаковали, они приложили бы лишь частичные усилия, с которыми регулярные подразделения ЦАХАЛа могли справиться, пока не будут мобилизованы резервы. На мобилизацию резерва требовалось 48 часов.

В начале 1971 года, вскоре после того, как утвердился во власти и стал президентом, Садат стал прощупывать почву, намекая на изменение внешнеполитической линии египтян, предлагая достичь соглашения с Израилем, якобы в переговорах по продлению перемирия вдоль Суэцкого канала, которое должно было закончиться через три месяца. В ноябре 1970 года Моше Даян публично говорил о взаимном сокращении израильских и египетских сил вдоль канала и даже об отходе израильских войск на некоторое расстояние от него, чтобы позволить Египту очистить канал, открыть его для судоходства и восстановить города вдоль его берегов. Этот шаг был направлен на уменьшение давления на Израиль с целью достижения урегулирования на основе полного ухода с оккупированных территорий, а также для обеспечения продолжения режима прекращения огня. Более того, такая договоренность побудила бы египтян сохранять режим тишины на

границе.

Предложения Даяна были встречены в Израиле без особого энтузиазма, поскольку предполагали в определенной степени уход с оккупированной территории без мирного соглашения. Но Садат, продолжая мысли Даяна, сделал собственное предложение: если Израиль согласится отойти к линии Эль-Ариш – Рас-Мухаммад (примерно посередине Синая) и передать этот район под контроль Египта, включая военный, он продлит режим прекращения огня, откроет канал для судоходства, восстановит города на канале и даже позволит международным силам остаться в Шарм-эль-Шейхе, чтобы обеспечить свободный проход через Эйлатский залив. Однако Израиль не пожелал отступить к перевалам Митла и Гидди и позволить египетской армии перейти на восточный берег канала. Несмотря на то что временное соглашение не налагало бы условий на будущее окончательное соглашение, обе стороны боялись сделать шаг, который мог бы ослабить их позиции на переговорах по окончательному соглашению. Израиль опасался вывода войск без предварительной договоренности о мирном договоре. Садат потребовал заключить предварительное соглашение о полном отступлении к границам от 4 июня 1967 года и обусловил мирный договор урегулированием палестинской проблемы.

Американские посредники считали, что позиции сторон слишком далеки друг от друга, чтобы способствовать достижению соглашения. Безвыходное положение продолжалось в

течение следующих двух лет и было преодолено только после войны Судного дня. В ходе переоценки ценностей, произошедшей в Израиле после войны, и учитывая, что временные соглашения, достигнутые после войны, оказались очень похожи на те, которые были предложены Садатом, был поставлен вопрос, не совершил ли Израиль трагическую ошибку, отвергнув предложения Садата 1971 года. Это один из тех вопросов, на которые историки затрудняются ответить. Ситуация до войны не имела ничего общего с ситуацией после нее, как с точки зрения позиции Садата и его способности предпринимать решительные шаги, так и с точки зрения правительства Израиля, его взглядов на ситуацию и возможности выхода из нее. Мог ли Садат до войны пойти на временное соглашение без заявления об окончательном урегулировании? Был бы оправдан отказ израильского правительства от территории в обмен на двусмысленное соглашение о неприменении боевых действий без мирного договора? Эти вопросы останутся открытыми для историков. В контексте 1971 года они были связаны с довоенной оценкой израильских и американских лидеров и ограниченным доверием к Садату и его намерениям.

В течение последующих двух лет Соединенным Штатам хватало забот, прежде всего, в других регионах мира. Ближний Восток считался задворками международной политики. Садат укреплял свои позиции в Египте. По его заявлению, 1971 год должен был стать «решающим годом», но год про-

шел без нарушения режима прекращения огня, несмотря на провал переговоров по временному соглашению. В июле 1972 года Садат потребовал от Советского Союза отозвать своих военных советников из Египта, что явилось явным намеком для Соединенных Штатов на его намерения сменить ориентацию в политике. Садат признал, что ему нужна американская поддержка, чтобы заставить Израиль уйти, однако на данном этапе американцы не проявили никакого интереса к выходу из ближневосточного тупика. Они, как и израильтяне, считали, что в случае вооруженного конфликта Израиль легко одержит победу над египтянами.

Египетские планы Октябрьской войны были основаны на предположении Садата, что, если ему удастся оккупировать любую территорию по другую сторону Суэцкого канала, он выйдет из тупика и изменит статус-кво. Египтяне планировали, что их многочисленная армия пересечет канал по всей линии, а затем окопается на узкой полосе шириной от 10 до 15 километров под зонтиком ЗРК. Для египтян ошеломляющая победа израильских ВВС в Шестидневной войне, когда те подвергли египетские наземные силы воздушной атаке, стала потрясением. Теперь египтяне пытались защитить себя от подобной возможности, плотно прикрывая армию с помощью ЗРК, что нейтрализовало бы превосходство израильских ВВС. Планирование войны Египтом было опробовано в ходе маневров, самые значительные из которых провели в апреле 1973 года; это заставило ЦАХАЛ объявить по-

вышенную боевую готовность и мобилизовать резервы. Позже выяснилось, что эта серия маневров на самом деле была учениями египетской армии для перехода через канал, а также для того, чтобы ввести израильтян в заблуждение и притупить их бдительность ложными тревогами. Неоднократные крики о волке в итоге сделают врага невнимательным к любым признакам неминуемой атаки. В апреле 1973 года Садат и президент Сирии Хафез Асад согласовали план войны. 25 сентября король Хусейн предупредил Голду Мейр о неизбежном скоординированном египетско-сирийском нападении. Он не назвал точную дату. Его предупреждение последовало за саммитом в Каире, где он узнал о плане совместной войны. Ему поручили предотвратить нападение Израиля на Сирию через Северную Иорданию.

Все признаки указывали на воинственные намерения сирийцев и египтян. Сосредоточение египетских войск вдоль Суэцкого канала и наведение мостов были явными признаками неминуемой атаки. Крупные сирийские бронетанковые силы наблюдались вдоль границы с Сирией на Голанских высотах. По словам Даяна, численность сосредоточенных сил могла обеспечить сердечный приступ. Но израильская разведка продолжала утверждать, что существует «низкая вероятность» войны, поскольку условия, необходимые Садату для нападения, не достигнуты. В оценке разведчиков сочетались спокойствие и преувеличенная самоуверенность. Предполагалось, что даже если война действительно разразится,

последует как минимум 48-часовое предупреждение, обеспечив время, необходимое для мобилизации резервов.

В пятницу, накануне Йом Кипур, израильский кабинет министров собрался на экстренное заседание. Были получены разведданные, не оставляющие сомнений в том, что на следующий день разразится война с Сирией и Египтом. Разведка доложила о начале войны в 18:00. На самом деле все началось в 14:00. В ходе пятничной дискуссии начальник Генерального штаба Давид Дадо Элазар запросил разрешение на нанесение превентивного удара с воздуха по многочисленным египетским и сирийским войскам. Кабинет отказался выставлять Израиль в роли агрессора. Кабинет министров предупредил администрацию США о неизбежности войны, заявив, что Израиль не намерен наносить превентивный удар. В то же время было принято решение об ограниченной мобилизации резервов. К счастью, за несколько дней до этого на Голанские высоты выдвинулась дополнительная бронетанковая бригада, что сыграло решающую роль в предотвращении сирийского наступления.

Война Судного дня была противоположностью Шестидневной войны: вместо быстрой решающей победы – большое количество жертв, потеря контроля и ошибочное понимание карт сражений, борьба между генералами и отсутствие доверия. Все, что могло пойти не так, пошло не так. Быстрое наступление сирийцев привело к экстренной и мучительной эвакуации из израильских населенных пунктов на Голанских

высотах. В эпоху танковых войн больше не было места мифу о поселениях, защищающих территорию. Командный пункт на базе Нафах достался сирийцам. Гора Хермон была взята сирийскими спецназовцами. Между сирийскими танками, Иорданской долиной и долиной Хула находились лишь небольшие бронетанковые подразделения – несколько танков, рота здесь и рота там, остановившие сирийское наступление ценой жертв своих экипажей. В течение двух дней ситуация на севере казалась ужасной. Из-за сирийских ракет у ВВС возникли сложности. Только с прибытием резервов и началом реорганизации началась битва за возвращение высот, за которой последовало наступление ЦАХАЛа, оно вывело войну за пределы Эль-Кунейтры²⁰⁸ к дороге на Дамаск. Накануне прекращения огня ЦАХАЛ отвоевал опорный пункт на горе Хермон, жизненно важный для наблюдения за сирийской территорией.

Переход Египта через Суэцкий канал начался с интенсивного артиллерийского обстрела опорных пунктов линии Бар-Лева. Несмотря на раннее предупреждение, войска оказались застигнуты врасплох. Египетские войска перешли канал под прикрытием артиллерии. Несколько израильских военнослужащих на опорных пунктах было убито, несколько взято в плен, а остальным удалось вернуться к позициям ЦАХАЛа. Израильские ВВС, пытаясь остановить сирийское и египетское наступление, понесли неожиданно тяжелые по-

²⁰⁸ Город на окраине региона Голанских высот, сейчас разрушен.

тери от ЗРК. Стратегия египетской армии оказалась эффективной. На ранних этапах войны необходимость оказания помощи сухопутным войскам не позволяла израильским ВВС уничтожить ракетные базы, что увеличивало потери самолетов. Потеря пилотов была намного серьезнее, чем потеря самолетов. После Шестидневной войны в ЦАХАЛе преобладало мнение, что военно-воздушные силы станут решающим фактором в войне. Как обучению, так и капиталовложениям в пехоту и бронетехнику не уделялось должного внимания. Например, у израильских войск не было приборов ночного видения, а у египтян были. Противотанковые ракеты Sagger российского производства²⁰⁹, находящиеся на вооружении египетской армии, уничтожали израильскую бронетехнику, поскольку израильтяне не могли ответить им тактически. Было ясно, что снаряжение ЦАХАЛа устарело, а кое-чего просто не хватало; дополнительные склады, открытые после мобилизации резервов, часто оказывались полупустыми. Поспешная мобилизация в чрезвычайных условиях выявила недостатки в логистической системе ЦАХАЛа.

Как говорится, у победы тысяча отцов, а поражение – всегда сирота. Война Судного дня впервые в израильской военной истории спровоцировала «войну генералов», поскольку начальник Южного командования Шмуэль (Городиш) Гонен – легендарный герой книги Шабтая Тевета «Танки Таммуза» – постоянно конфликтовал со своим предшественни-

²⁰⁹ Противотанковый ракетный комплекс «Малютка».

ком Ариэлем (Ариком) Шароном, который теперь возглавлял резервную дивизию под командованием Гонена. Гонен, вступивший на пост летом перед войной, не смог удержать контроль над фронтом и действовал неадекватно обстановке. Его тактика соответствовала уровню командира дивизии, а не главе командования. Со своей стороны, Шарон не был склонен подчиняться приказам непосредственного начальника или даже начальника Генерального штаба и руководил операциями своей дивизии так, как считал нужным. «Война генералов» происходила в то время, когда в первые дни войны бушевали ожесточенные бои, а ЦАХАЛ еще не адаптировался к новым боевым условиям.

В первые пять дней войны Израиль занимал оборонительную позицию, но продолжал предпринимать локальные контратаки на обоих фронтах. 8 октября, основываясь на непроверенных данных и ошибочной интерпретации ситуации, ЦАХАЛ начал контратаку на южном фронте, и она закончилась неудачей. Это был, наверное, самый тяжелый момент за всю войну. Танки были уничтожены, их экипажи убиты, самолеты потеряны, их пилоты также погибли. Даян утратил самообладание и готовился объявить о «разрушении Третьего Храма» на пресс-конференции. Голда Меир, которую редакторы газеты предупредили о намерении Даяна, помешала ему сделать это объявление. Обеспокоенная потерей боевой техники, она обратилась с отчаянной личной просьбой к президенту США Ричарду Никсону доставить по воз-

духу военную технику в Израиль, намекая, что государство находится в серьезной опасности. Никсон согласился, и 14 октября началась воздушная переброска.

Тем временем кабинет министров и генералитет приняли решение о смене приоритетов: сосредоточиться на сирийском фронте, наиболее опасном из-за близости к израильским населенным пунктам, тем временем оставаясь в обороне на египетском фронте. Отразив сирийскую атаку и вернув себе большую часть Голанских высот, ЦАХАЛ начал там контратаку 11 октября, и в течение трех дней ситуация изменилась до неузнаваемости. Когда боевые действия закончились, пригороды Дамаска были в пределах досягаемости артиллерии ЦАХАЛа. На юге, не считая поражений 8 и 14 октября, ЦАХАЛ продолжал свою оборонительную тактику, прилагая все усилия, чтобы предотвратить истощение военных сил. 14 октября египетская армия отказалась от своего первоначального плана оставаться под ракетным зонтом и начала бронетанковую атаку на Синае. В этом сражении египетская армия потеряла около 250 танков, а ЦАХАЛ только 20. После ослабления египетской армии и поражения сирийцев на Голанских высотах настало время израильского наступления. Оно началось с форсирования канала войсками ЦАХАЛа, продолжилось захватом его Западного берега и закончилось обходом египетской армии с фланга. Когда 22 октября было объявлено о прекращении огня, ЦАХАЛ контролировал дороги в Каир и Дамаск. Армия обороны Из-

раиля использовала нарушения Египтом режима прекращения огня, чтобы завершить окружение третьей египетской армии. Прекращение огня вступило в силу 24 октября.

Первые дни войны оказались самыми тяжелыми. За это время были развенчаны мифы о силе и боевой способности ЦАХАЛа, слабости и низкой боеспособности арабов. Мало того что египтяне и сирийцы застали врасплох Израиль – Израиль, который бахвалился превосходной разведкой, – но и в самих боях ЦАХАЛ не смог ничего противопоставить ракетам Sagger, изобретательно и смело использованным египетскими войсками. Бронетехника и авиация понесли тяжелые потери. Падение укреплений канала, когда многие из их защитников оказались захвачены в плен или убиты египтянами, стало серьезным ударом по моральному духу израильтян. Показанные по телевидению кадры заключенных пошатнули миф о храбрости, сильном сабре, который никогда не сдается. На протяжении многих лет существования государства этот миф определял общепринятый образ поведения сабров, олицетворявший резкий контраст с евреем диаспоры, покорно подчинявшимся угнетателям.

В первые пять дней боев армия понесла примерно половину потерь всей войны. Около 2300 человек погибли (по другим оценкам, это число составляет 2600) и более 5000 были ранены (по другим оценкам, 7500). Было потеряно около 100 самолетов и выведено из строя около 1100 танков, 400 из которых полностью уничтожены. Арабы, однако, потеря-

ли около 370 самолетов и 2250 танков, около 15 600 солдат были убиты и около 8700 взяты в плен (по сравнению с 300 израильтянами). Но Израиль был ошеломлен не только своими потерями, но и постепенным осознанием того, что во время войны были моменты, когда казалось, что само существование государства висит на волоске. Одна из газет опубликовала статью с игрой слов со словом *blima* на иврите, которое означает оборонительные действия и также является частью идиомы «висеть на волоске».

В первые дни боев общественность не знала, что происходило на двух фронтах, и продолжала верить, что ЦАХАЛ «сломает им кости», как обещал начальник Генштаба. По мере того как война продолжалась и египтяне транслировали изображения израильских военнопленных, израильская общественность осознала, что эта война становится иной, не бесконечным парадом побед, к которому они привыкли с 1956 года. Поэт Иегуда Амихай писал: «Октябрьское солнце согревает наших мертвецов. / Горе – тяжелая деревянная доска, / слезы – гвозди»²¹⁰.

Война закончилась патовой ситуацией для израильских и египетских сил. Израиль не смог демобилизовать свои резервные части, что сделало возвращение к нормальной жизни чрезвычайно трудным. Окруженная Третья египетская

²¹⁰ Amichai Y. Shirei eretz tzion Yerushalayim (Песни земли Сиона и Иерусалима) // Me'ahorei kol zeh mistater osher gadol (переведено Тедом Хьюзом как «Аминь»). Tel Aviv, Jerusalem: Schocken, 1985, p. 8.

армия нуждалась в припасах, которые Израиль поставлял в небольших количествах под эгидой ООН. Ситуация не могла продолжаться долго; обе стороны были заинтересованы в размежевании. Израильские силы достигли 101-го километра на дороге Суэц – Каир, где 28 октября генерал Абдель-Гани эль-Гамасси и бригадный генерал Аарон Ярив встретились для прямых переговоров, первых в своем роде в израильско-египетских отношениях. Два переговорщика представляли лидеров своих стран – Анвара Садата и Голду Меир – и отчитывались перед ними в ходе переговоров. Их закулисным партнером был госсекретарь США Генри Киссинджер.

Одним из результатов войны стало повышение статуса Соединенных Штатов в арабском мире, поскольку Садат был убежден, что, хотя Советы могут поставлять ему оружие, они не могут оказать давление на Израиль, чтобы тот вывел войска с занятых территорий. Однако Израиль был изолирован и более, чем когда-либо, зависел от Соединенных Штатов, что сделало его уязвимым для американского давления. Европейские страны не оказали поддержку Израилю в трудный час, и стало ясно, что с американскими воздушными перевозками они не помогут. Во время войны, 7 октября, арабы объявили нефтяное эмбарго в знак протеста против американской помощи Израилю, что вызвало беспрецедентный рост цен на нефть. Нефтяной картель Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) получил огромные прибыли, но

арабы также признали необходимость переговоров с американцами. Киссинджер, который до войны редко участвовал в ближневосточных делах, теперь разработал концепцию, согласно которой соглашение между Израилем и египтянами станет основой для дальнейших соглашений между Израилем и странами арабского мира; он заявил, что такое соглашение должно заключаться шаг за шагом, не создавая нереалистичных ожиданий с обеих сторон, и что Соединенные Штаты должны играть ведущую посредническую роль между двумя сторонами.

Формально рамками для соглашений должна была стать международная конференция в Женеве, инициированная Никсоном и Киссинджером и с участием Советов в рамках разрядки между США и СССР. Но настоящие переговоры между сторонами должны были проходить при посредничестве Киссинджера, который должен был контролировать весь процесс. Переговоры на 101-м километре шли хорошо, Гамасси и Ярив нашли общий язык. Здесь были согласованы шесть пунктов, которые станут основанием для размежевания. Они касались обмена пленными, снабжения Третьей армии и снятия египетской блокады Баб-эль-Мандебского пролива, введенной в начале войны, частично блокировавшей проход в Эйлатский залив. Египетские силы должны остаться в полосе шириной 10 километров к востоку от Суэцкого канала. Израиль должен уйти с территории, которую оккупировал к западу от канала, а также с полосы шириной 20

километров к востоку от него. Десятикилометровая буферная зона между ЦАХАЛом и египетской армией будет занята Чрезвычайными силами ООН (ЧС ООН) для наблюдения за соблюдением режима прекращения огня и разъединением. Силы с обеих сторон будут сокращены до 7000 человек. В какой-то момент прямые переговоры на 101-м километре были остановлены под давлением Киссинджера, который хотел, чтобы соглашение было достигнуто на Женевской конференции. Соглашение было подписано на 101-м километре 18 января 1974 года. Его схема легла в основу будущих соглашений между Израилем и Египтом. Урок, извлеченный из прямых переговоров на 101-м километре, заключался в том, что это способствовало быстрому продвижению переговоров. Урок не был забыт.

С Сирией было труднее достичь соглашения о военном разъединении. После продолжительных переговоров, которые вызвали обострение, приведя в марте 1974 года к «войне на истощение» вдоль границы, 31 мая 1974 года в Женеве было подписано соглашение, в соответствии с которым Израиль обязался уйти с территории, которую оккупировал во время войны (там будут размещены войска ЧС ООН), был произведен обмен пленными, и сирийцы обязались сократить силы вдоль границы. Хотя она была и агрессором, и проигравшей стороной, Сирия настаивала на территориальной выгоде, аналогичной той, которую получил Египет на Синае: уход Израиля с некоторых территорий, оккупирован-

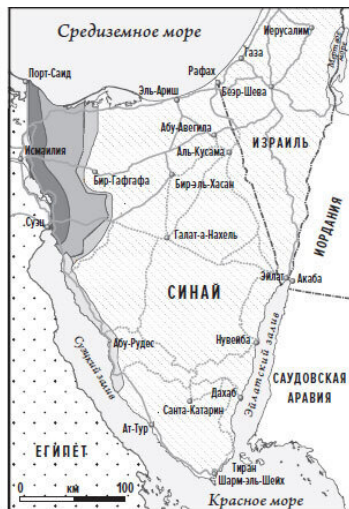
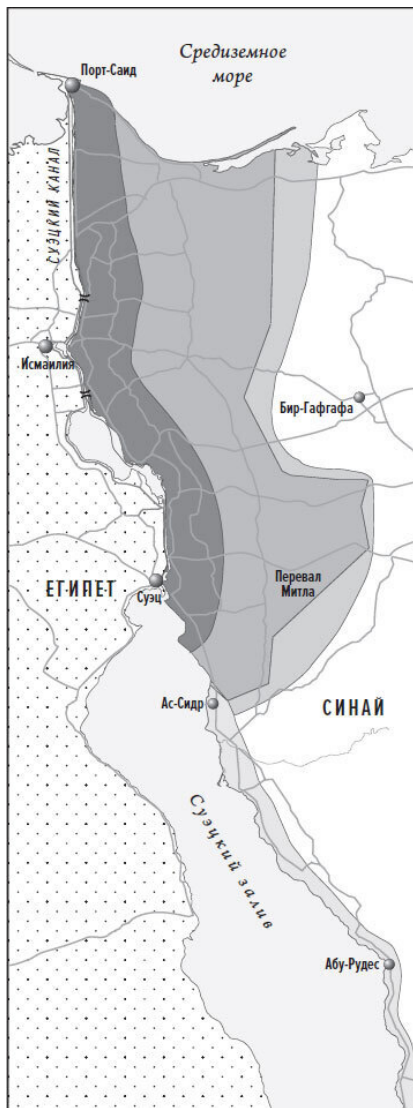
ных во время войны 1967 года. Предстояли долгие и трудные переговоры, в ходе которых Киссинджер курсировал между Иерусалимом и Дамаском. В конце концов Израиль согласился уйти из города-призрака Эль-Кунейтра и передать его сирийцам, и сирийцы отказались от своих требований о дополнительных территориях. Эта уступка Израиля облегчила соглашение о размежевании. Таким образом, война Судного дня подошла к концу.

Октябрьская война была вписана в историю Египта как великая победа, смывшая позор войны 1967 года. Форсирование канала египетскими войсками и их закрепление на Западном берегу, когда ЦАХАЛ не смог воспрепятствовать этому и изгнать их, запечатлелись в коллективной памяти египтян как блестящие успехи, чем они и были на самом деле. Восстановление египетской армии, которая продемонстрировала боеспособность и достигла своих целей, возродила национальную гордость Египта. В Каире был построен музей, посвященный победе. Годовщина войны заменила день офицерского переворота в качестве государственного праздника и ознаменовалась грандиозным военным парадом. Миф об Октябрьской войне сыграл жизненно важную роль в укреплении статуса Садата в Египте как лидера, восстановившего превосходство страны в арабском мире. Усиление положения Садата позволило ему достичь мирного соглашения с Израилем без учета позиций других арабских государств или палестинцев.

Несмотря на фактор неожиданности и тяжелые неудачи первых дней боевых действий, война Судного дня закончилась великой победой Израиля. Но израильское общественное мнение восприняло это иначе. Накануне Шестидневной войны Израиль пребывал в состоянии глубокой тревоги, которая в мгновение ока сменилась эйфорией от блестящей победы. Накануне войны Судного дня Израиль был излишне самодоволен, а в результате войны самодовольство сменилось депрессией. Весь народ оплакивал тысячи погибших и раненых и погрузился в общенациональный траур, следы которого сохранялись десятилетиями. Вера в правительство, возглавляемое партией «Авода», бывшей центром принятия решений на национальном уровне с 1933 года до такой степени, что это казалось вечным, теперь была безвозвратно утеряна.

Вера в военное руководство пошатнулась. Со времен Шестидневной войны командиры ЦАХАЛа считались почти легендарными личностями, способными одолеть любого врага. СМИ называли этих непобедимых генералов лучшими в мире. Общественное мнение соглашалось с высокомерием и тщеславием СМИ и было склонно верить лозунгам. Легко и комфортно было чувствовать себя в безопасности и под защитой Армии обороны Израиля. А затем началась война, заставшая командиров ЦАХАЛа врасплох и доказавшая, что превосходная разведка ЦАХАЛа имеет серьезные изъяны. Резервы были мобилизованы поздно. Армия оказалась пло-

хо оснащена. Разразилась «война генералов». Все эти упущения подорвали имидж ЦАХАЛа и его руководства. Израиль вернулся к своему психологическому состоянию до Шестидневной войны: маленькая страна в постоянной экзистенциальной опасности. Наступили «сумерки богов».

Египетский фронт

- Область Египта, с ограничением по военным силам и вооружению
- Буферная зона под наблюдением ООН
- Область Израиля, с ограничением по военным силам и вооружению
- Гражданский режим Египта под наблюдением ООН

Карта 9. Израильско-египетское промежуточное соглашение 1974 г.

Соглашения о разъединении сил с Сирией и Египтом, включая мандат ЧС ООН, первоначально были рассчитаны на шесть месяцев, а затем периодически продлевались. В марте 1974 года было снято арабское нефтяное эмбарго в отношении Соединенных Штатов, но весь западный мир вступил в период экономической нестабильности, витка инфляции и безработицы в результате резкого повышения цен на нефть ОПЕК. Американцы стремились укрепить тесные связи, сложившиеся между ними и Египтом, с целью ослабления советского влияния на Ближнем Востоке и поддержки умеренных тенденций в арабском мире. Требовалось, чтобы страны продолжали подкреплять временные соглашения дальнейшими позитивными шагами. Попытка заключить временное соглашение между Израилем и Иорданией не увенчалась успехом; король Хусейн потребовал долину реки Иордан, но израильтяне не уступили контроль безопасности над ней. Они выдвинули встречное предложение: разделить функции власти на Западном берегу, где Хусейн будет отвечать за гражданскую жизнь, а израильтяне – за безопасность. Хусейн не смог принять это предложение, поскольку его бы осудили за сотрудничество с израильской оккупацией. На саммите Лиги арабских государств в Рабате в 1974 году была принята резолюция, в которой ООП бы-

ла признана единственным законным представителем палестинского народа, из-за чего Хусейн утратил формальную власть на Западном берегу. С сирийцами возможности дальнейшего временного соглашения по Голанам были ограничены как из-за характера местности, так и из-за того, что Асад не проявлял к этому интереса. Поэтому внимание Киссинджера вполне естественно сосредоточилось на продвижении соглашения между Израилем и Египтом.

Тем временем в Белом доме появился новый резидент. Никсон ушел в отставку после дела Уотергейта и был заменен Джеральдом Фордом, назначенным вице-президентом после отставки Спиро Агню. В Израиле премьер-министром стал Ицхак Рабин (см. следующую главу). Правительство Рабина подверглось нападкам извне со стороны многоголосой оппозиции, а изнутри – со стороны министров, не признававших власть Рабина. Правительство оказалось разобщенным и неспособным принимать решения. Именно в этой ситуации Киссинджер попытался выступить посредником между Садатом и Рабином, чтобы достичь более стабильного соглашения по Синаю, которое содержало бы элементы, обеспечивающие спокойствие в долгосрочной перспективе. Израильяне хотели исключить Египет из кольца враждебности вокруг своей страны, чтобы устранить любую возможность будущей войны на два фронта. Египет хотел не только заполнить территорию Синая, но и развивать отношения с Соединенными Штатами. Он требовал стратегически важных

перевалов Митла и Гидди и контроля над нефтяными месторождениями Синая. Израиль был готов к небольшому выводу войск и в обмен потребовал отмены состояния войны между Израилем и Египтом.

Киссинджер курсировал между Израилем и Египтом, используя все свои дипломатические навыки, чтобы сократить разрыв между двумя сторонами. Но Садат не взял на себя обязательство положить конец войне, а Израиль отказался отступить за восточные склоны перевалов. На определенном этапе Садат был склонен принять формулу, альтернативную миру: «неприменение силы». Израиль был готов возвратить нефтяные месторождения, но стороны разошлись во мнениях по поводу прибрежной полосы, которая соединяла бы нефтяные месторождения с египетской территорией. Территориальный вопрос перевалов остался нерешенным, и в марте 1975 года переговоры сорвались. Киссинджер намекнул, что в отсутствие соглашения военные действия будут возобновлены и нефтяное эмбарго вновь введено, но правительство Рабина отвергло эти угрозы. Отказ уступить американскому давлению повысил престиж Рабина среди израильской общественности. Но это не улучшило ситуацию. Киссинджер молчаливо возложил вину за провал переговоров на Израиль, а президент Форд говорил о «переоценке» особых отношений между Израилем и США. Поставка оружия и иная помощь Израилю были приостановлены. Однако американское общественное мнение встало на сторону Израиля, ограни-

чив давление, которое могла оказать администрация после переизбрания. В мае 1976 года 76 сенаторов США подписали письмо президенту с требованием удовлетворить экономические и военные потребности Израиля.

Каждая сторона, и Израиль, и Египет, была заинтересована в достижении соглашения. Летом 1975 года при энергичном посредничестве Киссинджера переговоры возобновились. Израиль согласился на компромиссную формулу «неприменения силы» и невозобновления боевых действий на неограниченный срок. Он также согласился отойти за перевалы Митла и Гидди, но контролировал господствующий над ними хребет. Станции раннего предупреждения на израильской и египетской сторонах, укомплектованные частично американскими гражданами, были предназначены для предотвращения внезапного нападения. Большая часть территории, покинутой Израилем, оставалась буферной зоной, контролируемой ЧС ООН. Египтянам был предоставлен суверенитет над территорией, освобожденной Израилем, но их вооруженные силы оставались сокращенными, как и израильские силы за пределами буферной зоны (см. карту 9). В будущем эти элементы демилитаризации, сокращения сил и станций раннего предупреждения, укомплектованных американскими гражданскими лицами, также стали эффективными компонентами мирных соглашений между странами. Временное соглашение, подписанное 4 сентября 1975 года, также гласило, что разногласия между двумя странами будут

разрешены мирным путем и что египтяне разрешат проходить невоенным грузам из Израиля и в Израиль через Суэцкий канал, который был вновь открыт в июне 1975 года. Соглашения создали ситуацию, в которой обе стороны могли многое потерять в случае возобновления боевых действий. Они стали сигналом готовности Египта заключить двусторонний договор с Израилем.

Фактором, который остался вне рамок переговоров, стала ООП. Израиль и Соединенные Штаты согласились с тем, что о переговорах с ООП не может быть и речи до тех пор, пока эта организация не признает Израиль и Резолюции 242 и 338 ООН. Как мы видели, ООП была вынуждена покинуть Иорданию в 1970 году. Несмотря на участие в террористических актах, направленных на привлечение внимания всего мира, ООП не удалось ослабить контроль Израиля на оккупированных территориях. Однако она добилась поразительных успехов на международной арене после того, как в 1974 году была признана представителем палестинского народа на саммите в Рабате. Ясир Арафат был приглашен выступить перед Генеральной Ассамблеей ООН 13 ноября 1974 года, и ООП получила статус наблюдателя в ООН. В следующем году Генеральная Ассамблея приняла позорную резолюцию, приравнявшую сионизм к расизму, подрывая саму легитимность еврейского государства. Эти события, соответственно, ознаменовали растущую легитимность ООП в мировом общественном мнении.

Между тем во время гражданской войны 1975–1976 годов в Ливане, разразившейся в основном между христианами и мусульманами, произошли два события регионального значения. Сначала сирийцы вошли в Ливан, чтобы положить конец кровопролитию. Израиль смотрел спокойно на их действия до тех пор, пока сирийцы не двинулись к югу от реки Литани. Палестинцы, поддерживавшие радикальных левых мусульман в Ливане, были изгнаны из большей части страны. Теперь они сосредоточились в районе Сидона и Южного Ливана, который был недоступен для сирийцев из-за противодействия Израиля. Через несколько лет этот район стал базой и штаб-квартирой ООП – «Фатхланд», откуда она начала свои партизанские и террористические атаки на Израиль.

С избранием Джимми Картера на пост президента США Израилю стало ясно, что, несмотря на договоренности с предыдущей администрацией о том, что ООП не будет партнером в переговорах, пока она не признает Израиль, новый президент рассматривал палестинскую проблему как суть конфликта и стремился изменить позицию Израиля. Переговоры между Рабином и Картером были чрезвычайно напряженными. Новая администрация также приняла иную концепцию управления ближневосточным конфликтом. Американская политика с 1973 года, возглавляемая Киссинджером, была ориентирована на убежденность, что будет легче достичь соглашения с каждым арабским государством в отдельности и что попытка достичь общего урегулирования

обречена на провал, поскольку любое совместное обсуждение усилит давление со стороны экстремистов. Поэтому Киссинджер избегал повторного созыва Женевской конференции после ее торжественного открытия в декабре 1973 года. Эта политика также была направлена на нейтрализацию активного советского участия в переговорах, исходя из предположения, что Советы только настроят арабов более радикально. Администрация Картера, неопытная и движимая верой, что сможет привести к всеобщему миру, отклонилась от всех этих руководящих принципов. Таким образом, в течение года сменились все партнеры по переговорам по промежуточным соглашениям, кроме Садата. Пришло время перестановок.

Израильское общество после войны Судного дня

Когда разразилась война Судного дня, в Израиле был разгар избирательной кампании, в ходе которой Голда Меир выдвинула лозунг, что положение в стране лучше, чем когда бы то ни было. Учитывая войну и ее последствия, такой вариант предвыборной агитации был сомнителен. Выборы были отложены до конца декабря 1973 года и проведены, когда страна все еще находилась в шоке и шли переговоры о разъединении сил. Коалиция *Ната'аракх* (с *ивр.* – блок), в состав которой вошли «Авода», воссозданная в 1968 году как единая партия с *Марам*, *Rafi* и *Ahdut Ha'avoda*, потеряла пять мест в Кнессете: с 56 до 51. Это ослабило ее, однако не привело к потере гегемонии. *Likud* (включающая *Gahal* и несколько небольших партий правого толка), появившаяся на этих выборах впервые, получила 39 мест (*Gahal* взяла 26 на выборах 1969 года). Результатом стал существенный сдвиг в балансе сил между левыми и правыми.

Однако Голде Меир удалось сформировать коалицию с Национальной религиозной партией. Она настаивала на том, чтобы Моше Даян продолжал занимать пост министра обороны. Израильское общество, под давлением которого Да-

ян был назначен на должность министра обороны накануне Шестидневной войны, почти безгранично доверяло ему как человеку, отвечающему за безопасность Израиля. Теперь кумир подвел их. Это было болезненное, тяжелое, непростительное разочарование. Изначально Даян отказался присоединиться к правительству. Однако Меир рассматривала его отказ не как покорность общественному мнению, обвинявшему его в неудачах, а как попытку торпедировать правительство, над созданием которого она так усердно работала. В конце концов Даян сдался и присоединился к правительству.

Тем временем общественное давление привело к формированию комиссии Аграната, независимой следственной комиссии под председательством судьи Верховного суда. Комиссия должна была определить, кто несет ответственность за mehdal (провал или грубую ошибку) армии, застигнутой врасплох и не подготовленной к войне. Согласно отчету комиссии, обвинение пало на начальника Генерального штаба Давида Элазара, главу военной разведки, и нескольких его помощников, а также на главу Южного командования Шмуэля Гонена. Начальник штаба и другие офицеры ЦАХАЛа были освобождены от своих обязанностей. Комиссия предпочла не обвинять гражданское руководство, приговор был воспринят с гневом широкими слоями общественности, ожидавшими правосудия для политического руководства. Вернувшиеся с войны солдаты приняли участие в мас-

совых демонстрациях перед правительственными учреждениями под лозунгом «Даяна – в отставку!».

Перед лицом общественного протеста Голда Меир подала в отставку 11 апреля 1974 года, потребовав отставки своего правительства. Был созван центральный комитет партии «Авода», чтобы избрать ее преемника. Ветераны партии и ее левое крыло (ранее Ahdut Ha'avoda) поддерживали Ицхака Рабина. Шимон Перес, близкий друг Даяна, был кандидатом от другой части партии и ее правого крыла (ранее Rafi). Рабин выиграл с небольшим отрывом. Новое правительство было сформировано в июне 1974 года Рабином, главой Генерального штаба во время Шестидневной войны, недавно завершившим работу в качестве посла Израиля в Вашингтоне и занимавшим второстепенный министерский пост в предыдущем правительстве Голды Меир. Хотя он был неопытным политиком, неучастие в решениях, приведших к войне Судного дня, сыграло в его пользу. Шимон Перес был назначен министром обороны.

Таким образом, смена поколений в руководстве Израиля прошла почти незаметно. Голда Меир принадлежала к «поколению основателей», которое иммигрировало в Палестину в начале XX века и принимало участие во всех начинаниях, предшествовавших государственности, пережив все невзгоды того времени. Это было решительное, жесткое поколение лидеров, сформированное кризисами периода ишува, Второй мировой войны и израильских войн. Когда Леви Эшколь

умер в 1969 году, эстафету лидерства следовало передать поколению местных уроженцев, сражавшихся в Войне за независимость. Но из-за опасений, что соревнование между двумя кандидатами, Моше Даяном и Игалем Алоном, расколет партию на части, Голда Меир была выбрана в качестве временной меры, чтобы отсрочить внутреннюю борьбу. С уходом Голды поколение ветеранов, считавшее себя лично ответственным за судьбу сионистского предприятия, покинуло политическую сцену.

После войны Судного дня израильская политика вышла из коридоров власти и устоявшихся рамок израильской демократии на улицу. Политический протест как постоянный фактор, выражающийся в демонстрациях и массовом давлении на правительство с целью повлиять на политику, ранее был неслыханным в Израиле. Случались протестные движения, такие как «Черные пантеры» и женская демонстрация у штаб-квартиры Мараі, призывавшая к назначению Даяна министром обороны накануне Шестидневной войны, но они были скоротечными или незначительными по масштабам. Теперь впервые появились движения, сумевшие мобилизовать массы на непрекращающиеся демонстрации. Этот феномен, видимо, был связан с появлением телевидения в Израиле. Война Судного дня была первой войной Израиля, которая произошла уже в эпоху телевидения. Видеоинформация принесла войну и ее ужасы непосредственно в каждый дом, создав своего рода виртуальное сообщество сви-

детелей событий, которые объединили войска на фронте и их семьи дома. Первоначально в демонстрациях участвовало всего несколько человек, но телепередачи, показывавшие демонстрантов и их плакаты, превратили относительно маргинальное явление в центральное событие в жизни Израиля. Из-за этого неделя за неделей протесты только набирали обороты.

Первая волна протестующих требовала наказания Даяна. Участники прибывали слева и справа, солдаты и семьи погибших, требуя, чтобы человек, которого они считали виновным в *mehdal*, взял на себя всю ответственность. Как уже отмечалось, в отчете комиссии Аграната вся вина была возложена на военных, но политическое руководство, отдавшее приказы военным, оказалось оправдано. До этого принцип, согласно которому руководство обязано нести публичную ответственность за свои действия и бездействие, практически не применялся в израильской политике (сомнительно, чтобы он вообще строго соблюдался в западных демократиях). Было немыслимо, чтобы потребовали отставки Бен-Гуриона после поражения в Войне за независимость. Внезапное нападение японцев на Перл-Харбор не было расценено как неудача президента Рузвельта. С точки зрения отношения как общественности, так и руководства к обязанности лидеров признать свои ошибки, промахи и неудачи, а также способности общественного мнения влиять на правительство 1974 год стал переломным годом. Требование,

чтобы руководство взяло на себя ответственность за провал, особенно если он был связан с человеческими жертвами, с тех пор не раз повторялось в израильской политике.

Наряду с протестным движением, не представлявшим конкретную политическую группу, появилось еще одно новое движение: Gush Emunim. Оно зародилось из стихийных организаций молодых студентов иешив, особенно иешивы Merkaz Harav, студентов yeshivot hesder (программа иешив, сочетающая углубленное изучение Талмуда со службой в ЦАХАЛе), выпускников религиозного молодежного движения Bnei Akiva, приверженцев Великого Израиля из религиозных и нерелигиозных лагерей, а также старожилов поселений на оккупированных территориях (Ханан Порат из Гуш-Эциона; раввин Моше Левингер из Хеврона; Иегуда Арель с Голанских высот). Полностью осознавая отчаяние и боль, царившие среди израильской общественности после войны, они поняли, что правительство готово пойти на территориальные уступки на Синае и Голанских высотах, и опасались, что ожесточенная война с ее многочисленными жертвами заставит правительство уступить американскому давлению и вывести израильские войска.

После Шестидневной войны по вопросу будущего оккупированных территорий израильская общественность разделилась на тех, кто считал их залогом, удерживаемым Израилем до тех пор, пока арабы не сочтут нужным достичь мирного соглашения, и тех, кто утверждал, что «освобожденная

земля не должна быть возвращена» и «ни пяди». Левые рассматривали войну и ее ужасную цену как результат нежелания идти на компромисс и уйти с территории в обмен на соглашение (даже меньшее, чем мир) и требовали гибкости в отношении территориальных уступок. Правые, особенно основатели Gush Emunim, видели в войне доказательство решимости арабов уничтожить Израиль и пришли к выводу, что не должно быть никаких уступок, могущих быть истолкованными как покорность давлению, поскольку это только повлечет за собой дальнейшее давление, и так без конца. С точки зрения правых, война и ее исход были великой победой, подобной которой не было с 1948 года; они не обращали внимания на выявленные слабые места и, что еще более важно, на цену, которую потребовалось заплатить.

Круги, из которых сформировалось Gush Emunim, в основном были национально-религиозными. Гершон Шафат, основатель, писал, что отчаяние и боль пробудили в членах движения «новую надежду на новое начало, начало, протекающее из непоколебимой веры в Создателя и повеления идти вперед»²¹¹. Эти утверждения подходят для мессианского движения, управляемого скрытой божественной заповедью, открытой только его приверженцам, которая игнорирует реальность во имя более высокой истины. Они не предполагают рационального рассмотрения того, что возможно и

²¹¹ *Shafat G. Gush emunim: hasippur me'ahorei hakla'im* (Гуш Эмуним: закулисная история), Beit-El: Beit-El Library Publications, 1995, p. 33.

желательно; скорее подобные утверждения навязывают концепцию веры и действуют согласно ей. Такое мировоззрение противоречило фундаментальной сионистской концепции, согласно которой возвращение в Сион рассматривалось как проект, осуществляемый в реальном мире с соблюдением ограничений реального мира.

Для Gush Emunim естественным каналом политической активности была Национальная религиозная партия. Тем не менее, хотя «молодежь» партии во главе с Зевулуном Хаммером и Иегудой Бен-Меиром была сильнее, партия не контролировалась приверженцами Великого Израиля, а ее позиции оставались политически умеренными. Ее руководство, возглавляемое опытным ветераном Йосефом Бургом, стремилось продолжить «исторический союз» партии с «Аводой». Gush Emunim и более молодые лидеры потребовали, чтобы НРП не присоединялась к правительству Голды Меир после выборов в декабре 1973 года, если она не согласится сформировать правительство национального единства. «Авода» отвергла эту идею, поскольку такое правительство подорвало бы любую возможность соглашения с Египтом и Сирией. Именно этого и хотели в Gush Emunim. Как только члены группы поняли, что не смогут действовать через НРП, они выбрали внепарламентскую стратегию. Переговоры о разьединении с Египтом показали, что опасность, которую они предсказывали в любом продвижении к соглашению, неминуема, поскольку было ясно, что Израиль будет вынужден

уступить территорию. Хотя было трудно утверждать, что Синай или Голанские высоты – оба за пределами исторической Земли Израиля – были «землей наших предков», готовность отказаться от территории, занятой в Шестидневной войне, указывала на тенденцию, со временем могущую затронуть Иудею и Самарию²¹².

Первые демонстрации против соглашения о размежевании были организованы правыми интеллектуалами и политическими активистами. Но Gush Emunim не преминуло внести свой вклад. В отличие от небольшого числа участников демонстраций правых и особенно трудностей, с которыми люди сталкивались с течением времени, пока продолжались демонстрации, Gush Emunim мобилизовало поселенцев из Иудеи, Самарии и с Голанских высот и «поселилось» у зданий Кнессета и кабинета премьер-министра. Однажды они пришли со своими женами и детьми, разбили временный лагерь, и на следующее утро около 2000 человек в молитвенных шалях стояли под окнами конференц-зала кабинета – изображение, немедленно попавшее в трансляцию по телевидению. Мобилизационная способность Gush Emunim была тотальной. Она не ограничивалась ни финансовыми соображениями, ни каким-либо иным образом. Каждый раз, когда Киссинджер приезжал в Израиль, его встречали бурные демонстрации, Gush Emunim блокировало дорогу.

Во время сложных переговоров с Сирией в мае 1974 го-

²¹² Израильское название Западного берега.

да, когда выяснилось, что камнем преткновения между Израилем и Сирией стала судьба Кунейтры, поселенцы с Голанских высот основали несанкционированное «поселение» в бункере в заброшенном городе. Первыми были нерелигиозные члены киббуцев и мошавов. Когда они поняли, что их партия, *Hakibbutz Hameuhad*, не поддерживает их, то передали поселение группе *Gush Emunim*, которая взяла на себя обязательство создать постоянное поселение, с той оговоркой, что, если правительство потребует, чтобы они переехали в другое место, они так и сделают. Так и случилось. В конце концов Кунейтра была освобождена, но Кешет, нелегальное поселение, превратилось в постоянное поселение на Голанских высотах на территории Израиля. Таким образом, был создан прецедент основания поселения без одобрения правительства с получением этого одобрения задним числом. Этот урок впредь не будет забыт.

На данной ранней стадии уже был установлен порядок действий *Gush Emunim*: массовая мобилизация поселенцев, студентов иешив и других студентов из системы национально-религиозного образования; использование материально-технических ресурсов поселений для мобилизации и поддержания демонстраций; длительные протесты; незаконное заселение с помощью сторонников или квазисторонников из военно-политических структур. Это стало возможным благодаря религиозному пылу, который вдохновлял руководство *Gush Emunim* и наделял его сторонников необы-

чайной духовной стойкостью в период угасания уверенности и потери ориентации в израильском обществе. Поэт Иегуда Амихай выразил взаимосвязь между травмой войны и усилением мессианских движений:

Это страна, чьи мертвые лежат на земле
Вместо угля, золота и железа.
Они – сокровища грядущих мессий²¹³.

Ядро Gush Emunim было невелико, это стало очевидно во время действия правительства Рабина, когда одна и та же основная группа Элон-Море обосновывалась в разных местах в знак протеста против отказа правительства разрешить еврейское расселение в центре Иудеи и Самарии. То была своего рода бродячая группа активистов, которая инициировала поселение в определенном месте, объявляла об акции через социальные и учебные сети, чтобы мобилизовать сторонников, а затем, как только удавалось поставить в неловкое положение правительство, которое было вынуждено удалить ее, планировала следующее поселение в другом месте. Каждый раз, когда в повестке дня стояло политическое решение, коммуникационная сеть Gush Emunim активизировалась и начинала действовать, чтобы мобилизовать массы. В ходе переговоров по временному соглашению с Египтом демонстран-

²¹³ Amichai Y. Shirei eretz tzion (Песни земли Сиона) // Me'ahorei kol zeh mistater osher gadol (переведено Тедом Хьюзом как «Аминь»). Tel Aviv, Jerusalem: Schocken, 1985, p. 12.

ты Gush Emunim сопровождали Киссинджера на протяжении всего его пребывания в Израиле, усложняя жизнь ему и его телохранителям и выкрикивая антисемитские эпитеты, такие как «еврей-мальчик» (намек на еврея, служащего нееврейским правителям).

Дело было не только в самопожертвовании Gush Emunim и стремлении его молодежи принять участие в демонстрациях в качестве перерыва в их повседневном религиозном обучении (тем более что это позволяло юношам и девушкам участвовать в совместных мероприятиях и путешествовать по стране), что было на руку движению. Дело было также в неуверенности правительства перед решимостью активистов Gush Emunim. Эта неуверенность с самого начала сопровождала поселенческую деятельность. Когда раввин Левингер отказался покинуть Хеврон, его поддержал Игаль Алон, хотя поселение в этом городе противоречило плану Алона. Поселение в Гуш-Эционе перекликалось с мифом о его потере в войне 1948 года и получило одобрение правительства после оказания давления. Gush Emunim категорически отказалось селиться в рамках плана Алона, который, хотя и не был официально принят правительством, был де-факто руководящим принципом для еврейского присутствия в Иудее и Самарии. Нарушение запрета на поселение в густонаселенном арабами сердце Самарии было декларацией о намерениях: нельзя допускать, чтобы правительство пошло на компромисс в отношении территорий исторической Земли Из-

раиля.

Жители поселений вдоль реки Иордан, в окрестностях Рафаха и на Голанских высотах, поселений, созданных в соответствии с планом Алона, были заодно с поселенцами Gush Emunim, а также оказывали им моральную и материальную поддержку. Для этих поселенцев и их сторонников мессианский пыл Gush Emunim и их готовность заселить Землю Израиля были продолжением энтузиазма социалистического сионизма поселенцев вдоль границ. Эти два типа казались схожими: воспитанные молодежным движением, с той же простотой, с той же откровенностью – те же самые сабры, говорящие на иврите. По всей видимости, только ермолки²¹⁴ и соблюдение заповедей отличали поселенцев до Шестидневной войны, более поздних «поселенцев плана Алона» и новых поселенцев, действовавших по другую сторону «зеленой линии» и, как правило, бросавших вызов правительству. Gush Emunim настаивало на их сходстве с другими поселенцами, чтобы укрепить свою легитимность в глазах левых министров. Они не видели никакой разницы между еврейскими поселениями в Афуле и в Самарии. Оба имели одинаковую степень легитимности, вытекающую из права еврейского народа на свою родину. У них быстро появилось представление о том, что именно они настоящие преемники

²¹⁴ Также и кипы. Кипа – традиционный еврейский мужской головной убор. В современном израильском обществе повседневное ношение кипы (а также ее внешний вид) представляет собой маркер принадлежности к тем или иным ортодоксальным сообществам.

первых пионеров, законная ветвь дерева сионизма, заселившего страну. Они получили эстафету от нерелигиозных пионеров, утративших свой пыл, время которых прошло. Теперь пришло время религиозного сионизма, который поднимал знамя новых пионеров. «Передача эстафеты» символизировала то, что они считали существенным изменением, необходимым для израильской культуры: переход от светской гегемонии к религиозной. Эти новые поселенцы были не только инициаторами нового сионистского начинания, они также были предвестниками новой израильской культуры, всецело приобщенной к традиционной иудейской культуре, в отличие от светских евреев-нигилистов, утративших ориентиры и лишившихся ценностей и истинного смысла.

В 1975 году эвакуация нелегальных поселенцев из районов Иудеи и Самарии была постоянной частью повседневной жизни ЦАХАЛа, повторяющегося ритуала, к которому ни одна из сторон не относилась серьезно. Эта беспечность закончилась столкновением, инициированным Gush Emunim, в поселении Себастья. В начале декабря 1975 года сотни, а возможно, и большее количество членов Gush Emunim и их сторонники отправились на старую железнодорожную станцию в Себастии, упорно настаивая на том, что они останутся там, в отличие от предыдущих случаев, когда соглашались уехать. Все попытки убедить их уйти добровольно, чтобы избежать применения силы, оказались безуспешными. Было также ясно, что, если армия насильственно эвакуирует их,

они повторяют то же представление через несколько недель. По мере того как поселенцы оставались на своих местах, страх перед необходимостью применения силы против них усиливался. Пресса начала сочувствовать этим молодым людям, которые не дрогнули, живя в суровых условиях, оставались на своих местах со своими женами и детьми, открытые ветрам, дождю и холодам. Телевизионные кадры подчеркнули их самопожертвование. Армия также не горела желанием вступить в конфронтацию, которая могла бы произойти, если бы ей пришлось эвакуировать их силой. Начал вырисовываться компромисс, на который правительство в конце концов согласилось. Группа поселенцев из 30 семей будет размещена в соседнем армейском лагере Каддум, и армия обеспечит их работой.

Начало заселения Самарии стало прорывом для Gush Emunim. «Кто-то назвал бы это ходом истории. Верующие назовут это осуществлением воли Божественного Промысла»²¹⁵, – писал Гершон Шафат, ведущий исполнитель этой драмы. Что касается правительства, его авторитет серьезно пошатнулся. В ходе дискуссий, которые в итоге привели к компромиссу с Gush Emunim, всплыли воспоминания об Altalena и необходимости проявления воли правительства. Но Рабин не был Бен-Гурионом, и его правительство, опиравшееся на незначительное большинство в Кнессете и раз-

²¹⁵ *Shafat G. Gush emunim: hasippur me'ahorei haklaim* (Гуш Эмуним: закулисная история). Beit-El: Beit-El Library Publications, 1995, p. 220.

деленное между сторонниками Рабина и Переса, не осмелилось предпринять действия, которые могли бы привести к кровопролитию среди евреев, осуществленному другими евреями. В разгар кризиса представители еврейских общин из других частей мира собрались в Иерусалиме, чтобы выразить свою солидарность с Израилем после принятия резолюции ООН, приравнявшей сионизм к расизму. Рабин по вполне понятным причинам не хотел показывать им сцену применения силы ЦАХАЛом против евреев. Победа Gush Emunim в Себастиии доказала, что небольшое, но решительное меньшинство, готовое балансировать на грани ожесточенной конфронтации, может навязать свою волю колеблющемуся правительству.

У правительства Рабина было немного хороших дней. В рамках временного соглашения с Египтом Рабин приобрел ряд экономических выгод, а также передовое вооружение в больших объемах, которое Соединенные Штаты согласились поставить сверх того, что Израиль получил раньше. Но война обошлась Израилю в 8 миллиардов долларов – огромная сумма, которая серьезно истощила валютные резервы страны и привела к огромному дефициту платежного баланса. Кроме того, рост цен на нефть и последовавший за этим глобальный экономический кризис легли тяжелым бременем на экономику Израиля. Правительству пришлось сократить свои расходы и понизить уровень жизни в стране. Десятки тысяч рабочих потеряли работу. В первый год работы пра-

вительства Рабина годовая инфляция превысила 50 %. Чтобы обуздать инфляцию и улучшить платежный баланс, лира была существенно девальвирована. В конце 1975 года обменный курс составлял 9 лир за доллар по сравнению с 4,2 лиры за доллар до введения чрезвычайной экономической программы. Инфляция начала снижаться, но по-прежнему составляла более 30 % в год.

Но в то время как экономика демонстрировала признаки восстановления и рос валовой национальный продукт, снижение уровня жизни и высокий уровень безработицы вкупе с продолжающейся инфляцией никак не могли повысить рейтинг доверия правительству. Эксперты-экономисты утверждали, что эти меры жизненно важны для восстановления экономики, но общественность отказывалась принять это. По стране прокатились демонстрации «Черных пантер» и других протестных организаций. Рабочие, которых призвали затянуть пояса, ответили на это серией забастовок, ударивших по экономике и помешавших осуществлению некоторых правительственных реформ. В среднесрочной и долгосрочной перспективе реформы в области налогообложения, субсидий, заработной платы, экспортного стимулирования и девальвации принесли пользу экономике. Но в краткосрочной перспективе они вызвали общественную враждебность.

В стране царил атмосфера уныния и недовольства – пережитки национальной травмы войны. Израильтяне не за-

были и не простили «Аводе» mehdal. Конфликты между левыми и правыми обострились, когда «территориальный компромисс» и «ни одной пяди» заняли постоянное место в заголовках газет, хотя ни один арабский лидер не проявил себя готовым на территориальные компромиссы. Опасения по поводу возросшего авторитета ООП на международной арене и утраты легитимности сионизма также имели место. Кроме того, правительство Рабина пострадало в результате нескольких серьезных случаев коррупции с участием деятелей, связанных с «Аводой». Эти дела еще больше подорвали репутацию правительства. Появилось ощущение утраты верного направления. В 1975 году Йонатан Геффен выразил это чувство в популярной песне «Yakhol Lihyot Shezeh Nigmar» («Возможно, все закончилось»):

Говорят, здесь было здорово до моего рождения,
И все было просто замечательно, пока я не приехал.

Он перечисляет ряд сионистских символов мандатного периода, таких как маленький Тель-Авив и песчаные дюны, болота и комары, цитирует строки из старых сионистских песен, таких как «For This Is Our Land», и противопоставляет ностальгию по прошлому и нынешнюю действительность:

Говорят, здесь все было чудесно, словно во сне,
Но когда я пришел посмотреть, то ничего не нашел.
Возможно, все кончено.

В 1968 году, когда «Авода» сформировалась как союз Ahdut Ha'avoda, Rafi и Mera'i, две бывшие фракции, покинувшие партию ранее, как будто бы «вернулись домой». Но на самом деле фракции партии были усилены за счет старого состава Mera'i. Упадок Mera'i начался с «дела Лавона», когда ветераны партии ожесточенно сражались друг с другом, а Бен-Гурион и Пинхас Лавон вели борьбу – готовились, как персонаж новеллы Генриха фон Клейста Михаэль Кольхаас, уничтожить партию во имя справедливости. Mera'i, бывшая ядром каждого политического союза, постепенно угасла, уступив арену двум своим крыльям, которые были озабочены главным образом соперничеством друг с другом. Политическая умеренность и обостренное чувство реальности, характерные для традиционной Mera'i, вместе с безоговорочной приверженностью интересам общества, как их понимали лидеры партии, завоевали доверие широких слоев израильской общественности, считавших ее сбалансированной ответственной силой, могущей направить Израиль в безопасную гавань. Но теперь общественность почувствовала, что партия утратила свои позиции, ее руководство сделалось слабым и разобщенным, неспособным вывести страну из кризиса.

В реальности 1970-х годов с появлением нового среднего класса, состоявшего из людей свободных профессий, бизнесменов и различных подрядчиков, явно ориентированных

на капитализм, старые социалистические лозунги звучали бессмысленно. Попытки правительства Рабина установить социальные нормы, способствующие точной отчетности по подоходному налогу, и бороться с тем, что было известно как «теневая экономика», ударили по среднему классу и не вызвали симпатий к правительству. Политика благосостояния Израиля проводилась для предотвращения значительного социально-экономического разрыва в израильском обществе, которое до начала 1970-х годов поддерживало (по сравнению с западными странами) высокий уровень равенства. Теперь прозвучали аргументы в пользу свободной рыночной экономики и уменьшения участия государства. Интеллектуалы и бизнесмены требовали, чтобы социалистический этос был заменен западным либеральным духом, подчеркивающим права и свободы индивидуума, а не коллектива. Было ощущение, что «Авода» исчерпала себя и пришло время смены правительства.

Коррупционные скандалы, потрясшие страну в те годы, также подорвали доверие к правительству. Стандарты, требуемые от правительства, изменились; то, что считалось приемлемым в первые годы, например использование государственных ресурсов для развития экономики Histadrut, теперь отвергалось, и Израиль усвоил общепринятые правительственные нормы западных стран. Дела о коррупции выявили существование старых норм, но также подчеркнули прозрачность новых норм, которых теперь ожидали от

правительства. Телевизионные передачи сосредоточились на скандалах, осветили слабость правительства и выставили лидеров на посмешище, особенно в сатирическом телевизионном ревю Nikui Rosh («Прочистка головы»), ставшем очень популярным. Сатира на правительственные фигуры также была одной новой, ранее неизвестной практикой.

Арабское население Израиля изменило свою идентичность и психологический облик в результате встречи с арабами на оккупированных территориях. Сначала израильские арабы гордились своими экономическими достижениями по сравнению с собратьями Западного берега. Но со временем их отождествление с палестинским народом усилилось, а чувство идентичности как израильских граждан ослабло. Этот процесс получил импульс в связи с войной Судного дня и резко возросшим международным статусом ООП. В период Насера среди израильских арабов был популярен панарабизм. Когда Насер умер, его оплакивали как символ панарабизма. Но военные неудачи арабских государств и относительно скудное внимание, уделяемое палестинской проблеме, ослабили эту националистическую панарабскую связь, и палестинская идентичность сформировала национальный характер израильских арабов.

Это изменение проявилось в том, что снизилась поддержка умеренных арабских политиков, считавших существование Государства Израиль свершившимся фактом и стремившихся в него интегрироваться. Умеренные боролись за рав-

ные права и повышение статуса израильских арабов, сохраняя при этом каналы связи с властями и избегая конфронтации с ними. Большинство из них было представлено партиями, связанными либо с правящей партией, либо с Марам. Теперь арабское общественное мнение воспринимало их как слуг евреев, отказавшихся от борьбы за права Палестины. Партии, связанные с еврейским сектором, отклоняли их требования. Rakah (Новый коммунистический список), состоящий в основном из арабов, численно вырос по сравнению с Маки (Израильская коммунистическая партия), членами которой были евреи. В отличие от ООП, требовавшей господства над всей Западной Палестиной и изгнания евреев, прибывших в страну после 1918 года, Rakah был верен линии Москвы, признававшей право Израиля на существование. Однако он стал более радикальным. Rakah старательно избегал незаконных действий и ограничивался протестами, парламентской деятельностью и публикациями. Он предупреждал о дискриминации арабского меньшинства, но на данном этапе не поощрял людей выходить на улицы в знак протеста, опасаясь потери контроля над ними, что могло привести к подавлению демонстраций властями. Достижение равноправия было приоритетом в повестке дня израильских арабов, и поскольку Rakah отстаивал это в течение многих лет, его статус повысился.

Арабские граждане Израиля стали более радикальными по нескольким причинам. Во-первых, демографический

бум. В 1949 году в Израиле проживало около 150 000 арабов. К середине 1970-х годов эта цифра достигла полумиллиона. Увеличение населения создало ощущение возросшей власти. Во-вторых, поведение арабов Иудеи и Самарии повлияло на арабов Израиля. В первой половине 1976 года на Западном берегу прокатилась волна демонстраций в связи с повышением статуса ООП и растущей поддержкой этой организации в качестве представителя палестинского населения после саммита в Рабате. Вдобавок в ходе муниципальной кампании, проведенной в апреле 1976 года, были избраны радикальные сторонники ООП. Поселение Gush Emunim в Кадуме и другие поселения, основанные правительством, также привели в ярость арабское население. По телевидению арабы Израиля видели, как их братья с Западного берега бросают камни и «коктейли Молотова» в солдат ЦАХАЛа, и перенимали их опыт. В-третьих, положение израильских арабов было плачевным. Представители арабской интеллигенции сравнивали себя с выпускниками университетов на Западном берегу, отмечали сравнительно высокий уровень образования там и понимали, что находятся на более низком социальном уровне. С этого времени израильские арабы сравнивали свое положение уже не с тем, что было до создания израильской государственности, а с прогрессом, достигнутым в еврейском секторе. Лидеры утверждали, что в отношении арабов практикуется дискриминация в системе образования и при выделении средств на строи-

тельство классов, библиотек, мастерских и спортивных сооружений. Они также выступили против минимальных стандартов обучения, которые, как утверждалось, были разработаны, чтобы держать арабов в невежестве. Из-за этого они могли стать только рабочими с низким статусом и низкой заработной платой. Министерство образования обвинили в замалчивании арабского исторического и культурного наследия в учебных программах с целью скрыть арабскую национальную идентичность. Эти претензии были небезосновательными.

Центральным вопросом пропаганды и протестов Rakah и радикалов была арабская деревня. Хотя сельское хозяйство в деревнях значительно улучшилось, были реализованы ирригационные проекты и в дома была проведена вода, лидеры протестующих утверждали, что арабские крестьяне подвергаются дискриминации со стороны правительства, им не оказывают помощь и препятствуют в сбыте продукции. Основной проблемой, которую подняли лидеры Rakah, была земля. В палестинской культуре земля (al-'ard) не просто средство производства, но символ владения; между крестьянином и его землей существует неразрывная связь как на личностном, так и на политическом уровне. Земля – это родина. Неслучайно в конце 1950-х годов в арабском секторе возникло нелегальное националистическое движение под названием Al-'Ard. В 1950-х годах государство экспроприировало большие участки земли под застройку. На протяжении

1960-х и до середины 1970-х годов экспроприации не проводилось, но чувство привязанности к земле сохранялось, и Rakah продвигал этот вопрос как центральный компонент местной идентичности.

Летом 1975 года появились новости о планах правительства по «иудаизации Галилеи», которые предполагали экспроприацию части земель. Арабы восприняли термин «иудаизация Галилеи» как заговор, направленный на ущемление их господства в регионе, где преобладало арабское население. Для защиты земли были созданы сельские комитеты. В феврале 1976 года появились новости о решении правительства экспроприировать около 5000 акров, из которых 1750 принадлежали арабам, а остальные – евреям или государству. В решении также говорилось о компенсации землевладельцам и возможности обмена земель. Но ни тот факт, что экспроприация была относительно небольшой, ни попытка смягчить удар компенсацией не предотвратили последовавшую вслед за этим шумиху. 30 марта 1976 года Комитет защиты арабских земель, возглавляемый Rakah и другими националистическими образованиями, объявил всеобщую забастовку – День земли – «как выражение искреннего гнева, быющего в душе нашего народа против политики, направленной на изгнание нас с каждого клочка земли, которым мы владеем»²¹⁶. Во время забастовки протестующие броса-

²¹⁶ Al-Ittihad, 9.3.1976. Цит. по: *Rekness E. Hami'ut ha'aravi beYisrael: bein communism leleumiyut aravit, 1945–1991* (Арабское меньшинство в Израиле: от коммунизма к национализму, 1945–1991) (Тель-Авив: 1991), с. 100.

ли камни и канистры с горящим керосином в сотрудников сил безопасности, возводили на дорогах заграждения из камней и жгли покрышки. Комендантский час, объявленный в деревнях Галилеи и треугольника²¹⁷, не соблюдался, демонстранты столкнулись с полицией и армией. В ходе перестрелок шесть арабов были убиты и десятки ранены, а также пострадало множество полицейских и солдат.

С тех пор День земли стал ключевой датой в календаре арабов Израиля, палестинцев на оккупированных территориях и даже палестинской диаспоры как символ национальной солидарности и единства целей. И с тех пор в повестку дня израильских арабов было включено требование создать палестинское государство наряду с Государством Израиль как выражение права палестинцев на самоопределение. День земли и связанные с ним мероприятия вселили гнев в сердца еврейской общественности и вызвали возмущение арабов Израиля. Но сомнительно, что это помогло стать большинству и меньшинству ближе друг к другу. Евреи рассматривали арабское насилие как демонстрацию потери контроля правительством и острой необходимости увеличить количество еврейских поселенцев в Галилее. С точки зрения правительства Рабина, День земли стал еще одним событием,

между коммунизмом и арабским национализмом, 1945–1991 гг.). Tel Aviv: Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies. Tel Aviv University and Hakibbutz Hameuhad, 1993, p. 80.

²¹⁷ Концентрация городов и деревень израильских арабов рядом с «зеленой линией» в Самарии. – *Прим. пер.*

ослабившим его статус.

В июле 1976 года у правительства действительно был отрадный момент, когда элитное подразделение ЦАХАЛа освободило заложников с угнанного авиалайнера в Энтеббе, Уганда. Самолет Air France вылетел из Израиля и был угнан после транзитной остановки в Афинах, а затем отправился в Уганду, правитель которой Иди Амин сотрудничал с угонщиками. Они требовали освобождения террористов, содержащихся в Израиле, Германии и других странах. После нескольких тревожных дней, в течение которых правительство разрешило Рабину вести переговоры с угонщиками, ЦАХАЛ сформировал план по освобождению заложников, удерживаемых в 6000 километров от Израиля. Правительство одобрило операцию. Транспортный самолет Hercules доставил военнослужащих ЦАХАЛа, и миссия была завершена с очень небольшими потерями – смелая операция, выполненная безукоризненно. На день или два Израиль забыл о повседневных проблемах и угнетенном состоянии, царившем после войны, и радовался успеху операции, получившей высшую степень одобрения в мировой прессе. Но отсрочка длилась недолго.

В декабре 1976 года первый самолет F-15 прибыл в Израиль и был принят государством. Рабин рассматривал его прибытие как проявление теплых отношений, которые он установил с американской администрацией, и хотел подчеркнуть это. К сожалению, самолет прибыл в пятницу днем.

Церемония встречи с пилотами затянулась, и казалось, что произошло осквернение субботы²¹⁸ министрами правительства и руководителями армии. Ультраортодоксальные партии выразили вотум недоверия правительству. НРП теперь оказалась между молотом и наковальней; в итоге большинство ее членов воздержались при голосовании в Кнессете и не поддержали правительство. Рабин обвинил их в нарушении принципа коллективной ответственности, которому подчинялись все министры. Он отправил в отставку трех министров НРП и, используя голосование как предлог для роспуска правительства и проведения новых выборов, на которых надеялся выиграть с большим отрывом, подал президенту заявление о своей отставке. Новые выборы были назначены на 17 мая 1977 года.

Первоначально этот шаг Рабина рассматривался как многообещающий в свете его популярности после операции в Энтеббе. Но все вскоре пошло наперекосяк. На встрече с Рабином новоизбранный президент Картер не колеблясь публично выразил поддержку идее «палестинской родины». В сообщениях прессы о встрече указывалось, что предыдущие договоренности между Рабином и американской администрацией не были приняты во внимание и что президент оказал жестокое давление – граничащее с оскорблением – на

²¹⁸ В еврейском календаре день начинается с захода солнца предыдущего дня, поэтому суббота (шабат) начинается в пятницу вечером. В этот день согласно еврейской традиции запрещена любая работа. Осквернение субботы для соблюдающих евреев считается очень серьезным грехом.

премьер-министра. В Израиле Шимон Перес снова объявил, что будет баллотироваться против Рабина в центральном комитете партии, хотя Рабин был действующим премьер-министром. Рабин снова победил в комитете, хотя и при очень незначительном перевесе, что свидетельствовало о снижении поддержки.

Была сформирована новая партия, Dash (сокращение от Демократическое движение за перемены на иврите), выражающая недовольство общества существующими партиями и руководством. Dash была доказательством упадка социалистического духа и подъема гражданско-либерального мировоззрения. Типичная центристская партия, представляющая образованный средний класс, она была склеена из осколков таких партий, как либеральная Shinui («Смена») и правая Hamerkaz Nahofshi (Свободный центр). Ее главная сила заключалась в списке впечатляющих фигур из промышленности, службы безопасности и академических кругов. Dash возглавлял бывший начальник Генерального штаба Игаэль Ядин, ныне профессор археологии Еврейского университета в Иерусалиме. Ядина, некоронованного принца израильской политики, не раз просили присоединиться к той или иной партии в качестве лидера, но он оставался темной лошадкой, поскольку никогда не ввязывался в политические игры. Dash казалось привлекательной альтернативой «Аводе», звезда которой померкла. Рабин, преемник старой гвардии, не смог убедить израильскую общественность в том,

что является настоящим лидером, способным противостоять вызовам, с которыми столкнулась страна. Dash с его впечатляющими опытными фигурами в важных областях силовых структур, экономики и политики, похоже, обладало сильным лидерским потенциалом. Оно предлагало умеренно-либеральную с точки зрения гражданского общества программу и умеренно-активистскую с точки зрения безопасности. Опросы показали стремительный рост его очевидной поддержки со стороны избирателей. Вдобавок ко всему в марте 1977 года Рабин оказался замешанным в скандале, связанном с банковским счетом в долларах, который его жена продолжала держать в Вашингтоне, округ Колумбия, после того, как он завершил свой срок в качестве посла в Соединенных Штатах. Валютные правила Израиля в то время запрещали израильтянам иметь счета за границей. Решив поддержать жену, Рабин снял свою кандидатуру и был заменен Шимоном Пересом. Так израильская политическая система подошла к выборам 1977 года.

V

1977–2000

Война, мир и колебания

17

Бегин у власти

В преддверии выборов в мае 1977 года израильское телевидение переняло британскую практику экзитпола. Когда избиратели покидали избирательный участок, их выборочно просили сообщить, за кого проголосовали. Посредством статистического анализа результатов социологи смогли получить сведения о результатах выборов вскоре после закрытия избирательных участков. Когда работники телевидения увидели результаты экзитпола, они с трудом поверили своим глазам. Likud (включающая Gahal и несколько небольших партий) получила 44 места, а Альянс – только 32. Сначала полагали, что результаты экзитпола ошибочны, но по мере того, как стали поступать реальные результаты, становилось все более очевидным, что произошло невероятное. Впервые с образования государства Mapai или HaAvoda не стали партией большинства при формировании правительства. В

одиннадцать вечера телеведущий Хаим Явин объявил: «Дамы и господа, поворот!» – отчеканив фразу на иврите, которая стала легендарной в израильской политике и культуре.

Лидер Likud Менахем Бегин дождался, пока будут получены все результаты, прежде чем отправиться со своей женой Ализой в штаб-квартиру Likud, Мецудат Зеев (Жаботинский), где празднование победы уже шло полным ходом. Хаим Явин описал сцену, в которой люди в костюмах и галстуках заменили людей Альянса с их неформальным видом; небрежного стиля одежды, типичного для левых, больше не было. Здание содрогнулось от ритмичного скандирования «Бегин, Бегин». Бегин надел кипу и произнес благословение Shehehiyanu²¹⁹, произносимое в особых случаях, поблагодарил свою жену, детей и внуков, а затем процитировал вторую инаугурационную речь президента Линкольна: «...с милосердием ко всем, с непоколебимой верой в добро...» Кипа, благословение, семейные отношения, использование церемоний ранее не применялись в израильской политике. Ведущий попал в точку, когда с улыбкой заметил: «Придется привыкать к новому стилю».

Бегин – по-видимому, единственный лидер в истории демократии, проигравший восемь выборов и выигравший девятыe. Когда Etzel была распущена, он основал партию Herut, боевую оппозицию правлению Мараи и левых. Пере-

²¹⁹ Текст звучит как «Благословен Ты Господь Бог наш, Царь вселенной, Который дал нам дожить, и сохранил нас, и довел нас до этого времени».

ход от боевика-подпольщика – или, как его любила называть международная пресса, «террориста» – к депутату парламента не принес Бегину того общественного признания, на которое он надеялся. До 1960-х годов его партия получила менее 20 мест в Кнессете, тогда как Мараи получила более 40. Бегину было нелегко преодолеть процентный барьер, а Бен-Гурион делал все возможное, чтобы помешать тому завоевать общественное доверие. Платформа Herut, гласившая: «У Иордана два берега, и оба принадлежат нам» (согласно девизу Жаботинского, отца-основателя ревизионизма), вызвала у израильтян страх перед ирредентистской партией, которая приведет страну к войне.

На протяжении многих лет происходил медленный, почти незаметный отход от этого максималистского лозунга, ограничивавшего притязания на весь Западный берег Иордана; даже это представляло собой стремление, не требующее действий. В то время уже устоялись границы 1949 года. Когда в 1965 году была основана Gahal (как уже отмечалось, союз Herut с либералами, центристская партия среднего класса), Бегин отказался прекратить упоминать территории исторической Земли Израиля (доходящей до Иордана), но либералы рассматривали это как бряцание оружием, противоречащее их умеренной внешней политике. В качестве компромисса об этом было упомянуто во введении к программе как приверженность доктрине «целостности родины» исключительно партии Herut, а не общего блока. Медленный отход

от приверженности Великому Израилю означал признание того, что для подавляющего большинства израильской общности Великий Израиль был далекой мечтой, а не политической программой. Как отмечалось ранее, цель Бен-Гуриона состояла в том, чтобы помешать человеку, чьи воинственные устремления и методы работы он считал опасными для самого существования Израиля, быть принятым в качестве легитимного игрока на политической сцене. «Человек, сидящий рядом с доктором Бадером» [в Кнессете] – так Бен-Гурион называл Бегина. Фраза Бен-Гуриона «без Herut и Makī» была направлена на то, чтобы не допустить присоединения радикальных правых и левых партий к коалициям. В течение нескольких лет Министерство обороны отказывалось признать, что ветераны Etzel и Lehi имели право на пенсии и пособия, равные тем, что получали их коллеги из Hagannah. Эта неоправданная, но временная дискриминация позже стала источником мифотворчества.

Бегин придерживался политического стиля, неприемлемого в Израиле. В речи, которую произнес на демонстрации против соглашения о репарациях с Западной Германией в январе 1952 года, он разжег публику выражениями, очерняющими Бен-Гуриона, и угрожал насилием. После выступления, как описано в предыдущих главах, демонстранты прошли к зданию Кнессета и забросали его камнями, по иронии судьбы в тот момент, когда сам Бегин выступал перед пленумом. Бегин был отстранен Кнессетом от работы на три

месяца. После той демонстрации он смягчил риторику и все больше подчеркивал приверженность демократии и верховенству закона. Он агитировал за выборы в Кнессет четвертого созыва 1959 года под лозунгом «От оппозиции к правительству», проводя массовые митинги по всей стране. В день накануне выборов он объехал бедные кварталы Тель-Авива на кабриолете в сопровождении мотоциклистов. Эта идея была предложена ответственным за предвыборную кампанию Herut, которая заимствовала ее из практики Соединенных Штатов, но в Израиле она была воспринята как неприкрытое праворадикальное позерство в стиле Муссолини.

Бегин напиговывал свои речи библейскими выражениями, пророческим духом и риторикой высокого стиля, оторванной от реальности. Критики утверждали, что Бегин был напыщенным, однако он вызвал энтузиазм в массах. По всем вопросам внутренней политики он был готов использовать антиправительственную демагогию. Во внешней политике он стремился поддержать любые воинственные действия правительства, но не шаги назад или уступки. Его неоднократная неудача в завоевании доверия народа не раз вызывала недовольство в его собственной партии, но каждый раз, когда его лидерство подвергалось сомнению, он сразу же изгонял бунтовщика из партии. Herut была «семейной» партией, руководство которой сформировалось, когда Etzel находилась в подполье. Ветераны тесно общались и безоговорочно принимали руководство Бегина. Большинство чле-

нов происходили из Польши, и авторитарный стиль Бегина соответствовал общепринятой практике националистических движений в этой стране в период между двумя мировыми войнами.

Вхождение Бегина и его партии Herut на орбиту политической системы Израиля произошло накануне Шестидневной войны. Поскольку судьба страны, казалось, висела на волоске, Бегин – в запоздалом признании исключительной руководящей силы Бен-Гуриона – великодушно предложил вернуть Бен-Гуриона из Сде-Бокера после его отставки и включить в правительство. Бен-Гурион не вернулся в правительство, но то явилось началом процесса примирения между ним и Бегином, польские шляхетские манеры которого очаровали жену старого вождя Паулу, питавшую к нему слабость. На переговорах о создании правительства национального единства накануне войны НРП потребовала места для Gahal, и впервые Бегин был назначен одним из министров без портфеля. Таким образом, Бегин и Herut вышли из глубокого подполья и сделались приемлемыми политическими партнерами. Когда Голда Меир сформировала свое правительство в 1969 году, она пригласила Gahal и Бегина присоединиться к нему, тем самым подтвердив их легитимность; в то время как более раннее назначение в 1967 году могло быть истолковано как экстренное, данное приглашение было признанием Бегина и его коллег как достойных членов правительства.

Шестидневная война превратила платформу Herut из отдаленного идеала в реальность. Западный берег и сектор Газа оказались в руках Израиля. Отныне Бегин усердно работал, чтобы обеспечить государственный контроль на всей исторической Земле Израиля. Он был одним из авторов постановления правительства от 19 июня 1967 года, выразившего готовность уступить Синай и Голанские высоты в обмен на мирные соглашения. Но он не согласился на аналогичную договоренность с Иорданией в отношении Западного берега. В 1970 году, когда правительство Израиля сообщило посреднику ООН Гуннару Яррингу, что готово выполнить Резолюцию 242 Совета Безопасности ООН, включавшую принцип неприсоединения территорий, оккупированных во время войны, Бегин вынудил Gahal покинуть правительство, угрожая расколоть партию, если его позиция не будет одобрена.

Война Судного дня стала знаменательным событием, приведшим к падению власти «рабочих» сионистов. Ответственность восприняла mehdal как выражение политической некомпетентности партии HaAvoda, и это привело к потере доверия, самого ценного актива партии в годы ее правления. Люди считали правление этой партии само собой разумеющимся, так как она знала, как направить корабль государства в безопасную гавань. Впервые война вызвала сомнения по поводу этого имиджа, до сих пор не дрогнувшего под атаками оппозиции как слева, так и справа. Правительство

Рабина открыло свой срок полномочий под тяжелым бременем подобных сомнений. Его слабость, внутренняя борьба между Пересом и Рабином и случаи коррупции, выявленные в тот период, нанесли правительству еще больший урон. Средства массовой информации, особенно телевидение, которое до войны Судного дня проявляло умеренность в критике правительства, теперь взяло на вооружение методы, выработанные американским телевидением во время войны во Вьетнаме и Уотергейта. Телевидение стало центральным инструментом для разоблачения недостатков и слабостей правительства и своей содержательной и даже злобной сатирой способствовало подрыву имиджа НаАвода как партии власти. На выборах 1977 года левые избиратели отдали в основном предпочтение партии Dash, которая получила 15 мест и стала третьей по силе партией. Результаты голосования свидетельствовали о разочаровании рабочих-избирателей, но не выражали существенного изменения в их политическом мировоззрении – безоговорочном непринятии позиции Бегина по Великому Израилю.

Первый срок Бегина и Кэмп-Дэвидские соглашения

Бегин привнес во власть авторитарный стиль, неизвестный в Израиле со времен Бен-Гуриона. После слабости предыдущего правительства такая манера казалась глотком

свежего воздуха, вселяла уверенность и возвращала ощущение, что капитан действительно твердо управляет кораблем. Бегин был человеком противоположностей, им восхищались и презирали. Он был способен на широкие жесты, но также был и мелочным. Юрист по профессии, он неукоснительно уважал суды и верховенство права. Но он также был крайне юридически въедлив и способен предаваться бесконечной полемике. Он был человеком чести, хвалился, что всегда держит свои обещания, но на самом деле не стеснялся их нарушать, когда считал это необходимым. Он поклялся, что ни один араб не будет лишен своей земли в связи с поселением евреев на оккупированных территориях, и свое обещание сдержал. В то же время он посетил поселенцев в Элон-Море и заявил: «Таких, как Элон-Море, будет гораздо больше». Всегда осознавая важность символов, Бегин настаивал на том, чтобы официальные публикации не называли Западный берег «оккупированными» или «удерживаемыми Израилем» территориями. Вместо этого им использовались библейские имена, которые с незапамятных времен подчеркивали связь евреев с этими территориями: Иудея и Самария.

В сформированную Бегом коалицию вошли НРП (получившая двенадцать мест) и Agudat Yisrael. DASH присоединился позже. Впервые с 1952 года ультраортодоксальная партия вошла в коалицию. В отличие от наследия движения Жаботинского, которое было, в сущности, светским, Бегин соблюдал иудейскую традицию. Даже когда не чтит запове-

ди, он придерживался стиля, выражавшего сочувствие и уважение к традициям. Его речи были приправлены выражением «с помощью Всевышнего» и стихами из молитвенника; голова всегда была покрыта – в случаях, когда это было необходимо и когда не было. Когда ультраортодоксы потребовали, чтобы El Al не летал в субботу, он мгновенно согласился с этой просьбой как само собой разумеющейся. Он увеличил ассигнования на иешивы, что привело к росту числа безработных студентов иешив до масштабов, ранее неслыханных в истории Израиля. Он также отменил ограничение на количество студентов иешив, освобожденных от воинской службы (которое Бен-Гурион установил в 400 человек, а Даян увеличил до 1500); с тех пор их число увеличилось до десятков тысяч.

Бегин был осведомлен о Холокосте гораздо лучше, чем любой предыдущий премьер-министр. Как человек, который покинул Польшу с началом Второй мировой войны и чья семья там погибла, он всеми фибрами души ощущал судьбу еврейского народа под властью нацистов. Как премьер-министр, приверженный интересам страны, он отказался от жесткой позиции по отношению к Германии – одной из европейских стран, наиболее дружественных Израилю, – но образы, сформировавшие его психику, были связаны с еврейской травмой Второй мировой войны. После выборов, когда он встретился с американскими еврейскими лидерами – в основном либералами, обеспокоенными его на-

ционалистической воинственностью, — он покори́л их своим идишкайтом²²⁰, глубокой связью с еврейским прошлым, идишем, который иногда использовал, и глубокой самоидентификацией с еврейским народом (диаспоры). Он говорил не об «израильтянах», а о «евреях». Подвергаясь критике со стороны международного сообщества по поводу бомбардировки Израилем Бейрута во время ливанской войны 1982 года, он вспоминал образы Холокоста. Когда средства массовой информации опубликовали изображение раненой палестинской девушки, он положил на свой стол хорошо известную фотографию еврейского ребенка в Варшаве, стоящего с поднятыми руками перед вооруженными немецкими солдатами в сапогах. Он сравнивал Арафата с новым Гитлером, замышлявшим уничтожение еврейского народа. Во время своих решающих встреч с президентом Картером он использовал глубоко пафосные ораторские приемы, вызывая воспоминания о своей потерянной семье, которые заставляли присутствовавших погрузиться в глубокую тишину.

Некоторые рассматривали такое поведение как преувеличенную театральность, обесценивание Холокоста, подрывающее его уникальность и моральную силу. Но другие считали это необычайным умением убеждать, поставившим противников Бегина на место. Популярный лозунг 1980-х годов «Весь мир против нас» стал реакцией на односторон-

²²⁰ Дословно «еврейскость» (идиш), в широком смысле — традиционная культура евреев-ашкеназов, дух еврейской жизни Восточной Европы.

нюю необузданную критику Израиля со стороны мировых средств массовой информации во время первой ливанской войны, критику, приправленную подлинным антисемитизмом. Но на это также повлиял стиль руководства Бегина, который сделал Израиль и еврейский народ постоянными объектами несправедливых суждений со стороны народов мира, решительно пытавшихся нанести ущерб Израилю. То был возврат к традиционному еврейскому образу мышления в духе: «Это данный (Всевышним) закон; известно, что Исав ненавидит Иакова»²²¹.

Приход Бегина к власти ознаменовал собой нечто большее, чем просто смену правительства. Он символизировал выход на сцену новых классов, другой культуры, другого исторического нарратива. Бегин затронул чувствительную точку у всех, кто считал израильское рабочее движение заносчивым, чуждым и инородным, у всех, для кого идентичность рабочего движения не соответствовала их собственной. Иммигранты 1950-х и 1960-х годов, особенно выходцы из Северной Африки, принесли с собой тяжкий груз неблагоприятных условий, ставший еще более обременительным из-за их трудностей с абсорбцией в маабарот и в городах развития, поскольку от них требовалось быстро принять современную светскую западную культуру. Одним из компонентов этого сдвига был распад патриархальной семьи, повлек-

²²¹ Фраза, которую приводит в комментариях к книге Берешит (Бытие) один из еврейских мудрецов II в., основоположник каббалы рабби Шимон бар Йохай.

ший за собой снижение статуса и потерю уважения к старейшине. Для этих иммигрантов Бегин, аутсайдер израильской политики, представлялся человеком, которому удалось переломить ситуацию. Он носил костюм, вежливо говорил и требовал от других вежливого поведения – общепринятая практика в элитных кругах общин мизрахи. Его авторитарность заменила подорванный авторитет старейшины. Его ораторские способности не имели себе равных, а готовность противостоять всему миру импонировала им. Но что еще больше привлекало в его речах, так это яростные атаки на Альянс – источник всех их невзгод, – он обвинял его во всех реальных и воображаемых унижениях, которым те подвергались. Многие евреи-мизрахи с энтузиазмом восприняли демонизацию Альянса Бегом; он выражал словесно присущее им чувство дискриминации. Его использование религиозных идиом и уважение к религии соответствовали их системе ценностей, резко контрастировавшей с дерзким секуляризмом сабров. Приверженность Бегина иудейским традициям и склонность подчеркивать семейные традиции обеспечивали его словам отклик в среде евреев мизрахи, большинство из которых сохранило в своих сердцах привязанность к семейным традициям.

Бегин решительно поставил Холокост в центр израильского дискурса. Некоторые выжившие в Холокосте воспользовались этим как возможностью потребовать законного места в национальной истории, признания вклада в создание

государства и своего участия в Войне за независимость. Но и многие другие присоединились к кампании демонизации старого Израиля. У переживших Катастрофу нашлось множество претензий. Были утверждения, что во время мировой войны руководство ишува было недостаточно осведомлено о том, что происходило в Европе, и не попыталось помочь европейским евреям во время нацистской оккупации; что в Израиле выжившие столкнулись с пренебрежительным отношением, нежеланием выслушать их свидетельства и обвинениями в том, что они «пошли на бойню, как ягнята» и что память о Холокосте замалчивалась в первые десятилетия после мировой войны.

То была политическая борьба, превратившаяся в «войну памяти». Утверждения, что руководство ишува не вступилось и не боролось за европейское еврейство, прозвучали от Etzel еще в 1940-х годах. В результате борьбы против соглашения о репарациях Herut предстала перед общественностью как партия, которая заботилась о евреях Европы, в отличие от безжалостной Mara'i, готовой пожертвовать национальной честью в обмен на немецкие деньги. В то же время на суде над Кастнером адвокат правого толка Шмуэль Тамир представил переживших Катастрофу как коллаборационистов. Выжившие в Холокосте совершенно не похожи на гордых сабров. По его словам, уважения достойны только бойцы гетто. Суд над Эйхманом трансформировал эти образы и превратил Холокост в центральный элемент израиль-

ской идентичности.

Теперь Бегин позиционировал Холокост как объединяющий фактор, который сплавил бы старую израильскую идентичность и новую, чьи образы были гораздо больше связаны с мелкобуржуазной культурой диаспоры (превозносимой им), чем с пролетарской культурой сионистов-социалистов. Он стремился построить новую генеалогию, которая больше не опиралась на Петах-Тикву и Седжеру а-ля Бен-Гурион, а на Варшаву, Бердичев и Касабланку как источники израильской самоидентификации. Более того, если до того Etzel и Lehi были исключены из истории создания государства, то теперь память о них была восстановлена. Согласно Бегину, государство не могло бы возникнуть без борьбы Etzel против британского правления. Он утверждал, что Мараи признала целостность страны из-за своей слабости и отсутствия решимости. Бегин изображал себя истинным патриотом, предотвратившим междоусобную войну во время «Сезона охоты» и расстрела Altalena, в то время как левые не колеблясь выдали героев подполья британцам. Бегин и его соратники проталкивали этот нарратив, сочетание правды и лжи, гиперболы и самоуверенности, через речи перед собранием единомышленников, большинства из которых даже не было в стране, когда происходили эти события, и верили пропаганде настолько, как если бы Моисей передал эти слова народу с вершины горы. До какого предела Бегин доходил, чтобы использовать прошлые битвы для обеспечения легитим-

ности в настоящем, можно увидеть на примере создания комиссии по расследованию убийства в 1933 году Хаима Арлозорова, главы политического отдела Еврейского агентства. Ревизионистский нарратив трактовал это обвинение так, что члены Betar рассматривали данное преступление как «кровавый навет».

«Боевая семья» — круг близких товарищей Бегина по Etzel, которые сопровождали его на протяжении тридцатилетнего пути во власть, — был элитарным клубом, куда не принимали никого, кто не имел схожего происхождения, образования и мировоззрения, сформированного в Etzel. Проблема заключалась в том, что для того, чтобы стать массовой партией, Herut, а затем и Gahal должны были открыться для новых иммигрантов. Некоторые из этих иммигрантов были членами Betar за границей, выросли на мировоззрении, основу которого составлял миф о Великом Израиле, неприятие левых, честь нации и преклонение перед Жаботинским как отцом-основателем. Но для большинства иммигрантов из Северной Африки именно встреча с Бегином открыла новые перспективы: лидерства, возможности для продвижения по социальной лестнице и принадлежности к политическому сообществу, а также связи с основополагающим мифом о государстве. Диалог, возникший у Gahal, а затем и Likud с активистами в городах развития и неблагополучных районах, пришелся не по вкусу старой элите Betar, которая чувствовала себя отвергнутой новичками, а те, в

свою очередь, не всегда соответствовали идеалу Nadar, который Жаботинский определил как «внешняя красота, гордость, вежливость, преданность». Но с годами большинство старых лидеров уже не могли управлять партией. Исследователи Ури Коэн и Ниссим Леон утверждают, что накануне правого поворота мизрахи имели подавляющее большинство в центральном комитете партии. Членство в этом комитете было наградой для людей, активно работающих в местных отделениях партии. Данные отделения укрепляли верность партии среди молодой, динамичной элиты, возникшей из рядовых активистов и являвшейся мобилизующей силой, способной привлечь массы избирателей на избирательные участки. То были люди, приведшие Бегина к власти.

В отличие от динамизма Likud партия HaAvoda увядала, разрушалась изнутри, не имела авторитетного руководства, страдала от потери уверенности в себе. Она не пошла в атаку и не использовала скандалы Likud, такие как дефицит фонда Tel Hai Foundation, который Бегин отчаянно пытался погасить за год до поворота. Сторонникам haAvoda театральность и риторика Бегина казались неубедительной демагогией, но никто из членов партии не был способен сражаться с ним его же оружием. Сдержанный, прозаичный стиль поколения местных уроженцев, которые теперь были частью руководства движения, не мог конкурировать с драматургией Бегина, вызывавшей эмоции у его зрителей, выражавшей их чаяния. Сомнения, которые он высказал по поводу места ра-

бочего движения в истории ишува и государства, ошеломили членов партии.

НаAvoda 1970-х годов, гордившаяся своими социал-демократическими взглядами, была партией интеллектуальной элиты, представителей свободных профессий и верхнего слоя наемных рабочих. Она не была партией трудящихся масс – те голосовали за Likud. Социализм НаAvoda предполагал высокий уровень участия государства в экономике с целью достижения максимального равенства. Эта тенденция пошла на спад после 1967 года, но Израиль оставался одной из наиболее эгалитарных стран мира. Хотя государство предоставило своим гражданам впечатляющую систему социальной защиты, оно не использовало этот аргумент в пропаганде. Идеология партии была сосредоточена на приверженности человека государству и говорила об обязанностях гражданина, но не о его правах. Это способствовало «общему благу», но не интересам отдельного человека. Со своей стороны, Бегин отстаивал дискурс индивидуализма, основанный на вопросе «Что дает мне государство?», а не на «Что я даю государству?». В речи в Кнессете, представляя свое правительство, Бегин утверждал: «На нас возложено много работы, возможно, даже каторжной. Мы, мои коллеги и я, будем выполнять эту работу самоотверженно, преданно, с чистой совестью, с твердым сердцем и с верой в то, что с помощью Всевышнего мы улучшим судьбу нашего на-

рода»²²². Это заявление противоречило всему духу рабочего движения, которое основывалось на вере в массы, готовые принять вызов, а не вере в лидера, который поведет их за собой.

Первое правительство Бегина разочаровало ветеранов Негут. Основные портфели достались людям, которые не были выходцами из рядов партии. Министром обороны был назначен Эзер Вейцман, создатель израильских ВВС и племянник первого президента Израиля Хаима Вейцмана, руководивший успешной избирательной кампанией Likud. Министр финансов Симха Эрлих был мягким умеренным либералом. Министром сельского хозяйства назначили Ариэля Шарона, чья партия Shlomzion с ее двумя местами быстро присоединилась к Likud после победы последней. (Говорят, Бегин заявил, что, если бы Шарон получил портфель министра обороны, он бы окружил Кнессет танками.) Шарон взял на себя задачу расширения сети поселений на оккупированных территориях. Когда партия DASH вошла в состав правительства, Игаэль Ядин был назначен заместителем премьер-министра. Бегин изумил израильские политические круги тем, что вызвал Моше Даяна, которого критиковали со времен войны Судного дня, из политического забвения и назначил того министром иностранных дел. Это был блестящий ход, призванный придать правительству

²²² *Begin M. Divrei haknesset (Кнессет: отчеты), third session of the Ninth Knesset, 20.6.1977.*

международную легитимность.

Западные страны оказались ошеломлены результатами выборов в Израиле. Бегина заклеили как опасного экстремиста. Time отметил, что «Бегин» рифмуется с «Фейгин»²²³ – откровенно антисемитский выпад, на что мэр Иерусалима Тедди Коллек ответил: «Time – слизняки»²²⁴. Вьетнамские беженцы, плывшие на лодке из порта в порт, поскольку ни одна страна не принимала их, нашли безопасное убежище в Израиле по распоряжению Бегина; он видел в них напоминание о еврейской Катастрофе Второй мировой войны и равнодушии мира к трагедии еврейского народа. Эта благотворительная акция нейтрализовала имидж Бегина как террориста в мировой прессе, особенно в Великобритании. В свете нападок на него и опасений, которые он вызывал в мировых СМИ, его умеренность и вежливость стали приятным сюрпризом. Но что больше всего сработало в его пользу, так это мирный процесс.

Бегин не верил в частичное урегулирование с арабскими государствами и категорически выступал против временных договоренностей, достигнутых Рабином. Он хотел исторического прорыва: мирного соглашения с самым большим и самым важным арабским государством – Египтом. Намеки на то, что Бегин был готов к компромиссу в вопросе о террито-

²²³ Фейгин или Феджин – отрицательный персонаж из произведения Чарльза Диккенса «Оливер Твист». Он считался стереотипным «еврейским злодеем».

²²⁴ В оригинале – Time equals slime, также ответ в рифму.

риях, можно обнаружить в речи с трибуны, которую он озвучил перед партией в январе 1977 года до своего прихода к власти. Он выразил намерение пойти на компромисс по Синаю и Голанским высотам, в то же время заявляя, что территория к западу от реки Иордан не будет в иностранной власти, но скорее станет автономией для арабских жителей. Назначение Даяна министром иностранных дел было сигналом заинтересованности Бегина в переговорах с арабскими странами, прежде всего с Египтом. На своей первой встрече с президентом Картером Бегин сказал, что принимает Резолюцию 242 Совета Безопасности ООН, протест против которой в 1970 году привел к его отставке из правительства Голды Меир. Он инициировал встречу с президентом Румынии Николае Чаушеску и послал Моше Даяна на встречу с королем Хусейном, шахом Ирана и королем Марокко Хасаном II, под покровительством которого Даян встретился с заместителем премьер-министра Египта Хасаном Тухами. Совокупный эффект этих встреч привел к величайшей неожиданности столетия – визиту Садата в Иерусалим.

В обращении к египетскому парламенту 9 ноября 1977 года Садат отложил заготовленный текст и добавил две короткие фразы о переговорах с израильянами: «Я готов пойти на край земли во имя мира, даже в их обитель, Кнессет, и поговорить с ними. У нас нет времени, чтобы растратить его попусту»²²⁵. Его заявление было встречено бурны-

²²⁵ Shilon A. Begin: 1913–1992 (Бегин, 1913–1992 гг.). Tel Aviv: Am Oved, 2007,

ми аплодисментами, показавшими, что аудитория не до конца осознала его революционное значение. Бегин сам понял это только тогда, когда журналист потребовал от него ответа, заявив, что все информационные агентства уже распространили волнующие новости. Как всегда, когда его призывали сыграть роль на сцене, Бегин блеснул и не разочаровал: «Я с радостью встречусь с Садатом где угодно, даже в Каире, и если он захочет приехать сюда, мы скажем ему “добро пожаловать”». Эти слова были истолкованы как официальный ответ и транслировались радиостанцией Kol Yisrael.

Драма обострилась несколько дней спустя, когда CBS транслировала параллельные интервью с двумя лидерами, представив противников как партнеров в переговорах, которые состоятся через несколько дней. В своем интервью Бегин использовал слова, которые стали лозунгом: «Нет войне и нет кровопролитию». Два главных героя в этом спектакле осознавали эффект его символизма, важность жестов и непривычный характер своих действий и силу их психологического воздействия. Садат верил в необходимость сломить психологический барьер недоверия израильтян к Египту, и его визит в Иерусалим и появление в Кнессете были направлены на устранение этого барьера. Международные СМИ превратили событие в драму первостепенной важности, которую наблюдали в каждом доме, Садат и Бегин сделались героями западной культуры, знакомыми каждому.

Настали дни всеобщего опьянения. Израильтяне не могли поверить своим глазам. Человек, который твердил «ни пяди», настаивал на абсолютном отказе от компромиссов, пригласил Садата в Иерусалим – и именно в то время, когда Бегин был премьер-министром, Садат был готов принять приглашение. Популярность Бегина резко возросла. Были голоса, как, например, голос начальника Генерального штаба Мордехая Гура, выражавшие опасения по поводу египетского обмана, предвещавшего нападение, подобно нападению 1973 года, но Бегин задавил их и отдался энтузиазму, охватившему израильский народ. 19 ноября 1977 года самолет Садата приземлился в Израиле. Весь народ был прикован к своим телевизорам, наблюдая невероятную сцену приземления самолета президента Египта в Лод, с красной ковровой дорожкой и почетным караулом, ожидавшим его вместе с министрами правительства, бывшими премьер-министрами, лидерами оппозиции и другими высокопоставленными лицами. На ветру развевались израильские и египетские флаги. Дверь самолета открылась, и египетская делегация начала спускаться по ступеням. Последним появился президент Садат, элегантный, с ровной осанкой. Бегин приветствовал его и проводил по красной ковровой дорожке. Граждане Израиля были в восторге. Если Садат хотел убедить их в своих мирных намерениях, он завоевал их сердца одним эффектным жестом. В эпоху телевидения политика представляла собой драму, разыгрываемую для многомиллионной аудито-

рии, и визит Садата в Иерусалим явился кульминацией этой драмы. Когда кто-то заметил, что история закончится получением двух Нобелевских премий мира, Голда Меир состроила: «Не уверена насчет Нобелевской, но они определенно заслуживают “Оскара”».

Как писал израильский журналист Тедди Пройс, мирный процесс начался с кульминации – визита Садата, – и все, что последовало за этим, было своего рода разочарованием. И действительно, ничто не могло сравниться с воздействием визита Садата в Иерусалим. В тот же вечер в неофициальном разговоре между Бегинем и Садатом в отеле King David в Иерусалиме обе стороны обязались сойти с тропы войны и с этого времени вести переговоры для решения проблем. Израиль должен был уйти с Синайского полуострова, который остался бы демилитаризованным. Данный разговор за закрытыми дверями позже вызвал споры. Бегин утверждал, что говорил о передаче суверенитета только над частью Синая, поскольку намеревался сохранить израильские аэродромы и поселения на севере Синая и на подступах к Рафаху, включая город Ямит. Садат утверждал, что он обязал Египет демилитаризовать не весь Синай, а только район к востоку от перевалов Митла и Гидди. Все вопросы возникли после того, как восторг по поводу исторической встречи улегся и обе стороны приступили к обсуждению деталей соглашения.

На следующий день после прибытия Садата в Иерусалим уже было ясно, что переговоры будут трудными. Садат вы-

ступил в Кнессете жестко, потребовал ухода Израиля со всех территорий, оккупированных в ходе Шестидневной войны, и «справедливого решения палестинской проблемы» — два требования, которые были неприемлемы ни для одной из сионистских партий. Бегин ответил энергичной речью, подтвердив свою готовность работать ради мира с Египтом. Что касается требования восстановить права палестинцев, он говорил о правах евреев и уроках Холокоста, но все же сказал, что израильская сторона «полностью открыта для переговоров». Обе стороны цеплялись за то, чего другая сторона хотела избежать: Садат настаивал на увязке мира с Египтом и мира с Сирией и Иорданией, а также на признании «прав палестинцев» (не уточняя, что за этим скрывается), а Бегин добивался заключения сепаратного мирного соглашения с Египтом, придерживаясь принципа Великого Израиля и избегая передачи суверенитета территорий к западу от реки Иордан.

Если при первом воодушевлении казалось, что соглашение может быть достигнуто быстро, эта иллюзия рассеялась как дым по мере продолжения обсуждения. Усилилось давление на Садата из Египта и из-за границы. Арабские государства нападали как на него, так и на его миротворческую политику. В Египте слышались возмущенные голоса оппозиции: союза молодых левых интеллектуалов и фундаменталистской организации «Братья-мусульмане»²²⁶, и Садат не

²²⁶ Признана террористической организацией на территории Российской Фе-

чувствовал себя вправе отказаться от своих принципов. Бегин, со своей стороны, был пойман в ловушку своей неизменной верностью идеологии Великого Израиля. Переговоры стали затяжными и изнурительными, подорвав веру обеих сторон в мирный процесс. Со временем то, что начиналось с ощущением, что здесь история вершит свой путь, закончилось тем, что стороны погрязли в статьях и подпунктах, без каких-либо признаков прорыва.

С самого начала переговоров Бегин попытался обойти препятствие, связанное с требованием Египта создать палестинское государство в Иудее, Самарии и секторе Газа, что для него было совершенно неприемлемо. Формулировка, которую он предложил, включала предоставление автономии арабским жителям оккупированных территорий, которые Израиль не аннексировал. Не будет иностранного правления к западу от Иордана, но и Израиль не будет претендовать на то, что Бегин считал историческим правом, – суверенитет над Великим Израилем. С точки зрения Бегина, он шел на огромную уступку. Идея автономии соответствовала его политическим взглядам, основанным на историческом опыте евреев как национального меньшинства в Восточной Европе, где они стремились к автономии, но не к суверенитету.

Бегин предложил Картеру, а затем и Садату, что Израиль упразднит военную администрацию на оккупированных территориях.

риториях и предоставит автономию их жителям. Они смогут распоряжаться своей судьбой по своему усмотрению, но Израиль сохранит за собой право покупать там землю и селиться на ней, а также будет обеспечивать безопасность. Эта формулировка возникла и вновь побывала в различных вариантах за столом переговоров. Президент Картер, который был партнером в переговорах и стал их более активным участником, когда выяснилось, что процесс застопорился и нуждается в помощи США для его распутывания и продвижения, поддержал право палестинцев на самоопределение и заверил Садата в достижении этой цели. Бегин был убежден в том, что Картер не позволит ООП закрепиться на оккупированных территориях, и не связывал себя ничем, что могло быть истолковано как согласие на создание палестинского государства, особенно в отношении возвращения беженцев 1948 года на эти территории. Основной причиной спора были еврейские поселения на оккупированных территориях. Бегин отказался взять на себя обязательство прекратить строительство новых поселений, но Садат отказывался дальше вести переговоры, пока по этому вопросу не будет достигнуто соглашение.

В Израиле возникло мощное протестное движение в отношении политики Бегина, которое заявляло, что страна упускает возможность мира с Египтом из-за идеи Великого Израиля. Движение зародилось в марте 1978 года, когда переговоры зашли в тупик. Все началось с письма премьер-ми-

нистру, подписанного 348 офицерами запаса, многие из которых были ветеранами боевых действий. Они выразили серьезную озабоченность по поводу тупиковых переговоров, которые могут привести к новой войне, где им снова придется проливать кровь. Письмо было опубликовано и вызвало широкий общественный резонанс. В течение нескольких дней возникло добровольное движение молодежи, к которому присоединились десятки тысяч человек. Отрицая какие-либо политические пристрастия, движение имело одно требование: «Мир сейчас». Его лозунг – «Лучше мир, чем Великая Эрец-Исраэль» – был наклеен на бамперах тысяч автомобилей по всему Израилю. Эти демонстрации собирали десятки тысяч человек. Визит Садата оказал огромное воздействие на израильское общественное мнение, что выразилось в появлении этого движения.

По мере приближения октября 1978 года – даты возобновления мандата Чрезвычайных вооруженных сил ООН на Синае, спустя год после визита Садата в Иерусалим – в Иерусалиме и Вашингтоне возникли серьезные опасения, что Садат может выйти из мирных переговоров и предпринять впечатляющую военную операцию, как он уже делал в 1973 году. Президент Картер перешел к решительным действиям. Он пригласил обе стороны в Кэмп-Дэвид на конференцию, полностью изолированную от средств массовой информации, в надежде, что интенсивное взаимодействие приведет к соглашению. «Это оказался решающий, самый трудный и наиме-

нее приятный этап в мирных переговорах между Египтом и Израилем, – написал Моше Даян. – Всем трем сторонам пришлось разрешить мучительные психологические и идеологические кризисы, чтобы достичь договоренности»²²⁷. Саммит в Кэмп-Дэвиде длился 13 дней, с 5 по 17 сентября. До последнего момента не было уверенности в том, что он закончится соглашением. Каждый день приносил с собой новый кризис, каждый день возникало ощущение, что обе стороны зашли в тупик и лучше разойтись. И каждый день то одна сторона, то другая просила немного больше снисхождения, немного больше терпения, чтобы прийти к положительному заключению. Обе стороны опасались, что их обвинят в провале переговоров, и обе искали американской поддержки своей позиции. Это оставляло президенту Картеру и его помощникам возможности для маневра, позволяя оказывать давление на обе стороны, чтобы в итоге принять исторически значимые решения. Но, помимо тактики и стратегии, решающим фактором стало основное желание Бегина и Саада привезти своим народам мир. Это желание позволило им преодолеть преграды недоверия, внутреннее и внешнее давление, изменить собственные укоренившиеся позиции, как бы ни было это сложно, и пойти на риск.

В Кэмп-Дэвиде были подписаны два рамочных соглашения, которые должны были лечь в основу мирного договора,

²²⁷ Dayan M. Breakthrough: A Personal Account of the Egypt-Israel Peace Negotiations. New York: Alfred A. Knopf, 1981, p. 153.

детали предполагалось согласовать в течение трех месяцев. Бегин согласился приостановить строительство новых поселений в течение трехмесячного периода. Это обязательство было позже истолковано Картером как безоговорочное, которое Бегин якобы нарушил. Но, похоже, египтяне понимали, что соглашение должно быть ограниченным.

Одно рамочное соглашение касалось принципов мирного договора между Израилем и Египтом. С тяжелым сердцем и серьезными опасениями Бегин согласился отказаться от поселений на Синае и на подходах к Рафаху, а также от аэродромов. В качестве компромисса с самим собой Бегин заявил, что Кнессет должен ратифицировать эти уступки. Американцы облегчили это бремя, согласившись на строительство двух альтернативных аэродромов в Негеве, которое должно быть завершено до вывода войск. Американская станция раннего предупреждения на Синае будет демонтирована, но Чрезвычайные вооруженные силы ООН останутся там и будет выведены только с согласия обеих сторон и единодушного одобрения Совета Безопасности. Синай будет демилитаризован лишь частично, к востоку от проходов, но стороны будут разделены широкой буферной зоной. Египтяне согласились начать нормализацию отношений – что, как они изначально заявили, произойдет только после ухода Израиля со всего Синая, – и когда будет завершен первый этап вывода (девять месяцев после подписания договора), стороны обменяются послами. Суэцкий канал откроют для изра-

ильского судоходства, и Египет установит торговые отношения с Израилем, включая продажу нефти.

Второе рамочное соглашение касалось Западного берега и сектора Газа. Египет признал требования Израиля безопасности в обоих регионах. Израиль согласился на условия, которых никогда раньше не принимал. Он обязался предоставить палестинцам полную автономию на оккупированных территориях, сократив при этом израильскую военную администрацию. Автономия должна была продлиться пять лет, после чего начнутся переговоры о будущем территорий. Израиль сохранил за собой право вето по вопросам безопасности и не отказался от права требовать суверенитет над этим районом. Но также было заявлено, что любое решение проблемы территорий должно признавать «законные права палестинского народа и его законные требования» и что как жители территорий, так и нерезиденты-палестинцы будут принимать участие в любых переговорах о будущем региона.

Кэмп-Дэвидские соглашения не были встречены с таким энтузиазмом, как визит Садата. И в Израиле, и в Египте противники договора подчеркивали уступки, на которые пошли лидеры, а не их достижения. В Израиле решение отойти к международной границе и демонтировать поселения и аэродромы было воспринято с недоверием. Отказ от поселений противоречил обещаниям Бегина накануне саммита и противоречил мифу Тель-Хай, согласно которому «не отказываются от того, что было построено». На самом деле поселения

оказались заброшены по разным причинам, были и другие населенные пункты, от которых Израиль был вынужден отказаться во время Войны за независимость. Но добровольная сдача поселений, построенных по решению правительства, была беспрецедентной.

Хотя Бегин не собирался уходить с Западного берега и из сектора Газа, было ясно, что уход из поселений на Синае и с подступов к Рафаху был предзнаменованием того, что должно было произойти: поселения не неприкосновенны, и, поскольку они могут быть созданы, их можно и снести. Угроза поселенцам стала очевидна, и они, не теряя времени, отреагировали на нее яростным сопротивлением. Более того, все 12 лет после войны 1967 года израильтяне слышали о стратегической важности, которую Синай придавал стране, а теперь Израиль уступал ее одним махом. И близкие друзья, и товарищи по движению тут же со всей яростью обрушились на Бегина. Достижение мирного договора и нормализация отношений с самым важным арабским государством были омрачены забоем израильских священных коров, выращиваемых в течение многих лет. Садату тоже пришлось нелегко. Его обещание о полном уходе Израиля с Синая не успокоило противников мира в Египте и не привело к смягчению нападков на Садата со стороны других арабских государств, в том числе прозападных.

Дебаты в Кнессете по Кэмп-Дэвидским соглашениям проходили бурно. Только Бегин с его авторитетом и положени-

ем в партии мог заставить большинство членов Likud ратифицировать соглашения. «Нация страдает от родовых схваток. Правда, каждое великое предприятие рождается в муках, – ответил Бегин на нападки правых. – Это величайший поворотный момент на Ближнем Востоке, наступивший благодаря возможности подписания мирного соглашения между Израилем и Египтом. Мучения меня не удивляют. У меня нет претензий к демонстрациям»²²⁸. Даже НРП, большинство членов которой проголосовало за соглашения, сделала это, потому что считала: если Бегин решил отступить – это произошло потому, что у него, вероятно, не было альтернативы. HaAvoda и Dash поддержали договоренности, хотя и с оговорками по тем или иным пунктам. Шансы на мир перевешивали многочисленные уступки.

До конца главы было еще далеко. Теперь рамочные соглашения должны были быть оформлены в окончательный мирный договор, и проблемы, оставшиеся открытыми из-за расплывчатой формулировки Кэмп-Дэвидских соглашений, вышли на поверхность. Израиль настаивал на том, чтобы нормализация отношений началась в оговоренное время, независимо от того, когда будут завершены переговоры об автономии с палестинцами. Египет требовал обратного. Возник еще один отголосок основной дискуссии: было ли мирное соглашение между Израилем и Египтом связано с со-

²²⁸ Naor A. Begin bashilton: edut ishit (Бегин у власти: личное свидетельство). Tel Aviv: Yedioth Ahronoth, 1993, p. 182–183.

глашением об автономии, или между ними не было никакой связи? Израиль требовал отказаться от этого, Египет настаивал на сохранении. У Египта были договоры о взаимной обороне с арабскими государствами в рамках Лиги арабских государств. Израиль потребовал, чтобы мирное соглашение с ним было приоритетным над обязательствами Египта перед Лигой арабских государств. Израиль был обеспокоен тем, что в случае военного ответа на сирийскую или иорданскую провокацию Египет будет обязан прийти им на помощь, и мирное соглашение рухнет. Египет опасался, что обязательство отдать приоритет соглашению с Израилем будет рассматриваться как предательство арабского дела.

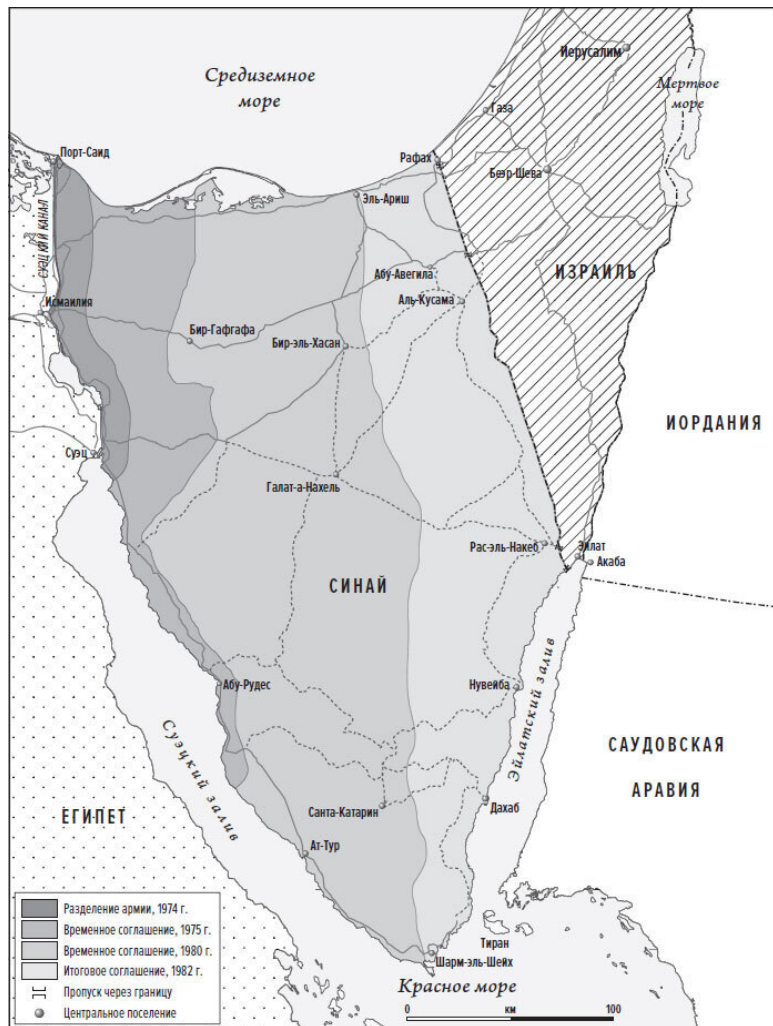
Помимо этих основных вопросов, были и практические проблемы, такие как поставка нефти в Израиль после отказа от нефтяных месторождений Синая. Переговоры при посредничестве США, состоявшиеся в Blair House в Вашингтоне, зашли в тупик. Дальнейший раунд переговоров также окончился неудачей. Только когда президент Картер полетел на Ближний Восток и опустил на чашу весов весь свой политический вес и престиж, ему удалось облегчить продвижение переговоров, после того как обе стороны почти отчаялись преодолеть препятствие, созданное последними деталями. 20 марта 1979 года договор был внесен в Кнессет для ратификации и вызвал одну из самых затяжных дискуссий в истории парламента, но в итоге решающим большинством документ был ратифицирован. В своей речи с трибу-

ны Даян сказал: «Мирный договор между Египтом и Израилем... это не какая-то там пастораль... Но это реалистичный мирный договор, составленный в контексте нынешней ситуации и призванный установить взаимоотношения между двумя соседними странами»²²⁹. С арабской точки зрения договор был признанием существования Израиля. 26 марта 1979 года, спустя полтора года после визита Садата в Иерусалим мирный договор был подписан на лужайке возле Белого дома.

В договоре оговаривались сроки поэтапного вывода войск с Синая, при этом Израиль оставался в восточной части полуострова и не покидал поселения и аэродромы до окончания двухлетнего переходного периода. В этот период должны были быть проведены переговоры об автономии для палестинцев. Нормализация отношений началась сразу после первого этапа вывода войск, был произведен обмен послами. В течение последующих двух лет подписание договора натолкнулось на ряд сложных испытаний: убийство Садата, участие Израиля в войне в Ливане и крах переговоров об автономии. Но он остался в силе и действует по сей день. Большинство египетской элиты, включая интеллектуалов, представителей СМИ и религиозных лидеров, никогда не примирились с Израилем. Мир между двумя правительствами не распространился на население, культурный обмен и друже-

²²⁹ Dayan M. Breakthrough: A Personal Account of the Egypt-Israel Peace Negotiations. New York: Alfred A. Knopf, 1981, p. 225–226.

ские отношения не состоялись. Однако с тех пор Ближний Восток видится другим, и мир между Израилем и Египтом лежит в основе его стабильности.

Карта 10. Политическая ситуация после Кэмп-Дэвидских соглашений, 1978 г.

Мирный договор с Египтом был зенитом эпохи Бегина. Он стал знаменит как внутри страны, так и во всем мире. Вместе с Садатом Бегин был удостоен Нобелевской премии мира. Но он подвергся нападкам в своем политическом блоке за сдачу поселений и признание законных прав и справедливых требований палестинцев. Ему было трудно противостоять поселенцам, поскольку в его глазах они были чистым идеалистическим элементом для правых. Он отвергал критику слева, тогда как критика справа причиняла ему боль; его сердце было с Великим Израилем и поселениями. Министр сельского хозяйства Ариэль Шарон предпринял агрессивную политику создания поселений, которая включала их строительство в центре населенных арабами районов, чтобы предотвратить возможность того, что однажды будет образовано палестинское государство. Напротив, министр обороны Вейцман хотел, чтобы поселения строились сплошными большими блоками без экспроприации земли. Даян утверждал, что, хотя евреям разрешено селиться где угодно на Земле Израиля, не следует строить поселения в небезопасных районах. Правительство приняло предложение Шарона о создании поселений везде, где это возможно, и Бегин был склонен поддержать его, даже когда его планы отклонялись от одобрения правительством. Ему было не по душе проти-

водействие Ядина, Даяна и Вейцмана, которые представляли более умеренные позиции в правительстве.

Бегин назначил министра внутренних дел Йосефа Бурга ответственным за переговоры по вопросам автономии, тем самым дав понять, что статус Западного берега – внутреннее дело Израиля. Это также стало сигналом для Даяна, что его работа в правительстве окончена. Он ушел в отставку через полгода. Бегин заменил его на посту министра иностранных дел бывшим лидером Lehi Ицхаком Шамиром. Экстремистские позиции Шамира проявились в его голосовании по мирному договору: он воздержался. Его назначение означало конец умеренности и компромисса, и переговоры об автономии мирно скончались. Между тем в мае 1980 года Вейцман в гневе подал в отставку, заявив, что сокращение оборонного бюджета ставит Израиль под угрозу и что действия Бегина имеют серьезные недостатки. В дополнение к должности премьер-министра Бегин в течение 14 месяцев был министром обороны.

В политическом плане первые два года правления Бегина были отмечены мирным процессом, благодаря которому он приобрел престиж и популярность. Но экономическая ситуация явилась его ахиллесовой пятой. В октябре 1977 года министр финансов Симха Эрлих представил новый экономический план, направленный на радикальную либерализацию израильской экономики и превращение ее из плановой в рыночную. С точки зрения либералов, все недуги израильской

экономики возникали из-за чрезмерного вмешательства государства; рынку и частному предпринимательству должна быть предоставлена свобода действий, что в конечном итоге приведет к экономическому росту. Были отменены субсидии на основные товары, а также ограничения на иностранную валюту, и впервые гражданам Израиля было разрешено хранить иностранную валюту и торговать ею. Был установлен свободный обменный курс лиры, который мог сам по себе регулироваться в зависимости от спроса и предложения. Впервые люди, которые могли себе это позволить, получили возможность по своему желанию выезжать за границу без уплаты налога на поездку и без каких-либо ограничений в сумме американских долларов, которую могли законно вывезти из страны.

Либерализация импорта товаров должна была привести к снижению цен, но надежда на соответствующее увеличение государственных доходов оказалась преждевременной. Растущий спрос на потребительские товары привел к росту цен. Отмена субсидий вызвала рост цен на основные товары, из-за чего пострадали более бедные слои населения – база поддержки Likud. Обменный курс доллара резко вырос, что привело к росту цен на импортные товары. Привязка заработной платы к индексу стоимости жизни, что должно было компенсировать рост цен для наемных работников, была оставлена на том же уровне после либерализации. Это привело к росту инфляции, которую Министерству финан-

сов было трудно контролировать. Между 1977 и 1980 годами уровень инфляции вырос с 42,8 % до 132,9 %. Минфин не предпринял шагов, необходимых для перехода к свободному рынку. Государственные расходы были сокращены недостаточно. Приватизацию государственных компаний, направленную на развитие частного предпринимательства, провели в небольших масштабах, так как боялись причинить ущерб наиболее бедным слоям населения.

Бегин плохо разбирался в экономике и был склонен сочувственно относиться к жалобам своих министров на попытки Минфина сократить их бюджеты. За два года, последовавшие за введением новой экономической политики, его неспособность поддержать политику Министерства финансов привела к увеличению дефицита платежного баланса Израиля с 900 миллионов до 3,4 миллиарда долларов. Экономика оказалась на грани катастрофы. Эрлих ушел в отставку – первый из нескольких министров финансов, которые сменялись в правительстве Бегина. Игаль Горовиц, ушедший из правительства, потому что выступал против мирного договора, теперь вернулся в качестве нового министра финансов. Он придерживался политики строгого расходования средств и не стеснялся сокращать расходы, могущие затронуть низшие классы. Но здесь он столкнулся с противодействием премьер-министра, отказавшегося отменить субсидии и упорно настаивавшего на повышении фиксированной заработной платы.

Одним из мероприятий Горовица была замена лиры, само название которой напоминало о мандатном прошлом Израиля²³⁰, на шекель, древнюю еврейскую монету, упоминаемую в Библии²³¹. (Курс был установлен в размере десять лир за один «старый шекель». На втором этапе курс равнялся 1000 старых шекелей за один «новый шекель», так что один новый шекель равнялся 10 000 лир.) Горовиц надеялся, что, сделав деньги более дефицитными, он остановит инфляцию, но этого не произошло. Горовиц с недовольством покинул правительство. «Мир уже рассматривает Израиль как экономический труп»²³², – утверждал Даян. В январе 1981 года Бегин назначил своего третьего министра финансов, Йорама Аридора, который считал, что его роль заключается в «облегчении участи нашего народа». Затягивая пояса и сокращая государственные расходы, он думал, что сможет справиться с инфляцией, ослабив поводья. Отмена таможенных пошлин и налогов на потребительские товары снизит цены и расширит торговлю, что, в свою очередь, как он надеялся, приведет к увеличению государственных доходов. Последовал беспрецедентный потребительский праздник. Семьи среднего и низшего класса бросились покупать цветные те-

²³⁰ На иврите валюта мандатного периода – палестинский фунт также назывался лирой.

²³¹ В Синодальном переводе – сикл.

²³² Shilon A. Begin: 1913–1992 (Бегин, 1913–1992 гг.). Tel Aviv: Am Oved, 2007, p. 326.

левизоры, видеоманитофоны и автомобили. Инфляция галопировала, а новая израильская валюта продолжала терять ценность. Но общественные настроения изменились диаметрально – от мрачной бережливости к повышению потребительского спроса, что также увеличило налоговые поступления государства. До того как Аридор ввел в действие свою экономическую политику, казалось, что Likud проиграет выборы, назначенные на лето 1981 года, но теперь у Бегина появился новый шанс остаться у власти.

На протяжении 1980-х и в начале 1981-го Бегин, казалось, утратил энергию, необходимую для работы в качестве премьер-министра. Он перенес легкий инсульт и приступы депрессии. Но никто не осмелился публично говорить о состоянии его здоровья. В апреле 1981 года после успеха Аридора состоялись выборы в Histadrut. К всеобщему удивлению, Likud превратилась в силу, с которой все еще нужно было считаться. Она получила 25 % голосов, поданных в бастионе левых. Бегин в мгновение ока оправился и начал энергичную кампанию. Хотя общественные собрания теперь считались устаревшими, Бегин вернулся на городские площади и в массы и черпал поддержку и энергию в проявлениях энтузиазма, с которым его приветствовали по всей стране.

Бегин без колебаний выпустил из бутылки джинна межобщинной вражды и использовал его, не задумываясь, как средство политического подстрекательства. Уровень подстрекательства против Альянса и его демонизации в этой

кампании со словесным насилием, которое иногда перерастало в физическое против представителей Альянса, был беспрецедентным. Из-за враждебного поведения сторонников Likud активистам Альянса было трудно проводить предвыборные собрания в городах развития и на окраинах городов. Кульминацией стал массовый митинг, состоявшийся накануне выборов на площади Царей Израиля (ныне площадь Рабина) в Тель-Авиве. Описав одно движение как «красное», которое приведет Советский Союз в Израиль, а террористов – в Иудею и Самарию, а другое – как «бело-голубое», защитника родины, Бегин ухватился за глупое замечание, сделанное на предвыборном митинге сторонников партии, прошедшем в том же месте накануне вечером. Выступавший назвал сторонников движения Likud словом Tshachtshachim (уничжительный эпитет для марокканцев²³³). Слетевшие с уст Бегина слова выступавшего стали символом уничижительного отношения левых к евреям мизрахи, и он призвал своих последователей привести на участки своих друзей и в массовом порядке проголосовать за Likud, чтобы стереть это оскорбление в адрес целой части израильского населения. Его слова были встречены бурными аплодисментами в поддержку Likud и ненавистью к левым.

За несколько недель до выборов, в июне 1981 года, израильские ВВС уничтожили иракский ядерный реактор Osirak.

²³³ Здесь имеется в виду марроканских евреев. Иногда используется для обозначения всех израильтян – выходцев из стран Северной Африки.

Решение разбомбить реактор, в то время казавшееся рискованным и, возможно, даже ненужным, было смелым со стороны Бегина, и, оглядываясь назад, мало кто сомневается, что оно хорошо послужило всему миру. Во время смены правительства в 1977 году Рабин проинформировал Бегина о сообщениях разведки, свидетельствующих о том, что иракцы строят ядерный реактор с помощью Франции. Попытки остановить строительство реактора дипломатическим путем и диверсиями не увенчались успехом. Тем временем разразилась ирано-иракская война, и иранцы попытались разбомбить реактор, причинив лишь незначительный ущерб. Бегин считал ядерное оружие в руках вражеского государства экзистенциальной угрозой Израилю, который был чрезвычайно уязвимым из-за своей небольшой территории. В конфиденциальном письме Бегину лидер оппозиции Шимон Перес, будучи наслышан о плане бомбардировки реактора, предостерег от нее. Он рассматривал это как угрозу отношениям Израиля с Соединенными Штатами и Египтом.

Бегин знал о рисках атаки на реактор, но утверждал, что прогнозируемый риск для Израиля, если он не нападет, намного выше. Он боялся, что, если Альянс выиграет выборы, реактор останется стоять. Решение атаковать было непростым, и в оборонном ведомстве Израиля существовали разные мнения. Также не было никаких гарантий, что операция удастся. В итоге операция прошла успешно, без потерь. В ответ США задержали поставку военных самолетов в Изра-

иль, но в остальном отношения между странами не пострадали. Садат, которого израильский посол проинформировал об операции и причинах ее проведения Бегом, отнесся к этому снисходительно. Успех способствует успеху, тем более что тиранический режим Саддама Хусейна не очень приветствовался на Ближнем Востоке. Перес обвинил Бегина в использовании атаки на иракский реактор в качестве формы предвыборной агитации. В ответ Бегин обнародовал конфиденциальное письмо Переса и изобличил его. Бегин разрушил реактор не для того, чтобы получить бонусы на выборах, но впоследствии использовал успех операции как дополнительное оружие в предвыборном арсенале.

Начало второго срока: ливанская война и преобразование израильского общества

Приближались выборы, состоявшиеся в конце июня 1981 года. Likud сохранила преимущество в одно место (48—47), что позволило Бегину представить правительство, поддерживаемое 61 депутатом Кнессета (из 120). Эта незначительная победа явилась доказательством того, что поворот в 1977 году не был случайным событием, а отражал глубокие политические и социальные перемены. Арье Наор, секретарь первого правительства Бегина, проанализировал результаты следующим образом: «Новый мир символов Израиля, осно-

ванный на наследии религии и веры, уходит корнями в новое поколение государства. Светское мировоззрение и идеи территориального компромисса Альянса чужды этому поколению, большая часть которого выросла в реальности Великого Израиля»²³⁴.

Первый срок полномочий Бегина завершился на позитивной ноте. Мирный договор с Египтом снабдил Бегина мантией человека мира, решительного лидера, способного принимать трудные решения. Бомбардировка иракского реактора стала еще одним доказательством его лидерских способностей и решимости. Для его сторонников расширение строительства поселений стало дополнительным успехом. Другим в списке достижений его правительства был проект восстановления городских окраин. Перед выборами 1977 года Бегин пообещал, что в случае избрания примет меры по реконструкции обездоленных районов Израиля. Данный проект финансировался не из государственного бюджета, а за счет пожертвований еврейской диаспоры. Призыв Бегина к еврейским общинам всего мира помочь победить бедность в Израиле был воспринят тепло. Вместо того чтобы передать проект и его средства обычным группам, таким как Еврейское агентство, был установлен прямой контакт между жертвователями и бедным кварталом или городом развития, которые получают средства. Вовлечение евреев диаспоры в про-

²³⁴ *Naor A. Begin bashilton: edut ishit* (Бегин у власти: личное свидетельство). Tel Aviv: Yedioth Ahronoth, 1993, p. 230.

ект помогло укрепить связи между основными благотворителями и израильскими правыми, но, помимо того, это предприятие имело важное значение для возобновления солидарности между общинами диаспоры и Израилем и сближения благотворителей-ашкенази с мизрахи – жителями окраин. Проект восстановления жилых кварталов был направлен на повышение качества жилья и сокращение уровня перенаселенности. Также были предприняты попытки улучшить эстетический вид районов, построить детские площадки и разбить парки. Во многих случаях улучшение окружающей среды привело к повышению осведомленности жителей, усилив их интерес и участие в заботе о своем районе. Со всех точек зрения достойное предприятие.

К негативным итогам первого срока Бегина можно отнести ухудшение экономической ситуации. Героическая попытка перейти от управляемой государством экономики к либеральной одним прыжком без страховки и необходимых сопутствующих мер вывела израильскую экономику на край пропасти и подорвала стабильность страны.

Выборы 1981 года и состав нового правительства отражают переход от правительства правого толка, лидер которого стремился запомниться в истории как человек, принесший мир в Израиль, к ультраправому правительству, чей лидер принялся реализовывать прежние политические взгляды, которых придерживался до прихода к власти. В первое правительство входили Даян, Вейцман и Ядин, которые меж-

ду собой и вкупе с Бегинем составляли систему сдержек и противовесов. Во втором правительстве Бегина, здоровье которого ухудшалось, не хватало этих сдерживающих сил. Ариэль Шарон – человек, которого Бегин ранее не хотел ставить во главе силовых структур, – был назначен министром обороны, а Ицхак Шамир, убежденный правый, стал министром иностранных дел. Начальником Генерального штаба был Рафаэль (Рафул) Эйтан, признававший власть Шарона. Получилось безликое правительство без крупных фигур, которые могли бы дать отпор влиянию Шарона. В правительстве не было и других военных, которые могли бы служить противовесом. (Министр связи Мордехай Циппори – военный, в предыдущем правительстве служивший заместителем министра обороны, пытался обуздать Шарона, но в глазах Бегина не имел равного статуса со знаменитым генералом.) Внешнеполитическая ситуация тоже изменилась. Садат был убит 6 октября 1981 года, и в США президент Рейган сменил президента Картера. Если первый срок Бегина был увенчан миром, то второй срок ознаменовался войной.

После гражданской войны в Ливане ООП и ее бойцы перебрались на юг Ливана. Израиль отвечал на террористические действия против израильтян, атаковав ООП, которая, в свою очередь, обстреливала северные приграничные населенные пункты ракетными залпами «катюш». Наземные операции ЦАХАЛа против террористов на короткое время успокоили этот район. С середины 1970-х годов на юге Ливана Израиль

создавал христианское ополчение – Армию Южного Ливана (ЦАДАЛ), помогавшую сдерживать ООП. В Ливане ухудшились отношения между сирийцами и христианами, особенно фалангистами во главе с семьей Жмайель. Христиане искали помощи Израиля против палестинцев в Ливане, которые вместе с радикальными просирийскими левыми склонили чашу весов в этно-религиозных конфликтах Ливана не в пользу христиан. Будучи премьер-министром, Рабин решительно отказывался от участия в боевых действиях для помощи христианам; такой же позицией руководствовался Вейцман, когда был министром обороны. Но когда Бегин стал министром обороны, он решил помочь христианам – не только косвенно, поставляя военное снаряжение, но и прямыми военными действиями. Бегин рассуждал, что Израиль не может допустить, чтобы меньшинство было уничтожено агрессивным большинством. Но христиане не были беспомощным меньшинством и уж точно не образцом добродетели. Якобы моральное обоснование первоначального военного участия Израиля в ливанской гражданской войне было направлено на то, чтобы повлиять на президента Рейгана, но Рейгана это не впечатлило. Союзником Бегина и Шарона в американской администрации был госсекретарь Александр Хэйг; у министра обороны Каспара Уайнбергера были серьезные опасения по поводу бряцания оружием израильтянами.

Бегин и Шарон, которые хотели обеспечить контроль Из-

раиля над Иудеей и Самарией, полагали, что ослабление ООП в Ливане и, возможно, даже выдворение ее штаб-квартиры из страны, вероятно, также ослабит палестинцев и вынудит их принять формулу автономии, которая будет гарантировать присутствие Израиля на Западном берегу и в секторе Газа на протяжении поколений. Тем временем израильские силы безопасности укрепили свои связи с христианами, которые стремились втянуть Израиль в войну в Ливане, заставив израильтян поверить в то, что они сами будут непосредственно участвовать в боевых действиях. Среди израильских силовиков мнения относительно надежности христиан разделились. Действительно ли они сыграют свою роль во вторжении Израиля и вытеснят палестинцев из Бейрута? Христианское руководство, включая Башира Жмайеля (который, в отличие от своего просирийского брата Амина, считался произраильским), не скрывал своих оговорок по поводу открытого союза с Израилем. Даже когда израильская военная помощь хлынула в удерживаемые христианами порты на севере Ливана, их лидеры отказались публично поддерживать партнерство с Израилем. Более того, они не хотели сражаться на стороне Израиля. Они считали себя частью арабского мира и, как и ливанские христиане с незапамятных времен, маневрировали между враждующими лагерями, при этом их основная задача заключалась в том, чтобы остаться самими собой.

Были сформулированы два плана военных действий:

«Большие сосны», предусматривавшие возможность оккупации значительной части Ливана, выхода на дорогу Бейрут – Дамаск и объединения с христианскими силами; и «Малые сосны», включавшие в себя занятие буферной зоны глубиной 40 километров на юге Ливана – с расчетом на дальность действия ракет, развернутых ООП в то время. После массированных бомбардировок населенных пунктов Галилеи, особенно Кирьят-Шмоны, летом 1981 года, в результате чего большое количество жителей покинули город, при посредничестве Америки было достигнуто соглашение об обеспечении тишины на северной границе. Затем Бегин и Шарон начали искать предлог для вторжения на территорию Ливана, которое могло бы изменить баланс сил. Попытка получить одобрение правительства на операцию «Большие сосны» провалилась; Бегин хранил молчание, в то время как Шарон не смог привлечь подавляющее большинство для объявления тотальной войны. Шарон понял, что для того, чтобы получить одобрение, ему нужно будет представить план меньшего масштаба. Но он тайл намерение расширить этот план в ходе боевых действий. Высшее командование ЦАХАЛа было заранее предупреждено о том, что план может быть расширен, и ему было приказано подготовить силы к «развертыванию» поэтапной операции. Затем покушение на израильского посла в Лондоне со стороны члена ООП Абу Нидаля дало Бегину и Шарону повод для вторжения. Глава ШАБАКа тщетно пытался объяснить кабинету министров,

что Абу Нидаль принадлежит к отколовшемуся крылу ООП и не представляет ее политику. Премьер-министр прервал его, настаивая на том, что этот террористический произвол оправдывает войну против ООП.

Этой войны Бегин желал уже давно. «Альтернативой этой операции служит Треблинка, и мы решили, что больше не будет Треблинки»²³⁵, – резко заявил он 5 июня 1982 года. В речи, произнесенной в августе 1982 года в Колледже национальной безопасности, он высказался за «войну по выбору»²³⁶. По оценке Бегина, все войны Израиля, за исключением войны 1948 года, «войны на истощение» и войны 1973 года, были войнами по выбору. По его словам, любой превентивный или упреждающий удар или даже война из-за захода за красные линии была войной по выбору. Исходя из этого, он поместил войну в Ливане в одну категорию не только с Синайской кампанией – хотя Бен-Гурион предпринял ее из опасения усиления Египта, а затем отступил от войны, как только столкнулся с реакцией двух сверхдержав, – но также и с Шестидневной войной, которую все израильтяне рассматривали как войну, начатую Египтом. В этом расширенном определении термина «война по выбору» Бегин искал законный повод для начала войны в Ливане. Он оправдывал

²³⁵ Shilon A. Begin: 1913–1992 (Бегин, 1913–1992 гг.). Tel Aviv: Am Oved, 2007. P. 374.

²³⁶ War of a choice (англ.) – американский политологический термин, обозначающий ситуацию, когда война начинается по воле одной из сторон. Антоним – вынужденная война (war of a necessity), которой избежать невозможно.

войну по выбору, говоря, что тем самым предотвращается война без выбора в дальнейшем. «Не существует морально-го диктата, согласно которому нация должна или имеет право сражаться только тогда, когда она стоит спиной к морю или находится на краю пропасти»²³⁷. Эта концепция противоречила самим основам этоса израильского общества: оборонительный дух, сформировавший мировоззрение поколений борцов в ишуве и в государстве. Для них война всегда должна быть войной по необходимости, – когда нация стоит на грани. В конце концов, ни израильское общество, ни ЦАХАЛ не приняли новую концепцию Бегина.

Вопрос о том, в какой степени Бегин придерживался концепции Шарона о поэтапной войне, вызвал раскол между поклонниками и критиками Бегина. Несомненно, Бегин одобрял действия Шарона, иногда до, а в других случаях – уже после. Когда Армия обороны Израиля вторглась в Ливан, Бегин был убежден, что операция продлится всего пару дней и повлечет незначительные жертвы. Он не был знаком ни с картами, ни с военной наукой. К примеру, наряду с другими членами его правительства без военного опыта он полагался на утверждение Шарона, что обход сирийских сил в долине Бекаа вынудит их отступить, а не схлестнуться с ЦАХАЛом. Но все офицеры ЦАХАЛа, видевшие этот план, понимали, что им придется воевать с сирийцами. Шарон объяс-

²³⁷ *Naor A. Begin bashilton: edut ishit* (Бегин у власти: личное свидетельство). Tel Aviv: Yedioth Ahronoth, 1993, p. 251.

нил Бегину и членам его кабинета, что расширение военных действий с сорокакилометровой приграничной зоны вплоть до Бейрута и от столкновений с палестинцами до нападения на сирийцев было необходимо для защиты войск ЦАХАЛа и предотвращения потерь. Иностранным журналистам, взявшим интервью у Бегина во время боевых действий, было трудно понять, был ли он лжецом или просто некомпетентным специалистом, поскольку не знал, что происходило на поле боя. После всех его опровержений, основанных на вводящих в заблуждение отчетах Шарона, человеком, который сообщил Бегину, что ЦАХАЛ уже находится в Бейруте, оказался американский посредник Филип Хабиб.

Боевые действия постепенно расширялись. Вместо ограниченного сражения с палестинскими боевиками это превратилось в крупномасштабную войну, включавшую ожесточенные танковые бои против сирийцев, уничтожение сирийских ракет класса «земля—воздух» в Ливане и ожесточенные бои в лагерях беженцев Сидона, а затем в лагерях Бейрута. Вступление ЦАХАЛа в Западный Бейрут после двухмесячной осады города требовалось для оказания давления на Арафата с целью вывести его штаб и боевиков из Ливана. Тем временем палестинское гражданское население Западного Бейрута пострадало в результате сильных бомбардировок и перебоев с электро- и водоснабжением, пока ООП и сирийские вооруженные силы внутри города не согласились его эвакуировать в августе 1982 года.

Докладывая об операции правительству, Шарон предполагал, что израильские потери составят несколько десятков человек, что полностью противоречило оценке, сделанной офицерами ЦАХАЛа, мнение которых не было представлено правительству. К завершению эвакуации ООП из Бейрута в результате войны погибло около 500 израильтян. Это был первый вход ЦАХАЛа в арабскую столицу, и он был осуществлен почти тайно, без обсуждения в правительстве.

Это был первый раз, когда ЦАХАЛ развязал войну не для предотвращения угрозы безопасности, а для установления нового политического порядка на Ближнем Востоке посредством неограниченного использования военной мощи Израиля. План Шарона состоял в том, что Башир Жмайель будет избран президентом Ливана под прикрытием израильских танков, а затем Ливан станет вторым арабским государством, подписавшим мирный договор с Израилем. Сирийцы будут вынуждены уйти из страны, а палестинцы должны будут массово эвакуироваться в Иорданию. Шарон мечтал о том, чтобы Иордания стала Палестиной, оставив весь Западный берег реки Иордан в руках евреев. Бегин разделял эту мечту и, видимо, именно поэтому продолжал поддерживать Шарона, несмотря на то что его коллеги по кабинету выступали против использования Шароном неограниченной военной силы без одобрения правительства. Когда Бегин встретился с Баширом Жмайелем в Нагари²³⁸ во время прекра-

²³⁸ Город на севере Израиля, недалеко от границы с Ливаном.

щения огня 1 сентября 1982 года, он осознал, к своему огорчению, что Жмайель не собирается менять свои отношения с Израилем с тайной интрижки на законный брак, как и не собирается ни заключать мир с Израилем, ни открыто сотрудничать с ним. Сирийцы заявили, что не намерены покидать Ливан. Когда 15 сентября 1982 года Башир Жмайель был убит, Армия обороны Израиля вошла в Западный Бейрут, чтобы предотвратить акты возмездия, но разрешила фалангистам войти в лагерь беженцев. Фалангисты отомстили за смерть Башира резней в лагерях беженцев Сабра и Шатила. Были убиты сотни ни в чем не повинных палестинцев. Хотя израильтяне не принимали непосредственного участия в резне, тот факт, что они при ней присутствовали, возложил на них ответственность за безопасность жителей – но они никогда не взяли на себя эту ответственность. Резня вызвала резонанс в Израиле и во всем мире, а антивоенные протесты достигли новых высот (о чем будет сказано позже).

После августа 1982 года у ЦАХАЛа не было актуальной задачи в Ливане, но не удавалось найти способ вывода войск, который сохранял бы сорокакилометровую буферную зону на юге Ливана после отступления. Чем дольше Армия обороны Израиля оставалась в Ливане, тем глубже она погружалась в то, что стали называть «ливанской трясиной». Войны между этническими и религиозными группами в Ливане не прекращались. Как оккупационная армия, ЦАХАЛ вступил в тесный контакт с местным населением и вызвал враждеб-

ность среди различных групп. Когда Армия обороны Израиля вторглась в Ливан, ее колонны были встречены радостной толпой, бросавшей в знак приветствия рис. Теперь войска превратились в легкую добычу для непрекращающегося снайперского огня и террористических атак. Война, которая должна была продлиться всего несколько дней, затянулась и привела к большим потерям. Хотя ООП покинула Бейрут и Южный Ливан, организация не была сломлена, и ее штаб-квартира, теперь находящаяся в Тунисе, продолжала оставаться политическим образованием, представляющим палестинцев. Хотя сирийцам был нанесен тяжелый удар, они показали себя достойным противником ЦАХАЛа. Они не отступили и оставались ведущими игроками ливанского театра.

Война в Ливане, особенно бомбардировка Бейрута, вызвала широкий протест оппозиции в Израиле и во всем мире и растиражировала информацию о тяжелом положении палестинцев. После войны президент Рейган потребовал, чтобы Израиль ушел с Западного берега и вернул его Иордании – вопрос, который раньше не интересовал его. Если Бегин и Шарон надеялись, что война усилит позиции Израиля на оккупированных территориях, то все вышло с точностью до наоборот. Проект мирного договора, согласованный Израилем и Амином Жмайелем, президентом Ливана, избранным в мае 1983 года, был сорван сирийцами. Проект явно не стоил той бумаги, на которой был написан. Стало очевидно, что

стратегическая концепция Шарона никогда не была устойчивой. Как и в прошлом, Израиль мог выиграть войну, но был не способен навязать мир.

В сентябре 1983 года ЦАХАЛ начал постепенный уход из Ливана, и местные партизанские формирования наступали ему на пятки. Amal, умеренное шиитское ополчение, которое было ослаблено во время войны, теперь сменилось радикальной Hezbollah, целью которой было не только изгнать ЦАХАЛ из Ливана, но и при поддержке Ирана бороться с Израилем до победного конца. Вывод ЦАХАЛа из Ливана продолжался до июня 1985 года, когда силы были развернуты вдоль международной границы, продолжая контролировать узкую буферную зону на ливанской стороне, где действовала подведомственная христианам Армия Южного Ливана, помогавшая поддерживать безопасность вдоль границы. 670 израильских солдат были убиты во время войны, а в период с 1982 по 2000 год (когда ЦАХАЛ окончательно отошел к государственной границе) в Ливане было убито в общей сложности 1216 солдат. В ливанской войне было убито около 18 000 арабов, из которых не менее 10 000 были сирийскими военнослужащими и палестинскими боевиками.

Ливанская война сделалась переломным моментом в истории израильского общества. То была первая война, ведение которой не вызывало в обществе единодушного одобрения. На первом этапе боевых действий и общественность, и средства массовой информации полагали, что кампания по-

хожа на операцию «Литани» 1978 года, которая была начата в ответ на террористические акты, совершенные на Прибрежном шоссе Израиля. Армия обороны Израиля перешла границу с Ливаном, осуществила карательную акцию и вернулась в Израиль. На этот раз речь шла о возможном создании буферной зоны для предотвращения ракетных обстрелов «катюшами» северных населенных пунктов. Первоначально представленная публике операция имела почти безоговорочную поддержку. Как только выяснилось, что операция выходит за установленные рамки, поддержка среди военных и общества ослабла. Правых взбесила критика войны в СМИ. Они утверждали, что правительство в состоянии войны не должно подвергаться критике, так же как сдерживали самого Бегина, когда тот был в оппозиции. Знаменитая статья, опубликованная в то время, называлась *Quiet, There's Shooting* («Тихо, здесь стреляют»).

Проблема заключалась в том, что до этого правительства Израиля находились слева от оппозиции, которая была воинственной, всегда готовой поддержать военные операции, но не отступление. На этот раз туфля оказалась на другой ноге; правительство было справа от оппозиции и начало войну, не говоря честно и открыто оппозиции о своих целях. По мере того как война продолжалась, между армией и гражданским населением возникла взаимная обратная связь. Командир бронетанковой бригады полковник Эли Гева подал в отставку и отказался принимать участие в штурме Бейрута –

впервые в истории израильских войн старший офицер отказался подчиняться приказам. Действия Гевы отразили разочарование и беспокойство, охватившие армию. Войска чувствовали, что сражаются за цели, выходящие далеко за рамки того, что было необходимо для защиты Израиля. Солдаты с горечью отмечали: «Люди определенно считают, что отдали жизнь и здоровье не ради защиты Израиля, а по чьей-то прихоти»²³⁹. Они также чувствовали, что СМИ манипулировали правительством; общественности сообщалось вовсе не то, что они сами видели. Так же и то, что публика видела на экранах своих телевизоров дома и в международных средствах массовой информации, не соответствовало тому, что говорили командиры.

ЦАХАЛ – армия, набираемая из солдат резерва, граждан которых призывают к присяге. Это означает, что подлинного различия между гражданской и военной реальностью не существует. Ощущение фальшивых отчетов сверху вниз, от армии к гражданскому обществу и от гражданского руководства обратно к армии, серьезно подорвало доверие в обоих направлениях. Растущее число жертв, понесенных при выполнении задач, которые казались сомнительными и неприемлемыми для широких слоев населения – и даже для армии, – вызвало протесты против такой операции, как вступление в Западный Бейрут, которая, учитывая характер бое-

²³⁹ Levanon: Hamlhama ha'aheret (Вторая война в Ливане) / Ed. R. Rosenthal. Tel Aviv: Sifriat Napoalim, 1983, p. 86.

вых действий в городе, повлекла бы за собой большие потери. Кроме того, безжалостность действий в Бейруте и бомбардировки, приводящие к жертвам среди гражданского населения, вызвали гнев как рядовых военнослужащих, так и их офицеров, увидевших в этих действиях отказ от внутренних ценностей Армии обороны Израиля – принципа «чистоты оружия» и защиты человеческой жизни.

Резня в Сабре и Шатиле подняла бурю возмущения среди израильской общественности. Вероятность того, что ЦАХАЛ даже косвенно несет ответственность, поскольку во время действий фалангистов в лагерях солдаты стояли в стороне и не вмешивались, подорвала моральный образ армии в глазах солдат и гражданских лиц. Подозревая, что в лагерях происходит резня, репортер Радио ЦАХАЛа Рон Бен-Ишай позвонил Шарону, чтобы сообщить ему о своих опасениях. Шарон ничего не сделал. Шокированный репортер отправил Бегину личное письмо:

Если вы не предпримете никаких шагов, находиться в стороне во время массовых убийств мирных жителей станет нормой для ЦАХАЛа и Государства Израиль. Ущерб морали и самооценке ЦАХАЛа будет серьезным. Если солдаты ЦАХАЛа и граждане Израиля поставят под сомнение правильность нашей позиции и моральную обоснованность наших действий, это подорвет их мотивацию. А мотивация, премьер-министр, – это стена, стоящая между моими тремя дочерьми и миллионами арабов, большинство из

которых стремятся стереть нас с карты.

...Кудрявая голова одной из убитых девочек поразительно напоминала голову моей четырехлетней дочери Тамар. Невозможно представить, чтобы еврейский солдат или гражданское лицо не пошевелил бы и пальцем, когда убивают женщин, стариков и детей, независимо от того, кто они есть²⁴⁰.

Бегин не ответил на письмо Бен-Ишая. Но буря продолжала расти. Старшие армейские офицеры потребовали, чтобы Шарон взял на себя ответственность как министр и ушел в отставку. Огромная демонстрация в Тель-Авиве (по оценкам газеты *Ha'aretz*, количество участников составляло 400 000, хотя сторонники правительства утверждали, что их было всего 150 000) потребовала создать комиссию по расследованию ответственности Израиля за массовое убийство. Не только левые, но и правые были шокированы и присоединились к демонстрации. В целом СМИ поддержали протест. Сначала Бегин ответил высокомерным замечанием: «Гои убивают гоев, а они обвиняют евреев». Но перед лицом гнева внутри Израиля и растущего мирового резонанса он стиснул зубы и согласился создать государственную комиссию по расследованию.

После выборов 1981 года атмосфера в израильском обществе приобрела воинственный и агрессивный характер,

²⁴⁰ Schiff Z., Ya'ari E. *Milhemet sholal* (Война обмана). Jerusalem, Tel Aviv: Schocken, 1984, p. 346.

с каждым днем становившийся все более экстремальным. Поселенцы возмущались тем, что правительство согласилось эвакуировать поселения из окрестностей Рафаха. Правительство инициировало кампании по созданию поселений, чтобы продемонстрировать свою решимость в Иудее и Самарии. Эти кампании встретили сопротивление со стороны организации Peace Now («Шалом ахшав», «Мир сейчас»), которая рассматривала поселения как главное препятствие на пути к миру, поскольку они делали невозможным любой разумный территориальный компромисс. Движению Peace Now удалось завербовать тысячи демонстрантов против поселений в Иудее и Самарии. Правые ответили взрывом ненависти, направленной против левых в целом и против движения Peace Now в частности, представляя их не только как предателей национального дела, но и сторонников ООП.

Ливанская война расколола единство нации и усилила враждебность между правыми и левыми до беспрецедентного уровня. По мере того как левые становились все более радикальными, появились экстремистские протестные организации. Одной из них была Yesh Gvul (что можно перевести как «есть предел», «существует граница» или «достаточно, хватит»), призывавшая отказаться от военной службы в Ливане. Другая группа, Soldiers against Silence («Солдаты против молчания»), сообщала СМИ о вреде, причиненном арабскому гражданскому населению. Как ни странно, именно умеренное движение Peace Now, – члены которого, бу-

дучи патриотами, не хотели вызвать раскол в армии, отказавшись служить в Ливане, все же продолжали служить там, — вызвало сильнейший огонь справа, вероятно, из-за его способности вербовать людей. Обвинения против него варьировались от государственной измены до получения средств из Саудовской Аравии.

В феврале 1983 года комиссия Кахана, официально известная как Комиссия по расследованию событий в лагерях беженцев в Бейруте, опубликовала свой отчет. Она подвергла резкой критике премьер-министра и рекомендовала уволить Шарона с поста министра обороны. Начальник Генштаба избежал наказания в связи с завершением срока службы на этой должности. Однако Шарон не собирался уходить тихо. Его популярность резко возросла. Его сторонники призывали Бегина игнорировать рекомендации комиссии. Тем временем движение Peace Now организовало демонстрацию, которая двинулась по улицам Иерусалима к правительственному кварталу и потребовала отставки Шарона. Участники марша, многие из которых были солдатами, недавно вернувшимися из Ливана, прошли сквозь враждебную толпу, которая нападала и плевалась в них. Полиция попыталась прикрыть участников демонстрации, но противники демонстрации были слишком сильны. Один из них бросил гранату в колонну марширующих. Эмиль Гринцвейг, офицер запаса, воевавший в Ливане, оказался убит, еще семь человек ранены. Это был первый случай, когда из-за политических убеж-

дений еврей был убит другим евреем в Государстве Израиль. Мрачный день для израильской демократии.

Накал публичных дебатов в Израиле достиг невиданных высот. Если в прошлом оба лагеря тщательно соблюдали красные линии, теперь они пересекли их. Левые демонстранты собрались возле дома Бегина, скандируя «Бегин – убийца!», держа в руках плакаты с указанием количества жертв, которое увеличивалось день ото дня. Демонстрации движения Peace Now и контрдемонстрации сторонников правительства накаляли обстановку в Израиле. Шарон ушел с поста министра обороны и был назначен министром без портфеля. А тем временем кровопролитие в Ливане продолжалось, и выхода из него, казалось, не было. Расстояние между ливанским фронтом и фронтом домашним казалось большим, чем когда-либо. Один из солдат жаловался:

Ты вернулся. Ты до смерти хотел вернуться домой со множеством историй, которые можно рассказать, и с теми историями, о которых лучше бы умолчать. Пересечешь границу – и покажется, что война была на Фолклендах. И на этом ты заканчиваешься сам. Израиль в цвету. Все в цвету. Сразу после новостей о том, что происходит в Ливане, говорят о падении цен на акции из-за войны в Ливане и росте доллара. И до смерти хочется поговорить с людьми, которые, ты уверен, думают точно так же, как ты, – но тебе тут не с

кем поговорить²⁴¹.

Политические, этнические, культурные и социальные разногласия в Израиле усилились во время второго правительства Бегина. Публичная борьба бушевала на нескольких уровнях: политическая легитимность, историческая память и соответствующий образ будущего израильского общества. Одним из основных направлений борьбы был статус кибуца. Кибуц был жемчужиной социального творчества рабочего движения. Он сочетал в себе идеи равенства, преданности обществу и вовлеченности в национальную миссию. В кибуце в почете были такие ценности, как физический труд, скромный образ жизни, сдержанность и умение обходиться малым. В израильском обществе не было другого сектора, чьи ценности так противоречили бы ценностям Бегина и той культуре, которую он представлял.

Бегин осознавал, что, если хочет изменить государственный нарратив, ему придется подорвать статус кибуца как самого важного творения сионизма. Он подвергал кибуцы смертоносной критике: они жили за счет урожайности земли, и их богатство происходило из ресурсов, выделенных им левыми правительствами, ресурсов, которые отнимались у городов развития. Как в любом стереотипе, здесь было зерно истины, но не более. Кибуцы заработали свою относительную финансовую устойчивость непосильным трудом и в те-

²⁴¹ Levanon: Hamilhama ha'aheret (Вторая война в Ливане) / Ed. R. Rosenthal. Tel Aviv: Sifriat Napoalim, 1983, p. 88.

чение многих лет терпели тяжелые условия. Однако их пасторальный вид подчеркивал контраст между ними и городами развития и близлежащими маабарот, которые были заброшены и жители которых явно чувствовали снисходительное отношение к ним – своим, казалось бы, скромным соседям, поэтому слова премьер-министра попали в цель. После избирательной кампании 1981 года, в ходе которой члены кибуцев сплотились, чтобы помочь Альянсу, Бегин усилил нападки на них, и большинство мизрахи с энтузиазмом поддерживали его. В сознании правых протесты левых против войны были переплетены с ролью кибуцев как оплота левой элиты. Тот факт, что количество членов кибуцев в составе боевых войск намного превышало их относительную долю в населении, не умалял обвинения против них.

Осенью 1982 года, в разгар споров по поводу ливанской войны в Израиле, писатель Амос Оз отправился в путешествие по стране, во время которого он столкнулся как со «старым», так и с «новым» Израилем. В Бейт-Шемеше, городе развития, где Бегина принимали почти за святого («Он наш отец», – сказал один из жителей), Оз столкнулся с болью и оскорблениями, которые испытывали люди, пытавшиеся сохранить традиционную культуру, когда сталкивались с современным миром: «Почему бы вам не спросить, кто научил детей, когда они еще находились в пересыльных лагерях, высмеивать своих родителей, глумиться над стариками, потешаться над их религией и их вождями? Прежде все-

го, почему бы вам не спросить, кто научил восточных евреев тому, что деньги – самое главное в жизни? Почему бы вам не спросить, кто изобрел воровство и мошенничество? Кто изобрел фондовый рынок? Но у [кибуца] Цора есть свой имидж, а у Бейт-Шемеша есть свой имидж, и в этом вина репортеров, всех этих грязных болтунов с телевидения и профессоров»²⁴². Напротив, старожил кибуца ответил на такие обвинения следующим образом: «Скажите им, чтобы они не верили агитаторам. У нас здесь нет золотых замков, мы никого не обманываем. Им следует знать, что в целом при правительстве Бегина мы чувствуем себя более злыми и оскорбленными, чем даже они чувствовали себя при нашем правительстве. Почему они выставляют нас чудовищами? Эксплуататорами? Снисходительными? Коррумпированными? Предателями? ...Вы действительно думаете, что они верят тому, что Бегин вколачивает в их головы?»²⁴³

Старая элита чувствовала растущее отчуждение и враждебность по отношению к новому режиму. Правительство Альянса было в ярости из-за того, как его представляли по телевидению, но, кроме жалоб, не сделало ничего, чтобы ограничить свободу слова, чего нельзя сказать о правительстве Бегина. Сотрудники Управления радиовещания и телевидения Израиля теперь работали под надзором правительства, чего не бывало в средствах массовой информации

²⁴² Oz A. In the Land of Israel. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1983, p. 45.

²⁴³ Ibid, p. 185.

с 1950-х годов. Они ощущали себя осажденным меньшинством. Интеллектуалы, деятели СМИ и писатели чувствовали, что «их» страна исчезает и сменяется страной, которая им больше не принадлежит. После «войны на истощение» Эхуд Мэнор написал песню «I Have No Other Country» («У меня нет другой страны»), в которой были слова: «Я не буду молчать, / Потому что моя страна изменила свое лицо. / Я не перестану напоминать ей / И стану петь ей в уши, / Пока она не откроет глаза». Эта песня была перевыпущена в 1980-х годах и воспринята как протест против войны в Ливане. Журналист Нахум Барнеа описал массовую скорбь во время похорон Игаля Аллона в кибуце Геносар в 1980 году:

Я вижу неизбывную тоску по так называемому прекрасному Израилю сабров, а не по мистическому Израилю Бегина или Израилю лавочника Эрлиха. По радио транслируется песня Рахиль и Наоми Шемер «Киннерет» («Галилейское море»), и глаза целого поколения наполняются слезами. И все это искренне и достоверно, но тревожно. Нехорошо, когда тридцатилетние и сорокалетние оплакивают страну, в которой живут. Они плачут не о кончине важной личности, а о себе, о том, что у них была страна, которая больше не принадлежит им²⁴⁴.

В 1984 году Амос Кейнан опубликовал сюрреалистиче-

²⁴⁴ Barnea N. Yorim ubokhim: al politika'im, generalim, itona'im ve'od ohavei atzمام (Они стреляют и плачут: о политиках, генералах, журналистах и о любящих себя). Tel Aviv: Zmora Bitan Modan, 1981, p. 220.

ский роман The Road to Ein Harod («Дорога в Эйн-Харод»), описывающий Израиль в условиях диктаторского режима военной хунты, захватившей власть в стране и изгнавшей всех арабов. Герой пытается добраться до уцелевшего свободного Израиля в кибуце Эйн-Харод. Роман был выражением беспокойства левых после ливанской войны.

Роман Амоса Оза 1987 года Black Vox («Черный ящик») выразил литературное, поэтическое сожаление по поводу утраты старой культуры сабров, замененной растущим национализмом и религиозностью мизрахи. В нем описывается любовный треугольник, в котором женщина разрывается между двумя мужчинами – своим первым мужем, отважным военным и ученым, умирающим от рака, и вторым мужем, североафриканским евреем и учителем религии, получившим базовое и иудейское образование, о чем свидетельствуют фрагменты стихов, из которых он строит свою речь. Первый муж, представляющий левых сионистов, постепенно исчезает, в то время как второй, представляющий новый Израиль, необразованный и не приспособленный к местным условиям, остается воплощением жизненности. Именно он заявляет, что ему принадлежит прекрасная женщина, разрывающаяся между ними двумя. Она символизирует страну и израильский опыт. Роман – это и оплакивание исчезающего мира, и принятие новой реальности, соединенное с признанием того, что старые устои утратили жизнеспособность.

Еще одно литературное произведение, оплакивающее

утрату старого Израиля, – это роман Меира Шалева 1988 года *The Blue Mountain* («Голубая гора»). Книга, в которой прослеживаются жизни нескольких поколений членов мошава Изреельской долины, может быть истолкована как элегия о сионистской мечте, потеря которой подтверждается среди прочего тем фактом, что в конце концов люди пали в битвах и весь идеализм угас, мошав зарабатывает деньги, продавая участки евреям диаспоры, желающим быть похороненными на Святой земле. Этот роман также заканчивается нотой принятия. Его главный герой, шокировавший весь мошав своей распушенностью, находит настоящую любовь с девушкой из ультраортодоксальной семьи, пришедшей в мошав, и с ее помощью он укореняется на земле. Но, несмотря на относительно оптимистичный финал романа, это печальная книга о реальности, которой больше нет.

В течение 1983 года Бегин потерял пыл и стойкость духа, которые требовались от премьер-министра. Он все больше замыкался в себе, не участвовал в заседаниях кабинета министров, не общался с коллегами и не делал никаких предложений. 28 августа 1983 года на еженедельном заседании кабинета министров Бегин объявил о своем решении уйти в отставку. «Я больше не могу это выносить», – заявил он без дальнейших комментариев. Был ли он в состоянии депрессии из-за того, как развивались боевые действия в Ливане? Не сломило ли его количество жертв, о чем скандировали демонстранты у его дома? Или, возможно, он просто

устал нести бремя работы в правительстве. Бегин не дал никаких объяснений. То был конец эпохи.

Упущенные годы. Меняющаяся израильская идентичность, 1984–1990

Когда на выборах 1981 года Likud получила только на одно место больше, чем Альянс (HaAvoda плюс Maram), Бегин все еще мог сформировать коалиционное правительство, а Альянс – нет. На выборах 1984 года партия получила на три места больше, чем Likud, но снова не смогла сформировать правительство, поскольку Likud могла набрать большинство в Кнессете. На выборах 1988 года между двумя основными партиями вновь возникла тупиковая ситуация. На протяжении 1980-х годов израильские избиратели отказывались предоставить какой-либо из партий исключительную власть. Больше не было партии, набравшей большую часть голосов, составляющей основу правительственной коалиции. Учитывая результаты выборов, HaAvoda и Likud были вынуждены прийти к компромиссу и сформировать совместные правительства. С 1984 по 1990 год Израиль возглавляли правительства национального единства, в состав которых входили две основные партии вместе с несколькими партиями-сателлитами (Maram покинула Альянс после создания первого правительства национального единства).

Первое правительство национального единства, сформиро-

рованное в 1984 году, пытались создать политические условия, которые позволили бы ему вывести израильские войска из Ливана (см. предыдущую главу) и навести порядок в экономике Израиля. Проблемы израильской экономики начались в 1973 году. Тяжелое бремя поддержания безопасности, которое последовало за войной Судного дня в сочетании с глобальным энергетическим кризисом, остановило экономический рост, ускорило инфляцию и увеличило государственный долг. Годы между 1975 и 1985-м считаются «потерянным десятилетием» израильской экономики без какого-либо значительного роста. В 1984 году инфляция взлетела до 400 % в год, дефицит платежного баланса ухудшился, а резервы иностранной валюты Израиля сократились. Все меры, предпринятые различными министрами финансов, не смогли остановить рост цен и девальвацию валюты. Банки рекомендовали своим клиентам покупать банковские акции, и в 1983 году пузырь акций банков лопнул. Акции обесценились в одночасье, и тысячи домохозяйств и предприятий остались без средств к существованию. Несмотря на тенденцию к либерализации и рыночной экономике, что означало сокращение участия государства в экономике, правительство было вынуждено вмешаться, чтобы предотвратить крах, и фактически национализировало банки.

В 1985 году правительство во главе с Шимоном Пересом приняло чрезвычайный план стабилизации экономики. Государственные расходы были сокращены, сотрудники уволе-

ны, субсидии отменены, обменный курс и заработная плата заморожены, и был введен надзор за ценами на продукты и многочисленные услуги. Привязка заработной платой к индексу стоимости жизни была временно заморожена, а реальная величина заработной платы упала. Кроме того, поправка к Закону о Банке Израиля запрещала банку предоставлять кредитные линии правительству, то есть печатать деньги. Впервые Закон о договоренностях (также известный как Закон об экономической политике) стал частью Основного закона о государственной экономике, что позволило ускорить принятие нормативных актов и реформ в широких рамках плана стабильности. Эта комбинация мер стабилизировала валюту; к концу года уровень инфляции упал до 30 % и продолжил снижаться. Администрация США поддержала эти радикальные меры специальным грантом, направленным на смягчение проблемы платежного баланса. Общество на это отреагировало пониманием и сдержанностью, что привело к небольшому снижению уровня жизни. Было ощущение, что должны произойти фундаментальные изменения, чтобы избежать экономического коллапса. С этого времени экономика начала восстанавливаться и экономический рост возобновился. В рамках возобновления роста правительство усилило содействие либерализации и рыночной экономике. Создание легких условий для вложения частного капитала в экономику и начало интеграции в мировую экономику создали возможности, которые сформировали основу для воз-

обновления роста.

Nevrat Ha'ovdim, экономическое подразделение Histadrut, не смогло приспособиться к данным экономическим и политическим изменениям. Со времени обретения государственности Histadrut проводила расширяющуюся экономическую политику, включавшую обеспечение полной занятости и относительно высокой заработной платы, особенно в периферийных районах страны, и недопущение увольнения рабочих. Экономическое руководство Histadrut исходило из того, что оно выполняет национальную миссию и что его экономические возможности второстепенны по отношению к социальным задачам. Такое мировоззрение было удобным до 1977 года, пока государство спасало обанкротившиеся предприятия Histadrut. Но это не сработало в экономике, управляемой правительством, не сочувствующим экономике Histadrut, которое декларировало намерение ввести либерализацию и капиталистическую экономику, основанную на прибылях и убытках, эффективности управления и конкурентоспособности.

Проблема заключалась в том, что после правого поворота руководители экономики Histadrut опасались конфронтации с рабочими, большинство из которых были сторонниками Likud, и, исходя из этих политических соображений, они не принимали необходимых мер по повышению эффективности на своих заводах. В результате экономика Histadrut взяла на себя обязательства, которые не могла выполнить. Вме-

сто того чтобы закрывать обанкротившиеся предприятия, снижать там, где необходимо, заработную плату и увольнять рабочих, руководство Histadrut переводило прибыль со счетов своих успешных предприятий на счета обанкротившихся и прибегало к финансовым манипуляциям, скрывавшим размер реального дефицита. Пока инфляция была на пике, руководству удавалось лавировать. Но как только экономика стабилизировалась, разразился экономический кризис Histadrut. В рамках реформ, жизненно важных для стимулирования роста, правительство стремилось сократить масштабы государственного сектора экономики. Оно не оказывало помощи предприятиям Histadrut, поскольку хотело ограничить Histadrut ролью профсоюза и аннулировать его уникальный статус представителя рабочих и крупного работодателя, восходящий к периоду ишува. В конце 1980-х Histadrut была вынуждена продать многие из своих предприятий и сократить присутствие в экономике.

Аналогичные процессы протекали и в сельскохозяйственных коммунах. Многие кибуцы, взявшие ссуды в период инфляции, не могли выполнить своих обязательств. Все кибуцное движение оказалось на грани краха. В 1990-х годах, надеясь повысить свою эффективность и приспособиться к духу времени, многие кибуцы приступили к процессу приватизации, разделив общую собственность и отменив принцип равенства внутри кибуца. Отныне доходы и расходы были личными, а не коллективными. Тем не менее приватизиро-

ванные кибуцы продолжали поддерживать систему социальной защиты своих членов. Коллективизм исчез более чем в половине кибуцев, и фактически они превратились в общинные поселения. Движение мошавов также пережило кризис, и многие мошавы оказались на грани банкротства. Экономический коллапс, последовавший за политическим провалом рабочих сионистов, еще больше усугубил чувство отчаяния и потери курса израильскими левыми. В конкуренции между плановой и управляемой экономикой и свободным рынком распад СССР в конце десятилетия придал упадку социалистической перспективы универсальность.

На выборах 1981 года появилась этническая партия мизрахи, представляющая в основном евреев марокканского происхождения, Tami (аббревиатура от Tnu'at Masoret, Движение за наследие Израиля). С начала истории государственности этнические партии пытались прорваться на израильскую политическую арену. Кое-где этнические списки сумели получить представительство в Кнессете, но до 1981 года ни одной этнической партии не удавалось добиться реального политического влияния. Этническая принадлежность считалась противоречащей национальному этосу, поскольку сохраняла разделение евреев по странам исхода. Сионизм стремился объединить людей из различных диаспор в единое целое с коллективной идентичностью, выраженной в национальной культуре, символах, ритуалах и общем этосе. Он рассматривал этническую принадлежность как пережи-

ток прошлого диаспоры, контрпродуктивный для задачи построения нации в Израиле.

Основная идея заключалась в том, чтобы создать плавильный котел: собрать все еврейские диаспоры под одной культурной крышей и заставить их принять принцип прогресса, нерелигиозное национальное мировоззрение, иврит в качестве языка и новую культуру. Все евреи из диаспор были призваны избавиться от черт своей прежней культуры и объединиться под знаменем государства и его символов. Этнический раскол был очевиден еще в 1950-х годах («второй Израиль», беспорядки в Вади-Салибе, «Черные пантеры», периодические дебаты по этому поводу в средствах массовой информации и государственных учреждениях), но можно было надеяться, что это временные трудности, которые рано или поздно исчезнут. Постоянное увеличение числа смешанных браков между ашкеназами (общинами европейского происхождения; с годами евреи из Болгарии и Греции, которые по происхождению были сефардами, стали считаться ашкеназами, потому что приняли европейскую культуру) и мизрахим (общины, происходящие из исламских стран) рассматривалось «первым Израилем» как доказательство того, что этнический разрыв сокращается. В свою очередь, образ этнической интеграции был принят в доказательство того, что в Израиле формируется единая нация и этнический раскол ослабевает.

Одним из факторов прихода к власти Likud в 1977 году

было возмущение «второго Израиля» по отношению к ветеранам-ашкеназам. При этом выбор партии Likud со стороны мизрахи может быть истолкован как принятие национального принципа в качестве доминирующего, поскольку Likud – общенациональная партия, а не этническая. Но фактическая легитимность, данная Бегином этническому расколу во время избирательной кампании 1981 года, в которой он обвинил Альянс в оскорблении и дискриминации общин мизрахи, нарушила табу в израильской политике. Заявления на этнической почве больше не считались «антиизраильскими». Прорыв Тамі в Кнессет как этнической партии ознаменовал смену правил игры. Тот факт, что Тамі выиграло три места за счет НРП, был выражением дискриминации, которую испытывали мизрахи в НРП. Это доказало, что этнический раскол существует и даже усиливается. В отличие от «Черных пантер», которые использовали социально-экономические лозунги и не стеснялись прибегать к насилию, лозунг Тамі был «Встань во весь рост!». Эта фраза представляла не только социально-экономическую, но и культурную повестку дня: восстановление потерянной чести и культурного наследия мизрахи. Но Тамі продержалось недолго. Организационные и личные проблемы среди его руководства привели к роспуску и поглощению его партией Likud.

В 1984 году место этнической партии Израиля заняла Shas (сокращение от Hitahdut Hasefaradim Ha'olamit Shomrei Torah, Всемирная сефардская ассоциация Хранителей То-

ры). Shas была сформирована как коалиция городских раввинов, руководства раввината, глав иешив и раввинов из движения покаяния мизрахи под руководством рабби Овадии Йосефа, который был главным сефардским раввином Израиля с 1973 по 1983 год. Это была ультраортодоксальная партия мизрахи, развивавшаяся под эгидой «литовского»²⁴⁵ потока Agudat Yisrael во главе с рабби Элиэзером Шахом, но она быстро приобрела собственный характер и больше не нуждалась в покровительстве той партии ашкенази, которая дискриминировала мизрахи, запятнав их честь и лишив жалованья.

«Shas стоит на перекрестке трех дорог, разделяющих израильское общество: религиозной, этнической и экономической, – утверждает исследователь Авиезер Равицкий, – но в основе всех их лежат также основные факторы: идентичность и лояльность, мировоззрение и верования, традиции и образ мышления, а также глубокие противоречия между разнообразием и единообразием, обычаем и книгой, еврейским законом и Каббалой, автономией общины и галахическим авторитетом, сионистами-ветеранами и “богачами” против студентов иешив и “людей, окрепших в своей вере”»²⁴⁶. Хотя

²⁴⁵ Литваки – представители одного из направлений ортодоксального иудаизма, возникшего в середине второй половины XVIII в. в г. Вильно в противовес хасидизму.

²⁴⁶ Shas: hebetim tarbutim vera'yoniim (ШАС: культурно-идеологические перспективы) / Ed. A. Ravitzky. Tel Aviv: Am Oved and the Yitzhak Rabin Center, 2006, p. 9.

многие израильтяне склонны рассматривать Shas через политическую призму как движение, использующее свою избирательную силу для получения преимуществ ультраортодоксальным сектором мизрахи, при более пристальном рассмотрении партия понимается как часть движения религиозного пробуждения и обновления, черпающего силу из влечения масс мизрахи, особенно марокканского происхождения, к народным религиозным традициям. Многие избиратели Shas не являются ультраортодоксами. Однако все руководство Shas ультраортодоксально, хотя их ортодоксальность отличается от ортодоксальности ашкенази. Многие ультраортодоксальные мизрахи служат в армии и видят себя настоящими сионистами. Они считают, что нерелигиозные евреи отклонились от пути истинного сионизма и должны быть возвращены в лоно иудейской религии, что для них тождественно еврейской национальности. В целом многие избиратели Shas сочетают этническую принадлежность, религиозность и национализм с низким социально-экономическим положением и уровнем образования.

Ниссим Леон, исследователь ультраортодоксальных мизрахи, считает, что Shas представляет собой конкретную модель того, как евреи мизрахи относятся к современности. В отличие от процессов модернизации в Европе, которые включали в себя раскол между «религией и жизнью», модернизация, принесенная на Ближний Восток и в Северную Африку европейскими колониальными державами – Францией

или Великобританией, – привела к тому, что заповеди стали меньше соблюдаться, а не к потере веры или формированию альтернативной религиозной системы (как это сделали консерваторы и реформисты на Западе). Религия оставалась основным показателем еврейской идентичности, и традиции строго сохранялись. Сионизм в этих странах объединил свои силы с религией в борьбе против секуляризации и ассимиляции, поощряемой колониальным правительством.

Напротив, сионистское Государство Израиль было проводником секуляризации, стремясь превратить национализм – в отличие от религии – в основу идентичности. В первом и даже втором поколении после иммиграции мизрахи были склонны к умеренно традиционной религиозной позиции: соблюдение традиций своих предков, посещение соседней синагоги, время от времени изучение главы Талмуда и почитание своих родителей, но без фанатизма. Поездки в субботу, посещение футбольных матчей, посещение государственной религиозной школы, ношение западной одежды и служба в армии – все это считалось приемлемым. Уклон к ультраортодоксии проявился между вторым и третьим поколениями после иммиграции, после того, как ушло первое поколение.

Эта тенденция была вызвана как внутренними, так и внешними факторами. Сразу после Второй мировой войны ультраортодоксальная Agudat Yisrael активизировалась в еврейских общинах Северной Африки, стремясь пополнить

численность после гибели миллионов верующих ашкенази в Холокосте (у сионистской деятельности там были схожие мотивы). В то же время в Палестине в среде мизрахи появились ультраортодоксы по инициативе иешивы Porat Yosef в Иерусалиме, основанной в начале мандатного периода. Выпускники «литовских» ультраортодоксальных иешив и иешивы Porat Yosef составили руководящее и образовательное ядро, которое в итоге привело к созданию Shas. Бывший ученик Порат Йосеф, рабби Овадия Йосеф, выдающийся раввинский авторитет с большим влиянием в современных общинах мизрахи, придал движению престиж и религиозный авторитет. Таким образом, Shas выросло как религиозное движение, стремящееся обуздать процессы модернизации и отход от традиций, навязываемых мизрахи израильской действительностью.

Отдельное ультраортодоксальное движение мизрахи было создано под влиянием нескольких факторов.

Во-первых, по мере того как ультраортодоксальные общины ашкенази восстанавливались после Холокоста, демографически росли и укрепляли уверенность в себе, контраст между ультраортодоксальными ашкеназами и мизрахи стал более явным. Мизрахи могли получить все меньше и меньше мест в ведущих «литовских» иешивах, и дискриминация в отношении их усилилась в таких областях, как заключение браков (они считались подходящими только для кандидатов с физическими дефектами), школы и назначения в качестве

религиозных судей и глав иешив. Они также были ограничены второстепенным положением в руководстве ультраортодоксов. Хотя мизрахи предоставили Agudat Yisrael голоса своих избирателей, они ничего не получили взамен.

Во-вторых, раввин Овадия Йосеф, выходец из иракской семьи, разработал концепцию восстановления иудаизма мизрахи в его былой славе в форме требования, чтобы в Израиле преобладала версия религиозных законов, составленная раввином Йосефом Каро, написавшим Shulhan Arukh (авторитетный свод иудейских законов). Эта концепция воплощала утверждение, что сефардская версия Галахи (а также ее форма молитвы) превосходила ашкеназскую версию, которую в 1950-х и 1960-х годах раввины-мизрахи имели тенденцию принимать как универсальную. Концепция Овадии также требовала, чтобы отличающиеся между собой версии, используемые иммигрантами из различных восточных диаспор (иракской, египетской, сирийской, марокканской и тунисской), были отменены в пользу единой, объединяющей версии сефардов / мизрахи. Таким образом, утверждение раввина Овадии включало конфронтацию не только с ашкеназской стороной религиозной ограды, но и с мизрахи, которые соблюдали эти разнообразные местные традиции. Харизматическая сила раввина Овадии, его авторитет и известность, его высокое положение в качестве главного раввина, а также многочисленные активисты, которые считали его высшим религиозным авторитетом блока мизра-

хи – все это сделало его бесспорным лидером Shas.

В-третьих, Shas удовлетворяло потребности большой группы мизрахи, искавших религиозного опыта, мистического трепета, духовного подъема. Tnu'at Hateshuva (Движение покаяния), сформированное под эгидой Shas, стало широким народным движением, которое импонировало новому поколению раввинов, сила которых заключалась не в религиозной учености, а в обновлении синагоги как социального центра с традиционными религиозными особенностями и общественной деятельностью. Раввины Tnu'at Hateshuva, организовывавшие духовное пробуждение и «укрепляющие» мероприятия для тысяч человек, обращались в основном к чувствам и религиозному воображению людей. Они продвигали популярные религиозные верования, которые включали в себя мистические элементы, предположительно связанные с традициями, но на самом деле являвшиеся современным израильским изобретением, неизвестным в их родных странах, – в отличие от галахической науки и модернизма. Эти раввины выразили враждебность своей аудитории к вульгарному секуляризму израильского общества, к высокомерию израильской элиты по отношению к ним, к современной жизни, требующей светского образования и ориентированной на достижения.

На выборах 1984 года Shas получило четыре места; в 1988 и 1992 годах – шесть; десять в 1996-м и 17 в 1999 году. На пике своего развития оно получило больше мест, чем две

другие религиозные партии (Agudat Yisrael и НРП), вместе взятые. Отношение Shas к сионистскому государству было более умеренным и предусмотрительным, чем у ультраортодоксальных литваков. Оно предпочло вступать в правительственные коалиции даже в правительствах, возглавляемых левыми. Оно также поддержало Главный раввинат, израильское государственное учреждение, которое Agudat Yisrael отвергала. Благожелательное отношение Shas к государству отражало относительно умеренное политическое отношение широкого круга избирателей за пределами ультраортодоксального жесткого ядра не являвшихся строго соблюдающими и чье мировоззрение было националистическим, а также способность Shas использовать свое центристское положение между двумя основными партиями с целью получения экономических и политических выгод для своих сторонников. В отличие от Agudat Yisrael, которая вела себя как секта, стремящаяся защитить свою закрытую территорию, Shas поставило перед собой серьезные миссионерские цели, стремясь – по крайней мере, теоретически – превратить израильское общество в целом в ультраортодоксальное по своему собственному образцу. Его участие в правительствах было направлено на создание рычагов для вовлечения в дела не только своих последователей, но и израильского общества в целом, поскольку партия стремилась навязать свою позицию по таким вопросам, как «кто такой еврей?», принятие иудаизма неевреями, соблюдение субботы в общественных

местах и т. д.

Ослабление израильского государства всеобщего благосостояния, последовавшее за либерализацией и переходом к свободной рыночной экономике, дало Shas возможность расширить свое влияние. Оно создало сеть школ, детских садов, а также благотворительных и социальных учреждений, которые финансировались из государственного бюджета, но работали в духе Shas, чтобы повысить религиозность широких слоев населения, составлявших базу его избирателей. Заняв нишу, возникшую в результате отступления израильского этатизма, Shas удалось завербовать последователей, далеко выходивших за рамки ультраортодоксальных мизрахи. Девиз раввина Овадии Йосефа о возрождении иудаизма мизрахи до его былой славы включал предоставление приоритета религиозному суждению раввина Йосефа Каро, воплощенному в Shulhan Arukh. Но широкая публика воспринимала это в гораздо более широком контексте – как требование восстановить особое поведение, традиции и культуру иммигрантов из исламских стран. Этот ответ был выражением страха, испытываемого многочисленными мизрахи, чьи воспоминания о доме и детстве были отвергнуты светским Израилем, сионистско-религиозной НРП и ультраортодоксальной Agudat Yisrael.

Терпимые, свободные рамки традиционной религиозности, которые ультраортодоксам было трудно принять, послужили основой широкой миссионерской «кампании про-

буждения», направленной на то, чтобы приблизить Shas к mithazkim – людям в отдаленных районах страны, возвращавшимся в религию через движение покаяния Shas. Возник новый вид народной религии, пропагандируемый ее проповедниками, популярными каббалистами, которые, казалось бы, в рамках галахической полемики призывали вернуться к галахическому учению, но на самом деле проповедовали простую, ничем не приукрашенную религиозную веру. Широкие народные слои верующих, которые не смогли найти себе место в ультраортодоксальных иешивах, а также не были склонны принимать ультраортодоксальный образ жизни, были захвачены волнами «движения покаяния». Его проповедники обращались к массам либо на мероприятиях, куда приходили тысячи людей, либо через видеокассеты со своими посланиями. Вместе со своим религиозным посланием они проповедовали недоверие к правовой системе и современной науке; насмехались над левыми, ветеранами, нерелигиозными элитами ашкенази; нападали на СМИ, представлявшие позиции старых элит; полностью отвергали все, что было связано со старым Израилем. Культура движения покаяния предоставила сторонникам Shas их собственный нарратив, интерпретацию их собственной реальности. Симбиоз между политической системой Shas, получившей государственное финансирование для своих приверженцев, и движением покаяния, которое набирало массы избирателей, был источником избирательной силы Shas.

Shas представляло собой новую политику идентичности, которая впервые появилась в израильском обществе в 1977 году. Исследователи-неомарксисты рассматривают разделение на экономические классы в качестве главного источника силы Shas. Но для участников движения движущей силой стала прежде всего религия, подпитываемая этнической принадлежностью. Основание Shas и его превращение в третью по величине партию Израиля к концу XX века было выражением ослабления израильской идентичности, сформированной этатизмом и плавильным котлом 1950-х годов, и появления мультикультурного общества. В этом обществе идет борьба между различными группами, которые соревнуются за формирование культурной и политической повестки дня государства. В 80-е годы казалось, что в центре этой борьбы находятся нерелигиозные и религиозные группы израильского общества. Отсутствие единой ведущей партии и тупиковая ситуация между двумя основными национальными партиями оставляли место для партий с особыми интересами, таких как религиозные партии. На экономической арене велась борьба за то, как нарезать национальный пирог. Нерелигиозная общественность рассматривала усилия ультраортодоксов, в том числе Shas, по увеличению бюджетных ассигнований для собственных нужд как набег на государственный кошелек в угоду тем слоям населения, которые требуют прав, не выполняя свои обязанности перед государством.

Светско-религиозный раскол все чаще проявлялся в каждом вопросе, касающемся поселений в Иудее, Самарии и секторе Газа. За эти годы мессианские наклонности поселенцев пережили взлеты и падения. В то время как ядро Совета ЙЕША (еврейское сокращение от Иудеи, Самарии и Газы) оставалось верным понятию этатизма и продолжало считать Государство Израиль самым важным инструментом возрождения, на окраинах появлялись признаки того, что авторитет Совета слабеет. Изначально Gush Emunim было внепарламентским движением, деятельность которого отклонялась от устоявшейся партийной политики, и оно считало оправданным навязывать свою собственную повестку дня политической системе посредством массового давления и нарушения закона. Семена проблем, прорастающих из-за отказа принять правила большинства, были присущи идеологии Gush Emunim, полагавшего, что выполняет национально-религиозную миссию, важность которой наделяла его правом действовать в обход израильской демократии.

С конца 1970-х годов стала действовать подпольная группа поселенцев. Все началось с мессианского плана возрождения еврейского народа путем взрыва мечети Аль-Акса в Иерусалиме. В мандатный период возникла борьба между евреями и мусульманами за право собственности на священную для обеих религий территорию Храмовой горы. После оккупации Западного берега Израиль присвоил себе Стену Плача, эвакуировал жителей квартала Муграби, чьи дома на-

ходились в соседних переулках, и расчистил у Стены просторную площадь, где на еврейские праздники собираются тысячи людей. Моше Даян оставил территорию Храмовой горы под управлением мусульманского waqf (религиозного владения). С годами религиозное влияние на территорию Стены Плача увеличилось. Первоначально являвшаяся национально-религиозным символом, она превратилась в своего рода синагогу, где мужчины и женщины разделены, а раввин Стены Плача обеспечивает соблюдение религиозных обрядов.

По мере того как территория Стены становилась все более ортодоксальной, ее статус национального символа уменьшался. Писатель А. Б. Иегошуа выявил контраст между «Горой» – горой Герцля, светским израильским национальным пантеоном, военным кладбищем и местом упокоения сионистских мыслителей, таких как Герцль и Жаботинский, а также премьер-министров и президентов – и «Стеной» – средоточием альтернативной еврейской идентичности, основанной на иудаизме. Это контраст не только между религией и секуляризмом, традициями и современностью, но и между использованием прошлого для формирования повестки дня в настоящем и взаимодействием с будущим. «Гора» представляет Израиль, который стремится стать частью семьи народов, тогда как «Стена» символизирует еврейский партикуляризм, возвращение к изоляции гетто. Принимая во внимание энтузиазм, охвативший всю страну, когда все услы-

шали возглас полковника Мордехая Гура: «Храмовая гора в наших руках!» в 1967 году, то расстояние, которое отделяло от Стены светский и интеллектуальный Израиль, символизировало его разочарование по поводу уменьшающейся вероятности мира, реальности оккупации и роста религиозных сил в израильском еврейском обществе, мощь которых было трудно переоценить.

- ▲ Еврейские поселения,
основанные в 1977–1988 гг.
- Центральные населенные пункты
- «Зеленая линия» 1949 г.
- Граница

Карта 11. Поселения на оккупированных территориях, 1977–1988 гг.

Существование национально-религиозной группы молодых людей, которые рассматривали взрыв мечети Аль-Акса как «искоренение мерзости», призрачную мессианскую миссию, которая приблизит возрождение, может быть истолковано как символ разрыва между религиозными и нерелигиозными евреями в сионистском лагере. Это также показатель мессианской тенденции в этих экстремистских группах, которые откинули сионизм как политическое движение, прочно укоренившееся в реальном мире, и превратили его в движение, сосредоточенное на реализации божественного плана. В 1982 году Израиль покинул Ямит в соответствии с мирным договором с Египтом. Для провидцев возрождения это был конец их мира; эвакуация служила доказательством того, что искупление отступает и что «конец света» еще не на пороге. Поэтому они отказались от подготовки Храмовой горы к восстановлению Храма, что было следующим шагом в их плане.

Планы взрыва мечетей на Храмовой горе не осуществились. Но они взрастили группу «преданных», для которых идея использования силы для продвижения еврейского правления на оккупированных территориях имела смысл. Начиная с конца 1970-х годов эта группа участвовала в «акциях возмездия», виновные так и не были пойманы. Эти по-

селенцы считали, что Национальный руководящий комитет арабских мэров Иудеи и Самарии несет ответственность за организацию сопротивления и террористическую деятельность против них и израильских властей. В 1980 году после нападения на поселенцев в Хевроне, в результате которого несколько человек было убито и ранено, несколько членов группы решили в отместку убить арабских градоначальников. Акция была хорошо спланирована, в ней участвовали десятки людей, большинство из которых не знали, в чем именно они участвовали. Два мэра лишились ног, а сапер ЦАХАЛа, попытавшийся обезвредить взрывное устройство, предназначенное для третьего мэра, потерял зрение.

Ответные нападения стали повторяющимся явлением. После убийства студента иешивы в Хевроне были обстреляны студенты Исламского колледжа Хеврона, в результате чего многие оказались убиты и ранены. Сначала израильские власти не задействовали Службу общей безопасности (ШАБАК) против «еврейского подполья», как окрестили убийц израильские СМИ. Но после инцидента в Исламском колледже Бегин приказал ШАБАКу найти убийц. В 1984 году ШАБАК раскрыл «подпольный» заговор с целью взорвать пять автобусов и их пассажиров и вовремя арестовал преступников. Их признали виновными и приговорили к лишению свободы.

Эскалация деятельности «подполья» — от нападения на мэров, которые считались ответственными за террористиче-

ские акты, до нападения на ни в чем не повинных студентов в колледже с антиеврейскими, исламскими взглядами и попытки нападения на мирных пассажиров автобусов – отрезвляла. После этих событий члены Совета ЙЕШИ провели анализ ситуации, выявивший скрытые течения. Большинство выступало против действий «подполья», которые считались контрпродуктивными для попыток поселенцев сосуществовать с палестинцами, не отказываясь от права евреев селиться в Иудее и Самарии. Но остальные приветствовали действия подполья. Они нашли поддержку в лице раввина Меира Кахане, иммигрировавшего в Израиль из США в 1971 году и избранного в Кнессет в 1984 году по списку, поддерживавшему радикальную религиозную идеологию и террористические акты против арабов.

Рост религиозной воинственности проявился и в смене национально-религиозной идеологии. Если при левом правительстве религиозные партии довольствовались тем, что отстаивали, по существу, иудейские вопросы, такие как религиозный брак, «кто такой еврей?», соблюдение субботы и кашрута в общественных местах, то теперь они настаивали на том, чтобы стать центральными партнерами в формировании национальной культуры. Они заявляли, что им надоело быть инспекторами кашрута в вагоне сионистского поезда. Теперь они хотели сами управлять поездом. Министерство образования, которое всегда находилось в руках министра от НаАвода, теперь стало прерогативой национально-религиоз-

ных министров. На практике это относительно мало повлияло на светские учебные программы, но символически имело кардинальное значение. Секуляристы видели в усилении доминирования религиозных партий в Министерстве образования реальную угрозу светскому характеру государственного строя.

Среди религиозных сионистов, особенно поселенцев, наметилась тенденция к более строгому соблюдению еврейских религиозных законов. Голые ноги, короткие рукава и совместная деятельность юношей и девушек в национально-религиозном молодежном движении *Bnei Akiva* постепенно исчезли. Песня «*Ani Ma'amin*» («Я верую») исполнялась наряду с национальным гимном на военных церемониях в религиозных частях ЦАХАЛа. А иногда пели только религиозные песни. Иногда певицам приходилось отменять выступления перед аудиторией религиозных солдат, исходя из галахического принципа *Kol be'isha erga* («женский голос есть обнажение»). Большинство руководителей сионистских *yeshivot hesder* (которые, как уже отмечалось, сочетают углубленное изучение Талмуда с военной службой) происходили из ультраортодоксов и оказывали влияние на учеников, заставляя их более строго соблюдать религиозные обряды. В некоторых религиозно-сионистских кругах был призыв соблюдать *da'at Torah* (мнение Торы, то есть приказы раввинов) в мирских вопросах, таких как эвакуация поселенцев – таким образом стиралось разделение, существовавшее

в религиозном сионизме с 1920-х годов, между сакральным, являвшимся областью раввинов, и мирским, областью светских лидеров, то есть политиков.

Проникновение ультраортодоксальных направлений в религиозный сионизм усилило контраст между религиозными и нерелигиозными евреями. На публичном уровне велись дебаты о «полной тележке» еврейской культуры. Раввин Шах, самый выдающийся «литовский» раввинский авторитет, заявил, что у соблюдающих заповеди есть полная тележка, а тележка светских евреев пуста. Это утверждение бросило вызов светской еврейской и всей израильской культуре, созданной в предыдущем столетии. Нерелигиозная общественность почувствовала угрозу со стороны растущей воинственности и агрессивности религиозного сектора.

Равновесие между правыми и левыми уменьшало власть политической системы, поскольку стороны нейтрализовали друг друга. В то же время, когда внепарламентская активность усилилась благодаря деятельности Gush Emunim и поселенцев, Peace Now и спонсируемого Shas движения покаяния, возникли два параллельных явления. Люди были склонны отказываться от публичной сферы и оставаться дома. Это было выражением общественного разочарования в политической деятельности и невозможности влиять на политические процессы в стране. Это было также следствием усиления влияния телевидения, превратившегося в израильский «племенной костер». До 1990-х годов на израильском теле-

видении было только два или три канала. Просмотр телевидения создал своего рода воображаемое сообщество, состоявшее из большей части израильской общественности. Кондиционирование воздуха, которое с повышением уровня жизни стало обычным явлением в Израиле, сделало митинги и собрания на открытом воздухе гораздо менее привлекательными, чем раньше. Тем временем радикальные группы как слева, так и справа привлекали своих приверженцев на акции уличных театров. Телевидение переносило каждое животрепещущее событие с улицы в дома людей. Внепарламентские и другие экстраординарные события приобрели непропорционально большое значение, и средства массовой информации, освещающие их, укрепили мнение общественности о том, что руководство потеряло контроль, было слабым, не заслуживающим доверия.

Вакуум, созданный уменьшением власти политической системы, был заполнен судебной системой, усиление которой впервые стало очевидным в 1970-х годах. Ряд вопросов решало не правительство, а суд. Яркими примерами становятся государственные комиссии по расследованию (комиссия Аграната после войны Судного дня и комиссия Кахана после резни в Сабре и Шатиле), решения которых были обязательными для правительств из-за общественного давления. Верховный суд стал местом обращения граждан с жалобами на произвол властей не только в отношении прав человека, как в 1950-е годы, но и в вопросах культуры и по-

литики. Именно Верховный суд постановил разрешить телетрансляции в канун субботы, а поселение Элон-Море было объявлено им незаконным и подлежало эвакуации. В течение 1980-х годов Верховный суд прекратил автоматически утверждать жалобы на ЦАХАЛ и ШАБАК в отношении административных задержаний и экспроприации земель на оккупированных территориях. Арабам, проживающим на территориях, хотя они не были гражданами Израиля, было предоставлено право подавать петиции в Верховный суд. Такие институты, как ЦАХАЛ, полиция и ШАБАК, потеряли право на организационную автономию и защиту от судебных исков.

Одним из поворотных моментов, положивших начало новой эре судебного господства, стало дело с автобусом № 300 1986 года. Все началось с того, что террористы предприняли неудачную попытку угнать автобус. По словам представителя ЦАХАЛа, террористы были убиты. Однако прибывшие на место журналисты сообщили, что видели, как сотрудники сил безопасности уводили двух террористов. Позже выяснилось, что они были допрошены, а затем убиты следователями ШАБАКа. ШАБАК пыталась скрыть свою причастность. Показания оперативников в суде оказались ложными, что подорвало доверие судей к отчетам ШАБАКа. Когда дело было раскрыто, премьер-министр Ицхак Шамир, его заместитель Шимон Перес и министр обороны Рабин не согласились с тем, чтобы оперативники ШАБАКа предстали пе-

ред судом, как того требовал генеральный прокурор. В результате генеральный прокурор был вынужден уйти в отставку. Его преемник согласился на сделку с признанием вины, в результате которой президент государства помилует обвиняемых до того, как они предстанут перед судом.

Тогда в последний раз израильское правительство смогло отправить в отставку генерального прокурора. Эта конкретная борьба между судебной и политической системами закончилась мнимой победой правительства, но на самом деле данный случай подчеркнул тот факт, что государственные органы подчиняются закону, а также наличие примата судебной системы над политической. С тех пор судебная система не принимает показания ЦАХАЛа, ШАБАКа и полиции как должное, и эти организации не освобождаются от судебного надзора.

Верховный суд занял линию, которая противоречила прежним обычаям израильской судебной системы. До 1980-х годов Верховный суд считал себя уполномоченным толковать законы в рамках юридических прецедентов, оставаясь при этом верным букве закона. После этого он начал интерпретировать законы, основываясь на том, что судьи считали нормативными ценностями, изложенными в Декларации независимости Израиля как еврейского демократического государства. Это был переход от судебного формализма к активности: Верховный суд стремился участвовать в формировании характера и ценностей государства. «Край-

не сомнительно, что в мире есть еще один судебный институт, за исключением Верховного суда Соединенных Штатов, чья активность и участие в вопросах политики столь велики»²⁴⁷, – заявил юрист Амнон Рубинштейн. Судебный активизм заключался в расширении сферы действия *locus standi*, права гражданина или органа на подачу заявления в Верховный суд. В прошлом данное право предоставлялось только лицам, заинтересованным в деле или имеющим прямое отношение к нему. Теперь любой гражданин мог подать в Верховный суд любой запрос, представляющий общественный интерес, а это означало, что суд мог пересматривать решения исполнительной и даже законодательной ветвей власти. «Все может быть рассмотрено судом», – заявил судья Аарон Барак, председатель Верховного суда с 1995 по 2006 год.

На это изменение явно повлияла американская система правосудия. В первые годы существования израильского государства судьи исходили из континентальной правовой традиции. Теперь источником влияния служили США, где многие израильские юристы изучали право. Американская система правосудия настороженно относится к государству и стремится ограничить его власть, поощряя индивидуализм за счет приверженности обществу. Верховный суд Израиля продвигал аналогичную либеральную повестку дня, прояв-

²⁴⁷ Rubinstein A. Hamishpatizatzia shel Yisrael (Судейство Израиля) // Ha'aretz, 5.6.1987. Цит. по: Mautner M. Shnot hashmonim – shnot haharada (1980-е – тревожные годы) // Iyunei mishpat (Правовые исследования) 2, 2 (November 2002), p. 653.

лением чего стало принятие в 1992 году двух основных законов: Основного закона о достоинстве и свободе человека и Основного закона о свободе занятий. Со времен основания государства было признано, что вместо конституции, которая не имела шансов на принятие, Кнессет примет ряд Основных законов. Эти законы имели бы более высокий статус, чем обычные законы (хотя об этом никогда не говорилось категорически), и могли быть отменены только большинством голосов в Кнессете. Кнессет принял эти два Основных закона за несколько дней до выборов 1992 года почти без публичных обсуждений. Они составляют основу «законодательной революции» в Израиле, которую продвигал судья Барак в 1990-х годах.

Два Основных закона составляют израильскую Декларацию прав человека. До того как они были приняты, основные свободы защищались Декларацией независимости, правовой статус которой неясен. После их принятия эти два Основных закона стали основой сферы юстиции. Стоя над обычным законодательством Кнессета, они предоставляют Верховному суду право отменить закон, принятый Кнессетом, если этот закон нарушает равенство или индивидуальные свободы и права, согласно интерпретации Барака.

Эти законы также включают определение Израиля как «еврейского и демократического государства» в духе Декларации независимости. Эти два элемента, олицетворяющие сущность Государства Израиль, были предметом бур-

ных споров в смысле баланса между ними. Судья Барак определил еврейский характер государства в сионистских терминах: Закон о возвращении, национальный гимн, флаг и герб, иврит и культура, еврейский календарь и еврейские праздники. Определение еврейского характера в этих терминах соответствовало светскому восприятию еврейского характера государства, но было несовместимо с восприятием иудаизма религиозными кругами, которые требовали углубления еврейского характера государства с помощью галахических законов и традиций. Кроме того, израильские палестинцы (как теперь склонны называть себя арабы Израиля), а также еврейские постсионистские группы (о них будет сказано позже) утверждали, что существует кардинальное противоречие между характером Израиля как демократического государства и его характером как еврейского государства, что проявляется в преференциях по отношению к евреям – например, в Законе о возвращении. Этот вопрос все еще стоит в повестке дня Израиля (что будет рассмотрено дальше).

Взросшая власть судебной ветви стала результатом ослабления веры в политическую систему. Усиление судебной власти часто поддерживалось средствами массовой информации, которые также становились все более воинственными. Журналистские расследования, тщательно контролируемые правительство, получили развитие в основном в 1980-е годы, когда страх перед властями постепенно рассеялся. Возникло новое поколение молодых журналистов, не

приверженных ни левым, ни правым, а только свободе прессы и собственному профессиональному росту. Они питали слабость к судебной ветви власти, которая оградила их от политиков, и они признали власть Верховного суда как желательную, так и уместную. Старая партийная пресса, обычно выражавшая политические позиции своих владельцев, едва смогла выжить с приходом экономического либерализма. Одна за другой партийные газеты исчезли, закрылись и были заменены электронными СМИ и местными газетами. Местные газеты были более поверхностными и не придерживались национальных ценностей. Их интересовали прежде всего собственные новости и экономический успех. Только Ha'aretz оставалась частной независимой газетой, продвигающей явно либеральную повестку дня. Были также две вечерние газеты, Yedioth Ahronoth и Ma'ariv. Все три, в особенности Ha'aretz, безоговорочно поддерживали судебную систему.

Судебный активизм и поддержка телевидения и прессы либеральных тенденций отразили среди прочего упадок республиканского мировоззрения, характерный для Израиля в 1950-х и 1960-х годах, и подъем западного либерального, в основном американского, этоса. В республиканском этосе гражданин имеет как обязанности, так и права. Этос подчеркивает коллектив, а не личность; общественные интересы, а не права личности. На этом была основана первоначальная израильская идентичность. События 1950-х годов озна-

меновали упадок коллективистских ценностей и рост индивидуализма. Однако дух времени все еще находился под влиянием Второй мировой войны и холодной войны, а на Западе по-прежнему дул националистический ветер. В Израиле патриотизм имел огромную силу в формировании характера людей. Напряжение по вопросам безопасности и экзистенциальная тревога, которые оставались почти постоянным эхом в израильском обществе, замедляли отказ от приверженности общественным интересам. Таким образом, население было готовым записаться в армию и разделить бремя резервной службы.

Только после Шестидневной войны подул свежий ветер, который, по словам поэта Хаима Гури, подорвал идеологию «осажденных и справедливых» и вызвал сомнения в оправдании сионистского предприятия. Приход Бегина к власти, экономический либерализм, культура потребления и повышение уровня жизни разрушили основы старого этоса. На первый план вышли новые элиты, как религиозные, так и нерелигиозные, которые никогда не принимали республиканский этос, предпочитая ему религиозно-иудейский (с одной стороны) или либерально-западный (с другой). Справа и слева появились силы, стремившиеся сформировать иную израильскую идентичность. Ультраортодоксы, национально-религиозные деятели, Shas Mizrachim, либеральные интеллектуалы – все они стремились обеспечить свою роль в формировании общественной жизни в Израиле и формули-

ровании национальной повестки дня. Мультикультурализм, выросший из этой борьбы, казался не только неизбежным фактом, частью реальности, но и идеалом. В контексте нынешнего разнообразия старая израильская идентичность казалась слишком единообразной, как будто диктуемой сверху и подавляющей иные формы идентичности.

Хотя старые элиты утратили политический контроль и их роль в создании национального этоса снизилась, они по-прежнему доминировали в экономике, армии, высшем образовании, СМИ и судебной системе. Однако потеря статуса, пугающие образы, рисуемые политическими противниками, озабоченность ростом власти масс под влиянием националистического и религиозного мировоззрения – все это вылилось в опасение, что демократия в Израиле исчезнет. По мнению исследователя Менахема Маутнера, 80-е годы характеризовались беспокойством либералов (то есть старых элит) по поводу наступления антидемократических правых на центры власти в израильском обществе. Эти либералы считали Верховный суд в частности и судебную систему в целом защитниками израильской демократии, последним бастионом, защищающим характер Израиля как демократического государства. Поэтому они не протестовали против судебной активности Верховного суда, подрывающей статус Кнессета как законодательной ветви власти и автономии исполнительной власти, но поддерживали судебную систему во всех ее противостояниях с правительством. Представи-

тели ультраортодоксов и Shas имели веские основания жаловаться на то, что настойчивое требование Верховного суда о равенстве не позволяет им использовать свою политическую власть для получения экономических выгод своим сторонникам. Суд представил себя институтом, основанным на базовых ценностях Израиля, руководящим государством, несмотря на популистские тенденции в Кнессете.

Как и другие интеллектуальные моды, постмодернизм был импортирован в Израиль из Соединенных Штатов в конце 1980-х годов. Идея об отсутствии иерархии ценностей или культуры понравилась тем, кто считал, что старая израильская культура не позволяет им выразить свои воспоминания о родине, языке, обычаях и образе жизни, на протяжении многих лет окутанные туманом ностальгического романтизма. Мультикультурализм хорошо сочетается с постмодернизмом. Постмодернизм считал, что не существует культурного канона, а популярная и высокая культура имеют равную ценность. Добро и зло, высокое и низкое, правда и ложь, прекрасное и уродливое – все это относительно; такие суждения основаны на определенных системах ценностей и не представляют универсальных истин. Эта концепция хорошо сочетается не только с мультикультурностью, но и с растущим статусом телевидения как творца национальной культуры.

История песен и музыки мизрахи демонстрирует изменения, произошедшие в израильской идентичности. До 1980-х годов на радио и телевидении преобладали песни Эрец-

Израэль и ивритская ностальгия. Исполнители-мизрахи, которых изгнали из центра израильской культуры на окраину рынков, где продавались их кассеты, тщетно протестовали против исключения; продюсеры израильских медиа не предоставляли им сцену. Но теперь, с ростом политической власти мизрахи, большей осведомленностью общественности о прошлой дискриминации против мизрахи и новой открытостью для незападных культур, музыка мизрахи, особенно поп-музыка, смесь Востока и Запада, теперь определяемая как «средиземноморский стиль музыки», покорила дискотеки, свадебные залы и, наконец, телевидение и радио.

В то же время мизрахи потребовали, чтобы их культурная традиция стала частью исторического нарратива еврейского народа, а также сионизма. Министерство образования и университеты приняли вызов. Первоначально делались лишь символические попытки, но постепенно начали появляться исследователи и исследования, занимавшиеся данными проблемами, и главы еврейской истории, которые ранее не были должным образом представлены, теперь оказались открыты и включены в национальный нарратив. В то же время в Соединенных Штатах произошла феминистская революция, быстро достигшая Израиля. И здесь мультикультурализм давал преимущество. На фоне продолжающегося существования патриархальных обществ, таких как арабское общество и часть еврейского общества, женщины Израиля принялись требовать своего законного места в экономике и культурной

сфере. Растущее число женщин, выходящих на рынок труда, – поскольку для повышения уровня жизни требовалось, чтобы и муж, и жена выходили на работу, – и повышение уровня образования, открывшее новые виды занятости для женщин, привели к изменениям в семейных отношениях и отношениях полов. В этом Израиль ничем не отличался от других западных стран.

Появление постсионизма и «новых историков», молодых ученых, изучающих Войну за независимость и первые годы существования государства, стало феноменом, возникшим в конце 1980-х и достигшим пика своего развития в 1990-х. Их исследования были основаны на документах конца 1940-х годов, доступ к которым открыли в государственных архивах Израиля. Эти ученые, каждый со своей точки зрения, оспаривали сионистский нарратив о Войне за независимость и создании государства, подчеркивая катастрофу, постигшую арабов Израиля – Накбу. Некоторые из этих исследований явились столь значительными, что со временем их результаты были интегрированы в новое понимание прошлого Израиля. Однако эти исторические дебаты характеризовались ханжеским и гневным тоном: «Мы были введены в заблуждение, они продали нам кусок лжи. Создание Государства Израиль было основано на первородном грехе, совершенном против палестинцев». Эти морализирующие ученые подчеркивали одну часть реальности и игнорировали другие.

Появление новых историков совпало с появлением постмодернистской мысли, которая оспаривала претензии исторической науки как дисциплины, стремящейся как можно ближе приблизиться к истине. Переводчиками постмодернизма на израильские термины были постсионисты, считавшие исторические труды исключительно «нарративом», то есть повествовательной моделью, которая адаптируется к потребителям и к настоящему. У каждой нации, у каждой социальной группы свой нарратив. Следовательно, нет сионистской «истории», а есть история сионистского «нарратива», который оправдывает сионизм старым этосом рабочего движения, игнорируя при этом несправедливость, которую сионизм навязывал арабам, мизрахи, выжившим в Холокосте, женщинам и т. д. и т. п.

Некоторые постсионисты хотели, чтобы Израиль отказался от своего «сионистского» характера – иными словами, прекратил давать преференции евреям, стал демократической страной, как любая другая, и прекратил дискриминацию арабских граждан, которые чувствуют себя «бедными родственниками» или гражданами второго сорта в «еврейском и демократическом» государстве. Они утверждали, что сионистская эра подошла к концу и пришло время Израилю стать «государством для всех своих граждан». За этим лозунгом было скрыто требование, чтобы Израиль повернулся от Европы на Ближний Восток, разорвал свои особые отношения с мировым еврейством и отменил Закон о возвра-

щении. На символическом уровне это означало изменение государственного гимна, слова которого относятся исключительно к евреям, флага и, возможно, на более позднем этапе также названия государства, поскольку оно явно связывает его с еврейским народом.

Другие постсионисты утверждали, что вся идея еврейского национального государства – или любого другого национального государства – устарела, учитывая наднациональные тенденции Европейского союза и тенденции к глобализации во всем мире. Они утверждали, что еврейское национальное государство противоречит еврейской истории, поскольку по самой своей природе еврейский народ является народом диаспоры, а сионистский проект искажает его характер. Некоторые даже утверждали, что еврейского народа не существует; существует только еврейская религия, а еврейская национальность – современное изобретение сионизма. Другие подчеркнули несправедливость, которую сионизм причинил евреям-мизрахи, утверждая, что их переезд в Израиль разрушил их диаспорные общины, подорвал патриархальную семейную структуру и культурные традиции и превратил мизрахи в Израиле в дровосеков и водопроводчиков²⁴⁸. Были даже те, кто утверждал, что евреи-мизрахи послужили арабами иудейской веры, изгнанными сионизмом из своей

²⁴⁸ По аналогии с упомянутыми во Второзаконии гаваонитянами, прислуживавшими в качестве дровосеков и водопроводчиков при Скинии Завета. То есть представление о мизрахи как об особенном народе, призванном выполнять обслуживающие функции. – *Прим. пер.*

собственной земли.

Феминистки утверждали, что сионизм умаляет вклад женщин в национальную культуру, не дает их услышать и даже приговаривает их к тяжелой участи в чужой стране. Также говорили, что Государство Израиль недостаточно сделало для увековечения памяти о Холокосте и что до суда над Эйхманом в 1961 году израильская культура не отводила Холокосту надлежащего места в национальном нарративе. Парад обездоленных сионизмом стал нескончаемым. Любой, кто чувствовал себя несчастным или ставшим жертвой жизненных обстоятельств, тут же представлял свою трагедию как результат дискриминации, берущей начало в сионизме. «Сионизм» стал универсальной боксерской грушей для всех несправедливостей в отношении отдельных лиц и групп, в равной степени вызванных современностью, эмиграцией, национализмом или просто временем перемен.

Эти вызовы израильской идентичности были оформлены справа еврейскими ультраортодоксами, а слева – универсализмом, поддерживаемым либерализмом и индивидуализмом. Но эти две крайности охватывают лишь меньшинство израильского народа. Большинство израильских евреев воспринимали свое израильское гражданство как должное и не считали, что это противоречит иным идентичностям. Человек мог быть израильтянином и национально-религиозным, избирателем Shas, либеральным сторонником Верховного суда или любым другим демократом. В опросах обще-

ственного мнения, проведенных между 1970 и 1990 годами, подавляющее большинство респондентов определили свои основные потребности как проведение времени с семьей и чувство гордости за то, что у них есть государство. Несмотря на то что большинство заявили, что они нерелигиозны, традиционные модели семейной жизни – совместное проведение праздников, субботняя трапеза и обряды инициации²⁴⁹ – продолжали формировать израильскую семью и консервативную социальную модель. В то время как важность, которую люди приписывали потребностям коллектива в 1970-е годы, уменьшалась к 1990-м годам в пользу личных потребностей, эти два элемента – семья и национальность – продолжали занимать первое место в списке приоритетов израильтян.

В течение этого периода среднестатистический израильтянин имел три дополнительных года обучения и более часа дополнительного свободного времени в день, что свидетельствует о повышении уровня жизни. Львиная доля дополнительного свободного времени была занята телевидением, которое, хорошо это или плохо, стало мощным средством социализации. Израильтяне считали походы по своей стране своим любимым развлечением, в то время как молодые израильтяне после прохождения военной службы, как правило, отправлялись в длительные поездки на Восток или в Южную Америку. Путешествие за границу теперь, когда ста-

²⁴⁹ Такие, например, как обрезание, бар и бат мицвы.

ло доступным, сделалось своего рода израильским обрядом инициации. Если в 1950-х годах Петра была романтическим идеалом отважной молодежи, то в 1980-х ее заменили длинные путешествия по Южной Америке.

Некоторые писатели-ветераны описывали упадок республиканского этоса с радостью, другие – с чем-то вроде злодства. Роман Яакова Шабтая 1977 года *Past Continuous* («Непрерывное прошлое»), по сути, является гротескным надгробием старой догматической социалистической культуры, и читателю трудно сказать, счастлив ли автор либо сожалеет о ее потере. Книги Иехошуа Кеназа отражают переход от националистически-коллективистских ценностей, которые часто оказывали невыносимое давление на личность (*Infiltration*, «Проникновение»), к постмодернистскому обществу, в котором подходит все что угодно, ценности распадаются, а озадаченное старшее поколение наблюдает за чужой, бессмысленной реальностью (*Returning Lost Loves*, «Возвращая минувшую любовь»). Как было показано в предыдущей главе, книги Амоса Оза и Меира Шалева обращаются к утрате старого этоса с болезненным смирением.

Другие писатели оживили уголки израильской реальности и даже реальности еврейской диаспоры, которые ранее не освещались. Давид Гроссман по-другому выразил память о Холокосте, а также голоса новых иммигрантов, которые восстановили свои дома в Израиле (*See Under: Love* «См. далее: Любовь», *The Book of Intimate Grammar* «Книга интим-

ной грамматики»). Аарон Аппельфельд обратился к сценам своего детства в Европе во время Второй мировой войны и изобразил внутренний мир выжившего, который так и не освободился от этого мира. Хаим Беэр изобразил детство в ультраортодоксальном Иерусалиме (Feathers, «Перья»), а затем противостояние религиозного и светского миров Израиля 1950-х годов (Et Hazamir, «Время обрезки»). Стали появляться писатели, чье выражение своей принадлежности к израильской нации было сосредоточено на психологическом и культурном мире женщин – иммигрантов из исламских стран. Ронит Маталон и Дорит Рабинян описали новую израильскую традицию, которая не тоскует по старому этосу, но закрепляется в мультикультурализме нового Израиля и дает ему как воплощение, так и легитимность.

Интифада

8 декабря 1987 года водитель грузовика попал в аварию со смертельным исходом в секторе Газа. Четыре человека погибли, многие получили ранения. Водителем был израильский еврей, а жертвами – палестинцы. В течение нескольких часов по сектору распространился слух, что водитель был родственником молодого израильянина, убитого палестинцами несколькими днями ранее, и что «авария» была преднамеренной мстью. Слух на самом деле не имел под собой никаких оснований, но распространился, как лесной пожар.

В секторе Газа вспыхнули массовые беспорядки невиданного ранее масштаба. Бунтовщики не уклонились от конфронтации с израильскими силами безопасности и проигнорировали приказ о введении комендантского часа. Беспорядки быстро охватили сектор Газа, а через несколько дней запылал и Западный берег. Так началась интифада (*арабск.*, буквально «вытряхивание»).

Как и в предыдущих случаях спонтанных вспышек массовых беспорядков, израильские власти оказались застигнуты врасплох. Даже для руководства ООП в Тунисе интифада явилась полной неожиданностью. Но в ретроспективе кажется, что интифада была predetermined извержением. Первые годы после Шестидневной войны были годами «просвещенной оккупации» Моше Даяна. Палестинцы, ошеломленные поражением и оккупацией, были удивлены терпимым отношением израильтян к ним, которое противоречило страхам, подпитываемым наводящей ужас антиизраильской пропагандой. Открытые мосты сделали возможным продолжать экономическую деятельность на Западном берегу и даже позволили людям, верным королю Хусейну, получать поддержку Иордании. Израильский туризм на оккупированных территориях, а также трудоустройство десятков тысяч палестинцев в «малом Израиле» (западная сторона границы «зеленой линии») направили деньги в эти регионы и повысили уровень жизни там.

Но этому процветанию пришел конец. Глобальный энер-

гетический кризис в начале 1970-х годов и трудности, с которыми столкнулась израильская экономика в период с 1975 по 1985 год, привели к замедлению экономического роста на Западном берегу и в секторе Газа. Занятость в Израиле по сравнению с предыдущим десятилетием снизилась. В начале 1980-х годов мировые цены на нефть упали, и многие палестинцы, ранее зарабатывавшие себе на жизнь в странах Персидского залива, перестали отправлять деньги семьям. Эмиграция с Западного берега, в 1970-е годы ограничивавшая демографический рост, резко снизилась, поскольку в нефтедобывающих странах спрос на рабочую силу упал. Таким образом, сложилась ситуация, при которой рост населения (в том числе в результате усовершенствованной системы здравоохранения) сопровождался сокращением доходов и занятости.

Израиль не инвестировал в экономическое развитие территорий и блокировал попытки развивать местную промышленность, опасаясь конкуренции с товарами израильского производства. Израиль относился к оккупированным территориям как к замкнутой экономике, которая должна покрывать свои расходы за счет доходов. Он также не инвестировал налоги, собранные за разрешения на торговлю, работу, доход и т. д. на благо жителей территорий. В то время как в начале 1980-х уровень жизни в Израиле упал, в Иордании наблюдался экономический рост, и жители территорий сравнивали свое положение с более высоким уровнем жизни за

рекой. Начиная с 1967 года в Иудее и Самарии были открыты семь арабских университетов, ставших центрами идеологической агитации, разжигаемой интеллектуалами против власти элиты. Возникла прослойка молодых образованных людей из среднего класса, которые не могли найти работу, сопоставимую с их образованием, и были вынуждены работать в Израиле на более низких должностях, что стало еще одной причиной их недовольства.

Встреча палестинцев с территориями с израильянами не вызывала ни симпатии, ни восхищения. Напротив, она усилила гнев и ненависть, которые искали выхода. На контрольно-пропускных пунктах, мостах и основных перекрестках палестинцы сталкивались с солдатами, которые унижали их оскорбительными проверками безопасности и манерой обращения, включающей насмешки и проклятия. Официальные представители израильской гражданской администрации (пришедшей на смену военной администрации) отправляли палестинцев туда и обратно для получения лицензий и разрешений на все, что им нужно было делать. Вдобавок ко всему поселенцы вели себя властно и применяли коллективные наказания каждый раз, когда палестинцы бросали камни или «коктейли Молотова». Армия пыталась остановить боевые действия поселенцев, но те отвечали высокомерно, в том числе публично оскорбляя старших офицеров и игнорируя их приказы.

Палестинцы смотрели и учились. Те, кто работал в Из-

раиле, имели тяжелую низкооплачиваемую работу на строительстве или мыли посуду в ресторанах. Отношение к ним среднего работодателя было смесью высокомерия и пренебрежения. Конечно, находились работодатели, которые вели себя иначе, но такова была общая картина, по свидетельствам рабочих, ставших впоследствии активистами интифады. Палестинцы научились говорить на иврите, но их знакомство с израильянами породило враждебность, скрытый гнев и ненависть.

Возрастающая национальная напряженность, возникшая из-за постоянных трений с израильянами и чувства оскорбления и угнетения в сочетании с экономическим кризисом, породила то, что ученый Гад Гилбар назвал «синдромом двойной депривации». До начала 1980-х годов израильские политики позаботились о том, чтобы избежать ситуации, в которой национальное отчаяние было связано с экономическими трудностями. Однако израильское правительство 1980-х годов не приняло мер для предотвращения этой взрывоопасной ситуации. Трудности широких слоев населения в секторе Газа, где источники средств к существованию были скудными, а зависимость от работы в Израиле абсолютной, стали тем запалом, который зажег пожар.

Любой, кто обратил внимание на происходившие события, мог предсказать исход. За год до начала интифады количество нарушений общественного порядка увеличилось вдвое по сравнению с предыдущим годом. Многие терро-

ристические акты в том году были совершены молодыми людьми спонтанно без поддержки со стороны какой-либо организации – отражение скрытых волнений. Когда в 1987 году вспыхнули беспорядки, власти рассчитывали, что они утихнут в течение нескольких дней. В первые 10 дней интифады министр обороны Ицхак Рabin, находившийся с визитом в Вашингтоне и в американских еврейских общинах, не возвращался домой, сначала потому, что считал, что в этом нет срочной необходимости, а позже из-за опасений, что возвращение будет истолковано как победа демонстрантов. Руководству ООП также потребовалось 10 дней, чтобы понять, что происходившее на территориях было народным восстанием, набиравшим силу с каждым днем.

В те первые дни реакция армии была неуверенной. Во-первых, доступные ей силы на территориях были очень небольшими; до этого израильские власти не нуждались в демонстрации силы для контроля над территориями. Во-вторых, они столкнулись с новым и совершенно незнакомым явлением: демонстранты, преодолевшие психологический барьер страха перед войсками, не были остановлены солдатами, стрелявшими в воздух, рисковали получить телесные повреждения в ходе столкновений, а также уничтожили все сооружения, телефонные линии и любые признаки израильского правления. У армии не было реального опыта столкновений с мирным населением. Вначале солдатами интифады были женщины и дети, а камень и «коктейль Молото-

ва» служили основным оружием. На складах ЦАХАЛа было очень мало дымовых гранат и слезоточивого газа, и пришлось срочно заказывать большие количества из Соединенных Штатов. Нерешительный ответ армии раздул пламя гнева и самоуверенности демонстрантов.

Преобладающей силой в секторе Газа, где вспыхнули беспорядки, была не ООП, а новый участник – ХАМАС. ХАМАС был палестинским крылом воинственного движения «Братья-мусульмане», зародившегося в Египте и стремившегося создать великое исламское государство. ХАМАС утверждал, что правление всех «неверных», как евреев, так и христиан, обречено на исчезновение. И настанет день, когда власть над всей Палестиной перейдет к мусульманам, а евреи будут изгнаны. Мировоззрение ХАМАСа не видит места Израилю на Ближнем Востоке, и его пропаганда изобилует антисемитскими посланиями. Тем не менее ХАМАС получил поддержку со стороны Израиля, который рассматривал его как игрока на палестинской арене. Предполагалось, что он ослабит возглавляемое ООП светское национальное движение, так как оно для израильских политиков выглядело гораздо более опасным.

ХАМАС, возглавляемый шейхом Ахмедом Ясином, избегал террористических актов и направил свои усилия на просвещение палестинского населения в духе ислама, возвращение молодых палестинцев, привлеченных вседозволенностью Израиля, в религиозное лоно и создание благотвори-

тельных и социальных учреждений для обеспечения образования и медицинских услуг. ХАМАС делал упор на честность и недопущение коррупции – модель, которой, безусловно, не следовала ООП, – а также на отказ от наркотиков и алкоголя. Ему удалось создать ряд социальных учреждений в секторе Газа (и в меньшей степени на Западном берегу), от которых стали зависеть его клиенты. Исламское послание аскетического, эгалитарного государства, обещавшего возрождение, нашло отклик в лагерях беженцев и бедных кварталах на окраинах городов, в жизни обитателей которых не было и проблеска надежды. Еще до начала интифады ХАМАС показал свою силу в секторе, захватив Исламский университет аль-Азхар, высшее учебное заведение Газы. Борьба за университет между ХАМАСом и ООП закончилась победой ХАМАСа, и хотя новая администрация не была признана Израилем, университет продолжал расширяться.

Таким образом, ХАМАС имел преимущество не только в массовой поддержке со стороны более бедных слоев населения, но и в виде исламской интеллигенции, хорошо послужившей ему в борьбе за палестинское общественное мнение. ХАМАС взял на себя управление вакфом в секторе Газа, который предоставил организации как финансовые рычаги, так и инструмент социального влияния. Когда вспыхнули беспорядки, флаги, поднятые в секторе Газа, были не флагами ООП, а зелеными флагами ислама. Активисты на местах убедили шейха Ясина в необходимости изменения политики

ХАМАСа. Джихад (священную войну) с целью истребления Израиля не следует откладывать до тех пор, пока не будет полностью воспитана исламская нация, как того требовала доктрина ХАМАСа до интифады; вместо этого следует предпринять немедленные действия. В ходе интифады ХАМАС доказал, что его террористические и боевые возможности не уступают ООП, при этом он использовал смесь националистических и исламских лозунгов. ХАМАС стал серьезным соперником ООП в борьбе за лидерство в палестинском национальном движении.

Руководство интифады (Объединенное национальное руководство восстания – UNLU), созданное на Западном берегу, состояло из неизвестных молодых людей, которые взяли на себя командование после того, как традиционное руководство было либо арестовано, либо прекратило действовать. Это были образованные люди, выросшие в условиях израильской оккупации и знакомые с военными и гражданскими израильскими ограничениями. Эти молодые люди пытались пропагандировать гражданское неповиновение, отказываясь платить налоги, признавать разрешения, пользоваться услугами израильской гражданской администрации. Но такие действия оказались слишком сложными для палестинской общественности, и инициатива провалилась. Подъем данного местного руководства поставил под угрозу статус руководства ООП в Тунисе. ООП быстро взяла молодых людей под крыло, чтобы защитить свое положение исклю-

чительного лидера палестинского движения. Молодым людям была нужна и его легитимность, и средства, которые он предоставлял, и они приняли власть Арафата как символ палестинского национализма.

Интифада также была социальной борьбой, которую вел пролетариат, обитатели лагерей беженцев и кварталов жестяных лачуг против формирующегося палестинского среднего класса. Пролетариат объявил коммерсантам забастовку и запретил продавать товары в Израиль или покупать израильские товары. Палестинцы перестали работать в Израиле. Это усилило экономические трудности, но обеспечило интифаду большим количеством демонстрантов.

В первые месяцы интифады палестинцы избегали применения огнестрельного оружия против войск ЦАХАЛа. Хотя предпринимались многочисленные попытки отобрать оружие у солдат, палестинцы начали стрелять лишь на более позднем этапе. Интифада была в основном сражением с использованием камней и «коктейлей Молотова». Это сильно повлияло на мировое общественное мнение, видевшее, что молодые люди, бросающие камни, сталкиваются с хорошо вооруженными солдатами. Международные СМИ изображали Израиль как Голиафа, нападающего на палестинского Давида. За первые 18 месяцев интифады о палестинцах узнал весь западный мир. Они вызывали волну сочувствия, и освещение событий нанесло ущерб международному имиджу Израиля.

На более позднем этапе интифады возникли конфликты в палестинском обществе, и единый фронт пошатнулся. Насилие, совершаемое в палестинском обществе против пособников Израиля – что также давало возможность свести личные счёты, – подрывало национальное единство, как это было во время арабского восстания в период мандата. Начались террористические акты, нанесящие ущерб международному положению движения. Арафат не осуждал эти действия, даже несмотря на то, что обязался их прекратить в качестве условия для диалога с Соединёнными Штатами, который вел начиная с 1988 года. В итоге это привело к разрыву диалога. Самая большая ошибка палестинцев заключалась в том, что они поддержали Саддама Хусейна, когда он вторгся в Кувейт. Более того, палестинская община в Кувейте также поддерживала Саддама и сотрудничала с ним. В результате около 350 000 палестинцев были изгнаны из стран Персидского залива, после чего там осталось лишь 20 000 человек. Эта катастрофа перечеркнула достижения интифады в мировом общественном мнении (о чем будет сказано позже).

Правые круги Израиля, в том числе некоторые министры из партии Likud, полагали, что народное восстание можно подавить силой, а если умеренная сила не работает, потребуется большая сила. Но высшее командование ЦАХАЛа было осведомлено о том, что и общественное мнение Израиля, и израильское законодательство накладывают ограничения на действия армии. ЦАХАЛ не мог открыть огонь по

демонстрации, состоящей из женщин и детей; это было аморально и незаконно и противоречило бы всему, за что боролась армия. Впервые в своей истории ЦАХАЛ обнаружил, что политическое руководство обвинило его в провале миссии, которую ему было приказано выполнить. Более того, для поселенцев осторожный подход армии отражал политические взгляды старших офицеров ЦАХАЛа, которые были связаны с Альянсом. Начальник Генерального штаба Дан Шомрон сказал, что невозможно подавить беспорядки без жестоких действий против гражданского населения, в чем ЦАХАЛ не примет участия, и что решение должно быть политическим. Поселенцы истолковали это как призыв к политическому соглашению, которое потребовало бы территориального компромисса или каких-либо других договоренностей на территориях, которые они сочли бы неприемлемыми. Поселенцы, чьи путешествия по дорогам Иудеи и Самарии сделали их легкой мишенью для террористов, потребовали, чтобы армия обеспечила им полную безопасность, чего ЦАХАЛ никогда не обещал гражданам Израиля.

Армия разместила на территориях тысячи военнослужащих. Оккупация перестала быть легкой, как это было в то время, когда контингент был ограниченным. Теперь, вместо того чтобы готовиться к следующей войне, вся армия металась от дома к дому в арабских городах и деревнях, пытаясь поймать детей, бросающих камни. Приказ против использования огнестрельного оружия требовал иной тактики, и ар-

мия начала использовать дубинки. Министру обороны Рабина приписывают слова: «Сломайте им кости». Сомнительно, чтобы Рабин на самом деле произнес их, но именно так солдаты, разочарованные непрекращающейся погоней за палестинцами с «коктейлем Молотова» и камнями в руках, поняли смысл использования дубинок. Было тяжело смотреть кадры теленовостей. Американские евреи, увидевшие новости по телевизору, были шокированы видом солдат, жестоко обращающихся с палестинцами, и стали сомневаться в правильности поведения Израиля. Шомрон потребовал, чтобы ЦАХАЛ прекратил эти жестокие действия. В конце концов, Израилю придется жить вместе с палестинцами и избегать ненависти. По той же причине он делал все возможное, чтобы не применять коллективного наказания. Но растущее насилие требовало более жестких ответных мер. Самыми суровыми наказаниями был снос домов и изгнание палестинских активистов из страны.

Армия обороны Израиля оказалась зажатой между молодом и наковальней. Поселенцы и их сторонники обвинили ее в неспособности подавить интифаду; эти обвинения дали зеленый свет формированию на территориях частных ополченцев. Организации левых радикалов, такие как Yesh Gvul, призывавшие солдат отказываться от службы на территориях, обвинили ЦАХАЛ в утрате человечности и этических норм. Такое отношение к Армии обороны Израиля отражало раскол, появившийся в израильском обществе в отношении

оккупации и территорий.

Интифада не ограничивалась территориями за пределами «зеленой линии». С гордостью и тревогой израильские арабы наблюдали за восстанием своих собратьев на оккупированных территориях и его подавлением Израилем. В декабре 1987 года Комитет арабских мэров в Израиле, своего рода зонтичная организация израильских арабов, организовал День мира, во время которого всеобщая забастовка в арабском секторе продемонстрировала солидарность с палестинцами по ту сторону границы. Помимо этого, израильские арабы напечатали плакаты, которые руководство интифады на Западном берегу не могло размножить, так как печатный станок мог обнаружить ШАБАК. Когда Израиль конфисковал банковские счета ассоциаций на территориях, которые переводили средства ООП, израильские арабы стали переводить деньги руководству интифады через свои собственные счета в израильских банках. В районах, населенных преимущественно арабами, таких как Галилея или Малый треугольник, в автомобилях бросали камни и «коктейли Молотова». В деревнях открыто вывешивались флаги ООП. Среди бела дня полицейский участок Назарета подвергся нападению. Несколько раз междугородняя автомагистраль, проходившая через населенный арабами район Вади-Ара, блокировалась местными жителями. Эти инциденты с применением насилия и демонстрации произошли в первые три месяца интифады. Затем лидеры арабской общины в Израиле осу-

дили насилие и вскоре приняли меры, чтобы восстановить спокойствие.

Неповиновение израильских арабов было протестом, вскрывшим две проблемы: продолжающуюся оккупацию и непризнание палестинской идентичности, а также их дискриминацию. Эта дискриминация выражалась в том, что бюджетные ассигнования местным арабским советам были меньше по сравнению с тем, что предоставлялось еврейским советам, в арабских поселениях был низкий уровень образования, отсутствовали образовательные и развлекательные заведения. Арабы были отстранены от работы в правительстве Израиля, и отсутствовали каналы, по которым можно было бы услышать их мнение по общенациональным вопросам, что усиливало чувство отчуждения от государства. Националистические настроения возрастали по мере увеличения численности израильских палестинцев. В конце 1987 года их число составляло 750 000 (в том числе 130 000 в Восточном Иерусалиме), примерно 17 % всего населения страны. Демографический рост повысил их уверенность в себе, а контакты с палестинцами Западного берега обострили чувство идентичности и национальной гордости. Для израильских палестинцев этого было достаточно, чтобы выразить солидарность своим собратьям. Однако они не приняли призыва радикального внепарламентского движения «Сыны деревни» провести интифаду на израильской территории.

Тем не менее географическая концентрация израильских

арабов в двух районах, где они составляли большинство и имели собственное национальное руководство, в сочетании с враждебным поведением некоторых по отношению к еврейскому меньшинству, вызвала у этого меньшинства подозрения, что те намерены требовать присоединения их территорий к палестинскому образованию на Западном берегу.

До начала интифады правые считали, что статус-кво можно сохранить; строительство поселений могло продолжаться без предоставления палестинцам представительства. В то же время левые считали, что решение состоит в том, чтобы вернуть территории королю Хусейну с территориальными поправками, основанными на соображениях безопасности, при сохранении Иерусалима под юрисдикцией Израиля. Какое-то время обе стороны не видели проблем в сохранении статус-кво. Но интифада доказала, что легкой оккупации больше не существует и что статус-кво нельзя поддерживать, поскольку палестинцы больше не будут мириться с репрессиями и потерей своей земли, воды и самоуважения. Подавление обходилось Израилю слишком дорого и стоило не только денег и человеческих жертв, но и серьезного ущерба международному положению страны.

Радикализация молодежи на Западном берегу во время интифады, а также исламизация палестинского пролетариата встревожили короля Хусейна, который опасался восстания, способного перекинуться через реку Иордан в его собственное королевство. В 1987 году он подписал Лондонское

соглашение с министром иностранных дел Пересом, в котором предлагалось провести международную конференцию, направленную на открытие пути к «иорданскому варианту»: соглашению между Израилем и Иорданией о судьбе палестинцев. Но премьер-министр Шамир, придерживаясь принципа Великого Израиля, отверг это соглашение. Примерно через год король Хусейн объявил об отречении от Западного берега реки Иордан. 31 июля 1988 года он отказался от Западного берега, разорвав его связь с Хашимитским Королевством, тем самым выбив почву из-под ног Альянса и его предложений о территориальном компромиссе с Иорданией.

С отречением Хусейна от Западного берега и отказом Израиля признать палестинцев партнерами в обсуждении их будущего Израиль теперь остался один на один с ними. Иордания вышла из переговоров. Три месяца спустя, в ноябре 1988 года, Арафат провозгласил независимость Палестины, а король Хусейн признал виртуальное палестинское государство. ООП объявила, что она приняла Резолюции 242 и 338 Совета Безопасности ООН, в которых признается право палестинцев на самоопределение и их право на создание государства наравне с Израилем в качестве основы для ее участия в международной конференции по урегулированию конфликта на Ближнем Востоке. Принятие ООП резолюций ООН и ее заявление об отказе от террора открыли дверь для диалога между ней и Соединенными Штатами. Это косвенное признание ООП права Израиля на существование наряду

ду с палестинским государством было выражением «теории стадий», разработанной ООП: на этом этапе по прагматическим причинам она могла согласиться с существованием Израиля, не отказываясь от отдаленной мечты о Великой Палестине. Этот максималистский взгляд заставил многих израильтян с подозрением относиться к ООП. Со своей стороны, палестинцы полагали, что теория стадий в итоге приведет к принятию того, что для них было лишь частичным достижением, – государства в части Палестины и отказа от конечной цели. В этом отношении между израильским и палестинским мышлением было определенное сходство. Обе стороны хотели, чтобы вся страна принадлежала им. Учитывая реальность, обе стороны были готовы принять меньшее, но не отказывались от конечной цели.

После середины 1980-х годов из-за резкого сокращения иммиграции палестинцев в государства Персидского залива демографическая проблема обострилась. Необходимость сохранить характер Израиля как еврейского государства в долгосрочной перспективе вступила в противоречие с видением Великого Израиля. Некоторые правые круги начали предлагать идею «трансфера» – депортации арабов, – но эта идея была совершенно неприемлема для подавляющего большинства и не получила всеобщей поддержки. Таким образом, перед Израилем стоял выбор: либо предоставить израильское гражданство всем палестинским арабам, что в течение 20 лет превратит евреев в меньшинство на их родине, либо вер-

нуться к решению о разделе и создании двух государств на исторической Земле Израиля. Конец 1980-х и начало 1990-х явились временем переформулирования политических приоритетов Израиля.

Десятилетие надежды, 1990–2000

Захватывающие исторические события не выпадают поровну на десятилетия. Некоторые десятилетия не представляют интереса, полнясь очень немногими примечательными событиями, в то время как в другое время неожиданные события происходят быстро и неистово, одно за другим. Они меняют реальность и создают новую мировую сцену, которую невозможно было предсказать несколькими годами ранее. 90-е годы стали таким десятилетием.

Первым событием, сформировавшим новую реальность, сделался распад СССР. В 1989 году новая политика главы Российского государства Михаила Горбачева, положившая конец конфронтации между Востоком и Западом, изменила парадигму международных отношений. Этот внезапный поворот на пороге 1990-х годов ознаменовал конец эпохи, начавшейся после Второй мировой войны, когда Европа оказалась разделена на два блока, а холодная война формировала международную систему. Враждебность СССР к Израилю и его прочный союз с арабскими государствами, выражавшийся в поставках оружия и неизменной поддержке в ООН, на протяжении многих лет были постоянными факторами международных отношений на Ближнем Востоке. Египет находился вне сферы советского влияния с 1972 года. Но

Сирия и Ирак пользовались почти безоговорочной поддержкой как со стороны Советов, так и со стороны восточноевропейских стран коммунистического блока, лояльных политической линии Москвы.

Распад СССР создал новую политическую реальность на Ближнем Востоке. Покровитель антизападных «государств противостояния» отказался от конфронтации и продемонстрировал открытость новому раскладу сил. Это означало, что больше не будет неограниченных поставок оружия и политической поддержки стран, враждебных Западу. Одним из первых действий Горбачева в 1989 году стало изменение эмиграционной политики России. Теперь российские евреи могли покинуть страну. В начале 1990-х годов в Израиль прибыло около 800 000 иммигрантов. Для Израиля эта массовая алия явилась источником большого оптимизма, надежды на социальное и политическое обновление и экономический рост. Также алия нанесла серьезный удар по противоборствующим государствам и террористическим организациям и их надеждам на истощение Израиля.

В августе 1990 года президент Ирака Саддам Хусейн вторгся и оккупировал Кувейт – страну, контролирующую огромные нефтяные ресурсы и имевшую огромное стратегическое значение для Запада. Вторжение в Кувейт стало плохим предзнаменованием для других нефтяных эмиратов Персидского залива и даже для Саудовской Аравии. Зависимость промышленно развитого мира от ближневосточной

нефти требовала, чтобы он отреагировал на произвол Саддама Хусейна, поставившего под угрозу не только экспорт нефти промышленно развитому Западу, но и весь ближневосточный политический порядок. Президент США Джордж Буш-старший использовал случайную политическую ситуацию, созданную отсутствием конфронтации между Востоком и Западом, чтобы сформировать военную коалицию для освобождения Кувейта. Арабские государства были приглашены присоединиться к ней. Вражда между Египтом и Сирией возникла после подписания Кэмп-Дэвидских соглашений, которые Сирия рассматривала как предательство на арабском антиизраильском фронте. Теперь сирийцы оказались в том же лагере, который когда-то занимали египтяне. Из-за распада СССР Сирия нуждалась в американской поддержке. Участие в коалиции против Саддама Хусейна сигнализировало о заинтересованности Сирии в сближении с единственной оставшейся сверхдержавой, а также о ее опасениях по поводу того, что Ирак станет слишком могущественным и будет угрожать восточной границе Сирии.

Напротив, палестинцы стояли на стороне поддерживаемого ООП Саддама Хусейна, которого они считали решительным человеком, бросающим вызов Западу и существующему политическому порядку. Мало того что ООП открыто поддерживала Ирак – так поступали и палестинцы Западного берега и сектора Газа, а также палестинцы, работавшие в странах Персидского залива и жившие там много лет. Фак-

тически палестинцы в Кувейте сотрудничали с иракским захватчиком, что привело к депортации сотен тысяч палестинцев из стран Персидского залива после освобождения Кувейта. Король Иордании Хусейн, оказавшийся между иракской Сциллой и палестинской Харибдой, выразил осторожную поддержку Саддаму Хусейну и не протянул руку помощи западной коалиции.

Саддам Хусейн объявил, что, если американцы примут меры против него, он ответит запуском ракет по Израилю. В свою очередь, Израиль готовился к вероятности того, что иракские ракеты будут нести химические боеголовки, поскольку иракцы уже использовали отравляющий газ в ирано-иракской войне в 1980-х годах. Таким образом, в израильский лексикон вошла «комната безопасности». Населению было приказано полностью изолировать комнату в доме, провести туда воду, оборудовать ее радио и телефоном и, услышав сирену воздушного налета, запереться внутри и надеть противогазы. Это было полным изменением правил поведения по сравнению с предыдущими войнами, когда предпочтительным вариантом было укрытие на первом этаже или в подвале. Комната безопасности, или то, что сейчас известно как *matad* (аббревиатура от «защищенного домашнего пространства»), была разработана для быстрого укрытия от ракет. В январе 1991 года страны коалиции начали атаку на Ирак, а в ответ ракеты стали падать на Израиль. Почти 40 попаданий, но это были обычные ракеты; опасных химических

боеголовки не обнаружилось. К счастью, наведение ракет не было точным, и каким-то чудом жертв оказалось крайне мало, хотя здания были сильно повреждены.

Правительство Израиля во главе с Ицхаком Шамиром столкнулось с дилеммой. Израильский этос требовал, чтобы Израиль ответил на нападение военной силой. Однако Соединенные Штаты предостерегли Израиль от вмешательства, поскольку хрупкая коалиция, вероятно, распадется, если в нее войдут израильтяне. Стоял также вопрос, какую форму ответа может избрать Израиль. При всей мощи Соединенных Штатов, развернутой против Ирака, израильский воздушный удар, вероятно, не произвел бы особого впечатления, а риски были очень велики. Чтобы убедить Израиль не предпринимать ответных действий, американцы снабдили его ракетами Patriot класса «земля – воздух» для перехвата иракских ракет Scud²⁵⁰. Сомнительно, что эта система вооружения могла дать эффективный ответ ракетам Scud, переставшим поражать израильские города после того, как силы коалиции заняли стартовые позиции выпуска иракских ракет. Но эта демонстрация американской поддержки имела большое значение для общественного настроения. Тем не менее некоторые министры и высшие офицеры армии с трудом могли смириться с пассивностью, казавшейся возвращением к досионизму и к модели поведения евреев диаспоры. Левый литературный критик Дан Мирон опубликовал ста-

²⁵⁰ В отечественной номенклатуре Р-17. – *Прим. ред.*

тью под названием And if There Is an IDF – Let It Appear Immediately («Если есть ЦАХАЛ – пусть он явится тотчас»), парафраз одного из гневных стихотворений Бялика²⁵¹), протестуя против нападения Ирака без возмездия со стороны Израиля. То был звездный час Ицхака Шамира. Этот ветеран Lehi и бывший сотрудник «Моссада» остался равнодушным к призывам ответных действий Израиля и решил, что в сложившихся обстоятельствах правительство должно придерживаться принципа сдержанности.

Война в Персидском заливе продемонстрировала уязвимость тыла Израиля в военное время. Граждане Израиля не подвергались воздушным атакам со времен войны 1948 года. Теперь с появлением современного оружия тыл оголился. Некоторые израильтяне отреагировали на ракетные атаки, оставив большой Тель-Авив и отправившись в отдаленный Эйлат или даже Иерусалим, который, как считалось, был защищен от ракетных атак Саддама. Гостиницы, расположенные вне досягаемости ракет, были полностью заполнены. Но большинство людей либо не сумели уехать, либо не хотели и продолжали вести повседневную жизнь, как могли.

Падение Берлинской стены 9 ноября 1989 года открыло новую эру в европейской истории. Страны Восточной и Цен-

²⁵¹ В своем стихотворении «Над бойней» Бялик восклицает: «Если есть Высший Суд – да свершится тотчас!» Стихотворение было написано в 1903 году как почти мгновенный ответ на кишиневский погром, разразившийся по окончании праздника Пасхи в том году. – *Bialik C. N. Hashirim (Поэмы) / Ed. A. Holtzman. Israel: Dvir, 2004, p. 248.*

тральной Европы освободились от ига своих коммунистических режимов и встали на путь свободного рынка и открытого общества. В рамках новой ориентации они также установили дружеские отношения с Израилем, особенно страны, быстро принявшие демократические ценности, такие как Чешская Республика и Польша. Соединенные Штаты стали единственной сверхдержавой в мире. Впечатляющая победа над Саддамом Хусейном и освобождение Кувейта повысили их авторитет в арабском мире. Страны, которые их не поддерживали, оказались в невыгодном положении. Заняв не ту сторону в войне в Персидском заливе, ООП была более уязвима, чем когда-либо. Израильцы так и не простили палестинцам танцев на крышах, когда ракеты Саддама летели по направлению к Тель-Авиву. Но общая международная атмосфера была проникнута духом примирения и доброй воли. В этой необычной ситуации Соединенные Штаты выступили инициаторами Мадридской конференции. «Если и должно было наступить время Америки на Ближнем Востоке, то это точно оно», – заявил Аарон Дэвид Миллер, член переговорной группы Госдепартамента США по вопросам мира на Ближнем Востоке²⁵².

Идея заключалась в проведении международной конференции под совместной эгидой США и России с участием арабских государств, Израиля, ООН и Европейского со-

²⁵² *Miller A. D. The Much Too Promised Land: America's Elusive Search for Arab-Israeli Peace. New York: Bantam Books, 2008, p. 14.*

общества. Целью было разработать меры по продвижению переговоров по вопросам Ближнего Востока. Традиционно Израиль с подозрением относился к таким международным конференциям, которые рассматривал как средство давления на него, и вместо этого требовал двусторонних переговоров с арабскими государствами. Чтобы преодолеть это сопротивление, было заранее решено, что Мадридская конференция станет исключительно церемониальной прелюдией, ведущей к прямым переговорам между Израилем и арабами. Израиль выступил против участия официальной палестинской делегации и даже более активного участия ООП, которую израильтяне определяли как террористическую организацию; израильские законы в то время запрещали переговоры с ней. После того как госсекретарь США Джеймс Бейкер оказал давление на евреев и арабов, был достигнут компромисс: не было отдельной палестинской делегации, но палестинцы с Западного берега были частью иорданской делегации. Всем сторонам было ясно, что руководство ООП в Тунисе будет дергать делегацию за ниточки. Результатом стало то, что неофициально, под прикрытием, созданным иорданской делегацией, палестинцы и израильтяне впервые вместе сели за стол переговоров.

Король Хусейн, желавший примирения с Соединенными Штатами после его сомнительного поведения во время войны в Персидском заливе, очень хотел присоединиться к конференции. Он годами поддерживал контакты с израильски-

ми политиками и поэтому не видел причин бойкотировать переговоры с Израилем. Твердым орешком стала Сирия, которая при Хафезе Асаде была самой непримиримой страной, не желавшей признавать Израиль, подписывать с ним соглашения (сирийцы даже уклонились от подписания временного соглашения 1974 года) или пожать руку израильскому государственному деятелю. Киссинджер ранее отмечал, что невозможно вести войну на Ближнем Востоке без Египта и невозможно заключить мир без Сирии. Таким образом, появление Сирии на конференции имело особое значение. Ее участие в войне в Персидском заливе на стороне Америки ознаменовало реальное изменение сирийской политической линии. Сирии были нужны как саудовские деньги, которые она получила после войны, так и американская политическая поддержка.

Чтобы утихомирить Сирию и Израиль, требовалась дипломатия и словесная акробатика. Основой для мадридских переговоров были Резолюции 242 и 338 Совета Безопасности ООН. Сирийцы истолковали Резолюцию 242 в том смысле, что полный уход Израиля с оккупированных им территорий должен предшествовать любым переговорам. Премьер-министр Израиля и лидер партии Likud Ицхак Шамир твердо придерживался политики «ни пяди» и в отношении мира требовал «мира в обмен на мир». Поэтому он выступал категорически против принципа «мир в обмен на территорию», послужившего основой Резолюции 242. Эти слова не

были включены в его приглашение на Мадридскую конференцию, но присутствовали в приглашениях, направленных арабским государствам. Поэтому сложно сказать, что торжественное собрание в Мадриде несло в себе мирное послание. Тем не менее сам факт, что присутствовали израильтяне, сирийцы и палестинцы, безусловно, был революционным. Дэнис Росс, посланник мира на Ближнем Востоке в Белом доме, писал: «Перед Мадридской мирной конференцией стоял вопрос: могут ли когда-либо состояться переговоры? После нее вопрос заключался в том, могут ли переговоры когда-нибудь привести к миру?»²⁵³

В июне 1992 года прошли выборы в Израиле. Электорат устал от правого правительства. Коррупционные скандалы омрачили его последние годы, о чем говорил предвыборный лозунг левых: «Корруптированные политики – вон!» Помимо этого, дух времени, как уже отмечалось, был духом примирения и переговоров. Католики и протестанты вели переговоры в Северной Ирландии; в Южной Африке белое меньшинство отказалось от контроля над правительством и открыло двери демократии. Эффект духа времени усиливался восприятием национальных интересов. Из-за упорного сопротивления правительства Шамира переговорам с арабскими государствами и палестинцами и его отказа прекратить строительство поселений – или даже сообщить об этом стро-

²⁵³ Ross D. *The Missing Peace: The Inside Story of the Fight for Middle East Peace*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005, p. 45.

ительстве американцам, как оно обещало сделать, – администрация Буша решила отложить предоставление гарантий на сумму 10 миллиардов долларов, необходимых Израилю для обеспечения ссуд, чтобы ассимилировать массовую иммиграцию из бывшего Советского Союза. Шамир заручился помощью еврейского лобби в Конгрессе США, но тщетно. Конгресс принял политику администрации, и Израиль не смог изменить позицию Белого дома.

Невозможно оценить, насколько проблема американской гарантии по кредитам повлияла на израильских избирателей, но, вероятно, она имела определенный эффект. Ухудшение отношений с Соединенными Штатами, продолжающаяся интифада, война в Персидском заливе и «комната безопасности» – все это заставило израильтян стремиться к иной политике. Ицхак Рабин, кандидат от HaAvoda на пост премьер-министра, пообещал в своей кампании, что – в отличие от политической стагнации правительства – он достигнет соглашения об автономии с палестинцами в течение шести-девяти месяцев. Хотя и будучи нереальным, обещание ознаменовало изменение политической линии Израиля. Это была приверженность политике, направленной на достижение политического соглашения с палестинцами. Однако Рабин объявил во время кампании на Голанских высотах, что он не намеревается уходить из этого района. Это обещание будет все время преследовать его.

HaAvoda во главе с Рабином получила 44 места, а Likud

– 32. Meretz (крайне левая сионистская партия) получила 12 мест, а Shas – шесть. С помощью арабских списков, которые получили в общей сложности пять мест, левые добились большинства в Кнессете. При поддержке арабских фракций была сформирована коалиция, в которую вошли представители HaAvoda, Meretz и Shas. Эта коалиция с самого начала была шаткой, и когда правительство Рабина приняло далекоидущие решения по мирному процессу, его хрупкое большинство в Кнессете улетучилось. Несмотря на относительно слабую политическую базу правительства Рабина, оно было одним из самых важных правительств с основания государства. Рабин возвратился на пост премьер-министра через 15 лет после своего первого срока, на котором был относительно молодым, политически неопытным премьер-министром. Теперь он вернулся на вершину после длительного пребывания на посту министра обороны, приобретя на этой должности опыт и авторитет. Для израильской публики он был мистером Безопасность, человеком, который знал, как защищать интересы Израиля, которому можно было доверять в принятии верных решений по вопросам безопасности. Общественное доверие к личности Рабина, его честность, его недипломатическая склонность говорить правду и даже его привлекательная застенчивость были первоклассным политическим активом, хорошо послужившим ему в предстоящие трудные времена. Рабин во время своего второго срока был уверенным в себе и готовым к переменам. «Я поведу

вас», — заявил он в своей речи после выборов, внушив публике ощущение, что на этот раз действительно намеревался вести за собой.

Мирный процесс

Рабин поставил перед собой цель изменить национальную повестку дня Израиля и дать толчок мирному процессу. Не будучи уверен, что мир достижим, он был готов изучить возможности. На своей первой встрече с новоизбранным президентом США Биллом Клинтоном они нашли общий язык и подсознательно установили взаимное доверие. Рабин сообщил президенту о своих намерениях, и Клинтон пообещал помочь ему снизить риски. Для Рабина были открыты два пути действий: переговоры с президентом Сирии Асадом или переговоры с палестинцами. Мирный договор с Сирией имел серьезные стратегические преимущества: если бы Сирия отказалась от враждебности, фронт неприятия рухнул бы, террористическим организациям в Дамаске пришлось бы найти нового покровителя, возможность сирийско-иракского союза исчезла бы, и открылся путь к соглашению, даже мирному договору с Ливаном.

Такой шаг значительно укрепил бы американскую политику в регионе против Ирака и Ирана, двух врагов Запада, и в пользу Египта, Иордании и Саудовской Аравии. Но Израилю пришлось бы заплатить высокую цену: уход с Голанских

высот, эвакуацию поселений и необходимость убедить израильскую общественность в том, что эта мера не представляет необоснованных рисков для безопасности Израиля. Граница на Голанских высотах оставалась спокойной с 1974 года, и, учитывая цену мира с Сирией, большинство израильтян предпочли сохранить ситуацию «ни мира, ни войны», даже если это означало продолжение столкновений с Hezbollah в Ливане. Однако достижение соглашения с палестинцами затронет болезненное ядро арабо-израильского конфликта – его первоначальную причину – и, вероятно, изменит отношения между Израилем и арабским миром. Международная критика Израиля была сосредоточена на его отношениях с палестинцами. Улучшение этих отношений привело бы к кардинальным изменениям в международном положении страны. Соглашение с палестинцами потребует взаимного признания. Израиль признает национальные права палестинцев и ООП как их представителя, а палестинцы признают Государство Израиль как объективную реальность. Обе стороны склонялись к мирным отношениям. Палестинцам придется отказаться от насилия и террора и внести поправки в Палестинскую хартию, чтобы она соответствовала эпохе мира. Вопрос состоял в том, достижимо ли такое соглашение и какова будет его цена.

Рабин выдвинул несколько предварительных условий подобного соглашения. Прежде всего, его необходимо реализовывать постепенно, в соответствии с Кэмп-Дэвидскими

договоренностями. Первоначальное соглашение не касалось вопросов статуса Иерусалима и судьбы поселений. Ответственность за безопасность останется в руках Израиля. Речь шла об автономии Палестины, а пока что вопрос о суверенитете оставался неопределенным. Все запутанные проблемы будут оставлены для обсуждения в рамках соглашения о постоянном статусе; переговоры по этому соглашению начнутся через три года после подписания первого документа и будут заключены в течение двух лет. Прорыв в первом соглашении должен был произойти при взаимном признании со стороны Израиля и Палестины и благодаря готовности Израиля признать Арафата и ООП своими партнерами в управлении Иудеей и Самарией. Это соглашение положило бы конец интифаде, снизило уровень враждебности между Израилем и палестинцами и позволило Израилю постепенно отмежеваться от палестинцев. Отношения между двумя сторонами в такой маленькой стране требовали разделения и создания двух отдельных образований, которые в итоге превратились бы в два государства. Израильяне опасались, что без разделения будет создано двунациональное государство, что положит конец еврейскому государству. Палестинцы рассматривали собственное государство как отражение национальной идентичности и как компенсацию за потерю палестинского образования после войны 1948 года.

Рабин разрывался между сирийским и палестинским вариантами, предполагая, что не сможет протолкнуть два столь

далекоидущих соглашения в течение своего нынешнего срока полномочий. Американцы также разделились по приоритетам. Президент Клинтон, госсекретарь Уоррен Кристофер и Дэннис Росс, а также Мартин Индик и другие члены группы мирных переговоров считали, что сирийский вариант более правдоподобен и имеет больше шансов на успех. Аарон Дэвид Миллер и Дэниел Курцер, также входящие в группу, предпочли палестинский вариант. Рабин считал, что куда больше шансов быстро прийти к соглашению с сирийцами, и потому отдавал предпочтение этому варианту. В 1993 году он заверил Уоррена Кристофера в «обещании» гипотетического согласия на полный уход Израиля с Голанских высот в обмен на «пакет» мира и безопасности от Асада: меры безопасности на Голанских высотах, включая израильскую станцию раннего предупреждения, демилитаризацию района, передислокацию сирийской армии к окраинам Дамаска и соглашение по водным ресурсам. Он также выдвинул несколько других требований. Соглашение между Израилем и Сирией должно быть двусторонним и не зависеть от других соглашений между Израилем и арабами, и мир должен быть настоящим миром, включая нормализацию отношений, обмен послами и открытие границ. Наконец, вывод войск должен был быть осуществлен в три этапа в течение пяти лет, причем нормализация должна была начаться после завершения первого этапа. На завершающем этапе состоится эвакуация поселений.

В значительной степени Рабин приспособил свои требования к условиям Кэмп-Дэвидских соглашений между Израилем и Египтом. Но Асад не был Садатом; у него не было свойственной тому готовности делать решительные шаги, широкие жесты, демонстрировать великодушие, и он яростно выступал против Кэмп-Дэвидских соглашений. Между тем с их подписания прошло более 10 лет. По словам американских собеседников Асада, он с трудом мог согласиться с тем, что его достижения в соглашении с Израилем, заключенном более 10 лет спустя, не превзойдут успехи Садата. Поэтому во время переговоров в Вашингтоне он торговался по каждому пункту. Он отказался сделать хотя бы один маленький шаг в сторону открытой дипломатии Садата, чтобы убедить израильское общество, что его намерения серьезны и что уход с Голанских высот не поставит под угрозу безопасность Израиля. Он не был удовлетворен уходом израильских войск к международной границе, как это было согласовано с Египтом, но требовал «границ 4 июня 1967 года». В начале 1950-х годов сирийцы захватили район Эль-Хаммы, который по соглашению о перемирии 1949 года был территорией Израиля, а также северо-восточную часть Галилейского моря, хотя соглашение объявляло все Галилейское море и десятиметровую полосу его восточного побережья израильской территорией. Асад потребовал безоговорочного ухода Израиля с Голанских высот, заявив, что они были оккупированы силой оружия, но не стал применять ту же логику к израильской

территории, завоеванной Сирией до 4 июня 1967 года.

Асад полагал, что готовность признать существование Израиля и отказаться от войны против него была достаточно большой уступкой израильтянам, за которую он имел право получить обратно Голанские высоты. Но израильтяне не уступили бы этот стратегический пункт без гарантий мирных намерений сирийцев. Несмотря на непримиримый стиль переговоров Асада и его представителей, американские переговорщики были настроены оптимистично; они интерпретировали ответ Асада как позицию жесткого торга, которая тем не менее сопровождалась готовностью достичь в конечном итоге мирного соглашения. Рабин, однако, считал, что стиль ведения переговоров Асада торит дорожку в тупик и в любом случае не предвещает прорыва в ближайшем будущем. Асад и его представители не согласились на прямые переговоры с Израилем и вместо того потребовали американского присутствия и посредничества. Это оставляло место предположению, что сирийцы на самом деле хотели американской поддержки, почему и вступили в переговоры, на самом деле не намереваясь увенчать их мирным соглашением.

Рабин и министр иностранных дел Перес разделили обязанности на переговорах. Перес руководил многосторонними переговорами, являвшимися продолжением Мадридской конференции, а Рабин руководил сирийскими переговорами. Переговоры с палестинцами в Вашингтоне, лежавшие в

основе многосторонних переговоров, ни к чему не привели. В то же время двое израильских ученых вели неофициальные, но совершенно секретные переговоры с представителями ООП в Осло. Эти переговоры оказались более удачными. Они были неформальными, но было очевидно, что обе стороны отчитывались перед ведущими фигурами в своих политических системах и получали одобрение предложений, лежащих на столе переговоров. Перес проинформировал Рабина об их ходе и получил его благословение на продолжение переговоров, проходивших под эгидой правительства Норвегии. Как только был достигнут определенный прогресс, для ведения переговоров был отправлен Ури Савир, глава Министерства иностранных дел Израиля. Его присутствие означало переход от частных переговоров к официальным.

Как и на переговорах в Кэмп-Дэвиде, руководящим принципом в Осло стало постепенное развитие. Основной посыл переговорщиков заключался в том, что на данном этапе соглашение об окончательном статусе недостижимо. Таким образом, первый этап определит время, после которого начнутся переговоры об окончательном статусе. Между тем доверие, столь важное для такого соглашения, должно быть установлено посредством взаимного признания, развития сотрудничества в области безопасности и создания автономного палестинского института управления – Палестинской администрации (ПНА), которой постепенно будет передан контроль. После «декларации принципов», эффект

которой будет усилен публичным заявлением, связанным с взаимным признанием и приверженностью мирным, добрососедским отношениям, «имплементационное соглашение» предоставит Арафату должность главы ПНА, и ему будет предоставлено управление Газой и Иерихоном в знак намерения Израиля передать власть на Западном берегу и в секторе Газа палестинцам во главе с ООП.

В августе 1993 года израильская и палестинская делегации в Осло пришли к соглашению и представили информацию американцам. Второй раз в истории мирного процесса между Израилем и арабами стороны достигли соглашения без участия Америки, и первым случаем стали переговоры, приведшие к визиту Садата в Иерусалим. Рабин согласился беседовать с ООП, как только понял, что нет другого авторитетного палестинского партнера, с которым можно было бы достичь соглашения. Он предпочел бы Иорданию или делегацию арабов Западного берега и Газы, но Иордания полностью отказалась от Западного берега, и местная элита следовала приказам Арафата. Арафат был готов прийти к соглашению, поскольку другого выхода не наблюдалось. У него больше не было поддержки СССР, война в Персидском заливе лишила его субсидий Саудовской Аравии и государств Персидского залива, а Сирия сигнализировала о своем намерении достичь мирного соглашения с Израилем. В то время казалось, что Арафат может упустить шанс, если не достигнет соглашения с Израилем раньше Сирии. Таким образом,

открылось окно возможностей, приведшее к Соглашениям в Осло.

Волнение, вызванное новостями о соглашениях в Осло, напомнило драму визита Садата в Иерусалим. Вчера контакты с ООП были запрещены; сегодня ООП оказалась партнером во взаимном признании между Израилем и палестинцами. Этот новый поворот стал событием огромного масштаба, снова послышалась поступь истории. В сентябре 1993 года на лужайке Белого дома перед аудиторией из сотен человек и под объективами мировых СМИ Рабин и Арафат подписали Декларацию принципов, включавшую взаимное признание и открывавшую путь к созданию автономной палестинской власти. Сияющий президент Клинтон в галстук с изображением труб, напоминавших иерихонские, привел двух исторических противников к рукопожатию, обставленному так, чтобы символизировать переход от враждебности к сотрудничеству. Даже небольшое колебание Рабина перед тем, как пожать руку террористу Арафату – заметное во всех телевизионных трансляциях, – было воспринято как подлинное выражение этой революции во взаимоотношениях.

Весь мир находился в эйфории от этой сцены, ознаменовавшей начало новой эры на Ближнем Востоке. Но даже в незабываемый момент некоторые детали омрачают праздничное настроение. За кулисами Арафат в последнюю минуту оказал давление, чтобы внести поправки в положения соглашений в свою пользу, что привело Рабина в замеша-

тельство. Более того, Арафат появился на церемонии в своей униформе цвета хаки, в фирменной куфии²⁵⁴ и с трехдневной щетиной. Казалось бы, просто сохраняя обычную одежду и внешний вид, на деле он транслировал конкретную мысль палестинцам: даже несмотря на то, что подписывал соглашение с израильтянами и пожимал Рабину руку, он не отказывался от военной формы, сделавшей его символом вооруженной борьбы. Зловещее предзнаменование.

В мае 1994 года в Каире в присутствии президента Египта Хосни Мубарака было подписано Соглашение Газа – Иерихон (Каирское соглашение). Оно предоставило Арафату сектор Газа и Иерихон, что позволило ему триумфально войти в Газу. Но в последнюю минуту на глазах у международных СМИ Арафат попытался не подписать карту границ анклавов, которые будут переданы под его управление, и только Мубарак смог убедить его сделать это. 28 сентября 1995 года было подписано третье временное соглашение, детализирующее будущий вывод израильских войск, сотрудничество в сфере безопасности между сторонами, соглашение о строительстве палестинского аэропорта и морского порта в Газе и соглашение об экономическом сотрудничестве между Израилем и Палестинской администрацией. Это подписание стало кульминацией серии соглашений между Израилем и палестинцами. Несмотря на взаимные подозрения, Рабин и

²⁵⁴ Арабский мужской головной платок, в русском языке часто называется «арафатка».

Арафат достигли определенной степени взаимного доверия и сотрудничества в области безопасности, а также экономического и культурного сотрудничества.

Организаторы Осло гордились принципом постепенного развития, который должен был дать обеим сторонам время адаптироваться к решительным изменениям, изучить действия друг друга и привлечь внимание публики. Однако, оглядываясь назад, этот принцип был отменой договоренностей. На промежуточных этапах каждая из сторон увидела разные вещи. Палестинцев интересовало, как быстро они смогут создать палестинское государство и какую конкретную территорию оно будет занимать. Израильтяне хотели увидеть, как палестинцы поведут себя как строители государства. При этом ни одна из самых сложных проблем – Иерусалим, беженцы, границы – не была решена. Ни в одном из договоров не упоминались поселения. Несмотря на то что Рабин выступал против создания поселений в густонаселенных палестинских районах, массовое строительство поселений продолжалось, особенно в окрестностях Иерусалима. Со своей стороны Арафат не предпринял никаких усилий для предотвращения терроризма. Это была взрывоопасная ситуация. В феврале 1994 года религиозный еврейский врач, поселившийся в Хевроне, открыл огонь по арабским верующим в пещере Махпела (пещера Патриархов). Он убил и ранил множество людей, прежде чем сам был убит. Это был акт провокации, направленный на срыв соглашений Ос-

ло, и, учитывая деликатную ситуацию вокруг этих соглашений, данный акт еврейского терроризма действительно нанес серьезный удар по мирному процессу. В израильском кабинете министров были внесены предложения об эвакуации поселенцев из Хеврона. Но в конце концов Рабин не пошел на эту меру, чтобы не допустить обострения враждебности справа.

Организации, отвергающие соглашения, возглавляемые ХАМАСом и Исламским джихадом, решительно выступили против политики примирения ООП с Израилем. Они были полны решимости подрвать договоренности с помощью терроризма. В апреле 1994 года началась серия взрывов террористов-смертников, направленных на евреев по всей стране. Исламистский терроризм подрвал веру израильтян в соглашения Осло и в мирную политику Рабина. Общественное мнение Израиля, поддерживавшее Рабина, начало отклоняться вправо. Арафат, не желая противостоять своим противникам в лице палестинской оппозиции, отказался осудить террористические акты. Израильтяне и американцы тщетно пытались убедить его, что терроризм наносит вред палестинцам и подрывает их шансы на создание собственного государства. Он отказался вступить в борьбу, которая вызвала бы раскол в палестинском обществе из-за соглашений Осло. Также возможно, что Арафат перенял методы партизанской борьбы во Вьетнаме и в других местах, где боевые действия и террористические акты не прекращались во вре-

мя мирных переговоров.

Карта 12. Соглашения в Осло, 1993 г.

В ответ на насилие Рабин утверждал, что террористические организации стремятся остановить политический процесс и им нельзя позволить победить таким образом. Он был полон решимости продвигать мирный процесс. Несмотря на подозрительные действия Арафата, некоторые признаки также свидетельствовали о сближении израильтян и палестинцев. Два года интенсивных переговоров создали определенную степень близости и взаимопонимания. Попытки создать палестинскую полицию после заключения Каирского соглашения привели к переговорам между главами израильских и палестинских военных ведомств, которые совсем недавно были немыслимы. Но сомнительно, что соглашения Осло облегчили жизнь простым палестинцам, поскольку реакцией Израиля на террористические акты было закрытие оккупированных территорий, создание блокпостов и усиление израильского военного присутствия вне территорий, переданных ООП. Эти меры затруднили передвижение палестинцев, а экономический рост, который должен был последовать вслед за миром, не наблюдался.

С израильской стороны возникла сложная реальность. По мере продвижения мирного процесса между левыми и правыми израильтянами росла напряженность. Что касается поселенцев, сама их готовность признать палестинцев как национальное и политическое образование и, таким образом,

передать им (даже в ограниченном масштабе) районы Земли Израиля потрясла их – в глазах поселенцев это было предательством их фундаментальных ценностей. 150 000 поселенцев, живших в то время, не могли допустить того, что они называли «преступлениями Осло». Борьба поселенцев против правительства Рабина постоянно находилась на грани между гражданским сопротивлением и протестом – законными действиями в демократическом обществе – и подстрекательством, явным или замаскированным, к незаконным актам насилия и даже убийству. Поселенцы возглавили широкую общественную кампанию, включавшую как законные, так и незаконные демонстрации. У резиденции премьер-министра проходили постоянные громкие протесты, и Рабина часто требовался полицейский эскорт. Тяжелые танки блокировали дороги страны, особенно во время визитов официальных лиц американской администрации. Из газет лилась непрекращающаяся клевета на Рабина и его правительство.

Нерелигиозные правые также были захвачены этой волной враждебности. В общественных местах стали появляться изображения Рабина и Переса как «предателей». На плакате правой демонстрации Рабин был изображен в форме Арафата. Некоторые раввины заявляли, что любой, кто передает районы Земли Израиля правительству убийц, является предателем и, как таковой, подлежит *din rodef* (букв. «закон преследователя»), то есть должен быть убит.

Фоном для возбужденных настроений служила шаткость

правительства Рабина. Как уже упоминалось, Shas входило в коалицию и обеспечивало правительству большинство в Кнессете. Хотя руководство Shas (раввин Овадия Йосеф и министр внутренних дел Арье Дери) поддержало соглашения Осло и не выступило против передачи территории под палестинское управление, рядовые члены партии думали иначе. Избиратели Shas поддерживали правый блок, и то, что Shas входило в состав левого правительства, противоречило их убеждениям. Когда соглашение Осло было вынесено на голосование в Кнессете, Shas воздержалось, – явный сигнал, что давление сторонников партии приведет ее к выходу из правительства. После отставки самого Дери, после предъявления ему обвинений в коррупции Shas покинуло правительство. Теперь правительство Рабина имело только 58 мест в Кнессете и зависело от поддержки арабских депутатов.

С этого времени поселенцы обвиняли правительство в принятии судьбоносных для еврейского народа решений, когда правительство висело на волоске. По их утверждениям, оно заручилось поддержкой Кнессета, предоставляя привилегии его членам, и в нем нет еврейского большинства. Делегитимизация соглашений Осло правыми не остановила Рабина. Будучи преисполненным решимости завершить начатую им инициативу, он не позволил протестам заставить его сменить курс. Он не проявил ни чувствительности, ни сострадания к душевной боли поселенцев, увидев, что их мир разрушен. Напротив, при каждой конфронтации он демон-

стрировал как свое презрение к ним, так и решимость не отклоняться от выбранной траектории движения.

На фоне всей этой шумихи, возникшей после выполнения Каирского соглашения, прибытия Арафата к палестинским властям, террористических актов, совершенных исламскими организациями, и громких протестов правых израильтян, в октябре 1994 года на иорданско-израильской границе в пустыне Арава прошла торжественная церемония. В присутствии президента Клинтона, короля Хусейна, Рабина и многих других высокопоставленных лиц был подписан мирный договор между Израилем и Иорданией. Иордания была естественным кандидатом на мирный договор с Израилем. После того как она отказалась от Западного берега, спорные территории между ней и Израилем стали очень незначительными, и ускоренные переговоры сгладили все разногласия между двумя странами. Иордания дождалась успешного выполнения Каирского соглашения, прежде чем принять участие в мирных переговорах. То, что президент Клинтон пообещал королю Хусейну списать долги его королевства, также помогло продвинуть этот процесс. Короля беспокоила реакция Дамаска в случае, если он подпишет мирный договор без сирийцев. Но поскольку переговоры между Израилем и Сирией затягивались без достижения соглашения, Хусейн чувствовал, что может упустить подходящий для мира момент.

Договор с Иорданией был третьим, подписанным между Израилем и арабским государством. В нем есть преценден-

ты, которые при наличии доброй воли могут служить моделью для дополнительных мирных договоров. Израиль вернул Иордании территорию, которую удерживал за международной границей. Иордания сразу же сдала территорию в аренду Израилю. Были и территориальные обмены. Израиль также обязался предоставлять Иордании ежегодную квоту на воду, чтобы облегчить водные проблемы Иордании. В отличие от соглашений Осло договор с Иорданией повсеместно приветствовался в Израиле. Но его не подписали бы без Осло.

Только Сирия осталась вне мирного процесса. Попытки возобновить переговоры с Сирией предпринимались с тех пор, как в 1993 году были подписаны соглашения в Осло. Весной 1995 года, на фоне шума в Израиле по поводу соглашений, опубликовали Штауберский документ, устанавливающий израильско-сирийский план мира, включавший уход Израиля с Голанских высот. Хотя этот документ был гипотетическим, он подлил горючего в уже и без того легковоспламеняющуюся атмосферу Израиля. На этот раз поселенцы с Голанских высот и их сторонники из умеренного израильского центра и левых объединились против правительства. Поселенцы с Голан были в основном сторонниками нерелигиозной НаАвода. Они не отвергли возможность ухода с Голанских высот, но условия, которые они выдвинули для такого шага, сделали бы его полностью неприемлемым для Асада. Антиправительственная кампания под лозунгом «Народ с Голанами» набирала силу; ей удалось привлечь знаменитых

деятелей с военным прошлым и высоким положением среди культурной элиты. Это были товарищи Ицхака Рабина по Palmach, которые теперь подвергли сомнению его рассуждения. Помимо этой личной атаки, «Третий путь», как называлось это движение, еще больше подорвал стабильность правительства, поскольку несколько членов HaAvoda в Кнессете присоединились к нему.

4 ноября 1995 года, под конец массового митинга в поддержку премьер-министра и мирного процесса, фанатик произвел три выстрела и убил Ицхака Рабина. Хотя после публичных угроз в адрес премьер-министра пророчество уже было написано на стене²⁵⁵ и проводились мистические религиозные церемонии, чтобы заручиться поддержкой божественных сил, чтобы убить его, похоже, очень немногие люди восприняли идею убийства премьер-министра Израиля евреем серьезно. Это табу, нарушение которого было немыслимо. Шок был огромным. Пули, убившие Рабина, пробили саму ткань израильской демократии, обнажая ее уязвимость и призывая повысить осведомленность о том, что законно в политических дебатах, а что нет. Обвиняющий перст указывал на религиозно-сионистский сектор, откуда происходил убийца и откуда проистекало наиболее серьезное подстрекательство. Отрезвляющий эффект убий-

²⁵⁵ Здесь аллюзия на библейский сюжет о пире вавилонского царя Валтасара, в английском языке выражение *writing on the wall* используется в значении «зловещее предзнаменование».

ства охладил пыл публичных дебатов, снизил уровень насилия, как словесного, так и физического, и восстановил определенную степень здравомыслия и согласия в публичных выступлениях в Израиле. Разногласия по поводу будущего территорий, мирного процесса и еврейско-арабских отношений не исчезли, но подстрекательство, исходящее от правых, сделалось менее радикальным. Фразы вроде «Рабин – убийца», «Рабин – предатель» или *din rodef* уже не допускались.

Все мировые лидеры во главе с президентом Клинтоном присутствовали на похоронах Рабина, чтобы отдать дань уважения мученику мирного процесса, выразить свою поддержку и надежду на то, что преемник Рабина, его товарищ и оппонент Шимон Перес последует по его стопам. И действительно, Перес стремился пойти тем же путем. Соглашения Осло II, Временное соглашение по Западному берегу и сектору Газа, подписанное Рабином в сентябре 1995 года, были успешно выполнены, и ЦАХАЛ покинул города и районы Западного берега, переданные под контроль Палестинской администрации.

Маятник дипломатической активности теперь качнулся обратно к Сирии. Переговоры Уай Плантейшн, состоявшиеся в конце 1995 года при активном посредничестве американцев, обеспечили некоторый прогресс, но не прорыв. Итамар Рабинович, посол Израиля в Вашингтоне и главный переговорщик правительства Рабина с Сирией, утверждает, что Асад резко отреагировал на предложения Израиля

и американское посредничество и заблокировал любое движение вперед, в то время как американский переговорщик Мартин Индик утверждает, что был достигнут значительный прогресс. Но волна насилия и терроризма, нахлынувшая во время переговоров, привела к их краху. Рабинович считает, что сирийцы дали понять террористическим организациям и Hezbollah, что могут действовать против Израиля. Индик, со своей стороны, говорит, что насилие было спровоцировано Ираном, хотевшим сорвать мирный процесс и злорадовавшим по поводу убийства Рабина.

В любом случае, пока шли переговоры Уай Плантейшн, в течение нескольких дней в Израиле произошло четыре жестоких террористических акта, и сирийцы отказались публично выразить соболезнование по этому поводу. В то же время Hezbollah заложила придорожные бомбы в буферной зоне безопасности в Ливане, убив солдат ЦАХАЛа. Перес был вынужден принять ответные меры в виде операции «Гроздь гнева», которая была преждевременно прекращена после того, как шальной израильский снаряд убил около ста ливанских и палестинских мирных жителей. Общественное мнение в арабских странах и на Западе восстало против Израиля, который был вынужден уйти из Ливана, не победив Hezbollah. Сирии нравилось ставить Израиль в неловкое положение и зарабатывать очки в переговорах. Но она не приняла во внимание то, что должно было произойти в результате этих событий. Дата, назначенная для выборов в Израиль,

ле, быстро приближалась. После убийства Рабина израильская общественность склонилась влево, и победа Переса казалась гарантированной. Но недавние теракты изменили настроение внутри страны. На выборах в июне 1996 года Перес с небольшим отрывом проиграл Биньямину Нетаньяху, новому харизматическому лидеру партии Likud. Импульс мирного процесса, который сохранялся после Мадридской конференции и особенно после выборов 1992 года, угас.

Арабские государства встретили остановку мирного процесса вздохами облегчения. У египтян, иорданцев и сирийцев были сомнения относительно идей «нового Ближнего Востока» (выражение, придуманное Пересом), экономического сотрудничества и совместных проектов между Израилем и его соседями. Для Переса эти идеи озаменовали мир и развитие в регионе, но арабские режимы не одобряли их. То, что в глазах Израиля было благословением мира, было истолковано его будущими партнерами как попытка установить гегемонию Израиля на Ближнем Востоке. Темпы нормализации отношений под эгидой мирного процесса, включая экономические конференции в Касабланке и Аммане, где Израиль играл ведущую роль, запугали арабские государства и заставили их замедлить этот процесс. Асад выступал как против конференций, так и против видения нового Ближнего Востока, которое, по его мнению, противоречит арабскому характеру региона. «Почему создается Ближний Восток? – спросил Асад. – Ближний Восток действительно

существует. Странно то, что Ближний Восток преподносится как альтернатива арабизму... Мы, арабы, безусловно, отвергаем это»²⁵⁶.

Патрик Сил, полуофициальный биограф Асада, проанализировал более глубокие причины нежелания Асада участвовать в мирном процессе. Израильский вариант нормализации подвергнет Сирию влиянию Израиля и потребует большей открытости для свободного рынка с обменом людьми и товарами, который, вероятно, изменит характер сирийского государства в том виде, в каком он был сформирован радикальной партией Ba'ath Асада. Более того, Сил утверждал, что в то время, когда Израиль рассматривал мир как рычаг для усиления своего влияния на Ближнем Востоке, для Асада он представлял собой способ заблокировать Израиль, «чтобы уменьшить его влияние до более скромных и менее агрессивных масштабов, что игроки на Ближнем Востоке могли принять его и сосуществовать с ним»²⁵⁷.

Во время своей предвыборной кампании Нетаньяху пообещал соблюдать договоренности Осло. Теперь ему нужно было доказать, что он действительно признает международные обязательства предыдущего правительства. Нетанья-

²⁵⁶ Al-Ahram, 11.10.1995. Цит. по: *Rabinovich I. The Brink of Peace: The Israeli-Syrian Negotiations*. Princeton: Princeton University Press, 1998, p. 195.

²⁵⁷ *Seale P. Assad's Regional Strategy and the Challenge from Netanyahu // Journal of Palestine Studies* 26, 1 (Fall 1996), pp. 27–42. Цит. по: *Rabinovich I. The Brink of Peace: The Israeli-Syrian Negotiations*. Princeton: Princeton University Press, 1998, p. 244.

ху находился в изначально двойственной ситуации. С одной стороны, его поддерживал правый боевой блок, заявивший о своем намерении сорвать договоренности. С другой стороны, он хотел сохранить хорошие отношения с администрацией Клинтона, целью которой было продвижение мирного процесса. Его попытка удовлетворить всех настроила против него обе стороны. Со своей стороны, Арафат думал, что отныне его партнером по переговорам будет американская администрация. Чтобы заручиться ее поддержкой, Нетаньяху совершил то, чего не делал раньше: начал энергичную антитеррористическую кампанию, арестовывая активистов ХАМАСа и угрожая их центрам активности. В результате – а также, возможно, из-за молчаливого соглашения между Арафатом и ХАМАСом – в Израиле наступила тишина, и теракты смертников прекратились. Похоже, что Иран и его агенты, ХАМАС и Исламский джихад, не видели призывов к эскалации ситуации, поскольку в любом случае мирный процесс не продвигался. Таким образом, Арафат смог представить себя на американской арене тем, кто поддержал свою сторону соглашений, в то время как Нетаньяху, не отказываясь от Осло, отказался продвигать мирный процесс. Арафат внезапно оказался надежным партнером, а Израиль – сомнительным.

В сентябре 1996 года Нетаньяху открыл для израильской общественности туннель у Стены Плача, примыкающий к Стене и относящийся к периоду Хасмонеев. Эта акция, со-

вершенная без предварительного уведомления ПА, выпустила из бутылки всех джинов подозрений арабов в отношении намерений Израиля захватить Храмовую гору. Между протестующими, среди которых были сотрудники палестинской полиции, прошедшие обучение в Израиле, и военнослужащими ЦАХАЛа произошли кровавые столкновения, в результате которых были убиты и ранены десятки человек. Американцы быстро выступили посредниками между двумя сторонами и договорились о прекращении огня. Вытащив Нетаньяху из-под лавины кровопролития, американцы потребовали, чтобы он выполнил обязательства правительства Переса по выводу израильских войск из Хеврона. Он извивался и пытался добиться более легких условий для Израиля, но в итоге подписал Хевронское соглашение (1997), и силы ЦАХАЛа в городе Патриархов были передислоцированы. Этот шаг означал признание израильскими правыми международной легитимности соглашений Осло.

Переговоры продолжались черепашьями темпами, но не прекращались. Хотя переговоры по соглашению об окончательном статусе не начались в срок, установленный в 1996 году, наметились положительные сдвиги. После интенсивных посреднических усилий американской администрации и долгих и трудных переговоров в октябре 1998 года в Уай Плантейшн было подписано соглашение о передислокации ЦАХАЛа на Западном берегу, согласно которому ПА были переданы дополнительные 13 % территории Западного бе-

рега. Американские наблюдатели предположили, что между Арафатом и Нетаньяху существовало молчаливое понимание, согласно которому Нетаньяху передал палестинцам сравнительно небольшие территории в обмен на мир и спокойствие. Исаак Молчо, главный переговорщик Нетаньяху, сравнил эту политику с проглатыванием лягушек: вы можете проглотить десять маленьких лягушек, но не одну большую.

Нетаньяху имел серьезные проблемы с доверием. Он дал обещания, которые не смог сдержать, как умеренным, так и радикалам в своем правительстве. Правые требовали от него аннулировать соглашения Осло, чего он был сделать не в состоянии. Они рассматривали соглашение в Уай Плантейшн как нарушение обещания. Из-за своей политической привязанности он пообещал своим умеренным партнерам прогресс в политических шагах, способствующих мирному процессу, и они были разочарованы, потому что ни один из них не осуществился. Likud начала распадаться изнутри, а присоединившиеся было к ней ранее отколовшиеся партии теперь покинули ее, уменьшив поддержку в Кнессете. Пытаясь предотвратить падение своего правительства, Нетаньяху призвал к вотуму доверия. Поражение означало бы новые выборы, а нынешние члены Кнессета обычно против них. Но на этот раз правые выбили почву из-под ног Нетаньяху. Кнессет проголосовал против него, правительство пало, и Нетаньяху был вынужден провести общенациональные выборы.

На выборах премьер-министра в мае 1999 года подавляющим большинством голосов победил Эхуд Барак, лидер партии Yisrael Ahat («Единый Израиль») – союза HaAvoda с другими небольшими партиями. Избирательная система Израиля была изменена после 1996 года, и теперь электорат голосовал напрямую за премьер-министра. Была надежда, что эта система, больше похожая на систему президентских выборов в США, создаст более стабильные правительства. Но на самом деле это привело к еще большему раздроблению. На выборах в Кнессет основные партии получили меньшее количество мест, что было выгодно малым и средним партиям. Yisrael Ahat получила 26 мест, Likud – 19, Shas – 17 и Meretz – десять, а оставшиеся места были разделены между многочисленными небольшими партиями, каждая из которых получила от двух до шести мест. Наряду с прямым голосованием за премьер-министра была сохранена старая парламентская система, что позволило избирателям разделить свои голоса, отдав один голос за премьер-министра, а другой – за партию по своему выбору. Ожидание, что прямые выборы премьер-министра нейтрализуют необходимость коалиционного торга, оказалось трагическим просчетом. Прямые выборы премьер-министра вскоре были отменены, и восстановлена прежняя система избрания по партийным спискам. Однако возврат к старой системе больше не привел к двухпартийной системе, заправлявшей израильской политикой в 1980-х годах.

На массовом митинге после победы сторонники Барака скандировали: «Только не Shas». Эту партию отождествляли с общественными деятелями, которым было предъявлено обвинение в коррупции. У нее был имидж партии, заинтересованной исключительно в благополучии своих избирателей, и она была политически ненадежной. Но у Барака не было выбора. Ему пришлось иметь дело с Shas, а также убедить левую Meretz, которая обещала своим избирателям не вступать в коалицию с Shas, присоединиться к коалиции на основе возобновленных мирных переговоров. В коалицию также вошли Партия центра (новая партия, образованная умеренными бывшими лидерами Likud и видными политическими деятелями), ультраортодоксальные Yahadut Hatorah (иудаизм Торы) и Yisrael Ba'aliya (игра слов «Израиль» и «алия»), партия выходцев из бывшего Советского Союза. Это была непрочная коалиция. В сентябре 1999 года Yahadut Hatorah вышла из нее в знак протеста против несоблюдения субботы, а в июне 2000 года Meretz вышла из-за спора с Shas, хотя продолжала поддерживать правительство ради мирного процесса. Когда Барак уехал на саммит в Кэмп-Дэвиде в июле 2000 года (о чем будет сказано позже), Shas и Yisrael Ba'aliya также покинули коалицию. Затем партия Центра стала рассыпаться. Таким образом, несмотря на впечатляющую победу на выборах, у Барака не осталось реальной политической поддержки.

Барак не был человеком малых масштабов; метод «лягу-

шек» Нетаньяху был не для него. Он видел себя лидером, продолжающим наследие Рабина, готовым принимать великие решения в духе Бен-Гуриона, и поставил перед собой цель положить конец арабо-израильскому конфликту. В отличие от осторожного Рабина, избравшего поэтапный подход с постоянным вниманием к результатам каждого шага, Барак стремился достичь соглашения об окончательном статусе одним широким жестом. Он считал постепенные территориальные уступки, в результате которых небольшие части Западного берега были переданы палестинцам без получения уступок взамен, стратегической ошибкой, поскольку Израиль терял козыри без какой-либо реальной отдачи. Он отложил продолжение выполнения уже подписанных соглашений, полагая, что в течение нескольких коротких месяцев, пока не будет достигнуто окончательное соглашение, не стоит создавать напряженность с его партнерами по коалиции, которая может поставить под угрозу его правительство. В любом случае он намеревался решить все острые вопросы и достичь соглашения об окончательном статусе, что означало бы «конец конфликта» с палестинцами. Противоречие между далекоидущими целями Барака и его ограниченными политическими способностями привело бы к его поражению.

На первый взгляд настало время принять серьезные меры. Шел последний год президентства Клинтона. Он хотел оставить после себя израильско-арабский мирный договор как

великое наследие. Голоса, исходящие из Дамаска, намекали на резкое изменение позиции президента Асада. Будучи больным и не зная, как решить вопрос о передаче власти сыну, Асад теперь стремился достичь соглашения с Израилем, прежде чем сменится власть. На мгновение перед Сирией открылось окно возможностей. В январе 2000 года в Шепердстауне, штат Западная Вирджиния, состоялись мирные переговоры между Израилем и Сирией. Дискуссия развернулась вокруг линии 4 июня 1967 года, и в решающий момент Барак отступил. Он отказался одобрить «обещание» Рабина. Неясно, был ли этот отказ переговорной тактикой – поскольку предварительное согласие на такой вывод значительно уменьшило бы его пространство для маневра, – или он хотел избежать соглашения, которое заставит Израиль полностью уйти с Голанских высот. Барак был готов уступить анклав Эль-Хамма, но не отказался от абсолютного суверенитета над Галилейским морем, одним из важнейших водных источников Израиля.

Возможно, опрос общественного мнения в Израиле дал Бараку понять, что такая уступка не получит той широкой поддержки, на которую он рассчитывал. В любом случае он не принял это трудное решение. Тем не менее переговоры продолжались. Встреча на высшем уровне в Женеве в марте 2000 года между Клинтоном и Асадом должна была уладить последние сложности и выработать план окончательного соглашения. Но этого не произошло. Случайная утечка инфор-

мации с израильской стороны о том, что сирийцы согласились на размещение израильской станции раннего предупреждения на Голанских высотах после вывода войск, вызвала негативную реакцию сирийской интеллигенции, что, скорее всего, остановило Асада. Затем сирийский лидер отказался от предыдущих договоренностей, а также от всех изменений в своей позиции, которые питали оптимизм Израиля и Америки. Похоже, он решил, что обеспечить преемственность власти для своего сына и одновременно заключить мирный договор с Израилем не в его силах. Переговоры с Сирией окончились полным провалом. Асад умер в июне 2000 года, и израильско-сирийский мирный договор был снят с повестки дня.

Провал переговоров с Сирией имел далекоидущие последствия. Барак пообещал своим избирателям, что он положит конец постоянному кровопролитию в Ливане и выведет Армию обороны Израиля из приграничной буферной зоны безопасности, которая оставалась под контролем Израиля после ухода в 1985 году. Вывод войск после заключения соглашения с Сирией был бы воспринят как положительный результат мирного процесса. Теперь односторонний уход Израиля 24 мая 2000 года без переговоров с Сирией и Hezbollah был истолкован как победа Hezbollah, которая обязательно бросилась бы по пятам отступающей армии, закрепив тем самым свой триумф.

Эта так называемая победа имела последствия для пози-

ции Hezbollah в Ливане. Hezbollah утверждала, что, как у организации, борющейся с Израилем за освобождение ливанской земли, у нее есть законные основания для того, чтобы продолжать держать там свою собственную армию. Кроме того, непрекращающаяся поддержка Сирией исламских террористических организаций со штаб-квартирой в Дамаске ослабила палестинские силы, стремящиеся к миру с Израилем. Бахвальство Hezbollah об успехе вооруженной борьбы против Израиля имело отклик среди молодых людей на Западном берегу, которые на протяжении шести лет после подписания соглашений в Осло находились под коррумпированным правлением ПА и без независимого государства. Похоже, что Арафат тоже был впечатлен методами Hezbollah. Терроризм Hezbollah имел успех без переговоров и уступок. Возможно, это был путь к более выгодному соглашению с израильтянами; поэтому имело смысл по крайней мере не торопиться с соглашением.

В этот период маятник качался между переговорами с Сирией и переговорами с палестинцами. Каждый знал, что он может быть последним партнером по переговорам на пути к соглашению с Израилем, что ослабит его позиции на переговорах. Теперь, когда в повестку дня явно входил сирийский вариант, переговоры с палестинцами несомненно будут труднее, чем раньше. А время было на исходе; последний год президентства Клинтона почти закончился.

В течение этого года израильские и американские участ-

ники мирного процесса разошлись во мнениях относительно предпочтительного пути переговоров. Те, кто поддерживал достижение прогресса с палестинцами, рассматривали переговоры с Сирией как потерянное время, которое позже будет упущено при достижении соглашения с палестинцами. Однако соглашение с Сирией зависело от решения одного человека и казалось вполне достижимым. Во время переговоров с Сирией Барак продолжал вести медленный диалог с палестинцами, которые жаловались, что он принимает их как само собой разумеющееся. Согласованная дата начала переговоров об окончательном статусе наступила и прошла, но переговоры продолжались медленно. К весне обе стороны были еще далеки от какого-либо пути, ведущего к соглашению.

Летом 2000 года прошли подготовительные переговоры к встрече на высшем уровне в Кэмп-Дэвиде между Арафатом, Бараком и президентом Клинтоном. Поскольку на саммите должны были договориться о прекращении конфликта, вопросы, которых стороны избегали в предыдущих раундах переговоров, впервые были вынесены на повестку дня: Иерусалим, границы и беженцы. До этого между израильянами и палестинцами не было реальных дискуссий по Иерусалиму. Евреи мечтали о городе, Храмовой горе и Стене Плача две тысячи лет. Haram al-Sharif (арабск., букв. «Благородное святилище или Купол Скалы») был третьим по святости местом ислама после Мекки и Медины; это было место, с которого пророк Мухаммед вознесся на небеса. Палестинцы

подразумевали не только палестинское государство, но государство, столицей которого был Иерусалим. Как можно было разрешить такой глубокий исторический конфликт? Была веская причина отложить обсуждение статуса Иерусалима до финальной стадии переговоров. Но теперь настал момент истины, и вопрос заключался в том, можно ли найти компромисс между желаниями двух сторон, противоречащими друг другу.

Вопрос о границах также был взрывоопасным. Израильтяне хотели контролировать долину реки Иордан, чтобы защитить Израиль от вторжения с востока. Возможно, этот вопрос можно было бы решить, заменив контроль подходящими мерами безопасности, но по вопросу об арабских беженцах 1948 года ни одно израильское правительство не могло пойти на компромисс. «Право на возвращение», которое палестинцы продолжали требовать – и воспитывали поколения детей, за что они могли цепляться, – противоречило самому существованию Израиля как еврейского государства. Можно было бы достичь компромисса о возвращении палестинцев в будущее палестинское государство, а также о допуске символического числа беженцев в Израиль. Все эти вопросы должны были быть частью соглашения о прекращении конфликта. В качестве фона для этой развивающейся дискуссии шли отчеты разведки о том, что без соглашения можно ожидать вспышки насилия со стороны палестинцев.

Политическое положение Барака было шатким. Его пра-

вительству не хватало парламентского большинства, и оно опиралось на поддержку партии Meretz и арабских фракций, не входивших в коалицию. Как упоминалось ранее, накануне отъезда Барака на саммит в Кэмп-Дэвиде Shas и Yisrael Ba'aliya покинули коалицию в знак протеста против его политики. Достижение «соглашения о прекращении конфликта» может привести к резкому изменению настроений израильской общественности и иной политической ситуации. Но по прошествии времени до истечения срока правления Клинтона и тяжелой ситуации в правительстве Барака стало ясно, что Бараку соглашение в Кэмп-Дэвиде нужно было гораздо больше, чем Арафату. Как ни странно, в этой ситуации якобы более слабая сторона, палестинцы, занимала гораздо лучшую позицию на переговорах.

Позднее долгие и мучительные переговоры в Кэмп-Дэвиде были проанализированы как участниками, так и критиками. Если раньше медленный прогресс приводил к разочарованию и напряженности между двумя сторонами, при этом ни одна из них не выполняла своих обещаний, то теперь усилия по достижению окончательного соглашения об «окончании конфликта» оказались «невыполнимой миссией». Вполне вероятно, что ошибки были допущены обеими сторонами. Тактика, принятая Бараком, который сначала держал свои карты близко к груди, но быстро поддался американскому давлению и был готов раскрыть козыри, определенно была опрометчивой. Предположение Барака о том, что он может

сделать свое окончательное предложение с самого начала и ожидать, что другая сторона его примет, выявило как отсутствие тонкости в переговорах, так и его нетерпение достичь соглашения. Однако чем сильнее американцы оказывали давление на палестинцев, чтобы те выдвинули контрпредложение, тем более твердо они придерживались Резолюций ООН по линии от 4 июня 1967 года и Резолюции 194 ООН по беженцам и отказывались идти на компромисс. На подготовительных переговорах палестинцы продемонстрировали готовность оставить блоки еврейских поселений на местах в обмен на территорию. Теперь их возмутило предложение, чтобы они получили 92 % территории Западного берега и сектора Газа. Израильцы также были готовы уступить контроль над долиной реки Иордан и были готовы принять меры безопасности и размещение международных сил вдоль линии Иордана.

Самым сложным вопросом из всех был Иерусалим. Отказ Израиля от суверенитета над всем Иерусалимом противоречил всему, о чем израильцы говорили с 1967 года. Раздел Иерусалима был идеей, которую ранее не высказывал ни один израильский лидер. Но теперь Барак принял вызов. Он был готов предложить ПА внешние арабские кварталы в Восточном Иерусалиме, мусульманский и христианский кварталы в Старом городе и даже передать Арафату надзор над Haram al-Sharif. Израильцы сохраняют за собой еврейские кварталы, построенные после 1967 года, еврейский и армян-

ский кварталы в Старом городе, Стену Плача и суверенитет над подземельем Храмовой горы. По любым меркам предложение Барака было революционным. Но Арафат даже не рассматривал его. В отличие от своих американских и израильских собеседников Арафат никуда не торопился. Хотя Барак проявил огромное мужество, в конце концов он потерпел неудачу, поскольку не смог убедить Арафата в отсутствии шансов на дальнейшие уступки. И, возможно, Арафат опасался, что любые уступки по Иерусалиму ввергнут в ярость мусульман во всем мире и даже повлекут за собой его убийство.

В Кэмп-Дэвиде добились нескольких важных достижений. Впервые обеим сторонам был прояснен план соглашения об окончательном варианте. Израильтяне узнали, что палестинцы потребуют почти всю территорию Западного берега плюс обмен территориями в ответ на согласие оставить блоки поселений на местах. Израиль не будет контролировать долину реки Иордан, но примет меры для обеспечения безопасности своей восточной границы. Палестинцы приняли предложение о еврейских кварталах вокруг Иерусалима, поселениях и израильском контроле над Еврейским кварталом и Западной стеной. Предложения Барака по Иерусалиму поставили вопрос о городе в повестку дня израильской общественности и заставили израильтян понять, что не может быть мира с палестинцами без позитивного компромисса по Иерусалиму. Как писал Мартин Индик, если бы Кэмп-Дэвид

был определен как подготовительный саммит, его можно было бы считать большим успехом, а не серьезным провалом. Однако, если бы это было так, Барак не сделал бы своих революционных предложений, о которых он заявил, потому что предполагал, что это был решающий этап переговоров. Он не учел, что его собеседник рассматривал саммит не как основу для прекращения конфликта, а как ловушку, призванную заставить его принять навязанное решение. Выйти из этой ловушки Арафату позволил вопрос суверенитета над Храмовой горой, который он представил как непреодолимое препятствие для любого компромисса.

Первый саммит в Кэмп-Дэвиде в конечном итоге увенчался успехом, потому что Садат и Бегин стремились к этому и, следовательно, были готовы к компромиссу. Второй саммит провалился, потому что только один из лидеров намеревался прийти к соглашению. Арафат не считал себя свободным принимать трудное решение либо потому, что полагал, что его сторонники не готовы к этому, потому что боялся реакции арабских государств, либо потому, что думал, что его убьют на следующий день после подписания. Одно можно сказать наверняка: он не готовил палестинцев к тому, что окончательное соглашение потребует компромиссов. Подстрекательство в палестинских СМИ и в образовательной системе ПА продолжало работать на протяжении десятилетия мирных переговоров. Общественное мнение не было подготовлено к возможности заключения со-

глашения, которое не только дало бы палестинцам государство, но и потребовало бы от них некоторых уступок израильтянам. Барак проводил психологическую подготовку израильской общественности, когда пребывал в Кэмп-Дэвиде, посредством систематических сообщений обо всех израильских уступках. Но с палестинцами было иначе; они воспринимали все уступки Израиля как должное и не признавали, что у Израиля тоже есть законные требования.

Ревизионистская статья Роберта Мэлли, бывшего специального помощника президента Клинтона по арабо-израильским делам, и ливанского интеллектуала Хусейна Аги подтвердила этот анализ. Статья была направлена на то, чтобы опровергнуть версию событий, распространяемую Клинтон, Барак, Дэннисом Россом и другими, обвинявшими Арафата в провале Кэмп-Дэвида. Мэлли и Ага попытались объяснить, почему палестинцы не представили собственное предложение, и даже отвергли предложение Клинтона (что будет рассмотрено позже), который выдвигал условия, выходящие далеко за рамки предложений Барака в Кэмп-Дэвиде. Они писали: «Большинство палестинцев смирились с решением о создании двух государств прежде, чем были готовы принять его; они были готовы признать существование Израиля, но не его моральную легитимность. Война за всю Палестину закончилась, потому что была проиграна. Осло, по их мнению, было связано не с переговорами об условиях мира, а об условиях капитуляции. Принятие во внима-

ние этой точки зрения объясняет мнение палестинцев о том, что Осло представляет собой исторический компромисс – соглашение об уступке 78 % подмандатной Палестины Израилю»²⁵⁸.

Был ли предсказан провал саммита в Кэмп-Дэвиде? В израильских силовых структурах на протяжении всего периода, начиная с соглашений в Осло, преобладало мнение, что, пока речь идет о временных соглашениях, Арафат может их подписать. Но как только пришло время вести переговоры по соглашению об окончательном статусе, у Арафата прорезались четыре принципа, от которых он не отступал: палестинское государство в границах от 4 июня 1967 года, Иерусалим как его столица, суверенитет над Храмовой горой и... «право на возвращение». Арафат предвидел приближающееся столкновение и готовился к ожесточенной схватке с Израилем. С самого начала эта концепция, которую Итамар Рабинович называет «детерминистской», ставит под сомнение возможность достижения соглашения о «прекращении конфликта». Это была обратная сторона медали Мэлли и Аги. Между тем левые радикалы Израиля обвинили Барака в некорректных переговорах, чрезмерной поспешности и невнимании к Арафату, то есть они утверждали, что провал был вызван тактическими ошибками.

Некоторые считают, что годы, проведенные им в Пале-

²⁵⁸ *Rabinovich I. Waging Peace: Israel and the Arabs, 1948–2003. Princeton: Princeton University Press, 2004, p. 167–168.*

стинской автономии, продемонстрировали Арафату, что в конце пути его ждало относительно небольшое бедное государство, обремененное экономическими и социальными проблемами, и что он предпочитал романтизм борьбы, а не презренную рутину быть президентом палестинского государства. Пока не было мира, он был национальным героем, медийной фигурой, у дверей которого стояли мировые светила. Когда наступит мир, интерес к освободительному движению Палестины исчезнет, его историческая роль подойдет к концу, и все, что ему останется, – банальные внутренние трения в палестинском лагере, коррупция и подрывная деятельность. В решающий момент он выбрал вчерашний мир с его острыми ощущениями и рисками, а не мир завтрашнего дня, что потребовало бы изменить мировоззрение, имидж и научиться жить в мире. Он предпочел вернуться в Газу из Кэмп-Дэвида как герой, бросивший вызов американцам и израильтянам, заручившись широкой общественной поддержкой. Тот факт, что он не принес мира, не был для него черной меткой.

Клинтон и Барак не теряли надежды после Кэмп-Дэвида; они продолжали поддерживать контакт, чтобы достичь соглашения с Бараком, который рассматривал соглашение как свою единственную надежду на выживание на предстоящих выборах, время от времени отступая от установленных им красных линий, и занимал более примирительные позиции. Но, как заметил Аарон Дэвид Миллер, красные линии стали

розовыми. Чем больше уступал Барак, тем выше поднимал планку Арафат.

28 сентября 2000 года лидер оппозиции Ариэль Шарон совершил поездку на Храмовую гору. Его визит был согласован с палестинцами, и Шарон принял введенное ими ограничение и не входил в мечети. Визит прошел относительно спокойно. Но на следующий день около 20 000 мусульманских верующих на Храмовой горе учинили жестокие беспорядки. В ответ израильские силы безопасности открыли огонь, после чего беспорядки вышли из-под контроля. Накануне беспорядков израильские власти узнали, что на горе будут проходить жестокие демонстрации, и проинформировали об этом американцев. Госсекретарь США Мадлен Олбрайт предупредила Арафата о последствиях и попыталась убедить его предотвратить демонстрации. Позже выяснилось, что он и пальцем не пошевелил. Как предполагалось ранее, некоторые утверждают, что Арафат намеревался с самого начала прибегнуть к насилию, если не получит желаемого в Кэмп-Дэвиде. Другие утверждают, что ему всегда была нужна драма насилия для достижения палестинской независимости «огнем и кровью» в соответствии с основной концепцией ООП. В любом случае Арафат никогда не отказывался от применения насилия на протяжении всего мирного процесса. Он никогда не заявлял, что насилие незаконно, и всякий раз, когда его призывали принять меры против него, он делал это вопреки своим склонностям к терроризму.

Теперь визит Шарона на Храмовую гору предоставил Арафату прекрасную возможность укрепить свои позиции с помощью силы, а также доказать, что его руки в отношении Haram al-Sharif были связаны. Но насилие – это тигр, на котором сложно ездить. Телевизионные кадры, показывающие, как израильские солдаты якобы убивают двенадцатилетнего мальчика по имени Мухаммад ад-Дурра (так и не было установлено, действительно ли мальчик был убит солдатами ЦАХАЛа), накалили палестинское и арабское общественное мнение против Израиля. В Рамалле двое израильских солдат-резервистов, задержанные в полицейском участке после того, как по ошибке въехали в город, были линчеваны. Окровавленные руки ликующих убийц были показаны по телевидению и вызвали шок у общественности Израиля. Армия обороны Израиля применила суровые меры для подавления беспорядков, в которых участвовали многочисленные сотрудники палестинских силовых структур (которых Израиль помогал обучать и экипировать).

Октябрь 2000 года был полон потрясений. Вспышка Второй интифады, вошедшая в палестинский лексикон как интифада Аль-Аксы, еще больше усилила миф о планах Израиля в отношении Haram al-Sharif и разрушила как надежды на мир, так и доверие Израиля к палестинцам. Серьезные беспорядки со стороны израильских арабов вспыхнули на израильской стороне «зеленой линии». Беспорядки бурили по всей Галилее и Треугольнику, а также в Яффо, вы-

зывая опасения за безопасность еврейских жителей галилейских mitzpim (небольших общинных поселений). Дороги в Вади-Ара были заблокированы, строения разрушены, имелись случаи нападений на автомобили, учреждения и поселения. Прежде чем беспорядки подавили, 12 израильских арабов, один палестинец и один еврей были убиты, десятки ранены, и в еврейско-арабских отношениях в Израиле образовался раскол. На короткое время казалось, что Израиль находится на грани этнических столкновений между евреями и арабами. Израильтянам было трудно поверить, что эти события не были скоординированы с тем, что происходило на Западном берегу и в секторе Газа. Вдобавок ко всему Hezbollah похитила троих солдат ЦАХАЛа на северной границе, а в Европе – офицера запаса. Казалось, Израиль находится в центре огненного круга, пылающего на всех его границах. Общественность потеряла веру в способность правительства обеспечить безопасность людей. Учитывая неопределенный статус своего правительства, Барак решил провести новые выборы премьер-министра без роспуска Кнессета. Дата была назначена на февраль 2001 года.

В сгущающемся сумраке насилия продолжались отчаянные попытки достичь соглашения между Израилем и палестинцами. Незадолго перед окончанием своего президентства Клинтон сделал последнее усилие, чтобы выступить посредником между сторонами. «Параметры Клинтона» резюмировали основные проблемы между израильтянами и пале-

стинцами и выдвинули компромиссное предложение, учитывавшее чувствительность и потребности обеих сторон. Это было хорошо сбалансированное предложение, во многом соответствовавшее требованиям палестинцев – даже больше, чем предложения Кэмп-Дэвида. По инициативе президента Египта в январе 2001 года был созван саммит в Табе. Правительство Израиля в принципе приняло условия, но с рядом оговорок по некоторым пунктам. Арафат не хотел или был не в состоянии заставить себя принять условия. Один из палестинцев заметил Дэннису Россу: «Нам нужен был Давид Бен-Гурион, и мы получили Ясира Арафата»²⁵⁹. Саммит закончился тупиком, срок полномочий Клинтона завершился, а на выборах в Израиле, состоявшихся в феврале 6 ноября 2001 года, подавляющим большинством голосов премьер-министром был избран Ариэль Шарон. На этом мирный процесс был завершен.

Интифада продолжалась. Тысячи израильтян и палестинцев заплатили своей жизнью. Вторая интифада тонула в крови, большинство ее израильских жертв были мирными жителями, убитыми террористами-смертниками. Мечта о мире и прекращении конфликта угасла. Было ощущение, что кроме защиты нации и государства альтернативы нет. Израильские левые и центристы, которые поддерживали мирный процесс, не могли понять поведения Арафата. Если две сто-

²⁵⁹ Ross D. The Missing Peace: The Inside Story of the Fightfor Middle East Peace. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005, p. 767.

роны не пришли к соглашению, переговоры следовало бы продолжить, но причин для насилия не было. Правые говорили: «Мы вам говорили об этом». Левые радикалы утверждали: «Мы сделали недостаточно». Обычные израильтяне чувствовали, что их предали. Они боролись за свою жизнь, и у них не было сострадания к другой стороне.

Неужели мирный процесс потерпел неудачу? Не может быть никаких сомнений в том, что он рухнул, оставив обе стороны глубоко разочарованными. В Израиле интифада уничтожила левых, нанеся им удар, от которого они не оправились. Однако после десятилетия надежд отношения между Израилем и арабскими государствами, а также Израилем и палестинцами радикально изменились. Мирный договор с Иорданией и установление определенной степени отношений с эмиратами Персидского залива и со странами Магриба были шагами на пути к достижению Израилем легитимности и признанию арабами его существования в качестве политического образования на Ближнем Востоке. Свидетельством этого изменения, возможно, стала объявленная в 2002 году мирная инициатива Лиги арабских государств. Страны Лиги арабских государств предложили всеобъемлющий мир с Израилем, условия которого будут согласованы в ходе переговоров.

Подводя итоги провалу мирного процесса, Дэннис Росс привел одну причину: представление арабов о том, что их готовность признать существование Израиля – серьезный ком-

промисс, который вынудит Израиль идти на многочисленные уступки без обязательства арабов идти на свои собственные. Признание того, что у Израиля есть законные потребности и что достижение мира требует компромиссов с обеих сторон, было частью обучающего процесса мирных переговоров. Усвоили ли этот момент обе стороны? Будущий мирный процесс покажет, так это или нет.

Резко изменились и израильско-палестинские отношения. Взаимное признание, проистекающее из соглашений Осло, привело к тому, что стороны узнали друг друга и начали разговаривать, образовав определенную степень близости между израильскими и палестинскими политическими и силовыми элитами, прежнее ощущение отчуждения и демонизации уменьшилось. Нет никаких сомнений в том, что это изменение дошло до уровня народа. Тем не менее разница между предыдущим отчуждением и нынешними отношениями впечатляет. Идея двух государств для двух наций, которая в 1990-е годы была под запретом, теперь поддерживается большинством израильской общественности и составляет основу мирных платформ основных партий, категорически или неявно. Сегодня большинство израильтян осознают, что невозможно править другим народом в течение длительного периода, и они признают, что сохранение характера Израиля как еврейского государства требует выхода из большинства районов Иудеи и Самарии, а также из сектора Газа (размежевание, произошедшее в середине 2000-х). Можно ска-

зать, неудавшиеся переговоры подготовили израильское общество к необходимости пойти на компромисс с палестинцами и признать их национальные права. Изменения в сознании, особенно во время тяжелых и продолжительных конфликтов, таких как арабо-израильский конфликт, не происходят в одночасье; им нужно время, постоянство и созревание. Только будущее покажет, принесут ли семена, проросшие в 1990-е годы, свои плоды в ближайшие десятилетия.

Израиль в 1990-е годы

Изменения в экономическом характере Израиля между 1950-ми и 1990-ми годами можно свести к следующим фактам: в последнее десятилетие XX века только 2 % трудоспособного населения были заняты в сельском хозяйстве, а сельскохозяйственная продукция составляла всего лишь 2 % экспорта страны. К концу первых 50 лет своего существования Израиль превратился из страны, символом которой был еврейский поселенец, возделывающий и засевающий свои поля в соответствии с сионистскими идеалами, в промышленно развитую страну, гордящуюся передовой высокотехнологичной промышленностью. Несмотря на ограниченные водные ресурсы, рациональная эксплуатация этих ресурсов и земли позволила Израилю обеспечивать продовольствием постоянно растущее население и даже наладить экспорт в Европу. Но сомнительно, чтобы отцы-основатели сионизма

представляли, что возвращение евреев к природе и физическому труду продлится на протяжении жизни не более чем двух поколений. В 1990-х годах израильский экспорт был основан на промышленности и услугах, алмазах, туризме и в последнюю очередь сельскохозяйственной продукции.

Экономическая революция 1990-х годов ознаменовалась переходом от традиционных отраслей, таких как текстильная промышленность, машиностроение, строительство, горнодобывающая промышленность и производство удобрений, к наукоемким высокотехнологичным отраслям. Традиционные отрасли были трудоемкими, не требовали высокого уровня квалификации и в большинстве случаев оплачивались сравнительно низко. Отрасли высоких технологий, процветавшие в 1990-е годы, требовали высшего образования, знаний в области науки или техники и человеческого капитала. Их сотрудники были индивидуалистичны, креативны и готовы упорно трудиться за относительно высокую зарплату. Они не брали на себя долгосрочных обязательств перед компанией, и компания не принимала никаких обязательств перед своими сотрудниками. Хайтек-сектор Израиля в 1990-х был связан с интернетом, стартапами в области естественных наук и медицинскими проектами. Их успех стал результатом многолетних инвестиций в исследования и разработки, в высшие учебные заведения, заложившие научную основу для наукоемких производств, и влияния оборонных предприятий, инвестировавших в проекты НИОКР, на которых

большое количество предпринимателей первого поколения, работающих с высокими технологиями, приобрели свои навыки и знания. Соглашения о свободной торговле с Европейским союзом и Северной Америкой открыли двери для инвестиций в израильские проекты со стороны международных компаний. Отмена последних ограничений на операции с иностранной валютой также способствовала свободной торговле.

Тенденция к приватизации, начавшаяся в 1980-х годах, продолжала набирать обороты. Компании, принадлежащие Histadrut, а также кибуцы и мошавы привыкли работать в рамках субсидируемого государством кредита. После того как субсидируемое кредитование было прекращено в результате отхода государства от прямого управления рынком капитала, компании, принадлежащие Histadrut, мошавам и кибуцам, оказались не в состоянии работать на дорогостоящем кредитном рынке, и столкнулись с банкротством. Компании, принадлежащие Histadrut, разорились и были проданы в частную собственность. Histadrut стал добровольным профсоюзом, в который рабочие больше не обязаны были вступать. Специалисты по высоким технологиям не входили в Histadrut; он потерял власть над элитными служащими и ограничивался работниками жизненно важных служб, таких как Electric Corporation, водоснабжение и традиционные отрасли. С прибытием в Израиль иностранных рабочих для работы в сельском хозяйстве и в сфере услуг Histadrut поте-

рля еще один сегмент.

В начале 1990-х Хаим Рамон, высокопоставленный деятель НаАвода, покинул партию, чтобы сформировать независимый список в Histadrut, целью которого была национализация медицинских услуг — другими словами, выведение организации здравоохранения Kupat Holim (больничная касса) из-под Histadrut. Он получил большинство голосов на выборах в Histadrut. В реформированной системе здравоохранения все граждане будут платить налог на здравоохранение государству, предоставляющему им пакет медицинских услуг, которые они могут получить в больничной кассе по своему выбору. Таким образом, приватизация сочеталась с национализацией и оказала решительное воздействие на отношения рабочих и Histadrut. К членству в Histadrut многих работников подтолкнули медицинские услуги, предоставляемые его больничной кассой. Теперь связь между ними прервалась. Рабочие могли выбирать себе поставщиков медицинских услуг, а членство в Histadrut означало только членство в профсоюзе. Резкое сокращение числа членов Histadrut выявило слабость социалистической идеологии среди рабочих. После медицинских услуг были приватизированы и другие учреждения: пенсионные фонды, банки, почта, компании связи и национальная авиакомпания. Больше не существовало общественной или государственной собственности на государственные активы. Вместо этого появились израильские и международные магнаты, которые приобрели вы-

ставленные на продажу активы, купив себе влияние в экономических и политических центрах страны.

Израиль адаптировался к глобализации, которая в 1990-х годах стала новым правилом игры. Международные компании проникли в Израиль, а израильтяне инвестировали и работали по всему миру, где открытые рынки приветствовали их предпринимательскую деятельность. Мирный процесс привел к значительному ослаблению арабского бойкота Израиля, и контакты между Израилем и другими странами региона (Марокко, Тунис и страны Персидского залива) создали почву для совместных проектов и стимулировали экономический рост. Позитивный политический климат привлек в Израиль инвесторов, которые избегали вкладывать средства в годы напряженности. Западноевропейские страны, до мирного процесса высказывавшиеся о политике Израиля в отношении палестинцев, теперь «открыли» Израиль и стали более дружелюбными в контактах с ним. Страны Восточной Европы, сейчас открытые для Запада, также служили плодородной почвой для экономических и других отношений. Платежный баланс Израиля, одно из слабых мест экономики, отражающее его зависимость от американской помощи и пожертвований евреев, изменился с отрицательного на положительный, при этом Банк Израиля имел значительные резервы в иностранной валюте. Надежность Израиля на мировых кредитных рынках привлекала международных инвесторов, чьи инвестиции составляли от 5 до 10 миллиардов

долларов в год.

За эти годы уровень жизни повысился, но также увеличился разрыв между теми, чьи таланты соответствовали новой реальности, и теми, кто не смог интегрироваться в новую экономику. Будучи одним из наиболее эгалитарных обществ в мире в 1960-х годах, Израиль превратился в одно из наименее эгалитарных в 1990-х годах. Двумя основными очагами бедности были ультраортодоксы, члены «общества учащихся», не выходявшие на рынок труда, и арабы, интеграция которых в израильскую экономику была ограничена в социальном плане и из соображений безопасности.

Произошла революция и в социальном климате. В прошлом было общепризнанным, что наемный работник Histadrut или государственный служащий занимал должность пожизненно. Экономические потрясения, вызванные приватизацией, пошатнули эту социальную условность. Увеличилась мобильность рабочих, но вместе с тем возросла опасность потерять работу. Компании, которые считались основой израильской экономики, обанкротились, переходили из рук в руки или рационализировали рабочую силу. Высокотехнологичные компании не обеспечивали постоянной занятости, и многие из них исчезали так же быстро, как и появлялись. Основным элементом израильского общества – стабильное место жительства и работы, близость к большой семье, группа друзей-сверстников, которая оставалась сплоченной с детского сада до армии; весь спектр социальных

связей, которые заставляли людей чувствовать себя привязанными к своему месту жительства и к месту в обществе, — оказался внезапно размыт. Хотя было больше возможностей и уровень жизни стал более высоким, кое-что важное, что, возможно, компенсировало постоянное чувство опасности, с которым живут граждане Израиля, было утрачено.

Два улучшения качества жизни еще больше подорвали израильское чувство семейственности и связи. Первое: кондиционер. В течение восьми месяцев в году израильский климат (особенно в свете глобального потепления) требует использования кондиционеров. Израильтяне стараются не покидать этот контролируемый климат. Подавляющее большинство домов оборудованы кондиционерами, как и рабочие места, автомобили и даже кабины тракторов. В больших торговых центрах также есть климат-контроль. С появлением кондиционеров на открытом воздухе улица — наиболее частое место встреч людей в прошлом — стала менее популярной. Хотя летние кафе остаются, их посетители летом предпочитают защищенный климат в помещении. В результате общение израильтян друг с другом сократилось. Каждая социальная группа замыкается в собственном районе, в своем собственном доме. Таким образом, повышение уровня жизни привело к отчуждению и отдалению граждан друг от друга.

Вторым элементом стало внедрение многоканального телевидения. Вместо двух или трех каналов, которые раньше

конкурировали за внимание израильтян, теперь появилось бесчисленное множество каналов. В предыдущие десятилетия телевидение было «племенным костром», у которого все испытывали одни и те же чувства, наблюдали одни и те же события и слышали одни и те же комментарии о происшедших событиях. Теперь телевидение утратило роль средства формирования идентичности. Вместо этого разнообразие языков, культур, тенденций и интересов, льющихся потоком с маленького экрана, только способствовало разделению общества. В прошлом государственное телевидение брало на себя ответственность найти баланс между поощрением высокой культуры и удовлетворением стремления широкой публики к развлечениям. Теперь разнообразие голосов популяризирует, вульгаризирует и упрощает культуру.

Молодежная культура 1990-х подпитывалась телевидением и находилась под влиянием американской культуры, представленной на экране. Это была универсальная культура без местных корней. Ученый Гади Тауб пишет: «Эта культура действительно всем сердцем стремилась поверить в то, что она может сбежать отсюда, принадлежать какой-то наднациональной республике MTV, состоящей из телезрителей Seinfeld и Murphy Brown, но в то же время она прекрасно знала, что такой республики не существует»²⁶⁰. Упа-

²⁶⁰ *Taub G. Hamered hashafuf al tarbut tze'ira beYisrael* (Удрюченный бунт: очерки современной израильской культуры). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 1997, p. 17.

док сионистско-социалистической идеологии создал идеологический вакуум, который молодежи было трудно заполнить. Писательница Орли Кастель-Блум открывает свой рассказ словами: «У меня есть история, о которой мне нечего сказать»²⁶¹. Жизнь внезапно стала бессмысленной, что, очевидно, воплотилось в песне «I'm Lying on My Back» («Я лежу на спине»), написанной Яаковом Ротблитом в 1983 году:

Без того, чтобы быть или не быть,
Я просто здесь,
Без чего-либо, ради чего
Стоит умереть.
Без надежды и без отчаяния
Я просто смотрю
На мир как турист,
И он такой красивый.

Песня демонстрирует универсальный экзистенциализм. В каком-то смысле это подтверждает успех сионистской программы в намерении сделать евреев похожими на другие народы. Чувство безопасности и потеря экзистенциального страха, вызванное мощью ЦАХАЛа, смерть идеализма и идеологии, появление поколения без прошлого и без будущего, интересующегося исключительно настоящим, были

²⁶¹ *Castel-Bloom O. Sippur, Mitokh sippurim bilti retzoniim* (История из невольных историй). Tel Aviv: Zmora Bitan, 1993, p. 103. Цит. по: *Taub Gadi. Hamered hashafuf al tarbut tze'ira beYisrael* (Удрученный бунт: очерки современной израильской культуры). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 1997, p. 154.

элементами этой «нормализации». Но было ли это тем, что предполагали сионистские мыслители? Действительно, расстояние, пройденное сионистским начинанием от поэмы начала XX века о сыне, новом еврее, восставшем против своих родителей, до песни поколения конца XX века тотального, хотя и тревожного принятия безмятежности настоящего демонстрирует, что сионистская революция не только увенчалась успехом, но и стала рутиной.

Убийство Ицхака Рабина пробило брешь в этом пузыре существования в стиле MTV. Не в силах перестать плакать, молодые люди, собиравшиеся тысячами в течение семидневного траура на площади Тель-Авива, где был убит Рабин, зажигали поминальные свечи и стремились быть заодно не только с погибшим лидером, но и переживали что-то значимое, не лишенное содержания. Они пытались найти связующую нить с более широкой публикой и поставить себе цель в жизни. Убийство и последовавший за этим опыт единения послужили ориентирами в их существовании. Многие из них стали рассматривать мир как миссию своей жизни. Другие вызвались добровольцами как общественные активисты. В городах развития появились большие группы религиозных и нерелигиозных людей, которые покинули свои города и киббуцы и желали жить в этих городах и помогать жителям двигаться вперед. Это было новое добровольческое движение в Израиле на рубеже веков. Будущее покажет, возвестило ли оно новую волну идеализма или останется маргинальным со-

бытием в жизни Израиля.

Открытие Советской России в 1989 году положило начало самой обширной волне алии, когда-либо доходившей до Израиля. В абсолютном выражении насчитывая почти миллион человек, она была больше, чем великая алия начала 1950-х годов. В то время как алия пятидесятых годов увеличила количество евреев в стране вдвое, новая волна составила около 17 % еврейского населения. Существовала огромная разница между принимающим обществом 1950-х годов, которое было бедным и не имело ресурсов для столь крупномасштабной абсорбции, и обществом 1990-х годов с его расширяющейся, процветающей, прочной экономикой, получавшей очень щедрые ссуды, основанные на американских гарантиях, в сумме на 10 млрд долларов, выделенных на абсорбцию иммигрантов. Однако иммигранты 1950-х годов прибыли в общество с твердой системой ценностей, направленной на построение нации и быстрое развитие государства. Напротив, иммигранты 1990-х годов оказались в обществе, разделенном на религиозных и нерелигиозных, мизрахи и ашкеназов, левых и правых; каждый лагерь имел свое видение будущего.

После алии из Германии в 1930-х годах Израиль не встречал группы иммигрантов, которые были бы так хорошо образованны и представляли такой внушительный человеческий ресурс, как алия из России. В те годы в Израиле ходили слухи, что математические факультеты ведущих россий-

ских университетов опустели, в больницах не хватало врачей. Как и алия из Германии, российские иммигранты как группа имели более высокий уровень образования, чем у принимающего общества (60 % иммигрантов имели высшее образование по сравнению с 30 % израильтян). И, как и в немецкой алии, русским иммигрантам не хватало знаний и образования о еврейском наследии. Два или три поколения коммунистического правления стерли почти все следы еврейской культуры и самосознания. Алия из России в 1970-е годы (около 200 000 человек) поступала в основном из периферийных республик, таких как страны Балтии, которые находились под советской властью только с 1939 года, или из Средней Азии. В этих регионах все еще преобладали живая еврейская память и сионистские традиции. Дело обстояло иначе в отношении алии 1990-х годов, которая прибыла из центральных славянских республик (Россия, Беларусь, Украина) и крупных городов (Москва, Санкт-Петербург, Киев). В этих регионах евреев в течение многих лет приучали к советским обычаям, в основном довольно успешно. Евреи, приехавшие в Израиль, знали, что они евреи, но, за исключением национально-этнической связи, сомнительно, чтобы у них было какое-то представление о еврейской культуре, будь то религиозное или светское.

Русские иммигранты 1970-х годов боролись за свое право эмигрировать из СССР и приехали в Израиль по собственному желанию (многие из их соплеменников решили имми-

грировать в Соединенные Штаты). Но, как и иммигранты из Германии 1930-х годов, многие русские иммигранты 1990-х приехали в Израиль не из-за идеологии или сионистского рвения. Большинство хотели уехать из России из-за политической нестабильности и экономического кризиса, охватившего ее. Они отправились в Израиль после великих перемен эпохи Горбачева, перестройки и гласности. Горький опыт прошлого научил их не полагаться на то, что двери останутся открытыми, и они поспешили покинуть Россию. Многие предпочли бы США, но Вашингтон ввел квоты на иммиграцию из Восточной Европы, опасаясь массовой волны иммигрантов из стран распадающегося Восточного блока. Поэтому для многих Израиль был единственным выходом. Катализатором данной алии послужило то, что у многих кандидатов на иммиграцию в Израиле были родственники, которые помогли сделать далекую зарубежную страну более гостеприимной.

Израиль 1990-х сильно отличался от централизованного государства 1950-х, элиты которого придерживались коллективистского мировоззрения. Это была страна, поддерживающая свободный рынок, частное предпринимательство, приватизацию услуг и снижение роли государства. В то же время иммигранты 1990-х годов представляли собой образованную группу, которая без труда адаптировалась к концепциям современного общества и экономики. Поэтому они были интегрированы по принципу «сделай сам», или, как это

официально называлось, через «прямую абсорбцию». Государство не распределяло иммигрантов по местам проживания или работы и позволяло им самостоятельно выбирать больничную кассу. В 1970-х годах было принято держать иммигрантов в течение многих месяцев в центрах абсорбции, где им давали уроки иврита, профессиональную подготовку, направление на получение жилья, а также оказывали услуги здравоохранения и социального обеспечения. Им также были предложены туры по стране, лекции и т. д., чтобы помочь социализироваться и адаптироваться к культуре. Процесс покидания теплицы абсорбционного центра был медленным и зависел от того, когда новички получали жилье и работу. Теперь новым иммигрантам давали денежную сумму, эквивалентную стоимости услуг, которые они получили бы в центре абсорбции, и им приходилось устанавливать собственные приоритеты по ее расходованию. Таким образом, ответственность за абсорбцию была передана от государства частным лицам, местным властям или добровольческим организациям, в соответствии с политикой приватизации услуг.

Присутствие русских иммигрантов удвоило количество инженеров и врачей в Израиле. Не всем врачам удалось сдать экзамены Министерства здравоохранения на профессиональную компетентность, и они были вынуждены понизить свой статус и найти работу в других медицинских профессиях или в какой-либо другой сфере. Эмиграция обычно

влечет за собой понижение статуса, и «русская» алия не была исключением, по крайней мере в первое десятилетие своего пребывания в Израиле. Но поглощение этой алии было большим успехом, и к концу десятилетия уровень безработицы среди иммигрантов стал таким же, как и среди населения в целом.

Русские принесли с собой обширные технические и научные знания. Как уже говорилось, в 1990-е годы высокие технологии стали одной из ведущих отраслей и источников экспорта Израиля. Без алии из России невозможно представить себе превращение Израиля всего за несколько лет в высокотехнологичную державу с компаниями, торгующими на Уолл-стрит, и выдающимися экономическими успехами в глобальном масштабе. Иммигранты продемонстрировали оригинальность, предприимчивость и приспособляемость к свободному открытому рынку. Но при этом они не уклонялись от тяжелого физического труда, хотя бы для того, чтобы достойно обеспечить свои семьи. Алия из России была одним из факторов экономического процветания Израиля в первой половине 1990-х годов. Волна иммиграции обычно сопровождается экономическим бумом, связанным с ростом населения, необходимостью инвестировать, чтобы принять его, и в итоге с вкладом иммигрантов в экономику. Эта волна алии прибыла во время мирного процесса, и политический оптимизм естественным образом сменился оптимизмом, который принесла волна иммиграции.

Выходцы из России не «разводились» со страной своего рождения. Связь с Родиной, русской культурой и сохранение русского языка были для них важны. Прямая абсорбция не требовала от них социализации в израильской культуре и обществе. В отличие от предыдущих волн иммиграции из Восточной Европы, которые советская политика изоляции отрезала от их родных стран, новые иммигранты после распада СССР получили возможность поддерживать контакты с друзьями и семьей в прежней стране пребывания. Быстро развивалось двустороннее движение: бывшие граждане СССР приезжали в Израиль, чтобы изучить возможности иммиграции и абсорбции, а граждане Израиля посещали старую Родину. Выступления русских коллективов, театров и музыкальных групп пользовались большим успехом, и они тоже помогали сохранять культурные связи с Россией.

Эти иммигранты, выходцы из русской еврейской интеллигенции родом из больших городов, были очень заинтересованы в воспитании высокой русской культуры в Израиле. Появились русскоязычные ежедневные газеты и высококачественные журналы. Читательский спрос породил множество издательств, специализирующихся на русскоязычных книгах. Культурные связи и общий язык, а также социальное взаимодействие между иммигрантами вскоре сформировали русскую еврейскую общину в Израиле. Эти иммигранты, которые в своей родной стране не знали общинной жизни, теперь основали в Израиле процветающую общину, ос-

нованную на русской культуре. В прошлом такого явления среди иммигрантских групп не наблюдалось. Иммигранты из Германии действительно пытались сохранить немецкий язык и культуру и в определенной степени преуспели в этом в городах и районах, где они жили в относительно большом количестве. Но эта культура не имела публичного присутствия, поскольку немецкий был языком нацистов, угнетателей, и его использование было неприемлемым. Сомнительно, чтобы иммигранты из арабских стран – за исключением еврейской интеллигенции из Багдада – участвовали в светской культуре своих арабских соседей, и в любом случае основой их культурного мира была не арабская культура, а еврейские традиции.

Тяга русских иммигрантов к русскоязычной общине, сохраняющей русскую культуру, не встречала критики со стороны истеблишмента. В отличие от страны периода плавильного котла Израиль 1990-х годов был плюралистическим обществом, терпимо относившимся к культурной инаковости иммигрантов и даже признававшим ее легитимность. Однако были распространены жалобы на то, что русские говорят между собой только по-русски и исключают говорящих на иврите из разговора. Эта привычка отражала крах культурной гегемонии «первого Израиля» и его смирение жить в разделенном обществе без единого базового консенсуса в отношении ценностей и культуры.

В какой-то степени русские иммигранты смотрели свы-

сока на израильскую культуру. Они были недовольны уровнем научного образования в Израиле и не одобряли либеральную образовательную атмосферу в израильских школах. Близость между учителями и учениками, низкие стандарты дисциплины и тот факт, что в школе не учат никаким ценностям, беспокоили их. Поэтому они создали свою собственную систему образования либо путем дополнительных уроков, либо путем открытия сети школ и детских садов в соответствии с педагогическими методами, которые считали приемлемыми. Эти школы поразили израильтян-ветеранов своей высокой успеваемостью. В школах преподавали на иврите, но включали уроки русского языка и культуры. Иммигранты также обогатили израильскую культуру различными проектами; театр Gesher («Мост»), основанный русскими иммигрантами, – один из ведущих театров Израиля. Российская алия также повысила уровень исполнения классической музыки. На периферии появились музыкальные ансамбли, что стало проявлением интереса переселенцев и их потребностей в высокой культуре.

Сплоченность сообщества и внутренняя коммуникация через высокоразвитую русскую прессу стали прекрасной основой для развития политических организаций. Влияние российской алии на результаты выборов ощущалось уже в 1992 году. Тогда иммигранты, которые, как говорили, составляли стержневой блок между правыми и левыми, проголосовали за Рабина из-за трудностей при правительстве Ша-

мира, которое не получило американских гарантий, необходимых для абсорбции. Русские иммигранты находились на границе между националистически-религиозным и нерелигиозно-либеральным блоками. В основном нерелигиозные, они были чувствительны к дискриминации тех, кто не считался евреем согласно еврейской традиции. Закон о возвращении предоставляет права иммигрантов внукам евреев, которые сами не обязательно евреи (в галахическом понимании), а также супругам – не евреям. Как следствие, около 25 % иммигрантов не считались евреями согласно еврейскому закону и сталкивались с настораживающими вопросами об их статусе, правах, собственных шансах на брак в Израиле и своих потомков, а также об их праве на захоронение по иудейскому ритуалу. Раввины ужесточили свою позицию в отношении гиюра, требуя соблюдения религиозных законов после его принятия. Это требование сделало эту возможность доступной для очень немногих. Столкновения с ультраортодоксами из-за соблюдения субботы, продажи некошерного мяса и тому подобные проблемы привели к тому, что это население стало естественным союзником нерелигиозного блока.

В то же время русские относились к арабам подозрительно и враждебно, что ставило под сомнение их поддержку нерелигиозно-либерального лагеря. В течение первого десятилетия пребывания в Израиле их политическая позиция была неоднозначной. Как уже отмечалось, на выборах 1992 го-

да они поддерживали НаАвода. В 1996 году впервые появилась партия иммигрантов – Yisrael Ba'aliya, которую возглавил Натан Щаранский, герой-отказник 1970-х годов. Разделение голосов за премьер-министра и партию позволило иммигрантам проголосовать за партию, которая позаботится об их конкретных интересах, а также выразить свою новую израильскую идентичность, проголосовав за национального премьер-министра. В 1999 году многие проголосовали за Барака, чей выдающийся военный послужной список произвел на них впечатление. На этих выборах Yisrael Ba'aliya получила шесть мест, а другая партия иммигрантов, возглавляемая Авигдором Либерманом, Yisrael Beiteinu («Наш дом – Израиль») получила два места. Русские также были активны в муниципальной сфере и достигли позиций и влияния в тех областях, где они составляли более 20 % населения. Как мы видели, Yisrael Ba'aliya была партнером по коалиции в правительстве Барака, но покинула его накануне саммита в Кэмп-Дэвиде. Русские не испытывали привязанности к людям, связанным с социалистическим прошлым, поэтому с самого начала относились к левым сионистам с подозрением. Но они положительно отреагировали на Рабина и Барака, так как оба они имели образ военных, символизирующий израильский патриотизм.

Однако со временем русские проявили тенденцию к правому уклону, о чем свидетельствует подъем авторитета Авигдора Либермана. Помимо личности и организаторских спо-

собностей Либермана, поддержка его русскими выросла из ментальности людей, которые в прошлом были гражданами великой державы. Иммигранты рассматривали отношения Израиля с миром в целом и с его арабскими соседями в частности через призму, аналогичную той, через которую граждане СССР смотрели на мир. Их прежняя страна решительно реагировала на реальные или мнимые угрозы. Тот факт, что Израиль не был великой державой и требовал другого подхода, не впечатлил большинство иммигрантов. Раскол в израильском обществе по экзистенциальным и культурным вопросам позволил нишевой партии иммигрантов добиться значительного положения во власти. Стремление русских иммигрантов защищать свою социальную и культурную самобытность, а также использование прессы и волонтерских организаций для создания сообщества предоставило им инструменты для формирования политической основы, которая могла бы защитить их интересы. Ни одна другая алия, похоже, не смогла достичь сопоставимого политического влияния и самосознания всего за десять лет.

Некоторые социологи предсказывают, что интеграция российской алии в израильское общество обречена на провал. Они утверждают, что эта интеграция останется поверхностной и функциональной и что будет преобладать нынешняя культурная и социальная изоляция от израильтян-ветеранов. Изучение истории Израиля предполагает иной результат. Процессы социализации и аккультурации, которые

происходят в израильской системе образования, на военной службе, на рабочих местах и т. д., действительно слабее по сравнению с процессами 1950-х и 1960-х годов. Но даже в их нынешнем состоянии эти процессы обязательно возобладают, и тенденция русских иммигрантов к изоляционизму и исключительности исчезнет в течение одного-двух поколений. Этот прогноз основан на прошлом опыте израильского общества, при условии, что этот процесс не будет подорван непредвиденными событиями.

Одновременно с русской алией в Израиль прибыли десятки тысяч выходцев из Эфиопии. Существует множество различных предположений о происхождении евреев Эфиопии, которые были известны как Beta Yisrael (Община Израиля). Согласно их собственной легенде, они потомки евреев из Земли Израиля, которые пришли в Эфиопию с царицей Савской и ее сыном Менеликом, будущим императором Эфиопии, отцом которого был царь Соломон. Некоторые считают, что первые евреи пришли в Эфиопию после разрушения Первого Храма, когда евреи, изгнанные из Иерусалима, отправились на юг и поселились в Абу (Элефантине) в Верхнем Египте. Эти евреи были незнакомы с еврейским устным законом и оторвались от раввинистического иудаизма. Они соблюдали часть заповедей Торы и поддерживали традицию, отличную от той, что была принята в иудаизме со времен Второго Храма. Контакты с ними установились в начале XX века, и некоторые эфиопские евреи достигли Палестины.

Сомнения относительно природы иудаизма эфиопов изначально не позволяли Государству Израиль предпринять какие-либо действия по их приезду в страну. В 1973 году главный раввин Овадия Йосеф заявил, что они действительно евреи, а в 1975 году они получили право на репатриацию в соответствии с Законом о возвращении. Затем различные еврейские организации начали кампанию, чтобы убедить правительство Израиля привезти эфиопских евреев в страну. В то же время из-за нестабильной политической ситуации в Эфиопии евреи обычно бежали в Южный Судан, где оказывались в лагерях беженцев ООН. В Израиль дошли новости о тяжелом положении этих беженцев, и оперативники «Моссада» были отправлены для облегчения их иммиграции. В течение 1980-х годов около 17 000 эфиопских евреев были доставлены в Израиль, в том числе в ходе воздушной операции «Моисей», в результате которой было переправлено около 7000 человек. В ходе операции «Соломон» в 1991 году правительство Израиля перевезло почти 14 000 эфиопских иммигрантов за два дня из опасений, что политическая нестабильность в Эфиопии поставит их жизнь под угрозу.

Эфиопские иммигранты были интегрированы иначе, чем русские. У них была религиозная культура, но она сильно отличалась от иудаизма, принятого в Израиле. В рамках раввинского подтверждения своего иудаизма от них требовалось участвовать в символической церемонии «возвращения» в иудаизм, в ходе которой мужчины должны были прой-

ти символическое обрезание. Это требование поставило под сомнение их иудаизм и нанесло им – особенно кайсам, религиозным лидерам общины – большое оскорбление. Позднее стало известно, что израильские органы здравоохранения не использовали кровь, сданную эфиопскими иммигрантами, из опасения заразиться инфекционными заболеваниями. Это возмутило иммигрантов, у которых возникло недоброжелательное чувство, что они подвергаются дискриминации.

Социализация и адаптация эфиопских иммигрантов к жизни в Израиле были относительно трудными и длительными. Предполагая, что непосредственное знакомство с современной жизнью без надлежащей подготовки вызовет многочисленные трудности для эфиопов, центры приема иммигрантов приняли метод опеки, использованный в 1970-х годах. Первые два года детей отправляли в государственно-религиозные школы, исходя из того, что это направление обучения было более подходящим, чем нерелигиозное. Позже родителям разрешили выбирать желаемый поток. Правительство приложило много усилий для поглощения эфиопских иммигрантов. Стоимость абсорбции одного условного эфиопского иммигранта была оценена в два раза выше таковой русского иммигранта. Эпопея о походе в Судан в 1970-х годах, в ходе которого погибли многие сотни людей, и истории о героизме составляют основу идентичности эфиопов как сионистов и израильтян и хорошо сочетаются с пред-

ставлениями о страданиях и героизме, присущих сионизму. Но их идентификация с Израилем была полна проблем из-за глубокого чувства инаковости, которое усиливалось в ответ на оговорки принимающего общества. Переход от маленькой деревни в горах Эфиопии к индустриальному израильскому обществу, ориентированному на успех, сопровождался кризисами в семейной жизни, в отношениях между родителями и детьми и между самими родителями.

Правительство и общественные организации осознают необходимость толерантности и выделения специальных ресурсов для приема эмигрантов из Эфиопии. Широкие слои населения не хотели отправлять своих детей в школу наряду с эфиопскими детьми или жить по соседству с ними. Здесь можно обнаружить нежелание принимать инаковость иммигрантов и их трудности с приспособлением к новой реальности. Невозможно предсказать, что нас ждет в будущем, но относительно небольшие масштабы эфиопской алии оставляют место для оптимизма в отношении их интеграции в богатую человеческую мозаику Израиля.

1990-е годы характеризовались, с одной стороны, усилением мультикультурных тенденций, толерантностью по отношению к другому и усилением либеральных элементов общества. С другой стороны, возросла напряженность между различными слоями общества. Дебаты вокруг концепции «Израиль как еврейское и демократическое государство», появившейся в Основных законах 1992 года, сосредоточи-

лись на двух расколах, разделивших израильское общество: между религиозными и нерелигиозными евреями и между евреями и арабами. Концепция еврейского и демократического государства утверждает, что нет никакого внутреннего противоречия между демократическими и еврейскими элементами израильской идентичности. Государство может быть государством еврейского народа, то есть государством с еврейским большинством, которое по самой своей природе сохранит это большинство, чья доминирующая культура имеет еврейские особенности, включая язык, календарь, еврейскую культуру, символы и ритуалы. Вместе с поддержанием этого еврейского характера государство будет сохранять демократические ценности, такие как равенство, верховенство закона и участие в политической жизни всех слоев населения.

Что касается концепции еврейского государства, были те, кто пытался подчеркнуть универсальные ценности, присущие демократии, кто хотел усилить тенденции к равенству и либерализму, правам личности и защите меньшинств и слабых. Обычно за это выступали нерелигиозные евреи, но не только они. Крайние радикалы среди них были склонны подчеркивать в уравнении демократический элемент за счет еврейского. Таким образом, постсионисты хотели, чтобы Государство Израиль отказалось от своих обязательств перед еврейским элементом и стало нейтральным гражданским обществом, слепым к этнической идентичности, «го-

сударством для всех своих граждан».

Напротив, две группы стремились подчеркнуть национально-религиозно-партикуляристский характер еврейского государства. Первая состояла из религиозных и ультраортодоксальных евреев. Во вторую группу входили нерелигиозные евреи, которые также не желали защищать и поддерживать права неевреев. Они не остановились на определении еврейского государства как государства с еврейским большинством и публичным пространством с еврейским культурным характером, но потребовали, чтобы еврейский характер государства был усилен. Это означало бы отделение евреев от неевреев в соответствии с галахическим законом и усиление галахической системы правосудия и религиозных судов. Обе группы стремились усилить еврейский элемент за счет демократического.

Соответственно, раввин Меир Кахане, основатель запрещенной расистской партии Kach («Таким образом»), утверждал, что существует внутреннее противоречие между еврейским государством и демократическим – что на самом деле демократия находится в противоречии с еврейством государства. Более того, некоторые ультраортодоксальные евреи, важная группа по эту сторону вопроса, считали светское право нормативно ниже галахического. Их приверженность демократии была условной, и они время от времени оспаривали законы государства в пользу «Мнения Торы», или Галахи. Убийство Ицхака Рабина и предшествовавшее

ему подстрекательство продемонстрировали, что маргинальные группы в израильском обществе без колебаний берут правосудие в свои руки, когда считают, что существует конфликт между их собственной системой норм и законодательством страны.

Что касается второго разногласия по поводу определения Израиля как еврейского и демократического государства – между евреями и арабами, – еврейское население воспринимает Израиль в качестве еврейского государства как должное. Подавляющее большинство не сомневается в базовой справедливости сионизма, который стремился построить дом для еврейского народа на своей древней родине. Закон о возвращении, который предоставляет евреям и их потомкам преимущественные права на гражданство по сравнению с другими иммигрантами, кажется евреям выражением сущности государства как собирателя еврейских изгнанников. Именно эта концепция побуждает население Израиля согласиться с массовой алией, несмотря на периодические вспышки негодования, как, например, когда низшие классы мизрахи чувствовали угрозу со стороны российской алии или когда эфиопская алия налагала тяжелое финансовое бремя на израильское общество. Сохранение еврейского большинства в стране стало предпосылкой для сохранения еврейского и демократического характера государства. С точки зрения евреев, это самоочевидно. Государство Израиль поэтому выступает против «права на возвращение»

арабских беженцев, а также пытается заблокировать иммиграцию арабов в Израиль с оккупированных территорий. Тот факт, что евреи составляют около 80 % граждан Израиля, не снимает чувства угрозы относительно дальнейшего существования этого большинства, учитывая требования арабских беженцев и высокие темпы роста населения среди израильских арабов.

Для арабов эта ситуация выглядит зеркальным отражением. Для них обеспечение еврейского демографического большинства продолжает процесс, начатый в 1948 году, что сделало их меньшинством на их собственной земле. С годами арабы разработали риторику «коренного» меньшинства, «коренное происхождение» которого дает ему особые права. Они учредили ряд памятных дней – День Накбы, День земли, День интифады Аль-Акса, – ставших средоточием национального мифа, подчеркивающего их жертвы, за которые ответственно сионистское государство. Некоторые ученые, например социолог Сэмми Смуха, утверждают, что большинство израильских арабов относятся к Израилю прагматично. Они признали существование Израиля как еврейского государства и как граждане стремятся к равным возможностям и культурной автономии. Другие склоняются к менее оптимистичной оценке. Но в том, по крайней мере, насколько позиции арабского населения представлены его руководством, очевидно, что оно не желает принимать определение Израиля как еврейского государства. Согласно высказывани-

ям израильского арабского руководства и интеллектуальной элиты, арабы Израиля готовы признать существование Израиля как демократического государства, но не как государства, реализующего право евреев на самоопределение как национальности – иными словами, еврейского государства по определению. Они требуют отмены Закона о возвращении, поскольку для них он представляет собой дискриминацию в пользу евреев и против палестинцев. Они также требуют большей автономии в образовании и управлении жизнью в городах и деревнях, где составляют большинство.

В начале 1990-х годов израильские арабы также заявляли о территориальной автономии в Галилее и Треугольнике, которую позже изменили на требование общенациональной автономии в образовании, религии и культуре. С годами среди арабов Израиля выросла интеллигенция, которая досконально знает государственное законодательство и умеет защищать права арабов. Высший комитет по наблюдению за арабскими гражданами Израиля, состоящий из представителей арабских местных властей, арабских членов Кнессета, а также представителей арабских некоммерческих и правозащитных организаций, является фактическим руководителем этого сектора, который имеет впечатляющую способность мобилизовать своих сторонников. СМИ, телеканалы и интернет на арабском языке как в Израиле, так и в арабских государствах способствуют развитию националистических тенденций среди арабского меньшинства. За по-

следние десятилетия тенденция к исламизации внутри этого меньшинства значительно усилилась, параллельно с аналогичной тенденцией на всем Ближнем Востоке. Демографический рост арабского меньшинства в Израиле, которое в 2000 году насчитывало около 900 000 человек, повышает его уверенность в себе. Парадоксальным образом эта растущая уверенность в себе свидетельствует о том, что израильские арабы усваивают израильский демократический дух, позволяющий им использовать свою численность для достижения равноправия.

В период экономического развития Израиля и усиления связанных с ним либеральных тенденций разрыв в уровне образования и доходов между арабским и еврейским секторами продолжал существовать. Этот разрыв был вызван несколькими факторами: ограничениями, налагаемыми на занятость арабов в отраслях, где важна безопасность, предпочтением еврейских работодателей нанимать евреев, низким уровнем образования арабов и малочисленностью арабских женщин на рынке труда. Кроме того, государственные ассигнования арабскому сектору на образование, развитие и промышленные проекты намного ниже, чем у еврейского сектора. Дискриминация медленно, но верно снижается, и среди евреев растет признание необходимости предотвращения дискриминации в будущем. Но перспектива гражданского равенства в будущем не удовлетворяет арабскую общественность, и значительная часть ее элиты требует фун-

даментального изменения идентичности государства в качестве условия для принятия равноправия.

Определение, противоположное «еврейскому и демократическому государству», – это, как предлагалось ранее, «государство всех его граждан», то есть государство, нейтральное в отношении национальности и этнической принадлежности, гражданство которого будет исключительно светско-израильским. В рамках такого гражданства все население будет подчиняться единому стандарту иммиграционного законодательства. Фактически это будет «государство всех национальностей», поскольку арабы требуют признания их в качестве национальной группы, партнерства в решениях, касающихся их, региональной автономии и равного статуса для арабского языка. В качестве промежуточного этапа арабы Израиля добиваются признания в качестве меньшинства с присущими меньшинствам правами, такими как признание их организации в качестве национальной, право своих лидеров представлять их на общенациональной арене, а также культурную и образовательную автономию.

Противодействие израильских арабов – или израильских палестинцев, говоря более современным языком, – признанию Израиля как еврейского государства отражается в израильско-палестинских отношениях. Многие арабы Израиля категорически против признания Палестиной Израиля в качестве еврейского национального государства точно так же, как Палестина будет признана палестинским националь-

ным государством. Израильские арабы считают себя гражданами государства и имеют все права, которые дает этот статус. Но они не признают еврейское государство как такое, как свое государство, как представляющее их тоже. Одним из отражений этого отсутствия представительства становится то, что они не служат в ЦАХАЛе; государство освободило их от службы, потому что сомневалось в их лояльности, а также чтобы избежать ситуации, в которой они могут оказаться в состоянии войны со своими братьями. Но это отношение также проявляется в противодействии их лидеров участию молодых мужчин и женщин, выполняющих любую форму так называемой национальной службы, например гражданскую службу – даже если это принесет пользу их собственному народу, – в больницах, учреждениях социального обеспечения и т. д. служба олицетворяет признание власти над ними государства. Их аргумент в том, что «национальная служба» была навязана без консультации с ними. Они требуют равных прав без навязывания «национальной службы».

Отождествление израильских арабов с палестинским вопросом сделалось радикальным, и они готовы в условиях израильской демократии расширить свои права до предела. Часть их руководства считает, что у них есть право публично выражать свою идентификацию с антиизраильской стороной, даже когда Израиль находится в состоянии войны с этой стороной – с Hezbollah, ХАМАСом или Палестинской

администрацией. Однако израильские арабы резко возражают против предложений о переделе страны, включая передачу населенных арабами районов на израильской стороне «зеленой линии» ПА в обмен на поселения на Западном берегу; они обвиняют израильтян в расизме. Политическая, экономическая и социальная нестабильность палестинского общества по сравнению с израильской демократией (несмотря на все ее недостатки) и экономические преимущества, которые государство предоставляет своим гражданам, делают такой вариант обмена неприемлемым для арабов Израиля. Тем не менее они продолжают отказываться признавать Израиль своим государством до тех пор, пока он сохраняет свой еврейско-сионистский характер. Как правило, арабское руководство выступает против участия арабов Израиля в террористических актах, но некоторые рассматривают насилие как законное средство достижения политических целей, что проявляется в провокационном подстрекательстве арабскими лидерами, приведшем к вспышке насилия в октябре 2000 года, о чем говорилось ранее. Даже после этих скандальных беспорядков эти лидеры не осудили применение насилия. Эти события возобновили глубокие подозрения евреев в отношении арабского меньшинства. В то же время израильские арабы были в ярости, когда силы безопасности вели себя по отношению к ним так же, как и против палестинцев на оккупированных территориях, вместо того чтобы проявить осторожность, так как они были гражданами

государства, хоть и проводили насильственные демонстрации. Результатом стало дальнейшее отдаление двух национальных сообществ друг от друга.

В целом в 1990-х годах усилилась напряженность между израильянами-старожилами и новыми иммигрантами, религиозными и нерелигиозными евреями, а также арабами и евреями. Массовая иммиграция вынесла на поверхность скрытую напряженность по поводу характера еврейско-израильской идентичности и в отношениях между еврейским большинством и арабским меньшинством. В те годы бушевала полемика между «новыми историками», которые подчеркивали несправедливость, нанесенную арабам в результате создания Государства Израиль, и историками, которые считали новую версию как односторонней, так и ошибочной, искажением истории. Эти дебаты сформировали своего рода культурное эхо вокруг мирного процесса, вновь подняв основные вопросы еврейско-арабских отношений и высветив новые противоречивые представления о еврейско-израильской идентичности.

В честь празднования Израилем своей пятидесятой годовщины в 1998 году по государственному телеканалу была показана серия документальных фильмов, посвященная этим 50 годам. Сериал Tekuma («Возрождение») был продолжением сериала 1981 года Amud ha'esh («Огненный столп»), охватывающего 50 лет между Первым сионистским конгрессом и провозглашением государства. Amud ha'esh выражал

солидарность; в нем преподносился сионистский нарратив об истории создания государства. Напротив, Tekuma был снят с критическим уклоном, который стремился отразить не только основные позиции, но и взгляды оппозиционных движений в израильском обществе. Что касается арабо-израильского конфликта, в нем была предпринята попытка обратиться не только к еврейской версии истории государства, но и к арабской. Особенно противоречивым был фрагмент, посвященный ООП и террористическим организациям, по мнению некоторых слоев общества, слишком симпатизировавший арабской стороне. Еврейско-арабский конфликт сделался популярной темой в искусстве, театре, кино и на телевидении. Израильская культурная среда вынашивала тему несправедливости, причиненной Израилем арабам, с непрекращающимся самобичеванием, в духе «культуры вины и раскаяния», как назвал это поэт Хаим Гури.

После распада Восточного блока экскурсии по лагерям смерти и еврейским памятным местам в Польше стали частью учебной программы для старшеклассников. Поездки в Польшу были направлены на то, чтобы повысить осведомленность израильской молодежи о Холокосте, сблизить ее с американской еврейской молодежью, которая также участвовала в этих поездках, и способствовать формированию культуры памяти о еврейском прошлом. В рамках публичных дебатов о постсионистской идентичности обсуждались темы, которым следует учить молодежь во время поездок.

Должны ли они быть специфичными для евреев в духе «весь мир против нас» или универсальными в духе «Человек ли это?» согласно книге Примо Леви? Должны ли поездки поощрять скрытые еврейские экзистенциальные страхи или укреплять либеральные тенденции против расизма и ненависти к другим, а также показать ценность прав человека?

Похоже, что поездки действительно смогли закрепить еврейскую идентичность молодых людей, сохранить память о Холокосте и сделать эту память осязаемой благодаря участию выживших в Холокосте, которые делились своим личным опытом в годы ужаса и превратили иностранные сцены из лагерей смерти во что-то, с чем студенты могли бы столкнуться лично. Холокост стал неотъемлемой частью еврейской идентичности в целом и израильской идентичности в частности, общей для всех израильтян, а также точкой соприкосновения с еврейской диаспорой. Было что-то символическое в том, что Хаим Тополь сыграл роль Салаха Шабати, популярного героя, выходца из исламских стран в 1950-х годах, а затем, с конца 1960-х годов, изобразил Тевье-молочника, представителя восточноевропейского еврейского местечка, которое погибло в Холокосте. Израиль поощрял создание сообщества памяти погибших евреев как своего рода неизраильское прошлое, которое служит общей эмоциональной основой для всех евреев мира.

Наряду с общеизраильской идентичностью существовало разделенное общество – или, возможно, конгломерат раз-

личных культурных сообществ, каждое из которых стреми-лось сохранить свою уникальность. Сила объединяющего этоса ослабла (хотя и не исчезла), и, когда на короткое время показалось, что мирный процесс сделает укрепление наци-ональной идентичности менее необходимым, возникло со-мнение, насколько прочной на самом деле была националь-ная солидарность. Рост благосостояния в результате эконо-мического процветания и повышения уровня жизни застав-лял отвернуться тех, кто не принимал участия в праздни-ке потребления. Вместо национальной солидарности и идентичности лозунгами стали глобализация и мультикуль-турализм. Однако вспышка интифады Аль-Акса вновь по-ставила израильское общество перед лицом экзистенциаль-ных жизненных фактов в регионе, который находится в по-стоянном хаосе.

Принесет ли резкое пробуждение от надежд на мир и спо-койствие, свойственные 90-м годам – как это представлено в песне Ротблита, – новое единение и большую социальную и культурную сплоченность? Приведет ли столкновение в ок-тябре 2000 года между арабским меньшинством и еврейским большинством к расколу или к новому пониманию необхо-димости найти путь к сосуществованию? На эти вопросы да-ны лишь частичные ответы. По мере того как мы приближа-емся ко второму десятилетию XXI века, мы, вероятно, мо-жем ожидать всего – как перечисленного, так и совершенно обратного.

Предварительные итоги

Когда Герцль опубликовал *Der Judenstaat* («Еврейское государство»), многие критиковали его за то, что он связал судьбу еврейского народа с созданием собственного политического образования. Критики считали, что способность еврейского народа существовать тысячи лет без такового была его достоинством, которое стоит сохранять. Многие евреи считали современный национализм позорным пережитком ушедшей эпохи, реинкарнацией племенного партикуляризма, который создавал международную напряженность, усиливал разделение между нациями и противоречил неуклонному движению истории к универсалистскому будущему, где различия, проистекающие из религии, расы или национальности, будут искоренены, и в человечестве возобладает дух добрососедства. В таком мире евреи найдут свое место без отдельного государства. Герцль, однако, считал, что в эпоху национализма, когда каждая нация борется против других, чтобы обеспечить себе место под солнцем путем достижения политической независимости и поиска национальной идентичности – именно таким образом, чтобы еврей не оставался чуждым для нее, – евреям ничего не оставалось, как выйти на сцену национализма и попытаться найти себе роль на этой сцене.

С точки зрения нынешнего столетия история, кажется,

больше склоняется к оправданию оценки Герцля, чем к мнению универсалистов. Бесспорно, тенденции глобализации, открытые границы, волны эмиграции, наводняющие мир, — все это ослабляет национальную идентичность, изменяет ее и создает наднациональные структуры, такие как Европейский союз, который стремился стереть вражду, вызвавшую две мировых войны, и создать всеевропейский альянс. Тем не менее транснациональные тенденции постоянно подвергаются нападкам со стороны партикуляристских сил, отказывающихся признавать глобализацию, а также экономическое и культурное единообразие. При каждом экономическом или политическом кризисе возникают силы, стремящиеся сохранить местную самобытность, уникальную культуру и историческую память об общем прошлом. Появляются отколовшиеся группы, претендующие на право на самоопределение, и уничтожают союзные образования, к которым принадлежали в прошлом. Югославия распалась на несколько государств, Чехословакия разделилась на два, на руинах советской империи появились национальные государства, в том числе те, которые никогда не имели собственной независимой государственности, а баски беспрестанно борются за автономию. Европейцы обеспокоены растущей исламизацией меньшинств из мусульманских стран, обосновавшихся в Европе, и эта исламизация сама по себе стала реакцией на тенденции к единообразию и утрате местной идентичности в европейском сообществе. Учитывая эти со-

бытия, кажется, что прогнозы об исчезновении национализма, которые сопровождали появление «еврейского государства», были преждевременными.

Создание еврейского государства стало одним из необычайных чудес истории. Нация диаспоры, которая веками не имела политических традиций, научилась выживать в разных климатических условиях и при различных режимах и не имела собственных органов власти, смогла за очень короткое время заложить основы для существования в суровой стране, вдали от экономических центров, культурных и интеллектуальных ресурсов. В течение полувека сионисты добились международного признания основанного ими образования, создали государство, собравшись в изгнании со всех концов земли, и создали *ex nihilo* динамичную демократию, современную экономику, впечатляющую армию и процветающую, сложную культуру.

Трудно найти национальное движение, чье начало было менее благоприятным, чем у сионистского движения, но сегодня оно считается одним из самых успешных национальных движений в истории. Сионистскому движению приходилось не только бороться с другим национальным претендентом на Палестину – палестинцами. Оно также должно было изменить еврейский менталитет – восприятие евреями себя и мира – и создать иную еврейскую идентичность, которая не только опиралась бы на религиозные традиции и еврейское прошлое, но и укоренилась бы в современном мире, исполь-

зовала логику и разум и была основана на вере в то, что человек и народ могут изменить судьбу и реальность. Модернизация еврейского народа шла рука об руку с осмыслением сионизма.

Способность сионистского движения завербовать идеалистических представителей еврейского народа – еврейскую молодежь – возникла в результате исторической связи между потребностями еврейского народа и духом эпохи, когда нации боролись за свою свободу, империи приходили в упадок, возникали новые государства, а готовность к самопожертвованию ради блага нации составляла неотъемлемую часть духа времени. Это также была эпоха веры в возможность видоизменения мира, в революцию, которая положит конец эксплуатации и несправедливости и приведет к Царству Небесному на Земле. Идеализм, проистекающий из больших надежд на справедливое общество, вместе с борьбой за национальное воплощение составлял движущую силу сионистского движения в его первые дни, прежде чем оно получило осязаемую основу в Палестине. Эти идеалисты, известные в сионистском лексиконе как *halutzim* (первооткрыватели), были авангардом, составлявшим лишь незначительный процент еврейского народа, но именно они создали символы и новые образы, с помощью которых евреи могли идентифицировать себя, и представили собой живой пример, показывающий, что евреи могут существовать как нация на Земле Израиля. Хотя большая часть ишува не принадлежала к

этому меньшинству, она принимала путеводные ценности меньшинства, обеспечивающие им оправдание, направление и основополагающие мифы. Именно halutzim создали образец для подражания, господствующую культуру и доминирующий этос процесса образования нации.

Путь к осуществлению сионистского идеала был вымощен великими революциями и катастрофами XX века. Первая мировая война, большевистская революция и рост нацизма превратили сионистское движение из небольшой группы идеалистов в народное движение людей, ищущих убежища и национальной идентичности. Не Холокост привел к созданию государства; государство было создано, несмотря на эту Катастрофу. Нация, центральная ветвь которой была срезана в результате геноцида, – ветвь, создавшая разнообразные еврейские культуры и являвшаяся основным массивом еврейского народа, – преуспела в результате героического подъема воли к жизни, возродившись из пепла, отвергнув месть и мобилизовав оставшиеся силы для построения еврейского государства и общества на Земле Израиля. Государство Израиль стало символом еврейского народа, продолжающего жить, несмотря на Катастрофу, концентрированным выражением жажды жизни и жизнеспособности нации, находившейся на грани уничтожения. Способность преобразовывать энергию, рожденную в великом отчаянии, в акт созидания и восстановления сделала Израиль проектом реабилитации еврейского народа после Холокоста, включая тех евреев, ко-

торые предпочли продолжить свою жизнь за его пределами, но считали, что евреи заслуживают иметь собственное государство.

Сионистско-израильский проект никогда не протекал гладко. Перед Второй мировой войной сионисты были меньшинством среди еврейского народа, как и другие национальные движения в начале своего пути. После создания государства у различных элементов еврейского населения, обосновавшегося в Израиле, существовали разные взгляды на будущее. Пионерская социалистическая элита, основавшая государство, представляла себе справедливое, эгалитарное общество, в котором государство было бы руководителем и наставником. Государство руководило экономикой, строительством нации, ее культурой и этосом. Напротив, израильский центр и правые придерживались взглядов о западной культуре, свободном предпринимательстве, минимальном вмешательстве государства в экономическую жизнь. До 1970-х годов в отношении формирующего этоса и культурного характера различия между этими двумя направлениями мысли казались относительно небольшими. Между тем параллельно этим двум видениям шли религиозная вера, патриархальная традиция и этническая идентичность, принесенные иммигрантами из исламских стран. Для них мобилизующая сила сионизма возникла из ассоциации с миром Торы, легенд и мессианства.

По мере того как Государство Израиль проходило стадии

своего зарождения и сионистская революция становилась рутинной, новаторские структуры, которые поддерживали его с самого начала, без которых оно, возможно, не смогло бы поглотить ни одну алию и построить экономику и общество, несмотря на острую нехватку ресурсов и враждебное окружение, стали излишними. Пришло время стать похожими на все западные страны. Этот процесс происходил одновременно с изменением западного духа времени. Кризисный период Второй мировой войны и его продление в виде холодной войны закончился. С повышением уровня жизни и появлением потребительской культуры пришло время расслабиться в кресле перед телевизором. Поворот 1977 года привел к сдвигу от пионерского менталитета к центристскому мировоззрению – последнее также увлекло иммигрантов из исламских стран, воспринимавших этос социалистической элиты как репрессивное и оскорбительное вмешательство государственной бюрократии во все сферы их жизни. Медленный, но верный упадок социалистического видения будущего привел к экономическому росту, предпринимательским инновациям и интеграции в мировую экономику, но также повлек за собой утрату изначального эгалитаризма и социальной мобильности, исчезновение личной приверженности государству. В конце второго тысячелетия Израиль все больше напоминал промышленно развитые страны Запада со всеми их преимуществами и недостатками.

Создание и существование Израиля сопровождалось кон-

фликтом с палестинцами и арабским миром. Евреи вернулись не на пустую землю. Но это была страна относительно малонаселенная, и до Первой мировой войны в ее жителях было трудно обнаружить националистические тенденции. Тем не менее столкновение палестинцев с еврейским национализмом повысило осознание ими различий между ними и евреями, а также наличия конкуренции за обладание страной. Эта встреча фактически стала жизненно важным элементом в формировании их национальной идентичности. Палестинцы считали эту страну своей единственной и не хотели делиться ею с людьми, которых рассматривали как иностранных захватчиков. Евреи тоже считали себя собственниками земли и, хотя были готовы позволить арабам жить на ней, не одобряли совместного владения. В конце концов стало ясно, что в гонке между осуществлением сионистского предприятия и формированием, а затем и неистовым всплеском палестинского национализма сионизм проигрывает. Только тогда евреи согласились разделить страну и создать два государства, еврейское и арабское. Однако арабы не согласились отрешиться от своего исключительного права на страну и отказались делиться им. Воодушевленные участием арабских государств в конфликте, они считали, что в итоге проблема будет решена силой. Крах арабского общества, поражение арабских армий в Войне за независимость и Накба стали революционными событиями, о чем арабы даже не догадывались. Для сионистов это был момент, когда

сионизм доказал, что может создать государство, способное выдержать войну за выживание.

Для евреев бегство или изгнание арабов было непредсказуемым, но желанным исходом войны, которую не они начали и которая стоила им больших жертв. Палестино-израильский конфликт начался не с войны 1948 года, но в глазах арабов война была символом ущерба, нанесенного им сионизмом, лишившим их страны. Смена ролей между евреями и арабами, когда евреи стали большинством, а арабы меньшинством, стала источником травмы, которая все еще тяготеет над палестинцами. До 1967 года они надеялись, что «следующий раунд» между Израилем и арабскими государствами повернет время вспять. С тех пор, и особенно после войны 1973 года, они были вынуждены принять Израиль как жизненный факт. Но в то же время они никогда не рассматривали его как законное государственное образование на Ближнем Востоке. Согласно арабскому нарративу, сионизм не является национальным движением еврейского народа. Для арабов не существует такой вещи, как еврейская национальность, а есть только еврейская религия; или, в менее резкой интерпретации, израильтяне – это национальность, а мировое еврейство – нет. Таким образом, сионизм – это не освободительное движение еврейского народа, а скорее форма белой колонизации, которая украла страну у ее коренных жителей.

В результате на нынешнем этапе истории палестинцы го-

товы терпеть существование Израиля на Ближнем Востоке как неотъемлемый факт, но не рассматривать его как легитимное государство. Отсюда трудность в достижении мирного соглашения, поскольку Израиль добивается взаимности и принятия своих основных требований: чтобы арабы отказались от мифа о «праве на возвращение» и вечной природе конфликта и признали Израиль как еврейское национальное государство.

Тем не менее похоже, что после визита Садата в Иерусалим делегитимация Израиля на Ближнем Востоке несколько уменьшилась. Сионистское движение прошло долгий путь от скромных начинаний до предложения Лиге арабских государств о признании и мире. Несмотря на всю обиду и насилие с обеих сторон, Эрец-Исраэль не испытала геноцида или массовой резни, подобных тем, которые имели место в некоторых европейских странах, даже совсем недавно, в 1990-е годы. По сравнению с другими национальными конфликтами, палестино-израильский конфликт остается ограниченным, даже с учетом поселений и подавления Израилем народного восстания или, с другой стороны, действиями террористов-смертников. Поскольку Израиль – более сильная сторона в конфликте, можно сказать, что он заслуживает похвалы за моральные ограничения, которые наложил на себя в этой борьбе.

С 1967 года оккупация Иудеи, Самарии и сектора Газа бросила тень на израильское общество. Поляризация меж-

ду сторонниками Великого Израиля и сторонниками «территории в обмен на мир» изменила израильскую политику. Если раньше разделение на правых и левых отражало разные социальные взгляды, то теперь в израильской политике обозначение идентичности – «голубь» или «ястреб» – это взгляд человека на оккупированные территории. Выпячивание этого конфликта отодвинуло в сторону вопрос дальнейшей интеграции самого израильского общества. Разочарование мирным процессом ослабило израильских левых. Однако в результате произошел сдвиг не вправо, а в центр. Среди большинства израильской общественности возникла новая трезвая готовность к миру, но без мессианского рвения, характерного для начала 1990-х годов.

Посторонний наблюдатель, следящий сегодня за Израилем, видит расколотое общество, снижение уровня национальной солидарности, борьбу между различными секторами, слабость объединяющей конструкции. Но взгляд извне может привести к ошибочной оценке. Возможно, осознание того, что израильское общество рухнет и хватит последнего небольшого удара, чтобы его уничтожить, побудило Арафата усилить Вторую интифаду? Как оказалось, когда это общество, пронизанное неравенством, сталкивается с опасностью извне, оно находит силу духа, чтобы сомкнуть ряды, вывести общий знаменатель и набраться смелости для противостояния нападающим. Каждый раз, когда это происходит, встает вопрос: почему выдающиеся качества доброволь-

чества и патриотической преданности проявляются только во время кризиса?

В первое десятилетие третьего тысячелетия в Израиле были опубликованы две книги, способные помочь разобраться в путанице израильского этоса. Первой была *A Tale of Love and Darkness* («Повесть о любви и тьме») Амоса Оза; через несколько лет вслед за ней последовала работа Давида Гроссмана *A Woman Flees Tidings* («Женщина, убегающая от вестей»). С первых дней сионистской деятельности ивритская литература служила сейсмографом, фиксирующим настроение и господствующий дух движения, а также была его совестью и проводником. В 1980-е годы депрессия и замешательство, вызванные утратой ценностей и консенсуса в израильском обществе, выражались в литературных произведениях, описывающих страх перед хаосом и боль потери общественного пространства, чему была посвящена более ранняя литература. В 90-е годы этот вакуум стал предметом новой литературы, ни с чем подобным не связанной.

Теперь, в ответ на провал мирного процесса и вспышку насилия Второй интифады, эти два великих романа снова широко обсуждались публично. Амос Оз рассказывает историю своей семьи, в то же время излагая сионистскую мета-историю. Семья иммигрантов из Европы пускает корни под палящим солнцем Эрец-Исраэль в среде, враждебной молодым растениям, привыкшим к тепличным условиям. Встреча причиняет страдания и боль, но также ведет к индивиду-

альному и социальному возрождению и построению нового мира. В этом суть сионистской истории. В книге Гроссмана описывается непрекращающееся вторжение общественного в частное пространство Израиля и невозможность их разделения. Мать, которая бежит из дома, чтобы не слышать сообщение офицеров ЦАХАЛа о смерти ее сына на действительной службе, и отец молодого человека, страдающего от усталости в бою и терзаний во время войны Судного дня, – это фигуры, выплавленные в печи израильской реальности. Любовь к стране, преодоление скрытого слоя экзистенциальной тревоги, поддержание подобия человечности – все это типичные мотивы в ивритской литературе с начала XX века. Литература, документирующая пустоту, была вытеснена литературой, посвященной нации, обществу, всему человеческому.

Израиль – это история успеха глобального масштаба; это жизнеспособное, динамичное общество с развивающейся экономикой и наукой, получившее международное признание, находящееся в авангарде исследований, это радикальная демократия с крайней свободой слова и смелыми и агрессивными средствами массовой информации, которые без колебаний раскрывают все слабости правительства. Несмотря на постоянные жалобы в СМИ касательно прав человека, Израиль проявляет чуткость к этим проблемам не только в большей степени, чем все остальные страны Ближнего Востока, но и в большей степени, чем многие демокра-

тические страны мира, особенно когда они чувствуют угрозу. Израильская культура богата, многогранна, инновационна и постоянно обновляется, в ней происходят столкновения между высокой и популярной культурой, европейской и американской и культурой мизрахи, светской и религиозной еврейской культурой и т. д. – все это отражает мозаику культурной жизни. Тем не менее Израиль по-прежнему сталкивается с мировой критикой, которую трудно встретить где-либо еще. Каждое действие, предпринятое правительством Израиля, и каждая его неудача немедленно осуждаются в таких выражениях, которые обычно приберегают для мрачных режимов. Многие сочувствуют палестинцам, в то время как обратная сторона медали игнорируется.

Многие заявляют, что враждебность к сегодняшнему Израилю – современное воплощение ненависти к евреям, старого антисемитизма. Если это правда, то, вероятно, Герцль ошибался, полагая, что превращение еврейского народа в народ, подобный любому другому, со своим собственным государством, признанным семьей наций, положит конец антисемитизму. Но даже если этот основной посыл отца сионизма окажется неверным и в конце концов существование Израиля как независимого еврейского государства с военной мощью чревато риском и не гарантирует существование еврейского народа, великая сионистская авантюра была и остается одной из самых удивительных попыток, когда-либо предпринимавшихся при построении нации: происходящей де-

мократическим путем, без принуждения граждан, во время непрекращающейся экзистенциальной войны и без утраты моральных принципов, которыми она руководствовалась.

Благодарности

Настоящее издание стало возможным благодаря щедрой поддержке Семейного фонда Чарльза и Линн Шустерман. Мы благодарны Фонду за его исключительное внимание к израилеведению и за его дальновидное руководство.

Эта книга была задумана профессором Иегудой Рейнхарцем. Во время одного из своих визитов в Израиль он подошел ко мне и предложил заняться написанием всеобъемлющей истории Израиля, от зарождения сионистского движения вплоть до наших дней. Большинство работ по истории Израиля сосредоточено на арабо-еврейском конфликте. В его замыслы входил более амбициозный проект: не уклоняясь от изучения конфликта, охватить внутреннюю еврейскую политику, иммиграцию и национальное строительство, экономику и социальные отношения, а также их культурные и идеологические основы. Я приняла этот вызов, чувствуя, что настало время для этого. Профессор Илан Трэн внимательно следил за написанием данной книги и делился со мной своим опытом преподавания истории Израиля в Брандейском университете. Сильвия Фукс Фрид руководила многими этапами всего проекта. Я очень рада, что эта книга появилась в серии изданий Шустермана по израилеведению Брандейского университета.

Понятно, что такая книга не могла быть основана исклю-

чительно на моих собственных знаниях и исследовании первоисточников. Разумеется, я полагалась на собственный обширный опыт изучения сионистской и израильской истории, накопленный за сорок лет исследований. Но в некоторых главах, особенно в тех, которые касаются недавнего прошлого, я пользовалась работами и следовала советам ученых, специализирующихся в определенных областях исследования. Перечисленные далее специалисты любезно прочитали отдельные главы, и их предложения помогли мне ограничить текст: Мордехай Бар-Он, главы 7 и 12; Джейкоб Мецер, главы 9 и 18; Ярон Цур, глава 10; Мотти Голани, глава 12; Арье Наор, глава 17; Итамар Рабинович, главы 18 и 19; Ниссим Леон, глава 18; Сара Осецки-Лазар, глава 19.

Доктор Нурит Коэн-Левиновски была моим ассистентом в этом проекте. Она оказала мне огромную услугу, отслеживая источники, проверяя факты и детали и уберегая меня от неприятностей. Она также руководила созданием карт, разработанных картографом Реувеном Соффером.

Энтони Беррис, скромный кибуцник из Бейтха-Эмек, сделал прекрасный перевод моего текста с иврита; Стефани Голден отшлифовала его и придала ему окончательный вид. Я очень благодарна им обоим.

Мириам Хоффман и Анина Сельве из Брандейского университета профессионально решали административные вопросы; доктор Джон Р. Хоуз, управляющий издательством Brandeis University Press, с самого начала полностью поддер-

живал эту книгу; Филлис Дойч, главный редактор, и все сотрудники издательства University Press в Новой Англии внесли свой вклад в редактирование и дизайн книги. Я им всем благодарна.

Анита Шапира

Тель-Авив, 2012

Библиография

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СИОНИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Ahad Ha'am. Essays, Letters, Memoirs. Oxford: East and West Library, 1946.

Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2006.

Herzl T. The Diaries of Theodor Herzl. New York: Grosset & Dunlap, 1962.

Shapira A. Land and Power: The Zionist Resort to Force, 1881–1948, Oxford and New York: Oxford University Press, 1992.

Shapira A. Ahad Ha'am: The Politics of Sublimation // Studies in Contemporary Jewry, 11 (1995), p. 205–214.

Ha uvrute

Ahad Ha'am. Kol kitvei Ahad Ha'am (The Collected Works of Ahad Ha'am). Tel Aviv: Dvir 1947.

Herzl B. Z. Hayoman (The Diary). Tel Aviv: M. Newman, 1960.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Avineri S. The Making of Modern Zionism: The Intellectual Origins of the Jewish State, London: Weidenfeld & Nicolson, 1981.

Laqueur W. A History of Zionism. New York: Schocken Books, 1976.

Shimoni G. The Zionist Ideology. Hanover, NH: Brandeis University Press, 1995.

Stanislawski M. Zionism and the Fin-de-Siècle. Berkeley: University of California Press, 2001.

Troen I. S. Imagining Zion: Dreams, Designs, and Realities in a Century of Jewish Settlement. New Haven: Yale University Press, 2003.

Vital D. The Origins of Zionism. Oxford: Clarendon Press, 1975.

Vital D. Zionism: The Formative Years. Oxford: Clarendon

Press, 1982.

Vital D. Zionism: The Crucial Phase. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Европейское еврейство в новые времена

Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Frankel J., Zipperstein S. J. Assimilation and Community: The Jews in Nineteenth-Century Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Katz J. Tradition and Crisis: Jewish Society at the End of the Middle Ages. New York: Schocken Books, 1971.

Katz J. Out of the Ghetto: The Social Background of Jewish Emancipation, 1770–1870. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973.

Mendelsohn E. Class Struggle in the Pale: The Formative Years of the Jewish Workers' Movement in Tsarist Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

Opalski, Magdalena, and Bartal, Israel, Poles and Jews: A Failed Brotherhood. Hanover, NH: Brandeis University Press, 1992.

Современный антисемитизм

Almog S. Nationalism and Antisemitism in Modern Europe, Oxford and Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, Pergamon Press, 1990.

Laqueur W. The Changing Face of Antisemitism: From Ancient Times to the Present Day. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Национализм и романтизм

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991.

Berlin I. The Roots of Romanticism. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1999.

Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Mosse G. L. Confronting the Nation: Jewish and Western Nationalism. Hanover, NH: Brandeis University Press, 1993.

Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford and New York: Blackwell, 1986.

Библия и еврейский национализм

Shapira A. The Bible and Israeli Identity // AJS Review 28, 1 (2004), p. 11–41.

Биографии

Bein A. Theodore Herzl: A Biography. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1941.

Elon A. Herzl. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1975.

Pawel E. The Labyrinth of Exile: A Life of Theodor Herzl. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1989.

Zipperstein S. Elusive Prophet: Ahad Ha'am and the Origins of Zionism, Berkeley: University of California Press, 1993.

Источники и референсы

Penslar D., Kaplan E. The Origins of Israel, 1881–1948: A Documentary History. Madison: University of Wisconsin Press, 2011.

Reinharz J., Shapira A. Essential Papers on Zionism. New York: New York University Press, 1996.

2. ЕВРЕИ, ТУРКИ, АРАБЫ: ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ НА ЗЕМЛЕ ИЗРАИЛЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Shapira A. Berl: The Biography of a Socialist Zionist. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Shapira A. Land and Power: The Zionist Resort to Force, 1881–1948. Stanford: Stanford University Press, 1999.

Shapira A. The Bible and Israeli Identity // AJS Review 28, 1 (2004). P. 11–41.

На иврите

Aharonson R. Habaron vehamoshavot: Hahityashvut hayehudit be'Eretz Yisrael bereishita, 1882–1890 (Rothschild and Early Jewish Colonization in Palestine). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 1990.

Gur A. Immigrantim: Hahagira hayehudit liEretz Yisrael bereishit hameah ha'esrim (Immigrants: Jewish Immigration to

Palestine in the Early Twentieth Century). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2004.

Ha'aliya hashniya (The Second Aliya) / Ed. Bartal Israel. Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 1997.

Cana'ani D. Ha'aliya hashniya ha'ovedet veyakhasa ladat velamasoret (The Attitude of the Second Aliya toward Religion and Tradition). Tel Aviv: Sifriat Hapoalim, 1976.

Eliav M. Eretz Yisrael veishuva bameah hatsha esrei, 1777–1917 (The Settlement of Palestine in the Nineteenth Century, 1777–1917). Jerusalem: Keter, 1978.

Sefer ha'aliya harishona (The First Aliya) / Ed. M. Eliav. Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 1981.

Hazan M. Metinut: Hagisha hametuna beHapo'el Hatza'ir ubeMapai, 1905–1945 (Moderation: The Moderate Approach in Hapo'el Hatza'ir and Mapai, 1905–1945). Tel Aviv: Am Oved and Tel Aviv University, 2009.

Levtov B. Biluim bemahloket: Dfusei bilui vetarbut popularit shel yehudim be'Eretz Yisrael bashanim 1882–1914 kemeshakfei temurot hevratiot (Leisure and Popular Culture Patterns of Jews in the Land of Israel in the Years 1882–1914 as Reflections of Social Changes). Doctoral thesis. Tel Aviv University, 2007.

Toldot hayishuv hayehudi be'Eretz Yisrael me'az ha'aliya harishona (The History of the Jewish Community in Palestine since 1882: The Ottoman Period). Vol. I.I / Ed. M. Lissak, G. Cohen, I. Kolatt. Jerusalem: Israel National Academy of Science,

1990.

Shapira A. Hama'avak hanikhzav: Avoda ivrit, 1929–1939 (Futile Struggle). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad and Tel Aviv University, 1977.

Shapira A. Yehudim hadashim, yehudim yeshanim (New Jews, Old Jews). Tel Aviv: Am Oved, 1997.

Shapira A. Brenner: Sippur haim (Brenner: A Life). Tel Aviv: Am Oved, 2008.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Friedman I. Germany, Turkey, and Zionism, 1897–1918. Oxford: Clarendon Press, 1977.

Gilbar G. Ottoman Palestine, 1800–1914. Leiden: E. J. Brill, 1990.

Scholch A. Palestine in Transformation, 1856–1882, Studies in Social, Economic, and Political Development, Institute for Palestine Studies. Washington, 1993.

Shilo M. Princess or Prisoner? Jewish Women in Jerusalem, 1840–1914. Hanover: Brandeis University Press, 2005.

Барон де Ротшильд

Morton F. The Rothschilds: A Family Portrait. London: Secker & Warburg, 1962.

Schama S. Two Rothschilds and the Land of Israel. London: Collins, 1978.

Еврейско-арабские отношения

Zionism and the Arabs / Ed. S. Almog. Jerusalem: Historical Society of Israel; Zalman Shazar Center, 1983.

Caplan N. Palestine Jewry and the Arab Question, 1917–1925. London: Frank Cass, 1978.

Gorny Y. Zionism and the Arabs. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Zionism and Arabism in Palestine and Israel / Ed. E. Kedourie, S. G. Haim. London: Frank Cass, 1982.

Lockman Z. Comrades and Enemies: Arab and Jewish Workers in Palestine, 1906–1948. Berkeley: University of California Press, 1996.

Mandel N. J. The Arabs and Zionism before World War I. Berkeley: University of California Press, 1976.

Shafir G. Land, Labor, and the Origins of the Israeli-Palestinian Conflict, 1882–1914. Berkeley: University of California Press, 1996.

Teveth S. Ben-Gurion and the Palestinian Arabs: From Peace to War. Oxford: Oxford University Press, 1985.

Биография

Zipperstein S. Elusive Prophet: Ahad Ha'am and the Origins of Zionism. Berkeley: University of California Press, 1993.

3. ПАЛЕСТИНА ПОД БРИТАНСКИМ ПРАВЛЕНИЕМ

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Gross N. The Economic Policy of the Mandatory Government in Palestine. Jerusalem: Maurice Falk Institute for Economic Research in Israel, 1982.

Marlowe J. Rebellion in Palestine. London: Cresset Press, 1946.

Marlowe J. The Seat of Pilate: An Account of the Palestine Mandate. London: Cresset Press, 1959.

Metzer J. The Divided Economy of Mandatory Palestine. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Monroe E. Britain's *Moment* in the Middle East, 1914–1956.

Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.

Porath Y. The Emergence of the Palestinian-Arab National Movement, 1918–1929. London: Frank Cass, 1974.

Porath Y. The Palestinian Arab National Movement: From Riots to Rebellion, 1929–1939. London: Frank Cass, 1977.

Shapira A. Land and Power: The Zionist Resort to Force, 1881–1948. Stanford: Stanford University Press, 1999.

Shapira A. Yigal Allon, Native Son: A Biography. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.

Sykes C. After the Mandate: The Tragic Error of the Balfour Declaration. London, 1948 (Soundings in the Politics and Economics of the World, no. 15).

Sykes C. Crossroads to Israel: Palestine from Balfour to Bevin. London: New English Library, 1967.

Zweig R. W. Britain and Palestine during the Second World War. Suffolk: Boydell Press, for the Royal Historical Society, 1985.

Ha uerpume

Biger G. Moshevet keter o bayit leumi: hashpa'at hashilton habriti al Eretz Yisrael, 1917–1930 (Crown Colony or National Home: The Influence of British Rule in Palestine, 1917–1930). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 1983.

Elam Yigal. Historia politit, 1918–1922 (Political History, 1918–1922) // Toldot hayishuv hayehudi be'Eretz Yisrael me'az

ha'aliya hashniya (History of the Jewish Community in Palestine since the Second Aliya). The British Mandate Period, Part 1/ Ed. M. Lissak. Jerusalem: Israel National Academy of Science. P. 139–222.

Eliav M. Eretz Yisrael veyishuva bameah hatsha esrei, 1777–1917 (The Settlement of Palestine in the Nineteenth Century, 1777–1917). Jerusalem: Keter, 1978.

Friedman I. She'elat Eretz Yisrael bitekufat milhemet ha'olam harishona (The Question of Palestine: British-Jewish-Arab Relations, 1914–1918) // Toldot hayishuv hayehudi be'Eretz Yisrael me'az ha'aliya harishona (The History of the Jewish Community in Palestine since 1882). The British Mandate Period, Part 1 / Ed. Moshe Lissak. Jerusalem: Israel National Academy of Science, 2001. P. 1–96.

Katzburg N. He'asor hasheni lemishtar hamandat haBriti be'Eretz Yisrael, 1931–1939 (The Second Decade of the British Mandate in Palestine, 1931–1939) // Toldot hayishuv hayehudi be'Eretz Yisrael me'az ha'aliya harishona (The History of the Jewish Community in Palestine since 1882). The British Mandate Period, Part 1 / Ed. Moshe Lissak. Jerusalem: Israel National Academy of Science, 2001. P. 329–432.

Kushnir D. Hador ha'aharon leshilton ha'ottomani be'Eretz Yisrael (Palestine in the Late Ottoman Period) // Toldot hayishuv hayehudi be'Eretz Yisrael me'az ha'aliya harishona (The History of the Jewish Community in Palestine since 1882). The Ottoman Period. Vol. 1.1 / Ed. M. Lissak. Jerusalem: Israel National

Academy of Science, 2001. P. 1–74.

Metzer Y., Kaplan O. Meshek yehudi umeshek aravi be'Eretz Yisrael: totzar, ta'asukah utzimha bitekufat hamandat (The Jewish and Arab Economies in Mandatory Palestine: Production, Employment, and Growth). Jerusalem: Maurice Falk Institute for Economic Research in Israel, 1978.

Pinchas O. Hitgabshut mishtar hamandat vehanahat hayesodot lebayit yehudi leum – 1921–1931 (Formation of the Mandatory Government and Laying the Foundations of a Jewish National Home-1921–1931) // Toldot hayishuv hayehudi be'Eretz Yisrael me'az ha'aliya harishona (The History of the Jewish Community in Palestine since 1882), The British Mandate Period. Part 1 / Ed. M. Lissak. Jerusalem: Israel National Academy of Science, 2001. P. 223–327.

Porath Y. Tzmihat hatenua haleumit ha'aravit-palestina'it, 1918–1929 (The Emergence of the Palestinian-Arab National Movement, 1918–1929). Jerusalem: Am Oved, 1971.

Porath Y. Mimehumot lemerida: hatenua haleumit ha'aravit-palestina'it, 1929–1939 (The Palestinian Arab National Movement: From Riots to Rebellion, 1929–1939). Tel Aviv: Am Oved, 1978.

Sefer toldot hahaganah (History of the Haganah) / Ed. Y. Slutzky et al. Jerusalem, Tel Aviv: The Zionist Library and Ministry of Defense, 1954–1972: Vol. 1 (parts 1 and 2). Mehitgonenut lehaganah (From Self-Defense to Defense), Vol. 2 (parts 1 and 2), Mehaganah lema'avak (From Defense to

Struggle).

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Bethell N. The Palestine Triangle: The Struggle between the British, the Jews, and the Arabs, 1935–48. London: A. Deutsch, 1979.

Cohen M. J. Palestine and the Great Powers, 1945–1948. Princeton: Princeton University Press, 1982.

Dothan S. A Land in the Balance: The Struggle for Palestine, 1918–1948. Tel Aviv: MOD Books, 1993.

Friedman I. The Question of Palestine, 1914–1918: British-Jewish-Arab Relations. London: Routledge & Kegan Paul, 1973.
The Rise of Israel: British-Zionist Relations, 1914–1917 / Ed. I. Friedman. New York: Garland, 1987.

Hurewitz J. C. The Struggle for Palestine. New York: Schocken Books, 1976.

Palestine and Israel in the 19th and 20th Centuries / Ed. E. Kedourie, S. G. Haim. London: Frank Cass, 1982.

The Rise of Israel: The Turn toward Violence, 1920–1929 / Ed. A. S. Klieman. New York: Garland, 1987.

The Rise of Israel: The Intensification of Violence, 1929–1936 / Ed. A. S. Klieman. New York: Garland, 1987.

Louis R. W. The British Empire in the Middle East. Oxford: Clarendon Press, 1984.

Miller Y. N. Government and Society in Rural Palestine,

1920–1948. Austin: University of Texas Press, 1985.

Morris B. Righteous Victims: A History of the Zionist-Arab Conflict, 1881–1999. New York: Vintage Books, 2001.

Segev T. One Palestine, Complete: Jews and Arabs under the British Mandate. London: Abacus, 2001.

Shamir R. The Colonies of Law: Colonialism, Zionism and Law in Early Mandate Palestine. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Shlaim A. The Politics of Partition: King Abdullah, the Zionists, and Palestine, 1921–1951. Oxford: Oxford University Press, 1988.

Stein K. W. The Land Question in Palestine, 1917–1939. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984.

Британская политика

Cohen M. J. Palestine – Retreat from the Mandate. London: P. Elek, 1978.

The Rise of Israel: Implementing the White Paper, 1939–1941 / Ed. M. J. Cohen. New York: Garland, 1987.

The Rise of Israel: Britain Enters into a Compact with Zionism, 1917 / Ed. I. Friedman. New York: Garland, 1987.

Friedman I. Palestine, a Twice-Promised Land? New Brunswick: Transaction Books, 2000.

Sheffer G. Policymaking and British Policies towards Palestine, 1929–1939. Oxford: Michaelmas Linacre College,

1970. *Sherman A. J.* Mandate Days: British Lives in Palestine, 1918–1948. London: Thames and Hudson, 1997.

Stein K. W. The Land Question in Palestine, 1917–1939. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984.

Stein L. The Balfour Declaration, Jerusalem: Magnes, 1983.

Wasserstein B. The British in Palestine 1917–1929. London: Royal Historical Society, 1978.

Wasserstein B. Britain and the Jews of Europe. Oxford: Oxford University Press, 1988.

Сионистская политика

The Rise of Israel: Jewish Resistance to British Rule in Palestine, 1944–1947 / Ed. M. J. Cohen. New York: Garland, 1987.

Heller J. The Birth of Israel, 1945–1949: Ben-Gurion and His Critics. Gainesville: University Press of Florida, 2000.

Katz Y. Partner to Partition: The Jewish Agency's Partition Plan in the Mandate Era. London: Frank Cass, 1998.

Палестинцы

Antonius G. The Arab Awakening. New York: Capricorn Books, 1965.

Cohen H. Army of Shadows: Palestinian Collaboration with

Zionism, 1917–1948. Berkeley: University of California Press, 2008.

Khalaf I. Politics in Palestine: Arab Factionalism and Social Disintegration, 1939–1948. Albany: State University of New York Press, 1991.

Khalidi R. Palestinian Identity: The Construction of Modern National Consciousness. New York: Columbia University Press, 2000.

Kimmerling B., Migdal J. S. Palestinians: The Making of a People. Cambridge: Harvard University Press, 1994.

Nevo J. King Abdallah and Palestine: A Territorial Ambition. Oxford: Macmillan, 1996.

Отношения между евреями и арабами

Zionism and the Arabs / Ed. S. Almog. Jerusalem: Historical Society of Israel, 1983.

Bernstein D. Constructing Boundaries: Jewish and Arab Workers in Mandatory Palestine. Albany: State University of New York Press, 2000.

Caplan N. Palestine Jewry and the Arab Question, 1917–1925. London: Frank Cass, 1978.

Caplan N. Futile Diplomacy. London: Frank Cass, 1983.

Cohen M. J. The Rise of Israel: The Jewish Military Effort, 1939–1944. New York: Garland, 1987.

Gelvin J. The Israel-Palestine Conflict: 100 Years of War.

Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Gorny Y. Zionism and the Arabs. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Zionism and Arabism in Palestine and Israel / Ed. E. Kedourie, S. Haim. London: Frank Cass, 1982.

Lockman Z. Comrades and Enemies: Arab and Jewish Workers in Palestine, 1906–1948. Berkeley: University of California Press, 1996.

Mandel N. The Arabs and Zionism before World War I. Berkeley: University of California Press, 1976.

Shafir G. Land, Labor, and the Origins of the Israeli-Palestinian Conflict, 1882–1914. Berkeley: University of California Press, 1996.

Tessler M. A History of the Israeli-Palestinian Conflict. Bloomington: Indiana University Press, 1994.

Teveth S. Ben-Gurion and the Palestinian Arabs: From Peace to War. Oxford: Oxford University Press, 1985.

Источники и справочные издания

Gertz A. Statistical Handbook of Jewish Palestine, 1947. Jerusalem: Jewish Agency for Palestine, 1947.

Freundlich Y. Political Documents of the Jewish Agency. Jerusalem: Zionist Library, 1996.

Reinharz J., Shapira A. Essential Papers on Zionism. New York: New York University Press, 1996.

4. ИММИГРАЦИЯ И РАССЕЛЕНИЕ В ТЕЧЕНИЕ МАНДАТНОГО ПЕРИОДА

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Bein A. The Return to the Soil: A History of Jewish Settlement in Israel. Jerusalem: The Zionist Organization, 1952.

Gross N. The Economic Policy of the Mandatory Government in Palestine. Jerusalem: Maurice Falk Institute for Economic Research in Israel, 1982.

Metzer J. The Divided Economy of Mandatory Palestine. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Karlinsky N. California Dreaming: Ideology, Society, and Technology in the Citrus Industry of Palestine, 1890–1939. Albany: State University of New York Press, 2005.

На иврите

Giladi D. Hayishuv bitekifat ha'aliya harevi'it: behina kalkalit upolitit (Jewish Palestine during the Fourth Aliyah Period

[1924–1929]: Economic and Social Aspects). Tel Aviv: Am Oved, 1973.

Gross N. Lo al haruah levada: iyyunim bahistoria hakalkalit shel EretzYisrael ba'et hahadasha (Not by Spirit Alone: Studies in the Economic History of Modern Palestine and Israel). Jerusalem: Magnes, 1999.

Halamish A. Bemerutz kaful neged hazman: mediniut ha'aliya hatzionit bishnot hashloshim (Race against Time: Zionist Immigration Policy in the 1930s). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2006.

Helman A. Or veyam hikifuha: tarbut tel-avivit bitekufat hamandat (Tel Aviv's Culture during the Mandate Era). Haifa: University of Haifa, 2007.

Metzer Y., Kaplan O. Meshek yehudi umeshek aravi: totzar, ta'asuka utzmiha bitekufat hamandat (The Jewish and Arab Economies in Mandatory Palestine: Production, Employment, and Growth). Jerusalem: Maurice Falk Institute for Economic Research in Israel, 1978.

Shapira A. Hama'avak hanikhzav: avoda ivrit, 1929–1939 (Futile Struggle: Hebrew Labor, 1929–1939). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad and Tel Aviv University, 1977.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Halpern B., Reinharz J. Zionism and the Creation of a New Society. Hanover: Brandeis University Press, 2000.

The Rise of Israel: The Jewish Yishuv's Development in the Interwar Period / Ed. A. S. Klieman. New York: Garland, 1987.

Mendelsohn E. The Jews of East-Central Europe between the World Wars. Bloomington: Indiana University Press, 1987.

Трудовые коммуны

Kats Y. The Religious Kibbutz Movement in the Land of Israel, 1930–1948. Jerusalem: Magnes Press, 1999.

Near H. The Kibbutz Movement: A History. Oxford: Oxford University Press, 1997.

Rayman P. The Kibbutz Community and Nation Building. Princeton: Princeton University Press, 1981.

Shilony Z. Ideology and Settlement: The Jewish National Fund, 1897–1914. Jerusalem: Magnes Press, 1998.

Weintraub D., Lissak M., Azmon Y. Moshava, Kibbutz, and Moshav: Patterns of Jewish Rural Settlement and Development in Palestine. Ithaca: Cornell University Press, 1969.

Городское население

Ben-Porat A. Between Class and Nation. New York: Greenwood Press, 1986.

Bernstein D. Pioneers and Homemakers: Jewish Women in Pre-State Israel. Albany: State University of New York Press,

1992.

Cohen E. The City in the Zionist Ideology. Jerusalem: Institute of Urban and Regional Studies, 1970.

Helman A. Young Tel Aviv: A Tale of Two Cities. Hanover: Brandeis University Press, 2010.

LeVine M. Overthrowing Geography: Jaffa, Tel Aviv and the Struggle for Palestine. Berkeley: University of California Press, 2005.

People of the City: Jews and the Urban Challenge / Ed. E. Mendelsohn. New York: Oxford University Press, 1999.

Биография

Shapira A. Berl: The Biography of a Socialist Zionist. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

5. ИШУВ КАК ПРООБРАЗ ГОСУДАРСТВА

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Shapira A. Berl: The Biography of a Socialist Zionist.

Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Shapira A. Land and Power: The Zionist Resort to Force, 1881–1948. Stanford: Stanford University Press, 1999.

Shapira A. Yigal Allon, Native Son: A Biography. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.

Shavit Y. Jabotinsky and the Revisionist Movement, 1925–1948. London: Frank Cass, 1988.

Ha uerpume

Gorny Y. Ahdut Ha'avoda: 1919–1930. Ramat Gan: Hakibbutz Hameuhad, 1973.

Halamish Aviva. Bemerutz kaful neged hazman: mediniut ha'aliya hatzionit bishnot hashloshim (Race against Time: Zionist Immigration Policy in the 1930s). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2006.

Shapira A. Hama'avak hanikhzav: avoda ivrit, 1929–1939 (Futile Struggle: Jewish Labor, 1929–1939). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad and Tel Aviv University, 1977.

Shapira Y. Ahdut Ha avoda hahistorit (The Historical Ahdut Ha'avoda). Tel Aviv: Am Oved, 1975.

Shavit Y. Onat hatzayid – haseison (The Hunting Season). Tel Aviv: Hadar, 1976.

Shavit Y. Merov limedina: hatenua harevizionistit (From Majority to State: The Revisionist Movement). Tel Aviv: Hadar, 1983.

Sefer toldot hahaganah (History of the Haganah). Vol. 1 (parts 1 and 2). Mehitgonenut lehaganah (From Self-defense to Defense), Vol. 2 (parts 1 and 2), Mehaganah lema'avak (From Defense to Struggle) / Ed. Y. Slutzky et al. Jerusalem, Tel Aviv: The Zionist Library and Ministry of Defense, 1954–1972.

Tzachor Z. Baderekh lehanhagat hayishuv: hahistadrut bereishita (The Histadrut: The Formative Period). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 1982.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Horowitz D., Lissak M. Origins of the Israeli Polity: Palestine under the Mandate. Chicago: University of Chicago Press, 1978.

The Rise of Israel: Giving Substance to the Jewish National Home, 1920 and Beyond / Ed. A. S. Klieman. New York: Garland, 1987.

Левые, правые и центр

Hattis S. L. The Bi-National Idea in Palestine during Mandatory Times. Haifa: Shikmona, 1970.

Kaplan E. The Jewish Radical Right: Revisionist Zionism and Its Ideological Legacy. Madison: University of Wisconsin Press, 2005.

Ratzabi S. Between Zionism and Judaism: The Radical Circle

in Brith Shalom, 1925–1933. Leiden: Brill, 2002.

Schechtman J. B. Benari Yehuda. History of the Revisionist Movement. Tel Aviv: Hadar, 1970.

Сионизм и религия

Zionism and Religion / Ed. S. Almog, J. Reinhartz, A. Shapira. Hanover: Brandeis University Press, 1998.

Женщины в Палестине

Pioneers and Homemakers: Jewish Women in Pre-State Israel / Ed. D. S. Bernstein. Albany: State University of New York Press, 1992.

Kark R., Shilo M., Hasan-Rokem G. Jewish Women in Pre-State Israel: Life, History, Politics, and Culture. Hanover: Brandeis University Press, 2008.

Shilo M. The Diverse Identities of the New Hebrew Woman in Eretz Israel. Jerusalem: Research Institute for the History of the Keren Kayemeth LeIsrael, 1998.

The Plough Woman: Records of the Pioneer Women of Palestine / Ed. M. Raider, M. B. Raider-Roth. Hanover: Brandeis University Press, 2002.

Нелегальная иммиграция

The Rise of Israel: The Holocaust and Illegal Immigration, 1939–1947 / Ed. M. J. Cohen. New York: Garland, 1987.

Hadari Z. V., Tzahor Z. Voyage to Freedom: An Episode in the Illegal Immigration to Palestine. London: Vallentine Mitchell, 1985.

Ofer D. Escaping the Holocaust: Illegal Immigration to the Land of Israel, 1939–1944. New York: Oxford University Press, 1990.

6. ИШУВ: ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА И ДУХ

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Shapira A. Berl: The Biography of a Socialist Zionist. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Shapira A. Land and Power: The Zionist Resort to Force, 1881–1948. Stanford: Stanford University Press, 1999.

На иврите

Helman Anat. Or veyam hikifuha: tarbut tel-avivit bitekufat hamandat (Tel Aviv's Culture during the Mandate Era). Haifa: University of Haifa, 2007.

Shapira Anita. Mitos vietos bahistoria uvakolnoa hayisraeli (Myth and Ethos in Israeli History and Cinema). Ra'anana: The Open University, 2008.

Shavit Y., Biger G. Hahistoria shel Tel Aviv (The History of Tel Aviv). Tel Aviv: Ramot, Tel Aviv University, 2002.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Pioneers and Homemakers: Jewish Women in Pre-State Israel / Ed. D. Bernstein. Albany: State University of New York Press, 1992.

Helman A. A Coat of Many Colors: Dress Culture in the Young State of Israel. Boston: Academic Studies Press, 2011.

Oz A. A Tale of Love and Darkness. London: Vintage, 2004.; на русском: *Оз А.* Повесть о любви и тьме / Пер. В. Радущкий, ред. Т. Филатова. – СПб.: Амфора, 2009. – 752 с.

Zakim E. To Build and Be Built: Landscape, Literature, and the Construction of Zionist Identity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2006.

Zerubavel Y. Recovered Roots: Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1995.

7. ВОЙНА ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ, 1947–1949

БИБЛИОГРАФИЯ

Bar-Or A. The Evolution of the Army's Role in Israeli Strategic Planning: A Documentary Record // Israel Studies 1, 2 (1996). P. 98–121.

Gelber Y. Palestine 1948: War, Escape and the Emergence of the Palestinian Refugee Problem. Portland: Sussex Academic Press, 2001.

Kimche J. Both Sides of the Hill. London: Secker & Warburg, 1960.

Kochavi A. Post-Holocaust Politics: Britain, the United States and Jewish Refugees, 1945–1948. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2001.

Louis R. The British Empire in the Middle East, 1945–1951. Oxford: Clarendon Press, 1984.

The End of the Palestine Mandate / Ed. R. Louis, R. W. Stookey. London: I. B. Tauris, 1986.

Morris B. The Birth of the Palestinian Refugee Problem,

1947–1949. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Rubin B. The Arab States and the Palestine Conflict. Syracuse: Syracuse University Press, 1981.

Shapira A. Land and Power: The Zionist Resort to Force. Stanford: Stanford University Press, 1999.

Shapira A. Yigal Allon: Native Son. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.

Shlaim A. Collusion across the Jordan. Oxford: Clarendon Press, 1988.

Tal D. War in Palestine, 1948: Strategy and Diplomacy. London: Routledge, 2004.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Bar-On M. Conquering the Wasteland: Zionist Perceptions of the Arab-Israeli Conflict // Palestine-Israel Journal 3, 2 (1996), p. 1323.

Benson M. T., Harry S. Truman and the Founding of Israel. Westport: Praeger, 1997.

Bialer Uri. «Our Place in the World»: Mapai and Israel's Foreign Policy Orientation, 1947–1952. Jerusalem: Magnes Press, 1981.

Collins L., Lapierre D. O Jerusalem! Paris: Laffont, 1971.

Cunningham A. Palestine – The Last Days of the Mandate // International Affairs 24, 4 (1948), p. 481–490.

Gelber Y. The Israeli-Arab War of 1948: History versus

Narratives // A Never-Ending Conflict / Ed. M. Bar-On. London: Praeger, 2004, p. 43–68.

Golani M. Zionism without Zion: The Jerusalem Question, 1947–1949 // *Journal of Israeli History* 16, 1 (1995), p. 39–52.

Golani M. Jerusalem's Hope Lies Only in Partition: Israeli Policy on the Jerusalem Question, 1948–67 // *International Journal of Middle East Studies* 31, 4 (1999), p. 577–604.

Golani M. The «Haifa Turning Point»: The British Administration and the Civil War in Palestine, December 1947 – May 1948 // *Middle Eastern Studies* 37, 2 (2000), p. 93–130.

Hurewitz J. C. The Struggle for Palestine. New York: Schocken Books, 1976.

Kadish A. Myths and Historiography of the 1948 Palestine War Revisited: The Case of Lydda // *Middle East Journal* 59, 4 (2005), p. 617–634.

Kurzman D. Genesis 1948: The First Arab-Israeli War. New York: Da Capo Press, 1992.

Monroe E. Britain's Moment in the Middle East, 1914–1971. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1981.

Morris B. 1948 – A History of the First Arab-Israeli War. New Haven: Yale University Press, 2008.

The War for Palestine: Rewriting the History of 1948 / Ed. E. Rogan, A. Shlaim. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

Sela A. Arab Historiography of the 1948 War: The Quest for Legitimacy // *New Perspectives on Israeli History* / Ed. S. J.

Laurence. New York: New York University Press, 1991, p. 124–154.

Sela A. Transjordan, Israel and the 1948 War: Myth, Historiography and Reality // Middle Eastern Studies 28, 4 (1992), p. 623–688.

Sela A. Israeli Historiography of the 1948 War // Shared Histories / Ed. P. Scham, W. Salem, B. Pogrud. Walnut Creek: Left Coast Press, 2005, p. 205–219.

Shapira A. Politics and Collective Memory // History and Memory, special issue on Israeli Historiography Revisited 7, 1 (1995), p. 9–34.

Shapira A. Historiography and Memory: Latrun, 1948 // Jewish Social Studies 3, 1 (1996), p. 20–61.

Shapira A. Hirbet Hizah: Between Remembrance and Forgetting // Jewish Social Studies 7, 1 (2000), p. 1–62.

Shapira A. History, Memory and Identity // Israel: Culture, Religion and Society / Ed. S. A. Cohen, M. Shain. Ramat Gan: Bar-Ilan University, 2000, p. 6–22.

Shapira A. The Strategies of Historical Revisionism // Journal of Israeli History 20, 2–3 (2001), p. 62–76.

Tal D. The Forgotten War: Jewish-Palestinian Strife in Mandatory Palestine, December 1947 – May 1948 // Israel Affairs 6, 3–4 (2000), p. 3–21.

Tal D. The Historiography of the 1948 War in Palestine: The Missing Dimension // Journal of Israeli History 24, 2 (2005), p. 183–202.

Yahya A. H. The Birth of the Palestinian Refugee Problem in 1947–1948 // Shared Histories / Ed. P. Scham, W. Salem, B. Pogrund. Walnut Creek: Left Coast Press, 2005, p. 220–227.

Палестинская Накба

Khalidi W. All That Remains. Washington: Institute for Palestine Studies, 1992.

Khoury E. Gate of the Sun: Bab al-Shams. New York: Picador, 2007.

Masalha N. Expulsion of the Palestinians. Washington: Institute for Palestine Studies, 1993.

Автобиографии

Begin M. The Revolt. Jerusalem: Steimatzky's Agency, 1972.

Dayan M. Moshe Dayan: Story of My Life. New York: Warner Books, 1976.

Glubb J. A Soldier with the Arabs. London: Hodder and Stoughton, 1957.

8. СОЗДАНИЕ ИЗРАИЛЬСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Lahav P. Judgment in Jerusalem: Chief Justice Simon Agranat and the Zionist Century. Berkeley: University of California Press, 1997.

Medding P. Y. The Founding of Israeli Democracy, 1948–1967. New York: Oxford University Press, 1990.

На иврите

Sefer Uri Yadin: Ha'ish ufo'alo (In Memoriam: Uri Yadin) / Ed. A. Barak, T. Spanitz. Jerusalem: Bursi, 1990.

Bareli A. Mapai bereishit ha-atzma'ut: 1948–1953 (Mapai at the Beginning of Independence: 1948–1953). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2007.

Hevra vekalkala beYisrael: mabat histori veakhshavi (Society and Economy in Israel: Historical and Contemporary Perspectives) / Ed. A. Bareli, D. Gutwein, T. Friling. Jerusalem,

Sdeh Boker: Ben-Gurion University of the Negev, 2005.

Cohen C. Chaim Cohen shofet elyon: sihot im Michael Shashar (Supreme Court Justice Chaim Cohen: Conversations with Michael Shashar). Jerusalem: Keter, 1989.

Erel N. «Bli mora bli maso panim»: Uri Avneri veHa-olam Hazeh (Without Fear, Without Bias: Uri Avneri and Haçolam Hazeh). Jerusalem: Magnes, 2006.

Feldstein A. L. Keshergordi: David Ben-Gurion, hahistadrut hatzionit veyahadut artzot habrit, 1948–1963 (Gordian Knot: David Ben-Gurion, the Zionist Organization, and American Jewry, 1948–1963). Sdeh Boker: Ben-Gurion University of the Negev and Sapir Academic College, 2003.

Kabalo P. Shurat hamitnadvim: korotav shel irgun ezrahim (Shurat Hamitnadvim: The Story of a Civic Association). Tel Aviv: Am Oved and the Institute for the Study of Zionism, 2007.

Kedar N. Mamlakhtiyut: hatefisa ha'ezrahit shel David Ben-Gurion (Mamlakhtiyut: Ben-Gurion's Political-Civic Concept). Jerusalem, Sdeh Boker: Ben-Gurion Institute, 2009.

Medinat Yisrael kemedina yehudit vedemokratit: rav siah umekorot (Israel as a Jewish and Democratic State) / Ed. R. Margolin Ron. Jerusalem: World Union of Jewish Studies, 1999.

Hama'avar miyishuv lemedina, 1947–1949: retzifut utemurot (Transition from Yishuv to Statehood: Continuity and Change) / Ed. V. Pilovsky. Haifa: University of Haifa, 1990.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Ben-Rafael E., Sharot S. Ethnicity, Religion, and Class in Israeli Society. Cambridge, Cambridge University Press, 1991.

Cohen M. Zion and State: Nation, Class, and the Shaping of Modern Israel. Oxford: B. Blackwell, 1987.

Israel: Social Structure and Change / Ed. M. Curtis, M. S. Chertoff. New Brunswick, NJ: Transaction Books, 1973.

Eytan W. The First Ten Years. London: Weidenfeld & Nicolson, 1958.

Liebman C. S. Pressure without Sanctions: The Influence of World Jewry on Israeli Policy. London: Associated University Presses, 1977.

Israel, State and Society, 1948–1988 / Ed. P. Y. Medding. New York: Oxford University Press, 1989.

Peled Y., Shafir G. Being Israeli. Cambridge: Cambridge University Press, 2002

Israeli Democracy under Stress / Ed. E. Sprinzak, L. Diamond. Boulder: Lynne Rienner, 1993.

Руководство и политика

Arian A., Shamir M. Collective Identity and Electoral Competition in Israel. Tel Aviv: Tel Aviv University, 1997.

Bernstein M. H. The Politics of Israel: The First Decade of Statehood. Princeton: Princeton University Press, 1957.

Medding P. Y. Mapai in Israel. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

Иудаизм и демократия

Abramov Z. S. Perpetual Dilemma: Jewish Religion in the Jewish State. Rutherford: Fairleigh Dickinson University Press, 1976.

Liebman C. S., Don Y. E. Civil Religion in Israel: Traditional Judaism and Political Culture in the Jewish State. Berkeley: University of California Press, 1983.

Ravitzky A. Messianism, Zionism, and Jewish Religious Radicalism. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

Законодательство

The History of Law in a Multi-Cultural Society: Israel 1917–1967 / Ed. R. Harris, A. Kedar, A. Likhovski. Aldershot: Ashgate, 2002.

Арабы в Израиле

Smooha S. Arabs and Jews in Israel. Boulder: Westview Press,

1992.

Smootha S., Ghanem A. Ethnic, Religious and Political Islam among the Arabs in Israel. Haifa: University of Haifa, 1998.

Etzel, Herut, Altalena

Begin M. The Revolt. Jerusalem: Steimatzky's Agency, 1972.

Lankin E. To Win the Promised Land. Walnut Creek: Benmir, 1992.

Niv D. A Short History of the Irgun Zevai Leumi. Jerusalem: World Zionist Organization, 1980

9. ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО: ЭКОНОМИКА, РАЗВИТИЕ И БОЛЬШОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Halevi N., Klinov-Malul R. The Economic Development of Israel. New York: F. A. Praeger, 1968.

Metzer J. From the Jewish National Home to the State of Israel: Some Economic Aspects of Nation and State Building // Economic Change and the Building of the Nation in History /

Ed. A. Teichova, H. Matis. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2003, p. 270–287.

Metzer J. Jewish Land – Israel Lands: Ethno-Nationality and Land Regime in Zionism and in Israel, 1897–1967 // Land Rights, Ethno-Nationality and Sovereignty in History / Ed. S. L. Engerman, J. Metzer. London: Routledge, 2004, p. 87–110.

Ha uvpume

Hevra vekalkala beYisrael: mabat histori veakhshavi (Society and Economy in Israel: Historical and Contemporary Perspectives) / Ed. A. Bareli, D. Gutwein, T. Friling. Jerusalem, Sdeh Boker: Ben-Gurion University of the Negev, 2005.

Barkai H. Yemei habereshit shel hameshek hayisraeli (The Beginnings of the Israeli Economy). Jerusalem: Maurice Falk Institute for Economic Research in Israel, 1983.

Gross N. Lo al haruah levada: iyyunim bahistoria hakalkalit shel EretzYisrael ba'et hahadasha (Not by Spirit Alone: Studies in the Economic History of Modern Palestine and Israel). Jerusalem: Magnes, 1999.

Horowitz D. Hayyim bamoked (At the Heart of Events). Ramat Gan: Masada, 1975.

Lissak M., Cohen U. Haistrategim hamadai'im bitekufat hamamlakhtiyut: gibush leumiyut bein status miktzo'i vehavnayyat ma'amad beinoni (Scientific Strategists during the Statism Period: Formulating Nationalism between Professional

Status and the Construction of a Middle Class), в процессе издания.

Ayarot hapituah (Development Towns in Israel) / Ed. Z. Zameret Z., A. Halamish, E. Glitzenstein-Meir Esther. Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2009.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Aharoni Y. The Israeli Economy: Dreams and Realities. New York: Routledge, 1991.

The Israeli Economy: Maturing through Crises / Ed. Y. Ben-Porath. Cambridge: Harvard University Press, 1986.

Pack H. Structural Change and Economic Policy in Israel. New Haven: Yale University Press, 1971.

Plessner Y. The Political Economy of Israel: From Ideology to Stagnation. Albany: State University of New York Press, 1994.

Razin A., Sadka E. The Israeli Economy: Malaise and Promise. Tel Aviv: Tel Aviv University, 1992.

Rozenberg M. The Measurement of the Economic Absorption of Israel's New Immigrant Sector from a National Point of View. Jerusalem: The Hebrew University, 1958.

10. ВЕЛИКАЯ АЛИЯ: МАССОВАЯ ИММИГРАЦИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

На иврите

Dor hatemura (Generation of Change) / Ed. S. Deshen, M. Shoked. Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 1977.

Don-Yehiya E. Mashber utemura bamedina hahadasha: hinukh, dat upolitika bama avak al ha'aliya hagedola (Crisis and Change in a New State: Education, Religion and Politics in the Struggle over the Absorption of Mass Immigration in Israel). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2008.

Hacohen D. Olim bise'ara (Immigrants in Turmoil). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 1994.

Hacohen D. Hagar'in vehareikhayyim: hityashvut ha olim banegev ba'asor harishon lamedina (The Grain and the Millstone: The Settlement of Immigrants in the Negev in the First Decade of the State). Tel Aviv: Am Oved, 1998.

Kibbutz galuyot: aliya le Eretz Yisrael: mitos umetziut (Ingathering of Exiles: Aliya to the Land of Israel: Myth and

Reality) / Ed. D. Hacohen. Jerusalem: Shazar Center for Jewish History, 1998.

Hillel S. Ruah kadim: beshlihut makhtartit le artzot arav (Operation Babylon). Jerusalem: Idanim, 1985.

Lissak M. Ha'aliya hagedola bishnot hahamishim: kishlono shel koor hahitukh (Mass Immigration in the Fifties: The Failure of the Melting Pot Policy). Jerusalem: Bialik Institute, 1999.

Meir-Glitzenstein E. Bein Baghdad leRamat Gan: yotzei Iraq beYisrael (From Baghdad to Ramat Gan: Iraqi Jews in Israel). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2009.

Mizug galuyot (Integration of immigrants from different countries of origin in Israel), conference at the Hebrew University of Jerusalem, October 25–26, 1966. Jerusalem: Magnes, 1969.

Olim uma'abarot, 1948–1952 (Immigrants and Ma'abarot, 1948–1952). Idan 8 (book series) / Ed. M. Naor. Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 1987.

Rozin O. Hovat ha'ahava hakasha: yahid vekolktiv beYisrael bishnot hahamishim (Duty and Love: Individualism and Collectivism in 1950s Israel). Tel Aviv: Tel Aviv University and Am Oved, 2008.

Halutzim bedim'a: pirkei iyyun al yahadut tzfon Afrika (Pioneers in Tears: Anthology on North African Jewry) / Ed. S. Shitreet. Tel Aviv: Am Oved, 1991.

Tsur Y. Kehila kru'a: yehudei Maroko vehale'umiyut, 1943–1954 (A Torn Community: The Jews of Morocco and

Nationalism, 1943–1954). Tel Aviv: Tel Aviv University and Am Oved, 2001.

Weissberger Y. Sha'ar Maliya: yoman ha'aliya hahamonit, 1947–1957 (Sha'ar Ha'aliya: A Diary of Mass Immigration, 1947–1957). Jerusalem: World Zionist Federation, 1986.

Zameret Z. Yemei koor hahitukh: va'adat hahakira al hinukh yaldei ha'olim (1950) (The Melting Pot in Israel: The Commission of Inquiry concerning Education in the Immigrant Camps during the Early Days of the State). Sdeh Boker: Ben-Gurion Heritage Institute, 1993.

Ayarot hapituah (The Development Towns). Idan 24 / Ed. Z. Zameret, A. Halamish, E. Meir-Glitzenstein. Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2010.

He'asor hasheni: 1958–1968 (Второе десятилетие: 1958–1968 гг.). Idan 21 / Ed. Z. Zameret, H. Yablonka. Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2001.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Barer S. The Magic Carpet. London: Secker & Warburg, 1952.

Eisenstadt S. N. The Absorption of Immigrants. London: Routledge & Kegan, 1954.

Eisenstadt S. N. The Development of the Ethnic Problem in Israeli Society. Jerusalem: Jerusalem Institute for Israel Studies, 1986.

Gonen A. Mass Immigration and the Spatial Structure of Towns in Israel. Jerusalem: Hebrew University, 1972.

Lissak M. Social Mobility in Israeli Society. Jerusalem: Israel Universities Press, 1969.

Shama A., Mark I. Immigration without Integration: Third World Jews in Israel. Cambridge: Schenkman, 1977.

Weingrod A. Israel: Group Relations in a New Society. Westport: Greenwood, 1965.

Weingrod A. Reluctant Pioneers: Village Development in Israel. Port Washington: Kennikat Press, 1972.

Weintraub D. Immigration and Social Change: Agricultural Settlements of New Immigrants in Israel. Jerusalem: Israel Universities Press, 1971.

11. КУЛЬТУРА И НОРМЫ В РАЗВИВАЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Don-Yehiya E. Memory and Political Culture: Israeli Society and the Holocaust // Studies in Contemporary Jewry, 9 (1993),

p. 139–162.

Essential Papers on Zionism / Ed. J. Reinharz, A. Shapira. New York: New York University Press, 1996.

Segev T. The Seventh Million: The Israelis and the Holocaust. New York: Hill and Wang, 1993.

Shapira A. Historiography and Memory: Latrun, 1948 // Jewish Social Studies 3, 1 (Fall 1996), p. 20–61.

Shapira A. The Holocaust: Private Memories, Public Memory // Jewish Social Studies 4, 2 (1998), p. 40–58.

Shapira A. The Bible and Israeli Identity // AJS Review 28, 1 (2004), p. 11–41.

Shapira A. The Eichmann Trial: Changing Perspectives // Journal of Israeli History 23, 1 (2004), p. 18–39.

Israeli Identity in Transition / Ed. A. Shapira. Westport: Praeger, 2004.

The Seventh Day: Soldiers' Talk about the Six-Day War / Ed. A. Shapira. New York: Charles Scribner's Sons, 1970.

Tzahor Z. David Ben Gurion's Attitude towards the Diaspora // Judaism 32, 1 (1983), p. 9–21.

Yablonka H. The State of Israel vs. Adolf Eichmann. New York: Schocken, 2004.

Zerubavel Y. Recovered Roots: Collective Memory and the Making of Israeli National Tradition. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

Ha uerpume

Gertz N. Hirbet Hiz'ah vehaboker shelemohorat (Hirbet Hiz'ah and the Morning After). Bnei Brak: Hakibbutz Hameuhad, 1990.

Kadman N. Betzidei haderekh ubeshulei hatoda'a: dekhikat hakfarim ha'aravim shehitroknu be-1948 mehasiah hayisraeli (On the Roadside, On the Mind Side). Jerusalem: November Books, 2008.

Shaked G. Hasiporet ha'ivrit, 1880–1980, helek Dalet: behavlei hazman – harealizm hayisraeli – 1938–1980 (Hebrew Fiction: 1880–1980, Part Four, Israeli Realism). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 1993.

Stauber R. Halekah lador: shoah ugevura bamahshava hatziburit ba'aretz bishnot hahamishim (Lessons for the Generation: Holocaust and Heroism in Public Thinking in the 1950s). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2000.

Weiss Y. Wadi Salib: Hanokheah vehanifkad (Wadi Salib: A Confiscated Memory). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 2007.

Weitz Y. Ha'ish shenirtzah pa'amayyim: hayav, mishpato umoto shel Doctor Yisrael Kasztner (The Man Who Was Murdered Twice: The Life, Trial, and Death of Yisrael Kasztner). Jerusalem: Keter, 1995.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Keren M. Ben-Gurion and the Intellectuals. Illinois: Northern Illinois University Press, 1983.

Ohana D., Wistrich R. S. The Shaping of Israeli Identity. London: Frank Cass, 1995.

12. ПОЛИТИКА, МИР И ВОЙНА

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Bar-On M. The Gates of Gaza: Israel's Road to Suez and Back. New York: St. Martin Press, 1994.

Golani M. Israel in Search of a War: The Sinai Campaign, 1955–1956. Brighton: Sussex University Press, 1998.

Morris B. Israel's Border Wars, 1949–1956: Arab Infiltration, Israeli Retaliation and the Countdown to the Suez War. Oxford: Clarendon Press, 1993.

Oren M. B. Six Days of War: June 1967 and the Making of the Modern Middle East. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Shlaim A. The Iron Wall: Israel and the Arab World. New York: W. W. Norton, 2000.

На иврите

Assia I. Moked hasikhsukh: hama'avakal hanegev, 1947–1956 (The Heart of the Conflict: The Fight for the Negev, 1947–1956). Sdeh Boker, Jerusalem: Yad Ben-Zvi and the Ben-Gurion Heritage Institute, 1994.

Golani M. Tihye milhama bakayitz: Yisrael baderekh el milhemet Sinai, 1955–1956 (Israel in Search of War: The Sinai Campaign, 1955–1956). Tel Aviv: Ma'arakhot, 1997.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Политика

Bialer U. Top Hat, Tuxedo, and Cannons: Israeli Foreign Policy from 1948 to 1956 as a Field of Study // Israel Studies 7, 1 (2002), p. 1–80.

Война за воду

Lowi M. R. Water and Power: The Politics of a Scarce

Resource in the Jordan River Basin. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Morag N. Water, Geopolitics and State Building: The Case of Israel // Middle Eastern Studies 37, 3, (July 2001), p. 179–198.

13. ШЕСТЬ ДНЕЙ, ИЗМЕНИВШИЕ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Parker R. B. The Politics of Miscalculation in the Middle East. Bloomington: Indiana University Press, 1993.

Parker R. B. The Six-Day War. Jacksonville: University Press of Florida, 1997.

Oren M. B. Six Days of War: June 1967 and the Making of the Modern Middle East. New York: Oxford University Press, 2002.

На иврите

Bar-On M. Gvulot ashenim: iyyunim betoldot medinat Yisrael, 1948–1967 (Smoking Borders: Studies in the Early History of

the State of Israel, 1948–1967). Jerusalem: Yad Ben-Zvi and the Ben-Gurion Heritage Institute, 2001.

Shisha yamim – shloshim shana: mabat hadash al milhemet sheshet hayamim (Six Days – Thirty Years: New Perspectives on the Six-Day War) / Ed. A. Susser. Tel Aviv: Am Oved and the Yitzhak Rabin Center for Israel Studies, 1999.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Heika M. H. The Sphinx and the Commissar. London: Harper & Row, 1978.

Kerr M. The Arab Cold War: Gamal Abd al-Nasir and His Rivals. London: Oxford University Press, 1971.

Lawson F. Why Syria Goes to War: Thirty Years of Confrontation. Ithaca: Cornell University Press, 1996.

Ma'oz M. Syria and Israel. Oxford: Clarendon Press, 1995.

Mutawi S. Jordan in the 1967 War. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Внешнеполитические отношения Израиля

Brecher M. The Foreign Policy System of Israel. London: Oxford University Press, 1972.

Rafael G. Destination Peace: Three Decades of Israeli Foreign Policy: A Personal Memoir. London: Weidenfeld & Nicolson, 1981.

Биография и автобиография

Dayan M. Moshe Dayan: Story of My Life. New York: Warner Books, 1976.

Rabin Y. The Rabin Memoirs. Boston: Little, Brown, 1979.

Teveth S. Moshe Dayan. Jerusalem: Steimatzky's Agency, 1972.

14. ЭПОХА ЭЙФОРИИ, 1967–1973

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Chazan M. Goldmann's Initiative to Meet with Nasser in 1970 // Nahum Goldmann: Statesman without a State / Ed. M. A. Raider. Albany and Tel Aviv: SUNY Press and the Chaim Weizmann Institute for the Study of Zionism and Israel. Tel Aviv University, 2009, p. 297–324.

Quandt W. Decade of Decisions: American Policy toward the Arab-Israeli Conflict, 1967–1976. Berkeley: University of California Press, 1977.

Quandt W. Peace Process: American Diplomacy and the Arab-Israeli Conflict since 1967. Washington: Brookings Institution Press, 2001.

From June to October: The Middle East between 1967 and 1973 / Ed. I. Rabinovich, H. Shaked. New Brunswick: Transaction Books, 1978.

The Seventh Day: Soldiers Talk about the Six-Day War / Ed. A. Shapira. Tel Aviv: Steimatzky's Agency in association with Andre Deutsch Limited, 1970.

Ha uerpume

Gan A. Hasiah shegava? Tarbut hasihim kenisayon legabesh zehut meyahedet lador hasheni bakibbutzim (The Discourse That Died? The Culture of Discourse as an Attempt to Shape a Unifying Identity in Second-Generation Kibbutz Members). Doctoral dissertation supervised by Prof. Anita Shapira. Tel Aviv University, 2007.

Siah lohamim: pirkei hakshava vehitbonenut (The Seventh Day: Soldiers Talk about the Six-Day War) / Ed. A. Shapira. Tel Aviv: published privately by a group of young members of the kibbutz movement, 1968.

Teveth S. Kilelat haberakha (The Cursed Blessing). Jerusalem: Schocken, 1973.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Ajami F. The Arab Predicament: Arab Political Thought and Practice since 1967. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Barkai H. Economic Patterns in Israel since the Six-Day War. Jerusalem: Maurice Falk Institute of Economic Research in Israel, 1988.

Bar-Siman-Tov Y. Israel and the Peace Process, 1977–1982: In Search of Legitimacy for Peace. Albany: SUNY Press, 1994.

Eisenstadt S. N. Israeli Society. London: Weidenfeld & Nicolson, 1967.

Liebman C. Pressure without Sanctions: The Influence of World Jewry on Israeli Policy. Rutherford: Fairleigh Dickinson University Press, 1977.

Ma'oz M. Palestinian Leadership on the West Bank: The Changing Role of the Arab Mayors under Jordan and Israel. London: Frank Cass, 1984.

Война на истощение

Bar-Siman-Tov Y. The Israeli-Egyptian War of Attrition, 1969–1970. New York: Columbia University Press, 1980.

Korn D. Stalemate: The War of Attrition and Great Power

Diplomacy in the Middle East. Boulder: Westview Press, 1992.

Моше Даян

Dayan M. Moshe Dayan: Story of My Life. New York: Warner Books, 1976.

Teveth S. Moshe Dayan. London: Quartet Books, 1974.

«Черные пантеры»

Bernstein D. The Black Panthers of Israel, 1971–1972. Doctoral dissertation, University of Sussex, 1976.

Chetrit S. S. Intra-Jewish Conflict in Israel: White Jews, Black Jews. London, New York: Routledge, 2010.

15. ВОЙНА СУДНОГО ДНЯ, 1973

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Bregman A. Israel's Wars: A History since 1947. New York: Routledge, 2010.

The October War: A Retrospective / Ed. R. B. Parker. Gainesville: University Press of Florida, 2001.

Quandt W. B. Decade of Decisions: American Policy toward the Arab-Israeli Conflict, 1967–1976. Berkeley: University of California Press, 1977.

Quandt W. B. Peace Process: American Diplomacy and the Arab-Israeli Conflict since 1967. Washington: Brookings Institution Press, 2001.

Rabin Y. The Rabin Memoirs. Boston: Little, Brown, 1979.

From War to Peace: Arab-Israeli Relations, 1973–1993 / Ed. B. Rubin, J. Ginat, M. Ma'oz. Brighton: Sussex Academic Press, 1994.

Schiff Z. October Earthquake: Yom Kippur 1973. Tel Aviv: University Pub. Projects, 1974.

Ha uvpume

Bergman R., Meltzer G. Zman emet, milhemet Yom Kippur (Moment of Truth: The Yom Kippur War). Tel Aviv: Yedioth Ahronoth, 2003.

Trauma leumit: milhemet Yom Hakippurim aharei shloshim shana ve'od milhama (National Trauma: The Yom Kippur War: A Retrospective of Thirty Years and Another War) / Ed. M. Shemesh, Z. Drori. Sdeh Boker: Ben-Gurion Research Institute, 2008.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Golan S. The Yom Kippur War // A Never-Ending Conflict: A Guide to Israeli Military History / Ed. M. Bar-On. London: Praeger, 2004, p. 159–178.

Moore J. N. The Arab-Israeli Conflict: Readings and Documents. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Биографии, автобиографии и мемуары

Dayan M. Moshe Dayan: Story of My Life. New York: Warner Books, 1976.

Heikal M. The Road to Ramadan. London: Collins, 1975.

Herzog C. The War of Atonement. London: Weidenfeld & Nicolson, 1975.

Jamasi M. Abd al-Ghani. The October War: Memoirs of Field Marshal El-Gamasy of Egypt. Cairo: American University in Cairo Press, 1993.

Kissinger H. The White House Years. London: Weidenfeld & Nicolson, 1979. (*Киссинджер Г.* Годы в Белом доме / Г. Киссинджер. – Москва: AST Publishers, Т. 1 и Т. 2)

Kissinger H. Years of Upheaval. Boston: Little, Brown, 1982.

Meir G. My Life. London: Weidenfeld & Nicolson, 1975. (*Меир Г.* Моя жизнь / Г. Меир. – Москва: Мосты культуры,

2017. – 472 с.)

Al-Sadat A. In Search of Identity: An Autobiography. New York: Harper & Row, 1978.

Shazly S. The Crossing of Suez: The October War, 1973. San Francisco: American Mideast Research, 1980.

Teveth S. Moshe Dayan. Jerusalem: Steimatzky's Agency, 1972.

Организация освобождения Палестины

Cobban H. The Palestine Liberation Organisation: People, Power, and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Sela A., Ma'oz M. The PLO and Israel. New York: St. Martin's Press, 1997.

16. ИЗРАИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОСЛЕ ВОЙНЫ СУДНОГО ДНЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Horowitz D., Lissak M. Trouble in Utopia: The Overburdened Polity of Israel. New York: State University of New York Press, 1989.

Rabin Y. The Rabin Memoirs. Boston: Little, Brown, 1979.

Slater R. Rabin of Israel. London: Robson Books, 1977.

Smootha S., Cibulski O. Social Research on Arabs in Israel. Haifa: University of Haifa, 1987.

На иврите

Goldstein Y. Rabin: biografia (Rabin: A Biography). Jerusalem, Tel Aviv: Schocken, 2006.

Ra'anan Z. Gush emunim. Tel Aviv: Sifriat Hapoalim, 1980.

Rekhess E. Hami'ut ha'aravi beYisrael: bein communism leleumiyut aravit, 1945–1991 (The Arab Minority in Israel: between Arab nationalism and Zionism, 1945–1991).

Between Communism and Arab Nationalism, 1945–1991). Tel Aviv: Moshe Dayan Center for Middle Eastern and African Studies, Tel Aviv University; Hakibbutz Hameuhad, 1993.

Rubinstein D. Mi lashem elai: gush emunim (On the Lord's Side: Gush Emunim). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 1982.

Shafat G. Gush emunim: hasippur me'akhorei hakla'im (Gush Emunim: The Story behind the Scenes). Beit-El: Beit-El Library Publications, 1995.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Barkai H. Economic Patterns in Israel since the Six Day War. Jerusalem: Maurice Falk Institute for Economic Research in Israel, 1988.

Гуш Эмуним и религиозный сионизм

Feige M. Settling in the Hearts: Jewish Fundamentalism in the Occupied Territories. Detroit: Wayne State University Press, 2009.

Ish S. Benjamin, The World of Rav Kook's Thought. New York: Avi Chai, 1991.

Автобиографии

Dayan M. Moshe Dayan: Story of My Life. New York: Warner Books, 1976.

Kissinger H. The White House Years. London: Weidenfeld & Nicolson, 1979. (*Киссинджер Г.* Годы в Белом доме / Г. Киссинджер. – Москва: AST Publishers, Т. 1 и Т. 2)

Kissinger H. Years of Upheaval. Boston: Little, Brown, 1982.

Meir G. My Life. London: Weidenfeld & Nicolson, 1975. (*Меир Г.* Моя жизнь / Г. Меир. – Москва: Мосты культуры, 2017. – 472 с.)

17. БЕГИН У ВЛАСТИ

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Oz A. In the Land of Israel. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1983.

Oz A. The Slopes of Lebanon. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1989.

На иврите

Barnea N. Yorim ubokhim: Al politikaim, generalim, itonaim ve'od ohavei atzmam (They Shoot and They Cry). Tel Aviv: Zmora Bitan Modan, 1981.

Elon A. Habet ahora bivehala mesuyemet: Rishumin me'Eretz Yisrael usevivoteha (Looking Back in Consternation). Tel Aviv: Am Oved, 1988.

Gur B. Mikvish hara'av smola (The Hunger Road). Jerusalem: Keter, 1990.

Megged A. Ezor hara'ash (The Earthquake Zone). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 1985.

Preuss T. Begin bashilton (Begin in Power). Jerusalem: Keter, 1984.

Yavin C. Over masakh (Telegenic). Tel Aviv: Yedioth Ahronoth, 2010.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Мирный процесс с Египтом

Dayan M. Breakthrough: A Personal Account of the Egypt-Israel Peace Negotiations. New York: A. A. Knopf, 1981.

Haber E., Ya'ari E., Schiff Z. The Year of the Dove. Toronto, New York: Bantam Books, 1979.

Quandt W. B. Camp David: Peacemaking and Politics. Washington: Brookings Institution, 1986.

Weizmann E. The Battle for Peace. Toronto. New York: Bantam Books, 1981.

«Мир сейчас»

Bar-On M. In Pursuit of Peace: A History of the Israeli Peace Movement. Washington: United States Institute of Peace Press, 1996.

Herman T. The Israeli Peace Movement: A Shattered Dream. New York: Cambridge University Press, 2009.

Атака на иракский ядерный реактор

Nakdimon S. First Strike. New York: Summit Books, 1987.

Ливанская война 1982 года

Schiff Z. Ya'ari Ehud. Israel's Lebanon War. New York: Simon & Schuster, 1984.

Литература

Kenan A. The Road to Ein Harod. New York: Grove Press, 1988.

Oz A. Black Box. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich, 1988.

Shalev M. The Blue Mountain. New York: Aaron Asher Books, 1991.

«Ситуация»

Grossman D. The Yellow Wind. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1988.

Автобиография и воспоминания

Brzezinski Z. Power and Principle: Memoirs of the National Security Adviser, 1977–1981. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1985.

Carter J. Keeping Faith: Memoirs of a President. Fayetteville: University of Arkansas Press, 1995.

El-Sadat A. In Search of Identity: An Autobiography. New York: Harper & Row, 1978.

18. УПУЩЕННЫЕ ГОДЫ. МЕНЯЮЩАЯСЯ ИЗРАИЛЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, 1984–1990

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Appelfeld A. Badenheim 1939. Boston: D. R Godine, 1980.

Appelfeld A. Katerina. New York: Random House, 1992.

Be'er H. Feathers. Waltham: Brandeis University Press, 2004.

The Israeli Economy, 1985–1998: From Government Intervention to Market Economics / Ed. A. Ben-Basat. Cambridge: MIT Press, 2002.

The Israeli Economy: Maturing through Crises / Ed. Y. Ben-Porath, N. Halevi. Cambridge: Harvard University Press, 1986.

Grossman D. The Yellow Wind. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1988.

Grossman D. See Under: Love. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1989.

Matalon R. The One Facing Us, New York: Henry Holt, 1998.

Nusseibeh S., David A. Once upon a Country: A Palestinian Life. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2007.

Rabinyan D. Persian Brides. New York: George Braziller, 1998.

Rabinyan D. Strand of a Thousand Pearls. New York: Random House, 2001.

Ravitzky A. Messianism, Zionism, and Jewish Religious Radicalism. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

Schiff Z., Ya'ari E. Intifada: The Palestinian Uprising – Israel's Third Front. New York: Simon & Schuster, 1991.

Segal H. Dear Brothers: The West Bank Jewish Underground. Woodmere: Beit Shamai Publications, 1988.

Shabtai Y. Past Continuous. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1985.

Shalev A. The Intifada: Causes and Effects. Boulder: Westview Press, 1991.

Shamir Y. Summing Up: An Autobiography. Boston: Little, Brown, 1994.

Ha uerpume

Appelfeld A. Badenheim 1939. Boston: D. R. Godine, 1980.

Appelfeld A. Mikhvat ha'or (Searing Light). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 1980.

Appelfeld A. Hakutonet vehapasim (The Shirt and the Stripes). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 1983.

Be'er H. Et hazamir (A Time for Trimming). Tel Aviv: Am Oved, 1987.

The Israeli Economy: Maturing through Crises / Ed. Y. Ben-Porath, N. Halevi. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986

Ben-Porath Y. Hameshek hayisraeli: hevlei tzmiha (The Israeli Economy: Growth Pangs). Tel Aviv: Am Oved, 1989.

Cohen A. Hatallit vehadegel: hatzionut hadatit vehazon medinat hatorah biyemei reshit hamedina (The Tallith and the Flag: Religious Zionism and the Vision of the Torah State during the Early Days of the State). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 1998.

Milhemet levanon vehashpa'ata al hahevra vehapolitika hayisraelit (The Lebanon War and Its Effect on Israeli Society and Politics) / Ed. E. Don-Yehiya. Ramat Gan: Bar-Ilan University, 2002.

Friedman M. Hahevra haharedit (The Ultra-Orthodox Society). Jerusalem: Jerusalem Institute for Israel Studies, 1991.

Greenberg Y. Anatomia shel mashber yadua merosh: krisat hevrat ha'ovdim bishnot ha-80 (Anatomy of a Crisis Foretold: The Collapse of Labor-Owned Enterprises in the 1980s). Tel Aviv: Am Oved, 2004.

Grossman D. Sefer hadikduk hapenimi (The Book of Intimate Grammar). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 1991.

Dat uleumiut beYisrael uvamizrah hatikhon (Religion and Nationalism in Israel and the Middle East) / Ed. N. Horowitz. Tel Aviv: Am Oved, 2002.

Tarbut hapenai beYisrael: temurot bidfusei hape'ilut hatarbutit, 1970–1990 (Leisure Culture in Israel: Changes in

Types of Cultural Activity, 1970–1991) / Ed. E. Katz, et al. Jerusalem: Guttman Institute for Applied Social Research, 1992.

Kenaz Y. Hitganvut yehidim (Infiltration). Tel Aviv: Am Oved, 1988.

Kenaz Y. Mahzir ahavot kodmot (Returning Lost Loves). Tel Aviv: Am Oved, 1997.

Mali Y. Milhamot, mahapekhot, vezehut dorit (Wars, Revolutions, and Generational Identity). Tel Aviv: Am Oved, 2001.

Hatenua haleumit hapalestinit: mi'imut lehashlamah? (The Palestinian National Movement: From Confrontation to Reconciliation?) / Ed. M. Ma'oz, B. Kedar. Tel Aviv: Ministry of Defense, 1996.

Mautner M. Shnot hashmonim – shnot haharada (The 1980s – Years of Anxiety) // *Iyunei mishpat* 26, 2 (November 2002). Ramot, p. 645–736.

Mautner M. Mishpat vetarbut beYisrael bfetah hame'a ha'esrim ve'ahat (Law and Culture in Israel at the Threshold of the Twenty-first Century). Tel Aviv: Am Oved, 2008.

Megged A. Ezor hara'ash (The Turbulent Zone). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 1985.

Modai Y. Mehikat afasim (Erasing Zeros). Tel Aviv: Idanim, 1988.

Nissim L. Harediut rakah: hithadshut datit bayahadut hamizrahit (Soft Ultra-Orthodoxy: Religious Renewal in Oriental Jewry in Israel). Jerusalem: Yad Ben-Zvi, 2009.

Rabinyan D. Simtat haskediot be'Oumnjan (Persian Brides). Tel Aviv: Am Oved, 1995.

Rabinyan D. Hahatunot shelanu (Our Weddings). Tel Aviv: Am Oved, 1999

Hahevre hayisraelit: hebetim bikortiim (Israeli Society: Critical Perspectives) / Ed. U. Ram. Tel Aviv: Breirot, 1993.

Ravitzky A. Haketz hameguleh umedinat hayehudim: meshihiut, tzionut, veradikalism dati beYisrael (The Revealed End: Messianism, Zionism, and Jewish Religious Radicalism in Israel). Tel Aviv: Am Oved, 1993.

Ravitzky A. Shas: hebetim tarbutiim vera'ayoniim (Shas: Cultural and Ideological Perspectives). Tel Aviv: Am Oved, 2006.

Rekhess Eli. Hamiut ha'aravi beYisrael: bein communism leleumiut aravit (The Arab Minority in Israel: Between Communism and Arab Nationalism). Tel Aviv: Hakibbutz Hameuhad, 1993.

Rosen-Zvi A. Medina yehudit vedemokratit: abahut ruhanit, nikur, vesimbioza – ha'efshar lerabe'a et hama'agal? (A Jewish and Democratic State: Spiritual Parenthood, Alienation, and Symbiosis – Can We Square the Circle?) // *Iyunei mishpat* 19, 3 (1995). Ramot, p. 479–519.

Segal Haggai. Ahim yekarim: korot hamakhteret hayehudit (Dear Brothers: The West Bank Jewish Underground). Jerusalem: Keter, 1987.

Sheleg Yair. Hadatiim hahadashim: mabat akhshavi al hahevre

hadatit biYisrael (The New Religious Jews). Jerusalem: Keter, 2000.

Yehoshua A. B. Hakir vehahar (The Wall and the Mountain). Tel Aviv: Zmora-Bitan, 1989.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Безопасность, общество и идентичность

Khalidi R. Palestinian Identity. New York: Columbia University Press, 1997.

Leibowitz Y. Judaism, Human Values, and the Jewish State. Cambridge: Harvard University Press, 1995.

Liebman C. S. Pressure without Sanctions: The Influence of World Jewry on Israeli Policy. Rutherford: Fairleigh Dickinson University Press, 1976.

Mishal S., Aharoni R. Speaking Stones: Communiqués from the Intifada Underground. Syracuse: Syracuse University Press, 1994.

The Middle East: Ten Years after Camp David / Ed. W. B. Quandt. Washington, Brookings Institution, 1988.

Quandt W. B. Peace Process: American Diplomacy and the Arab-Israeli Conflict since 1967. Washington: Brookings Institution Press, 2005.

Rubinstein A. The Zionist Dream Revisited: From Herzl to Gush Emunim and Back. New York, Schocken Books, 1984.

19. ДЕСЯТИЛЕТИЕ НАДЕЖДЫ, 1990–2000

БИБЛИОГРАФИЯ

Hertzog E. Immigrants and Bureaucrats: Ethiopians in an Israeli Absorption Center. New York: Berghahn Books, 1999.

Indyk M. Innocent Abroad: An Intimate Account of American Peace Diplomacy in the Middle East. New York: Simon & Schuster, 2009.

Miller A. D. The Much Too Promised Land: America's Elusive Search for Arab-Israeli Peace. New York: Bantam Books, 2008.

Peres Y., Ben Rafael E. Is Israel One? Religion, Nationalism, and Multiculturalism Confounded. Leiden, Boston: Brill, 2005.

Rabinovich I. The Brink of Peace: The Israeli-Syrian Negotiations. Princeton: Princeton University Press, 1998.

Rabinovich I. Waging Peace: Israel and the Arabs, 1948–2003. Princeton: Princeton University Press, 2004.

Ross D. The Missing Peace: The Inside Story of the Fight for Middle East Peace. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2005.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Политика, общество и культура

Arian A. The Second Republic: Politics in Israel. Chatham: Chatham House, 1998.

Deshen S., Liebman C. S., Shokeid M. Israeli Judaism: The Sociology of Religion in Israel. New Brunswick: Transaction Books, 1995.

Jews in Israel: Contemporary Social and Cultural Patterns / Ed. U. Rebhun, C. I. Waxman. Hanover: Brandeis University Press, 2004.

Smootha S. Israel: Pluralism and Conflict. Berkeley: University of California Press, 1978.

Israeli Democracy under Stress / Ed. E. Sprinzak, L. Diamond. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1993.

Мирный процесс, арабы, безопасность

Heller M. A., Nusseibeh S. No Trumpets, No Drums: A Two-State Settlement of the Israeli-Palestinian Conflict. New York: Hill and Wang, 1993.

Peres S. Battling for Peace: A Memoir. London: Orion Books,

1995.

Rabinovich I., Reinharz J. Israel in the Middle East: Documents and Readings on Society, Politics, and Foreign Relations, Pre-1948 to the Present. Waltham: Brandeis University Press, 2008.

Smooha S. Arabs and Jews in Israel. Boulder: Westview Press, 1992.

Иммиграция в 1990-е годы

Russian Jews on Three Continents: Identity, Integration, and Conflict / Ed. L. Remennick. London: Frank Cass, Cummings Center Series, 1997.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ

БИБЛИОГРАФИЯ

На английском языке

Ahad H. Essays. Letters, Memoirs. Oxford: East and West Library, 1946.

Gellner E. Nations and Nationalism. Ithaca: Cornell

University Press, 2006.

Herzl T. The Diaries of Theodor Herzl. New York: Grosset & Dunlap, 1962.

Shapira A. Land and Power: The Zionist Resort to Force, 1881–1948. Oxford, New York: Oxford University Press, 1992.

Shapira A. Ahad Ha'am: The Politics of Sublimation // Studies in Contemporary Jewry, 11 (1995), p. 205–214.

На иврите

Ahad H. Kol kitvei Ahad Ha-am (Собрание сочинений Ахада ха-Ама). Tel Aviv: Dvir, 1947.

Herzl B. Hayoman (Дневник). Tel Aviv: M. Newman, 1960.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЧТЕНИЕ

Avineri S. The Making of Modern Zionism: The Intellectual Origins of the Jewish State. London: Weidenfeld & Nicolson, 1981.

Laqueur W. A History of Zionism. New York: Schocken Books, 1976.; перевод на русский язык: *Лакер В.* История сионизма. – М.: Крон-Пресс, 2000. – 848 с.

Shimoni G. The Zionist Ideology. Hanover: Brandeis University Press, 1995.

Stanislawski M. Zionism and the Fin-de-Silcle. Berkeley:

University of California Press, 2001.

Troe I. S. Imagining Zion: Dreams, Designs, and Realities in a Century of Jewish Seettlement. New Haven: Yale University Press, 2003.

Vital D. The Origins of Zionism. Oxford: Clarendon Press, 1975.

Vital D. Zionism: The Formative Years. Oxford: Clarendon Press, 1982.

Vital D. Zionism: The Crucial Phase. Oxford: Clarendon Press, 1987.

Евреи Европы в новейшей истории

Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Frankel J., Zipperstein S. Assimilation and Community: The Jews in Nintteenth-Century Europe. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Katz J. Tradition and Crisis: Jewish Society at the End of the Middle Ages. New York: Schocken Books, 1971.

Katz J. Out of the Ghetto: The Social Background of Jewish Emancipation, 1770–1870. Cambridge: Harvard University Press, 1973.

Mendelsohn E. Class Struggle in the Pale: The Formative Years of the Jewish Workers' Movement in Tsarist Russia.

Cambridge: Cambridge University Press, 1970.

Opalski M., Bartal I. Poles and Jews: A Failed Brotherhood. Hanover: Brandeis University Press, 1992.

Современный антисемитизм

Almog S. Nationalism and Antisemitism in Modern Europe. Oxford, Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, Pergamon Press, 1990.

Laqueur W. The Changing Face of Antisemitism: From Ancient Times to the Present Day. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Национализм и романтизм

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991.; русский перевод: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

Berlin I. The Roots of Romanticism. Princeton: Princeton University Press, 1999.

Hobsbawm E. J. Nations and Nationalism since 1780. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; русский пере-

вод Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильев. – СПб.: Алетейа, 1998. – 307 с.

Mosse G. L. Confronting the Nation: Jewish and Western Nationalism. Hanover: Brandeis University Press, 1993.

Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford, New York: Blackwell, 1986.

Библия и еврейский национализм

Shapira A. The Bible and Israeli Identity // AJS Review 28, 1 (2004), p. 11–41.

Биографии

Bein A. Theodore Herzl: A Biography. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1941.

Elon A. Herzl. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1975.

Pawel E. The Labyrinth of Exile: A Life of Theodor Herzl. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1989.

Zipperstein S. Elusive Prophet: Ahad Hasam and the Origins of Zionism. Berkeley: University of California Press, 1993.

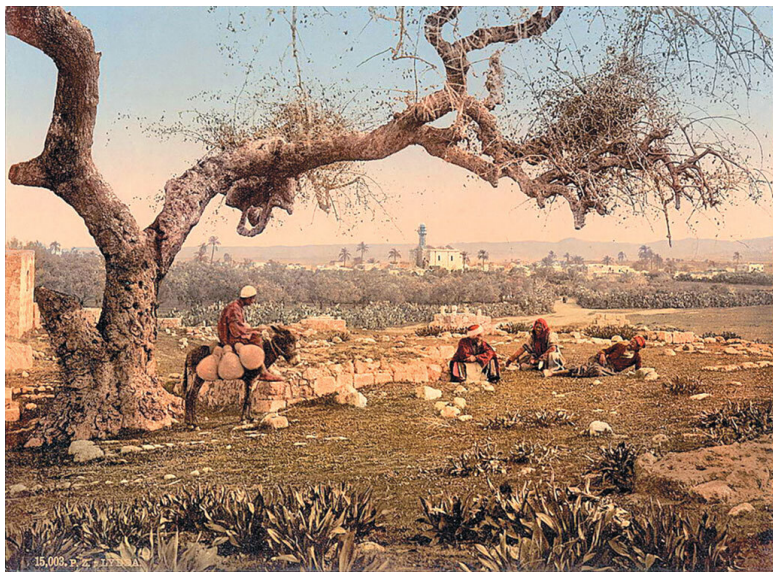
Источники и справочники

Penslar D., Kaplan E. The Origins of Israel, 1881–1948: A

Documentary History. Madison: University of Wisconsin Press, 2011.

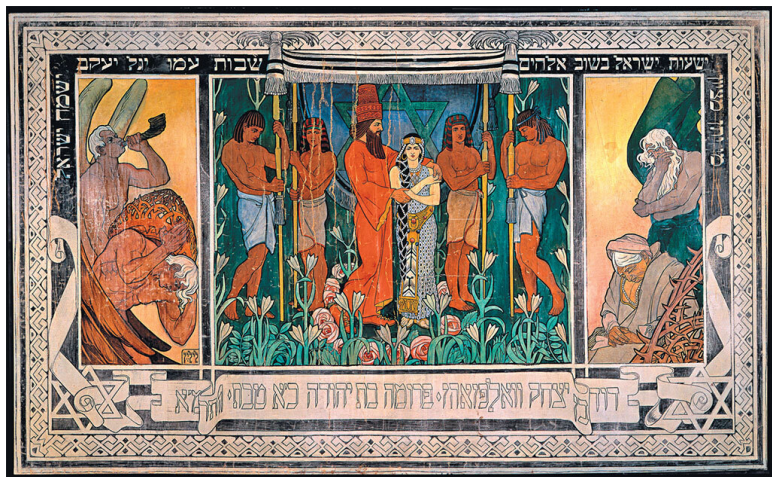
Reinharz J., Shapira A. Essential Papers on Zionism. New York: New York University Press, 1996

Фотографии

Вид на город Лидда (сейчас – Лод), 1890–1900 гг. ©

Wikimedia Commons

Триптих «Аллегорическая свадьба». Эскиз ковра, посвященного Дэвиду Вольфсону и его жене (Эфраим Моше Ли-лиен, 1906 г.). © *Wikimedia Commons*

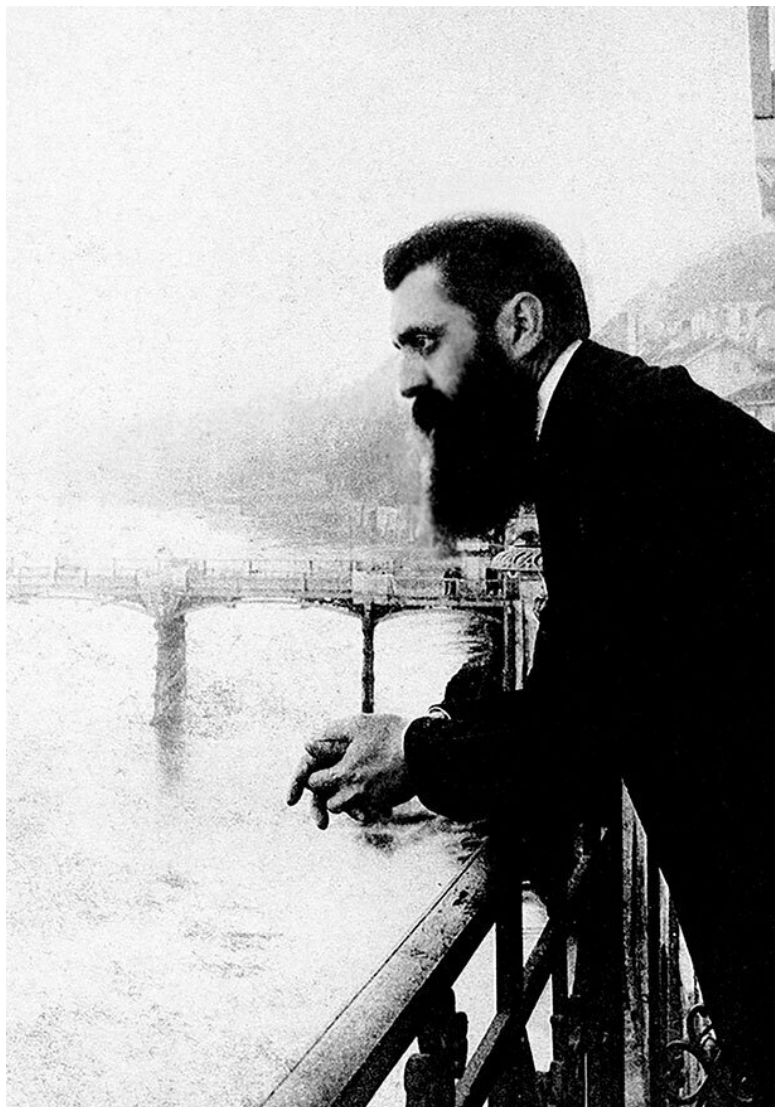

Иегуда Лейб Гордон, поэт эпохи Еврейского Возрожде-

ния. © *Wikimedia Commons*

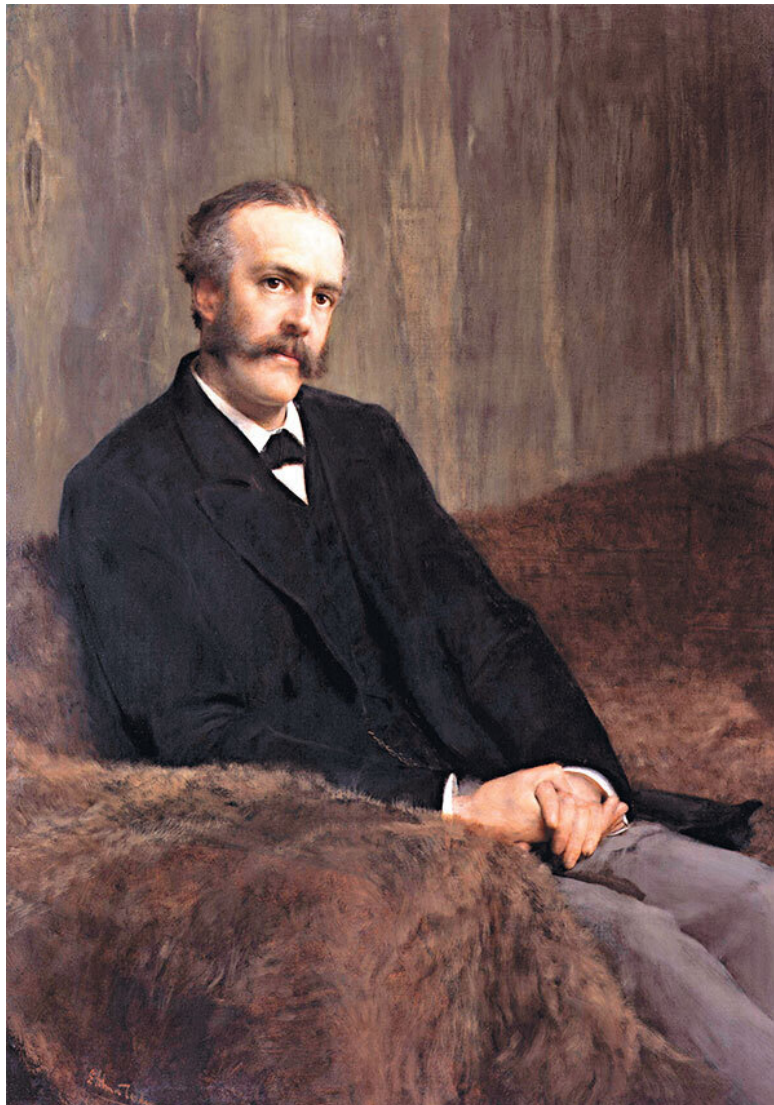
Теодор Герцль на Первом сионистском конгрессе в Базеле
25 августа 1897 г. © *Wikimedia Commons*

Теодор Герцль на балконе в отеле «Три короля» (Les Trois Rois) в Базеле, вероятно, во время Шестого сионистского конгресса (1903 г.). Фотограф – Эфраим Моше Лилиен. © *Wikimedia Commons*

Элиэзер Бен-Иегуда и его жена Хемда (Яков Бен-Дов, между 1918 и 1923 гг.). © *Wikimedia Commons*

Портрет Артура Джеймса Бальфура (Лоуренс Альма-Тадма, 1891 г.). © *Wikimedia Commons*

Элиэзер Бен-Иегуда в своем доме в районе Тальпиот, Иерусалим (Яков Бен-Дов, между 1918 и 1923 гг.). © *Wikimedia Commons*

Представление в киббуце Гиват-ха-Шлоша, между 1930 и 1940 гг. © *Wikimedia Commons*

Женщина работает в апельсиновой роще, кибуц Наан, июль 1938 г. © *Wikimedia Commons*

Сбор хлопка в кибуце Шамир, ок. 1958 г. © *Wikimedia Commons*

Пальмах, иммиграция в Израиль, 1947 г. © *Wikimedia Commons*

Иерусалим в европейский День Победы, 8 мая 1945 г. ©
Wikimedia Commons

Бен-Гурион оглашает Декларацию независимости Израиля под портретом Теодора Герцля, 14 мая 1948 г. © *Wikimedia Commons*

Нарисованный чернилами флаг Израиля развевается в Эйлате над заливом Акаба на севере Красного моря, 10 марта 1949 г. © *Wikimedia Commons*

Израильские десантники у Стены Плача, июнь 1967 г. ©

Wikimedia Commons

Израильские солдаты разведывательных отрядов во время

Шестидневной войны, 1967 г. © *Wikimedia Commons*

Премьер-министр Израиля Менахем Бегин произносит речь, прибыв в США с государственным визитом, 1978 г. ©

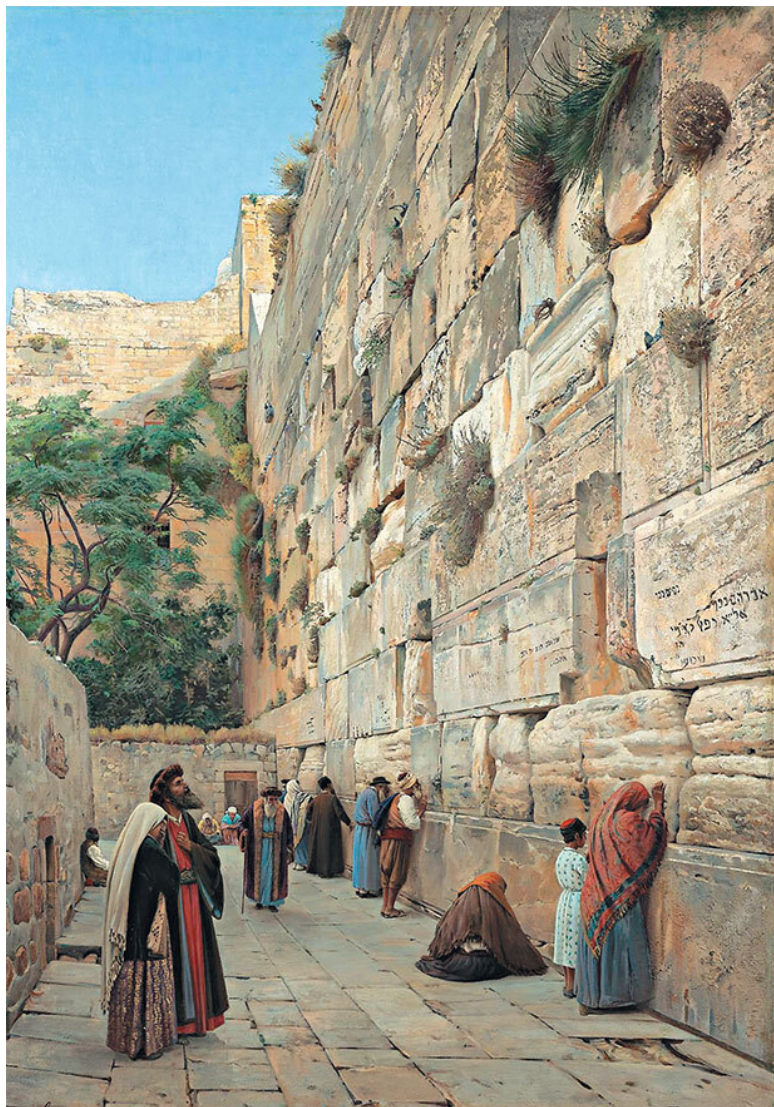
Wikimedia Commons

Президент Рональд Рейган, Нэнси Рейган, Менахем Бегин и Матти Мило на государственном ужине в честь премьер-министра Израиля, 9 сентября 1981 г. © *Wikimedia Commons*

Операция «Буря в пустыне», 21 марта 1991 г. © *Wikimedia Commons*

Стена Плача (Густав Бауэрфайнд, 1887 г.). © *Wikimedia Commons*